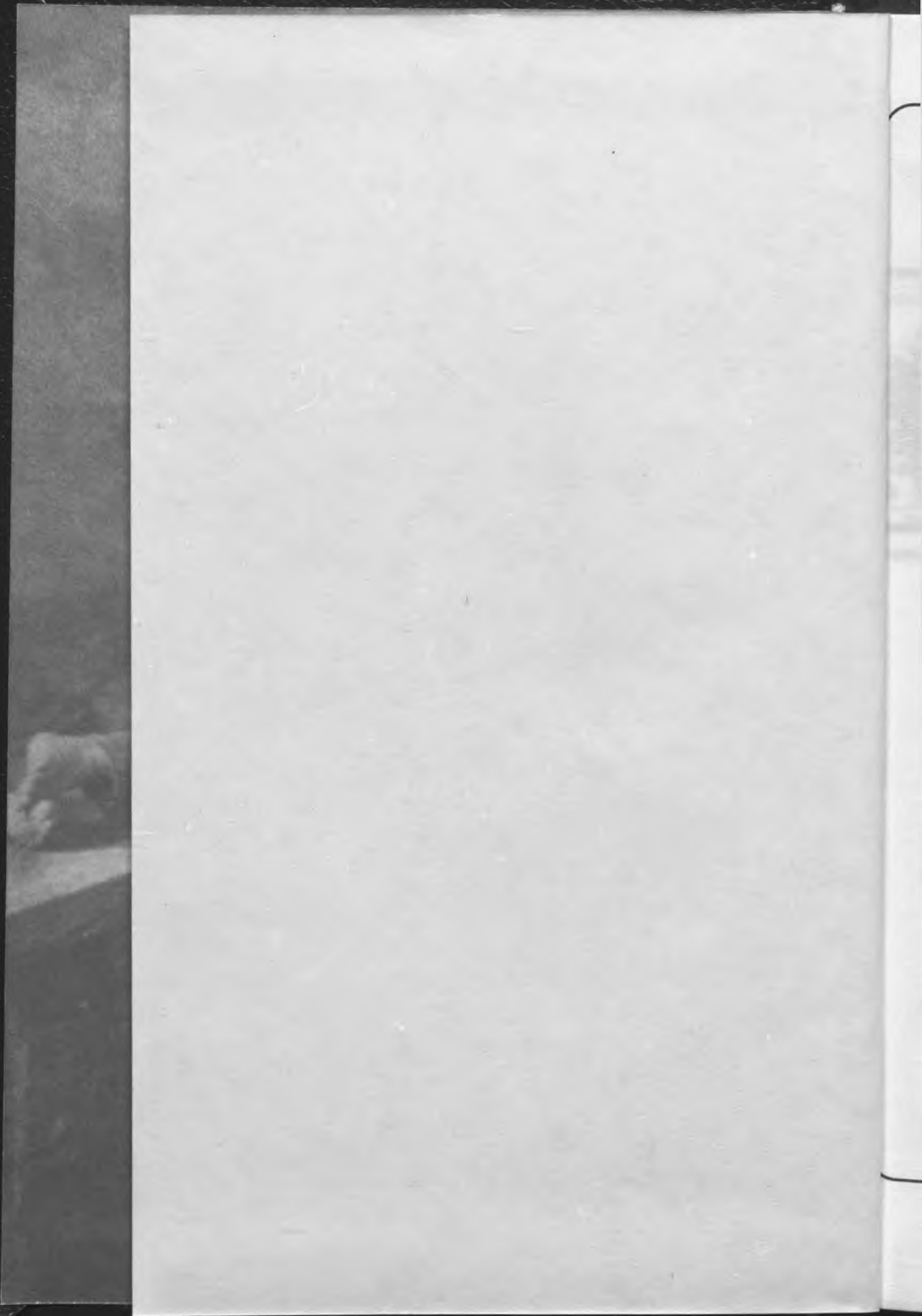

3B

кр

Топография,
фольклор

кр
2008

Энциклопедия
земли ВЯТСКОЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
КУЛЬТУРЫ И НАСЛЕДИЯ
ВЯТСКОЙ ОБЛАСТИ

Откуда мы родом?

кр

Этнография, фольклор

КР
2008

ЭВ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

**ТОМ
ВОСЬМОЙ**

ОБЛАСТНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1998

М921423

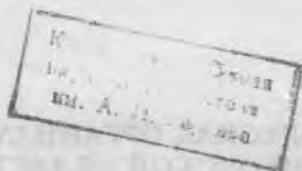

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Г. А. ПЕНТЕГОВ, В. А. НИКОНОВ, В. А. СИТНИКОВ,
Н. Г. ПРОТОПОПОВ, В. В. ВТЮРИН, С. П. ЗИМОНИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. А. СИТНИКОВ (председатель),
Н. И. ПЕРМИНОВА (заместитель),
В. А. БЕРДИНСКИХ, Г. Г. КИСЕЛЕВА, С. П. КОКУРИНА,
В. А. ПОЗДЕЕВ, В. Ф. ПОНОМАРЕВ, В. К. СЕМИБРАТОВ,
А. Н. СОЛОВЬЕВ, А. Г. ТИНСКИЙ

Составитель В. А. ПОЗДЕЕВ
Редактор В. И. МОРОЗОВ
Художник А. М. КОЛЧАНОВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ
Том 8. Этнография, фольклор

ББК $\frac{92 + 63.5(2P-4Ki) + 82.3(2P-4Ki)}{Э68}$

ISBN 5-85271-103-9

© Областная писательская
организация. 1998

ЕБН128М

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА — НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

(От составителя)

Дорогие читатели! Открывая очередной том «Энциклопедии земли Вятской», вы прикасаетесь к малой частице нашей богатой, многовековой культуры. Это культура наших предков. Ее традиции проявляются в разных аспектах жизни. Жилище, еда, одежда, родственные связи, праздники и обычаи, поведение и этикет — все это наша культура, основа которой закладывалась много веков назад. В нашем быту сохранились и языческие, и христианские верования, которые так переплелись сегодня, что мы подчас не разделяем, не улавливаем их генетических истоков. Но жизнь не останавливается: привычное уступает новому, появляются новые праздники, новые традиции, а с ними изменяются и жанры устного народного творчества.

Настоящий том представляет историю вятской народной культуры: этногенез, этнографию, язык и фольклор.

Пожалуй, самой сложной проблемой современной истории является этногенез (происхождение народов). Появление и расселение человека на территории нашего региона происходило давно, и самыми достоверными источниками этого процесса являются лишь археологические находки. На их основе возможна реконструкция ранней этнической истории: определение этнического состава поселенцев, их занятий, материальной и духовной культуры. Второй аспект этногенеза — это различные процессы при формировании этносов: миграционные, ассимиляционные, аккультурационные, интеграционные и др.

Эпоха русской колонизации Вятской земли имеет много загадочного, неизученного: откуда появилось название «Вятка», почему есть названия «вятчане» и «вятичи», какие отношения были между первыми русскими и аборигенным населением, как этот процесс влиял на этногенез. Вятская земля — это регион, где совместно стали проживать славянские, финно-угорские и тюркоязычные этносы. Естественно, такие тесные контакты наложили отпечаток как на материальную, так и на духовную культуру.

Язык народа помогает в расшифровке путаных мест этнической истории, потому что сохранил многие архаические элементы. Через этнонимы, топонимы, гидронимы можно уяснить, как протекали этнические процессы. Изучение диалектов позволяет видеть, как функционирует язык в различных временных и пространственных границах.

Изучение этнографии Вятского края позволяет отметить, что интеграционные процессы наиболее ярко проявились в области материальной культуры. Это нашло отражение в типах поселений, жилищ, хозяйственных построек, занятиях населения, одежде и пище, хотя, естественно, многое осталось оригинальным, глубоко самобытным.

Внешний облик «вятского человека» неотделим и от типа поведения, его психологии — эти аспекты вырисовываются из всей совокупности представленных материалов. Однако, к большому сожалению, здесь отдельно не представлены интереснейшие и важнейшие аспекты этногенеза — антропологические и этнопсихологические исследования.

При составлении настоящего тома мы не охватили многие аспекты материальной и духовной жизни других народов, населяющих наш край. Известно, что в соседних республиках проводятся археологические, историко-этнографические и фольклористические исследования, выходят фундаментальные монографии, в которых комплексно представлены проблемы этих народов, и дублировать их при малом объеме настоящего тома, на наш взгляд, нет необходимости.

История Вятского края неразрывно связана с историей нашей Родины, с ее светлыми и печальными страницами. Это не только свод фактов и дат,

но единство, в котором материальное и духовное начала неразрывно связаны. Язык, обряды и произведения народного творчества дополняют, а в некоторых случаях уточняют взгляд народа на ту или иную сторону жизни. Археологические и этнографические материалы дают возможность наглядно представить исторический быт наших предков.

Выражаем признательность сотрудникам Кировского государственного краеведческого музея, краеведческого отдела областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, Государственного архива Кировской области, областного Дома народного творчества, преподавателям и сотрудникам Лаборатории диалектологии и фольклора Вятского государственного педагогического университета, кафедры русского народного творчества Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, принявшим участие в подготовке настоящего тома. Выражаем благодарность за научные консультации и рекомендации доценту кафедры русского языка ВГПУ В. Г. Долгушеву, кандидату исторических наук, зам. директора по научной работе областного краеведческого музея И. Ю. Трушковой, главному редактору «Вятского епархиального вестника» В. К. Семибратову, доценту кафедры русского народного творчества А. А. Ивановой, зав. отделом краеведческой литературы областной научной библиотеки им. Герцена Н. П. Гурьяновой.

* * *

Фольклорные тексты даются по изданиям или из архивов с указанием фамилии, имени и отчества исполнителя, его года рождения или возраста, места и года записи, кем записан текст. Некоторые тексты приводятся с фонетическими особенностями, и хотя такое воспроизведение несколько затрудняет восприятие, однако они ценны как образцы местного говора. В статье «Народный календарь» даты указаны по старому стилю, а в подборке «Народный месяцеслов» первая дата по старому стилю, а вторая — по новому, в других статьях даты оговариваются в примечаниях. Перевод старых единиц измерения дается в примечаниях к соответствующим статьям.

В томе наиболее часто употребляются сокращения:

ВГВ	«Вятские губернские ведомости»;
ВЕВ	«Вятские епархиальные ведомости»;
ЖС	«Живая старина»;
ЭО	«Этнографическое обозрение»;
ТВУАК	«Труды Вятской ученой архивной комиссии»;
ГАКО	Государственный архив Кировской области;
КОКМ	Кировский областной краеведческий музей;
КОМК	Фонды Кировского областного музея краеведения;
ПКВГ	Памятная книжка и календарь Вятской губернии.

В. Поздеев

* * *

Документы Государственного архива Кировской области (ГАКО) подготовлены к публикации в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Они снабжены заголовками, имеются сведения об авторе, дате составления и подлинности документов, даны текстуальные примечания и комментарии. В конце каждого источника — ссылка на его местонахождение в архиве.

Архивные документы для тома «Этнография и фольклор» подготовили научные сотрудники ГАКО Г. А. Земцова, Е. И. Пакина, Р. С. Шиляева.

I. НАШИ ДРЕВНИЕ КОРНИ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Л. А. СЕННИКОВА

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ДРЕВНОСТИ

Характеризуя древние периоды истории того или иного региона, невозможно обойтись без археологических материалов, которые дают познания о материальной культуре и некоторых социальных переменах. Исследования по первобытной истории человечества касаются, как правило, обширных территорий всего земного шара и с определенным допуском могут быть соотнесены с конкретной территорией или регионом, если там не происходили процессы формирования ранних человеческих коллективов. Да и вопросы первобытной истории связаны в основном с проблемами становления человечества как вида.

Археологическая наука выработала свои специфические научные понятия, определения, методы описания и характеристики памятников. Специалисты-археологи и те исследователи, которые занимаются близкими смежными проблемами, неплохо ориентируются в этих профессиональных понятиях, терминах и аналогиях. Как правило, характеристика того или иного хронологического или культурного периода дается через определение и выявление археологической культуры, археологических памятников; типов и вариантов кремневых, костяных, металлических орудий труда (скребки, пластины, нуклеусы, кремья, кельты и т. п.); типов и видов глиняной посуды (керамики) с детальным описанием разновидностей форм (степень отогнутости шейки, высота плечика и т. п. профессиональные определения), элементов и техник орнамента; посредством типологии и корреляции женских украшений; вариаций размеров могильных ям и положений погребенных. Все укладывается в схему: археологическая культура — памятник (памятники) — детальное описание находок и сооружений. В большинстве работ по древним периодам акцент делается на остатки материальной культуры и на перечисление археологических памятников, так как большая часть археологических исследований посвящена

классификации и характеристике материалов археологических памятников и значительно реже — проблемам интерпретации, объяснению происхождения того или иного явления, процесса. Такие аспекты в науке почти не разработаны, а по материалам нашей территории обобщающих работ нет.

В статье сделана попытка при описании древней истории Камско-Вятского междуречья, в том числе бассейна р. Вятки, отойти от классической схемы археологического описания, не ставить во главу угла археологические культуры и памятники, а дать обобщенную характеристику той или иной эпохи, выделить особенности домостроительства, хозяйства, индустрии; использовать принцип исторического описания.

При этом, конечно, не обойтись без такого основополагающего археологического понятия, как археологическая культура¹ с тем или иным ее названием. Но здесь надо просто знать, что название археологической культуре дают сами исследователи либо по наиболее изученному, интересному эталонному памятнику, либо по другим достаточно характерным и отличительным признакам. Последнее в большей степени относится к культурным объединениям с различной орнаментацией глиняной посуды. Вероятно, что в древности эти группы людей имели какое-то свое самоназвание, но эта информация, из-за отсутствия письменности и невозможности пока расшифровать орнаментальные узоры и знаки на керамике, до нас не дошла. Поэтому население территорий, связанное с определенной археологической культурой, именуют по названию этой культуры (дается такое своеобразное имя собственное).

Вопросы о соотношении между археологическими культурами, особенно на ранних этапах развития человеческих коллективов (эпоха каменного и бронзового веков), культурно-географическими территориями, этническими общностями на сегодняшний день не решаются однозначно². Исследователи все больше склонны рассматривать проблемы культурогенеза, то есть вопросы развития материальной культуры и, по возможности, духовной; и в меньшей степени — процессы формирования этносов. И, тем не менее, значительное разнообразие археологических комплексов и материалов в пределах того или иного региона скорее всего свидетельствует в пользу полиэтничности его населения.

В истории формирования и развития этносов следует выделить период IV—III тыс. до н. э., связанный с эпохой образования первых государств. После III тыс. до н. э. процесс этнообразования становится более интенсивным³.

Основное заселение севера Европейской части происходило в послеледниковый период, когда отступил ледник и вслед

за тем значительные территории освободились от приледниковых вод⁴. В бассейне р. Вятки (в пределах современной Кировской области) люди стали селиться в первой половине VII тыс. до н. э. (стоянки Архангельская и Студенцы IV)⁵. По археологической периодизации — это эпоха мезолита среднего каменного века, который на нашей территории существовал с VII по V тыс. до н. э.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ МЕЗОЛИТА

Следует отметить, что природные условия бассейна р. Вятки и сопредельных территорий в период появления первых поселений людей, да и на протяжении всего каменного века, существенно отличались от современных в более благоприятную сторону.

В результате всеобщего планетарного потепления, которое произошло в Северной Евразии около 8300 г. до н. э., существовавший здесь обширный тундровый ландшафтный комплекс быстро распался. По всей северной территории началось формирование растительных зон: тундровой, лесной и степной, в основе своей сохранившихся до настоящего времени. Эти климатические катастрофы по всей Северной Евразии, важный и сложный палеогеографический рубеж перехода от условий оледенения к следующему периоду климатического оптимума, привели к значительным переменам в хозяйственной деятельности людей, и тем самым ознаменовали переход от палеолита⁶ (древнего каменного века) к мезолиту. Человек освоил все природные зоны и те пространства, которые ранее были для него недоступны. Он заселяет надпойменные террасы рек и озер, песчаные холмы и дюны в речных долинах, продолжает селиться на высоких террасах остаточных приледниковых водоемов.

Но еще на протяжении почти 2000 лет между 8300 и 6000 гг. до н. э. климат в целом оставался неустойчивым: периоды потепления чередовались с похолоданиями, частичными возвратами к условиям позднеледниковья⁷. В это время граница между лесом и степью располагалась севернее ее современного положения, а граница «лес — тундра» — южнее, чем теперь. Но постепенно еловая тайга продвигается на север, занимая зону лесотундры. В средней полосе Европейской части еловые леса исчезли совсем и от Северо-Западной Европы и до Урала распространяются светлые березовые и отчасти сосновые леса. Около 6000 г. до н. э. начинается продвижение на север широколиственных пород деревьев: вяза, дуба, липы. На возвышенных местах такие леса появляются раньше, чем в песчаных низинах⁸.

В то же время микроклиматические и другие экологические условия определяли в составе растительности некоторые территориальные особенности⁹. В северной половине Урала в условиях более теплого влажного и мягкого климата, по сравнению с современным на этой территории, господствовала темнохвойная еловая тайга. Южная половина Урала и Предуралья являлись своеобразной восточной провинцией европейского антициклона, что определяло климат как континентальный, засушливый и относительно прохладный. Здесь господствовали березняки, а на песчаных почвах — сосновые леса. В низовьях Прикамья основной лесообразующей породой была сосна и в меньшей степени — береза. На Средней Вятке преобладали березовые массивы, среди которых постепенно появляются широколиственные формации.

В поздне- и послеледниковый период в умеренно-теплых условиях сложилась первая надпойменная терраса р. Вятки¹⁰. В среднем течении высота террасы составляла 8—10 м, а в нижнем течении реки терраса была несколько выше — до 10—13 м.

Немного позднее, но еще до наступления климатического оптимума, возникла высокая пойма реки. Ее относительные высоты 6—7 м. В силу того, что высокая пойма сложена супесчаными, реже суглинистыми напластованиями, она отличается значительной неровностью. От первой надпойменной террасы высокая пойма повсеместно отделена уступом высотой 2—3 м.

Если начало мезолита приходится на время становления природных зон и неустойчивого климата, то конец этой эпохи совпадает с началом климатического оптимума — наиболее теплого и влажного этапа всего послеледникового времени. Потепление затронуло главным образом северные и северо-восточные области Евразии. В течение 6000—2500 гг. до н. э. усложняется структура природных ландшафтов, увеличиваются зональные особенности. Обновлялся и изменялся не только растительный, но и животный мир. При переходе к климатическому оптимуму вымерли представители мамонтового фаунистического комплекса. Некоторые виды животных: тур, бизон, благородный олень — сократили свой ареал обитания, другие виды распались на степные и лесные формы. Эпоха мезолита — это период приспособления человека к новой зональной структуре природных ландшафтов.

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

В рамках экосоциальной модели мезолит можно определить как систему присваивающего хозяйства, адаптированную к существующим в тот период ландшафтам. Основным способом добывания пищи оставалась охота, объекты которой зависели

от той экологической ниши, в которой размещалось население мезолитической культуры¹¹. Появляется и развивается неспециализированная и индивидуальная охота, ориентированная на добычу определенных видов: первоначально — на северного оленя, а по мере упрочения лесной растительности, на лесных видов животных — благородного оленя, кабана, косулю, лося. В бассейне р. Вятки главными объектами охоты были лось и северный олень. Помимо этих видов охота велась на медведя, кабана, зайца, бобра¹². Основным охотничьим оружием становится лук. Но орудия охоты еще не приобрели устойчивых форм и типов. В хозяйстве вновь возрастает роль собирательства, появляется рыболовство. Основные типы и способы ведения хозяйства в мезолитическую эпоху, как и в последующие периоды каменного века, основывались на использовании природных ресурсов речных долин. Из лесообразующих пород чаще всего в хозяйстве применялась сосна и широколиственные породы¹³. Эффективность присваивающего хозяйства была достаточно высокой, так как с началом климатического оптимума в природе происходит увеличение видов и численности животных.

Хозяйственно-социальная организация и структура мезолитического населения отразилась в количестве мезолитических культур¹⁴. Группы мезолитического населения расселяются в различных микроэкологических условиях, в различных ландшафтах. Такое расселение вызывало бурное развитие одних элементов культуры и деградацию или затухание других. В предшествующую палеолитическую эпоху на территории современной лесной зоны Европы выделяется не более 5 культур, в начале мезолита их уже 12, а в конце число культур увеличивается до 25. В то же время причины увеличения количества культур в мезолите можно искать в области собственно социальных явлений. Изменение форм охоты от загонной к неспециализированной вело к ослаблению сложившихся ранее этнических и культурных контактов и переориентации связей. Численность большинства групп охотников-собираателей поддерживается обычно на значительно менее низком уровне, чем тот, который может прокормить занимаемая этой группой территория, и на ранних этапах мезолита плотность населения была невелика¹⁵.

Хозяйственные коллективы бродячих охотников были небольшие. Вероятно, по сравнению с предшествующим палеолитическим периодом, происходит численное сокращение внутри этих первичных социально-производственных групп и ячеек. Такие отдельные коллективы охотников в пределах своих микроландшафтных территорий образовывали более крупные объединения и количество таких объединенных групп увеличивается. Первоначально эти объединения представляли лишь диалект-

но-культурное единство, но не социально-экономическое образование. Небольшой охотничий коллектив в своей хозяйственной деятельности практически был независим от другого такого же коллектива. Образующие некоторое единство локальные группы имели внутри слабые связи.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ СТОЯНОК. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

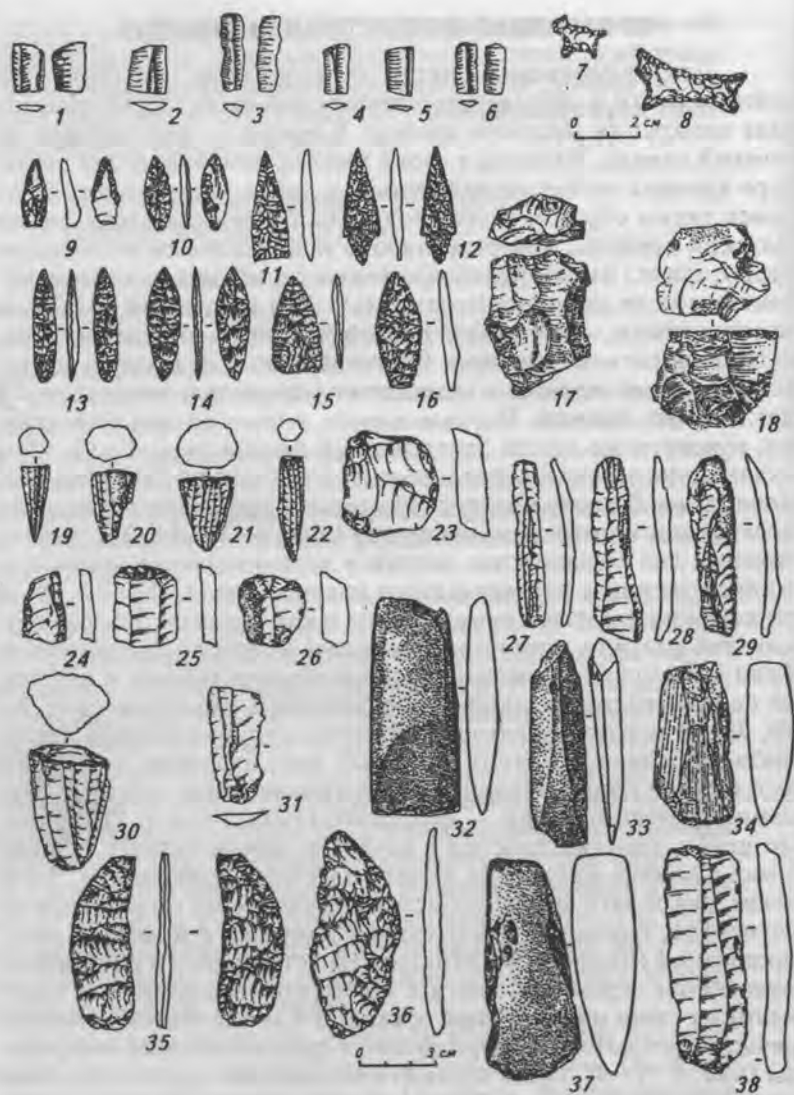
Образ жизни людей в мезолитическое время был связан с частыми перемещениями и поэтому, в конечном счете, стоянки и поселения этой эпохи имели небольшую площадь — от 400 до 600 кв. м и относительно бедный состав культурных остатков¹⁶. Долговременные поселения располагались вдоль края невысокой террасы, здесь сооружалось одно или два жилища. Такие стоянки функционировали, скорее всего, в холодное время года, когда хозяйственная деятельность могла быть сосредоточена только в помещении. Сезонные охотничьи стоянки устраивались на высоких коренных берегах и здесь существовали легкие наземные постройки.

Мезолитическое жилище — это квадратная в плане полуземлянка небольшой площадью от 25 до 40 кв. м. Это жилище столбовой конструкции и каркасного типа: вдоль края углубленного жилища на небольшом расстоянии друг от друга вкапывались вертикальные столбы, а затем соединялись между собой плетнем из тонких прутьев. Это и являлось каркасом жилища. Высоту стен таких построек определить сложно. По расположению столбовых ямок — мест, где вкапывали столбы, можно условно восстановить форму перекрытия. Крыши были двускатные или четырехскатные. Вход в жилище располагался в углу или в короткой стенке. Это был небольшой коридорообразный выступ длиной от 80 см до 2 м и шириной в пределах 1—1,3 м. Вход полого опускался внутрь жилой постройки, иногда имел ступеньки. Выход (вход) был направлен в сторону водоема. Иногда в жилище могло быть два выхода.

Жилое помещение отапливалось несколькими очагами: простыми открытыми кострищами в небольших ямах. Очажные ямы углублялись в земляной пол на 15—30 см. Внутри жилища очаги располагались вдоль стен или по центру у выхода. Расстояние между очагами составляло 1—1,5 или 2—3 м. Количество очагов внутри зависело от размеров жилища: один или несколько крупных очагов (диаметром 95 см — 1 м или 1,8—2,4 м) либо 2—3 мелких кострища (диаметром 60—80 см). Иногда очаги переносили с одного участка пола на другой.

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ МЕЗОЛИТА

Для изготовления орудий труда древние обитатели бассейна р. Вятки и сопредельных территорий использовали небольшие конкреции местного кремня. Кремень — это твердый, но ломкий камень. Благодаря своей микрокристаллической структуре кремень может раскалываться в любом направлении и человек таким образом может получить любую желаемую форму. Вятский кремень, который широко использовался на соседних территориях, имел преимущественно серый цвет со всеми оттенками — от светлого до темного¹⁷. Для получения орудий от куска кремня, специально подготовленного, откалывали несколько десятков заготовок. Подготовленный для получения заготовок кусок кремня в археологии называется нуклеусом (от лат. — ядро, основа). Первоначально, в палеолитический период, нуклеусы не имели определенной формы (илл. 1—12, 13) и скалывание заготовок производилось без всякой системы, беспорядочно. В эпоху мезолита нуклеусы приобретают призматическую или пирамидальную форму (илл. 1—21—24, 31). А заготовками для большинства орудий в мезолитическое время служили пластины с параллельными краями (илл. 1—17—20, 30). В то же время пластины использовали и как самостоятельные орудия для резания, строгания, пиления и других потребностей. Если край орудия-пластины был достаточно тонким и острым, то не применяли никакой дополнительной обработки (илл. 1—18, 30). В некоторых случаях, вероятно для выполнения каких-либо особенных операций, длинный край пластины или короткий (торец) подправляли и подрабатывали очень мелкими сколами — ретушью (от фр. — исправлять) (илл. 1—5—7, 17). Помимо целых длинных пластин в качестве орудий человек использовал и мелкие фрагменты и части пластин — микролиты. Часто такие микролиты имели геометрическую форму треугольников, сегментов, трапеций. Такие формы получали с помощью ретуширования (подправки). Микролиты вставлялись в расщепленную основу дерева или кости и часто использовались как наконечники стрел или режущие орудия. В Камско-Вятском междуречье встречаются прямоугольные и трапециевидные микролиты (илл. 1—1—4). Такая техника изготовления орудий получила название вкладышевой. Микролитовидный характер вкладышевых орудий в Европе и Азии порой достигает предела, который только возможен при обработке кремнистых пород ручным способом. Вкладышевая техника требовала для своего изготовления подборки и подгонки в паз деревянных или костяных оправ, довольно много времени, определенных профессиональных навыков, почти ювелирной техники исполнения.

Илл. 1. Изделия из камня. V—III тыс. до н. э.

1—6 — сечения пластин; 7—8 — фигурный кремль (собаки); 9—16 — наконечники стрел; 17—22 — нуклеусы; 23—26 — скребки; 27—29, 31—38 — пластины; 32—34, 37 — шлифованные тесла; 35—36 — ножи.

Орудия для обработки шкур, их очистки и отделки — скребки и скребла — изготавливались не только на пластинах, но и из заготовок округлой овальной формы. Такие заготовки в археологии получили название отщеп. Но для материальной культуры и индустрии периода мезолита характерно высочайшее развитие техники отделения ножевидных пластин. В период мезолита технология изготовления орудий на пластинах получает максимальное распространение по сравнению с остальными периодами каменного века.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Социальное, производственно-хозяйственное и культурное развитие человеческих коллективов протекает в рамках конкретных общностей. В эпоху мезолита в связи с подвижностью охотничьих коллективов на небольших территориях переплетались разные культурные традиции, развивались отношения различных групп населения. Так в Европе в этот период формируются две большие мезолитические провинции: Западная — Юго-западная Европейская; которую можно соотнести с зоной формирования индоевропейского этноса; и Северная — Северо-восточная Европейская с Восточно-Европейской подпровинцией¹⁸, которую можно соотнести с территорией расселения, а возможно, и формирования уральского (финно-угорского, финно-пермского) этноса. В Восточно-Европейской подпровинции Волго-Вятский район являлся контактной зоной между двумя мезолитическими общностями Волго-Окской и Уральской. При этом, возможно, что представители Уральской мезолитической общности, занимавшие Среднюю Каму, генетически не связаны с Приуральской, обитавшей в Камско-Вятском междуречье.

НЕОЛИТ

Переход от мезолита к последнему периоду каменного века — неолиту, происходил в различных климатических условиях неодновременно. В северных частях Евразии этот переход произошел позднее по сравнению с южными регионами и территориями и поэтому северные мезолитические культуры какое-то время соседствуют с южными неолитическими. Именно в эпоху неолита население южных климатических зон перешло к производящей экономике и освоило такие отрасли как земледелие и домашнее скотоводство¹⁹. В то же время племена в северных широтах сохранили присваивающий тип хозяйства, продолжая заниматься охотой, рыболовством, собирательством.

Неолитические коллективы лесной зоны, оставаясь в рамках каменного века, получили все достижения предшествующей мезолитической эпохи, особенно в области изготовления орудий труда. Разная экологическая ситуация, в которой развивались неолитические племена, сосуществование различных культурных традиций наложили определенный отпечаток на характер материальной культуры. Каменная индустрия и технические средства изготовления орудий труда становятся более разнообразными; появляются новые производства, хозяйственные комплексы, приемы домостроительства.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

В бассейне р. Вятки и на сопредельных территориях эпоха неолита укладывается в период с конца V до середины III тыс. до н. э. и совпадает с периодом климатического оптимума, когда наивысшего расцвета достигают широколиственные леса. Березовые и сосновые формации, доминирующие в предыдущий период, отходят на второй план²⁰. Из материковой части Европейской территории исчезла зона лесотундры (тундра), а лесная зона, продвинувшись до побережья Баренцева моря, занимала пространства современной Малоземельной и Большеземельной тундры. Южная граница темнохвойной тайги проходила от Белого моря по водоразделам рек Северной Двины, Мезени, Печоры, вдоль Уральского хребта. Далее к югу располагалась полоса хвойно-широколиственных лесов. По сравнению с современной границей, область распространения широколиственных лесов увеличилась и простиралась севернее ее современного положения на 300—400 км.

Окончательное разрушение остаточных ледников в Скандинавии и северо-европейского антициклона привело к более интенсивному, чем в предшествующий период, переносу теплых воздушных масс из Атлантики на восток. На Урале, при достаточно теплом и влажном климате, отмечается максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов²¹. На Среднем Урале распространяются вяз, липа, орешник; на широте Нижнего Тагила и в Приуралье — еще в более северных районах, появляется дуб. Верхнее и среднее течение рек Камы и Вятки и Среднее Поволжье входило в зону смешанных лесов. Здесь господствовали сосново-широколиственные леса, лесообразующая роль березы уменьшилась. На Средней Вятке наблюдается максимальное распространение широколиственных лесов, значительное количество ольхи. С областями распространения широколиственных и отчасти широколиственно-хвойных лесов соотносятся ареалы неолитических лесных культур²².

МЕСТА ОБИТАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В Камско-Вятском междуречье поселения этого периода обычно концентрируются по 2—4 в устьях мелких рек, впадающих в более крупные притоки р. Вятки. В отличие от мезолитических, неолитические поселения не встречаются на высоком коренном берегу. В неолитическое время человек более продуманно выбирал для жизни наиболее удобные в хозяйственном и природном отношении участки²³. Поселения создавались, как правило, в открытых речных или озерных ландшафтах; в местах, наиболее благоприятных для охоты, рыбной ловли, собирательства; для получения хорошей питьевой воды. Выбор территории часто оказывался очень удачным и подобные микрорегионы были обитаемы длительное время, порой на протяжении нескольких эпох. Население покидало участки только с изменением природной ситуации. Один из таких микрорегионов, обитаемый с эпохи мезолита до раннего железного века, то есть на протяжении 6 тысяч лет, расположен на правом берегу р. Вятки, южнее Нургушского заповедника²⁴.

Поселения устраивались на низких террасах и дюнах в поймах рек, в приустьевой части малых рек. Эти топографически выраженные участки обладали определенными преимуществами: хороший обзор местности, наличие водной преграды от хищников, меньшее количество гнуса на открытых пространствах — все это имело значение для жизни человека эпохи неолита. Так же, как и для современного человека, эти условия имеют определенное значение. Если для стоянки выбирали высокую пойму, то ее устраивали вблизи бровки, отделяющей высокую пойму от первой надпойменной террасы. Такое расположение стоянок не случайно²⁵. С одной стороны, здесь обеспечивалась максимальная близость к воде, с другой — прибрежная часть террасы вследствие хорошего дренажа была сухой даже во влажные времена года. Расположение стоянок на пойменном озере или протоке было удобно, поскольку здесь меньше сезонные колебания уровня воды.

Особое внимание человека привлекали места наибольшей концентрации рыб: это места впадения рек в озера и их истоки. В эпоху неолита человек не продвигался вглубь водораздельных пространств, занятых лесами. Это можно объяснить спецификой распространения животного мира и сложностью получения питьевой воды. По наблюдениям зоологов, животные тяготеют не к «глубинам» лесных массивов, а к окраинным ландшафтно-контактным участкам: опушкам, перелескам, приозерно-речным районам. Кроме того, здесь имеет место явление «пограничного эффекта», которое проявляется в возрастании видового разно-

образия животных. В эпоху неолита возрастает плотность населения, увеличивается количество стоянок и поселений по сравнению с предшествующей мезолитической эпохой.

ХОЗЯЙСТВО

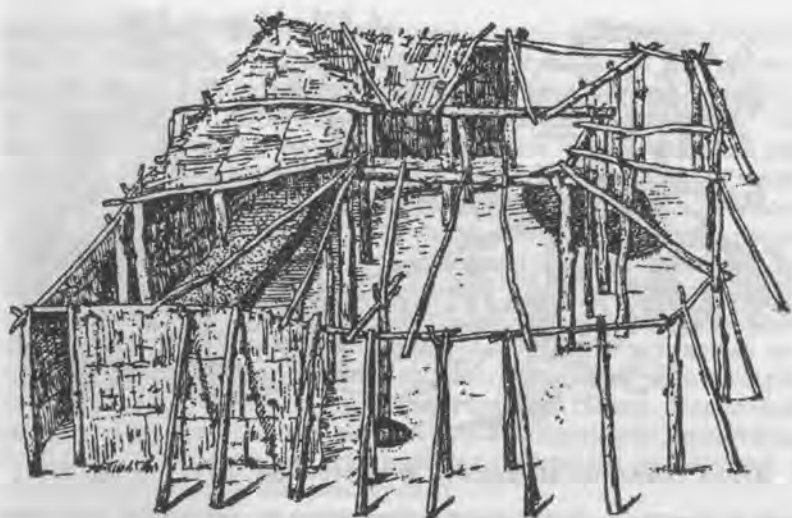
В лесной зоне хозяйство сохраняет присваивающий характер, но несколько дифференцируется, заметную роль играет рыболовство. Система жизнеобеспечения, основанная на добыче и получении разнообразных пищевых продуктов, придавала экономике охотников и собирателей достаточно устойчивый характер²⁶. Доминирующую роль в хозяйственно-экономической деятельности населения в этот период, как и в эпоху мезолита, играла охота, но спектр охотничьей добычи значительно расширился. Довольно интенсивно велась охота на лося. Отстреливали преимущественно молодых животных в возрасте 2—2,5 лет. В охотничьем снаряжении появляются наконечники стрел достаточно стандартной листовидно-треугольной формы с небольшими вариациями формы и размеров (илл. 1—8—11, 14—16). Такая основополагающая форма наконечников стрел сохранялась в охотничьем, а затем в боевом вооружении на протяжении почти 5 тысяч лет, до появления и массового распространения огнестрельного оружия.

В летнее время человек испытывал большой недостаток в мясной пище в связи с трудностью охоты, так как летом достаточно сложно выследить зверя по следу²⁷, поэтому интенсивно развивается рыболовство, а также охота на птиц. В зимний период поиски зверя облегчаются, так как появляется возможность преследовать животное по следу.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

В этот период каменного века также существует две категории поселений: долговременные поселения с жилищами и различными хозяйственными постройками и кратковременные стоянки, возможно, охотничьи, в культурном слое которых находят только кремневый инвентарь. Площадь неолитических поселений и стоянок от 400—1500 кв. м до 3000—5000 кв. м.

Неолитические жилища сохранили конструктивные элементы предшествующей эпохи, но несколько изменились их размеры и внутренняя планировка²⁸. Площадь жилых построек увеличилась до 40—60 кв. м; увеличилось также и их количество на одном поселении. Наряду с землянками прямоугольной формы, углубленными в землю на 35—70 см и 90—100 см, в конце эпохи неолита возводятся и наземные четырехугольные постройки, появившиеся под влиянием пришлых племен. Над выхо-

Илл. 2. Поселение Моторки II. Реконструкция жилища
(по Р. Д. Голдиной)

дом из жилища сооружается перекрытие, появляется своеобразный тамтур. В квадратных постройках большой площади основные столбовые конструкции сосредоточены в центре и по диагоналям — от центра к углам. По верху эти столбы скреплялись рамой, на которой держались плахи шатрового перекрытия (илл. 2). В прямоугольных жилищах столбы располагались вдоль стен в 2—3 ряда, с расстоянием 1,5—2 м между рядами.

Жилище обогревалось обычно двумя очагами типа простых открытых кострищ. Они сооружались по центральной линии постройки, либо против выхода; расстояние между очагами составляло 1,5—3 м.

В стенах жилых сооружений появляются ниши — выступы, в которых устраивали большие хозяйственные ямы для хранения припасов. Изредка в жилищах или рядом с ними встречаются специальные ямы-хранилища с кремневым сырьем или глиняной массой, выкопанные с целью предохранения этого сырья от высыхания. Для неолитических жилищ и поселений вообще очень характерно обилие хозяйственных ям. Вероятно, ямы быстро приходили в негодность, так как внутри не имели никаких крепежных конструкций и это требовало их частой замены. Глубина ям была невелика.

Некоторое представление о планировке неолитического поселка дает полностью раскопанное поселение Моторки II²⁹. В центре поселения располагалась большая постройка, а рядом с

Илл. 3. Поселение Моторки II. Реконструкция (по Р. Д. Голдиной)

ней и вокруг — сооружения значительно меньших размеров (илл. 3). На одном поселении могли существовать и очень большие постройки, площадью 120—200 кв. м, и очень малые жилища, площадью 12—15 кв. м. Воздействие человека на естественную растительность в неолите имело весьма ограниченный характер³⁰.

При обилии постоянных и сезонных поселений во всем обширном регионе Приуралья не найдено ни одного могильника эпохи неолита, а известны лишь отдельные захоронения³¹. Вместе с умершим оставляли и погребальный инвентарь, который представлен различными кремневыми и костяными орудиями труда. В одном случае антропологический тип погребенного определен как европеоидный с небольшой примесью монголоидных черт.

В хозяйстве неолитической эпохи продолжали существовать и совершенствоваться производства, известные еще с мезолитического времени: обработка шкур и выделка кож убитых животных; шитье одежды из выделанных шкур и кож. Наряду с этими появились новые промыслы — это изготовление глиняной посуды, плетение сетей и, по всей видимости, ткачество. Первостепенное значение сохраняло производство орудий труда, которое достигло высокого уровня.

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ НЕОЛИТА

При изготовлении кремневых неолитических орудий заметно сокращается производство ножевидных пластин и микролитов, но используются новые технологические операции —

ретуширование орудий с обеих сторон и по всей поверхности (илл. 1—10, 11, 14—16, 33, 34). Техника скалывания заготовок и ретуширование сохранили черты старой технологии, но в формы орудий были введены некоторые усовершенствования, что сделало орудия труда более эффективными. Такие изделия как скребки, гарпуны, копы получили удлиненный рабочий край. Стержни, сверла приобрели специальные «плечики». В эпоху неолита наблюдается экономное расходование сырья: изломанные или сношенные орудия подвергаются дополнительной подправке и снова используются в качестве инструментов. Дефицит высококачественного сырья при все более возрастающей хозяйственной потребности в нем заставил человека в это время использовать любой пригодный для изготовления орудий материал: плиточный кремнь, окаменелое дерево, гальку. Первичное расщепление кремня производилось в основном вне поселения, а, вероятно, в тех местах, где добывали материал для орудий, в кремнеобрабатывающих мастерских.

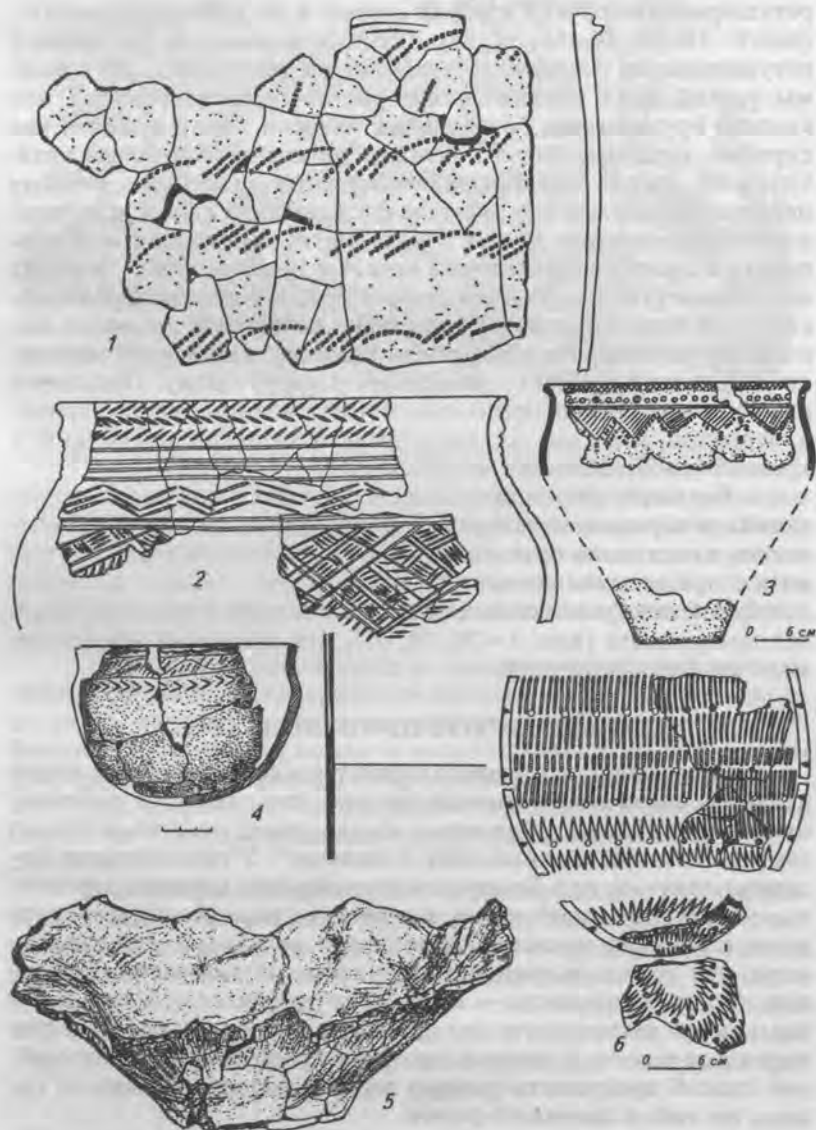
Большую роль в производстве орудий стала играть пикетажная и абразивная техника. Топоры, тесла, долота обрабатывались в несколько приемов. Сначала путем ретуши или пикетажа им придавалась соответствующая форма, затем с помощью сплошной шлифовки снималась шероховатость и выравнивалась вся поверхность (илл. 1—28, 29, 35), что придавало последним вид стандартных орудий.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Следствием устойчивого хозяйства и оседлого образа жизни является появление глиняной посуды, что считается достижением эпохи неолита. Глиняная посуда может появиться только там, где есть постоянный очаг и жилище³². У примитивных кочевых племен ее нет. Бродячие охотники пользовались деревянными сосудами, плетеными корзинами, выдолбленными плодами, кожаными мешками, черепами и желудками животных — всем, что обладало свойствами емкости. Изготовление глиняной посуды (керамики) — одно из крупнейших событий в сознательной деятельности человека. Это позволило человечеству подняться на новую ступень преобразования природы. Был найден способ превращать рыхлую горную породу — глину, в камень по любой заданной форме.

Первая и основная функция посуды в жизни древнего общества заключалась в сохранении и приготовлении пищи. Вместе с глиняной посудой возникает новая культура кухни и стола.

Есть много оснований считать, что керамическая посуда начала изготавливаться на корзиночной основе. Обмазка плете-

Илл. 4. Глиняная посуда бассейна р. Вятки.
Из коллекции Кировского краеведческого музея

1 — энеолит; 2—3, 5 — эпоха поздней бронзы; 4 — ананьинская культура; 6 — неолит.

ных корзинок глиной облегчала процесс выделки водонепроницаемых сосудов³³.

Наиболее ранними способами формовки глиняных сосудов следует считать два: выдавливание из шарообразного комка глины большими пальцами обеих рук необходимой полости, и наращивание глиняных лент (жгутов) по окружности. Первым способом формовались небольшие чаши, их величина зависела от размеров глиняного шара и пальцев рук. Другой способ — наращивание глиняных лент по спирали или замкнутыми кольцами — позволял создавать более совершенные формы и не ограничивал размеры изделия. Принято считать, что изготовлением глиняной посуды занимались женщины.

Первоначально глиняные сосуды не отличались сложной формой. Преобладали цилиндрические, конические и сферические сосуды. При изготовлении посуды основное внимание уделялось верхней части (устью) и дну. Именно эти части на протяжении всего развития керамического производства обнаруживают наибольшее разнообразие.

Для неолитической посуды характерно округлое или приостренное дно, приспособленное для удобного размещения на углях очагов (илл. 4—6). Горловина сосудов либо отсутствует, либо очень слабо выделена, устье широкое (илл. 4), так как они не использовались для транспортировки жидкостей. Крупные сосуды имели относительно высокую ценность, ибо многие из них сохранили следы ремонта: ряды параллельных отверстий вдоль трещин, которые, по-видимому, стягивались какой-то прочной перевязью.

Вся поверхность сосудов покрывалась орнаментом (узором), выполненным гребенчатой (илл. 4—1), ямочно-гребенчатой (илл. 4—6) или накольчато-прочерченной техникой. Узоры на влажную поверхность сосуда наносились штампами типа гребенки (гребенчатый орнамент). Эти штампы имели разную длину, различное количество зубцов и различную степень наклона оттисков. Штампы делали из уплощенных галек, сланцевых плиток, челюстей мелких животных: куницы, лисы, бобра, зайца³⁴. Створки раковин давали короткие изогнутые отпечатки. Кроме отпечатков штампов сосуды могли быть украшены неглубокими округлыми вдавлениями (ямками), которые выполнялись мелкими костями животных. Орнаментация древних сосудов тесно связана с технологическими приемами обработки поверхности, она способствует уплотнению стенок сосудов, препятствует растрескиванию при сушке. В древних обществах орнаментация несла определенную семантическую (знаковую) нагрузку. Специфика социально-идеологических категорий отражается на древней посуде посредством символики керамического орнамента. Ор-

намент на сосудах выступает как автономная знаковая система, обладающая свойствами фиксации определенных реалий в виде символов — элементов узора, — присущих данному общественному образованию. Глиняная посуда наиболее гибко реагировала на меняющиеся экологические условия, на специфику хозяйственно-экономической, социальной жизни, особенности быта древних коллективов³⁵. Но для основательной перемены керамического производства в существующем коллективе требовались значительные преобразования во всех жизненных сферах, чаще всего вызванные влиянием извне. При домашнем гончарном производстве исполнители, выполняя новые формы, избегали изменений в области технологии.

В Камско-Вятском междуречье гребенчатая керамика связывается исследователями с местными группами населения, а ямочно-гребенчатая и накольчато-прочерченная принадлежит пришлому населению.

В период с конца V до начала III тыс. до н. э. в лесной и северной части лесостепной зоны Евразии развивались две культурно-исторические общности: на западе от Балтики до устья Оки — культуры ямочно-гребенчатой керамики, на востоке от Верхнего Поволжья до Оби — культуры гребенчатой керамики. В носителях культур гребенчатой керамики исследователи усматривают уральский (финно-угорский этнос)³⁶. В Приуралье выделено две основные культуры неолита — камская, тяготеющая к лесной зоне и волго-камская, подверженная сильному влиянию южных степных племен. На рубеже V—IV тыс. до н. э. на северо-восток России, достигая среднего течения р. Вятки, мигрирует население из Волго-Окского междуречья и прилегающих территорий Среднего Поволжья (балахнинская культура в ее ямочно-гребенчатым варианте). Эти пришлые группы волго-окского типа ассимилировались местным населением Волго-Камского региона³⁷. В Камско-Вятском междуречье процесс ассимиляции пришлых волго-окских племен завершился в конце неолита. Пришлые племена, как и местные (камские), принадлежали к одному финно-угорскому (финскому) этносу. Несколько позднее, в IV тыс. до н. э., отмечается некоторое передвижение камских племен на запад.

В первой половине IV тыс. до н. э. в районах распространения местного гребенчатого неолита наблюдается появление новых культурных традиций³⁸. Это плоскодонные сосуды с заглаженной до блеска поверхностью и орнаментацией, выполненной в другой технике — технике наколов разной формы, а также богатый набор орудий для обработки дерева — долота, тесла, топоры, резчики-скобели, ножи, сверла. Появление новых культурных традиций в неолите Волго-Камья связано с палео-

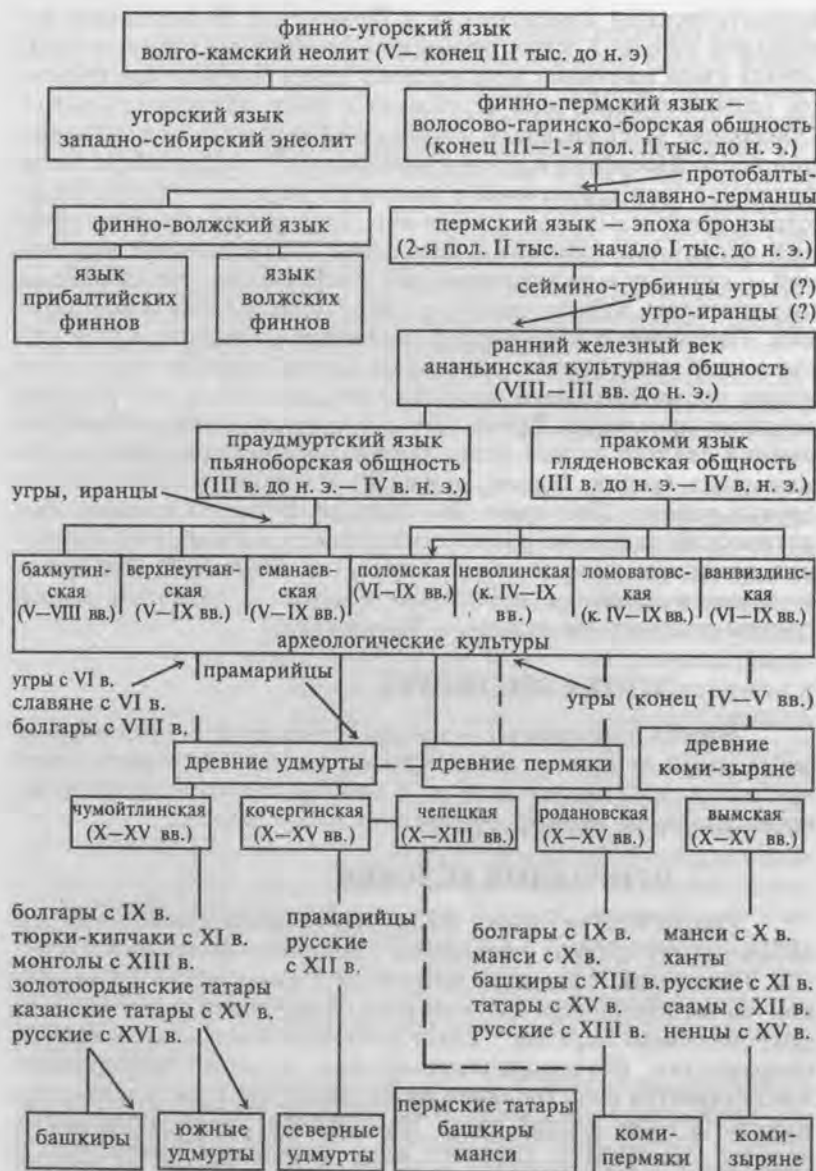
климатическими изменениями в Прикаспии. В результате понижения уровня Каспия произошло остепнение территорий. С запада сюда начинают продвигаться индо-европейские культуры (линейно-ленточной керамики) и индо-иранские племена. Обитавшие здесь носители накольчатой керамики под натиском пришлого населения и из-за изменившихся природных условий покидают свои территории и двигаются на север, где сталкиваются с урало-язычными племенами. Другая вероятная территория первичного обитания населения с накольчатой керамикой — степные и лесостепные районы Подонья, откуда население двигалось в более северные территории по Оке и ее притокам. Население с накольчатой керамикой приносит в Приуралье новый тип жилищ — наземные с углубленным полом. Эти жилые постройки имеют несколько меньшую площадь, чем дома местного населения. Кроме того с носителями накольчатой керамики связана первая волна проникновения домашних видов животных (коров, быков, лошадей) на некоторые стоянки в лесных районах Прикамья. Это явление относится к концу неолитической эпохи, но распространения среди местного населения домашнее животноводство тогда не получило³⁹. Эти нововведения в хозяйстве произошли позднее, с приходом другой группы степного населения — балановцев.

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА

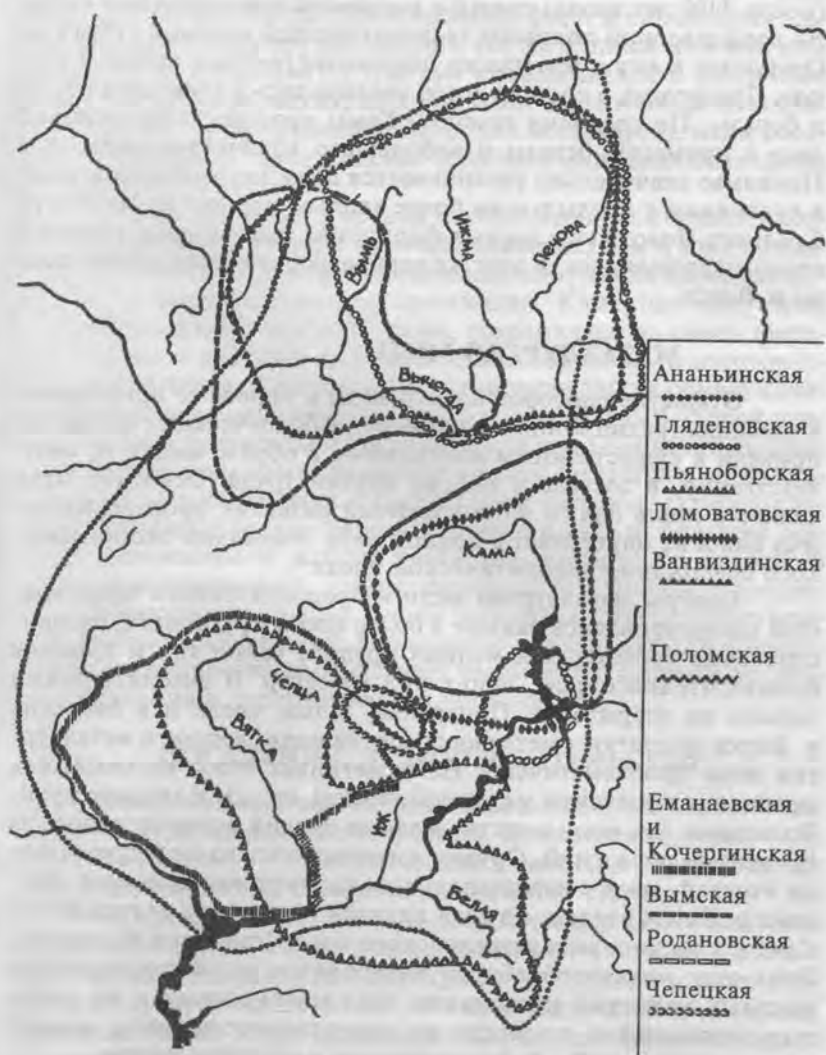
Вторая половина III — начало II тыс. до н. э. представляет переходный период от каменного века и его последнего этапа неолита к веку бронзовому и в археологической хронологии носит название энеолит (медно-каменный век).

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Около 4600 лет назад заканчивается фаза климатического оптимума, природная обстановка становится более неустойчивой. Похолодание вызвало изменения в ландшафтах Европейской части, произошла значительная перестройка растительного покрова севера Евразии⁴⁰. Граница тундры сместилась в южном направлении. Широколиственные леса частично деградируют. Увеличивается роль холодостойких элементов в растительном и животном мире лесной зоны. На Среднем Урале деградируют породы смешанного дубового леса, появляется пихта, что, в определенной мере, указывает на увеличение влажности климата. В небольшой период времени между 4200—3400 лет назад отмечается кратковременное потепление, во время которого наблюдается повторный расцвет широколиственных лесов на

Илл. 5. Соотношение лингвистической схемы развития финно-пермских народов с археологическими культурами (по Р. Д. Голдиной)

Илл. 6. Расположение археологических культур
эпохи железа в Прикамье
(по Р. Д. Голдиной)

северо-востоке Европейской части. Второй период похолодания (после 3400 лет назад) связан с расцветом темнохвойной тайги. Во всей северной половине господствующей породой стала ель. Отступила к югу и вся полоса широколиственных лесов. В южном Предуралье в составе лесов увеличилось количество сосны и березы. По среднему течению Камы произрастали сосновые леса с примесью березы и небольшого количества липы. А в Прикамье значительно увеличивается доля липовых лесов, даже в сравнении с предыдущим более теплым периодом. На севере Среднего Поволжья в лесных формациях преобладали еловые и елово-пихтовые леса. В этот же период формируется низкая пойма р. Вятки.

МЕТАЛЛУРГИЯ МЕДИ

Открытие способов плавки меди и первое ее применение в условиях традиционной охотничье-рыболовческой системы не привели к существенным изменениям в образе жизни и, соответственно, в составе и наборе орудий труда. Освоение меди является лишь одним из показателей развития производительных сил и не определяет в полной мере социально-экономического содержания энеолитической эпохи⁴¹.

Центры металлургии меди и бронзолитейного производства сформировались раньше в более южных регионах и распространение бронзовых и медных орудий, равно как и навыков бронзолитейного дела, шло с юга на север. В энеолитический период на территории Приуралья, в том числе и в бассейне р. Вятки существует металлообработка меди; вопрос о металлургии пока проблематичен⁴². На памятниках этого времени, как правило, отсутствуют металлургические шлаки и медные руды. Возможно, что производство медных орудий осуществлялось за пределами поселений. Орудия изготовлялись из металлургической «чистой» меди с незначительным количеством примесей. Бассейн р. Вятки входил, по всей видимости, в сферу деятельности Среднекамского металлургического очага (гаринско-борского). Этот очаг металлообработки базировался на месторождениях местных медистых песчаников, был маломощный и не очень выразительный и, несмотря на существенное влияние южных культур, металлообработка оставалась на низком уровне.

Формы таких медных орудий как ножи, шилья, тесла мастера переняли от племен южных лесостепных территорий и позднее от пришлых балановских. Для обработки дерева и кости использовали новые орудия такой эффективности, которая ранее была просто неизвестна. Воспроизводство в металле и традиционных форм орудий также повышало их рабочие качества⁴³.

Металлические инструменты в определенной степени положили конец чрезмерной дифференциации форм и типов характерной для кремневых орудий. Один и тот же медный нож или нож одной и той же формы с успехом использовался в различных хозяйственных операциях, которые ранее выполнялись несколькими кремневыми орудиями. Освоение металлургии меди обеспечило серийное производство наиболее рациональных форм орудий и их типов.

Внедрение медных орудий в хозяйственные системы охотников и рыболовов имело меньшее значение, чем в зоне околосельскохозяйственных культур. Радикальных изменений в формах хозяйства и орудиях труда не произошло. Каменная индустрия продолжала играть ведущую роль, сохранилась на очень высоком уровне и достигла совершенства в обработке и изготовлении орудий труда. В общем наборе типов орудий не обнаруживается резких изменений по сравнению с предыдущей эпохой неолита, только значительно увеличивается использование различных комбинированных кремневых орудий, несущих в одном изделии несколько рабочих функций (нож-скребок, скребок-резчик). Подобные орудия экономят труд и давали больший эффект. Усложняются методы хозяйства, которое по-прежнему носит присваивающий, дифференцируются способы рыболовства. Выдающимся нововведением энеолита следует считать медный рыболовный крючок. Повышение продуктивности присваивающего хозяйства способствует увеличению степени оседлости населения и увеличению его численности.

ПОСЕЛЕНИЯ. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

Поселения становятся еще более долговременными и количество жилищ в поселке возрастает. На поселении может быть от 4 и более домов. Энеолитические памятники располагаются преимущественно на первой надпойменной террасе.

Принято считать, что в энеолитическую эпоху наиболее распространенным типом жилищ были полуземлянки срубной конструкции с двускатным перекрытием. Глубина жилого котлована варьировала от 30 до 90 см, в него опускали заранее приготовленный небольшой сруб. Жерди, которые составляли каркас перекрытия, возможно, одним концом лежали на верхнем венце сруба, а другим на специальной балке-перекладине. Эта балка крепилась на столбах, стоящих по средней линии внутри жилища. Обитатели энеолитических поселков строили жилища двух видов: прямоугольные и квадратные⁴⁴.

Прямоугольные жилые сооружения — это большие длинные дома-полуземлянки, где длина превышает ширину на не-

сколько метров, площадью от 80 до 150 кв. м. Часто такие постройки состоят из двух-трех отдельных помещений, которые соединены между собой крытыми переходами. Такой тип сооружений в археологии имеет название — многокамерное жилище. Жилые постройки располагаются, как правило, перпендикулярно к реке и на противоположных сторонах имеют входы-выходы в виде коридоров длиной 2—3 м при ширине 1 м. Пол выхода наклонно опускается в жилище. Направление выхода различно: к реке, вдоль берега, вглубь террасы. В жилище сооружались не только простые кострища, но и более обустроенные очаги-ямы. Расположение внутри помещения неодинаково: в центре в ряд по длинной оси постройки; в центре, возле коридорообразных выходов; в переходах между постройками. Возможно, что простые открытые кострища использовались для приготовления пищи и иных бытовых надобностей, а очаги-ямы служили для обогрева помещения. Простые хозяйственные ямы без каких-либо дополнительных укреплений и конструкций выкапывались в полу жилища возле очагов или возле стен, противоположных выходам.

Другой вид жилых построек — квадратные дома-полуземлянки, имеют меньшие размеры, чем прямоугольные, их площадь колеблется от 20 до 80 кв. м⁴⁵. Это, как правило, изолированные сооружения с одним выходом, который направлен вдоль берега. Очаги устраивались преимущественно в центре, иногда — в выходе. В одном жилище присутствует не более трех очагов. В квадратных домах хозяйственные ямы располагаются не в жилищах, а на площади поселка. Иногда жилище имеет небольшую хозяйственную пристройку с ямами-кладовками внутри.

Достаточно подвижный образ жизни населения в эпоху мезоэнеолита позволил заселить и установить контакты по всей полосе субантарктики — от Норвегии на западе до низовьев Оби на востоке. На протяжении всего периода существовали связи между западными и восточными группами финно-угорского населения. Сходство элементов материальной культуры по всей полосе северных лесов Восточной Европы и Северной Евразии неоднократно отмечалось исследователями⁴⁶.

МИРОВОСПРИЯТИЕ В ДРЕВНОСТИ

По представлениям уральского населения, организованный и упорядоченный мир (вселенная, космос) образовался среди вод первичного мирового океана, который является эквивалентом всеобщего хаоса. Вся обитаемая территория, на которой живут люди и животные, стоят леса, возникла из небольшой крупинки земли, которую птица (водоплавающая) подняла со дна

океана. По другой традиции, восходящей еще к палеоевропейцам — аборигенам лесной зоны Восточной Европы, мир (вселенная) произошел из яйца (одного или нескольких), которое птица, чаще всего утка, но могла быть и другая водоплавающая, снесла среди вод первичного мирового океана. При разбивании яйца — это и есть момент образования мира — из его верхней части возникает небо, а из нижней части яйца — земля и таким образом создается упорядоченный сакрализованный мир (космос)⁴⁷.

Человек эпохи первобытности не делает различий между своими действиями, своей жизнью и тем, что происходит в окружающем его мире. Природные структуры переносятся на человеческое сообщество, и, одновременно с этим, человеческие свойства и качества приписываются всем элементам окружающего мира. Но человек соотносит себя с природой и окружающим миром не прямо, а через образы животных, чаще всего мифологические.

Связи и соотношения между явлениями окружающего мира и своей собственной жизни человек периода древности определял и фиксировал другими способами и по другим принципам, чем современный человек. Эти отношения выражались через образы, а не через абстрактные понятия, как в современном мировоззрении. Образы составляли знаковую систему и эта знаковость является важнейшей особенностью космологического (архаического) мышления. Мышление в первобытности оперирует конкретными и персональными понятиями. Вещи и предметы воспринимались как знаки, знаковые образы, способные отражать окружающий мир, элементы природной и социальной среды. Как особая, знаковая система, в этом случае выступает орнаментация предметов, посуды, вещей.

Знаковый комплекс в виде изображений водоплавающей птицы из кремня, дерева, на сосудах, отображающий идею происхождения мира (космогенез), у уральского населения появляется в неолитическое время, в IV тыс. до н. э. и существует почти без изменений до конца II тыс. до н. э., до конца эпохи финальной бронзы⁴⁸.

В архаическом мировосприятии окружающее пространство образовано и организовано домами, животными, людьми, растениями, предметами и вещами, освоенной территорией, и неразрывно связано со всем этим. Там, где нет ничего из сферы материальной, пространства не существует⁴⁹. Способом освоения и исследования пространства является движение, то есть путь. Путь может быть линейный и круговой. Первоначальное восприятие пространства — линейное. Бродячий охотник воспринимает пространство динамически, двигаясь через него, пересекая его. Эта линейная и динамическая форма пространства

отразилась в знаковом комплексе на самом раннем этапе в памятниках палеолитической наскальной живописи, где композиция всегда развернута только линейно, иногда на протяжении нескольких километров. Представление о радиальном или статическом пространстве, которое воспринимается в виде серии концентрических кругов, расходящихся от центра, присущи только земледельческим народам и народам городской культуры.

Знаковым выражением сложности, неизвестности, неопределенности пространства является перекресток, развилка дорог. Знаковым комплексом опасности, сложности, кризиса пути служит мост, переправа, порог дома.

Космологические представления о времени, чередовании событий и изменениях базировались на модели природного круговорота⁵⁰. Жизнь архаического общества определялась природными и биологическими циклами, регулярными повторениями биокосмических ритмов. Время также воспринималось через особые отмеченные природные (временные) точки: восход и заход солнца, появление луны, полнолуние. С этими временными природными гранями соотносились события, их развитие и протяженность во времени.

Фиксированные материалы, остатки материальной культуры, выявленные на поселениях каменного века лесной полосы Восточной Европы, свидетельствуют о том, что знаковый комплекс, отражающий космологическое мировоззрение и мировосприятие, проявляется достаточно четко и наиболее полно только с эпохи неолита⁵¹. Вероятно, что к этому времени складывается полная модель мира древнего финно-угорского (уральского населения). Среди предметов мезолитической эпохи, которые можно соотнести с сакральными, подобная знаковость в отображении мировоззрения встречается единично⁵².

ВТОРЖЕНИЕ БАЛАНОВСКИХ ПЛЕМЕН

В конце III тыс. до н. э. огромное пространство от Скандинавии и Рейна на северо-западе и западе и до р. Вятки на северо-востоке занимала весьма пестрая и неоднородная историческая общность культур шнуровой керамики (т. е. украшенной оттисками шнура) и боевых топоров. Повсюду эти культуры являются пришлыми и не имеют местных корней⁵³. Экспансия племен, носителей культуры шнуровой керамики и боевых топоров, как считает большинство исследователей, происходила из степных районов Причерноморья. В середине III тыс. до н. э. в обширные степные пространства юга России вторглись другие скотоводческие племена и под их давлением и натиском обита-

тели этих районов вынуждены были покинуть свои территории. Эта миграция происходила несколькими волнами и не была стремительной. Продвигавшиеся к северу племена принадлежали к индо-европейской языковой семье.

С одной из таких миграционных волн на рубеже III—II тыс. до н. э. в лесную полосу Восточной Европы вторглась мощная племенная группа, получившая в археологии название балановская (фатьяновская) — по названиям крупных могильников. Балановцы-фатьяновцы, по мнению многих ученых, это северные индо-европейцы, еще не разделившиеся протобалтославяно-германцы, пришедшие с юго-запада и заселившие большую территорию Волго-Окского и Волго-Вятского междуречий. Первоначально балановские пришлые племена занимали правобережье р. Волги и возвышенные участки Вятско-Ветлужского междуречья, а местное финно-угорское население обитало преимущественно в низменном полесье.

Балановское население имело навыки разведения домашних животных. В начале II тыс. до н. э. известны свиньи и мелкий рогатый скот, несколько позднее появляются лошади и коровы, возможно с новой волной мигрантов. Пришельцы пользовались двухколесными повозками и быками, как тягловой силой.

К середине II тыс. до н. э. балановские племена достаточно интенсивно внедряются в среду местного населения, гаринско-борского, обитавшего в Камско-Вятском междуречье и волосовского, занимавшего Волго-Вятский регион. Здесь, наряду с балановскими поселениями, возникают поселки, в материальной культуре которых просматриваются смешанные традиции. В этот же период пришлое население попадает в бассейн рек Большой и Малой Кокшаги и на правобережье р. Пижмы, но далее вглубь тайги не продвигается.

Балановское население принадлежало к европеоидному узколицему восточно-средиземноморскому антропологическому типу.

«Этническим знаком» культур шнуровой керамики и боевых топоров на нашей территории являются тщательно обработанные каменные шлифованные сверленные топоры (илл. 7—3, 5, 8—9) и шлифованные орудия (илл. 7—1—2). Возможно, какие-то типы каменных сверленных топоров являлись метательным оружием. Топоры изготавливали из валунного камня: диабаз, гранита, диорита, порфирита и т. п.

Пришлые племена принесли новый тип поселков — укрепленный, которые сооружались на высоких местах: вершинах холмов, удаленных от рек или на высоких естественно-укрепленных мысах берегов рек, что совершенно несвойственно для

местного населения. Поселки состояли из нескольких изолированных наземных или слабоуглубленных домов, скорее всего срубной конструкции. Могильники и места погребений балановцев также располагались на относительно высоких местах.

В результате контактов с другими народами и племенами местное население лесного Прикамья и Приуралья использовало достижения человечества, которые уже были известны на других территориях. Это навыки по обработке меди и бронзы, разведение домашних животных, использование повозок для перевозки и передвижения, способы управления конем, а позднее и земледелие. Большинство этих достижений были заимствованы финно-уграми Приуралья у различных групп индоевропейцев⁵⁴.

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ (ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН)

В начале II тыс. до н. э. (XVIII—XVII вв. до н. э.) в лесостепной полосе Евразии происходит распад культур и крупных систем, которые сопровождаются активными миграциями больших групп населения. Как один из этих процессов, можно рассматривать стремительное перемещение за очень короткий промежуток времени сейминско-турбинских племен из северных предгорий Алтая через Сибирскую лесостепь и Уральский хребет в лесные равнины Восточной Европы, в Приуралье и Волго-Камье⁵⁵. Это были немногочисленные очень воинственные и агрессивные племена металлургов-коневодов, явно превосходящих в вооружении и средствах передвижения местное население охотников-рыболовов. В какой-то отрезок времени сейминско-турбинским группам удалось захватить «политическое господство» над многими народами лесной зоны Евразии. Свидетельствами сейминско-турбинского вторжения являются могильники, где в подавляющем большинстве отсутствуют человеческие останки, но положены предметы специфического бронзового вооружения, костяные защитные доспехи. Часть таких могильников значительно разрушена, остаются только небольшие группы предметов (Коршуновский клад) или случайные находки бронзовых наконечников копий и топоров (илл. 7—4, 6, 7).

Их этническим атрибутом служило бронзовое оружие совершенных форм, которым не пользовалось местное население. В ходе продвижения сейминско-турбинских групп по просторам Урала и Восточной Европы в их состав в небольшом количестве были включены выходцы из металлургической абашевской среды, занимавшие лесостепные территории Южного Зауралья. Но это включение было вынужденным из-за неизбежных человечес-

Илл. 7. Балановские и сейминско-турбинские древности
из бассейна р. Вятки

1—2 — шлифованные тесла (коллекция Малмыжского краеведческого музея); 3, 5, 8—9 — каменные сверленные топоры; 4 — бронзовый наконечник копья; 6—7 — бронзовые топоры. Из коллекции Кировского краеведческого музея, публикуется впервые.

ких потерь. После своего продвижения на запад сейминско-турбинское население выглядело этническим изолянтном на фоне аборигенных культур Северной Евразии, оно не смешивалось с местным населением.

Короткая история сейминско-турбинских племен, занявшая немногим более двух столетий (до XV в. до н. э.) тем не менее отразилась в материальной культуре Камско-Вятского междуречья. Следует отметить, что на протяжении предыдущих периодов мезознеолита наблюдается эволюционное развитие и в домостроительстве, и в кремневой индустрии и, что самое заметное, в развитии и эволюции керамического производства. Для финальных этапов II тыс. до н. э. такая взаимосвязь прослеживается слабо или прерывисто. В то же самое время материальная культура эпохи поздней бронзы (третья четверть II — начало I тыс. до н. э.) не является для этой территории чужеродной. Складывается впечатление, что местное финно-угорское население продолжает свое развитие, но после какого-то серьезного кризиса или потрясения. Возможно, это связано в какой-то мере с вторжением сейминско-турбинских племен. Определить механизмы этих изменений пока не представляется возможным, но явление достаточно заметно, особенно в области производства глиняной посуды. Керамика отличается от местной энеолитической и от южной абашевской, племена которой входили в состав сейминско-турбинского населения, недолгое время обитавшего на Средней Каме и Вятке.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В конце II тыс. до н. э. большая часть поселений была сосредоточена на возвышенном правобережье р. Вятки. В верхнем и среднем течении реки поселения устраивались на крупных притоках Вятки, а в нижнем течении места поселений чаще располагались непосредственно по ее берегам⁵⁶. Для расселения наиболее удобной оказывалась высокая пойма, поднятая над водой на 3—5 м. Некоторое количество поселений известно и на коренном берегу р. Вятки, на высоте от 10 до 30 м. Впоследствии, в следующие исторические (археологические) эпохи, на этих высоких местах возникали городища. Меньший интерес для создания поселений представляли берега старичных озер, различных затонов и заводей. В таких местах редкие поселки возводились на высокой пойме, либо на дюнных всхолмлениях, при этом следует отметить, что в древности современные озера и затоны могли быть руслами рек.

Для поселений в эпоху поздней бронзы, как и в предыдущие периоды, всегда выбирали место топографически выражен-

ное: мыс, ограниченный поворотом террасы, либо устьем реки или ручья, либо оврагами.

Поселки в этот период состояли из двух-трех жилых построек, то есть количество жилищ на поселении было значительно меньше, чем в предыдущий период и площади поселков небольшие. На некоторых поселениях выявлено вообще по одному жилищу⁵⁷. Жилища изолированные, но возможно, как отголосок предыдущей энеолитической эпохи, сохранились и иногда встречаются постройки двухкамерные, соединенные переходом. Иногда на одном поселении могли возводиться оба типа жилищ (Израи). Все жилища имеют прямоугольную форму, длина одной стены минимум на метр, но превышает длину другой. Площадь жилых построек составляет, как правило, 50—60 кв. м, но встречаются жилища большей площадью: 80—100 кв. м и совсем небольшие — 16 кв. м. Жилища можно отнести к типу полуземлянок, обычно котлован углублен в землю на 30—40 см. В стенах сооружались широкие прямоугольные ниши или подквадратные, овальные выступы, в которых обычно расположены хозяйственные ямы, иногда в таких нишах-выступах делали очаг. Такие конструктивные особенности стен, вероятно, изначально являлись неотъемлемой частью жилой постройки и сооружались в процессе строительства жилища.

Другой архитектурной деталью дома, почти неизменявшейся с эпохи неолита, является выход в виде выступающего коридора длиной 1,4—2 м и небольшой шириной 1—1,5 м. Выход расположен обычно в углу короткой стены, реже — в центре. Очень редко выход делали в длинной стене дома или он не прослеживался планиграфически. На дне коридора-выхода встречаются небольшие ямы-углубления. Возможно, их происхождение связано с естественными углублениями пола в результате жизнедеятельности обитателей жилищ. Коридорообразный выход заканчивался постройкой типа тамбура (может быть, крыльца).

В этот период происходят изменения в устройстве очагов. Помимо простых открытых кострищ, которых большинство, появляется вымостка из песчаника на дне очажной ямы, или деревянная обкладка возле очага. Более многочисленную группу составляют кострища размерами 50 × 80 см. Другую категорию образуют очаги большего размера — 1 × 1,8 м. Длительность использования очагов не зависит от их размеров. В жилище обычно расположен один (реже — 2—3) крупный очаг и 2—3 очага меньших размеров. Каких-либо закономерностей между площадью жилищ, количеством и размерами очагов не установлено. Можно лишь отметить, что в жилищах площадью более 100 кв. м чаще встречается один большой очаг, жилища меньшей площа-

дью отапливались 2—3 очагами. Возможно, что большие постройки являлись общественными домами, местом собрания всего коллектива того или иного поселка.

В расположении очагов прослежено две тенденции: устройство их в центре постройки и недалеко от выхода (перехода) и размещение кострищ возле стен, либо в нишах. Очаги в центре жилища располагались либо по одному, либо группой, либо по одной линии.

Хозяйственные ямы в жилищах обычно устроены возле стен, по углам, в нишах. По использованию ямы можно разделить на основательные и относительно глубокие ямы-кладовки и неглубокие и небольшие ямы-углубления в полу, имеющие хозяйственное назначение. Обычно в жилище имеется 2—4 достаточно крупные ямы.

В эпоху поздней бронзы по-прежнему встречаются и небольшие стоянки сезонного характера. На таких охотничьих сезонных стоянках компактной группой расположены обычно 2 или 4 ямы. Иногда они сооружались в ряд. Размеры таких ям небольшие — от 1,5 × 2,6 м до 2,2 × 3,0 м.

Орудия из бронзы на поселениях встречены очень редко, а основным сырьем для изготовления орудий труда по-прежнему оставался местный серый кремнь, плиточный кремнь, часто использовалась галька. В технике раскалывания кремня преобладает отщеповая индустрия, для орудий использовали небольшие отщепы размером 1,5—3 см. В то же время используются скребки, изготовленные на очень мелких отщепах (менее 1,5 см). Пластинчатая индустрия носит второстепенный характер. Кремневые орудия труда, используемые на поселениях эпохи поздней бронзы, сохранили некоторые черты, свойственные еще предшествующему периоду энеолита. Но, вместе с тем, в кремневых комплексах имеются и характерные признаки эпохи: угасание кремневой индустрии, что проявляется в небрежности оформления самих орудий, в использовании низкокачественного галечникового сырья, в большом количестве (аморфных) скребков на заготовках случайных форм.

В этот период происходят заметные изменения в такой категории материальной культуры, как глиняная посуда. Меняется технология изготовления керамики, используются другие примеси (отошители) для глиняного теста, стенки сосудов становятся значительно тоньше (4—5 мм по сравнению с 7—9 мм) даже у крупных сосудов для хранения припасов. Узор занимает только верхнюю треть сосуда; для его выполнения применяется резная техника (прочерчивание горизонтальных линий острой тонкой палочкой), используется овальный гладкий штамп и очень узкий гребенчатый штамп почти без вариаций по ширине

и длине. Узоры расположены только горизонтально и определенными зонами, композиции орнамента почти не повторяются. По форме сосуды можно разделить на четыре самостоятельные группы: хорошо и четко профилированные плоскодонные горшки; простые банки; невысокие с широкими боками круглодонные сосуды и небольшие чаши⁵⁸.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Начиная с VII в. до н. э. в жизнь древних коллективов постепенно внедряется железо и связанные с этим изменения в хозяйстве и экономике⁵⁹. В хозяйстве значительное место занимает скотоводство, исследователи говорят о развитии земледелия, но здесь следует заметить, что по своим идеологическим мировоззренческим представлениям население раннего железного века Приуралья было ближе к охотничьим коллективам, чем к земледельческим обществам⁶⁰. В это время устанавливаются тесные связи с культурами Кавказа, скифской и восточных кочевников степей Евразии. Технологические приемы обработки железа восходят к кавказским традициям, к индо-иранским народам⁶¹.

С I тыс. до н. э., с эпохой раннего железного века, в Приуралье и на Среднем Поволжье связывают ананьинскую культуру (культурно-историческую общность), которая занимала территорию от Ветлуги и Суры на западе до Белой и Верхней Камы на востоке, Вычегды и Печоры на севере.

Памятники VII—III вв. до н. э., расположенные по берегам Вятки и ее притокам, определены исследователями как вятский локальный вариант ананьинской культурной общности⁶².

В начале железного века отмечается резкая «военизация» всей жизни, по сравнению с более мирной эпохой конца бронзового века, что достаточно ярко отражено в материальной и духовной культуре лесных обществ Приуралья и Урала⁶³. В VI в. до н. э. в бассейне р. Вятки на высоких береговых мысах появляются укрепленные поселения — городища, защищенные земляным валом и внешним рвом. Земляной вал, по всей вероятности, был по верху дополнительно укреплен деревянной стеной по типу частокола или рядами плетня.

Другой тип поселений — это селища, расположенные на более низких террасах и без укреплений. В период VII—V вв. до н. э. существовало больше селищ, чем городищ, и они были сосредоточены преимущественно в бассейне Средней Вятки. Некоторые селища располагаются в непосредственной близости от городищ⁶⁴. Возможно, что на раннем этапе железного века у населения не было острой необходимости возводить укрепленные

городища; впоследствии отдельные селища, занимающие топографически выгодное и удобное место, начали укреплять, а другие прекратили свое существование. Площадь почти половины поселков определяется в 1000 кв. м, встречаются селища и большей площади. Культурные остатки на селищах отличаются от культурных напластований на городищах. Так, поселенческие слои не насыщены золой и, возможно, по этой причине не содержат большого количества костей животных, что весьма характерно для культурного слоя городищ (археологи и исследователи древностей прошлого века называли такие городища костеносными).

В ананьинскую эпоху возводили прямоугольные наземные жилища, площадью около 100 кв. м. В землю жилое сооружение углублялось не более чем на 30 см⁶⁵. Заглубленность пола позволяла увеличивать теплоизоляцию помещения, что в условиях региона, где дома строились без фундамента, было очень важно.

Первоначально большинство домов длинными стенами ориентировано по линии юго-запад — северо-восток, позднее ориентация меняется на меридиональную. Вход в жилище был в торцевой короткой стене⁶⁶. Он всегда имел квадратную форму и размеры от 1,5 до 3 м. Тамбур-выход мог вплотную примыкать к стене или возводился в конце небольшого коридора. Постройки имели срубную конструкцию. Стены складывались из нетолстых бревен, которые в углах и вдоль закреплялись столбами-подпорками. Такая конструкция не могла быть очень высокой и необходимая высота жилого сооружения достигалась за счет устройства шалашевидного двускатного перекрытия.

Интерьер жилищ устойчив на протяжении всего периода раннего железного века. Жилище отапливалось 2—4 очагами, реже их количество доходило до 10. Они имели форму, близкую к квадратной, при средних размерах 1,3 м или прямоугольную размером в среднем 1 × 2 м. Очаги по-прежнему представляли открытые кострища, иногда обложенные камнями.

В большинстве случаев ориентация очагов отклоняется от ориентации жилища. И тем самым задается диагональность внутренней планировки. Внутри жилища очаги располагаются цепочкой вдоль длинной оси постройки или чуть в стороне от нее, в центре, ближе к выходу, либо в углах и у стен. К очагам часто примыкают группы столбовых ямок, дополнительные прокалы, зольные линзы, скопления камней и находок и таким образом в жилище образуется планировочно-оформленное пространство. Все эти объекты занимают одну диагональную часть дома, достаточно четко разделяя его на две половины: жилую и хозяйственно-производственную.

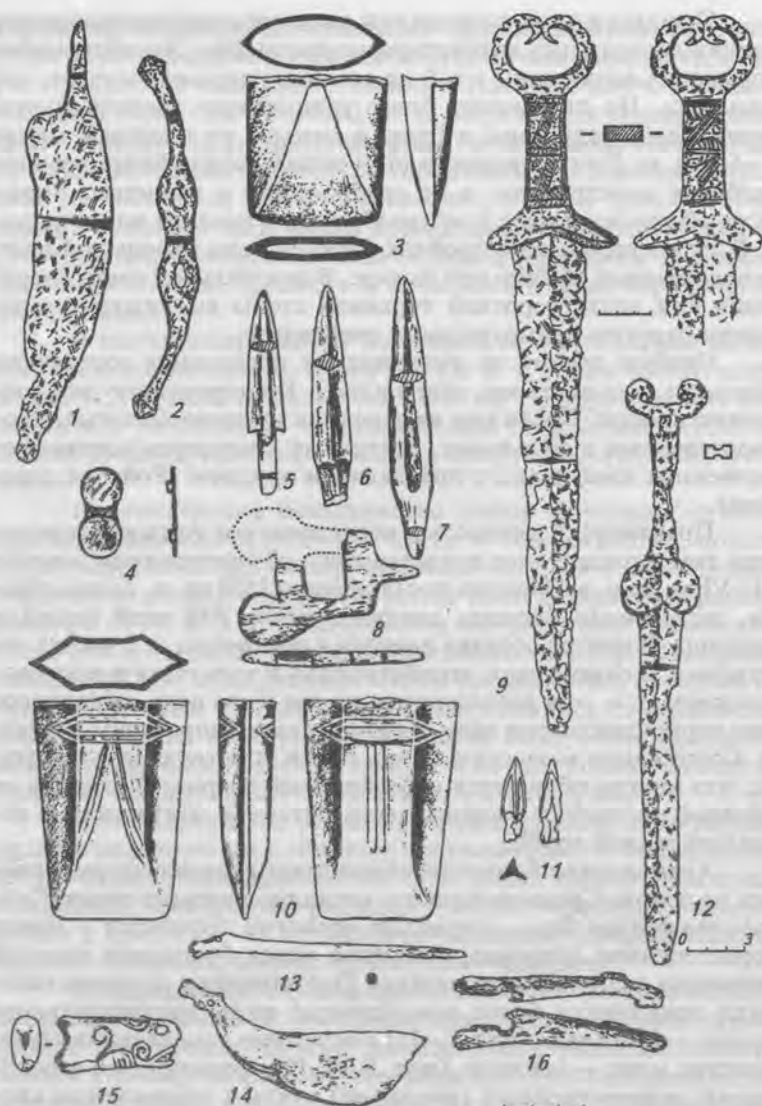
Помимо жилых сооружений на поселениях ананьинского времени возводились хозяйственные постройки. Хозяйственные сооружения выполнены в той же домостроительной манере, что и жилища. Но они имеют более удлиненную прямоугольную форму, слабо углублены в грунт и меньше по площади, около 40—60 кв. м. При возведении стен использована более древняя столбовая конструкция, а не срубная, как в жилищах. Выход также оформлен в виде тамбурообразного выступа или коридора. В хозяйственных постройках имеется один небольшой очаг, расположенный обычно при выходе. В центральной части сооружения или возле короткой торцевой стены выкапывали ямы-камеры округло-прямоугольных очертаний.

Особую группу на ананьинских поселениях составляют отдельные, вне построек, очаги и ямы. Конструктивно они достаточно просты. Среди них выделяются кухонно-бытовые, производственные и культовые, отдельные комплексы составляют жертвенные ямы-клады с престижным оружием (Ройское городище).

Практически полностью исследованное Аргыжское городище дает определенное представление об укреплённом поселке VII—VI вв. до н. э. Площадь поселка около 2500 кв. м. Таким образом, застроенная площадь занимает менее 20% всей площади городища. В центре поселка имеется 4 постройки — 2 жилых сооружения, в одном ряду; хозяйственная и культовая в противоположном, т. е. они расположены по две в два ряда, ориентированы перпендикулярно валу. В сторону вала направлены и выходы. Сооружения возведены тесно, почти вплотную друг к другу, так, что внутри образуется своеобразный дворик. В стороне от основной застройки располагались литейная мастерская и небольшой жилой сруб⁶⁷.

Ананьинское бронзолитейное производство сформировалось на основе Средневожского металлургического очага. Собственная рудная база — пермские медистые песчаники — имела второстепенное значение. Основная масса бронзовых изделий выполнена из привозного металла. Под влиянием степного населения появляются более совершенные виды наступательного оружия — бронзовые (илл. 8—11) и железные наконечники стрел, короткие мечи — акинаки, (илл. 8—9, 12), формируется своеобразный художественный (звериный) стиль в оформлении костяных и иных изделий (илл. 8—13—16), орудия из железа появляются в V—IV вв. до н. э. (илл. 8—1—2).

В практике разведения крупного рогатого скота преобладало мясное направление. Редко встречаются животные старше 3-х лет, содержащиеся для получения молочных продуктов. Крупный рогатый скот ананьинцев был тонкокостный, комо-

Илл. 8. Древности VI—III вв. н. э. (ананьинская культура) из собрания Кировского краеведческого музея

1 — нож; 2 — псалия, часть конских удил; 3, 10 — кельты; 4 — наклад-ка— украшение пояса; 5—7, 11 — наконечники стрел; 8— пряжка от конской упряжи 9, 12 — кинжалы (акинаки); 13— проколка; 14 — ложка (культовый предмет); 15— рукоятка ножа; 16— крючок— застежка поясной. 1, 2, 9, 12 — железо; 3, 4, 10, 11 — бронза; 5—8, 13—16 — кость.

лый, мелкий: высота коров в холке составляла 108 см, а быков 114 см. Поголовье быков было небольшим. Этот скот был близок разновидностям домашних животных скифов. Довольно крупные размеры имели свиньи, также достаточно большими были и узколобые собаки, напоминающие современных лаек⁶⁸.

Места для могильников выбирали на берегу реки. Основная масса погребенных укладывалась ногами к реке, чтобы умерший мог уплыть в другой мир по реке. В центре могильников сооружался жертвенник из валунов и плиточника, где проводились обряды, иногда такой жертвенник называют «домом мертвых». По антропологическому типу ананьинцы принадлежали к смешанному населению — европеоидному с примесью монголоидности, иногда значительной.

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

а) БАССЕЙН р. ВЯТКИ

К середине I тыс. н. э. на территории Вятско-Ветлужского междуречья окончательно формируется этнос пермской языковой группы (праудмурты) и на протяжении всего тысячелетия развивается без сильных инокультурных влияний и потрясений. В этот период в среде крупных этнокультурных объединений территориально оформляются более мелкие и более самостоятельные социальные группы⁶⁹. В V в. н. э. обитатели Вятско-Ветлужского междуречья испытывают определенное воздействие племен, населявших левобережье Волги — протославянских (именьковских) и прамарийцев (городецких). В VI—IX вв. граница распространения пермского языкового и этнического массива смещается с левобережных притоков Волги к верховьям рр. Бол. Кокшаги, Немды, Уржумки. Это связано с проникновением и экспансией на соседние территории древнемарийского населения. На юго-западной границе распространения праудмуртской общности локализуется наибольшее количество городищ-убежищ второй половины I тыс. н. э. Они отмечают своеобразную линию контактной зоны древнеудмуртских и древнемарийских племен. Некоторые из этих городищ носили название «ододем» — вотское жилище. Население, обитавшее на Средней Вятке, не испытало такого заметного влияния древнемарийских племен.

В V—IX вв. древнеудмуртская общность локализовалась на юго-востоке и юге в низовьях и среднем течении р. Белой, в удмуртском Прикамье; на западе и северо-западе — на Нижней и Средней Вятке с притоками и на р. Чепце. На этой территории выделяются две зоны: юго-восточная (р. Белая, низовья р. Камы) и западная (бассейн р. Вятки). Западная зона характеризуется

наибольшей исторической изменчивостью этнических границ. Население западной группы (еманаевская культура) в дальнейшем послужило основой для формирования этнографических групп удмуртов.

К началу II тыс. н. э., к XI в. происходит окончательное вытеснение юго-западных групп удмуртского населения на левобережье Вятки. А значительный отток населения уже с этой территории наблюдается в XIII в., что, по-видимому, было вызвано русской колонизацией. Направление миграции древнеудмуртского населения — р. Чепца.

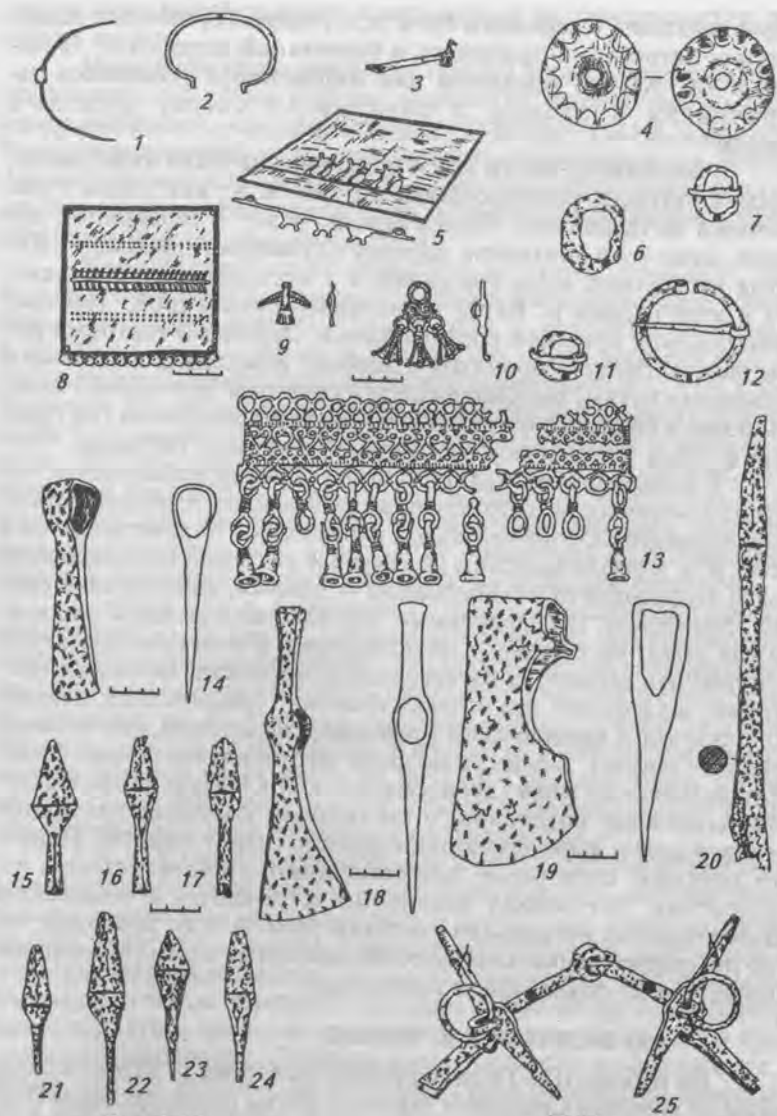
Среди поселений I тыс. н. э. преобладают городища, которые располагаются преимущественно на правобережье р. Вятки, где больше возвышенных мест. Городища эпохи средневековья возводились на тех мысах, где ранее уже существовали укрепленные поселения (в раннем железном веке).

Городища относятся к стандартному для Приуралья типу мысовых, имеют, как правило, однорядную систему укреплений — вал, ров.

Интенсивное освоение древнеудмуртским населением левобережных районов р. Вятки приходится на вторую половину I тыс. н. э. Для этой территории более характерны неукрепленные селища, которые расположены, как правило, изолированно, вне системы городищ или могильников и не образуют с городищами территориально-компактных групп. Основная масса селищ появляется здесь с середины I тыс. н. э. Для селищ выбирали низкие надпойменные террасы, невысокие коренные берега мелких небольших рек, пойменные участки и какое-либо топографически выделенное место: мыс, всхолмление коренной террасы, пойменную дюну. А на рубеже I—II тыс. н. э. компактные группы селищ расположены только в среднем течении р. Вятки, в бассейнах рек Кильмезь, Вала, Лобань.

Жилые постройки на местах поселений — это наземные прямоугольные сооружения со слабоуглубленным котлованом без планиграфически выраженного входа-тамбура. Очаги располагались в центре и в углу жилища и имели каменную обкладку. Хозяйственных ям внутри жилой постройки нет, они сооружались за пределами дома, на территории поселка. Захоронения умерших предков производились либо по обряду трупоположения (ингумация), либо по обряду трупосожжения (кремация). Сожжение производилось в стороне, без вещей, и остатки просто ссыпали в беспорядке в подготовленную могильную яму. При трупоположении умерших укладывали на спину, украшения и принадлежности костюма располагались так, как они использовались при жизни. Иногда часть вещей складывали в погребении отдельно, создавая своеобразный жертвенный комплекс.

Илл. 9. Украшения и предметы хозяйства I тыс. н. э.

Собрание Кировского краеведческого музея

1, 2 — браслеты; 3 — охотничий свисток (манок), украшенный фигуркой птицы; 4, 5, 8, 9 — накладки; 6-7, 11 — поясные пряжки; 10-13 — шумящие подвески; 12 — застежка-сюльгама нагрудная; 14, 18 — боевые топоры (чеканы); 15-17, 21-24 — наконечники стрел; 19 — топор хозяйственный; 20 — наконечник копья; 25 — удила.

1, 2, 4, 5, 8-10, 12, 13 — бронза; 6, 7, 11, 14-25 — железо.

Первоначально, с середины III в. н. э., такие жертвенные комплексы в погребении хранились в берестяной коробочке. Позднее, в IX—XI вв., предметы для жертвенного комплекса заворачивали в одежду и обвязывали сверху кожаным ремнем⁷⁰.

В бассейне р. Вятки слабо представлена такая информационная категория, появляющаяся в I тыс. н. э., как клады с монетными материалами, украшениями, реже — серебряной посудой, даже если учитывать элемент случайности находок⁷¹. Дорогие импортные вещи единичны и в могильниках. Очевидно, что в этот период р. Вятка не являлась постоянной торгово-транспортной артерией средневековья. Основной торговый поток шел по более освоенным и хорошо известным камскому и волжскому путям. Необходимости в создании еще одного пути, тем более в области с относительно редким населением (по сравнению с тем же камским бассейном), вероятно, не было.

В материальной культуре этого периода наблюдается сочетание местных вятских поволжско-финских и общеевропейских традиций. Особенностью и характерной чертой костюма в I тыс. н. э. в Волго-Камском междуречье являются разнообразные пояса. Отдельные их составляющие — пряжки, наконечники ремней, бронзовые, посеребренные, серебряные накладки (заклепки) на кожаную основу — объединяются в поясную гарнитуру. Вся поясная гарнитура изготовлялась местными вятскими мастерами, но в форме и в отделке изделий (орнаментике, декоре) использовался европейский (римский, сарматский, салтовский) стиль и стандарт. Близость вятского региона к западному финско-поволжскому миру (древнемарийской культуре) способствовала широкому внедрению в костюмный комплекс различных типов, видов и форм шумящих подвесок (илл. 9—10, 13). Наиболее крупные, сложные и, соответственно, дорогостоящие в изготовлении, без особых изменений встречаются в комплексах на протяжении нескольких столетий (илл. 9—13). Вероятно, такие по-своему уникальные и особо значимые изделия могли передаваться из поколения в поколение.

б) ЗАСЕЛЕНИЕ р. ЧЕПЦЫ

На рубеже III—IV вв. началось заселение р. Чепцы выходцами из районов Средней и Нижней Вятки (худяковскими (азелинскими) племенами). На рубеже V—VI вв. часть пермского населения с Верхней Камы (племена ломоватовской культуры) перемещается на юг и достигает верхнего и среднего течения р. Чепцы. К VI в. из двух пришлых компонентов здесь формируется новый этнокультурный массив, существовавший до IX в. (поломская культура)⁷². Освоение р. Чепцы в период средневековья

шло в двух направлениях: с юго-запада на северо-восток и с севера на юг.

На раннем этапе заселения группы первопоселенцев были небольшие, но верхнекамское население количественно было более значимым, чем средневатское (худяковское) и поселения более сосредоточены на правых притоках и правобережье р. Чепцы. Антропологические материалы также свидетельствуют о двухкомпонентности населения: широколицые и узколицые с европеоидными чертами южного типа.

Жилища поломского населения во второй половине I тыс. н. э. представлены наземными срубными бревенчатыми сооружениями без фундамента и углубления — подполья, площадью в 20—45 кв. м и 55—85 кв. м. Основание сруба закреплялось на земле песчано-гравийной смесью или сухой глиной. С VIII в. появляются завалинки вокруг жилых сооружений. Выход располагался в длинной стене дома и несколько смещался к одному из углов. Помещение обогревалось одним или двумя очагами, сложенными из камня на глинобитном основании. Возле очагов устраивались две или три хозяйственные ямы. Позднее сооружалась одна крупная яма, наполовину выходящая за пределы постройки. Ямы иногда обкладывались досками или берестой.

С конца VIII в. в бассейне р. Чепцы появляются этнические группы из-за Урала, которые большинство исследователей считает угорско-самодийскими. Эти небольшие группы пришлого населения не смогли потеснить местных обитателей и существенно повлиять на их культуру, которая вобрала в себя лишь отдельные элементы пришельцев. В начале IX в. поломское население постепенно расселяется на Вятку и Среднюю Волгу и принимает самое непосредственное участие в формировании волжско-булгарского этнокультурного объединения.

В X—XIII вв. бассейн р. Чепцы занимает другое культурное археологическое образование — чепецкая культура, которая складывается на основе предшествующей поломской. Территория чепецкой культуры смещена к западу относительно поломской и занимает среднее течение р. Чепцы. Исследователи отмечают многокомпонентность чепецкой культуры⁷³. Правобережные памятники, вероятно, представляют линию развития поломского пражского населения. Левобережные городища оставлены, очевидно, другой группой древнеудмуртского населения, выходцами с левобережья Вятки (еманаевско-азелинская). Ассимиляция поломского и азелинско-еманаевского населения привела к формированию в левобережной части Чепцы одной из групп удмуртов Калмез. Другую этнографическую группу удмуртов Ватка исследователи локализуют в бассейне Средней Вятки. Заселение Чепцы представителями этой группы относится, видимо, к XIII в.

Большинство городищ расположено в это время также на высоком правом берегу р. Чепцы или на притоках поблизости от Чепцы. К началу II тыс. н. э. благодаря удобным ландшафтно-климатическим условиям и определенным социально-экономическим процессам Средняя Чепца выделилась в относительно замкнутый демографически насыщенный район⁷⁴. Поселки имеют рядовую планировку, жилые сооружения расположены в центральной части поселения двумя рядами. По краю возводились хозяйственные и производственные постройки. Жилища наземные, небольшие, площадью 30—40 кв. м. Пол утрамбован прокаленной глиной, временами он подновлялся. Возле жилища, иногда внутри его, имеется яма для хранения припасов.

ЗАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕЙ КАМЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Верхнее течение р. Камы (в пределах современного Афанасьевского района) заселено зюздинской группой племен древних коми (зюздинский локальный вариант ломоватовской культуры). Этот район начал интенсивно осваиваться с V в. н. э. выходцами со Средней Камы, обитавшими здесь в I тыс. н. э. (гляденовская культура), и пришлыми западносибирскими группами. Племенным центром этого региона, очевидно, является Аверинский комплекс, в который входят городище (Шудьякар), два могильника и более полутора десятков селищ, функционировавших с VI по XIV вв.⁷⁵

Для городищ использовались места с хорошей естественной защитой — это, как и везде в Приуралье, высокие мысы, ограниченные с двух-трех сторон оврагами с малодоступными склонами. Иногда фортификационная система вал-ров, расположенная с напольной стороны, дополнялась оборонительными траншеями или кольцевыми рвами вдоль склонов поселения и таким образом замыкалась. Среди городищ достаточно много городищ-убежищ. Но основная масса жителей Верхнекамья была сосредоточена в селищах. Поселки открытого типа группируются вокруг городищ на расстоянии 0,5—1 км друг от друга. Селища располагались близко к пойме. В X—XIV вв. количество селищ в Верхнекамье значительно увеличивается, что вероятно связано с социальными изменениями внутри общества, вызванными распадом больших социальных групп (патриархальных семей).

Население Верхней Камы строило жилища двух типов — срубно-столбовой и столбовой конструкции, но всегда прямоугольные в плане и наземные. Очаги имели каменную обкладку.

Для могильников местные жители выбирали места недалеко от поселений на высоких террасах, выходящих к реке. Умер-

ших соплеменников хоронили по обряду трупоположения и частичного или полного трупосожжения. Преобладает второй тип захоронений (кремация). Инвентарь и кальцинированные кости в такого рода захоронениях располагались беспорядочно, либо небольшими скоплениями по всей засыпи ямы. Иногда вещи заворачивали в шкуру или бересту. К началу II тыс. н. э. обряд кремации был вытеснен обрядом трупоположения.

ЖИВОТНОВОДСТВО В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Во второй половине I тыс. — начале II тыс. н. э. население Вятско-Камского региона разводило коров и лошадей⁷⁶. Коровы представляли «лесной» тонконогий комолий, реже коротконогий, тип с высотой в холке от 105 до 114 см. Лесное население северных районов края вполне обеспечивало себя продуктами мясного питания и этими исходными продуктами была говядина, конина, мясо лося, северного оленя и бобров. Около третьей части мясной пищи давала охота. При этом с середины I тыс. охотничья деятельность приобретает все более выраженное «пушное» направление.

Лошади были двух разновидностей: мелкие низкорослые «лесные» высотой в холке 128—134 см и лошади «степного» типа, более высокие, имевшие в холке высоту 144 см. Этим лошадям прикамское население постоянно получало от южных соседей-кочевников, вернее всего в обмен на ценную пушнину. Количество овец в стаде домашних животных было невелико. Причем местные овцы имели меньшие размеры, чем, например у западных соседей — болгар, но несколько крупнее наиболее распространенной в лесной зоне древнерусской овцы. Такие особенности в размерах домашних животных, по всей вероятности, объясняются широкими и постоянными торговыми связями, которые финское население края поддерживало с болгарским государством, а через него с кочевническим миром. На городищах чепецкой и верхнекамской территорий в стадах домашних животных нет свиней, но их разводили на восточной периферии финно-угорского мира — на Средней Каме (неволинская культура).

Ритуальной особенностью, свойственной оседлому животноводческому населению, является захоронение черепов почитаемых животных в погребениях с умершими. Чаще всего встречаются черепа лошадей, реже — коров. Иногда их оставляли при совершении погребальных тризн (обедов) на территории могильника. В большинстве случаев лошадей убивали в возрасте 5—6 лет, редко старых. При совершении погребальных ритуалов

не использовались кости диких животных, хотя в «кухонных остатках» на городищах процент диких промысловых охотничьих видов достаточно велик.

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Широкое распространение железа в хозяйстве приуральских народов во многом объясняется доступностью сырья и топлива. В верховьях Камы и Вятки располагался район промышленной добычи руды. Кузнечная техника являлась составной частью восточноевропейского металлообрабатывающего производства⁷⁷. По исполнению отдельных операций, применению технологических схем продукция приуральских местных мастеров немногим уступала изделиям мастеров Древней Руси. В основе производства одного из самых массовых типов орудий — ножей — лежала сложная технология трехслойного пакета, появившаяся в Верхнем Прикамье не позднее XI в. Универсальным орудием рубки деревьев и первичной обработки древесины являлся топор. На рубеже I—II тыс. проушные топоры местных типов уступают место общеевропейским формам. Наиболее распространенным был широколезвийный топор с опущенным лезвием и одной парой щековиц (илл. 9—19). Основным приемом в изготовлении топоров было сгибание пополам полосы железа или сырцової стали, при этом стальная леза вставлялась между согнутыми концами заготовки. При изготовлении древнерусских топоров основным технологическим приемом была наварка стального лезвия на железную основу.

При изготовлении наконечников стрел (илл. 9—15—17, 21—24) мастера применяли наиболее простые технологические приемы: формовку изделия свободной ручной ковкой из железной и гораздо реже стальной заготовки. Такие же простые технологические схемы применялись для изготовления оружия, конской упряжи. Даже боевые топоры (илл. 9—14, 18), относящиеся к группе качественных орудий, изготавливались свободной ручной ковкой из цельнометаллических заготовок. Для орудий труда характерны более сложные технологические приемы. Возможно, тенденции к сокращению профессионального оружия в Прикамье проявились в упрощении технологии его изготовления.

Наиболее распространенным приемом изготовления изделий из черного металла было сочетание твердого лезвия с вязкой основой посредством кузнечной сварки. Не менее характерна и технология наварки стального лезвия, широко представлена технологическая схема вварки стального лезвия. В процессе развития кузнечного ремесла происходит увеличение количе-

ства сварных конструкций, как технологически более совершенных, за счет уменьшения цельностальных и цельножелезных орудий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под археологической культурой понимают устойчивую группу различных типов памятников (городищ, селищ, поселений, стоянок, могильников), которые в определенный хронологический период занимают определенную территорию. Эти памятники обладают реальным, объективно существующим единством в материальной культуре. Многие исследователи полагают, что археологическая культура представляет реально существующее историческое образование.

² Волокитин А. В. К проблеме этнолингвистической интерпретации материалов мезолитической эпохи Урала и Поволжья //Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье /Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 14. Сыктывкар, 1995. С. 42—44.

³ История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 323—324.

⁴ Восточные районы и Приполярный Урал были освоены еще в ледниковый период. Ошибкина С. В. Освоение человеком севера лесной полосы в голоцене //Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981. С. 37.

⁵ Гусенцова Т. М. Мезолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. С. 25; Ластовский А. А. Мезолит Среднего Поволжья и Приуралья //Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1993. С. 126; Ошибкина С. В. Мезолит бассейна р. Вятки //Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С. 17.

⁶ Палеолит — древний каменный век, начинается примерно 1,75 млн. лет назад с появлением человека и древнейших орудий, продолжается в течение большей части ледникового периода до окончательного отступления ледника около 8300 г. до н. э. Подразделяется на нижний палеолит, период древнейших людей, эру неандертальского человека и верхний палеолит, который начинается примерно 38000 лет назад, с резцово-отщеповой индустрией и пещерным искусством.

⁷ Хотинский Н. А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР //Памятники эпохи неолита /Краткие сообщения Института археологии. М., 1978. С. 9.

⁸ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977. С. 59; Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957. С. 353.

⁹ Шаландина В. Т. О развитии растительного покрова северо-востока Приволжской возвышенности в голоцене //Биологические науки. 1977. № 12. С. 94, 148; Хотинский Н. А., Немкова В. К. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене //Археологические исследования севера Евразии /Вопросы археологии Урала. Вып. 16. Свердловск, 1982. С. 147; Немкова В. К., Матюшин Г. Н., Яхи-

мович В. Л. Время и природные условия возникновения и развития мезолита в Предуралье и на Южном Урале // Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 182; Иванова Н. Г. Геологический возраст высокой поймы р. Вятки по данным споро-пыльцевого анализа // Доклады Академии наук СССР. Т. 172, № 2. С. 427.

¹⁰ Бутаков Г. П. Геоморфологическое строение долины Средней и Нижней Вятки и расположение древних поселений // Памятники эпохи неолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 21, 26.

¹¹ Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989. С. 6.

¹² Петренко А. Г. К вопросу исследования исторических особенностей формирования животноводческой деятельности на территории лесной зоны Среднего Поволжья // Археологические работы 1980—1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища / Археология и этнография Марийского края. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1989. С. 6; Гусенцова Т. М. Указ. соч. С. 9—10.

¹³ Шаландина В. Т. Палеонтологическая характеристика археологических памятников Марийского Поволжья // Археологические работы 1980—1986 гг. С. 179.

¹⁴ Мезолит СССР. С. 6—7.

¹⁵ Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 66. Мезолит СССР. С. 12; Долуханов П. М. География каменного века. С. 187.

¹⁶ Гусенцова Т. М. Указ. соч. С. 220—221.

¹⁷ Мезолит СССР. С. 5; Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983. С. 45; Гусенцова Т. М. Указ. соч. С. 59—69, 63—64.

¹⁸ Долуханов П. М. География каменного века. Генинг В. Ф. Происхождение и древнейшие этапы развития индоевропейской и уральской этнических общностей // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 9; Никитин В. В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996. С. 41; Ластовский А. А. Указ. соч. С. 127.

¹⁹ Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Указ. соч. С. 63.

²⁰ Гричук В. П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата северного полушария в атлантический период голоцена // Голоцен. М., 1969. С. 55; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Природные условия обитания раннеолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 151.

²¹ Немкова В. К. Природные условия южного Приуралья в эпоху бронзы // Бронзовый век южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 148—149; Иванова Н. Г. Указ. соч. С. 427; Хотинский Н. А., Немкова В. К. Указ. соч. С. 148—149; Хотинский Н. А. Указ. соч. С. 77.

²² Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Указ. соч. С. 148—149, 153.

²³ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Указ. соч. С. 152; Гусенцова Т. М. Указ. соч. С. 195.

²⁴ Вывод автора на основании анализа местоположений памятников в Арбажском районе. Рукопись.

²⁵ Бутаков Г. П. Указ. соч. С. 27.

²⁶ Неолит Северной Евразии. Археология. М. 1996. С. 8; Петренко А. Г. Указ. соч. С. 153.

²⁷ Ермолова Н. М. Охота и природа южной Сибири в каменном веке // Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 201.

²⁸ Гусенцова Т. М. Указ. соч. С. 81, 222—224.

²⁹ Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 83.

³⁰ Гуман Н. А., Хотинский Н. А. Антропогенные изменения растительности центра Русской равнины в голоцене // Антропогенные факторы. С. 14; Шаландина В. Т., Шакирова Д. Р. Растительный покров Марийского Заволжья в неолите — железном веке // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995. С. 174—175.

³¹ Неолит. С. 250.

³² Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Указ. соч. С. 75—76, 191; Кожин М. П. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 60.

³³ Семенов В. А., Коробкова Г. Ф. Указ. соч. С. 191—199.

³⁴ Калинина И. В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1993. С. 15—17.

³⁵ Кожин М. П. Указ. соч. С. 61.

³⁶ Халиков А. Х. Уральцы и дравиды на севере центральной части Евразии // Археологические культуры и культурно-исторические общности. С. 210.

³⁷ Никитин В. В. Указ. соч. С. 69—73.

³⁸ Халиков А. Х. Указ. соч. С. 210—212; Никитин В. В. Указ. соч. С. 107, 112.

³⁹ Петренко А. Г. Первые животноводы Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1. Казань, 1994. С. 42.

⁴⁰ Хотинский Н. А., Немкова В. К. Указ. соч. С. 149; Немкова В. К. Указ. соч. С. 150; Шаландина В. Т., Бутаков Г. П. Указ. соч. С. 26.

⁴¹ Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982. С. 6—8; Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987. С. 7.

⁴² Черных Е. М., Кузьминых С. В. О химическом составе металлов с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья // Из истории культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1977. С. 93—95.

⁴³ Энеолит СССР. С. 6—8; Эпоха бронзы. С. 7, 10.

⁴⁴ Наговицын Л. А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века. С. 103, 108; Наговицын Л. А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы. С. 30; Соловей И. В. Некоторые итоги изучения энеолитических жилищ бассейна р. Камы и Средней Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских городов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 53.

⁴⁵ Соловей И. В. Указ. соч. С. 53, 56.

⁴⁶ Мошинская В. И. Древнейшая скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 31.

⁴⁷ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 278; Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5—7; Айхенвальд А. Б., Петрухи В. Я., Хелимский Е. А.

К реконструкции морфологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 187—188.

⁴⁸ Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических племен // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 131. М., 1972. С. 36—45.

⁴⁹ Торопов В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 234—267.

⁵⁰ Время мифическое // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1994. С. 252—253.

⁵¹ Гурина Н. Н. Водоплавающая птица. С. 36—45; Журавлев А. П. Пегрема. (Поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991. С. 154—160.

⁵² Искусство каменного века. М., 1992. С. 12—26.

⁵³ Брюсов А. Я., Зимина М. Н. Каменные сверленные топоры на территории Европейской части СССР // Свод археологических источников. Вып. В. 4—40. М., 1966. С. 16; Бадер О. Н., Халиков А. Х. Балановская культура // Эпоха бронзы. С. 78—84; Петренко А. Г. К вопросу исследования исторических особенностей. С. 154.

⁵⁴ Голдина Р. Д. Силуэты растаявших веков. Ижевск, 1996. С. 62.

⁵⁵ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М. 1989. С. 271—277; Черных Е. Н., Кузьмин С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы. С. 84, 100—105.

⁵⁶ Сенникова Л. А. Климат в эпоху бронзы и топография поселений // Кирово-Чепецкий район в прошлом и настоящем. Кирово-Чепецк, 1996. С. 5—8.

⁵⁷ Сенникова Л. А. Поселения и жилища эпохи бронзы на р. Вятке // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 77—80. Она же. Поселение Этанцы II на Средней Вятке // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 135—138.

⁵⁸ Сенникова Л. А. Поселения эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 86.

⁵⁹ Железо было известно в Малой Азии в III тыс. до н. э., первые железные изделия здесь были ритуальные. Во II тыс. до н. э. ритуальные наборы железных изделий встречаются в усыпальницах фараонов, но «взрыв» произошел только в VIII—VI вв.

⁶⁰ Тезис, принадлежащий В. В. Ванчикову.

⁶¹ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. № 30. М., 1952. С. 165—181; Черных Е. Н. Чередой бесчисленных культур // Знание — сила. 1984. № 3. С. 30.

⁶² Ванчиков В. В. Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 78.

⁶³ Борзунов В. А. Городище Ален-тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // Российская археология. 1997. № 1. С. 178.

⁶⁴ Ванчиков В. В. Указ. соч. С. 78—79.

⁶⁵ Черных Е. М. Жилища племен Прикамья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, М., 1992. С. Она же. Сооружения ананьинского времени на Вятке // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров, 1996. Т. I. С. 133.

⁶⁶ Выражаю огромную благодарность ст. преподавателю кафедры Отечественной истории Кировского педагогического университета В. В. Ванчикову за предоставленную возможность использовать в статье его неопубликованные материалы.

⁶⁷ Реконструкция поселка сделана В. В. Ванчиковым.

⁶⁸ Петренко А. Г. О морфологических особенностях костей скелета крупного рогатого скота из археологических памятников Среднего Поволжья // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 49—51.

⁶⁹ Лещинская Н. А. Вятский бассейн в I — начале II тысячелетия (по археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. С. 8—9, 19—20. Она же. Археологические памятники I тыс. н. э. Вятского бассейна // Религия и церковь в культурно-историческом развитии. С. 140—143; Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских городов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 14.

⁷⁰ Лещинская Н. А. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 100.

⁷¹ Лещинская Н. А. Вятский бассейн в I — начале II тысячелетия. С. 15.

⁷² Семенов В. А. Этнокультурные компоненты полоумской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 23—26.

⁷³ Голдина Р. Д. Краткий очерк этнической истории удмуртского народа в эпоху железа (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 8.

⁷⁴ Иванова М. Г. Чепецкие городища: проблемы и перспективы исследования // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 48—651.

⁷⁵ Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. С. 11—27.

⁷⁶ Петренко А. Г. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Прикамья // Исследования по средневековой истории. С. 66—67.

⁷⁷ Завьялов В. И. Итоги и перспективы изучения кузнечного ремесла древних удмуртов // Исследования по средневековой археологии. С. 57, 61.

Н. А. ХАН

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА РЕКИ ВЯТКИ

Полиэтничность современного мира складывается из многочисленных этносов, наций, народов. Эти слова имеют разное значение в этнологии, хотя в обиходе между ними часто ставят знак равенства. Ученые выделяют три исторических типа этносов: племя, народность, нация.

Этносами (этническими общностями) называют совокупности людей, образующие конкретные социально-исторические организмы, имеющие общую культуру, говорящие обычно на одном языке, осознающие себя, свою общность и свое отличие от других групп людей¹. Значительные по численности этносы, которые являются результатом длительного развития общества, включают в себя субэтносы. Начало племенных образований относятся к ранней стадии человечества, периоды рабовладельческой и феодальной формаций связывают с развитием народности, нация — достижение капиталистической формации.

Ранняя этническая история изучается археологами, этнографами и практически совпадает с историей первобытного общества, однако источники, которые могут составить общую картину жизни первобытных людей, довольно ограничены. Материалы археологии в сочетании с данными лингвистики, антропологии и этнографических моделей позволяют реконструировать исторические и этнокультурные процессы и явления далекого прошлого.

На территории нашего региона происходил процесс формирования (этногенез) автохтонного (местного) населения коми, мари, удмуртов. Еще 300 тысяч лет назад человек, несмотря на то, что климат здесь в ту пору был похож на современный якутский, освоил среднюю Каму, Так, стоянка палеолитического человека была открыта в 175 км от Полярного круга.

В бассейне р. Вятки следов столь древнего обитания человека пока не обнаружено. Безусловно, в этом плане необходимы значительные усилия специалистов и открытие палеолита на Вятке будет иметь, несомненно, громадное научное, культурное и социально-психологическое значение.

По археологическим материалам установлено, что человек в бассейне Вятки появился в VII тыс. до н. э. В эпоху мезолита — неолита (VII—III тыс. до н. э.) небольшие бродячие коллективы охотников и рыболовов освоили среднее и нижнее течение рек Вятки и Чепцы.

Это население, начиная с мезолитического времени в течение всей последующей этнической истории, испытывало разные по мощности и интенсивности иноэтнические импульсы и прямые миграционные вторжения. Степень и мощность миграций и взаимопроникновения этносов, а также взаимодействия и взаимовлияние этнокультурных традиций и инноваций вызывают у исследователей острые дискуссии. Вероятно, именно в мезолитический период времени складывается прафинно-угорская этнолингвистическая общность, которая на территории Предуралья использует в целях общения финно-пермскую ветвь уральской языковой семьи.

В эпоху бронзы (сер. II — начало I тыс. до н. э.) в Волго-Уральском историко-географическом регионе произошла значительная перегруппировка племен, заметно повлиявшая на дальнейшую этническую историю аборигенного населения. С запада в бассейн нижнего течения Вятки проникли носители культуры боевых топоров, в том числе, быть может, и фатьяновские племена. С Алтая и Западной Сибири в регион проникли сеймино-турбинские племена. Вероятнее всего, они принесли сюда такую важную отрасль хозяйства как коневодство.

Исследователи относят становление этносов коми, марийцев и удмуртов к раннему железному веку (VIII в. до н. э. — III в. н. э.), археологически представленных последовательно сменяющимися ананьинской и пьяноборской культурно-историческими общностями.

Ананьинская культурно-историческая общность занимала огромную территорию от Урала до Волги и от Сев. Двины и Печоры до Самарской луки. Хозяйство земледельцев и скотоводов раннего железного века приобрело комплексный характер. Мотыжное земледелие и животноводство стали господствующими формами хозяйства, в то время как бортничество, охота и рыболовство, т. е. присваивающие формы хозяйства, стали носить вспомогательный характер². Население стало укреплять свои поселки, спасаясь за примитивными оборонительными сооружениями от грабительских набегов соседей. Умерших в ананьинское время, вероятно, кремировали, поскольку археологами пока не обнаружены могильники этого времени на средней и нижней Вятке³.

В V—IV вв. до н. э. бронза как основной металл был вытеснен железом. Выплавка и обработка железа, которыми занимались профессиональные ремесленники, имела кавказские и уральские традиции⁴. Железо, ставшее основным технологическим материалом, позволило интенсифицировать процесс производства прибавочного продукта, прежде всего продовольствия, настолько, что появилась возможность для имущественной, а вслед за этим и социальной дифференциации общества. Железное вооружение воина позволяло изъять у соседей как избыточный, так и необходимый для поддержания жизнедеятельности продукт. В этой связи положение мужчины в социально-исторических организациях конца раннего железного века стало преобладающим. Мужчина стал выполнять роль военного лидера-вождя.

Вожество или вождизм получило распространение и на средней Вятке. Погребение такого лидера-военачальника позднего пьяноборского времени было открыто на Первомайском могильнике II—III вв. в Слободском районе, где вскрыто самое богатое погребение, принадлежавшее, несомненно, местному военно-

му предводителю в полном защитном и наступательном вооружении из железа. В других мужских погребениях захоронены рядовые воины, охотники⁵.

На основе развития средневатского локального варианта пьяноборской культурно-исторической общности при усиленном воздействии кочевнических племен в эпоху «великого переселения народов» в III—IV вв. н. э. на нижней Вятке (Нолинский, Уржумский и Малмыжский р-ны) сложилась Азелинская культура. Вероятно, именно эти кочевники дали некоторую лапоноидность (монголоидность) к антропологическому типу марийцев и удмуртов⁶.

Население, представленное памятниками азелинской археологической культуры на нижней Вятке (Азелинский могильник, Атамановы кости, Суворовский могильник) и население, представленное памятниками типа Малого Ахмыловского могильника, расположенного в устье р. Ветлуги — а последнее в этнокультурном плане является результатом ассимиляции городешских и местных племен — в процессе этнокультурного синтеза привело к формированию протомарийского этноса⁷.

Этнические процессы, связанные с саморазвитием азелинских, еманаевских племен на средней Вятке и полемских на Чепце, послужили этноосновой формирования протоудмуртской этнической общности⁸.

Территория средней и нижней Вятки была тем географическим центром, откуда происходили мощные основополагающие этногенетические импульсы, приведшие к становлению марийского и удмуртского этносов.

Этногенез общекми (в пределах Кировской области Омутнинский и Афанасьевский районы) представлен ломоватовской археологической культурой (АК), образовавшейся в результате тех же процессов: синтез гляденовской АК и местного варианта пьяноборской культурно-исторической общности.

В начале I тыс. н. э. происходит разделение финно-пермских и финно-волжских языков. На пермских языках стали говорить коми и удмурты, а на финно-волжских — марийцы.

В свою очередь, ломоватовская АК стала основой для выделения в последней четверти I тыс. н. э. перми вычегодской⁹, явившимися прямыми (генетическими) предками коми-зырян. В бассейне внутренней петли верхней Камы археологами четырех поколений изучены две последовательно связанные археологические культуры — ломоватовская и родановская (IX—XIV вв.), материалы которых позволяют получить достоверную картину этногенеза общекми и, в частности, коми-пермяцкого этноса. Учеными прослежена плавная эволюция разложения первобытнообщинных отношений у ломоватовско-родановских племен, по остаткам жи-

лищ, эволюции обряда захоронений, системе расселения, изменения облика материальной и духовной культуры.

На рубеже I и II тыс. протоками жили в укрепленных городищах и в окружающих их нескольких селищах. Наиболее крупным городищем является Шудьякар (Афанасьевский район). Существовала гнездовая система расселения, когда вокруг одного городища группировались несколько селищ и такие «гнезда» располагались иногда отстоя друг от друга на многие десятки километров, вдоль всей Верхней Камы¹⁰.

Предки коми — родановцы, жили в жилищах бревенчатой конструкции прямоугольной формы. Внутри него было 2—4 очага, полы — земляные, иногда жилища имели хозяйственные ямы-погребца. В «дом» вел крытый тамбур.

Родановцы хоронили умерших на коллективных кладбищах, где каждая семья занимала определенное место — ряд. Хоронили по обряду кремации (трупосожжения) и ингумации (трупоположения). Несмотря на различные типы захоронений, исследователи отмечают этническое единство людей, использовавших то или иное кладбище. Но постепенно обряд кремации себя изживал¹¹.

Весьма представительными памятниками, характеризующими материальную и духовную культуру населения Верхней Камы, являются клады. Их стали зарывать начиная с V в., но основная масса была зарыта в IX—X вв., последнее характерно для всего Приуралья. Отличительная особенность верхнекамских кладов состоит в том, что материальные ценности, зарываемые в землю, состояли из серебряных (часто с позолотой) вещей — блюд, ведер, кружек. Высокохудожественные изделия сасанидских, постсасанидских и византийских мастеров-торевтов были изготовлены на территории современных Турции, Ирана, Средней Азии, Восточного Туркестана. Эти великолепные изделия восточной металлопластики, на которых техникой чеканки, гравировки изображены сцены охоты, пиршества царей, использовались протоками в качестве жертвенной утвари и в быту. Находки таких кладов — некоторые вещи из которых не имеют аналогов в мире — были сделаны в разное время, в том числе и в Афанасьевском районе области: у села Авериного, у райцентра Афанасьево, на берегу речки Томыз (левый приток Камы)¹².

Драгоценная восточная утварь известна науке только в качестве кладов. Отсутствие ее в погребениях свидетельствует о том, что она находилась в собственности религиозной общины.

Мировоззренческие представления протоками отражают и предметы металлической скульптуры, изготовленные местными мастерами. Бронзовые подвески, бляшки и другие украше-

ния костюма с изображениями диких, затем домашних животных, птиц, человекоподобные идолы, литье которых началось в VIII в. и продолжалось до XV в., получило в науке название «пермского звериного стиля»¹³.

Реалистичные изображения окружающей средневекового человека фауны, а впоследствии домашних животных и птиц хорошо соотносятся с изменениями в хозяйстве верхнекамских племен.

Металлическая скульптура протоками есть результат развития исключительно местного творчества древних художников. Самостоятельными изделиями пермский звериный стиль представлен, например, коньковыми подвесками и огнивами с ручьятами из такого же материала.

Вятско-Ветлужское население во второй половине I — начале II тыс. в этнокультурном плане претерпело также значительную трансформацию. Здесь шел процесс консолидации луговых мари (илл. 10).

Илл. 10. Финно-волжские (мари) и финно-пермские (лузская пермца, коми-пермяки и удмурты) племена в IX—X вв.
ЛП — лузская пермца.

нированные кости ссыпались кучкой или рассыпались по дну ямы. Инвентарь погребения (вещи, сопровождающие покойника в загробном мире) раскладывался в могильной яме в соответствии с костями. Кенотафы — захоронение вещей, завернутых в одежду. Сверху узел прикрывался доской, металлическим котлом¹⁴.

Археологические памятники данного протоэтнуса в пределах Кировской области изучены еще недостаточно. Однако можно утверждать, что система расселения местного населения в рассматриваемое время была аналогичной верхнекамской: укрепленные городища в окружении селищ.

Протомарийцы хоронили умерших на коллективных кладбищах, принадлежащих патриархальной общине. Захоронения совершались тремя способами: трупосожжение, трупоположение и кенотафы. Кремация (трупосожжение) происходила не на кладбище. В могильную яму обычных размеров, устланную досками или лубом, кальци-

Основу костюма мари составляло холщовое или шерстяное платье, рубаха, доходившая до голени. В зимний период одевался кафтан из телячьей или лосиной кожи, мехом внутрь. На ногах носили шерстяные чулки и кожаную обувь. Мужчины и женщины подпоясывались кожаными поясами, украшенными металлическими бляшками, наконечниками, имеющими сходство с аналогичными изделиями степняков и венгров¹⁵. Головной убор марики состоял из венчиков, кокошников, украшенных подвесками, щитками, фибулами (илл. 11).

Особенностью марицкого протоэтнуса являются захоронения женщин-литейщиц. Хотя обнаружено и мужское захоронение литейщика, можно говорить о том, что литье находилось в руках женщин начиная с V в. н. э. Женское ремесленное литье было характерно для финнов и имело определенное социальное значение. Оно имело место до XIII в. В погребениях женщин-литейщиц находят формочки для отливки мелких украшений, слитки металла — сплавы свинца и олова с медью¹⁶.

Помимо вещевых кладов, состоящих из украшений местного изготовления, необходимо отметить, что в X в. здесь появляются клады, состоящие из серебряных слитков разного веса и формы. На р. Вале в Нолинском районе был обнаружен клад, состоящий из 235 таких слитков, а весил он около двух пудов. Это самый «тяжелый» клад этого времени, найденный когда-либо в Вятско-Камском междуречье. Таких кладов на данной территории известно всего 3. Серебряные слитки разного веса и формы появились в Вятско-Камском ареале не без влияния булгар или даже славян.

Археологические памятники протоудмуртов изучены в рамках чепецкой АК, которая генетически связана с предшествующей ей поломошской культурой. Крупнейшим памятником чепецкой археологической культуры является городище Иднакар (IX—XIV вв.). Как и все городища региона, Иднакар расположен на стрелке мыса, защищен валом и рвом с напольной стороны, причем вход в протогород был, вероятно, расположен у берега реки по пойме. Городище имеет четкое двучастное деление, состоящее из детинца и посада. Здесь раскопаны жилые и производственные кварталы. Оборонительные сооружения чепецких городищ, безусловно, носили военную функцию. Археологи об-

Илл. 11. Костюм и украшения марики IX—X вв.

наружили на валах Иднакара стрелы южного происхождения, в том числе и явно монгольского облика¹⁷.

Протоудмурты, помимо городищ, расселялись также и на поселениях открытого типа — селищах, обычно расположенных на некотором удалении от первых. Умерших хоронили на кладбищах — грунтовых могильниках. Варнинский могильник дал археологам материал, позволяющий судить о непрерывном развитии полемско-чепецких племен со второй половины V до XI в. Основной обряд захоронения древних удмуртов — трупоположение. Могильники использовались 5—6 патриархальными семьями¹⁸.

Помимо городищ и могильников яркими памятниками протоудмуртов являются вещевые, монетновещевые и чисто монетные клады, отражающие экономические и идеологические приоритеты. Особенностью чепецких кладов является то обстоятельство, что здесь зарывались (тезаврировались) сасанидские драхмы и арабские дирхемы. Основу монетных кладов, сокрытых в IX—X вв., составляют арабские монеты. Таких кладов известно 9. Другая особенность заключается в том, что тезаврировались вместе с другими вещами или монетами женские шейные украшения — серебряные гривны, специфической формы, получившие в науке название «гривна глазовского типа». Они зарывались и отдельно, выступая, таким образом, самостоятельным средством платежа¹⁹. Установлено свыше 50 пунктов гривенных кладов.

Материалы погребений позволяют ученым уверенно реконструировать костюм населения Чепцы. Основу женского костюма составляло платье (илл. 12). На голову надевался берестяной кокошник, обшитый материей, к которому прикреплялись бусы, бляшки, бисер. К нижней части головного убора прикреплялись шумящие украшения — подвески, пронизки. На шею женщина надевала витую серебряную гривну. Одна застежка представляет собой петлю, другая — многогранную шляпку-колбочку. С X в. эти гривны стали носить и мужчины, — известно по находке из Кочергинского могильника на р. Немде²⁰. Кроме гривны шею женщины украшали многочисленные ожерелья, составленные из бус восточносредиземноморского происхождения. На руках носили браслеты. Зимой надевали шубы, сшитые растительны-

Илл. 12. Удмуртский костюм
(по В. Ф. Генингу)

ми волокнами. Мужская и женская одежда шилась из льна, конопля, шерсти²¹.

Сегментация протомарийских племен на север вдоль правого берега Вятки во второй половине I тыс. и аналогичный процесс протоудмуртских племен от устья Чепцы вниз по Вятке привели к установлению на ее среднем течении от Моломы до Кильмези контактной маргинальной зоны. Этническая принадлежность населения средней Вятки в конце I тыс. является дискуссионной.

Полузье и бассейн Моломы в IX—X вв. занимала этнографическая группа, ставшая позднее известной в письменных источниках как лузская пермца. Она являлась этнической периферией по отношению к формирующейся этнической общности коми-зырян. Лузская пермца испытала на себе сильное влияние прибалтийских и волжско-финских племен²².

Вторая половина I тыс. и начало нынешнего стало тем промежутком времени, когда длительный процесс этногенеза протомарийцев, коми и удмуртов близился к завершению.

Во второй половине I тыс. основу экономики населения Ветлужско-Вятско-Камского ареала составляла мотыжное земледелие и отгонное животноводство. Существовавшая подсечно-огневая система земледелия требовала освоения новых и новых угодий, выразившегося в систематической вырубке лесов. На подсеке выращивали полбу, просо, ячмень. Основу стада составляли лошади и крупный рогатый скот. Лошадь использовали как верховое, вьючное, а с X—XI вв. как тяговое животное. Конина шла в пищу. Коровы, как правило, были комоленные, в меньшей степени разводили овец, свиней.

На рубеже I и II тыс. н. э. технологический прогресс был связан с применением сыродутного горна в производстве железных орудий труда — появилась возможность изготавливать крупные изделия из железа, например, наральники и косы-горбуши (илл. 13). При распашке стала применяться двурога соха с перекладной полицей.

Выделяются группы воинов-всадников²³.

Отпала необходимость ведения хозяйства большими патриархальными семьями. Род распадается на малые парные семьи, в связи с чем увеличивается число селищ, а площадь жилых построек уменьшается²⁴.

Отдельные «гнезда», населенные протоками на Верхней Каме, принадлежали патриархальным родам, состоящим из малых патриархальных семей²⁵.

У протоудмуртов род также занимал определенную территориальную единицу. Он включал в себя 2—3 воршуда, что подтверждается более поздними сведениями²⁶.

Илл. 13. Земледельческие орудия

1 — сошник и 2 — горбуша из городища Донды-кар; 3 — сошник из Рождественского городища; 4—9 — сошники.

Такая социальная организация общества в данных природно-экологических условиях и уровне технологии обеспечивала устойчивое существование рассматриваемых племенных образований в Ветлужско-Вятско-Камском регионе.

Земледелие и животноводство, составляющие основу комплексного хозяйства, обеспечивали необходимый и частично избыточный продукт местному населению. К выращиваемым ранее просу, полбе, ячменю добавились огородные культуры — репа, горох. В животноводстве, ставшем благодаря использованию косы-горбуши стойловым, появилось новое направление — молочное. Коневодство постепенно уступает свою ведущую роль крупному рогатому скоту.

Металлургия железа становится самостоятельной отраслью ремесленной деятельности, тогда как гончарство остается домашним производством. Сырьем для выплавки железа служили болотные руды, часто встречающиеся в бассейне Вятки и Камы, и древесный уголь.

Важной отраслью экономики древних финнов и угорских племен была охота, которая со второй половины I тыс. стала носить промысловый характер. Основной добычей промысловиков была пушнина. На городище Шудьякар число убитых диких копытных животных меньше, чем пушных, в 3 раза (!). В процессе археологических исследований выявлены также стрелы с тупым концом (на белку) — тупики.

Местная пушнина высоко ценилась на мировых рынках. Известно, что Приуралье было открыто восточной торговлей не позже VI в. В обмен на меха местная знать и жречество получали восточное серебро в виде высокохудожественных изделий — тюрки — блюды, кувшины, а также монеты.

В IX в. Вятско-Камский ареал входил в сложившееся в это время единое экономическое пространство, образовавшееся на территории Восточной Европы. Местное население вело достаточно крупные экспортно-импортные операции, поставляя на евразийский рынок пушнину, мед, воск, получая взамен монетное и вещевое серебро.

Клады зарывались, как принято считать, в результате военно-политических и экономических осложнений²⁷. Они зарывались в основном местным малоподвижным населением²⁸, выступавшим в роли конечного потребителя валютного металла и/или в качестве обслуживающего персонала на развитых речных магистралях (Чепце) и волоках (Камско-Вычегодский, Юго-Моломский). Для потока арабского серебра, хлынувшего в Восточную Европу в конце VIII в., Вятско-Камский регион²⁹ был глухой окраиной. Он был конечным пунктом распространения и арабских дирхемов, и западноевропейских денариев в X—XII вв.,

а также в XI—XV вв. новгородских серебряных платежных слитков. Такие нумизматические наблюдения дают возможность реконструировать и этнические процессы.

В процессе этногенеза происходит смешение различных племен. В результате этого внешний облик каждого индивидуума того или иного этноса, обусловленный в первую очередь строением черепной коробки, претерпевает определенные изменения, поэтому одним из этноопределяющих признаков любого этноса является характер внешнего облика его отдельных представителей, изучаемый такой отраслью знаний как антропология.

Во второй половине I тыс. н. э. происходит консолидация протоками, марийского и удмуртского этносов. В это время происходит складывание своего специфического субуральского (вятско-камского) антропологического типа в пределах малой уральской расы. Указанный тип характеризуется некоторой сублапоноидностью (монголоидностью) с преобладанием европеоидных признаков. Вместе с тем между населением Ветлужско-Камского ареала существуют различия в антропологическом облике. В частности, марийцы более монголоидны, чем их соседи³⁰.

В итоге становится понятным, что протоэтноты, сложившиеся в результате длительного этноисторического развития, в начале II тысячелетия преобразовались в устойчивые этнообразования. Этногенез не всегда шел по линии прогресса. Основу этнических процессов составляли, с одной стороны, частые миграции, а порой и просто вторжения инноэтнических и иннолингвистических групп населения или уход уже прочно осевших племен, а с другой стороны — изменение, отбор, взаимодействие, интеграция и, наконец, синтез различных культурных стереотипов.

Начавшееся в X в. проникновение в бассейны Ветлуги — Вятки — Камы славянских импортных вещей, затем отдельных поселенцев — стержень дальнейшей этнической истории края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бромлей Ю. М. Очерки теории этноса. М., 1983; Семенов Ю. И. Общества, страны, народы // Этнограф. обозрение. 1996. № 2; Его же. Социально-исторические организмы, этносы, нации // Там же, № 3.

² Подробнее о палеоэкономике первобытных обществ см.: Масон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука. 1976.

³ Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа по археологическим материалам // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

⁴ Голдина Р. Д. Там же; Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Внедрение черного металла в быт населения Волго-Камья // История и культура Волго-

Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тез. докл. и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1996.

⁵ Макаров Л. Д. Окрестности п. Первомайского в древности. Киров, 1995. С. 34.

⁶ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. н. э. Ижевск, 1963.

⁷ Бадер О. Н. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // Сов. этнография. 1951. № 2; Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

⁸ Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории..., Генинг В. Ф. Азелинская культура...

⁹ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура. Иркутск, 1985; Савельева Э. А. Пермь вычегодская. Сыктывкар, 1971.

¹⁰ Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники Верховьев Камы. Свердловск, 1989. С. 11—17.

¹¹ Там же. С. 42—43.

¹² Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.

¹³ Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь, 1978.

¹⁴ Архипов Г. А. Марийцы.; Голубева Л. А. Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

¹⁵ Архипов Г. А. Марийцы IX—X вв. С. 37.

¹⁶ Старостин П. Н., Кузьминых С. В. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; Халилов А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр. Марийской археологической экспедиции. 1962. Т. 2.

¹⁷ Иванова М. Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989; Ее же. Удмурты в эпоху средневековья (по материалам памятников бассейна р. Чепцы конца I — начала II тыс. н. э.). Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1996.

¹⁸ Иванова М. Г. Основные этапы.; Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск, 1980; Генинг В. Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н. э. (по материалам Варнинского могильника) / Там же.

¹⁹ Хан Н. А. О денежно-весовых нормах населения Вятско-Камского ареала в IX—XIV вв. // Шведы и русский Север: историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума. Киров, 1997.

²⁰ Талицкий М. Л. Кочергинский могильник // МИА. 1940. I.

²¹ Розенфельд Р. Л. Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 143.

²² Савельева Э. А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.

²³ Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые... С. 99—100.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Иванова М. Г. Основные этапы.; Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 280—284.

²⁷ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

²⁸ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. Янин В. Л. (Рец.), Корзухина Г. Ф. Русские клады... // Сов. археология. 1956. С. 25.

²⁹ Янин В. Л. (Рец.), Корзухина Г. Ф. Русские клады...

³⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. Его же. Антропологические материалы к этногенезу марийского народа //Тр. МарНИИ. 1969. Вып. 19. С. 256—257.

В. В. НИЗОВ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ВЯТСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сегодня жители земли Вятской называют себя то вятчанами, то вятичами. Считается, что понятие вятич подчеркивает якобы генетическую связь потомков славянских колонистов с одноименным славянским племенным объединением, обитавшим некогда в Окско-Волжском междуречье, представители которого (бывшие, правда, к концу XIV в. уже метисами вследствие ассимиляции славянских вятичей с местными балтийскими и верхневолжско-финскими племенами) в XV—XVII вв. заселяли (наряду с выходцами из Новгородской земли) бассейн Средней Вятки.

Обратимся к пока еще «темным» страницам вятской этнической истории. Много неожиданного можно увидеть в фактах археологических, исторических, языковых, фольклорных, если взглянуть на известные источники под новым углом зрения, отбросив «квасной патриотизм» и оказавшись от набивших оскомину исторических схем. Убеждены, что кардинальные проблемы истории средневековых обществ могут быть разрешены только путем освоения всего фонда письменных и неписьменных источников и учета достижений смежных наук.

Этнический состав населения Вятско-Камского края в дославянский период реконструируется на основе изучения преимущественно местных археологических культур. Наиболее аргументированной слывет гипотеза лидера ижевских археологов профессора Р. Д. Голдиной, предполагающей, что в VI—IX вв. в Удмуртском Прикамье (верхнеутчанская культура), в бассейне Средней и Нижней Вятки (еманасевская культура) и на реке Чепце (поломская культура) локализовалась праудмуртская общность, трансформировавшаяся в X—XV вв. соответственно в чумойтинскую (правобережье Камы, реки Иж, Тойма), кочергинскую (Средняя и Нижняя Вятка) и чепецкую (Средняя и Верхняя Чепца) культуры. В течение этого тысячелетнего развития пермоязычных праудмуртов «шел интенсивный процесс взаимодействия и взаимообогащения с соседними этническими объединениями, уграми, индоиранцами, волжскими финнами,

тюрками» и носителями именьковской (славяне? балты?) культуры¹. Словом, ижевские исследователи считают, что бассейн реки Вятки издревле населялся только пермоязычными племенами — прямыми предками современных удмуртов².

Альтернативную точку зрения высказал казанский профессор А. Х. Халиков. Упрекнув Р. Д. Голдину в том, что ее гипотеза «вступает в явные противоречия с данными лингвистики, этнографии и антропологии», ученый попытался показать, что до XV—XVI вв. пермские финны, в том числе и древние удмурты, заселяли «междуречье Вятки и Вычегды, севернее и северо-западнее», то есть там, где выявлены памятники вымской археологической культуры X—XIV вв.³

К сожалению, в построениях ведущих археологов Поволжья и Приуралья не учтены в должной мере сведения письменных и фольклорных (за исключением удмуртских) источников и данные региональной гидронимии. По свидетельству составленной в конце XVII в.⁴ «Повести о стране Вятской», новгородские дружинники, «слышаху о Вятке реке и иже по ней живущих чуди, отяковъ», разделились на два отряда, из которых первый, «дошедше реки Чепцы, и вниз по оной плывуще, пленяюще отяцкие жилища», а войдя в реку Вятку, «узревше на правой стране на высокой прекрасной горе устроень градъ чудской...», называемый чудью «Болванской городокъ, иже ныне нарицается Никулицино по реке Никуличанке», и во время его штурма «побиша ту множество чуди и отяковъ»; другой же отряд взял на шит черемисский город Кокшаров⁵.

Как видим, в конце XVII в. вятчане хорошо помнили, что до прихода на Вятку новгородских насельников и основания ими в 1374 г.⁶ города Хлынова ее населяли чудь, отяки и черемисы. Черемисские (древнемарийские) племена пришли на Вятку с левобережья Средней Волги в IX—X вв.⁷ Если объектом колонизации древних марийцев стала Нижняя и часть Средней (включая верховья Моломы и даже Полузья⁸) Вятки, то пришедшие позднее новгородско-двинские славяне стали осваивать бассейн Средней Вятки, вытесняя постепенно оттуда воинственных черемисов.

Происхождение вятской чуди до сих пор оставалось неясным. Первую попытку выяснить ее этническую принадлежность предпринял недавно автор этих строк. Предания и топонимы локализуют чудь практически по всему течению реки Вятки от ее истоков и до устья, включая такие крупнейшие притоки, как (правые) Кобра, Летка, Молома, Пижма, Буй, так и (левые) Чепца (особенно в нижнем течении), Воя, Немда и Тойма. К тому же все эти гидронимы либо возводятся к балтским языкам или к прибалтийско-финским наречиям, либо их топонимичес-

кие аналоги (Чепца/Цепца, Тойма) распространены в местах (дославянского) обитания балтоязычных народов или прибалтийско-финноязычных чудских племен⁹. Данные обстоятельства позволяют видеть в вятской чуди финнов, говоривших на (относящимся к прибалтийско-финской группе) языке белозерской веси, карелов и заволоцкой чуди¹⁰.

Название третьего вятского племени — *отяк/вотяк* — удмуртские филологи возводят к племенному названию древних удмуртов *Уд* < *Од, которое русские усвоили якобы через марийцев: *одо-мари* < *одо-морт (второй компонент значит «человек») ¹¹. Такое толкование было бы оправданным, если бы русские осваивали бассейн реки Вятки из Нижегородско-Суздальской земли, используя камский и вятский водные пути, заселенные тогда древними марийцами (но эти пути-дороги стали доступны русским только со второй половины XVI в.). Основным же направлением славянской колонизации Вятской земли было северо-западное, проходившее через Великий Устюг по рекам Юг, Молома и Летка¹², да и название «Вотяцкая» читается в летописях с середины XV в.¹³, когда южные колонизационные маршруты контролировались администрацией Казанского ханства, в зависимости от которой находились древние марийцы. Этноним *удмурт*, считающийся самоназванием народа, состоит из двух основ. Значение и происхождение первого компонента — *уд* — до сих пор не ясно, а второй — *мурт* — представляет собой слово со значением «человек», которое, по всей вероятности, является иранским заимствованием еще в финно-угорский праязык¹⁴. Иначе говоря, самоназвание народа «удмурт», обозначающее «человек рода *Уд*», не свидетельствует о пермской языковой принадлежности людей «рода *Уд*» в эпоху раннего средневековья. Не указывает на это и основа *от-* (<**од-*) в этнониме «*отяк*» (где *-як* — словообразовательный суффикс), семантика которой не известна.

Против пермской принадлежности *отяков/вотяков* говорит и то обстоятельство, что на всем протяжении реки Вятки от ее верховий до устьев Вои и Пижмы отсутствуют пермоязычные гидронимы. Да и вятский летописец XVII в. не видел принципиальных этнических различий между вотяками и чудью. Так, Болванский городок защищали от новгородцев вотяки и чудь. Название городка принято выводить из слова «болван»: так наши христианизированные предки называли языческих идолов (божков). Словом, само имя города указывает на его сакральный характер, что позволяет исследователям видеть в нем надежно укрепленное городище с языческим «храмом» и священными реликвиями «поганных» чуди и вотяков. В восточноевропейской этнографии не зафиксированы случаи, чтобы два разных по язы-

ку дохристианских народа содержали совместный культовый центр. Стало быть, тот факт, что в Болванском городке находилось межплеменное языческое святилище вотяков и финноязычной чуди, можно расценить как косвенное свидетельство близкородственных отношений этих племен, говоривших, очевидно, на разных наречиях (диалектах) прибалтийско-финского языка. В этой связи представляются не случайными оговорки автора вятской повести, называвшего порой отяков «чудью отяцкой».

Согласно жалованной грамоты от 25 февраля 1557 г., тогда одним из районов компактного проживания вятских «отяков» являлась Сырьянская волость Слободского уезда (в междуречье Белой и Черной Холуниц — левых притоков Вятки)¹⁵. Название волости побуждает невольно вспомнить упоминаемый в конце XIV в. Епифанием Премудрым народ «сырьяне» (варианты: *серьяне/серьяне, сирьяне, сирьяне, сирьяне, сурьяне*)¹⁶ — едва ли не самый известный научной общественности, но до сих пор остающийся загадочным приуральский народ. По мнению коми этнографа Л. Н. Жеребцова, в конце XIV в. сырьяне включали в себя «как минимум» два племенных объединения, из которых одно (судя по грамоте 1485 г.) располагалось в среднем течении Сысолы (прав. пр. Вычегды) и в конце XV в. образовало Сысольскую волость с вероятным центром в современном селе Вотча, другое заселило земли по верхнему течению Сысолы (от устья ее левого притока Тыбью) и в верховьях Камы с ее левыми притоками Нырмыла (ныне — Нырмыч), Волосенса (Волосница), Рытола (Рыта) и с правыми притоками Кужгола (Кужва), Чюсула (Чус), Комыша (Кым) и Зюзюла (Сюзьва), ограничившись на востоке левокамским притоком Порыш и рекой Рубик (левым притоком Локчима, левого притока Вычегды), и в конце XV в. составило Ужговскую волость с одноименным центром на Верхней Сыsole. На юго-западе ужговские сырьяне обитали также в бассейне реки Кобры (прав. пр. Вятки)¹⁷.

Сысольско-верхнекамских сырьан связывает с вятско-сырьянскими отяками немало общего. Во-первых, названия рек, берега которых заселяли сырьяне и которые поименованы выше, в большинстве своем содержат формат *-ла*, который «в топонимии неприбалтийско-финских народов не встречается, но в высшей степени характерен для прибалтийско-финских названий»¹⁸. Правый вятский приток Кобра (в бассейне которого встречаются топонимы, отражающие этноним чудь) этимологизируется тоже с прибалтийско-финских наречий¹⁹. Во-вторых, этноним *отяки-вотяки* и топоним *Вотча* (название сысольского волостного центра) имеют одинаковые корневые основы. В свете сказанного трудно признать правомерность версии о пер-

моязычности сырья²⁰. По мнению венгерского лингвиста П. Хайду, название *сырьяне/зыряне* «не имеет убедительной этимологии»²¹.

К сожалению, П. Хайду осталась неизвестной доказательная работа уральского топонимиста А. К. Матвеева, в которой дано лингвистически и исторически всесторонне обоснованное объяснение этимологии данного этнонима. Согласно его изысканиям, сырьяне были «особым финским народом прибалтийско-финско-саамского» происхождения, входившим в древности в состав «заволочской чуди». Этноним «*сырьяне*» переводится с финского языка со значением «*находящиеся в стороне*» и на русской почве трансформировался в «*зыряне*» (вариант: *зырь*). Историческим районом обитания зыри явился бассейн Ваги (лев. пр. Северной Двины), и «важская зырь» окончательно обрусела только в XVIII в.²² Сырьско-верхнекамские сырьяне и вятско-сырьянские отяки составляли некогда, по всей вероятности, единое племенное объединение²³, отколовшееся от важской зыри. Кстати сказать, еще в начале XVII в. один из притоков Чепцы (впадающей в Вятку по соседству с территорией, занимаемой сырьянскими отяками) носил саамское имя. В 1629 г. дозорщики, обследуя Чепецкий стан Хлыновского уезда, записали: «Починок над рекою Чепцою на Дубовцеях же на речке Песковке, а Луза тожь»²⁴. Топонимисты объясняют гидроним из саамского языка, где *лусс* (вторая основа — *луз*) — «*семга*», то есть Луза — «*семужья река*»²⁵.

Как видим, имеются веские основания утверждать, что накануне массовой славянской колонизации бассейн Средней и Верхней Вятки (равно как и Верхней Камы) населяли *чудь* и *отяки-сырьяне* — племена прибалтийско-финско-саамского происхождения²⁶.

В дославянскую эпоху обжитые вятской чюдью и отяками-сырьянами земли составляли часть огромного полиэтнического культурно-территориального образования «Пермь», а река Вятка еще в 90-х гг. XIV в. продолжала нести свои воды по «Пермской стране», ограниченной на юге правым берегом Средней Камы, на севере — бассейном Вычегды²⁷.

В 1374 г. новгородские насельники построили город Хлынов в области, именовавшейся, согласно устюжским летописям, конечно же, «Пермской»²⁸. «Общей единь градъ и замокъ крепкой» Хлынов становится центром «всей Вятской страны» — новгородской колонии, в которой новгородцы «начаша обще жителствовати, самовластвующе правыми и обладаеми своими жители, и нравы своя отеческия и законы и обычаи новгородския имяху на лета многа до обладания великих князей Российскихъ; и прозвашася *вятчане реки ради Вятки*»²⁹. Итак, по све-

дениям вятского летописца XVII в., субэтническое понятие «*вятчане*» обязано своим возникновением новгородской колонизации бассейна Средней Вятки и включало в себя первоначально русское население «Вятской страны».

Самый ранний источник, упоминающий (наряду с «сырьянами») «вятчан», — «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа», написанное Епифанием Премудрым в конце 1390-х гг.³⁰, то есть спустя 20 лет после основания новгородцами Хлынова. Примерно тогда же был составлен «Список русских городов дальних и ближних», в котором в числе «залесских городов» названа «Вятка»³¹. Созданная в середине XV в., Новгородская первая летопись младшего извода рассказывает под 1417 г. о «вятцанах», отправившихся «съ устюжаны» воевать «Заволочью землю»³². Московский летописный свод конца XV в. впервые сообщает о «вятчанах» под 1379 г., когда они «ходиша ратью въ Арьскую землю и избиша разбойниковъ ушкуиников и воеводу ихъ Рязана изънимавше убиша»³³. Если летописи создавались, как правило, спустя какое-то время после описываемых событий (вследствие чего этногеографические понятия могли передаваться с искажениями), то актывые грамоты, вышедшие из великокняжеских (или царских) и церковных властных структур, содержали официально принятую (в момент их написания) этногеографическую терминологию. Уже в «Послании Малого собора Московской митрополии Д. Ю. Шемяке» от 29 декабря 1447 г. говорится о «вятчанах», к которым мятежный князь обращался за помощью («...к вятчаном посылаещь, а в Вятку ти ся, по докончанью и по крестному целованью, не вступати»³⁴). Акты XVI—XVII вв. продолжают различать русских «вятчан» от нерусского местного населения, называя его не «вятчанами», а, к примеру, «отяками Вятской земли».

Примерно с XVI в. в качестве официального названия вятских финноязычных туземцев становится одно из этнических имен (отяки/вотяки). В среде русских колонистов возникли имевшие зачастую уничижительно-насмешливый характер регионально-групповые прозвища, отражавшие особенности этнической психологии, антропологии и культурно-бытового развития инородцев. Уже одна из первых встреч новгородских насельников с чудско-отяцкими обитателями Вятки дала повод к прозванию их: «Вятичи — ротозеи». В. И. Даю удалось записать недошедшее до наших дней предание, поясняющее, в каких конкретно-исторических условиях появилось столь оскорбительное присловье. По его сведениям, «новгородцы подпустили под Болванский городок (село Никулицыно) болванов на плотах, вятичи зазевались на них, а новгородцы с другой стороны взяли горо-

док»³⁵. Зафиксированные преданиями события имеют историческую основу. Отряд новгородских переселенцев действительно в 1374 г. «возжелаша ратию взяти» Болванский городок на Вятке, который, по сведениям вятского летописца конца XVII в., защищали «чудь и отяки», поименованные в предании собирательным термином «вятичи». Перед штурмом новгородцы обратились за Божественной поддержкой к «прародителемъ своимъ Российскимъ великимъ княземъ страстотерпцемъ Борису и Глебу, и заповедаша всей дружине своей поститися, ни ясти ни пити, еже бы имъ получитьи той Болванской Чудской градъ во обладание себе и ту селитву имети.

И приступивше къ тому граду вельми жестоко и сурово, призываху на помощь святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глеба» и 24 июля «той крепкий градъ взяша воинскимъ промысломъ», побив «ту множество Чуди и Отяковъ, и ини по лесомъ разбегашася; и по обещанию своему поставиша въ томъ граде церковь во имя святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глеба и нарекоша той градъ Никулицынъ»³⁶. Предание донесло до нас важнейшую деталь, характеризующую психологию новгородских первопоселенцев: уповая на Бога, они не забывали о своей воинской удали и смекалке. Хитрость нападавших удалась прежде всего потому, что они подобрали ключ к психолого-поведенческому стереотипу оборонявшихся. Внезапное появление под стенами городского святилища множества плотов с поставленными на них деревянными идолами призвано было вызвать у язычников психологическое замешательство, внести растерянность и отвлечь их от исполнения караульных функций. Учет новгородцами специфики этнической психологии противника привел их к легкой победе, а незадачливые «вятичи» — защитники «Чудского» города — справедливо были прозваны «ротозеями».

На заре вятской истории появляется еще одно присловье: «Вятичи — слепороды». По мнению видного этнографа середины XIX в. И. П. Сахарова, «слепородами вятчан прозвали после несчастной их битвы с устюжанами. Это было в 1480 году, когда к ним они пришли как соседи, на помощь против татар. Вятчане открыли сражение против устюжан ночью, под предводительством Михаила Рассохина, а устюжанами управлял новгородский выходец Анфал. С рассветом дня увидели они, что били своих соседей, а не татар»³⁷. «Здесь Сахаров заимствует, вероятно, из «Повести о стране Вятской», где приводится рассказ о подобном событии под 1418 г.³⁸, рассказ, в котором правда перемешана с выдумками», — так откомментировал данный пассаж Д. К. Зеленин. По его наблюдениям, «в других летописях имеется под 1418 г. только краткое указание, что «Анфал Никитичъ убиень бысть на Вятке и сын его Несторъ отъ Михаила Розсо-

хина, июня въ 12 день». Рычков сообщает об этом событии еще подробнее^{39, 40}.

Замечание Д. К. Зеленина о времени гибели отца и сына Никитиных правомерно. Не исключено, что И. П. Сахаров извлек эти сведения из одного из списков вятских летописных произведений. В частности, в обнаруженной мною «Слободской летописи» конца XVII в. дважды сообщается о гибели Никитиных: первый раз — под 1421 г., другой — под 1477/78 (6986) г., когда «убил Алфана и с ним 9000 Михаило Росохинъ под Хлыновым»⁴¹. Созданное в начале XVIII в. «Сказание о вятчанех», находящееся в «Анатолиевском сборнике», под 1480/81 (6999) г. повествует, что тогда «Михаило Росохин на Вятке убил Анфала и сына его Степана»⁴². В рукописи П. М. Сорокина «О начале Вятской земли» рассматриваемые события отнесены к 1471 г.⁴³ Столь фантастические датировки гибели Анфала Никитина и его сына Нестора (происшедшей в действительности в 1418 г.) объясняются, очевидно, тем, что авторы указанных произведений исходили в данном случае из показаний поздних (не ранее второй половины XVII в.) синодиков вятских церквей.

Присловье «вятичи — слепороды» не может быть связано с событиями 1418 г., повлекшими гибель легендарного ушкуйника Анфала Никитина и его сына Нестора, по той причине, что тогда между вятчанами и устюжанами не было никакого побоища, тем более такого, которое унесло бы многие тысячи человеческих жизней. В середине XVII в. был составлен на основании данных синодиков хлыновских церквей поминальник Троицкого храма села Макарье (ныне — в городской черте), в котором записано: «Сабурова дружина. Анфала. Стефана. Нестера. Федора. Матфея — 2-жды. Григория — 2-жды. Иоанна. Панкратия. Исаакия. И иже с ними 9000 убиенныхъ, которыхъ убилъ на Вятке Михаило Розсохинъ въ лето 6929». В сокращении запись заносилась и в иные вятские синодики⁴⁴.

Не отвлекаясь на ошибочно проставленную в синодике дату (правильно: 6926 г.), отметим уникальнейшее свидетельство поминальной записи: в вятском сражении Анфал и Нестор Никитины ратоборствовали против Михаила Рассохина в составе дружины некоего Сабура. Годом ранее (1417) «с Вятки» Глеб Семеонович, боярин звенигородского и галицкого князя Юрия Дмитриевича, «с новгородчкими беглице, съ Семеономъ Жадовьскимъ и с Михаилою съ Россохинымъ, и съ устюжаны и с вятцаны изыхаша в насадахъ безъ вести в Заволочькую землю и повоеваша» ряд волостей. После чего новгородские бояре «съ заволочаны идоша за разбоиники в погоню и пограбиша Устюгъ»⁴⁵. Судя по рассказу Новгородской первой летописи младшего извода, составленной спустя 30 лет после указанных со-

бытий (вследствие чего описание их даже в деталях в высшей степени достоверно), «новгородский беглец» и бывший двинский боярин Михаил Рассохин был одним из руководителей вятской рати. В 1418 г. он во главе вятской рати дал сражение «Сабуровой дружине». Вероятно, тогда же он возглавлял правительство «Вятской земли».

Анфал (полное имя — Афанасий) Никитин происходил из знатного боярского рода, выдвинувшего в XIV в. из своих рядов многих новгородских посадников. В 1360 г. он возглавил первый поход ушкунников на Каму, где «взял город Жукотин и много бесермян побил»⁴⁶. В конце XIV в. за попытку передать Двинскую землю под покровительство Москвы он был изгнан из новгородского общества. Спустя какое-то время Анфал и отказавшийся от монашества его младший брат Гerasим Растрига оказались в Москве и были приняты великим князем Василием Дмитриевичем. В 1401 г. «на миру, на крестном целовании, князя великаго Василья повелениемъ Анфаль Микитинъ да Гerasимъ Рострига съ князя великаго ратью наихавъ воиноу за Волокъ на Двину и взялъ всю Двинскую землю на щит без вести, в самыи Петровъ день». Но, проиграв сражение «на Колмогорахъ», новые слуги великого князя вынуждены были вернуться восвояси⁴⁷. В 1409 г. «ходи Анфаль на Болгары Камою и Волгою, 100 насадовъ Камою, а Волгою 100 и 50. И избиша их в Каме Татарове, а Анфала яша и ведоша въ Орду, а Волжьские насады не поспели»⁴⁸. Анфалу и на этот раз удалось вырваться из плена и вернуться на Русь. Но жизнь легендарного ушкунника уже катилась к закату. Судьбе было угодно, что смерть свою он принял не от болгар, татар или бесермян, которых он «воевал» 50 лет, а от земляков — урожденных в Новгородчине вятских ратников, возглавляемых бывшим двинским воеводой Михаилом Рассохиним.

Итак, последние двадцать лет своей жизни Анфал Никитин верой и правдой служил великому князю Владимирскому Василию Дмитриевичу (1389—1425). Два поколения семьи Никитиных настойчиво пытались вывести Двинскую землю из-под юрисдикции Господина Великого Новгорода и передать ее под покровительство великого князя. Придя на Вятку в 1418 г. в составе «Сабуровой дружины», Никитины также выполняли политическую волю Василия I. На это указывает имя предводителя дружины. Сабуровы вели родство от костромского боярина Дмитрия Зерна, известного с начала XIV в. Его внук Федор Иванович был прозван Сабуром. В 1380 г. храбрый костромич Федор Сабур сражался на Куликовом поле. После битвы «два сына боярские костромичи, а имя единому Собур, а другому Григорий Холпишев» нашли великого князя Дмитрия Ивановича «под березою

под ссеченою, ранена, велия кровава, во единой срачице сидяша». При великом князе Василии I Ф. И. Сабур стал московским боярином. О близости его к великому князю говорит то, что он удостоился чести быть свидетелем при составлении второй (1417 г.) и третьей (1423 г.) духовных Василия Дмитриевича. От брака с дочерью боярина Ивана Андреевича Бутурлина он имел шестерых сыновей: Даниила, Михаила, Ивана, Василия, Семёна Пешка и Константина Сверчка⁴⁹.

Как видим, многочисленное великокняжеское войско под водительством приближенного к Василию I боярина Ф. И. Сабура и давнего сторонника Москвы Анфала Никитина прибыло в 1418 г. на Вятку для выполнения важной военно-политической задачи. Какая же роль могла быть отведена Вятке в политических планах Василия I? Добившись не позднее 1412 г.⁵⁰ государственной самостоятельности, Вятская земля могла употребить свой немалый военно-экономический потенциал либо во внешнеполитических акциях, либо в междоусобных конфликтах, поддержав одну из противоборствующих сторон.

В начале XV в. Москва отказалась от активных действий на востоке, отдав предпочтение союзно-договорным отношениям с Ордой и Волжской Булгарией. Даже нашествие в 1408 г. на Русь ногайского хана Едигея, поддержанного мордвой и «булгарской силой», не внесло принципиальных изменений в политику Москвы с восточными государствами⁵¹. Такая позиция московского правительства объясняется тем, что в конце княжения Василия I все более и более актуальным становился вопрос о престолонаследии. Укрепив в конце XIV в. великокняжескую власть и расширив пределы ее влияния, в последующие годы Василий Дмитриевич перешел к конкретным действиям по закреплению владимирского стола за своими сыновьями. В 1406 г. великий князь включил в духовное завещание статью, предусматривавшую возможность пересмотра установленного его отцом порядка престолонаследования (когда великое княжение в случае смерти Василия I должно было отойти к следующему по старшинству его брату) и передачи великокняжеского стола его сыну: «А даст Бог сыну моему князю Ивану княженье великое держати...». Кончина в июле 1417 г. Ивана Васильевича заставила Василия I написать завещание в пользу следующего сына — Василия. Он рассматривал великое княжение как вотчину, полученную им в наследство от Дмитрия Донского: «А сына своего князя Василья благославляю своею отчиною великим княженьем, чем мя благословил мой отец». Однако младший брат Константин «не въсхоте сотворити воли его, и про то отня у него вотчину». В 1423 г. Василий I написал третью духовную грамоту, в которой он вновь (как и в 1406 г.) о судьбе великого княжения говорил

неуверенно: «А даст Бог сыну моему великое княжение, ино и аз сына своего благославляю, князя Василья». Предвидя, что его малолетнему наследнику будет крайне трудно удержать за собой великокняжеский престол, Василий I создал регентский совет: «А приказываю сына своего князя Василья и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю великому князю (Литовскому. — В. Н.) Витовту, какъ ми рекль, на Бозе и на немъ, какъ ся иметь печаловати, и свои братъе молодшеи» Андрею и Петру Дмитриевичам и детям князя Владимира Серпуховского. Старшие в роде князя Юрий и Константин Дмитриевичи (дядья Василия II) внушали Василию I серьезные опасения потенциальными претензиями на великое княжение Владимирское, и по этой причине не заслуживали доверия⁵².

Анализ социально-политической ситуации в Северо-Восточной Руси в последние годы правления Василия Дмитриевича привел Л. В. Черепнина к обоснованному выводу, что тогда «уже назревали предпосылки той длительной войны между различными группами класса феодалов, которая разразилась во второй четверти XV в.»⁵³.

Как показали грядущие события внутривосточной жизни Северо-Восточной Руси, великий князь Галицкий Юрий Дмитриевич, оставшийся после кончины 27 февраля 1425 г. Василия I старшим в роду князей московского Дома, действительно вступил в борьбу с десятилетним племянником Василием II за великое княжение Владимирское. Сближение вятчан с Юрием Галицким произошло в канун написания Василием I второй духовной грамоты. Как уже отмечалось, в 1417 г. устюжско-вятская рать под руководством Глеба Семеновича, боярина галицкого князя, и вятских воевод Семена Жадовского и Михаила Рассохина воевала Заволочье. Устюжская летопись начала XVI в. уточняет, что «с ними галечане» были⁵⁴. Спустя два десятилетия Семен Жадовский во главе одного из вятских отрядов участвовал на стороне галицкого князя Василия Юрьевича (сына Юрия Дмитриевича, умершего 5 июня 1434 г.) в крупном сражении на реке Черехе (Ростовская земля) с московскими полками Василия II и, потерпев поражение и попав в плен, был предан жестокой казни: «в Переславли чернь мужики ослопы убили». Другого знатного вятчанина, по прозвищу Дятел, повесили в Москве; там же 25 мая ослепили Василия Галицкого, что дало повод к его прозвищу «Косым»⁵⁵.

Прошедший через горнило боев и сражений феодальной войны второй четверти XV в., союз Галича и Вятки начал оформляться одновременно с настойчивыми попытками Василия I по созданию коалиции, способной оказать его юному сыну Василию II действенную военно-политическую поддержку, чтобы

тот смог удержать за собой великое княжение Владимирское. Вряд ли такое совпадение случайно. Представляется очевидным, что еще тогда, когда Василий Дмитриевич составлял свое второе завещание, сближение Галича и Вятки вызвало у него серьезные опасения. Для Москвы было крайне важно не допустить усиления военно-политических позиций галицкого князя, особенно за счет таких умелых и храбрых ратоборцев, какими являлись вятчане, закалившие себя во многих ушкуйничьих походах. Не надеясь на сговорчивость вятских властей, Василий I отправил на Вятку крупные военные силы, поручив командование одному из наиболее доверенных членов Боярской Думы Федору Ивановичу Сабурову, что говорит о том большом значении, которое великий князь придавал данной экспедиции. Включение в состав ее популярного и весьма авторитетного среди лиц новгородского происхождения Анфала Никитина можно расценивать как косвенное указание на то, что главной целью миссии Федора Сабурова являлось насильственное свержение правительства Михаила Рассохина и передача власти легендарному ушкуйнику, известному своими промосковскими настроениями.

Но вечевая Вятка не желала быть послушной служанкой Москвы. Поддержанный вятчанами Михаил Рассохин дал сражение «Сабуровой дружине» и разбил ее. По данным вятских синодиков, на поле брани остались лежать от 4 до 9 тыс. павших бойцов, в их числе — Анфал Никитин и его сын Нестор. В XV в. вятчане неоднократно ратоборствовали с москвичами и добивались победы, но никогда не вносили имена погибших великокняжеских «воев» в свои поминальники. После битвы 1418 г. в первый и последний раз внесли. Причина этому могла быть только одна: среди павших находились пришедшие с А. Никитиным «новгородские беглецы», доводившиеся вятчанам родственниками, друзьями-товарищами, знакомыми и просто земляками. Наиболее известные из них названы в синодиках поименно. Очевидно, вятчане расценивали эту битву как навязанное официальной Москвой братоубийственное побоище, жертвы которого подлежали вечному поминовению. Согласно летописям и ранним синодикам, сражение состоялось «на Вятке», то есть, как верно подметил А. С. Верещагин, не под городом Хлыновым, а на Вятской земле⁵⁶. Вологодско-Пермская летопись конца XV — первой половины XVI в. и весьма близкий к ней в известиях XV в. Краткий летописец Погодинского собрания первой половины XVII в. датируют битву 11 июня 1418 г.⁵⁷, а Новгородская вторая летопись конца XVI в. и использовавший ее В. Н. Татищев — 12 июня⁵⁸. Наибольшее доверия заслуживает, разумеется, дата, указанная в древнейшей Вологодско-Пермской летописи, вологодско-уральские сообщения которой восходят к своду конца

XV в., связанного своим происхождением с канцелярией архиепископа Филофея Пермского⁵⁹, то есть 11 июня 1418 г.

В 1861 г. вологодский краевед В. Попов уведомил краеведческую общественность, что, по свидетельству столетнего старца, в упраздненной в 1764 г. Даниловой пустыни хранилась летопись, рассказывающая о том, как в 1398 г. бежавший из новгородского плена Анфал Никитин перешел с Ваги на Сухону и направился к Устюгу. Разбитый новгородцами у Медвежьей горы, он прошел через Устюг и поднялся вверх по Югу. «Сойдясь с вятчанами», он «остановился у устья Анданги (пр. Юга), где вырыл яму (Анфалову), в 7 верстах от Даниловой пустыни, в которой позднее умер. Его спутники основали здесь несколько селений, известных ныне как «Андангские починки». Летопись утрачена»⁶⁰. Это сообщение читается и в работах А. А. Спицына⁶¹ и В. Н. Татищева⁶².

Как видим, присловье «вятичи — слепороды» нельзя соотносить с вятской баталией 1418 г. Исторически обоснованным выглядит комментарий В. И. Даля: «Устюжане пришли на помощь, а вятичи сочли их за неприятеля и стали бить. У вотяков подслеповатые глаза, у новорожденных же они очень малы»⁶³. По всей вероятности, В. И. Даль имел в виду нечаянную битву котельничан с устюжанами, в память о которой было установлено всенародное поминовение погибших в Четверг седьмой недели (в «Семик») после Святой Пасхи. По сообщению Д. Л. Сенникова, в середине XIX в. широкой известностью среди котельничан пользовалось предание, повествующее, как их далекие предки «ночью побили устюжан», пришедших в Котельнич или для помощи при отражении соседних врагов, или для обуздания вольности не покоровившихся котельничан и вятчан подданству великих князей Московских»⁶⁴. Ближе к истине первое предположение, ибо отсутствуют примеры поминовения вятчанами лиц, помогавших московскому правительству лишить «Вятскую землю» государственной самостоятельности. Под «соседними врагами» подразумеваются обычно татары или черемисы (марийцы). «Наипаче же, — говорится в вятской повести, — отъ Чуди, Отяковъ и Черемисъ и отъ Агарянского рода разныхъ народовъ татаръ и бесермянъ и нагайцевъ снизу Волги реки и отъ Казанскихъ татаръ и изъ Заказанскихъ поселившихся тии Новгородцы Вятчане многое утеснение имуще и разорение, воюеми многажды и никако же обладаеми бяху»⁶⁵. Обычно «съ Пижмы реки, что ныне въ Яранскомъ уезде, Черемиса для разорения часто набегающе въ волости Котельнича города»⁶⁶. В XIV—XV вв. вятско-камские черемисы входили в состав Булгарского (с 1438 г. — Казанского) ханства, власти которого поощряли набеги их на вятские волости.

В Семик, пишет Д. Л. Сенников, «с утра и до 12 часов по всем дорогам тянутся вереницей конные и пешие люди на кладбище» города Котельнича и «часу в первом начинается перезвон колоколов», после чего «совершается крестный ход для совершения соборне общей панихиды над одной большой ямой — на берегу реки (Вятки. — В. Н.), против южной стороны кладбищенской колокольни. На эктении произносятся имена за веру и отечество убиенных воинов: Василья, Патрикия, Феодора, Логина и Иоанна — это, по сказанию простолюдинов, устюжские родители, вожди-воины, убитые нашими предками и похороненные в означенной яме. Старожилы говорят еще, что, по рассказам дедов их, на котельнический Семик для поминовения убитых устюжских воинов приходили даже их устюжские родственники»⁶⁷. А. А. Спицыну тоже «удалось слышать очень любопытный и достоверный рассказ, что устюжане еще 100 лет тому назад приезжали в Котельнич служить панихиды по своим родичам»⁶⁸. В середине XIX в. старожилы рассказывали котельничскому учителю И. Глушкову, что черепа устюжских предводителей Василия, Феодора и Патрикия «хранились долгое время в бывшем Предтеченском монастыре, где они и показывались как головы святых воинов. Это даже заставляло страждущих в то время головную болью прибегать сюда с молитвою. Для этого верующие в их святость обвертывали их полотенцами или чем-нибудь другим, а потом, снявши с голов, накладывали эти полотенцы уже на свои болящие головы, от чего и получали будто бы в скором же времени исцеление: но по дошедшим слухам до одного из вятских архиереев эти черепа, как служившие в народе к распространению суеверия, были по приказанию его похоронены»⁶⁹.

Со временем боль утраты притупилась, а затем и забылась и некогда скорбный день памяти «устюжских родителей» принял вид веселого и желанного, особенно детям, праздника, к которому готовились загодя. По берегу реки Вятки и по обе стороны кладбищенской дороги располагались «несколько балаганов и столиков с фруктами и детскими игрушками». В начале общей или всемирной панихиды, сообщает Д. Л. Сенников, «усердствующие сначала кладут, а потом издали кидают в яму, на мирскую панихиду, деньги и яйца; при этом часто случается, что монеты и яйца, иногда с намерением брошенные без разбора места, причиняют удары всем и всему, кто и что есть около ямы. По уходе духовной процессии от ямы кидание монет, яиц и еще закусок все-таки продолжается, но не с первоначальным их назначением, а единственно для потехи. От этого в яме образуется огромная груда людей, валяющихся друг на друге и перхватывающих один у другого брошенное. Между тем со всех сто-

рон стекается на зрелище народа гораздо более, чем к панихиде. Перестрелка яйцами и толкание в яму продолжается иногда очень долго, сопровождается буйствами и прекращается уже действием полиции. Многие приходят на Семик потешиться, побывав прежде во временно устраиваемой услужливым откупом под сосной на берегу речки Котлянки палатке.

Впрочем, ныне — 24 мая — праздник был проведен гораздо скромнее, как по благоразумной деятельности полиции, так особенно потому, что над ямой ныне начато строиться, но еще не окончено, что-то в виде часовни; поэтому панихида совершалась внутри этого строения, куда киданье яиц и монет, равно толканье народа, было уже не возможно, и этим уничтожена главная причина бывающей неурядицы: с устройством часовни над ямой многие из будущих празднователей Семика избавятся от побоев и увечья, как это бывало прежде, а вместе с тем надолго сохранится предание старины.

Но не все занимаются праздничною потехой: некоторые по окончании панихиды, не обращаясь к увеселениям, на могилах своих родных обедают, для чего все нужное привозят из дому; при этом, как водится на праздниках, бывает и водка в количестве, сообразном состоянию и желанию угоститься. Перед обедом на могилах бывает все тихо, — в собравшихся на поминки кружках родни слышны только плач, вздохи и причитанья; но по окончании обеда начинается веселый говор, шум, а иногда песни; сиротки-дети, увлекшись примером старших, забывают свое горе: они обращаются к забавам, едят закуски, играют на дудках берестяных и глиняных, стреляют из пищали или просто, сидя со слезами на глазах на могиле отца или матери, с руки на руку перекладывают мячик; некоторые же спускаются к реке и там наперерыв подбирают кидаемые с горы игрушки. В это время праздник в полном разгаре. Бесконечное движение, неугомонное волнение людей, говор, пение, свист — это такой хаос, такое смешение!.. Случается, что усердно почтившие праздник на обратном пути к дому дорогой то подерутся изрядно, то растеряются по дороге сами, то растеряют колеса и посуду, взятую из дому с разными припасами на праздник»⁷⁰.

И. Глушков добавляет, что в общей панихиде участвуют священнослужители всех церквей города Котельнича. По окончании праздника брошенные в яму деньги «прибираются и уносятся в церковь в виде приклада», а после панихиды участники ее «бросают один в другого печеными яйцами, от чего и происходит в это время между ними сильный крик и шум. Также еще по окончании панихиды некоторые из крестьянских баб растущую в этой яме траву вырывают и потом несут домой, где и

хранят ее как лекарство во время болезни своего домашнего скота. Никакого знака, который бы определенно мог указать на могилу убиенных воинов в настоящее время (в 1862 г. — В. Н.) не имеется совершенно, кроме довольно широкой, но неглубокой и поросшей дерном и травой ямы, которая издревле всеми признается местом убиенных. Это место находится в нескольких саженьях к югу от церкви (кладбищенской. — В. Н.) и также в нескольких саженьях от грани, с которой начинается крутой спуск к реке Вятке». Ассортимент продаваемых в Семик на кладбище детских игрушек довольно разнообразен: «сосновые пищали, берестяные дудки и рожки, деревянные волынки (этот инструмент, вероятно, черемисского происхождения), жимолостные палки; также глиняные: дудки, шары, куклы и проч[ие] детские забавы. Торговля подобными предметами начинается весьма рано и продолжается до вечерни и далее. Накупивши подобных игрушек, сотни мальчишек начинают ими потешаться. Обыкновенные их потехи состоят в пальбе из пищалей, свистании в дудки и бросании или катании глиняных шаров («шарышей», по местному). Таким образом, Семик, не смотря на то, что назначен для поминания усопших, принимает вид веселого праздника. И после Семика город оглашается громким свистом различных дудочек в продолжении нескольких дней сряду»⁷¹.

В 1913 г., когда протоиерей Троицкого собора города Котельнича Валентин Михайлович Мышкин закончил составление «Историко-статистического описания» своего храма, Семик праздновался так же широко и разгульно, как и 50 лет назад. Правда, устюжане уже не участвовали в этих празднованиях. На месте братской могилы («ямы» прежних описаний) была устроена «небольшая легкой работы ротонда». По данным В. М. Мышкина, памятные события произошли в XV в., а суть их заключалась в том, что устюжане пришли «спасать котельничан от черемис», осадивших Котельнич. «Народ свято чтит память их и их имена пишет в своих поминальных синодиках. Обычай особенного поминания усопших в Семик — древний и хотя много в нем отрицательных сторон, но вывести его трудно: народ увещеваниям пастырским не поддается», — грустью признался котельнический протоиерей⁷².

В недалеком прошлом имена «устюжских родителей» заносились в синодики (помянники) многих вятских церквей. Так, в помяннике Богоявленского собора г. Хлынова, начатом 4 апреля 1696 г. «в связи с построением каменного собора вместо деревянного», записано: «Устюжские ж: Василия, Феодора, Патрикья и иже с ними 7000 убитых под Котельничем градомъ ж»⁷³. Аналогичные записи имеются в сохранившихся синодиках неизвестной вятской церкви (первая половина XVIII в.)⁷⁴. Сло-

бодского Преображенского собора (1700 г.), Подчуршинской Рождественской церкви (середины XVIII в.) и, вероятно, утраченном синодике Вятского Сретенского храма⁷⁵. «Устюжских родителей» поминали «на троицкой недели» в селах Покровском Котельнического и Верхосунье Нолинского уездов⁷⁶. В заселенной некогда устюжанами Дымковской слободе стояла Фоминская часовня, названная по имени предводителя устюжан, «избитых в Вятке»⁷⁷. В 1862 г. редакция «Вятских губернских ведомостей» сообщила, что «поминовение убитых устюжан» совершалось также «Вятского уезда в приходе села Макарьевского в шестую субботу после Пасхи в часовне, называемой Гарцинской, находящейся за Талицким винокурненным заводом на старом Слободском тракте», и Орловского уезда в часовне на берегу реки Вятки близ села Истобенского, куда для поминовения убиенных совершается крестный ход из обеих истобенских Троицкой и Николаевской церквей в субботу на троицкой неделе»⁷⁸. По сообщению А. Банникова, «в этот день с самого раннего утра собирается к часовне множество народа для исправления молебнов и панихид, на которых поминаются, как записано в синодике, «преставившиеся на брани воины Василий, Патрикий, Феодор, Иоанн и с ними семь тысяч убиенных»⁷⁹.

Как видим, показания синодиков и преданий свидетельствуют, что общевятское поминовение «устюжских родителей» имеет непосредственное отношение к невольному сражению под Котельничем устюжан с «вятичами». В 30—80-х гг. XV в. «устюжана споборники и вернослужители усерднии и истинии московским великим князем и государем неизменно и праведно на казанских... бусурман и противоборцев высокоумных новгородцев и жестокосердных вятчан ратоборствоваху, и глави своя складываху без пререкования...»⁸⁰, и в этих условиях вряд ли мог зародиться обычай всенародного поминовения неумышленно «избитых устюжан». По всей вероятности, такое случайное побоище произошло на Вятке где-то в конце XIV — первой четверти XV в., когда устюжане и вятчане относились друг к другу по-соседски и вместе ходили в военные походы в Заволочье и на Булгар.

«Избитых» под Котельничем устюжан связывали с «вятичами» не только соседские контакты, но, скорее всего, общность происхождения. По наблюдениям Д. К. Зеленина, город Котельнич и его окрестности заселялись изначально выходцами из западно-устюжских и присухонских земель⁸¹. «Котеляне» — особая этнографическая группа, отличная от собственно «вятчан» (то есть жителей «Вятского уезда, прилегающей к нему половины Орловского и юго-западной части Слободского уездов», вышедших «из-под Устюга и из Двинского края») и представляющая собой население «Котельнического уезда и приле-

гающей части Орловского». «Этнографическая граница, отделяющая вятчан собственно от котелян, — заключает ученый, — идет, как кажется (не ручаюсь), по рекам: Быстрице, Вятке и Моломе»⁸². Кстати сказать, древнейшее название Котельнича — Кокшаров — происходит «бесспорно от имени переселившихся сюда с р. Кокшеньги, которых и теперь еще называют «кокшарами»; новгородское же происхождение устюжан и кокшаров бесспорно»⁸³. Об историко-генетической связи части вятчан (не выделяя из этой общности этногруппу «котелян») с населением Присухонья и Белозерья писал в свое время А. И. Соболевский, пришедший на основе анализа лингвистических материалов к выводу, что «древний говор Белозерского края может считаться предком вятского говора»⁸⁴. По мнению современного этнографа И. В. Власовой, «кокшары» представляют собой «так называемый «верхневолжский» (антропологический. — В. Н.) тип, распространенный у русских верхней Волги. От Новгорода они взяли «бойкий характер» и многие формы народной культуры (например, «гнездовое» расположение деревень в поселенческой культуре и др.), из диалектов — «вологодско-вятский», распространившийся от Белозерья по средней Двине к Вятке... Своим бытом, нравами и обычаями они значительно отличались от остальных вологжан и не воспринимали ничего «чужеродного»⁸⁵.

Итак, филолого-этнографические исследования показывают, что в конце XIV—XV вв. «котеляне», отличаясь этнографически от собственно «вятчан», вели этническое родство от ассимилированного славяно-финского населения Белозерско-Устюжского края, которое в своем облике сохраняло немало антропологических черт местных финнов (веси, чуди и др.), в том числе и «подслеповатость глаз». Антропологическая близость белозерско-устюжских колонистов с вятскими вотяками-сырьянами и чудью послужила, по всей вероятности, причиной для прозвания их тоже «вятичами», а после известного неслепого сражения, когда «своя своих не познаша», «вятчане» двинско-устюжского происхождения «окрестили» их «слепородами». Историко-культурные истоки известного вятского праздника «Свистопляски» («Свистуны») логично усматривать в недрах народной традиции, сложившейся в среде котельничан в связи с поминовением «устюжских родителей»⁸⁶.

Вышеизложенное о «слепородстве вятичей» расходится с мнением С. А. Гомаюнова, рассматривающего понятие «слепород» в рамках библейской традиции. Слепород, рассуждает исследователь, «это человек, отделивший себя в душе от Бога и погрузившийся в мрак распадающегося мира, в котором каждая противостоящая слепороду часть воспринимается не просто как иная, но как враждебная. Слепород в борьбе за жизненное про-

странство не останавливается ни перед чем, в том числе и перед братоубийством.

Вернемся к вятскому преданию. «Слепородство» вятчан (вятичей! — В. Н.) заставляет нас перенести акцент с битвы с устюжанами на начальную часть предания — основание города (Хлынова. — В. Н.), ибо рожден был некто слепой со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Далее С. А. Гомаюнов приводит летописные (общерусские и местные) сведения о заселении новгородцами бассейна Средней Вятки и основании ими в 1374 г. города Хлынова, обратив особое внимание на содержащееся в рукописи П. М. Сорокина «О начале Вятской земли» (конец XIX в.) предание, дополняющее соответствующий рассказ «Повести о стране Вятской». После чудесного перенесения заготовленных строителями бревен с Кикиморской горы на так называемое Балясково поле колонисты обнаружили, что на новом месте уже располагалось поселение вотяков с языческой кумирницей Базым-куа (Великий шалаш), «куда для моления собирались вотяки со всей округи. Новгородцы, обнаружив здесь свои бревна, истолковали это по-своему: они подожгли селение и кумирницу. Из пламени пожара вылетел голубь и упал замертво. За эту акцию «поджигавшие поплатились слепотой, но вотяки увидели знамение, показавшее им, что вера их навсегда побеждена». Если Стефан Пермский, продолжает размышлять ученый, «жег кумирницу ради просвещения язычников, приведения их к вере православной», то «ушкуйники же в первую очередь заботились о том, чтобы очистить территорию от иноплеменников. Вероятно, чудесное перемещение бревен, заготовленных для храма, в место, занятое иноверцами, свидетельствовало об ином призвании русских людей, появившихся на Вятской земле, уже заселенной, и желавших остаться здесь. Но ушкуйники поступили как типичные слепороды: иной — значит, враг. «Хлыны» — так их звали в те времена, то есть, по толкованию современного филолога, бездельники, мошенники, барышники... Так из глубины местного предания напоминает о себе библейское повествование. Хлыны подобны каинитам. Убийство, совершенное из корыстных, эгоистических интересов, по зависти, — это смертный грех. Благодарить оставляет убийцу (в вятском предании на это указывает смерть голубя, а в евангельском повествовании о Богоявлении в виде голубя снизошел Сам Святой Дух)⁸⁷.

Позиция С. А. Гомаюнова по данному вопросу весьма уязвима для критики. В его построениях определяющее значение придано сведениям, содержащимся в пересказанном П. М. Сорокиным предании. К сожалению, исследователь неточно цитирует источник, что невольно искажает содержательную сторону

предания. «Вотяки рассказывают, — читаем у П. М. Сорокина, — что одолев вотяков, построив церковь, русские зажгли вотский Великий шалаш. За что поджигавшие поплатились слепотой, но вотяки увидели знамение, показавшее им, что вера их навсегда побеждена. Из куалы вылетел голубь, полетел к церкви, как будто тянула его невидимая сила, прицепился к стене, повисел там и упал мертвым. Первую церковь в Хлынове построили Воздвижения Креста Господня»⁸⁸. Между прочим, это предание еще в 1880 г. опубликовал Б. Гаврилов⁸⁹.

Предание четко гласит, что новгородцы «зажгли вотский Великий шалаш» только после того, как поставили на Балясковом поле обетную Воздвиженскую церковь, которую в тот же день освятили⁹⁰. Христианская традиция не допускала нахождения по соседству с действующим православным храмом функционирующего тоже языческого святилища, которое подлежало непременно сожжению. В составе первопоселенцев были и священнослужители: именно они совершали богослужение накануне взятия колонистами городов Болванского и Кокшарова и освятили Борисоглебскую церковь в Никульчине и Воздвиженскую в Хлынове. Уничтожение языческой «куалы» произошло, надо полагать, под руководством духовных лиц, и эта акция должна была продемонстрировать силу и величие христианской веры над поганым язычеством. Кстати сказать, как раз об этом и говорится в предании: вылетевший из «куалы» голубь, «полетел к церкви, как будто тянула его невидимая сила, прицепился к стене, повисел там и упал мертвым». Сами вотяки расценили этот факт как знамение того, что «вера их навсегда побеждена». Стало быть, нет оснований считать, что ушкуйники, в отличие от Стефана Пермского (поджегшего «кумирницу ради просвещения язычников, приведения их к вере православной»), подобное совершили по иной причине: «в первую очередь заботились о том, чтобы очистить территорию от иноплеменников» (С. А. Гомаюнов). К слову, после сожжения Хлыновской «куалы» вотяки не покинули этих мест, а «собрали пепел и уголья и, избрав поляну в окружающих Хлынов лесах, посеяли на ней пепел и угли и построили новый «Быдзым-куала», заменивший уважаемый всеми вотяками Хлыновский «куала»⁹¹. Вряд ли корректно утверждать, что смерть языческого голубя символизировала, будто Божественная благодать оставила православных новгородцев-«убийц». Не состоятельна также мысль, что «в те времена» ушкуйников звали «хлынами». Вовлеченные в научный оборот, памятники письменности XI—XVI вв. не знают слова «хлын» в значении «бездельник, мошенник, барышник» или «беспутный человек».

«Слепород, — пишет С. А. Гомаюнов, — значит слепой от рождения. Хлыновцы, не узнавшие и побившие устюжан, не

стали тогда слепородами, потому что они ими уже были, были от рождения»⁹². Смелое, но бездоказательное заявление. Во-первых, не известен удельный вес родившихся слепыми среди живших в XIV—XV вв. москвичей, тверичей, рязанцев, новгородцев, псковичей и других региональных групп славянского населения. Во-вторых, «слепородами» изначально прозывались не «вятчане» славянского происхождения, а вятские «вятичи», бывшие этническими финнами. Кроме них «слепородами» называли и пошехонцев⁹³, входивших в древности в состав белозерской веси⁹⁴. Какое отношение к прозвищу пошехонцев имели библейские предания?

Прежде было широко известно присловье «вятичи — толоконники». На Руси «толоконниками» именовались также пошехонцы, угличане, галичане, вологжане⁹⁵ и каргопольцы⁹⁶. В основу прозвища положено пристрастие финноязычного коренного населения указанных региональных групп к кушанью из разведенного в воде с постным маслом толокна (овсяной муки), которое ели с хлебом.

Но вот «хлыновские бояре» — это, конечно же, «вятчане». Вятские бояре вели свое происхождение от бывших новгородских бояр, живших во второй половине XIV в. в Подвинье и имевших там вотчинные владения. Некоторые из них в конце XIV — начале XV в. возглавляли походы ушкуйников и постепенно осели на Вятке, где влились в состав формировавшегося тогда господствующего класса вечевого государства «Вятская земля». Будучи активными участниками политической жизни вятского общества и, разумеется, общевятского вечевого собрания, проводившего свои заседания в городе Хлынове, местные бояре тоже жили в вятской столице и в силу того, что в других вятских городах XV в. своих бояр не было, вполне могли называться (и, как видим, назывались) «хлыновскими боярами»⁹⁷.

Подборку вятских присловий В. И. Даль замкнул неблагозвучным прозвищем «хлыновские воры»⁹⁸. Ныне этому выражению придается обычно уголовное значение. Судя по тому, что «воры» исключительно «хлыновские» (а не «котельнические», «орловские», «слободские» или же просто «вятские»), данное прозвище появилось, скорее всего, в годы вятской государственной самостоятельности. На Руси XIV—XV вв. воров-уголовников называли чаще всего «татями», а участников феодальных междоусобных столкновений, войн и самовольных военных действий (особенно на территории московских волостей) именовали преимущественно «ворами»⁹⁹. В конце XIV—XV вв. вятчане практически постоянно воевали со своими соседями, в том числе и с московскими великими князьями. Разумеется, для Москвы и подвластного ей населения они были «ворами», а так как вятские рати формиро-

вались в г. Хлынове, откуда они отправлялись в походы, то вятские «воры» соотносились прежде всего с жителями столицы и назывались «хлыновскими». Думается, не ранее XVII в. изначальная семантика выражения «хлыновские воры» была забыта и на первое место вышел уголовный акцент. Отсюда, что «хлын взял, то пропало», «хлыновцы корову в сапоги обули» (краденую, чтобы следа не было) и уже обобщающее: «вятчане на руку не чисты: вчера с нами были, онучку украли»¹⁰⁰.

«Все знают выражение, — читаем «Вятскую тетрадь» В. Н. Крупина, — вятский — народ хватский. Это даже как-то автоматически произносится. Скажешь где угодно в нашей стране, что ты вятский, тут же добавят, что вятский — народ хватский. «Да, — подхватишь, бывало, — семеро одного не бояться, а один на один — все котомки отдадим». Меньше тех, кто знает другие продолжения первых слов. А они такие: вятский — народ хватский: на полу сидим и не падаем; или: вятский — народ хватский: семеро на возу, один падает и кричит: «Не заваливай!»¹⁰¹ По Крупину выходит, что понятие «народ хватский» относится ко всей коренной вятской общности, говорящей ныне по-русски, и его даже можно считать едва ли не этнической принадлежностью вятчан.

В более архаичном виде и с соблюдением диалектных особенностей вятского говора первый вариант этого шутливого присловья передан Д. К. Зелениным: «Мы, вячки, робята хвачьки (т. е. хватские): семеро одного не боимся, а один на один, так и котомочки отдадим». В присловье, «влагаемом в уста самим же вятчанам», — комментирует Д. К. Зеленин, — выражены «глубокое смирение и самое неподдельное добродушие» и «ничего воинственного, заносчивого, даже тени амбиции или самоуверенности у вятчанина нет». «Смирение, даже незлобливость вятчанина» проявились и в том, что «они не выдумали, в ответ соседям-насмешникам, таких же насмешек, не любят зубоскалить и в то же время не сердятся на насмешечки по своему адресу, принимая их с тем же философским равнодушием»¹⁰².

Отождествление Д. К. Зелениным «вячких» с «вятчанами» правомерно лишь применительно к началу XX в., когда писалась его работа. В XV—XVI вв. «вятчане» и «вячки» (которые «робята хвачьки») являлись самостоятельными этнорегиональными группами населения. Видимо, это осознавал еще В. И. Даль, понявший термин «вячки» как «вятский», но не как «вятчане»¹⁰³. К тому же крайне сложно представить, чтобы у «вятчан» — потомков легендарных ушкуйников — не было «ничего воинственного, заносчивого, даже тени амбиции или самоуверенности», а поведению их свойственны прежде всего «глубокое смирение» и «неподдельное добродушие». Напротив, вся исто-

рия вечевой Вятки характеризует «вятчан» исключительно как смелых и удалых ратоборцев, погулявших вволю по белу свету и прославивших имя свое молодецкими подвигами в многочисленных битвах с военными силами Орды, Булгара, Москвы, Великого Новгорода и иных земель. Скорее всего, отмеченные Д. К. Зелениным качества были характерны тогда вотьякам-сырьянам, влившимся позднее в состав чепецких пермоязычных удмуртов и передавших им многие черты своей этнической психологии. Исследователи конца XVIII в. в качестве основных черт чепецких удмуртов называли, как правило, такие как смиренность, честность, миролюбие, деликатность, стеснительность до робости, сдержанность в проявлении чувств, терпеливость до самопожертвования и др.¹⁰⁴

Ключ к определению этнической принадлежности рассматриваемого присловья содержится в обстоятельной статье З. П. Малиновской, проводившей в конце 1920-х гг. этнографическое обследование свирских вепсов (потомков древней веси), которые сообщили ей, что только об оятских вепсах на Свири говорят: «Оятцки ребята хватцки, семеро одного не бояца». Обследуемые убеждены, что это присловье отражает особенности их национальной психологии и в других областях не встречается¹⁰⁵. Вернее всего иное объяснение. То обстоятельство, что представители двух этнорегиональных групп, удаленных друг от друга многими сотнями верст, усматривают в присловьи проявление свойственных только им этнопсихологических черт, обусловлено, надо полагать, общностью их этногенеза.

«Вятч на авось и хлеб сеет», — гласит поговорка. Если в толковании В. И. Даля она значит «по-вятски: наугад»¹⁰⁶, то Д. К. Зеленин, отождествивший произвольно «вятчий» с «вятчанам», непринужденно пояснил: «Авось, небось да как-нибудь», — три известных кита, на которых зиждется практическая философия всего русского народа. Вятчане в данном отношении чисто русские люди, даже более. В них мы наблюдаем какую-то особенную, поэтическую непрактичность, покорность судьбе, граничащую не то с философским фатализмом, не то с житейскою придавленностью и запуганностью»¹⁰⁷. Использование в вятской поговорке слова «авось» еще не повод для столь широких обобщений. Несомненно, поговорка бытовала в XVIII в., но ее возникновение относится к более раннему времени. Сомнительно, чтобы она имела касательство к русским вятчанам, чьи предки, придя на Вятку из аграрно-промысловых районов Подвинья, Ростовской и Суздальско-Нижегородской областей, принесли с собой хорошо развитую для XV—XVI вв. земледельческую культуру и богатые крестьянские традиции, которые осуждали пренебрежительное отношение земледельца к земле

и трудовому опыту, ибо «Господь повелел от земли кормиться», а «без хозяина земля круглая сирота». К тому же «земля — тарелка: что положишь, то и возьмешь», «посеешь крупным зерном, будешь с хлебом и вином», посему «лучше голодай, а добрым семенем засевай»; «кто рано сеет, семян не теряет», но «сей под погоду, будешь есть хлеб год от году» (вариант: «посеешь под погоду — больше приплоду»). «Рожь говорит: «Сей меня в золу да в пору!» Овес молвит: «Топчи меня в грязь, так буду князь!»¹⁰⁸

В 70-х гг. прошлого столетия в Малмыжском уезде Вятской губернии Б. Гаврилов записал удмуртскую легенду «Тутой и Янтамыр», начинавшуюся словами: «Вотяки в древнее время жили не здесь. Они пришли сюда из-за города Вятки с западной стороны. Там у них было свое царство (эксей уло), и вообще свое свободное внутреннее управление. Чем вотяки занимались там — не известно, только хлеба не сеили»¹⁰⁹. Проверить достоверность фольклорных сведений о хозяйственных занятиях вотяков в конце XIV — начале XV вв. возможно лишь археологически, но указанный в предании район археологами практически не изучен. Если исходить из постулата, что каждое историческое предание содержит нечто рациональное, то допустимо утверждение, что в период освоения новгородскими насельниками бассейна Средней Вятки местные вотяки если и занимались земледелием, то весьма примитивным, значительно отставая в области агротехнической культуры от славянских колонистов, закрепивших данное явление в поговорке: «Вятич на авось и хлеб сеет». Следовательно, поговорка отразила изначально не «покорность судьбе» и «непрактичность» вотяков-вятичей, а их низкие земледельческие навыки.

Кажется, с примитивным характером земледелия вятских вотяков связан известный анекдот о вятчанах, принявших серп за червяка. Наступило время жатвы. Ехал русский мужичок, нажал русским серпом один сноп, серп на него положил (а вятчане серпами рожь не жнут: шильями колют, по одной солоmine). Вышли вятчане в поле и «во ржах русский серп нашли и говорят: «Сто это? Червяк!». Сошлись и ну кричать: «А сто это, братцы, на насыем поли за червяк проявился и рос насу погрыз?» Один из ловких взял дубину да по черенку-то бряк! Серп подлетел вверх и опустился удалцу на шею. Тот закричал: «Червяк сею грызет!» Другой вятчанин подбежал, ухватился за черенок и, потащив его к себе, удалцу шею отхватил¹¹⁰. В Прикамье записан более полный вариант анекдота. После того, когда одному из вятчан отхватило серпом шею, остальные решили его утопить. Привязали к серпу веревку, за нее — камень и, выехав на середину реки, бросили его в воду. Камень потянул веревку, серп зацепился за край лодки и перевернул ее. Серп все-таки

утонул, вятчане — тоже... В прикамском варианте анекдот также начинается с сообщения, что «в стары годы» в Вятской стране серпов не было. «Хлеб убирали так: ходили по двое, один наставит на стебель долото, другой ударит молотком, так и ссекали. Трудно было»¹¹¹. Аналогичные сюжеты имеются и в вятских вариантах анекдота, записанных в середине XIX в. Правда, в них вятские жители называются «Ванями»¹¹², которых В. И. Даль оправданно отождествил с «вятичами-толоконниками»¹¹³.

Битва «Ваней-вятчан» с серпом увековечена даже в лубочной картине «О баталии Вятцкой»¹¹⁴. Заголовок к картине является присловьем, отмеченным И. П. Сахаровым¹¹⁵ и В. И. Далем, идентифицировавшим участников баталии с «вятичами»¹¹⁶. Д. К. Зеленин отказался от комментария «баталии Вятцкой»¹¹⁷.

Анализ записанных в середине XIX в. В. И. Далем присловий с привлечением источников (преданий, летописей, синодиков и др.), позволяющих реконструировать конкретно-историческую ситуацию, в условиях которой возникло то или иное изучаемое присловье, дает веские основания заключить, что бывшие в распоряжении этнографа записи присловий и поясняющих их преданий отражали исторические реалии не только XVIII — первой половины XIX в., но и первых столетий славянской колонизации Вятской земли. Связанные с прозвищем «вятичи» присловья, поговорки и предания оттеняют этнопсихологические, антропологические и культурно-бытовые особенности развития местного нерусского населения в сообществе с освоившими регион славянскими насельниками. За грубовато-уничижительным юмором колонистов нетрудно разглядеть их поразительную наблюдательность, умение увидеть разницу между собой и туземцами, острое чувство «своего» и «чужого». Справедливо называя присловья «голосом народа о самом себе (и о своих соседях)», В. И. Даль сумел уловить едва видимые в середине XIX в. этнические различия между понятиями «вятич» и «вятчанин»: если микроэтноним «вятичи» Даль однозначно относил к вятским финноязычным вотякам, то под «вятчанами» он подразумевал русское население региона. Здесь уместно напомнить, что наблюдения над терминологией актового материала XV—XVII вв., употреблявшего понятие «вятчане» исключительно к русским насельникам края, подтверждают правильность позиции В. И. Даля.

Таким образом, некоторые зафиксированные присловьями и анекдотами особенности современной вятской этнокультурной общности обусловлены участием в ее формировании финноязычных чуди и вотяков-сырья («вятичей») при доминирующей роли в этом процессе русских «вятчан». В течение XV—XVI вв. часть туземного населения мигрировала в низовья и вер-

хоя Вятки и на Верхнюю Чепцу, а оставшиеся попали под мощное воздействие культурно-бытовых и хозяйственных традиций русских поселенцев, что создало необходимые условия для русификации аборигенов. К началу XVIII в. ассимиляция финноязычных «вятичей» с русскими «вятчанами» в основном завершилась и «вятичи», став русскоязычными, утратили свое прежнее этническое самосознание и исчезли как самостоятельная общность, но «передали» русским «вятчанам» свойственные им некоторые особенности психического склада и отражающие их присловья, поговорки и анекдоты. Спустя столетие те грубовато-уничижительные прозвища, которыми «одаривали» местных финнов наблюдательные и насмешливые колонисты, жители соседних областей стали связывать со всем вятским населением (как с потомками русских колонистов, так и с представителями смешанных финно-русских родов), за которым закрепилось прозвание «вятчане». Так, по воспоминаниям вятского старожила К. И. Клепикова, в 1857 г. он, находясь в деловой поездке в Москве, услышал от «московских стариков-купцов», не представлявших места нахождения Вятки, что в народной среде «вятчан называют слепородами»¹¹⁸. Однако сами жители Вятской губернии в начале XX в. именовали «вятчанами» лишь русское население Вятского, Орловского, Котельнического, Ноллинского и юго-западной части Слободского уездов. Южные земли тяготели к Казани, восточные — к Перми.

«Кстати заметим, — оговаривается Д. К. Зеленин, — что обычный у местной интеллигенции и встречающийся даже в присловьях у Даля термин *вятичи* в смысле «жители Вятской губернии» ничуть не народный и исторически прямо нелепый термин. Его ввели в употребление, нужно думать, старинные доморощенные учителя географии, к которым в данном случае вполне применима поговорка: «Слышали звон, да не знают, откуда он». *Вятичи* — древнерусское племя, ничего общего с *Вяткой* не имеющее»¹¹⁹. Как показано ранее, упрек Д. К. Зеленина в адрес В. И. Даля не правомерен, ибо последний подразумевал под «вятичами» вотяцкое население Вятской губернии, а не потомков волго-окских славян. А склонность местной интеллигенции подчеркивать свою историко-культурную генетическую связь со славянским племенем «вятичи» сохраняется до сих пор. Среди представителей творческих профессий, политиков, чиновников и вятских уроженцев, проживающих за пределами исторической родины, ныне даже стало модным (вопреки историческим фактам) выводить свою генеалогию от славян-вятичей¹²⁰.

Еще в 1905 г. выдающийся знаток вятских древностей А. С. Верещагин (1835—1908) в обстоятельном очерке «Из истории древнерусской Вятки» убедительно показал, что сформули-

рованная в 1876 г. М. А. Колосовым и развитая в 1898 г. Е. Ф. Будде гипотеза о «славяно-вятическом» происхождении русских поселенцев на Вятке расходится с историческими реалиями и опирается на сочиненную около 1575 г. и насыщенную фантастическими сведениями «Хронику» польского историка М. Стрыйковского (1547—1587), ни с того ни с сего заявившего, что киевские князья Кий, Щек и Хорив «имели под своей властью» (наряду с другими князьями) и «Вятко, от которого вятчане над рекою Волгою и Вяткою». Данное известие «Хроники», не подтверждающееся русскими летописями XIII—XVII вв., проникло в «Синописис» И. Гизеля 1674 г. (выдержавшего за столетие 15 изданий), а через него в «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева (?—1723) и «Записки касательно Российской истории» Екатерины II. Решительную критику научной несостоятельности такой интерпретации начальных страниц истории Руси высказал еще в 1793 г. И. Н. Болтин (1735—1792) в своих примечаниях на первый том «Истории» М. М. Щербатова (1733—1790)¹²¹.

Комплексное исследование разнообразных источников по обозначенной в заголовке проблеме позволяет уверенно говорить, что коренные жители Вятской земли ведут свое происхождение как от «вятчан», так и от «вятичей». «Вятчане» — это, прежде всего, прямые (по отцовской, если смешанный брак, или отцовско-материнской линиям) потомки новгородских и вологодско-белозерско-устюжских колонистов, переселившихся на Вятку в течение конца XIV—XVI вв. «Вятичи» — это вятские обитатели, родословие которых проистекает от смешанных браков местных финноязычных вотяков-сырьян и чуди с русскими поселенцами. Выводить генеалогическое древо от славянского племени «вятичей», представлявших собой к исходу XIV столетия метисов с волго-окскими финскими (мерью, мешерой, муромой и др.) и балтскими (голядью и др.) племенами, правомочны те вятские уроженцы, которым доподлинно известны московско-рязанско-нижегородские корни их предков. Собирательным названием всех русских жителей Вятской земли является, конечно же, термин «вятчане», который, по наблюдениям Д. К. Зеленина, уже в начале XIX в. получил общевятское народное признание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литературу см.: Низов В. В. Биармия и вятская чужь // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию А. Л. Витберга). Киров, 1997. С. 181, примеч. 50.

² Владыкин В. Мелодия небесной росы // Памятники Отечества. 1995. № 1—2. С. 6—7.

³ Литературу см.: Низов В. В. Биармия и вятская чудь. С. 182, примеч. 51.

⁴ Низов В. В. Слободская летопись — неизвестный памятник вятского летописания XVII века // *Русская культура и мир*. Ч. I. Нижний Новгород, 1994. С. 68—70. Недавно Д. К. Уо предложил иную версию зарождения вятского летописания, датировав его начало временем не ранее 1706 г. (Уо Д. К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // *Шведы и Русский Север*. С. 336—347). На мой взгляд, выводы американского ученого, опирающиеся на анализ только одного списка вятских летописных произведений, применимы лишь к данному списку, а не к летописной традиции.

⁵ Повесть о стране Вятской / Подг. к изд. А. С. Верещагин // *ТВУ АК*. 1905. Вып. 3. Отд. II. С. 28—35.

⁶ Низов В. В. Новгородские ушкунники: мифы и действительность // *История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии)*. Киров, 1994. С. 8—19.

⁷ Архипов Г. А. Проблемы ранней этнической истории марийцев // *Археология и этнография Марийского края*. Вып. 14. Йошкар-Ола, 1988. С. 56—78; Халиков А. Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1991. Ч. I. С. 46—69.

⁸ Савельева Э. А. Лузская Пермца. Сыктывкар, 1972. С. 4—25.

⁹ Низов В. В. Биармия и вятская чудь. С. 160—190.

¹⁰ См.: Пименов В. В. Вепсы. М.; Л., 1965.

¹¹ Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. С. 14—16.

¹² Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 105—163; Низов В. В. Новгородские ушкунники: мифы и действительность. С. 13—19.

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 1966. Т. 26. С. 227.

¹⁴ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 61.

¹⁵ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 30—31.

¹⁶ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 9.

¹⁷ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 40—41.

¹⁸ Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // *Вопросы языкознания*. 1969. № 5. С. 43.

¹⁹ См.: Низов В. В. Биармия и вятская чудь. С. 172—173.

²⁰ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. С. 26—56.

²¹ Хайду П. Уральские языки и народы. С. 57—58.

²² Матвеев А. К. Еще об этимологии этнонима зырянин // *Этимологические исследования: Сб. науч. тр.* Свердловск, 1984. С. 79—90.

²³ См.: Лепехин И. И. Дневные записки путешествия. СПб., 1805. Ч. III. С. 239.

²⁴ Писцовая книга 1629 года Хлыновского уезда писма и меры А. Толочонова да подьячего И. Иевлева // *ТВУАК*. 1914. Вып. I. Отд. II. С. 117.

²⁵ Матвеев А. К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980. С. 160; Туркин А. И. Прибалтийско-финский и саамский компонент в этногенезе народа коми // *Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР*. Вып. 36. Сыктывкар, 1985. С. 64.

²⁶ В статье не рассматривается вопрос о происхождении современных пермоязычных удмуртов, требующий специального исследования. По этой же причине автор воздержался от обсуждения проблем этногенеза «арских татар» и «бесермян».

²⁷ Низов В. В. Елифаный Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. I. Сыктывкар, 1996. С. 190—198; Его же. Биармия и вятская чудь. С. 160—190.

²⁸ Хронологическая летопись города Устюга Великого / Сост. Я. Я. Фриз // Северный архив: Журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. СПб., 1822. Ч. II. № 11 (июнь). С. 326.

²⁹ Повесть о стране Вятской. С. 32—35.

³⁰ Житие св. Стефана, епископа Пермского... С. 9.

³¹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 124, 134.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 407.

³³ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 201.

³⁴ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. С. 7.

³⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 43.

³⁶ Повесть о стране Вятской. С. 28—31; Низов В. В. Небесные покровители новгородских ушкуйников // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Ч. I. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб., Псков, 1995. С. 119—125; Его же. Зарождение православного культа на Вятке // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы Международной научной конференции. Т. I. Киров, 1996. С. 18—21.

³⁷ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 207.

³⁸ Внутритекстовая сноска Д. К. Зеленина на кн.: Спицын А. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883. С. 19—21.

³⁹ Внутритекстовая сноска Д. К. Зеленина на кн.: Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1772. С. 46.

⁴⁰ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 90.

⁴¹ РО РНБ. ОСПК. Ф. IV. 844. Л. 167.

⁴² Уо Д. К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север. С. 336—350.

⁴³ ГАКО. Ф. 170. Оп. I. Д. 71. Л. II об.

⁴⁴ В[ерещагин] А. Заметка по поводу статей Рычкова и Хитрово // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 26; Его же. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 5—6.

⁴⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 407—408.

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 73.

⁴⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 389—397.

⁴⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 25. С. 239.

⁴⁹ См.: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 23—27; Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 35, 77; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948. Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 188; Зи-

мин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 191—193.

⁵⁰ К 1412 г. египетский чиновник ал-Калкашанди (1355—1418) закончил составление энциклопедического справочника, в котором как суверенное государство обозначена Вятская земля: «Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город — небольшой Афтакун (т. е. Вятка)», о чем см.: Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 35.

⁵¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 702—734.

⁵² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 86—92; Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 7—30.

⁵³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 737.

⁵⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 40.

⁵⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 23. С. 149; Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 69—78.

⁵⁶ В[ерещагин] А. С. К истории города Хлынова. С. 6.

⁵⁷ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 182; Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 438.

⁵⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. 3. С. 138. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. V. История Российская. М., 1996. С. 306, примеч. 339. Эту же дату содержат Академический, Архивский и Троицкий списки XVII в. Никоновского летописного свода (Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. II. С. 234, примеч. Н.), но ее нет в древнейшей (второй половины XVI в.) Академической XIV рукописи Никоновской летописи.

⁵⁹ Лурье Я. С. Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л — Я. Л., 1989. С. 37—39.

⁶⁰ Попов В. Колонизация русскими Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. Вологда, 1861. С. 112—113.

⁶¹ Свод летописных известий о Вятском крае / Сост. А. Спицын. Киров, 1993. С. 15.

⁶² Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. V. С. 192—193.

⁶³ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 43.

⁶⁴ Сенников Д. Семик в Котельниче // Вятские губернские ведомости. 1862. № 24. С. 163.

⁶⁵ Повесть о стране Вятской. С. 36—37.

⁶⁶ Там же. С. 42, 43.

⁶⁷ Сенников Д. Семик в Котельниче. С. 164.

⁶⁸ Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии. 1882. Вятка, 1881. С. 61.

⁶⁹ Глушков И. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Записки Имп. Русского географического общества. СПб., 1862. Кн. I. С. 30, 48.

⁷⁰ Сенников Д. Семик в Котельниче. С. 164.

⁷¹ Глушков И. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича. С. 27—29.

- ⁷² ГАКО. Ф. 313. Оп. I. Д. 35. Лл. 223—224.
- ⁷³ В[ерещагин] А. Заметка по поводу статей Рычкова и Хитрово. С. 25—26; Его же. К истории древнего Хлынова. С. 6.
- ⁷⁴ Библиотека РАН. ОРРКиК. Ф. 74 (Вятское собрание). Оп. I. Д. 152. Л. 44 об.
- ⁷⁵ ГАКО. Ф. 174. Оп. 8. Д. 79. Лл. 3 об. — 4.
- ⁷⁶ Вятские епархиальные ведомости. 1876. № 20. С. 570—571; В[ерещагин] А. С. К истории древнего Хлынова. С. 6, примеч. 3.
- ⁷⁷ Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края. С. 73.
- ⁷⁸ Сенников Д. Семик в Котельниче. С. 163, примеч. ред.
- ⁷⁹ Банников А. Заметка о селе Истобенском // Вятские губернские ведомости. 1865. № 21. С. 126.
- ⁸⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 109. Также см.: Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 49—159; Низов В. В. Вятка в борьбе за политическую самостоятельность // Вятка: Краеведческий сборник. Киров, 1991. Вып. 9. С. 93—119.
- ⁸¹ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неограниченным и переходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 390.
- ⁸² Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 69—72, 151—163.
- ⁸³ Зеленин Д. К. О происхождении северо-великорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1954. № 6. С. 78.
- ⁸⁴ Русский филологический вестник. 1906. № 1. С. 85.
- ⁸⁵ Власова И. В. Вологодская земля и ее население: этническая история XII—XX веков // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 58.
- ⁸⁶ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 90; Богуславская И. Я. О вятской свистопляске // Советская этнография. 1982. № 2. С. 90—94.
- ⁸⁷ Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996. С. 96—108.
- ⁸⁸ ГАКО. Ф. 170. Оп. I. Д. 7 (Сорокин П. М. О начале Вятской земли). Л. 7 об.
- ⁸⁹ Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии / Записаны, переведены и изложены Б. Гавриловым во время командировки его в вотяцкие селения Казанской и Вятской губернии. Казань, 1880. С. 152.
- ⁹⁰ Низов В. В. Зарождение православного культа на Вятке. С. 18—21.
- ⁹¹ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Вятка, 1888. С. 7—9.
- ⁹² Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. С. 97.
- ⁹³ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 32; Потембин А. А. Этимологические заметки // Русский филологический вестник. 1880. Т. 4. С. 168—183; Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 40—41, 80, 89, 94—96.
- ⁹⁴ Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 100—165.
- ⁹⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 32, 37, 43; Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 39, 48, 79, 90—91, 94.
- ⁹⁶ Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. И. Куликовский. СПб., 1898. С. 119.

⁹⁷ См.: Низов В. В. Государственный строй «Вятской земли» в конце XIV—XV вв. //Петербургские чтения — 96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1996. С. 333—336.

⁹⁸ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 43.

⁹⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3 (Володенье — Вяшьшина). М., 1976. С. 28.

¹⁰⁰ Даль В. И. Пословицы русского народа. Вып. II. С. 42—43.

¹⁰¹ Крупин В. Н. Вятская тетрадь. Повести. М., 1987. С. 231.

¹⁰² Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 82.

¹⁰³ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 42.

¹⁰⁴ См.: Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 370—371; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск, 1997. С. 24.

¹⁰⁵ Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 16. Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 168.

¹⁰⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 42.

¹⁰⁷ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 80—81.

¹⁰⁸ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. Т. III. С. 541—546.

¹⁰⁹ Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. С. 144.

¹¹⁰ Сказки и предания Самарского края /Собрал и записал Д. Н. Садовников. СПб., 1884. С. 165.

¹¹¹ Серебренников В. Н. Из записей фольклориста //Пермский краеведческий сборник. Вып. IV. Пермь, 1928. С. 125—126.

¹¹² Веснин [С. А.] Вани-вятчане. Рассказы бабушки. М., 1913. С. 66—71; Перепечатан: Собор: литературно-художественный журнал. 1991. № 1. С. 84—86.

¹¹³ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 43.

¹¹⁴ Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 1. Сказки и забавные листы //Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1881. Т. 23. С. 409—412.

¹¹⁵ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. С. 207.

¹¹⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. II. С. 43.

¹¹⁷ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 89.

¹¹⁸ Клепиков К. И. Воспоминания вятского старожила. Вятка, 1899. С. 8.

¹¹⁹ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 69; примеч. 6.

¹²⁰ Кировский губернатор плавает в русской истории //Вятский наблюдатель-2. Киров, 1997. 26 сент. (№ 26). С. 3.

¹²¹ Верещагин А. С. Из истории древнерусской Вятки //Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 179—233; Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 82—129; Семибратов В. Вятичи? Вятчане? К истории одной проблемы //Вятский край. 1992. 21 авг.

II. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВЯТСКОГО КРАЯ

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

В. К. СЕМИБРАТОВ ВЯТСКАЯ ДЕРЕВНЯ

«Алтарем отечества был лес для русского человека. Под его влиянием формировалась духовная культура... Именно деревня на Руси стали основным элементом постройки», — пишет специалист¹.

Сказанное особенно применимо к Вятскому краю, где «необозримые для глаза бескрайние хвойные леса перемежаются с лиственными, поразительной чистоты березовые рощи сменяются сумрачными ельниками. Общая картина лесных массивов разрежена полями, заливными лугами, болотами; множество различных по величине рек и ручейков пронизывает могучие лесные пространства»².

Все писавшие о Вятском крае единодушно отмечают, что здесь «русское племя не любит жить большими и многолюдными селениями, а предпочитает строиться вблизи полей маленькими деревеньками домов по семи-восьми; версты через две от деревни заводит починок дома в два-три, потом невдалеке еще выселок и т. д.»³, что «привычка жить отдельно со своим хозяйством где-нибудь в лесу кажется здесь общею между всеми крестьянами»⁴.

Стремление к обособлению хозяйств сложилось на Вятке исторически, так как переселенцы «везде находили огромные леса и поля, лежащие впусте, без всякого надзора и хозяина; селились они где хотели и, при первых признаках истощения земли, бросали ее и переходили на другую свежими силами»⁵.

Строились вятчане не где попало: «Безошибочное художественное чутье, выработанное столетиями, позволяло найти место одновременно и самое красивое, и самое удобное. Каждый населенный пункт имел индивидуальный облик, только ему присущий силуэт»⁶.

Как и в других российских местах, на Вятке исторически развивались и существовали такие типы селений, как: *деревня* (поселение с обрабатываемыми его жителями-крестьянами землями); *село* (поселение с церковью); *починок* (выселок из де-

ревни или села на свободную для освоения землю); *хутор* (поселение из одного двора); *слобода* (поселение, жители которого при его возникновении освобождались от тех или иных повинностей и налогов); *погост* (поселение с церковью, домами священнослужителей и кладбищем); *посад* (поселение, жители которого занимались торговлей и промышленностью); *город*.

Планировка сельских поселений могла быть самой различной:

1) *рядовой*, когда «усадыбы строятся в ряд, с одинаковой ориентировкой домов вдоль берега реки, ручья или озера, позднее — вдоль дороги»⁷;

2) *уличной* («усадыбы располагаются в два ряда по сторонам дороги, причем дома обращены друг к другу фасадом»⁸).

3) *кучевой* (беспорядочной).

Емкую характеристику некоторых типов вятских селений дала в 1920-е годы Е. В. Матвеева.

«В Куменской волости можно установить 3 типа общего расположения селений, — пишет она, — 1) по прямой линии (большинство селений), 2) «кочергой» или «чулком» (сс. Кумены и Верхо-Раменье, дд. Богородское, Медведки, Субботинцы), 3) «кругляшкой» (с. Рябиново и отчасти с. Быково). По расположению же жилых построек селения можно разделить на 4 типа: 1) Двухсторонние селения с жилыми постройками по обе стороны дороги. Это богатые деревни... 2) Односторонние селения с жилыми постройками по одну сторону, на другой же стороне дороги, против дома, амбар... Тип, широко распространенный в этой части Вятской губернии. 3) Односторонние селения с жилыми постройками на одной стороне дороги, через дорогу, против дома, баня... 4) Жилые постройки фасадом выходят на юг, в лужки, хозяйственные же пристройки своей задней стороной выходят на дорогу. Амбар перед окнами, в лужках. Тип селений, странный для вятчан...»⁹

«По крайнему изобилию леса и по жесткости... климата» дом вятского крестьянина часто являл собой «грозный замок или чудовищную грудю леса»¹⁰, где под одной крышей размещались и жилые, и хозяйственные помещения. Обычно жилища были «без всякой резьбы и других замысловатых украшений»¹¹, а строились «почти всегда из самого толстого и прекрасного соснового или елового и пихтенного леса»¹².

Именно такой тип постройки Д. К. Зеленин считал господствующим в Вятской губернии. Комментируя одну из иллюстраций книги «Восточнославянская этнография», на которой дан вид спереди дома-двора в Орловском уезде, исследователь замечает, что «двор здесь примыкает одним концом к задней стене жилого дома, а другим соприкасается с хозяйственными строе-

ниями; все это вместе имеет вид буквы «П» (старое название буквы — «покой»), благодаря чему этот тип постройки народ называет стройка покоем). Весь двор здесь крыт соломенными крышами, так что «птица не залетит»¹³.

Стройка покоем описана и Е. В. Матвеевой, характеризующей и такие типы строений, при которых: «...Изба и хозяйственные постройки под одной крышей, причем последние расположены за домом. Ворота во двор или рядом с избой, в части стены дома или сбоку, или сзади... Изба и хозяйственные постройки расположены покоем, ограда открытая...» Как тип постройки упомянута также «новая маленькая низенькая избенка с огороженным, но некрытым маленьким двором (изба-одиночка)»¹⁴.

Виды крыш на Вятке встречались в основном двускатные и четырехскатные. Тес и солома — основные кровельные материалы. Как правило, деревом покрывалась сама изба с сениями и клетью, а соломой (да и то не всегда) — хозяйственные постройки.

Вот описание одной из старинных изб, сохранившихся до нашего дня в д. Нояново Шабалинского района. Она срублена «по подсчетам, примерно в 1805—1810 годах практически одним топором, сруб поставлен без мха. Стены из 13 рядов ровных окантованных бревен диаметром 40—45 сантиметров поднимаются на высоту более 5 метров. Окна врезаны на седьмом ряду от земли. Подполье — в рост человека, расстояние от пола до потолка — почти четыре метра.

Срублен дом из настоящего кондового дерева — многолетней смолистой красноватого цвета сосны. Пол лежит на мощных переводах. Нигде на стенах не видно даже следов какой-либо гнили, червоточины. Даже нижний ряд бревен, лежащий на земле, не поддавался гниению. Только наружные концы бревен на углах дома потрескались от старости.

Зимой в избе тепло — бревна подогнаны так, что не найдешь ни малейшей щелочки, через которую бы проникал холод...»¹⁵

Впрочем, в местах, где леса мало или почти нет, дома крестьян не могли в должной мере хранить в зимние морозы тепло. Но в таких случаях выручала смекалка, о чем в начале нынешнего столетия писал И. Селивановский. По его наблюдениям, уже осенью крестьяне «обставляют избы рядами кольев на пол-аршина друг от друга и вершков на шесть от стен и накладывают на колья соломы, оставляя отверстия против окон. Некоторые даже заделывают соломой одно или два окна целиком и нижние части всех остальных. Окутанные так избы кажутся как бы сложенными из соломы. «Некрасиво, — говорят кре-

стьяне, — да спасибо: в таких избах по зимам тепло, сухо и меньше идет дров»... Помимо изб окутываются также дворы, хлевы и конюшни. Все окутанное остается в таком виде до марта»¹⁶.

Летом 1983 года Вятской этнографической экспедицией Московского государственного университета в д. Раменье Подосиновского района был обнаружен дом, построенный в 1829 году. В нем оказались «частично сохранившиеся волоковые оконца и отверстие для выхода дыма — детали крестьянских построек, исчезнувшие во второй половине XIX века»¹⁷.

В том же году поселения и жилища исследовал вокруг Кирова, а также в Советском, Котельничском, Слободском и Нолинском районах Кировский отряд Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Руководитель отряда В. А. Липинская опубликовала обстоятельный отчет об экспедиции, в котором, в частности, говорится:

«В небольших и средних по размерам селениях сохраняется жилище традиционного типа: срубный дом с крытым, вплотную примыкающим к нему двором... Дом и хозяйственный двор соединены по принципу двурядной связи; двор нередко Г-образной формы. Отдельно иногда стоят баня, колодец, амбарчик. Усадьба обычно огорожена пряслом, а по фасаду также и штакетником...

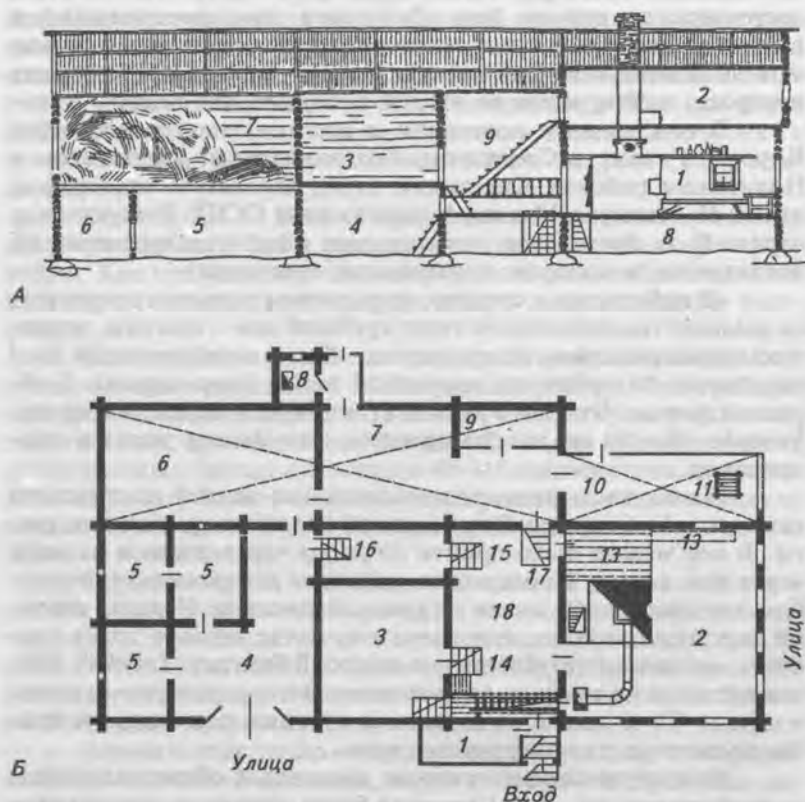
Жилая часть дома поднималась над землей на подклети высотой в 4—6 венцов. В прохладной подклети хранили продукты. В нее можно было пройти со двора через дверь и из избы через люк в полу. Иногда часть подклети отгораживали перерубом для мастерской, лавки или жилой комнаты. Изредка строили двухэтажные дома, используя в качестве первого этажа подклеть, несколько углубленную в землю. В богатых селениях, расположенных на трактах, связывавших Вятку с центрами уездов, в начале XX в. зажиточные хозяева строили кирпичные и комбинированные полукирпичные дома...

Основную секцию жилища составляла обширная изба с длиной сторон в 6—8 м. Строения более развитого плана: пятистенки, крестовики, связь, изба-двойня — встречались редко.

Внутренняя планировка избы в прошлом была севернорусского типа: печь стояла в углу при входе, а по диагонали от нее находился передний угол. В конце XIX в. печь стали передвигать ближе к центру, что давало возможность, разделив избу перегородками на две или три части, лучше организовать использование ее площади...

Большая часть избы от входной двери до переднего угла называется куть. От нее перегородкой отделяется место возле печи — середь. Другая перегородка (ее ставят не всегда) отделя-

ет от середины проход за печкой, так называемую прохожку. Во многих домах и сейчас можно увидеть большие полаты над входной дверью, а иногда также и маленькие «луковые» (для просушки лука и других припасов) — по другую сторону от печи, в прохожке»¹⁸.

Илл. 14. План и разрез традиционного одноэтажного дома усадебного типа с пристроенным к нему крытым двором

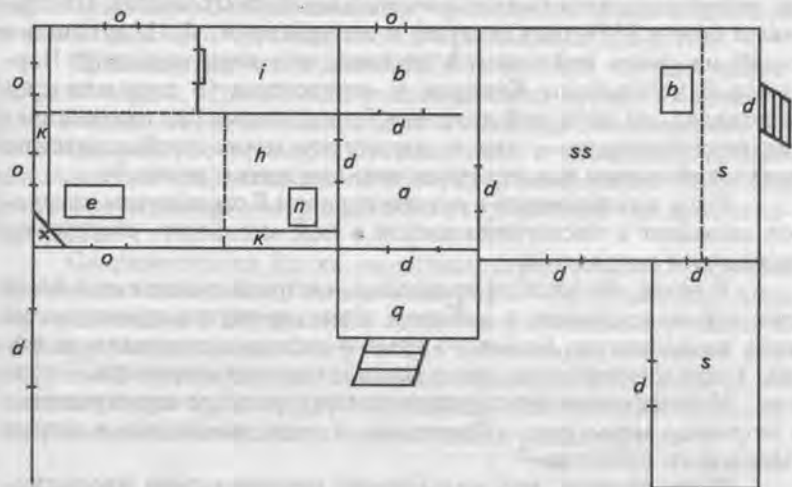
А — разрез дома: 1 — комната, 2 — чердак, 3 — клеть, 4 — погреб под клетью, 5 — двор, 6 — хлев, 7 — сеновал, 8 — нижняя боковуша, подвал под избой и подполье, 9 — сени.

Б — план дома: 1 — веранда, 2 — комната, 3 — клеть, 4 — крытый двор, 5 — хлева, 6 — сарай, 7 — дровяник, 8 — кухня для скота, 9 — кладовка, 10 — проход, 11 — колодец, 12 — полаты, 13 — полка, 14 — лестница в клеть, 15 — лестница в кладовку, 16 — лестница на сеновал, 17 — лестница в сарай, 18 — секи.

Статья В. А. Липинской проиллюстрирована планом и разрезом традиционного одноэтажного дома усадебного типа с пристроенным к нему крытым двором.

План севернорусского дома на примере из Слободского уезда дан и в зеленинской «Востоочнославянской этнографии». Латинские буквы обозначают здесь: а — сени; b — чулан; d — дверь; e — стол; h — полати; i — печь; k — лавка; n — дверь для входа в подпол; o — окно; s — хлев; ss — поветь (по определению Д. К. Зеленина, «верхний этаж над хлевом, где хранится корм для скота и различный инвентарь»¹⁹); x — жилая комната.

Илл. 15. План севернорусского дома. Вятская губ., Слободской уезд

В селе Залазна Омутнинского района в домах коренных жителей до сей поры выделяется так называемая «комнатка» — маленькая спальня с окном или без него, отгороженная от остального пространства избы стеной и имеющая отдельный вход.

В числе неперенных принадлежностей внутреннего убранства крестьянской избы Е. В. Матвеева называет «полицы (полки), где складываются шапки, шарфы, платки и др. мелкие вещи, разные мелкие инструменты, бабья работа и т. п.»²⁰; божницу — полку с иконами; спицы — вешалку; рукомойку; разного рода утварь.

Примечательностью иных вятских дворов являлись ворота. В Юрьянском районе, например, замечает очевидец, «столбы ворот и калиток устанавливаются... на еловые пни, чтобы дольше жили. А часто украшают резьбой по целой четверти дерева с

корнями. Получаются как бы постройки на курьих ножках. Но это еще не все. Ворота украшаются коваными гвоздями с огромными шляпками и искуснойковки железным кольцом с художественно кованой пластиной под ним. Старинные воротные рамы стоят несокрушимо. Другой раз двор уже завалился или окончательно перестроился, а вороты стоят»²¹.

С крестьянским жилищем тесно связаны и такие строения, как клетки, где хранились семейные богатства и припасы, овины для сушки зерна и амбары (житницы) для его хранения.

Огромное значение имели водяные и ветряные мельницы, размещавшиеся подчас в очень живописных местах. Не случайно еще в 1859 году географ и литератор А. Ф. Мартынов в одной из своих публикаций замечал, что хотя мельница Чернушка близ слободы Кукарки и «ничтожная (о двух или трех поставках), но не в ней дело: местоположение без преувеличения восхитительное», что и «делает это место необыкновенно привлекательным для прогулки или для житья летом»²².

Одна из связанных с вятским градом Котельничем поговорок называет в числе имеющихся в нем «мельнич» «водяничу, паровичу и ветряничу».

В уезде, по данным краеведов, «ветряные мельницы были двух типов: шатровая и амбаром. Они строились примерно на треть выше самого большого дома в деревне, оживляли ее облик. Были и небольшие, чаще всего шатровые мельницы — толчеи... Многие сотни лет служили людям в размол зерна водяные и ветряные мельницы. «Паровича» в уезде появилась в начале нынешнего столетия»²³.

Надо сказать, что мельничное строительство продолжалось вплоть до 60-х годов нашего века, надежно обеспечивая вятские колхозы и совхозы природной энергией для размол зерна.

Скот содержался крестьянами в хлевах, конюшнях, свинарниках, сараях (в последних хранилось также заготовленное на зиму сено).

Особое значение в жизни людей занимала баня, не случайно называемая в народе «мать вторая» и использовавшаяся как в гигиенических, так и лечебных целях. Бани могли быть двух типов: белые, когда дым выходил через печную трубу, и черные, в которых дым выпускался наружу через отверстие в крыше.

Один из вятских знатоков «щедрого жара» утверждает: «Настоящая русская баня та, которая постарше по своему укладу. И, как правило, топится она по-черному. Печки в ней нет. И кирпича потому там тоже не найдешь. Маленькая, ладная, она срублена вся из осиновых бревен у самой воды — реки, пруда,

озера, ручья какого, а если уж нет ничего этого, то прямо на усадьбе под черемухой или под рябиной, но непременно у ключа или колодца»²⁴.

Отрадно, что многое из опыта предков не умерло и достойно продолжается нашими современниками. Это касается, в частности, строительства жилья. Так, в наши дни в селе Среднеивкино Верхошижемского района собственными руками сработал дом кочегар местной пекарни И. В. Окатьев. На живописном берегу пруда стоит ныне его детище. Побывавший в нем журналист не мог скрыть своего восхищения. «В длину изба 9 метров, в ширину 6,5. Три комнаты, просторная кухня с русской печью и полатами. Все сделано по-крестьянски добротно»²⁵.

Сработанные «по-крестьянски добротно» вятские жилища даже вошли в творчество такого знатока русской избы, как Н. А. Клюев. Не раз живший в 1920-е годы в д. Потрепухино, что близ Кукарки (Советска), известный поэт в числе достопримечательностей «поречья, где воздух тих», вспоминает «избу над пихтовым обрывом», «суровый дом», срубленный «из кряковистого дуба»²⁶.

Сохранение на Вятке народных строительных традиций лишний раз доказывает вывод этнографа: «Крестьянский двор своим внешним и внутренним строением представляет одно из наиболее впечатляющих творческих достижений в области традиционной материальной народной культуры благодаря своей целесообразности, качеству постройки, эстетическим параметрам и тесной взаимосвязи с окружающим ландшафтом»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бобров Р. В. Алтарь отечества // Лесное хозяйство. 1991. № 5. С. 18.

² Уханова И. Н. Искусство резьбы по дереву вятских мастеров // Памятники Отечества. Кн. 2. М., 1975. С. 182.

³ Общие сведения по Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1880 год. Вятка, 1879. Отд. 2. С. 33.

⁴ Бехтерев Н. П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780—1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Т. II. Вятка, 1881. С. 423.

⁵ Там же. С. 422.

⁶ Бердинских В. А. История рядом с нами // Волга. 1986. № 3. С. 154.

⁷ Рабинович М. Г. Поселения // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 213.

⁸ Там же.

⁹ Матвеева Е. В. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 года // Труды Вятского государственного музея. Т. I. Вятка, 1927. С. 47.

¹⁰ Из записок преосвященного Никодима Казанского // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. I—II. Вятка, 1913. С. 96.

- ¹¹ Общие сведения... С. 33.
- ¹² Из записок... С. 97.
- ¹³ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. М., 1991. С. 294.
- ¹⁴ Матвеева Е. В. Из материалов... С. 47—48.
- ¹⁵ Сакерин. Е. Одним топором сработан // Кировская правда. 1988. 6 авг.
- ¹⁶ Селивановский И. Сельскохозяйственные рассказы. Книжка четвертая. М., 1902. С. 20—21.
- ¹⁷ Логинов А. Путешествие в глубь истории // Киров. правда. 1983. 22 нояб.
- ¹⁸ Липинская В. А. Традиционное жилище и современное индустриальное строительство в селениях Кировской области // Полевые исследования Института этнографии. 1983. М., 1987. С. 5—6.
- ¹⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография... С. 308.
- ²⁰ Матвеева Е. В. Из материалов... С. 50.
- ²¹ Гречухин В. Запах вятских изб // Киров. правда. 1991. 23 марта.
- ²² Мартынов А. Слобода Кукарка. Цит. по: Вести трехречья (Советск). 1991. 7 дек.
- ²³ Панькова С. В Котельниче на мельнице // Киров. правда. 1990. 30 окт.
- ²⁴ Скобелкин П. Топится, топится в огороде баня // Вятский край. 1992. 11 янв.
- ²⁵ Решетников Л. Иван — крестьянский сын // Киров. правда. 1993. 5 янв.
- ²⁶ Клюев Н. А. Песнослов: Стихотворения и поэмы. Петрозаводск, 1990. С. 164 и 221.
- ²⁷ Баумгартен К. Жилище // Материальная культура: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. М., 1989. С. 39.

И. Г. СЕМЕНОВА

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩЕ НА ВЯТКЕ

Вятская земля, в силу своего географического положения и особого места в истории России, необычайно богата удивительными образцами подлинно народной культуры, впитавшей в себя традиции и навыки многих поколений, живших на ее просторах. Какой бы стороны жизни мы не касались, во всем неуловимо присутствует неповторимый вятский дух. Есть он и в тех домах, которые строились и строятся на этой земле, в их неброской красоте, сдержанной резьбе, на удивление рациональном и продуманном использовании пространства. Это и понятно. Культура строительства из дерева формировалась на Вятке, как и на всей земле русской, веками. Обширные лесные массивы, среди которых возникали первые вятские поселения, предоставляли нашим предкам широкий выбор строевого леса, а глубокие строительные традиции деревянного зодчества древ-

ней Руси были бережно восприняты и развиты многими поколениями вятских плотников. Поэтому на территории Вятского края, несмотря на все потрясения и утраты, сохранилось и дошло до нас такое большое разнообразие типов жилищ, усадебных комплексов, культовых и промышленных зданий, которое и создает неповторимый колорит традиционной народной архитектуры, присущий только этому краю.

Долгие годы, являясь мостом между центром России, Сибирью, Русским Севером и Поволжьем, Вятская земля впитывала богатый опыт традиций и принципов формирования народного жилища у тех переселенцев, миграционные потоки которых проходили по ее территории. Сначала Новгородский, принесший архитектуру Русского Севера, затем Владимиро-Суздальский, с традициями среднерусского комплекса. Близость южных границ с Казанским ханством отразилась в постройках южных районов. Нашли отражение в народной архитектуре и традиции удмуртов, марийцев, коми. Не обошли Вятскую землю и религиозные потоки старообрядцев. Их деревни со свойственным им бытом, настроенным отношением к миру дополняли сложившуюся культуру и архитектуру края.

ПОСЕЛЕНИЯ

Когда пытаешься понять принцип, которого придерживались крестьяне при выборе места для строительства своих поселений, создается впечатление, что большинство мест выбраны случайно. Но это первое и глубоко ошибочное впечатление. Анализ архивных материалов и результаты экспедиций указывают, насколько продуманным и обоснованным был для них этот шаг. Место выбиралось там, где прежде всего удобно было вести сельскохозяйственные работы, пасти скот, охотиться и ловить рыбу, где были доступны пути сообщения, а при необходимости можно было отразить нападение врагов.

Конечно же, самыми удобными в этом смысле были берега рек и озер, и подтверждение этому мы находим и в издании Российского Географического общества: «Обращаясь за сим к самому выбору мест для возведения деревень и сел, следует заметить, что в Вятской губернии главным условием для выбора мест для деревни считается близость воды, по крайней мере в Вятской губернии редкие селения не имеют вблизи какой-либо реки или хотя бы ручья, а особенно сел, в которых существуют или создаются приходские церкви, нет ни одного»¹. Реки долго являлись основным средством сообщения, поселения, стоявшие на их берегах, разрастались и поэтому так много сохранившихся до наших времен деревень расположено по берегам рек.

Выбрав место для поселения, крестьянин приступал к выбору места для строительства самого дома. Вот как описывает это в своей книге И. В. Маковецкий: «Учитывая природно-климатические факторы, крестьянин был свободен не только выбирать участок, но и наиболее правильно и выгодно использовать его рельеф при расстановке хозяйственных построек, придать нужную ориентацию жилым помещениям по сторонам света, найти наиболее удобное место для подсобных сооружений. Он рубил избу там, где лучи солнца давали больше тепла и света, где из окон избы, с площадки крыльца, с территории двора открывался наиболее широкий вид на обрабатываемые им угодья»². За первым домом появлялся второй, третий... Но каждый следующий крестьянин, располагая свой дом, руководствовался теми же принципами. Так постепенно и свободно формировались поселения, которые в результате длительных исторических процессов приобретали черты, характерные для определенных типов и названий, перечень которых в научной литературе очень широк.

Основные типы поселений, сохранившиеся с XIX—нач. XX вв., сложились намного раньше и прошли длительный путь развития. Наиболее распространенными на Вятской земле были *села, деревни, починок, реже погосты, выселки, заимки*. Одно из самых древних форм поселений — «село». Первоначально этот термин имел более широкое значение, он включал не только само селение, но и земли, ему принадлежащие вокруг. Позднее в селах, как в волостном центре, стали строить церкви и с XVIII—XIX вв. наличие церкви стало основным признаком села. Преобладающим типом поселения на Вятской земле, как и на Русском Севере и в Средней полосе России была *деревня*, ее разновидностью был *починок*. Так называли поселение, возникшее на новом месте, часто недалеко от существующей деревни, основанное кем-то из ее же жителей. По количеству дворов деревни могли быть от 3—5 до 10—20 дворов.

Среди планировок поселений преобладающими были: *прибрежная, свободная, рядовая (уличная) и трактовая*. Прибрежная планировка поселения представляет собой расположение изб фасадами к реке. Во время наших экспедиций много деревень с такой планировкой встречалось в Подосиновском, Слободском, Кикнурском, Советском, Афанасьевском, Лузском районах (илл. 17).

Другим наиболее древним типом является свободный принцип заселения. Деревни возникали без заранее составленного плана. Деревни с такой планировкой сохранились в районах, удаленных от центра, таких как Опаринский, Лузский (илл. 16, 18).

Илл. 16. Дер. Никитинская
(Угол).
Лузский р-н.
Схема планировки

Илл. 17. Кировская обл.
Подосиновский р-н, Георгиевский с/с,
дер. Сегина гора

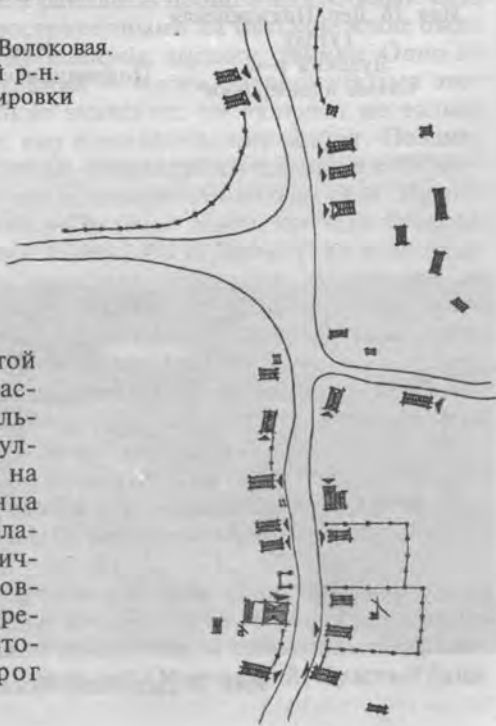

Илл. 18. Дер. Угол. Лузский р-н

Илл. 19—20. Дер. Волоковая.
Опаринский р-н.
Схема планировки

Селения с замкнутой планировкой, где дома расположены вокруг центральной площади и по проулкам, редко встречаются на Вятской земле. С конца XIX — нач. XX вв. преобладающими становятся уличная и трактовая планировки, характерные для деревень, возникавших по сторонам больших дорог (илл. 19—20).

ОСНОВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

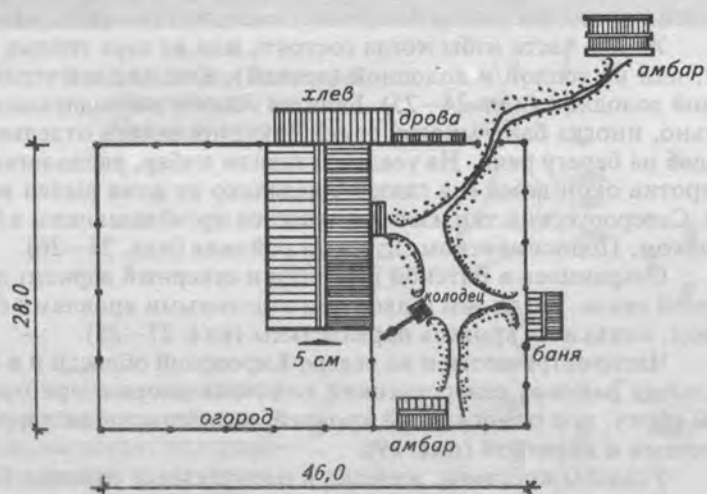
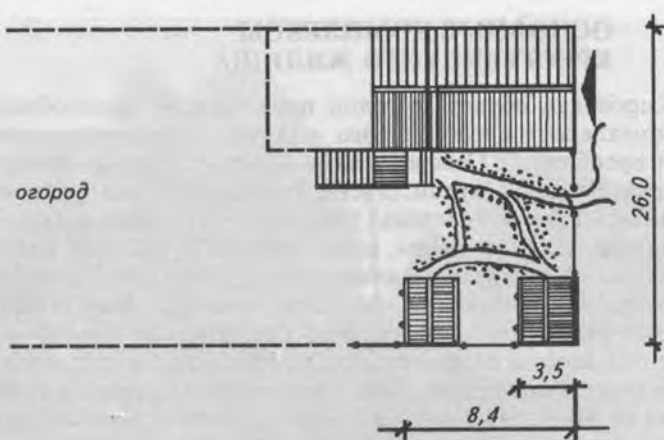
Кировская область сегодня представлена многообразием типов комплексов крестьянского жилища. В северных районах области преобладает Северорусский комплекс, принесенный из Новгорода, Вологды, Архангельска. Только в Лузском районе обследование 95 сел и деревень³ показало, что преобладающим в них является тип «дом-двор», когда под одной крышей, как правило, двухскатной, расположены жилая изба, сени, а за ними двухъярусный хозяйственный двор, связанный с ними таким образом, что стены двора составляют продолжение жилой части, образуя большое четырехугольное здание, чаще расположенное к улице перпендикулярно. Такое расположение дома и двора в один ряд называется *однорядной связью*. В хозяйственном двухъярусном дворе внизу располагались хлева, наверху — сеновал. С одной стороны избы находилось крыльцо, которое примыкало к сеням, вход в хозяйственный двор с улицы располагался с противоположной стороны в стене двора и закрывался воротами. Через эти ворота, по взвозу на сеновал ввозили сено (илл. 23—24).

Жилая часть избы могла состоять или из двух теплых клеток, или из теплой и холодной (летней), или из двух теплых и одной холодной (илл. 24—25). Баня на усадьбе располагалась отдельно, иногда бани многих семей группировались отдельно от усадеб на берегу реки. На усадьбе ставили амбар, располагая его напротив окон дома «на глазах», недалеко от дома рылся колодец. Северорусский тип жилища является преобладающим в Опаринском, Подосиновском, Лузском районах (илл. 24—26).

Сохранился в Вятской губернии и северный вариант однорядной связи, когда дом и двор под отдельными кровлями стоят рядом, коньки их кровель параллельны (илл. 27—28).

Часто встречается и на севере Кировской области и в центральных районах северорусский тип дома-двора с пристроенным сбоку, под односкатной кровлей, хозяйственным двором с воротами и калиткой (илл. 29).

Усадьбы крестьян, живших в центральных районах Вятской губернии, отличаются от северных. Происходило это в силу многих причин. Среднерусский комплекс жилища складывался в иных, чем на севере, географических условиях. Более мягкий климат, равнинный, частично возвышенный ландшафт. Жилище уже менее приподнято над землей, дом-двор, соединенный в монолитное целое, уступает место покоеобразным дворам. Хозяйственные постройки в этом комплексе расположены параллельно жилому дому, а между ними находится крытый двор с двумя сквозными воротами для скотины. На распространение в

Илл. 21—22. Усадьба со старыми амбарами. Кировская обл.,
Подосиновский р-н, Октябрьский с/с, дер. Вязово

**ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ДОМОВ КИРОВСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Илл. 23. Котельничский р-н

Илл. 24. Лузский р-н

Илл. 25. Лузский р-н

Илл. 26. Подосиновский р-н

Илл. 27. Котельничский р-н

Илл. 28. Юрьянский р-н

Илл. 29. Котельничский р-н

Илл. 30. Котельничский р-н

центральных районах Вятки среднерусского комплекса сказалось, в большой степени, влияние центральных областей России. Он часто встречается в Афанасьевском, Нагорском, Мурашинском, Шабалинском, Юрьянском, Кикнурском, Котельничском, Советском и других районах и сохранился в огромном многообразии вариантов (илл. 30). В дневниках экспедиции, проводившейся в 1929 г. институтом этнографии, Г. М. Василевич описывает несколько типов крытого двора: «...часто встречающийся тип крытого двора, когда одни хозяйственные постройки представляют продолжение жилой избы, другие же расположены через двор напротив, с промежуточных сторон двор закрыт воротами, одни на улицу, другие в огород»⁴. Среднерусский тип, бытовавший на Вятке, можно, укрупнив, разделить на два варианта. Первый — сама изба северо-среднерусской планировки на среднем или низком подклете, кровля чаще двухскатная, хотя встречается и четырехскатная, двор крытый одноэтажный. Дома расположены перпендикулярно к улице, связи дома с одноэтажным двором встречаются однорядные, двухрядные, глаголем, реже поперечная. Второй вариант отличается закрытым и полузакрытым двором, застройка двора «покоеобразная», называемая по-другому «круглый двор».

Постройки, представляющие южнорусский комплекс, сохранились в самых южных районах Вятской губернии. Для них характерным является срубный дом без подклета, порой с земляным полом, кровли четырехскатные, постройки двора в основном в форме квадрата.

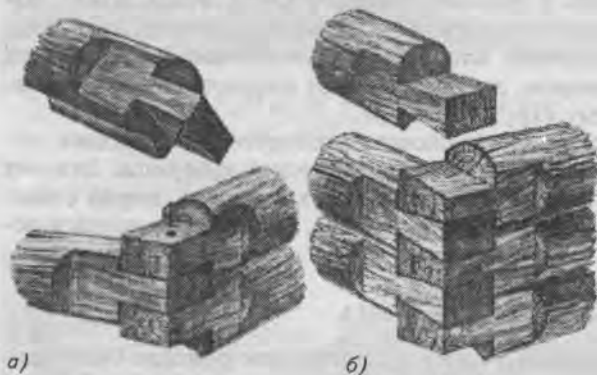
ТИПЫ ЖИЛОГО ДОМА

С древних времен на Руси плотничное ремесло было едва ли не самым распространенным. Им славились целые области, как, например, Новгородская, принесящая свое мастерство на Вятку в XVI—XVII вв. Крепостные сооружения, окружавшие большую часть русских городов, были рублены из дерева, жилые дома из дерева, почти все промышленные, торговые, культовые, хозяйственные постройки тоже строились из дерева. Деревянные конструкции обеспечивали надежность, но их можно было и достаточно быстро изготавливать. Важное значение для долговечности построек имело время заготовки леса и употребление разных пород древесины для разных построек или их частей. Дуб шел на крепостные стены и башни, лиственница — на нижние венцы зданий, ель — на вспомогательные сооружения, осина — на лемех (деревянная черепица). Сосна была наиболее распространенным материалом, из нее рубили стены, конструкции кровель, изготавливали тес.

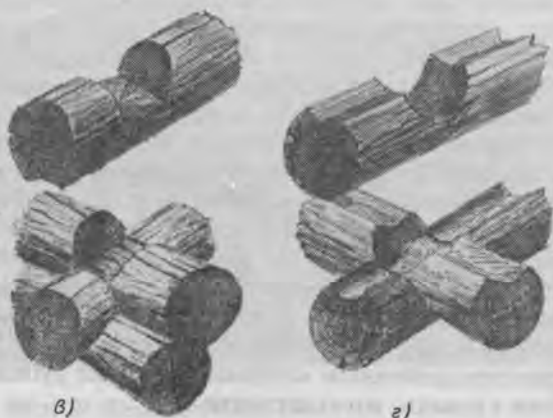
Лес заготавливали зимой, перевозили и складывали на особых подкладах до весны. Весной снимали кору с бревен, и плотники собирали из бревен два, три сруба, обычно недалеко от того места, где будет стоять дом. В срубе было по 5—7 венцов, размеры венцов, определяемые длиной бревен были 5×5 , 6×6 , 8×8 метров. Однако большинство срубов жилищ рубились 4×4 , 5×5 , 6×6 метров. В основном срубы собирали из круглых бревен. Способы соединения бревен, сохранившиеся с древнейших времен в народе называли «с остатком» и «без остатка» или «в обло» и «в лапу» (илл. 31). Для просушки дерева срубы оставляли на год, потом собирали на отведенном месте. Крестьяне ставили нижний венец на деревянные стулья или на камни, врытые в землю. Хотя встречались случаи, когда в целой деревне у всех домов нижний венец просто клался на землю. Между бревнами для тепла обязательно прокладывался мох, под окнами береста, как и между рядами теса на кровле.

Илл. 31.
Типы врубок

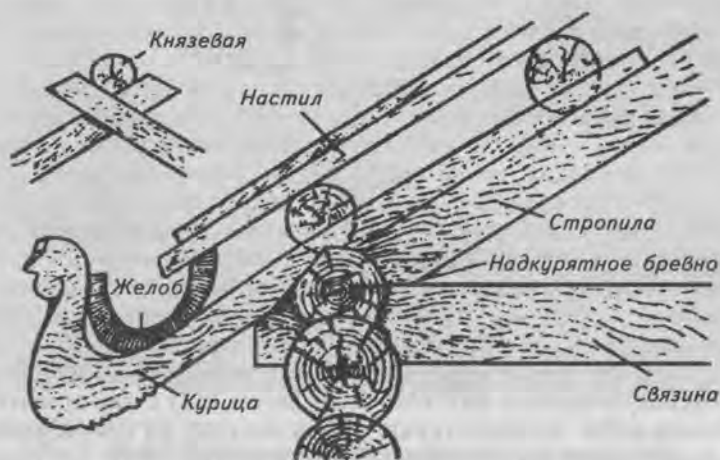
а) рубка в
угол; б) руб-
ка в лапу;

в) самая распро-
страненная рубка в
простых сооруже-
ниях в обло с ос-
таком; г) рубка в
обло с остатком до
XIV в.

Окна по конструктивным признакам делились на колодные и волоковые. Форма колодных окон была различной — кружальной, косой, прямоугольной и круглой. Волоковые окна были маленькие на два венца и закрывались «волоком», то есть задвигались задвижкой в плоскости стены.

Кровли возводили разной формы, от ее формы зависела и ее конструкция. Для двухскатной наиболее типичной была «самцовая». Для ее формирования продольные слепи, составляющие остоу крыши, укреплялись между бревнами фронтона, которые, постепенно укорачиваясь кверху, образовывали треугольник фронтона. В самцовых кровлях в последний, верхний венец с двух боковых сторон дома врубались «курицы» (крючья), которые рубились из комлевой части деревьев (илл. 32). Для кровли использовался тес, верхняя часть которого прижималась коньком, а нижняя упиралась в поток поддерживаемый «курицами». Для стока воды в тесе делался ложок по центру, а позднее стали делать две дорожки, поэтому тес называют «ложеным» и «продороженным». Во второй половине XIX в. стропильные конструкции кровли вытеснили самцовую кровлю, но в северных районах Кировской области еще встречаются и самцовые кровли и курицы с потоками. В Подосиновском районе во время экспедиции в 1987 г. в деревне Раменье был обнаружен дом четырехстенки с датой постройки вырубленной топором на верхнем боковом бревне — «1829 год» (илл. 33). В доме сохранились архаичные волоковые окна, потолок в избе из круглых брев-

Илл. 32. Конструкция крыши

Илл. 33. Дом в Подосиновском р-не, дер. Раменье

вен, голбец (вход в подполье), полати. Тип избы «четырехстен-нок» является наиболее архаичным, так как, в основе его лежит клеть из четырех бревен наиболее простая в изготовлении. Большую роль в крестьянской избе играла русская печь. Она давала возможность поддерживать тепло в течение круглых суток, готовить и долго держать в горячем состоянии пищу, сушить одежду. В холодную пору года можно было спать на ее теплой поверхности. Печь состояла из двух частей: бревенчатой клетки, так называемого опечка и собственно печи из глинобитных стенок, свода и пода. За время проведения экспедиций по выявлению и фиксации памятников традиционной народной архитектуры во многих районах Кировской области были найдены глинобитные старинные печи (Нагорский, Мурашинский районы — илл. 34). В крестьянских домах Вятской губернии вплоть до середины XIX в. преобладали курные избы, печи в которых топились по черному, то есть они не имели вытяжной трубы для выхода дыма, который выпускался через дверь.

Е. В. Матвеева в материалах этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 г. так описывает интерьер избы четырехстенка: «Изба состоит из одной комнаты, разделенной мысленными линиями на три части: кут (у двери) избу (часть комнаты, где стол и передний угол) и середь (часть избы у печи против чела). Иногда как в новых, так и в

Илл. 34. Конструкция глинобитной печи сохранившейся
от разрушенного дома.
Дер. В. Починок

старых избах встречается деревянная перегородка, отделяющая избу от середи (Юферево). Занавесок, отделяющих одну часть избы от другой, в обследованных селениях не встречалось.

Передний угол с божницей помещался в углу, напротив двери, наискось от печи — если печь стоит направо от двери, то стол и божница направо, если печь налево — передний угол налево.

Около печи встречается голбец. У входной двери, в куте, от голбца до стены, настланы полати — место ночного отдыха семьи, а в зимнее холодное время — место игры детей и работы баб (работа за прялкой). Кроватей в избе нет, исключения крайне редки. Около печи, под голбцем, вход в подполье, иногда в подполье имеется и второй вход со двора. В некоторых старых избах подполье делится перегородкой на две части: одна собственно подполье, другая носит название казенки. Подполье довольно высокое, выше человеческого роста, иногда с окном. Подполье служит местом хранения припасов (муки, овощей) и ненужной в хозяйстве в данное время утвари, а иногда служит и мастерской.

Внутри, вдоль стен всей избы, устроены неподвижные лавки — в старых избах очень широкие и толстые. В старину лавки делились на мужскую и женскую. Мужская лавка всегда ближе к двери. Садиться женщине на мужскую лавку в некоторых волостях Вятского уезда и теперь еще считается неприличным. Над лавками, вокруг избы, идут полки (полки) где складываются шапки, шарфы, платки и др. Легкие вещи, разные мелкие инструменты, бабья работа и т.п. В середи на полках размещается кухонная посуда.

В переднем углу божница — то резной киот, то полочка с иконами, а то и прямо к стене прибитые иконы.

У лавок, в углу, перед божницей — обеденный стол, только на время еды накрываемый «скатеркой». В старых избах, на лавках у печи, помещается судница (ящик для посуды).

В середи у заборки иногда стоит сундук в некоторых же избах, у окна стан⁵.

Красивым декоративным элементом интерьера, являлась припечная доска, она должна была предохранять устье печи от сквозного движения воздуха во время, когда горит огонь или тлеют угли. Она поднималась на высоту устья печи и обычно имела сложное, причудливое завершение. Разнообразие резьбы, которой украшались доски, любовь с которой она была выполнена, выдают желание хозяев украсить свой дом, сделать его интерьер нарядным, всегда радующим глаз. Это же стремление проявляется и в расписных интерьерах, которые еще совсем недавно можно было встретить в старых избах Лузского, Подоси-

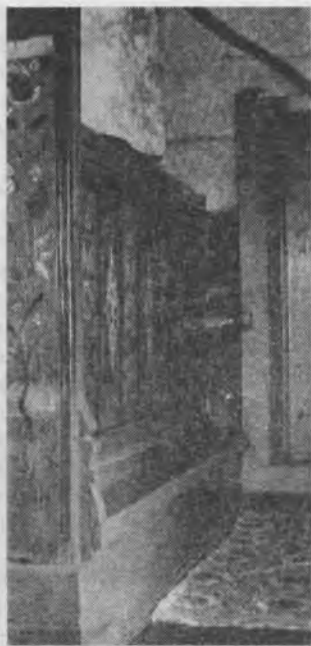

новского, Опаринского, Мурашинского районов (илл. 35, 36, 37, 38). Сегодня только часть из них можно видеть в краеведческом музее, но большинство из них, к сожалению, погибли в оставленных хозяевами домах или были разграблены и вывезены «любителями старины».

Но вернемся к типам жилища Вятской губернии. Дальнейшее развитие древней формы дома-четырёхстенка происходило в двух направлениях. Первое: расширение жилого помещения путем прируба к сеним еще одной клетки (по продольной оси). Чаще это встречается в двухрядной застройке, например, в Мурашинском районе

Илл. 35, 36. Припечные доски в дер. Ворончиха, Лузский р-н

(илл. 39). Другое направление — увеличение самого объема избы, с разделением четырехстенка еще одной стеной. Так возник новый тип — пятистенок, где вместо одного жилого помещения в передней части дома образовалось два полностью изолированных друг от друга, с отдельным входом из общих сеней в каждое, например, такой тип отмечен в Кикнурском, Юрьянском, Лузском районах (илл. 40).

На территории области имеет распространение так называемая «изба двойня» (илл. 41), особенно в северных районах и вблизи границ с Республикой Коми. В Опаринском районе в 1979 г., в деревне Верхний Починок, расположенной на живописном берегу реки Моломы, автору статьи удалось обследовать одну из самых старых построек деревни, избу двойню принадлежавшую тогда Лу-

Илл. 37, 38. Расписной интерьер. Лузский р-н

Илл. 39. Мурашинский р-н

Илл. 40. Лузский р-н

Илл. 41. Лузский р-н

кину Федору Дмитриевичу. У хозяина неподалеку была поставлена новая изба, в этой он не жил. Как утверждал Лукин, дом был рублен еще его дедом, все окна были в «два бревна» и только позже «растесаны» уже им самим. В избе почти полностью сохранился интерьер.

В первой избе резная припечная доска поднималась на высоту устья печи, короб голбца поддерживал массивную балку полатей. Вдоль стены сохранились широкие лавки. Вход в подполье закрывался расписной филенчатой дверью.

Во второй избе примыкающей боковой стеной к стене первой, печи первоначально не было, она была летней, а в 1928 г. в ней была поставлена печь по образцу и подобию первой, только припечная доска отличалась более богатой резьбой. На ней и вырезана дата «18 марта 1928 года».

Обследуя деревни Опаринского района, встречая преобладающее число изб двоен, мы получили объяснение местных жителей почему они предпочитают избе пятистенку именно избу двойню. Они считали, что в пятистенке одна бревенчатая стена разделяющая теплое и холодное помещение скорее загнивает, так как конденсирует в себе влагу, которая не может испариться из-за отсутствия движения воздуха в соседнем помещении. Две же стены с промежутком между ними обеспечивают естественное проветривание.

Не менее интересной по планировке в том же районе, в деревне Нижняя Волманга, оказалась изба двойня Суровчевой Пелагеи Андриановны. Жилая часть избы соединялась с хозяйственным двухэтажным двором холодными сенями, представляя

собой так называемую однорядную связь. В хоздворе наверху была устроена поветь, внизу конюшня. Сбоку, со стороны крыльца, к дому примыкает односкатный двор, в котором были расположены баня, колодец, летний загон для скота. Амбар был поставлен против окон и примыкал ко двору. В планировке усадьбы соединены два типа связей избы и хоздвора, северная и среднерусская.

Большое развитие получили на Вятке двухэтажные дома, они чаще располагались на трактах, позднее вблизи городов. В Слободском районе, богатом сохранившимися образцами традиционной архитектуры, встречаются целые деревни, в которых преобладающим типом является двухэтажный дом (деревни Сапожнята, Шунки, Перекоп и др.). Интересным по форме связи жилой части дома и хозяйственного двора представляется дом в деревне Сапожнята. Жилая двухэтажная часть соединена с двухэтажным двором и накрыта единой четырехскатной кровлей. Вся постройка представляет собой монолитный квадрат, в котором между жилой частью и хоздвором расположен крытый двор со сквозными воротами. Наиболее старые дома такого же типа сохранились в деревне Забегаево, расположенной на границе Слободского и Юрьянского районов.

В начале нашего века дерево постепенно начинает вытесняться кирпичными постройками. Но и в кирпиче первоначально повторялась планировка деревянных изб. Двухэтажные дома нередко имели только первый этаж из кирпича или кирпичную

Илл. 42. Дом в дер. Сапожнята

двухэтажную жилую часть, а примыкающий сзади или сбоку деревянный хозяйственный двор был таким же как и в полностью деревянных постройках (илл. 42).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Формируя свое хозяйство, крестьянин не мог обойтись без амбаров, бани, овина, колодца, погреба, конюшни. Эти небольшие сооружения выполнены порой не менее искусно, чем сами избы. Все эти постройки различны и по архитектуре, и по своему расположению в усадьбе. В северных районах Кировской области, там где дом-двор объединен одной кровлей, хозяйственные постройки ставились отдельно, а бани часто ближе к воде, у самого берега реки. А вот амбары наоборот, ставились ближе к дому, против окон.

Амбар, виденный нами в деревне Ворончиха Лузского района (илл. 43), был срублен в середине прошлого века. Он сохранил традиционную конструкцию кровли, без применения гвоздей, с «потоками» и «курицами», рублен с остатком, по высоте состоит из 12 венцов диаметром 35—45 см., сохранились причелины с небольшой резьбой, дверь из трех косяков.

Илл. 43. Амбар Федяева Е. А. в дер. Ворончиха.
Лузский р-н

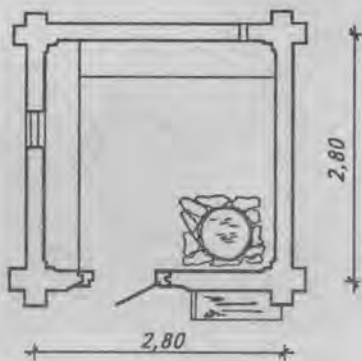
В Подосиновском районе экспедицией были зафиксированы амбары сохранившие многовековые традиции плотничного мастерства: деревни Зубцово, Б. Космово, Веснегово и др. Рубленные самцовые кровли, для более удобной загрузки зерна перед входом настилалась площадка на выпусках нижних бревен, сверху, на выпусках верхних бревен «залобник» — навес предохраняющий от дождя. Нередко по углам ставились резные столбики, поддерживающие кровлю.

Среди амбаров особое место занимают двухэтажные постройки, они часто встречаются в средней и южной частях Вятского края, там где хозяйственные постройки окружали покоеобразный двор. Первый этаж служил для хранения повозок, санных, нередко в нем располагалась конюшня. Второй служил для хранения зерна, клетки для вещей, иногда и как летние жилые помещения. Высокая лестница вела на крытую галерею второго этажа, оформленную резными балясинами.

Неотъемлемой частью крестьянской жизни были бани. Небольшой предбанник и сама баня, иногда не превышают размер 3×3 метра. Каменка — печь без трубы внутри бани, котел для нагрева воды и лавки и очень маленькое оконце для освещения — вот весь интерьер таких построек. Топились такие бани «по черному», а вода в них уходила между щелями пола (илл. 44, 45).

С начала XX в. начали строить бани по белому, большего размера, печи в которых сооружались с трубой.

Разнообразны на Вятке и такие элементы крестьянских усадеб, как колодцы: срубные и с журавлем (илл. 46, 47, 48). Изгороди, погреба всегда дополняли архитектурный облик крестьянского двора, хотя и не отличались боль-

Илл. 44. Баня

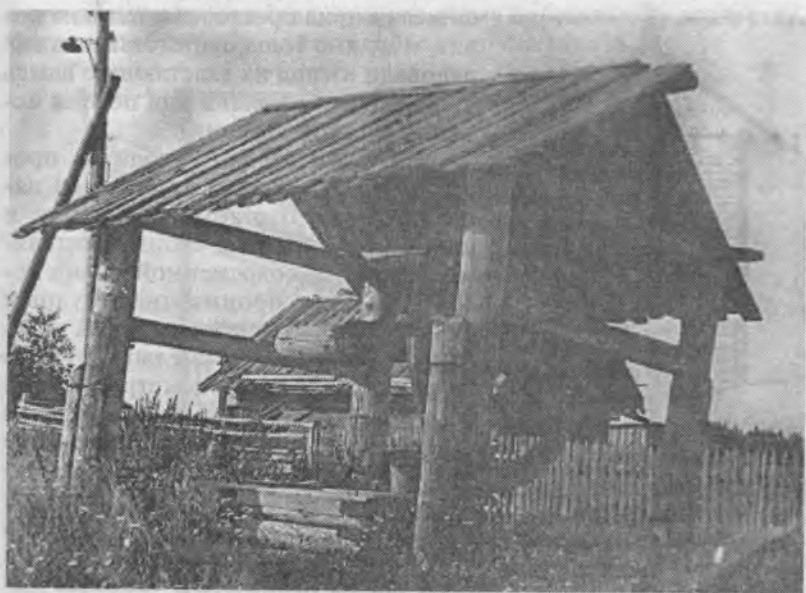
Илл. 45. Каменница в бане

Илл. 46.
Срубный колодец

шим разнообразием форм и украшений.

Большое значение в крестьянском хозяйстве играли мельницы. В Кировской области они сохранились в Шабалинском, Кикнурском районах. Ветряные мельницы в деревнях Соколы Кикнурского района, Молотняковская и Крутая Шабалинского районов. По типу эти мельницы относятся к шатровкам. Конструкция их характеризуется наличием центрального неподвижного столба, вокруг которого на специальной опоре вращается маленький сруб, в котором находится весь механизм мельницы (илл. 49, 50). К сожалению, все меньше и меньше встречается

Илл. 47. Лузский р-н

Илл. 48. Колодец. Дер. Тчанниково. Октябрьский с/с

Илл. 49. Мельница-ветряк

ся мельниц на просторных вятских полях, и можно только представлять как радовали взгляд их взлетающие ввысь крылья, как оживляли они пейзаж истинно русской деревни.

Старая деревня уходит в прошлое. Но исчезают с лица земли нашей не просто старые постройки и целые села, забытые своими жителями. Уходит из современной жизни целая культура, пронизанная мудрым опытом, богатейшей народной фантазией, сотворенная умелыми руками наших предков, их конструктивной изобретательностью и природным стремлением к прекрасному. Мы еще долго будем вглядываться в желтеющие фотографии старых изб, амбаров, мельниц, не переставая надеяться на возрождение интереса живущих, к этой самой уникальной частичке на-

Илл. 50. Ветряная мельница в дер. Мишененки. Котельничский р-н

шего культурного наследия, к русскому деревянному зодчеству. Частичке которую нам так необходимо сохранить.

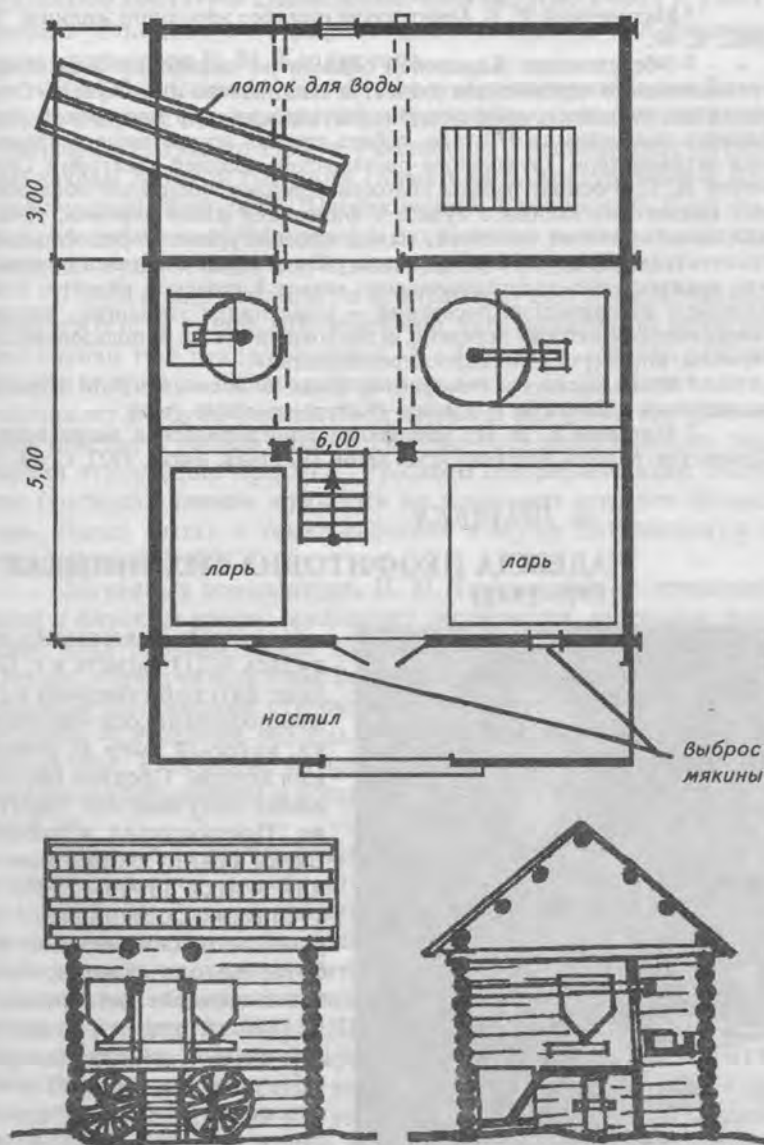

Рис. 51. Водяная мельница

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российское географическое общество. СПб., 1875. Т. 11. С. 411.

² Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962. С. 47.

³ Обследование Кировской области по выявлению и фиксации традиционного деревянного зодчества было начато институтом «Спецпроектреставрация», архитектурно-реставрационной мастерской деревянного зодчества с 1978 года, работа ведется до настоящего времени под руководством архитектора-реставратора высшей категории Семенов И. Г. В основу работы положен принцип сплошного обследования каждого населенного пункта с фиксацией плана деревни, усадеб, изб, хозяйственных построек, малых архитектурных форм, культовой архитектуры. Конечным результатом работы предполагалось составление архитектурно-этнографического атласа Кировской области, с нанесением исторических поселений — памятников этнологии, издание энциклопедии вятских деревень. В настоящей статье использованы материалы института «Спецпроектреставрация».

⁴ Архив института этнографии. Фонд 16. Василевич Г. М. Дневник экспедиции в Вятскую губернию (Котельнический уезд).

⁵ Матвеева Е. В. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 года. Вятка, 1927. С. 50—51.

В. А. ПОЗДЕЕВ

НАДЕЖДА НЕОФИТОВНА ТИХОНИЦКАЯ
(1897—1942)

Илл. 52. Н. Н. Тихоницкая

Н. Н. Тихоницкая родилась 9(21) августа в г. Орлове Вятской губернии в семье полицейского чиновника, который умер до рождения дочери. Среднее образование получила в г. Саратове. Преподавала в школах Вятки французский и немецкий языки (1918—1926). В 1920 г. она поступила без отрыва от педагогической работы на словесно-историческое отделение Вятского пединститута и, защитив дипломную работу на тему: «Изучение словесно-художественного народного творчества в трудовой школе в свете краеведения», в 1925 г. окончила его. Во время уче-

бы Н. Н. Тихоницкая проявила интерес к этнографии, она была членом этнографического кружка при Вятском научно-исследовательском институте краеведения. Она впервые в 1921 г. участвовала в Чепецкой этнографической экспедиции под руководством профессора Н. М. Каринского.

В 1925 г. Советом вятского государственного музея Тихоницкая избрана на должность научного сотрудника по кабинету этнографии. С 1925 по 1939 гг. участвовала в экспедициях по разным уездам Вятской губернии (Куменский, Халтуринский, Котельнический, Яранский, Шестаковский, Слободской, Вожгальский, Малмыжский). Материалы экспедиций пополняли фонды Вятского музея и были опубликованы в «Трудах музея».

В 1926 г. она поступает в аспирантуру при Ленинградском университете и пишет кандидатскую диссертацию по этнографии славян под руководством Д. К. Зеленина. Однако секция «Живой старины» была расформирована, и Н. Н. Тихоницкая продолжает учебу по секции литературы. В это время она принимала участие в работе секции Научно-исследовательского института этнографии при ЛГУ, Русского географического общества (состояла членом комиссии по изучению детского фольклора, языка, быта), а также работала в Музее антропологии и этнографии АН СССР.

Обучаясь в аспирантуре, Н. Н. Тихоницкая не прерывает связи с Вятским краем: организует экспедиции, выставки, доклады. Она разрабатывала несколько этнографических тем: «Пища», «Трехсвязная изба Вятской губернии» и др. Под руководством Тихоницкой студенты пединститута подготовили сообщения «Свадебные обряды «гогар» и «святченья» Малмыжского уезда», «Ткачество у русских и удмуртов (вотяков)», «Детский фольклор русских и вятского населения Малмыжского уезда» и др.

Предметом научных исследований Тихоницкой был славянский фольклор, в частности белорусский. В научной библиотеке им. А. И. Герцена хранятся рукописи некоторых ее работ, написанные на материале белорусского фольклора. Тихоницкая опубликовала несколько статей в разных журналах: «Спарина» в жатвенных обрядах и песнях, преимущественно белорусских // Язык и литература. 1932. VIII. С. 59—81; Русская народная игра «Просо сеяли» // Сов. этнография. 1938. № 1. С. 145—166. В 1941 г. Н. Н. Тихоницкая передала все необходимые документы для защиты в Ленинградский университет, однако, защите помешала война. 31 января 1942 г. она погибла во время блокады Ленинграда.

Э. Г. КАСИМОВА

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Главным занятием вятского крестьянина являлось земледелие, затем, по значению, следовали местные и отхожие промыслы, часть населения работала на заводах, преимущественно горных.

Крестьянское хозяйство в губернии носило во многом натуральный характер до конца XIX — начала XX веков, удовлетворяя почти все потребности крестьянской семьи, хотя постепенно шел процесс превращения его в товарно-денежное. Основной жизнедеятельности подавляющего большинства вятского населения являлось земледелие, тесно связанное со скотоводством.

Земледелием приходилось заниматься в тяжелых условиях — климат неблагоприятен для него, недаром наш край входит в зону рискованного земледелия. Поля освобождаются от снега не ранее апреля в южных районах, а в северных — между серединой апреля и серединой мая. Там, где большие площади леса, время таяния запаздывает дней на 5—10. Время произрастания хлебов колеблется в лучшем случае от 4 до 5 месяцев — дольше не бывает, а короче оказывается нередко. Но и в такой короткий период растениям приходится выдерживать немало невзгод. Холодная дождливая погода в мае приносит вред озимым хлебам, из яровых страдают гречиха, пшеница и даже овес. Только к концу мая обыкновенно делается теплее и растительность начинает поправляться, хотя до июня еще стоят холодные ночи. С весны нередко начинается засуха, особенно сильно вредящая по причине сопровождающих ее холодов и ветров. От этого более всего страдают растения на легких почвах, где ветра выдувают легкую пылеобразную часть верхнего слоя почвы, нередко обнажая корни (главным образом озимых культур). Во время цветения ржи ветер нередко оббивает цвет. Вторая половина июня — начало июля отличаются обильным выпадением дождя, сопровождаемым и несколькими холодными днями. Несколько раз в течение лета бывают холода, и хотя значительного вреда не приносят, но задерживают рост растений. Это так называемые «калинники» (в начале июля), они вредно отзываются на цветущей ржи — колос не весь развивается и дает шуплое зерно. Туманы и холодные росы (часто случающиеся в местах со значительными лесными площадями) нередко сильно повреждают урожайность ржи и задерживают рост яровых. Градобитиям чаще всего подвергаются возвышенные местности. В среднем каждая местность подвергается градобитиям раз в 10 лет. В июле часто

бывает зной. А в августе уже появляются заморозки. Гибель гречихи, гороха, льна, овощей, захваченных инеями, случается нередко в местах с низменным положением и обилием влаги. Например, в Глазовском уезде местами приходилось отказываться от возделывания гороха из-за ранних заморозков¹.

Почвы Вятской губернии весьма разнообразны. «Наиболее плодородною считается южная полоса губернии (Малмыжский, Елабужский и Сарапульский уезды), где чернозем встречается вперемежку с полосами песку и суглинка. Средняя полоса губернии (Глазовский, Вятский, Нолинский, Уржумский и Яранский уезды) — средняя и по плодородию земель. Чернозем в ней встречается только по левому берегу реки Чепцы, а в других местах почву этой полосы составляют суглинок и супесок. Самая неплодородная часть Вятской губернии — северная (состоящая из уездов: Слободского, Орловского, Котельнического и Глазовского). Почва тут состоит из песку, серой глины, камениста и требует сильного удобрения, и дает жалкий урожай. Низменные же места этой окраины покрыты болотами, торфяниками и лесами»².

Реки дают достаточное количество воды для земледелия, также много заливных лугов, что, в свою очередь, обеспечивает большие площади сенокосных угодий. Самыми крупными реками являются Вятка и Чепца.

Больше половины Вятской губернии было покрыто хвойными лесами, состоящими в основном из сосны, ели и пихты.

Всей земли в губернии было 13300053 тыс. десятин³. Распределение земли по формам владения — см. таблицу 1. При этом подавляющее большинство казенной земли находилось под лесом.

Характерной особенностью Вятской губернии являлось преобладание мелкого крестьянского землевладения. Самым крупным владельцем земельных угодий являлась сельская община — 7723,946 тыс. десятин⁴. Незначительное количество земли крестьяне покупали. К концу XIX в. 97,7% земель, находящихся в крестьянском землепользовании, принадлежало общине, 1,8% — находилось в подворовом владении и 0,5% — составляла купчая земля⁵. Не вся принадлежащая крестьянам земля была удобной, т. е. могущей быть использованной тем или иным образом, часть ее приходилась на болота, овраги и т. п. Удобная земля распределялась на пашню, сенокос, лес, усадьбу. В большинстве уездов больше половины всей удобной общинной земли занимала пашня. Лес, находящийся во владении крестьянской общины, делился на 2 категории: подушный лес (12,1% удобной земли), предназначенный для расширения пахотных земель и выгонов, и лесной надел (10,2%), используемый для удовлет-

ворения потребности в лесных материалах. Подворовая земля использовалась преимущественно под сенокосы (91,7%). Купчее же землевладение распространялось на сенокосы и, по-видимому, главным образом на лес⁶.

Распределение земли на угодья зависело и от качества почв (чем лучше почва, тем выше и процент пашни), и от разряда крестьян, от размера их земельных наделов (чем меньше земельный надел, тем больше пашня).

В среднем на один двор приходилось 16,9 десятин общинной земли, а вместе и с подворовой — 17,2 дес., но в это количество входила и пашня, и сенокосы, и лес, и неудобные земли. Размер земельного участка в различных уездах был разным: от 23,3 десятин в Глазовском, до 13,6 — в Яранском. Таким образом, в Глазовском, Слободском, Орловском, Малмыжском, Котельническом уездах земельный надел был выше, чем в среднем по губернии, а в Вятском, Нолинском, Уржумском, Елабужском, Сарапульском, Яранском ниже. Если учитывать и подворовую землю, то больше 70% крестьян Слободского уезда были многоземельными (31—36,6 десятин на двор), больше половины дворов многоземельных и в уездах Глазовском, Орловском, Малмыжском (а в Яранском уезде их совсем не было). С другой стороны, в 5 уездах (Сарапульском, Елабужском, Уржумском, Нолинском, Яранском) половина и более дворов была малоземельной (от 3 до 15,7 десятин на двор), причем в Яранском уезде количество таких дворов доходило до 60,7%⁷, а в Уржумском одно сельское общество вообще не имело наделной земли⁸.

Более всего земли было у бывших государственных крестьян и вотчинников (башкир), наименее обеспечены бывшие помещичьи и удельные крестьяне, их наделы не достигали и трети (помещичьи) и половины (удельные) того количества земли, которым владели бывшие государственные. По национальному составу лучше всех земель были обеспечены бесермяне и удмурты (соответственно 26 и 24,6 десятин удобной земли на двор), меньшими наделами были обеспечены татары (12,3 дес.) и русские (16,4 дес.)⁹.

Из-за недостаточного размера земельного надела крестьянам приходилось обращаться к покупке земли, что было достаточно редким явлением. Собственность на землю была в руках сельской общины, которая редко соглашалась на продажу надела, да и денег у подавляющего большинства крестьян было мало. С началом столыпинской реформы, дальнейшим проникновением товарно-денежных отношений в деревню, увеличивается количество сделок по продаже земли, но все равно этот способ увеличения размеров земельного надела не стал частым явлением. Гораздо больше была распространена аренда земли как в своей

общине, так и за ее пределами, в соседних сельских обществах или же аренда вненадельная — у частных лиц, казны, удела, духовенства и т. п. Первый вид аренды — в сельских обществах — назывался надельным. В Вятской губернии именно он был наиболее распространен, так как частное землевладение было незначительным, а земли казны находились главным образом под лесом. Существовали обширные местности, где вненадельная аренда вообще не могла развиваться широко. В целом, в южных уездах аренда была более развита, чем в северных, более распространена там была вненадельная аренда, аренда внутриобщинная, что объясняется наличием достаточного количества некрестьянских землевладений, небольшими размерами наделов.

Общее число дворов в губернии, арендующих землю, примерно 28% всех дворов¹⁰; всего же сдавали землю 16,2% дворов¹¹. Землю сдавали и брали в аренду частями (полосами), целиком. Средняя величина арендуемого участка в южных уездах также была больше, чем в северных и центральных. Главным образом использовали участки под пашни и сенокосы. В общем по губернии пахотных земель арендовалось почти вдвое больше, чем сенокосов, но при этом все уезды подразделялись на две группы: в северных (с Вятским и Глазовским) площадь сенокосных угодий была больше, чем пахотных, в южных (с Нолинским) преобладала аренда пашни¹². По срокам аренда подразделялась на краткосрочную (на 1 год) и долгосрочную («на года»). При последней земля снимается обыкновенно на число лет, кратное трем: на 3, 6, 9, 12 лет, что обуславливалось господствовавшим трехпольным севооборотом¹³. И при этом южные уезды выделяются тем, что в них долгосрочная аренда преобладала — это можно объяснить и большим развитием арендных отношений, а не только преимущественным использованием арендуемой земли под пашню, которая бралась на долгие сроки чаще, в отличие от сенокосов¹⁴.

Что же касается разверстки (распределения) общинных земельных угодий, то выделяются 4 главных типа: 1) разверстка по ревизским душам; 2) разверстка по наличным душам, причем считаются или души только мужского пола, или вместе с женскими; 3) разверстка по рабочей силе; 4) по хозяйственной состоятельности семей. Встречались и такие случаи, когда община отбирала надел или часть его у тех семей, которые слишком запустили платежи по тем или иным причинам, так как существовала круговая порука членов сельской общины в уплате податей и недоимок¹⁵.

Вся общинная земля делилась на определенное количество душевых паев, и каждый домохозяин, получая установленное количество таких паев, получал и все угодья в той пропор-

ции, в которой они существуют во всей общинной земле. То есть земельный надел не находился в определенном месте полнотью, а делился на различные участки (полосы), находящиеся в различных местах общинной земли, например, полосу хорошей земли, полосу земли на песчаных почвах, полосу земли близко от дома, полосу земли далеко от дома (чересполосица). Чересполосица приводила, в свою очередь, к тому, что крестьянин не мог самопроизвольно изменять количество угодий, отводимых под ту или иную культуру, все сельскохозяйственные работы в рамках общины производились почти одновременно — община следила за тем, чтобы все одновременно начинали пахоту, жатву, чаще всего поле с убранным урожаем становилось выгоном для скота, который поедал оставшуюся солому.

Распределение земли на угодья зависело от качества почвы, особенностей географического положения (лес, река) и от количества земли. При малоземелье размер сенокосов, других угодий уменьшался, основные площади распахивались (более 3/4 всей земли при наделе от 0,1 до 10 десятин на двор), при многоземелье пашня занимала немногим более 1/2 надела (наделы от 25,1 на двор)¹⁶.

Пахотные площади использовались главным образом под зерновые культуры. В конце XIX века рожь занимала 1431,5 тыс. дес., овес — 1048,1, ячмень — 223,8, пшеница — 42,3, полба — 25,7, просо — 1,2 тыс. дес. Выращивали и бобовые культуры, особенно горох — на 36,1 тыс. дес., в южных уездах — еще и чечевицу, но в небольших количествах¹⁷. Сеяли и технические культуры — лен, а в южных и восточных уездах еще и коноплю, из волокон которых изготавливали холсты, а из семян получали масло. Лен на волокно сеяли преимущественно в уездах Глазовском, Котельническом, Яранском, на семя — в Яранском, Глазовском, Котельническом, Уржумском, Нолинском. Меньше всего льна высаживали в уездах: Вятском, Малмыжском, Орловском. Под коноплей большие площади — в Сарапульском, Малмыжском, Елабужском, Уржумском, Глазовском, меньшие — в Котельническом и Орловском уездах. Посевы конопли постепенно уменьшались, вытесняясь льном: в 1901 г. лен занимал 113,7 тыс. дес., а конопля всего 12,1 тыс. дес.¹⁸. К 1913 г., благодаря деятельности земства, Вятская губерния по посевам льна заняла первое место среди губерний Европейской России.

Огородничество в Вятской губернии не было развито. Из овощей выращивали капусту, репу, морковь, редьку, свеклу, брюкву, позднее появляются огурцы, лук. В XIX в. появляется и картофель, усиленно насаждаемый властями, что приводило к прямо противоположным результатам — недовольствам крестьян, волнениям. В 1842 г. вспыхнул даже картофельный бунт. Но

постепенно осознавалась польза этой культуры, и она занимает все большие и большие площади, достигая к началу XX в. более 30 тыс. дес.¹⁹. Овощи высаживали на подворовой земле или в поле, удовлетворяя потребности преимущественно только своей семьи. Исключение составляли жители подгородных волостей, которые продавали овощи на городских базарах. Но даже в Вятском и Орловском уездах огороды занимали 14% всей площади усадебных земель²⁰.

С давних пор занимались огородничеством жители сел Истобенского Орловского уезда, Кстининского Вятского уезда и Танайки — Елабужского, для которых это занятие стало одним из основных видов деятельности²¹. В Истобенской волости «число домохозяев, имеющих менее 5 десятин всей земли на двор, доходит до 33%., причем в самом селе Истобенском, имеющем 263 двора, пахотной земли совсем не оказалось. Здесь по местным условиям все домохозяева пользуются только сенокосом, выгоном и лесом, а пашню, по малости надела и по неимению для этого удобной земли, обратили в огород, предоставив обработку его женскому населению и уходя сами на все лета «на сторону» (в лоцманы, матросы, водоливы и др.)»²². Еще в середине второй половины XIX в. здесь разведением капусты на продажу занималось до 250 хозяйств, в каждом из которых выращивалось от 1 до 4 тыс. кочанов. Истобенская капуста отличалась крупными кочанами, белизной и приятным вкусом. Разводили и другие овощи, например, огурцы, которые продавали как свежими, так и солеными. Овощами снабжались города Вятка, Орлов, Котельнич. Жители с. Танайка в огромных количествах выращивали огурцы и лук, овощи эти они продавали в самом селе приезжающим скупщикам, вывозили в Елабугу и даже выезжали для продажи лука в соседние губернии — Уфимскую, Казанскую и др.²³.

Садоводство находилось в самом незначительном состоянии, сады были немногочисленны и использовались главным образом для прогулок и отдыха. Лишь на юге губернии, в некоторых местностях Сарапульского, Уржумского, Яранского, Малмыжского и Елабужского уездов разводили яблоневые сады, в последнем уезде в селениях Септяке, Котловке и Танайке культура яблони имела даже промышленный характер²⁴.

Для изготовления домашнего пива и браги во многих хозяйствах выращивался хмель.

Господствующей системой земледелия было сохранившееся с XVII в. трехполье, при котором пашня делилась на 3 части: озимое поле, яровое поле и пар. На озимом поле сеяли рожь, изредка участки озими засевали ценными зерновыми культурами, хорошо удобряя — назывались такие участки «подпарками».

Большую часть ярового поля занимал овес. В зависимости от качества земель высевали и другие культуры. На хорошо унавоженных участках возделывали ячмень, пшеницу, лен, коноплю, также в яровом клине сеяли горох, картофель, полбу, просо, гречу, чечевицу, сорицу (смесь овса с ячменем).

Изредка встречалось и двуполье, при котором участок земли делился на пар и поле, разделенное на участки озимых и яровых культур. Сохранялось оно из-за малоземелья, а Валинские удмурты Малмыжского уезда считали, что так земля меньше истощается, так как отдыхает через год, а не через 2, как при трехполке²⁵.

В Вятской губернии было довольно много пустошей, залежных земель, которые по много лет не использовались — находились далеко от поселений, по каким-либо причинам не могли быть удобряемы, т. п. Земля обычно находилась в залежи от 5 до 40 лет, в зависимости от качества и потребности в дополнительных земельных участках. Залежные земли распахивали и обычно вначале сажали лен, изредка ячмень. Несколько лет (до 10) данный участок использовали, включая в обычный севооборот, а потом опять забрасывали и на этом месте даже вырастали деревья — береза, ель, сосна, или же превращали в сенокосы и выгоны для скота.

Другим способом увеличения размеров пахотных земель была расчистка леса. Наиболее распространенным способом ее являлся подсечный. Весной, летом или осенью лес вырубался, мелкие пни корчевали, а большие оставляли гнить в земле, наиболее ценный материал — годные для построек крупные стволы деревьев — увозили по санному пути или оставляли до следующего года под соломенными крышами; мелкие деревья или рубили на дрова, или вместе с хворостом, мелкими пнями складывали в кучи на расчищенных местах и сжигали весной следующего года, зола разбрасывалась. В некоторых местах новочисть превращали поначалу в «сенокосную кулигу» — использовали под сенокосы до 15 лет, когда же урожайность трав уменьшалась, а пни сгнивали, их корчевали, а землю распахивали. Удмурты использовали еще и «чертежный» способ («подчерчивание») — у остающихся на корню деревьев прорубали кору до древесины, отчего они засыхали, хвоя, листья, мелкие сучья отпадывали и перегнивали. Через 3—5 лет, когда мелочь успевает сгнить, толстые деревья рубили, мелкие вырывали вместе с корнями. При этом все годное для хозяйства вывозили, а негодное сжигали. Иногда происходила комбинация подсечного способа с чертежным, когда в течение нескольких лет лес рубили и вывозили, когда же оставался мелкий, его «подчеркивали» и после расчищали.

Распахивали новочисть в следующем году и сеяли в первый год лен, рожь, ячмень, репу, изредка пшеницу. Такая земля довольно долго (до 15 лет) не поступала в трехпольный севооборот, использовалась без отдыха (пара). Нови давали хорошие урожаи: на тяжелых суглинках 25 лет, на средних суглинках 12—24 года, на легких суглинках 6—12 лет, на глине до 15 лет, на супеси, песках и болотном черноземе 6—9 лет.

И залежи, и росчисти были хороши еще и тем, что давали большие урожаи довольно долго и без использования удобрений.

Сельскохозяйственные работы начинали с пахоты. Цель ее — сделать доступным верхний слой почвы влиянию света, воздуха и тепла, очистить его от сорных трав, чтобы облегчить произрастание семян.

Наиболее распространенным пахотным орудием как в России, так и в Вятской губернии являлась соха. Соха состоит из следующих частей:

1. Рассоха — обычно делалась из нижней части (комля) березового, осинового, липового, дубового дерева, причем иногда «рожками» или «ножками» (раздваивающимися концами) служили корни дерева. Рассоха представляла из себя изогнутую пластину, раздвоенную в нижней части. На эти концы — ноги — надевались железные сошники. Рассоха устанавливалась таким образом, чтобы ее ноги стояли на земле с наклоном к поверхности под тупым углом, а верхняя часть укреплялась в рукоятках сохи, вдавливаясь в них или же крепилась между двумя планками. Степень изогнутости сохи, то есть наклон ее к земле могли быть различными и зависели от плотности и засоренности обрабатываемой почвы — больше изогнуты на мягких почвах, почти отвесны на каменистых. В месте раздвоения рассоха обычно имела небольшое расширение — бородку. Здесь укреплялись подвои, соединявшие рассоху с оглоблями.

2. Сошники (ральники) — служили для обрезания пласта земли. Делались они из железа, различной формы, но вообще напоминали собою треугольные ножи, обращенные своими острыми лезвиями в противоположные стороны (в поле), тогда как тупые их части смотрят вместе.

3. Оглобли — служили для припряжки к сохе рабочего скота и состояли из двух округлых или четырехгранных брусьев, укреплявшихся в рукояти. Оглобли могли быть прямыми и искривленными. С изогнутой правой оглоблей лошадь шла по вспаханной борозде, с изогнутой левой — по непаханному полю. Иногда обе оглобли делались с изгибом. На некотором расстоянии от рукоятей оглобли соединялись поперечной планкой — перечнем, служившим для их укрепления.

4. Подвои (перекрест) — соединяли рассоху с перечнем оглобель. Подвои могли быть из свежесрезанных веток какого-либо дерева, веревочными или же из куска дерева, к началу XX в. делались и железные. На вид часть эта невзрачна, но она играет в сохе очень важную роль, служа для регулирования глубины вспашки и укрепления полицы.

Илл. 53. Соха с перекладной полицей

Илл. 54. Виды полиц

5. Полица (шабала, шабалка) (илл. 54) — лопаточка для отваливания взрыхленной земли в одну сторону, наиболее распространенная форма полицы имела вид железной лопатки на деревянной рукояти. Соха без полицы совсем не пашет, а только «черкает» почву. Загрывает и сметает взрытую землю именно полица. Устанавливалась она таким образом, чтобы одна ее сторона (в сторону отваливаемого пласта) была ниже другой.

6. Рукояти (рогаль, рогач) — служили для управления орудием и нередко имели вид естественно изогнутой, суженной к концам деревянной палки, в которую вдвигались концы оглобель; к рукоятям же прикреплялся верхний конец рассохы.

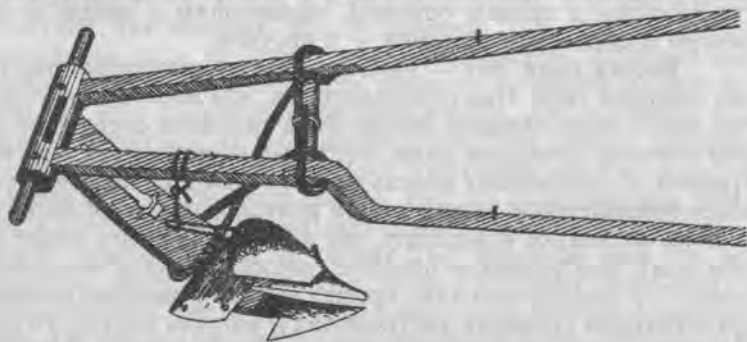
Действие сохи на почву заключалось в том, что при пахоте концы сошников врезались в землю, отрывали от нее пласт, который поднимался вверх на сошники и полицу. Наклон полицы направлял пласт в какую-либо одну сторону — «отваливал» его. Часть земли сыпалась в отверстие между сошниками. Средняя глубина вспашки сохой равнялась 1—2 вершкам (вершок — 4,45 см) (5—9 см) и зависела от качества почвы и степени усовершенствования орудия²⁶. Сохой пользовались в упряжке с дугой и без дуги. В Вятской губернии русские пахали без дуги, а удмурты с дугой.

Вятская губерния отличалась большим разнообразием сох, — «нетрудно насчитать до тридцати различных видов крестьянской сохи, даже и с особыми, народными, названиями для каждого из них, каковы например: двуножка, зувка, клопик, ко-

суля, кунгурка, курашимка, леван, лемех, мосинский сабан, паслеговская соха, пермянка, полусабанок, туташевский сабан, чегандинка, черкуша, чертеж и др.»²⁷. В отношении развития пахотных орудий Вятская губерния даже опережала другие, особенно южновеликорусские губернии. Остановимся на наиболее распространенных видах орудий.

Соха с перекладной полицей (илл. 53) являлась пашущим орудием, в котором приспособлением для отваливания земли служила полица. При перемене направления движения сохи полица могла переключаться с одного сошника на другой, с тем чтобы взрыхленная земля падала все время в одну сторону, а не вспаханная оставалась с другой. Это свойство полицы — отвала — имело большое значение при вспашке узких крестьянских полос, где не было возможности развернуться, не заезжая на соседнюю полосу. Основным недостатком сохи с полицей являлись малая глубина вспашки, приводившая к быстрому истощению верхнего плодородного слоя, и несовершенство отвала, в лучшем случае сгребавшего землю в одну сторону. Кроме того, полица не засыпала удобрений землей, и они, выветриваясь на поверхности, теряли свои качества. Поэтому особенно активно на северо-востоке России в том числе и в Вятской губернии, где почва была малоплодородной, было много залежных, неиспользуемых земель, шло усовершенствование сохи.

«Соха с брылой» (илл. 55) — самая распространенная на северо-востоке России, в том числе в Вятской губернии, где каких-либо других двуральных сох почти не было²⁸. Ральники этой сохи устанавливались в одной горизонтальной плоскости, оба они были достаточно широки, но левый из них, чаще шире другого, имел загиб вверх и служил вертикальным отрезом — это и есть брыла. Правый же ральник подрезал пласт снизу. В употребляемых в Вятской губернии сохах имелось еще «крыло»

Илл. 55. Соха с брылой

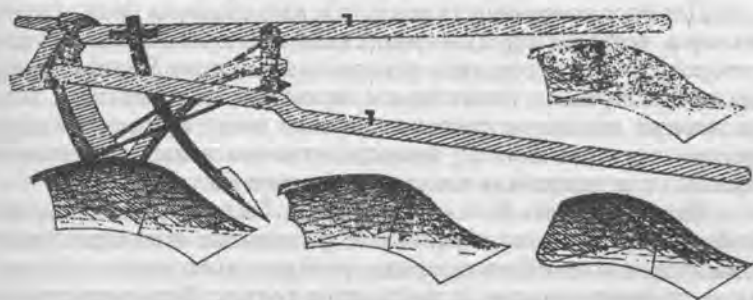
или «открылок» — деревянная доска, прибитая к правому боку рассохи и служащая для лучшего отваливания пласта.

Кунгурская соха очень напоминала соху с брылой, основным отличием была замена полицы отвалом — прямоугольной продолговатой доской, укреплявшейся над сошниками. Рассоха имела большой выгиб, так что нижняя часть ее имела горизонтальную поверхность, образуя подошву сохи. Для упряжки в эту соху требовалось две лошади.

Лемех отличался тем, что сошник у него не был раздвоен, отсутствовал отрез, рассоха заканчивалась внизу небольшой «ножкой» (зародышевый полоз), на которую и насаживался ральник (сошник). Главной областью распространения лемеха являлась именно Вятская губерния, в которой он был почти повсюду. Самое раннее упоминание об орудии, которое стало известно позднее под именем лемеха, появляется в «Обозрении сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах», в описании крестьянского хозяйства в удельных имениях Яранского и Уржумского уездов. Оттуда он распространяется и на остальные уезды²⁹.

Курашимка образовалась из легкого одноконного сабана, получившегося путем снятия татарского сабана с колесного передка, чтобы приблизить его к сохе. Даже известно имя первого мастера, изготовившего это орудие, — Николая Николаевича Паюсова. Название свое она получила от Курашима — давно недействовавшего медеплавильного завода в Кунгурском уезде Пермской губернии, издавна бывшего рассадником земледельческих орудий. Курашимка быстро распространилась и в соседних губерниях, появившись в 1880-х гг. в Слободском уезде, а уже в 1886 г. на выставке в Казани демонстрировались курашимки, сделанные кустарями Вятской губернии (Сарапульский уезд), под именем «кунгурской сохи»³⁰. В Вятской губернии курашимка сталкивается с другим орудием, пришедшим с запада и тоже быстро распространяющимся — с косулей.

Косуля (илл. 56) — наиболее усовершенствованное орудие сошного типа. Она отличалась тем, что вместо двух сошников имела один большой лемех, была снабжена отдельным резцом в форме длинного ножа, поставленного впереди лемеха, и отвалом. У простейших косуль отвалом являлась плоская доска; более совершенные отвалы имели винтообразный изгиб, позволявший не только отваливать, но и переворачивать пласт дерна вниз. Это ускоряло процесс гниения дерна и запаханного навоза³¹. К последнему типу принадлежали и распространившиеся в Вятской губернии костромская и вятская косули. Глубина вспашки достигала 3—4 вершков (13—16 см) и более. В Вятской губернии распространение косули совершалось в направлении

Илл. 56. Косуля

с юго-запада (Яранский уезд) на восток и север; у удельных крестьян Яранского уезда (Пиштанского приказа) она была в употреблении еще в самом начале XIX века³². Существовало множество видов косули, в Вятской губернии были распространены следующие: костромская косуля, вятская косуля, царевосанчурская косуля, «клопик». Основные черты были у них одинаковы, как и принцип действия: нож (заменивший собою левый ральник сохи) отрезает пласт сбоку, лемех подрезает его снизу; отделенный таким образом с двух сторон пласт земли тотчас же (не поднимаясь вверх по рассохе на полицу, как это у перекладной сохи) отклоняется в правую сторону на отвал, который и переворачивает пласт. Именно из-за таких черт, как замена одного ральника на нож, отваливание пласта земли в правую сторону, т. е. из-за определенной асимметрии, и выводил Д. К. Зеленин само название «косуля», что означает собственно «косая»³³.

В местах, где пользовались косулями, для того чтобы разбить пласты земли, комья и взрыхлить землю, употребляли такое орудие, как **черкуша**. Это, по мнению Д. К. Зеленина, простейший вид сохи на старых почвах³⁴. Черкуша получила свое название от того, что «черкает» почву — проводит мелкие борозды, по уже взметанной косулей пашне, что сближает ее с бороной. Черкушей же запахивают посеянные семена, окучивают — отсутствие полицы и вообще отсутствие всякого приспособления для отваливания пласта. Рассоха стоит прямее, чем у сохи, а сошники, чаще меньших размеров, стоят ближе друг к другу и черкают землю не глубже 2—3 вершков. Там, где используется двузубая соха (напр., соха с брылой) надобности в черкуше совсем нет — эта соха сама очень хорошо взрыхляет землю, так что для окончательного разрыхления достаточно даже бороны с деревянными зубьями. Именно поэтому черкуша распространена там, где распространена и косуля.

Для распахивания тяжелых, залежных лесных почв использовался и **чертеж** (отрез) — разновидность однолемешных сох, у которого на месте сошника устанавливался нож. Чертежом вертикально подрезали пласт земли на сильно задерневших залежах, лесную подсеку с сохранившимися после выкорчевывания корнями деревьев и т. п.; непосредственно вслед за чертежом шедшая соха подрезала пласт горизонтально.

Особенностью Вятской губернии было то, что «в пределах ея сошлись и столкнулись две различных земледельческих волны. Одна волна шла с запада, из Яранского уезда...; отсюда шли — сначала «лемех», а после него косуля. Если «лемех» до-

Илл. 57. Сельскохозяйственные орудия. Конец XIX — начало XX в.

шел в своем постепенном движении до восточных границ губернии, широко распространившись даже в Сарапульском и, отчасти, в Глазовском уездах, — то косуле не удалось уже проникнуть столь далеко: движение ее на восток задержала новая волна, встречная, шедшая из Пермской губернии. Это последнее течение несло с собою курашимку. В результате эти два течения как бы поделили между собою губернию: первому достался запад, второму восток; косуле, однако же, выпала большая доля по сравнению с курашимкой, что объясняется не только более ранним появлением ее в пределах губернии, но также и ее преимуществами перед курашимкой. Но зато эта последняя была

видоизменена местными кузнецами, в результате чего явились новые виды сох: чегандинка, зувка, туташевский сабан, мошинский сабан и т. п.»³⁵

Отличительными чертами русских, в том числе и вятских сох, было отсутствие полоза, на котором как бы катилось пахотное орудие, из-за этого пахарю приходилось поддерживать его, брать на себя треть работы, оставляя лошади две трети: пахарь поддерживал соху «на весу» — не давал ей валиться на бок, очень глубоко уходить в землю или выскакивать из борозды. Причина этого, по-видимому, в слабости рабочего скота. Кроме того, отсутствие полоза объяснялось и неровностью почв. Большим достоинством сохи являлась простота устройства, доступность материала для изготовления, что давало возможность изготавливать ее в больших масштабах кустарям, а это, в свою очередь, способствовало дальнейшему распространению сохи, разных ее видов. Другим достоинством сохи была ее универсальность — на ней можно было обрабатывать самые разные почвы³⁶.

Пахать крестьяне выезжали на поле всей общиной, в день, определенный на крестьянском сходе. Первым делом приступали к вспашке ярого клина. Под самую распространенную яровую культуру — овес — начинали пахать с конца апреля (в южных уездах раньше, в северных позже), но в основной массе — с 1 мая (даты указываются по старому стилю), под ячмень в те же дни или на 2—3 дня позже; в некоторых местах запашку производили два раза, «двоили», тогда первая пахота происходила осенью или ранней весной, сразу после таяния снега. Одновременно с ячменем вспахивали поле и под пшеницу. Под лен начинали вспашку во второй половине мая, в зависимости от качества почв производили ее один или два раза, иногда даже и три; под коноплю пахали два раза, с начала мая (а в некоторых волостях Сарапульского уезда при посадке в озимом поле — даже четыре раза). Под горох пахали одновременно с овсом, а под картофель два раза — осенью и весной или оба раза весной — в начале мая и во второй половине, перед посадкой, в некоторых местностях ограничивались и одной вспашкой, но тогда пахали и летом, после посадки.

Рожь сеяли на парах, пахали 2 или 3 раза — в том случае, если были тяжелые почвы, для борьбы с сорняками и при унавоживании, чтоб удобрение заложить под почву; начинали с середины мая, последняя вспашка была перед посевом. Зачастую после посева производили еще и боронование, изредка производили вспашку под зябь.

С пахотой, ее началом и окончанием, были связаны и народные праздники — татарский Сабантуй, удмуртский Гёры-

поттон, марийский Ага-пайрям. Сабантуй (праздник плуга) и Гёры-поттон (вынос, вывоз сохи) были своеобразными смотрами готовности к сельскохозяйственным работам, заключали в себя различные соревнования, конные скачки; на Сабантуе происходила выдача подарков, победителям конкурсов, до этого торжественно собираемых по деревне. Ага-пайрям начинался с торжественного общественного моления в святой роще, где просили у богов удачи, благополучия, хорошего урожая и приплода скота, происходила общественная трапеза с жертвоприношением барана или овцы — часть его посвящали богам, а часть варили в больших котлах без соли; каждый приносил с собой из дома и блины, пироги, творог, вареные яйца и т. п. — и от этих блюд, тоже жертвенных, отламывали кусочек богам. После совместной трапезы на поле молодежь катала яйца, яйцо закапывали в землю, чтобы был хороший урожай.

В начале мая высаживали рассаду капусты, при этом существовала примета — если ночь на Ирину-рассадницу (5.05) и «на Мокея» (11.05) холодная, то овощи не вырастут.

Перед посевом семена зерновых культур, кроме семян ржи нового урожая, проверяли на всхожесть проращиванием «в дерне», «в осинках», «лутошках», «в черепке», «в лапте», в горшках, узелках и т. п. Происходило это следующим образом. В дерне проращивали так: берут пласт земли, на него кладут счетом семена, покрывают их холщевой тряпочкой и прикрывают другим пластом. В черепок или лапоть кладется рыхлая земля; семена, прикрытые тряпочкой, сверху засыпаются слоем земли. В осинке — в одной половине расколотого полена делаются углубления, в которые кладут зерна; последние покрываются мелкой щепкой, а затем другой половиной полена; все это вешается к потолку или ставится в теплое место, семена ежедневно или через день поливают. Всхожесть семян овса, ячменя и полбы испытывали еще и опусканием в воду: семена опускаются в стакан с водой, те, которые принимают отвесное положение — пяткой вниз — считаются всхожими, плавающие поверх воды — невсхожими. Рожь на семена употребляли преимущественно старую, урожая прошлого года, провеивали лопатами и на веялках. Меньше всего заботились о подготовке семян гречи, гороха, более тщательно готовили семена ячменя и отчасти овса. В случае засорения ячменя овсом его отделяли промыванием или подсеиванием. Овес, пшеницу часто подсеивали на грохоте, иногда их еще и промывали для удаления семян сорных трав.

Подзолистые почвы быстро испаряют влагу, а между тем при посеве овса очень важно захватить вовремя весеннюю влагу — поэтому с его посевом приходилось торопиться. Сев начинали обычно через несколько дней после пахоты или сразу не-

посредственно после нее, однако семена пшеницы, ячменя закладывали лишь через одну-полторы недели. Затем почву борошили, чтобы семена ушли глубже под землю, не выветривались, чтобы их не поклевали птицы. Если была возможность, их еще прикрывали навозом, соломой. Сеяли вручную, из специальной корзины, лукошка. Даже в 1913 году конная сеялка была большой редкостью, приходилась одна на 122 хозяйства³⁷. В южных уездах сроки сева были более ранними, чем в северных, но обыкновенно яровые зерновые сеяли в первой половине мая (в некоторых уездах ценные хлеба — ячмень и пшеницу — с середины мая), позже лен, коноплю. Озимую культуру — рожь — начинали сеять с Ильина дня (20.07) или на Спасовщину (в августе было три Спаса), то есть в три приема, с начала августа до середины.

Существовала такая закономерность — ранний посев давал крупное, тяжелое зерно, а поздний — крепкий, высокий стебель. Поэтому лен, из семян которого получали масло, а из стеблей — волокно, садили в три срока — ранний посев, средний и поздний.

С посевом было связано множество обычаев. В дер. Хмелевка Котельнического уезда, когда начинали сеять лен, девушки без нижних юбок ходили по полю, чтобы был большой урожай. А у марийцев с этой же целью в первый день сева сеятель брал с собой яйца, съедал их на своей полосе, а потом разбрасывал по всей полосе скорлупу или же сами яйца.

После сева яровых и льна обрабатывали усадьбу у дома, высаживали картофель, репу, другие культуры. Работали почти без отдыха. Но был праздник, отмечаемый всеми, в который запрещалось беспокоить каким-либо образом землю — это Духов день, первый понедельник после Троицы, в этот день земля — именинница. Говорили: «С Духова дня не с одного неба — из-под земли тепло идет». Крестьяне варили кашу, ходили с ней на межу и там ее ели.

На июнь приходился и сенокос. Всей деревней выходили на луга, мужчины косили, а женщины помогали им, сгребали скошенную траву, все вместе делали копны. На сенокос надевали специальные, нарядные одежды. Косили в старину непривычными нам косами-литовками, а, по большей части, косами-горбушами. Они были короче, чем литовки, и поэтому косарям приходилось сильно нагибаться, горбиться. Но зато было удобно косить в лесистых местностях, там, где были какие-либо препятствия, т. к. горбушей можно работать в разных направлениях.

А уже с конца июля начиналась уборочная страда. Почти в те же самые сроки, что сеяли озимые, их и убирали с 20-х чисел июля, на севере — с начала августа. С первых чисел авгу-

ста начинали жать и яровые — овес и ячмень, позже — пшеницу. Уборка зерновых продолжалась примерно месяц, жали серпами, лишь в нескольких местностях — косами-литовками. Снопы, сделанные удмуртами и марийцами, были в обхвате тоньше, нежели у русских и татар. Причем в случае сильной засоренности посевов, дождливой уборки снопы делались более тонкими и слабыми.

В первый день жатвы, уходя в поле, жницы брали с собой хлеб и соль. Нажавши первый сноп, садились на него и угощались, после чего пели жнивные песни. Сноп хлеба нового урожая приносили домой, хлестали о борону, провеивали и пекли каравай. Новоиспеченный каравай клали на праздничный стол, его не спеша разрезали и первый кусок подавали самому старшему мужчине — батюшке-пахарю, который благословлял новый хлеб.

С конца июля, а чаще с первых чисел августа, убирали лен, чуть позже — коноплю. Но коноплю на посконь рвали в конце июля. Горох убирали чаще всего одновременно с овсом, в конце августа приступали к уборке гречихи. Горох и гречиху часто не жали, а косили.

В Ильин день (20.07) прекращали все работы — боялись прогневить Илью-пророка, который, по поверьям, управлял громом и молнией, и ослушников, посмевших работать на поле в этот день, мог поразить молнией.

Окончание жатвы обставляли особыми обрядами. Например, сжав поле, рядом закапывали печеный хлеб и соль, говоря слова благодарности матушке-земле, за то что она дала урожай, не поскупилась. Во время жатвы у женщин уходило много сил, и поэтому они после окончания работ катались по стерне и в заклинаниях просили землю вернуть им утраченные силы для того, чтобы закончить работы с хлебом, обработать лен, прясть, шить. А еще по старому, сохранившемуся с язычества и потому существовавшему у многих народов обычаю, оставляли последний снопок — «дожинки», его брали в руки, затем клали на землю и садились на него. Потом молились, чтобы и на следующий год жатва была благополучной, чтобы хлеба выросло в изобилии. Этот снопок несли домой и ставили в красный угол под образами, где он и стоял до тех пор, пока не начинали сеять озимые, после чего снопок отдавали корове или съедали сами, сделав хлеб.

Для просушивания зерновых культур на поле русские клали снопы по большей части в бабки по 10—14 снопов или в суслоны — до 20. Бабки делались таким образом: снопы ставили на землю в несколько наклоненном положении, чтобы верхушки сходились, сверху прикрывали еще 1 или 2 снопами, верх-

нюю часть которых разламывали в виде веера. Суслоны отличались только количеством снопов. В бабках и суслонах снопы стояли 1—2 недели. Удмурты и марийцы для просушки делали юси — суковатые еловые жерди, на которые вешали до 50 снопов и просушивали несколько дней: пуктосы — сжатый сноп переламывается и ставится так, что его колосья ложатся на излом предыдущего, а также копны «чумоле» — в центре ставится подломанный у перевясла сноп и обкладывается 7 снопами, за 1-м кругом следует 2-й, более обширный, так же кладут 3-й и 4-й ярус. Затем копна начинает суживаться и в 7-м ряду вершится, т. е. покрывается 7 снопами; чумоле вмещало до 150 снопов³⁸.

Яровые хлеба русские ставили в суслоны, суслончики (5—10 снопов), а также в груды или свинки (от 10 до 20 снопов): снопы ставят на землю, а несколько снопов прикрывают их в виде двускатной крыши. Удмурты и марийцы яровые хлеба просушивали так же, как и озимые, в пуктосах и чумоле, в сырую погоду использовали юси.

После просушивания снопы на 2—4-колесных телегах или на севере — на саях — свозили на гумно (по-современному, на ток), или в поле на специально отведенный участок — «на лужки». Так же, как и для первоначальной просушки на поле, существовало множество способов размещения снопов. Озимые хлеба клали в **копны**, имеющие вид усеченного конуса, с меньшим основанием внизу, с насаженным наверху полным конусом с пологими стенками, вмещали они от 15 до 100 суслонов (в суслонах было 20 снопов); в **кладухи** под соломенными крышами, стоящими на столбах; в продолговатые **клады**, вмещавшие от 120 до 200 снопов (их использовали и татары), ставили их на стлани из жердей, поддерживаемых по углам невысокими столбами; в **«кабаны»** клали хорошо просушенные снопы. Кабаны использовали и удмурты, и марийцы. Они всегда ставились на стлани и имели форму двух конусов, сложенных основаниями, вмещая от 1,5 до 3 тыс. снопов. Яровые хлеба клали в **«коросы»**, имеющие вид трехгранной призмы, положенной на одну из боковых граней, длиной до 5 сажень (сажень = 3 аршина = 2,13 м), шириной около 1,5 и вышиной до 4 аршин (аршин = 0,71 м); в **кладухи**, которые бывают более узкими, если снопы сырые, или широкими, если снопы сухие; в случае сырости снопов в кладухах прокладывают жерди и подпирают их кольями, оставляя для проветривания сквозные продушины. Овины были ямные и верховые, большей частью деревянные. Первые вмещали 400—500 снопов, вторые 200—3000. В безлесных местах хлеб сушили еще и в «шишах». Сушили его и на печах, в банях.

Молотили высушенный хлеб в овинах, удмурты и марийцы — частью сыромолотый (впрочем, и русские в южных уездах

овес не просушивали в овинах), начиная эту работу еще с осени и кончая или зимой, или к весне, в ряде мест продолжая ее даже Великим постом. Удмурты молотили хлеб по мере потребностей и поэтому хлеб в кабанах мог храниться до 10 лет и более. В Елабужском уезде все крестьяне овес на семена молотили в конце зимы, т. к., по их мнению, в кладях он сохраняет всхожесть лучше, чем при лежании в амбаре. По большей части молотили цепами, провеивали на лопате, но к концу XIX века появляются и молотилки, и веялки.

Горох просушивали на поле в рядах или валках, затем свозили на усадьбу, где он дозревал, нанизанный на ряд вертикально стоящих кольев; могли горох молотить и прямо в поле. Гречиху сушили в снопах, сложенных в виде шатров, или прямо на рядах, не связанной. В первом случае молотьбу производили зимой, в последнем — сразу же. Если же гречиху жали серпами, то ее вязали в снопы, которые ставили в груды.

Лен рвали, вязали в снопы, выстаивали на поле в «кобылках» или десятках, но чаще вешали на особых вешалах из кольев и жердей. На воздухе лен сох 2—8 недель, в дождливый год меньше, в сухой больше. Затем его свозили на усадьбу и сушили в овинах, банях, черных избах на полатах, в печи. Пока лен не остыл, головки на семена околачивали деревянными вальками. Затем необеспеченные хозяйства приступали тут же к расстиланию льна в сырых местах — на лужках в поле, на лугах и оставляли его лежать недель 5—6; иногда лен не успевал вылежаться до снега, тогда достоинство его очень сильно понижалось, и лен в этом случае часто совсем бросали. Зажиточные же хозяева тресту складывали в «коросы», напоминающие видом поленицы, прикрывали соломой и оставляли до следующего года. Тогда, после сенокоса, лен стелили по лугам, где оставляли на 2—6 недель. Проветренный и вылежавшийся лен, у которого волокно легко отделяется от кострики, вязали мочалом в вязанки и свозили в усадьбу. Осенью лен сушили в банях и горячим ломали на деревянных льномялках. Мяли в бане или в жарко натопленной избе, обычно около Покрова. Затем лен трепали деревянными трепалами, чесали деревянными и железными гребнями, щетками из щетины. В Яранском уезде, если собранный лен не хотели обрабатывать в том же году, его оставляли в снопах на зиму — лен свозили на гумно и складывали в поленицы (коросы), в которых 2 ряда снопов клали головками вместе, необмолоченным.

Коноплю сеяли преимущественно на востоке и юге губернии, на хорошо унавоженных участках. На посконь конопля выбиралась и связывалась в снопы (по 2 горсти) и недели 2 просушивали, затем осенью или ранее ее мочили в воде в тече-

ние 1—2 недель, после чего сушили на солнце или в избе и осенью же мяли на мялках. Собственно коноплю «дергали», вязали в снопы, обрубали корни и снопики оставляли сушиться на поле на несколько дней или вешали сушиться 1—2 недели на вешалах, иногда сразу отправляли на гумно. Для получения семян обмолачивали цепами, затем мочили в воде 6—9 недель, или в специальных мочилах (нередко артельных) или в прудах. После этой операции снопы развешивали на изгороди, вешалах, где они и оставались до весны следующего года, когда ее сушили в банях. Просушенную коноплю начинали мять на мялках, трепали трепалами; чтобы сделать волокно более мягким, его толкли в деревянных ступах, чесали щетинными щетками.

Вятские крестьяне понимали значение унавоживания, но из-за нехватки навоза удобряли преимущественно участки с наиболее ценными культурами — ячменем, пшеницей, льном; удмурты и марийцы почти весь навоз тратили на конопляник. Недостатком была и практика выпаса скота на парах.

Урожаи были незначительными. В 1896 г. валовой сбор составлял: пшеницы 19,2 тыс. т, озимой ржи — 1133,8, ячменя — 112,4, овса — 656,3, гречихи — 19,6, зернобобовых — 57,87, льноволокна — 19,2, картофеля — 191,5 тыс. т.³⁹ В среднем урожай «сам» (соотношение между посеянным и собранным зерном) по зерновым составлял 4,7 по озимым и 3,50 — по яровым.

Семена сельскохозяйственных культур в основном были местные, но понемногу появлялись и покупные. Из улучшенных сортов наиболее распространены были следующие:

рожь — ваза, кустовка или грязновка, в меньших количествах шампанская, пробштейнская, канадская, ивановская;

овес — савальский, американский, черный (называемый еще английским, арабским), французский, шатиловский (род французского), бельский (от названия р. Белой, из Уфимской губернии);

ячмень — четырехрядный, английский двурядный, американский, голый;

лен — ростун (псковский, рижский), псковский долгунец, ростовский, белоцвет.

Попытки высеивания улучшенных сортов часто были неудачными: растения были более требовательны к агрокультуре, почвам, климату, быстрее вырождались, например бельский сорт овса — через 2 года.

Сорными растениями, приносящими наибольший вред культивируемым агрокультурам, являлись василек, пупавка красильная, поповник, тысячелистник, чернобыльник, мелколепестник, татарник, куколь, живокость посевная, гулявник, желтушник, икотник, горицвет луговой, пустырник, лопушник,

марь или лебеда. Также огромный вред приносили спорынья и вредные насекомые: озимый червь, колосовая совка (зерновой червь), гессенская муха, кобылка⁴⁰.

Для борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур использовали и довольно необычные меры. Так, например, уездные земства скупали у крестьян спорынью по 25—30 коп. за фунт⁴¹. Крестьянские делегации неоднократно за счет земства отправлялись за границу, чтобы изучить опыт более передовых в сельскохозяйственном отношении стран. Также продавались через посредство земства семена огородных культур — оно выписывало семена, например, из Голландии, от фирмы Слойса и Гроота⁴². По льготным ценам продавали и семена других культур улучшенных сортов. Во многом благодаря этим мерам развивалось на Вятке льноводство, повысились урожаи. В 1913 г. урожай «сам» составлял: рожь — 4,8, овес — 4, ячмень — 5,2, пшеница — 5,5, сорица — 3,6, гречиха — 5,9, горох — 5,1, лен — 3,4, конопля — 2,9, картофель — 5,3⁴³.

Земство способствовало возникновению и развитию многопольной системы, появлению более совершенных орудий труда. Но и улучшенные семена, и более совершенные орудия проникали неодинаково в крестьянские хозяйства. Более восприимчивы к ним были крепкие хозяйства — они могли, чтобы не было вырождения, регулярно покупать новые семена, могли в случае недостатка приобретать навоз на стороне и лучше удобрять свои поля, покупать улучшенные сельскохозяйственные орудия.

Зажиточность хозяйств зависела от многих условий, не только от личных качеств земледельца, но и от качества доставшейся земли, и от наличия рабочих рук в хозяйстве, т. е. взрослых здоровых мужчин, которые и выполняли всю основную работу, а также от стихийных бедствий и др.

В основной массе крестьянских хозяйств все сельскохозяйственные работы выполнялись силами членов самой семьи. Но в ряде случаев (недостаток мужских рабочих рук, отсутствие в семье мужчин или отход их на заработки) приходилось и обращаться к найму. Нанимали мужчин, женщин, детей, причем найм был поденный (поденщина) и срочный, т. е. на какой-то определенный срок (батрачество).

Крестьянское хозяйство трудно представить себе и без животноводства. Вятские крестьяне держали домашний скот: лошадей, коров, овец, коз, свиней (таблица № 3)⁴⁴.

По данным сельскохозяйственных исследований 1884—1893 гг., в среднем по губернии приходилось 4,1 голов скота на двор в переводе на крупный. Лучшей была обеспеченность домашним скотом в Глазовском уезде, наименьшее его количе-

ство приходилось на Вятский уезд, разница была почти в два раза. Почти 10% всех крестьянских дворов в губернии не имели никакого скота, даже мелкого. По уездам процент бесскотных дворов колебался от 6,9% в Елабужском уезде до 13,2% в Яранском⁴⁵. По народам лучше всех обеспечены скотом были удмурты (только 3,2% дворов были без скота), хуже всех — татары (18,2% дворов), у русских 11% дворов были бесскотными. Особое внимание обращали на себя бывшие удельные крестьяне, у которых из 35245 дворов 7595 не имели ни одной головы хотя бы мелкого скота (т. е. 21,5%)⁴⁶.

Дореволюционные авторы отмечали, что животноводство в Вятской губернии «находится в весьма незавидном положении. Скот хилый, мелкий, вследствие дурного содержания все более и более вырождающийся. В силу этого он не может представлять ни хорошей рабочей силы, ни быть источником достаточного удобрения»⁴⁷.

Первой помощницей крестьянина в его нелегком труде была лошадь. Именно с ее помощью выполнялась одна из основных земледельческих работ — пахота. Лошадь была практически единственным транспортным средством в деревне. Наиболее богаты лошадьми были восточные и южные уезды. Первое место по количеству рабочих лошадей принадлежало в конце XIX в. Глазовскому уезду, а последнее — Яранскому⁴⁸. «В общем по губернии преобладающим типом является двор однолошадный; из 442856 дворов губернии 206421, или немногим менее 1/2 имеют всего по одной лошади. Около четверти всех дворов губернии — 109163 — имеют по две лошади, и 47794 двора, или более 1/10 всех дворов губернии имеют по 3 лошади и более на двор; в частности же по 3 лошади имеют 31983 двора, по четыре 10614 дворов, по пяти 3217 дворов и, наконец, по 6 и более лошадей — 1925 дворов, 79478 дворов, или более 1/6 всех дворов губернии вовсе не имеют лошадей»⁴⁹. А ведь именно обладание рабочим скотом, т. е. в условиях Вятской губернии лошадей, является одним из основных признаков ведения земледельческого хозяйства. Для безлошадных хозяйств было характерно и безземелье или малоземелье. Зачастую безлошадные и даже малолошадные хозяйства были вынуждены нанимать лошадей для обработки своих наделов. Но не всем было по средствам позволить себе это. Поэтому часть безлошадных хозяйств вынуждена была или сдавать землю в аренду, или же совсем прекращать занятия земледелием, переходить к другим видам деятельности (например, промыслы), покидать деревню («ушлые двory»). Иногда же лошадей переставали держать ввиду отсутствия в них необходимости именно из-за того, что крестьянские хозяйства отказывались от ведения земледельческого хозяйства, яркий при-

мер этого — с. Истобенское Орловского уезда, где главным занятием стало огородничество и отхожие промыслы и где лошадей имели всего 4 двора из 263⁵⁰. Преобладал скот местной крестьянской породы, наиболее же известными породами лошадей были породы «обвинок», которых привозили из Пермской губернии и, конечно же, местные «вятки», малорослые и крепкие. «Вятки» характеризовались небольшой головой, довольно округленными формами, хорошо развитыми ногами и плечом, а главное — рыжей или соловой, но чаще саврасой, мастью с темным ремнем на спине. Лошади этой породы работали до 23—25 лет, и несмотря на малорослость, были довольно сильны, выносливы и рысисты: могли везти груз весом в 30—40 пудов, пробежав 40—60 верст за 7 часов и отдохнув всего 2—4 часа, преодолеть такое же расстояние, могли пробежать 1 версту за 2 минуты. Известны «вятки» уже с XVI в. По мнению исследователей, эта порода возникла благодаря смешиванию местных лошадей и эстонской породы «клеппер», которую еще с начала XV века новгородские купцы привозили из Прибалтики. Как ни странно, все эти достоинства привели почти к полному исчезновению этой породы — потребности в ней, особенно у военного ведомства, были очень велики, и убыль вследствие большого вывоза не успевала пополняться за счет естественного прироста. Когда императору Александру III нужно было показать тройку «вяток», то, несмотря на все поиски, не удалось собрать трех типичных представителей этой породы⁵¹.

Средняя же вятская лошадь, которую приучали к работе с 3—4-летнего возраста, могла везти 20—25 пудов.

Громадная убыль лошадей происходила вследствие неурожая. Так, после неурожая 1891 г. из 307 волостей 131 (27 тыс. дворов) осталась безлошадной⁵². Для восстановления поголовья скота крестьянским хозяйствам выдавали ссуды на приобретение лошадей, а земство даже неоднократно закупало лошадей, например, целые табуны киргизской породы закупались в Акмолинской губернии, своим ходом переправлялись в Вятскую губернию, где их продавали на ярмарках, в том числе в ссуду безлошадным хозяйствам, по ценам от 35 до 56 руб. при продаже за наличные деньги и за 35—46 руб. при продаже в ссуду⁵³. В среднем же хорошая рабочая лошадь стоила до 70—80 руб.

«Матушкой», «кормилицей» называли крестьяне свою корову. И это неудивительно. Корова давала молоко, которым забеляли еду, приготавливали из него различные кушанья (например, сметану, варенец, во второй половине XIX в. начинают заниматься маслodelием), мясо и, конечно же, навоз, бывший единственным удобрением в вятской деревне. Вятских коров относили к молочному типу, хотя производительность их была

низкой. Крупный рогатый скот был мелким, живым весом от 13 до 25 пудов при годовом надое в 35—50 и много 70 ведер⁵⁴. Во многом это объяснялось плохими условиями содержания, некачественными кормами. Зимой скот держали в холодных хлевах на замерзающем навозе. Но, надо отметить, что вятский крупный рогатый скот отличался «хорошим здоровьем и хорошим качеством молока (высокий % жира), выносливостью и неприхотливостью к кормам»⁵⁵. Жирность молока была 4—5%. Наиболее богаты крупным рогатым скотом были Котельнический, Глазовский и Слободской уезды, наименее — Сарапульский, Нолинский, Елабужский. Так, если в Котельническом уезде на 100 душ обоего пола приходилось 42 головы взрослого крупного рогатого скота, то в Елабужском — 20 при среднем по губернии 29 голов на 100 душ⁵⁶. Велико число бескоровных дворов было на юго-востоке губернии (Сарапульский и Елабужский уезды).

К концу XIX в. в вятской деревне начинает происходить довольно интересный процесс — «... для большинства тех русских крестьянских дворов, для которых вообще возникает вопрос о выборе между лошадию и коровой, значение лошади обесценено по сравнению с коровою, или, иначе сказать, обесценено значение орудия производства, каким преимущественно является лошадь, по сравнению с орудием непосредственного удовлетворения потребности, чему преимущественно служит в крестьянском хозяйстве корова, потому что уже конечно не для навоза сохраняют корову те хозяйства, которые предпочитают продажу лошади, дающей не только навоз, но и рабочую силу, продаже коровы»⁵⁷. Молочных коров держали до 12—14 лет, убойный вес в среднем был равен 6 пудам. Телиться коровы начинали на 3-м году, иногда на 2-м или 4-м.

Если в северной полосе губернии относительно преобладал крупный рогатый скот, то в южной более распространен был мелкий (овцы, свиньи, козы), который в питании до известной степени может заменить крупный рогатый скот, давая молоко (козы) и мясо.

Из мелкого скота распространены в губернии были главным образом овцы (87% всего мелкого скота), свиньи по распространенности значительно уступали овцам, козы же, если взять всю губернию в целом, имели довольно малое значение⁵⁸. «Овцеводство распространено по губернии гораздо равномернее, чем свиноводство и особенно козоводство, но все же можно отличить районы, где овцы разводятся в особенно значительном количестве. Возьмем уезды, где относительное количество овец превышает относительное число дворов. Это будут уезды: Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Уржумский и Яранский, т. е. 4 южных уезда и один восточный. В этих 5 уездах, обнимающих

около половины (50,8%) всех дворов губернии, находится более 3/5 (63,8%) всех овец губернии. Свиноводство особенно развито в тех же уездах, что и овцеводство, с присоединением Сарапульского, т. е. на южной и восточной окраине губернии. ...В 6 южных и восточных уездах сосредоточено более 9/10 всех свиней, имеющих в губернии. ...Козы распределяются по губернии еще более неравномерно, чем свиньи»⁵⁹. Наиболее развито козоводство было в южных и восточных уездах — Сарапульском, Глазовском, Малмыжском и Елабужском, где находилось 86% всего поголовья коз. Мелкий скот был преимущественно беспородный, т. н. крестьянской породы. Например, из 1652937 овец в губернии лишь 13 принадлежали к тонкорунным, причем почти все находились в одном Орловском уезде⁶⁰. Свиньи отличались плодовитостью, в год поросились 2 раза, принося каждый раз 9—12 поросят. Туша трехгодовалой свиньи весила от 4 до 5 пудов. Кроме мяса использовалась еще и свиная шетина — около фунта с головы. Вятская шетина, благодаря своим хорошим качествам, имела сбыт и за границей⁶¹. Коз держали в хозяйствах 5—10 лет, получая в день в среднем от 1/10 до 1/4 ведра молока, убойный вес животного определялся примерно в 30 фунтов. Козье молоко, благодаря более разнообразному питанию козы, более полезно, насыщеннее витаминами, чем коровье⁶².

Интересно отметить, что овцы распределялись почти равномерно по всем народам губернии, свиней наиболее часто держали удмурты и коми-пермяки, а татары, даже крещеные, их почти не держали. Зато русские почти не держали коз.

Весной, в последнюю неделю апреля, начинался выпас скота. Пастбищ строго определенных не было — скот пасся на лугах, выгонах, даже в лесах, после уборки урожая его выгоняли на поля, где он подъедал солому и все, что осталось на поле после жатвы; там, где подножного корма было недостаточно, проводили и подкармливание. Пастухов было очень мало. В 1884 г. вятским земством рассматривался вопрос о повсеместной обязательной «пастьбе скота за пастухами», но почти все уездные земства (кроме Малмыжского) высказались против этого предложения, главным образом, «по отсутствию, почти во всех крестьянских наделах, особых выгонных земель, находя при этом, что установившийся искони местный обычай беспастушеской пастьбы, — обычай, не представивший до настоящего времени оснований к изменению народного сознания в пользу пастушеского надзора...»⁶³ К этому времени пастушество существовало лишь в немногих местностях Вятской губернии: в 49 селениях Елабужского уезда, в безлесных волостях Малмыжского уезда и в 13 волостях из 20 Уржумского. О том, что крестьяне не видели необходимости в пастьбе скота с пастухом, говорит тот

факт, что в 1878 г. Сарапульским уездным земством были установлены премии тем сельским обществам, которые соглашались ввести у себя эту систему, но крестьяне этим не воспользовались, найдя прежний порядок для себя более удобным. Одна из причин в том, что пастуху требовалось платить каждому домохозяину с головы скота, а это приводило даже к уменьшению поголовья, т. к. не всем было по средствам. Пастухов обычно нанимали всем сельским обществом, в апреле, выбирая тех, кто любил животных, за плату с каждой головы скота (допускалась оплата продуктами).

Выпас скота продолжался примерно до Покрова (1/14.10). В дальнейшем лошадей содержали в конюшнях, а остальных животных в хлевах почти постоянно, исключая те случаи, когда животное требовалось для работы. Кормом для скота служили овес, сено и солома — озимая и яровая. Овес и сено считались лучшими кормами и шли чаще всего на корм лошадям, причем большинство хозяев овес давали в исключительных случаях, например, при работе в извозе, основное же количество овса продавали. При кормлении крупного рогатого и мелкого скота «сено с успехом заменяется ржаной и особенно яровой соломою, потребление которой скотом облегчается особым приготовлением ее для корма — рубкою и завариванием кипятком и незначительным сдабриванием отрубями, высейками и др. питательными для скота отбросами»⁶⁴. Свиней подкармливали еще и зерновым хлебом, картофелем, даже конским навозом, посыпанным отрубями и политым помоями⁶⁵.

С домашним скотом было связано множество примет. В Вербное воскресенье скот хлестали освященными в церкви вербными ветками, выгоняя в поле (или в хлеве), затем эти ветки ставили на божницу. В Великий четверг до захода солнца на огородах вывешивали горшки, чтобы в доме всегда была сметана. А чтобы у коровы больше было молока, садились под мялку, которой мнут лен, или под угол дома и доили (таким же образом отнимали молоко у чужих коров, садясь под угол чужой избы).

Держали вятские крестьяне и птицу — кур, гусей, уток, даже индеек. Птичников часто не было, и птиц содержали в хлевах, на сеновалах, даже в избах, в специально отведенных местах. Водоплавающих птиц (уток, гусей) разводили там, где была вода (озеро, пруд, река или даже большой ручей). Иногда их было так много, что нанимали специального пастуха, тоже всем обществом. Но в целом птица, птицеводство не играло большой роли в жизни вятского крестьянина.

Зато в Вятской губернии хорошо было поставлено пчеловодство. По количеству пчелиных семей она занимала одно из первых мест среди губерний Европейской России, опережая

соседние Пермскую, Вологодскую, Костромскую, Нижегородскую и Казанскую⁶⁶. Всего в Вятской губернии, по данным анкеты 1910 г., имелось 142200 семей на 14024 пчельниках. Пчелиные семьи распределялись по уездам неравномерно: чем уезды южнее, тем в них больше и пчелиных семей, так, больше 1/5 количества их приходилось на Сарапульский уезд (32404 семьи), за ним шли уезды Елабужский и Малмыжский, а на Вятский уезд — всего 2,6% (3695 семей). Губернский пчеловод (Старший Правительственный инструктор по пчеловодству в Вятской губернии) Н. А. Бадов объяснял данный факт особенностями медоносной флоры: «В южных уездах пчеловодство сосредоточивается в лесных местностях, около липняков, которые, будучи сами по себе очень медоносными, усиливаются еще обильными посевами гречихи. На севере губернии нет ни липы, ни посевов гречихи, и пчелы собирают мед с полей, лугов и кипрея. В Вятском уезде число пчелиных семей наименьшее, так как здесь очень мало лугов и много пахотной земли. Леса хотя и есть, но хвойные, не представляющие из себя хорошего для пчел пастбища и почти не имеющие кипрея»⁶⁷. Самыми распространенными, составляя почти половину, были пасеки величиной от 1 до 5 семей, тем не менее в среднем по губернии на 1 пасеку приходилось 10,1 семьи за счет больших пасек на юге губернии. Самая большая пасека в 700 ульев находилась в Савальской волости Малмыжского уезда. Вообще же в южных уездах на пасеку приходилось больше семей, чем в северных или центральных — если в Слободском уезде в среднем в пасеке имелось 4 семьи, то в Сарапульском 21,2. Наибольшее количество пасек было в уездах Яранском и Уржумском.

Почти все пчеловодство в губернии (более 96%) находилось в руках крестьян.

Как известно, вначале люди искали бортъ — дупло, в котором жили пчелы, и брали мед непосредственно оттуда. Затем стали часть дерева с такими дуплами — колоды — выпиливать и ставить на определенном участке, пасеке. Именно такая система содержания пчел была наиболее распространена в Вятской губернии. Даже к 1910 г. 65,6% пчелиных семей размещались в колодах. Рамочные ульи в губернии появляются с 1880-х гг. Их было очень немного, но, так как владельцы таких ульев щедро делились своими знаниями и допускали желающих на свои пасеки для знакомства с новым способом, рамочное пчеловодство стало распространяться среди крестьян. К тому же с 1893 г. начинаются мероприятия Вятского земства по оказанию помощи рациональному пчеловодству. И к 1910 г. в рамочных ульях содержалось 34,4% от общего числа пчелиных семей. По уездам развитие рамочного пчеловодства было неодинаковым. Так, в

Котельническом, Яранском, Вятском, Слободском, Орловском уездах в ульях содержалось более половины семей, а в Глазовском — 11,3% и всего лишь 9,9% в Елабужском. Причиной, тормозящей переход к содержанию пчел в рамочных ульях, часто служила их дороговизна. Наиболее распространенными в губернии были ульи систем Дадана и Левицкого.

Средняя доходность колоды по губернии составляла в начале XX в. 16,5 фунта (от 11 ф. в Елабужском уезде до 25 ф. в Слободском), а рамочного улья 26,5 фунта (от 20 ф. в Яранском уезде до 35 ф. в Глазовском и Слободском). Таким образом, в Вятской губернии пчеловоды получали от пчел 70879 пудов меда, не считая воска. А пуд меда стоил в то время 9 рублей, так что от каждой пчелиной семьи хозяин получал валового дохода 4,6 руб.⁶⁸. Пчеловоды были людьми зажиточными — среди них было много многолошадных хозяйств, что считалось одним из верных признаков достатка⁶⁹.

«Начатое губернским земством с 1893 г. обучение кустарей изготовлению принадлежностей пчеловодного инвентаря принесло громадную пользу пчеловодству не только Вятской губернии, но вообще Российской Империи и вместе с тем доставило большой заработок населению губернии. В данное время в губернии насчитывается до 370 лиц, занимающихся выделкой всевозможных предметов пчеловодного инвентаря»⁷⁰. Самыми крупными производителями его были кустари г. Вятки братья Кирияковы, изготовлявшие в своей мастерской, оборудованной по последнему слову техники, почти все принадлежности пчеловодства, выписывая образцы из-за границы.

Пчеловодов подстерегало много трудностей, наиболее страшными из которых были болезни пчел. Настоящим бичом пчеловодства был гнилец. В Вятской губернии он был зарегистрирован в результате анкеты 1910 г. в 105 волостях губернии во всех уездах, в 184 населенных пунктах. Не менее страшной болезнью была раскрылка. Ею пчелы болеют только зимой. При раскрылке у пчелы на спине неправильно сложены крылья — одно или два крылышка или вовсе скрещиваются на спинке, заходя одно за другое, или растопыриваются в стороны и бывают часто повернуты в разные стороны. В этом состоянии пчелы уже не могут летать. Многие пчелы погибают еще зимой. Раскрылка наблюдалась к 1910 г. в 34 волостях на 63 пасеках. И от раскрылки, и от гнильца не было лекарств, пчелы погибали целыми семьями. Почти все отвечавшие на вопросы анкеты 1910 г. отмечали, что «пчеловодство в губернии за последние годы уменьшается или по причине недородов на мед, или из-за уничтожения лесов, или из-за распашки лугов, или, наконец, из-за гнильца и раскрылки»⁷¹.

В течение многих веков единственным источником удовлетворения крестьянских нужд в сбруе, телегах, санях, земледельческих орудиях, домашней утвари, кожаной обуви была кустарная промышленность, промыслы. В Вятской губернии были распространены различные промыслы, как связанные с отходом из родных мест, так и домашние, в большинстве местностей редкое хозяйство обходилось без них. Развивались промыслы там, где вследствие различных условий земледелие не могло в полной мере обеспечить население.

«...Оседлое кустарничество развивается там, где имеется изобилие какого-нибудь материала. Так, в лесных местностях является древодельная промышленность, в окрестностях железнотопильных заводов занимаются кузнечным промыслом в разных его видах; в местностях, где более развито скотоводство, занимаются обработкой животных продуктов; где есть залежи хорошей глины, там развивается гончарное производство и т. п. Но есть и наследственная передача ремесла от отца к сыну; так, например, есть местности, бедные сырыми материалами, а между тем, занятые каким-нибудь производством; сюда относится, например, Жеребцовская волость Слободского уезда, почти все население которой занимается бондарным, преимущественно отхожим промыслом; в Стуловской — развито кожевенное и скорняжное производства. Во многих волостях Орловского уезда сильно развито рогожное производство, преимущественно отхожее, а в Троицкой Вятского уезда — мебельное производство, хотя во всех названных волостях недостаток сырых материалов для переработки, а в Орловском уезде и вовсе нет его для рогожничества. ...К бродячей форме кустарничества принадлежат все отхожие промыслы: бурлаки, лоцмана, извошники, портные, плотники, каменщики, землекопы, рудокопы, лесорубы, углежоги для горных заводов и многие другие. Одни из них ходят артелями, другие в одиночку. Эта форма кустарничества вызывается, как и первая, малоземелием, или слабою продуктивностью почвы, отсутствием материалов, которые могли бы подлежать обработке на месте, и, в некоторых случаях, незнанием ремесленного искусства»⁷².

Домашние промыслы в основном были распространены в центральных уездах губернии, отходничество было характерно для Яранского, других южных и восточных уездов. Наиболее развиты промыслы были в Вятском, Слободском, Котельничском, Яранском уездах, причем в деревнях более, чем в городах. С развитием капитализма, проникновением капиталистических отношений в деревню, ремесленное производство все больше ориентируется на рынок, в промыслы превращаются занятия, ранее удовлетворявшие лишь домашние потребности (например,

ткачество, плетение лаптей). Известна была Вятская губерния и своими художественными промыслами, из которых выделялись кружевоплетение (слобода Кукарка Яранского уезда) и производство изделий из капа (Слободской уезд). Свою продукцию мастера сбывали на ярмарках (Семеновской в Вятке, Алексеевской в Котельниче и др.), на сельских торжках, делали на заказ. Часть товара шла в соседние губернии или еще дальше, в Сибирь, на Дальний Восток и т. п. Выгоднее всего было продавать изделия самим, но не у всех было время и возможности. Поэтому чаще всего сбыт шел через перекупщиков, что было очень невыгодно для производителей, так как обыкновенно перекупщики покупали по заниженным ценам. Занимались ремесленным производством или круглый год (те, для кого промыслы стали основным видом заработка), но большинство — лишь во время, свободное от полевых работ. Некоторыми промыслами занимались лишь мужчины или женщины, некоторыми — целые семьи.

По всей губернии было развито гончарное производство; в 1873 г. всех гончаров было 984 чел., сумма годового заработка составляла прим. 20 тыс. руб.⁷³. А к концу XIX в. горшечников по уездам губернии было уже 4362 чел.⁷⁴. Делали мастера горшки, кринки, корчаги, плошки, другую глиняную посуду. Особенно промысел этот был развит в уездах Вятском, Котельническом, Яранском, Нолинском. Жителей Волковской, Подгородной волостей Слободского уезда из-за развитого здесь горшочного промысла даже называли черепанами. Один мастер в течение зимнего времени мог изготовить до 2 тыс. штук изделий. Качество их было в общем невысоко; делали посуду, как неглазурованную, так и покрывали зеленоватой или коричневой глазурью, преимущественно не всю целиком, а лишь верхнюю часть, иногда даже разрисовывали.

Делали и глиняную игрушку. Наиболее известным центром по их изготовлению была слобода Дымково под Вяткой. Производством занимались женщины и дети, начиная с 10 лет. Делали игрушки из глины, которую добывали недалеко от слободы. Сначала заготавливали большие партии игрушек, до 3—4 тыс., потом уже начинали их чистить и красить. Заготовки эти производились осенью и во время зимы, самая кипучая работа наступала начиная с Великого поста, когда каждое семейство спешило приготовить товар для скупщиков, приезжающих в это время для закупки игрушек на все летние ярмарки губернии. Скупщики были из всех уездов губернии, преимущественно же из Яранского и Нолинского, товар покупали они у мастеров на дому. Кроме того, мастера заготавливали огромные партии для праздника «свистопляски», для летних базаров в г. Вятке, ярма-

рок в Слободском и Орлове, куда ездили сами, для сплава на судах в поволжские губернии. По данным к 1871 г., 1 тысячу штук можно приготовить в 8 дней, женщина с 2 детьми готовляла в день 100—200 штук игрушек, 100—125 детских свистулук. Одну тысячу игрушек скупщики покупали за 3—5 рублей; на празднике «свистопляски», на ярмарках сами мастера продавали и поштучно, и десятками, в этом случае цена изделий была намного выше⁷⁵. К концу XIX в. в погоне за деньгами, т. е. за количеством игрушек, стали забывать об их качестве, вместо глины начали использовать гипс, а вместо традиционных барынь и зверей перешли к изготовлению гипсовых кукол, бюстов различных исторических деятелей. Большую роль в возвращении к прежним традициям, в преодолении этих негативных явлений сыграл А. И. Деньшин, привлечший внимание общественности к дымковской игрушке и ее проблемам.

Кроме Дымково, глиняные игрушки делали еще в Вязовской волости Вятского уезда и в Нолинском уезде.

Развиты в Вятской губернии были и занятия, связанные с обработкой железа. Еще в 1858 г. на Семеновскую ярмарку в Вятке привозили железа на 500 рублей. По данным на конец XIX в., большого значения эти промыслы достигли в уездах Яранском, Котельническом, Глазовском, Слободском. В целом по уездам губернии (не считая городов) насчитывалось 12562 кузнеца⁷⁶. Выполняли они самую различную работу: ковали лошадей, делали гвозди, разные инструменты, сельскохозяйственные орудия, даже якоря для судов, языки для колоколов. Связано было кузнечное производство и с экипажным — оковывали тарантасы. Развито в губернии было и слесарное дело, особенно в местностях, прилегающих к железоделательным заводам, изготовление домашней утвари из различных металлов. Домашнюю утварь из меди, чугуна, олова изготавливали преимущественно для удовлетворения местных потребностей и главным образом развивалось это производство в подгородных селах. В селениях у Ижевского завода делали ружья, пистолеты, сбыт их был даже на Мензелинской ярмарке Уфимской губернии. В слободе Кукарке Яранского уезда, в Нолинском, Орловском, Уржумском уездах делали свои изделия и золотых, и серебряных дел мастера.

По всей губернии были развиты промыслы, связанные с обработкой кожи, овчины, которые в Слободском уезде к концу XIX в. даже переродились в довольно крупное промышленное производство. Впрочем, кустари остались и там. Кожи привозили из Сибири, Пермской, Оренбургской губерний, уездов Вятской губернии. Во всей губернии в 1870 г. выделялось кож на 1 млн. руб.⁷⁷. Сбыт был на ярмарках и больших базарах в Вятке, Слободском, в Москве, на Нижегородской ярмарке, в Перм-

ской, Казанской, Оренбургской губерниях, а также на разных пунктах, где производилась закупка для комиссариатского ведомства (на нужды армии). Промыслом этим занимались преимущественно крестьяне, отдельно в каждом семействе. Но были и крупные мастерские с использованием наемного труда. Овчины тоже покупались как местные, так и привозные: калмыцкие, из Пермской губернии, Сибири. Занимались их выделкой целыми семьями, кто только зимой, а кто и круглый год. Выделка овчин была самая простая. Сшитые тулупы и полушубки сбывались на месте, отправлялись к Архангельскому порту, на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки. В Вятском, Слободском, Елабужском, Сарапульском уездах был распространен и промысел по выделке мехов сибирских белок, лисиц, куниц, горностаев, медведей. Меха вначале покупали на местах, но с уменьшением пушных зверей в губернии ценные меха стали покупать на ярмарках. Сбыт изделий шел через ярмарки: Нижегородскую и Мензелинскую, через посредство торговцев. Занимались и мелким кожевенным промыслом: производством сапог, рукавиц. Обувь делали на заказ, продавали на базарах, ярмарках (в этом случае качество было хуже, цена ниже). Рукавицы изготовлялись теплые и голые, шить их могли и мальчики. Сбывали рукавицы, кожаные сумки, сапоги на ярмарках в Вятке, Слободском, Котельниче, на Ирбитской, Мензелинской, Нижегородской, в Архангельском порту. Занимались и шорным производством, изделия расходились в губерниях Вятской, Костромской, Вологодской.

Много было промыслов, связанных с обработкой дерева. Почти во всех уездах губернии делали сани, телеги, тарантасы, брички и т. п. Всех санников и тележников насчитывалось в губернии в 1872 г. 1564 чел., сумма годового производства достигала до 66386 тыс. руб.⁷⁸. А к концу XIX в. тележным промыслом занималось уже 12849 чел.⁷⁹. Изготовление экипажей более всего было развито в Троицкой волости Вятского уезда. Экипажи делали и городские, но преимущественно дорожные: долгушки, дрожки, тарантасы, возки городские, дорожные зимние возки, рессорные экипажи. Изделия покупались жителями уездов и уездных городов, сплавлялись в поволжские губернии, сбывались на ярмарках внутри губернии и за ее пределами. На ярмарках покупали и материалы, необходимые для производства — рессоры, дуб. Сани делали всегда зимой, телеги и колеса — весной, осенью, в ненастное время летом. Но для некоторых семей экипажное производство стало основным видом деятельности.

Мебельное производство составляло в Вятской губернии весьма развитый промысел; занимались им пригородные крестьяне, а также и живущие в тех местах, где весеннее половодье

позволяет отправлять мебель водой в низовые губернии. К концу XIX в. этим промыслом занималось 3528 чел., не считая городов, причем треть их проживала в Вятском уезде⁸⁰. Мебельное мастерство различалось по сложности. Делалась самая простая мебель — столы, стулья, шкафы, — покрывалась масляной краской, иногда лаком, под орех. Такую мебель можно было встретить почти в каждой крестьянской семье, т. к. цена на нее была довольно низка. Мебель II разряда отличалась большей красотой, она отделывалась под орех или красное дерево, иногда довольно удачно, часто покрывалась скипидарным лаком, который мастера делали сами. Такую мебель оклеивали также березой, иногда карельской, но чаще кокосом, который крестьяне получали, скупая ящики, в которых привозили кубовую краску, и распиливая их. Оклейка была очень красива, но вся мебель получалась одного и того же рисунка, за что и продавалась довольно дешево. Подобную мебель продавали в низовые губернии, отправляли в Сибирь, на Нижегородскую ярмарку. Лучшие сорта мебели производились немногими мастерами, проживающими главным образом в Троицкой волости Вятского уезда, их работа отличалась изяществом формы и ценностью отделки и используемых материалов. Эта мебель была не дешевле московской и казанской. Известна мебельным производством была и Волковская волость Слободского уезда и вообще волости уезда, примыкающие к Вятскому. Продукция здешних столяров была известна под названием «горянщины»⁸¹. Большинство мастеров не имели специальных мастерских, а работали в своей избе, в свободное от полевых работ время. Исключение составляли несколько семей мастеров, преимущественно из Троицкой волости, которые занимались исключительно этим промыслом. Одно из таких семейств, братья Кругловы, делали даже фортепиано и рояли, которые изготовлялись на заказ и выписывались и в Костромскую, и Казанскую губернии еще в середине XIX в.⁸²

Занимались и плотницким ремеслом, особенно в Яранском, Котельничском, Глазовском уездах; промысел этот частью был отхожий.

Делали и более мелкие изделия из дерева — бочки, ведра, кадки, деревянную посуду, ложки. Только в Вятском уезде ложек делалось за год более 500 тыс. шт.⁸³. Посуда выделялась преимущественно из осинового, реже из березового, липового, кленового дерева, существовало разделение труда (изготовлением чашек вчерную и доведением их занимались разные люди). Производство было до того значительным, что за удовлетворением местных потребностей, значительное количество изделий сбывалось в низовые губернии, на ярмарки, вплоть до Сибири.

Весьма развито было производство деревянных токарных изделий: чашек, солонок, ложек, трубок, подсвечников. Солонок, подсвечников один работник мог сделать до 150 шт. в неделю⁸⁴. Особенно большого искусства достигли жители Вятского уезда, например, они делали из мелкой бересты и опилок трости, пропуская внутрь берестяных кружочков железный стержень или прут. Трости получались очень красивыми и прочными. Еще они обсыпали опилками шкатулки и др. вещи, покрывая их предварительно толстым слоем клея, затем их сушили, выравнивали и покрывали лаком. Такие изделия имели вид мраморных.

Илл. 58. Наматывание ниток на мотовило

Осенью и зимой, когда женщины начинали прясть и ткать, за свою работу садились и мастера, изготавливавшие веретена и берды. Для выделки веретена требовались самые простые инструменты, сделать его можно за 3 минуты и при этом каждой пряже требовалось много веретен. Продавали их на дому у мастеров, на ярмарках, развозили и по домам, но главный сбыт был на Алексеевской ярмарке в Котельниче. Так же продавали и берды, которые мастера изготавливали из березы.

Вообще же лиц, занимающихся производством бондарных, посудных, токарных и др. изделий, к концу XIX в. в губернии насчитывалось 13998 чел.⁸⁵. Кроме того, в ряде мест делали и сундуки, известны были мастера из Вятского, Орловского уез-

дов. Сундуки обивали железом, даже делали «морозный» узор на нем, окрашивали, расписывали. Славилась вятской работы сундуки как в самой губернии, так и за ее пределами, промысел был связан с отходом.

Большую известность получило изготовление предметов из капа. Занимались этим в Вятском и Слободском уездах. Создание промысла безраздельно принадлежит слободскому мешанину Григорию Макарову, который начал его в 1820-е годы. Однажды он увидел у приезжего чиновника табакерку из дерева, с деревянными шарнирами, хорошей шотландской работы и, заинтересовавшись ею, выпросил себе. Макаров занимался столярным ремеслом, полученную табакерку разобрал и, делая и переделывая табакерки по ее образу, наконец добрался до секрета шарниров, и затем не только стал сам делать табакерки, но даже приискал прекрасный и удобный материал для них — кап. Изделия делаются из капа или оклеиваются тонкими листками этого материала. Кроме капа использовали и капокорень, но предметы из него дешевле. Сбыт изделий из капа шел в большие города, столицы и за границу. Повсеместно в губернии делали и деревянные земледельческие орудия — лопаты, грабли. Заготавливали дерево для спичечных фабрик.

Почти по всей губернии плели корзины, изделия из сонового корня. Плетение из соломы не было распространено. Много плели лаптей, которые за удовлетворением местных потребностей, в избытке продавались на ярмарках. В южных уездах большим спросом пользовались марийские и татарские лапти, особенностью которых было то, что у них не отличались левая и правая нога. Лапти даже отправлялись за пределы губернии.

Много выделялось по всей губернии мочал и рогож. Но сильное развитие этого промысла привело к тому, что липы стало меньше. К 1860-м гг. это занятие исчезает в Вятском, Нолинском, Сарапульском и остается в Уржумском, Малмыжском, Яранском, Елабужском, Глазовском уездах. Рогожи сплавлялись, скупались хлебопромышленниками гг. Глазова, Вятки, Слободского и др. для отправки в них хлеба в Архангельск. Ремесло это было очень тяжелым, вредным для здоровья, так как много времени приходилось проводить в воде.

Очень распространенным промыслом было производство холстов, расцвет его приходится на первую половину XIX в. Занимались ткачеством почти исключительно женщины, кроме Вятского и Нолинского уездов, где ткали и мужчины. Особенно распространен этот промысел был в Вятском, Яранском, Нолинском, Орловском, Уржумском, Слободском, Глазовском, Елабужском уездах. Пряли лен и ткали холсты в зимние вечера, весною, до начала полевых работ. После удовлетворения домаш-

них потребностей холст шел на продажу. Он скупался на ярмарках, торжках, также торговцы ездили по деревням; известными скупщиками были нолинские купцы. Холст шел на Нижегородскую, Ирбитскую ярмарки, в Тобольск, Екатеринбург. Холстов в большом количестве требовало военное ведомство, и потому в городах каждый воскресный день открывались скупные лавки, куда крестьяне сдавали свой товар по условленным ценам. Холсты бывали следующие: отборный, рубашечный, подкладочный, хрящевой, макридный, пробойный, для судов. Рубашечный холст шел большей частью в Сибирь, для рабочих на приисках. Из холстов более грубых делали мешки под муку-крупчатку. Но качество вятских холстов было невысоким, для крестьян было главным продать его побольше, тем более что покупатели особых требований к качеству не предъявляли. В конце 1860-х гг. в Вятской губернии собирали от 17 до 20 млн. аршин холста⁸⁶ и более, доходило даже до 30 млн. аршин⁸⁷. Этот промысел заметно помогал хозяйству и улучшению быта крестьян, т. к. не требовал достаточного капитала и особо приспособленных мастерских; прядут и ткут в своей избе, из своих материалов. К концу 1860-х гг. спрос на домашние холсты падает, с заменой его в войсках на холст фабричный. Холсты отбеливали, красили преимущественно индиго и кубовой краской специальные красильщики. Кроме холстов, делали еще и шерстяные ткани. Одежду шили преимущественно сами, в своем хозяйстве, но существовал и портняжий промысел (шитье армяков, кафтанов, портов, картузов, шерстяных рукавиц, мешков и т. п.), частично отхожий.

Женщины занимались и тканьем кушаков, опоясок. Мастерницы покупали пряжу (для кушаков использовались только льняные нитки), красили в красный, белый, коричневый, зеленый, желтый, черный, синий цвета, для чего использовали красный и черный сандал, березовую, ивовую, ольховую кору, синий купорос, квасцы и растущие по перелогам желтые цветы. Кушаки были очень прочными и разрывались только под тяжестью 18,5 пуда груза⁸⁸. Доход от ткачества кушаков и опоясок поступал в собственность мастериц, которые тратили его большей частью на наряды.

Женщины еще вязали, вышивали, но из тонких женских ремесел наиболее известно кружевоплетение, центром которого была слобода Кукарка. Промысел этот в Кукарке существовал издавна, занимались им многие женщины (в 1872 г. — 500 чел.)⁸⁹. Кружева были довольно хороши, недороги и расходились поэтому за пределы губернии.

Вообще так называемые «тонкие» ремесла получили в Кукарке большое распространение — делали золотые и сереб-

ряные изделия, свечи, были и маляры. А недалеко от Кукарки, в селе Жерновогорье, делали не только жернова, но и могильные камни, памятники с резьбой из песочного камня, отличающегося прочностью, мягкостью и неповреждаемостью под воздействием погоды.

Изготавливали и войлочные изделия (валенки, валеные шляпы, калоши, войлоки). Занималось этим промыслом в губернии 22620 чел.⁹⁰, особенно развит был в уездах Яранском, Глазовском, Котельническом, Сарапульском, Вятском, Нолинском. В Малмыжском уезде изготавливали и расписные валенки — известны были кукморские валенки, которые делали мастера-татары. Промысел также частью отхожий. Работа эта была достаточно трудоемкая и вредная для здоровья (пыль и т. п.), делали ее по большей части в банях, производство было грязным. Рабочие жаловались на ломоту рук и поясницы и на головную боль.

Делали изделия из волоса. Плели на продажу сети, как волосяные, так и из ниток. Они были рыболовные и птичьи — для прикрытия овощей и плодов от птиц. Скупщики закупали их у крестьян и отправляли на ярмарку в Котельнич, отсюда уже сети шли в Симбирск, другие города. Вили веревки, которыми пользовались сами и продавали на ярмарках. Изготавливали изделия из рога, гребни. Рог для гребней покупали в селах и на базарах, ярмарках, а более всего на бойнях.

На всю Россию Вятская губерния была известна и производством гармоней. Лучшими считались мастера из с. Истобенского и слободы Хлыновки под Вяткой. Все мастера — самоучки. Выделывались гармони 3 сортов. Низкие сорта — гармоники, 5- и 7-тонные, продавали по 20—30 коп. за штуку, другие — дороже, но до 1 рубля. Гармоники средних сортов — «со свистком», трехтворная и 10-тонная — продавались по 1—1,50 руб. за штуку. Все мастера занимались преимущественно изготовлением гармоник низшего и среднего сорта и продавали свои изделия в лавки и лавочки гг. Вятки и Орлова. Один мастер мог сделать за год примерно 120 таких гармоник. Высшие сорта гармоник стоили гораздо дороже — от 5—10 рублей и выше. В 1870-е гг. цена на них составляла 50—75 рублей⁹¹. Такие инструменты делали только по заказу. Главными центрами гармонного производства были Вятский и Орловский уезды. Готовые гармоники продавались на ярмарках, в лавках по всей губернии, вывозились скупщиками в Нижний Новгород, Ирбит. Значительная часть изделий рассылалась по почте во все концы Российской Империи — в Енисейск, Семипалатинск, Тифлис, Варшаву, даже в Тулу. Основной же ее сбыт был в северо-восточной части Европейской России и в Сибирь. Славилась вятские гармоники громкостью звучания, звонкостью и прочностью. Мастера умели делать

и фиц-гармоники, цены на них были от 20 рублей. Сложные фиц-гармоники с клавишами от 10 до 22 тонов, при 3-х отделениях для вариаций, с прибавочными басовыми тонами и приспособлениями для маршей продавались в Вятке до 150 рублей и выдавались за заграничные. Изготавливались и простые деревенские скрипки, но стоили они недорого, от 5 до 8 руб. за десяток⁹². Изготавливались музыкальные инструменты почти всеми мастерами в свободное от полевых работ время, гармонщики занимались своим промыслом и в отходе.

Наиболее значимыми среди отхожих промыслов были работы, связанные с извозом (извозчики, ямщики — 62343 чел.), с обработкой дерева (древорубы, пильщики — 37902 чел.), ходили в отход плотники (21542 чел.), особенно славились «кукары» — жители сл. Кукарки, развито было бурлачество (2786 чел.). В районах, прилегающих к железоделательным заводам, много шло в рудокопы и рудовозы (Глазовский, Слободской уезды)⁹³.

Рыболовство и охота не играли важной роли в жизни вятского крестьянина. Рыбачили и охотились в основном для удовлетворения потребностей своей семьи. Излишек выловленной рыбы, дичь продавали на базарах, отдавали в магазины и т. п. Лишь немногие ловили рыбу специально для продажи, отличались этим жители селений, расположенных на больших водоемах, некоторые держали даже специальные рыбные затоны — огороженные места на реках, водоемах, в которых рыба содержалась в естественной для нее среде и вылавливалась по мере надобности. Охотой занимались в лесистых местностях. Добычей были белка, заяц, норка, куница, режес — медведь, рысь, лось, олень, но во второй половине XIX в. лес становится беднее пушным зверем. Охотничий промысел производился с ружьем (к концу XIX в. уже пистонным, преимущественно ижевским) или с помощью разного рода ловушек и сеток, с собакой или без нее. Ружья покупали или через людей, возвращающихся с отхожих заработков, или на Алексеевской и других ярмарках.

Вятский крестьянин сумел приспособиться к неблагоприятным условиям, которых хватало на Вятке — и к неустойчивому, большей частью холодному климату, и к не очень-то плодородным почвам.

Можно сказать, что земледелие, животноводство, промыслы — это три кита, на которых основывалась жизнь вятского крестьянина.

**Распределение земель по форме владения
(По земской раскладке 1900 года)**

НАЗВАНИЕ УЕЗДОВ	КОЛИЧЕСТВО ЗЕМЛИ В ДЕСЯТИНАХ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ:									
	Ведомст- ву Госу- дарствен- ных Имуществ	Удельно- му ве- домству	Горному ведом- ству	Артилле- рийскому ведом- ству	Город- ским обще- ствам	Горным заводам	Частным лицам	Государ- ствен. и горноза- водским крестья- нам	Сельским общест- вам	Всего земли
Вятский	30695	—	—	—	966	—	7436	—	458543	497640
Глазовский	695372	—	—	—	1916	218134	105909	6613	1177687	2205631
Елабужский	107749	21382	—	—	2244	—	66673	—	503171	701219
Котельнический	204065	2995	—	—	2401	—	3768	—	761159	974388
Малмыжский	533361	1480	—	—	1020	—	46959	—	721226	1304046
Нолинский	14642	1807	—	—	725	—	177	—	519361	536712
Орловский	444388	—	—	—	2001	—	3637	—	656788	1106814
Сарапульский	149025	66415	195111	124797	2067	—	9616	—	780958	1327989
Слободской	1559663	—	—	—	1004	293067	25335	—	676222	2555291
Уржумский	187019	16711	—	—	1715	—	38077	—	688812	932334
Яранский	267880	30700	—	—	2578	—	21396	—	835435	1157989
Итого по губернии	4193859	141490	195111	124797	18637	511201	328983	6613	7779362	13300053

Таблица 2

О посеве и урожаях льна и конопли в Вятской губ. за 1900 г.

УЕЗДЫ	Посеяно пуд.		Снято пудов			
	льна-ного	коноп-ляного	льнаного		конопляного	
			волок.	семен.	волок.	семен.
Вятский	30353	1365	34928	72287	4485	5460
Глазовский	115339	8505	215685	298700	26329	26437
Елабужский	35706	22622	79073	167607	69155	112315
Котельнический	137470	210	142056	244476	700	840
Малмыжский	35538	31592	77765	144460	87089	121733
Нолинский	57632	533	63200	149319	1271	1886
Орловский	27829	240	39108	79421	600	720
Сарапульский	49348	20925	164797	179944	69750	75739
Слободской	70040	1201	93715	166504	2975	2523
Уржумский	78383	15229	111538	268361	30148	55012
Яранский	160107	4402	193662	402832	13207	23745
Итого	797745	106824	1215527	2173911	305709	426410

Таблица 3

О количестве скота в Вятской губернии за 1900 год

Название городов и уездов	Наименование скота					
	Лошадей	Рога-того скота	Овец		Коз	Свиней
			Про-стых	Тонко-рунных		
Гор. Вятка	862	320	—	—	80	—
Вятск. уезд	39747	63827	60920	—	119	3158
Гор. Глазов	195	300	13	—	12	40
Глазовский уезд	127154	189527	205643	—	5233	27754
Гор. Елабуга	1300	750	200	—	20	150
Елабужский уезд	57809	60891	155059	—	2328	14131
Гор. Котельнич	150	89	—	—	19	27
Котельнический у.	61679	137137	105453	—	25	16067
Гор. Малмыж	170	265	85	—	50	10
Малмыжский уезд	75067	88026	173449	—	2769	24358
Гор. Нолинск	211	319	11	—	3	51
Нолинский уезд	45713	75051	180647	—	577	1765
Гор. Орлов	122	176	—	—	3	10
Орловский уезд	44310	99308	84898	10	8	8238
Гор. Сарапул	975	810	90	—	47	370
Сарапульский у.	97551	118570	169410	—	11778	43569
Гор. Слободской	375	420	—	—	67	40
Слободской уезд	51618	90267	70592	—	1261	5341
Гор. Уржум	258	272	15	—	5	51
Уржумский уезд	72297	87666	160119	—	1329	22203
Гор. Яранск	137	384	—	—	11	85
Заштатн. гор. Царевосанчурск	88	323	—	—	—	23
Яранский уезд	77658	143426	286320	3	106	44775
Итого в городах	4846	4428	414	—	317	857
в уездах	750603	1153696	1652510	13	25533	214359
Всего в губернии	755449	1158124	1652924	13	25850	215216

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 год // Памятная книжка и календарь Вятской губернии за 1900 год. Вятка, 1899.
- ² Там же. С. 34.
- ³ ПКВГ на 1902 г. Вятка, 1901. С. 37.
- ⁴ Там же. С. 37.
- ⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. XII, ч. II. Вятка, 1900. С. 51.
- ⁶ Там же. С. 52.
- ⁷ Там же. С. 57.
- ⁸ Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 г. // ПКВГ на 1900. Вятка, 1899. С. 46.
- ⁹ Материалы по статистике. С. 60.
- ¹⁰ Там же. С. 144.
- ¹¹ Там же. С. 147.
- ¹² Там же. С. 151.
- ¹³ Там же. С. 153.
- ¹⁴ Там же. С. 154.
- ¹⁵ Там же. С. 232.
- ¹⁶ Там же. С. 243.
- ¹⁷ 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. Киров, 1996. С. 54—55.
- ¹⁸ Там же. С. 53.
- ¹⁹ Там же. С. 52.
- ²⁰ Записка С. К. Косарева о мерах к развитию и улучшению городничества и садоводства в Вятской губернии // Вятская губерния. СПб., 1903. С. 40.
- ²¹ Там же. С. 41.
- ²² Материалы по статистике. С. 130.
- ²³ Казаченко А. И. Приложение к карте Вятской губернии. Кустарные промыслы. СПб. 1884. С. 15.
- ²⁴ Записка С. К. Косарева. С. 41.
- ²⁵ Новиков А. Экономические нужды Вятского края (по данным земской статистики). Вятка. 1896. С. 131.
- ²⁶ Бежович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян. М., 1959. С. 9.
- ²⁷ Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды // ПКВГ на 1908 г. Вятка, 1907. С. 9.
- ²⁸ Там же. С. 57.
- ²⁹ Там же. С. 97.
- ³⁰ Там же. С. 104.
- ³¹ Хозяйство и быт. С. 16.
- ³² Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 78.
- ³³ Там же. С. 67.
- ³⁴ Хозяйство и быт. С. 15.
- ³⁵ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 149.
- ³⁶ Там же. С. 135.
- ³⁷ Пятьдесят Советских лет. Киров, 1967. С. 136.
- ³⁸ Новиков А. Указ. соч. С. 137.
- ³⁹ 200 лет Вятской губернии. С. 82.
- ⁴⁰ См.: Буш Н. Краткий очерк растительности Вятской губернии // ПКВГ на 1892 год. Вятка, 1891. С. 284.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Ед. хр. 594—596.

- ⁴² Там же.
- ⁴³ 200 лет Вятской губернии. С. 56.
- ⁴⁴ ПКВГ на 1902 год. Вятка, 1901. С. 42.
- ⁴⁵ Материалы по статистике. С. 87.
- ⁴⁶ Там же. С. 91.
- ⁴⁷ Казаченко А. И. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁸ Материалы по статистике. С. 102.
- ⁴⁹ Там же. С. 107.
- ⁵⁰ Там же. С. 290.
- ⁵¹ Саковский К. К. К вопросу о вятской (вотской) лошади // Земская зоотехния в Вятской губернии. Вятка, 1914. С. 252—253.
- ⁵² Там же. С. 248.
- ⁵³ Вятская газета, 1895. 7 дек. (№ 37). С. 3.
- ⁵⁴ Вятская речь, № 34, 22.04.1916. С. 2.
- ⁵⁵ Там же. С. 3.
- ⁵⁶ Материалы по статистике. С. 212.
- ⁵⁷ Там же. С. 127.
- ⁵⁸ ПКВГ на 1902 год. Вятка, 1901. С. 42.
- ⁵⁹ Материалы по статистике. С. 85.
- ⁶⁰ ПКВГ на 1902 год. Вятка, 1901. С. 42.
- ⁶¹ Новиков А. Указ. соч. С. 192.
- ⁶² Там же. С. 194.
- ⁶³ ВГВ, № 12, 11.02.1884. С. 5.
- ⁶⁴ Казаченко А. И. Указ. соч. С. 7.
- ⁶⁵ Новиков А. Указ. соч. С. 192.
- ⁶⁶ Бадов Н. А. Состояние пчеловодства в Вятской губернии (по данным анкеты 1910 г.). Вятка, 1912. С. 5.
- ⁶⁷ Там же. С. 6.
- ⁶⁸ Там же. С. 6—16.
- ⁶⁹ Материалы по статистике. С. 262.
- ⁷⁰ Бадов Н. А. Указ. соч. С. 16.
- ⁷¹ Там же. С. 17.
- ⁷² Казаченко А. И. Указ. соч. С. 20.
- ⁷³ 200 лет Вятской губернии. С. 94.
- ⁷⁴ Там же. С. 97.
- ⁷⁵ Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб., 1874. С. 454.
- ⁷⁶ 200 лет Вятской губернии. С. 97.
- ⁷⁷ Свод материалов. С. 15.
- ⁷⁸ Там же. С. 196.
- ⁷⁹ 200 лет Вятской губернии. С. 96.
- ⁸⁰ Там же. С. 96.
- ⁸¹ Свод материалов. С. 247.
- ⁸² Там же. С. 250.
- ⁸³ Там же. С. 273.
- ⁸⁴ Там же. С. 281.
- ⁸⁵ 200 лет Вятской губернии. С. 96.
- ⁸⁶ Свод материалов. С. 360.
- ⁸⁷ Там же. С. 340.
- ⁸⁸ Там же. С. 345.
- ⁸⁹ Всего по губернии — 682 мастерицы. Там же. С. 613.
- ⁹⁰ 200 лет Вятской губернии. С. 95.
- ⁹¹ Свод материалов. С. 286.
- ⁹² Филимонов Е. И. Производство гармоник // Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вып. 1. Вятка, 1889. С. 35.
- ⁹³ 200 лет Вятской губернии. С. 92.

И. Ю. ТРУШКОВА

ПИЩА. УТВАРЬ

Как и типы хозяйствования, жилище, одежда, так и система питания, зависит от вполне конкретных климатических условий. Кроме того, пища соотносится и с видами ведения хозяйства, поскольку основные продукты питания у земледельца иные, чем у скотовода.

И хотя в пище, более чем в других сферах материальной культуры (жилище, одежда), сохраняется этническая специфика, к XX веку в системе питания населения края четче выделяются скорее региональные, нежели этнические особенности.

Поскольку главным занятием вятских крестьян испокон веков было земледелие, особое место в их питании в конце XIX — начале XX века занимали зерновые.

«Вятка хлебу матка». Богат был регион зерном. Хлеба изготовлялось здесь несколько видов. Кроме больших караваев из ржаной, овсяной и ячменной муки выпекались и знаменитые «ярушники», маленькие хлебцы, тесто для которых «ставили» на ржаной муке, а месили на овсяной и ржаной наполовину. Белого хлеба употребляли немного. Он был доступен не каждой семье, его покупали к празднику (баранки)¹.

«Мусники» — вид многослойного хлеба — получались при наливании жидкого подквашенного теста на ржаные сочни².

К праздникам пекли много пирогов с разнообразной начинкой. В качестве нее использовали как плоды своего труда, так и дары леса. Пироги приготавливались с мясом, яйцами, рыбой, картофелем, морковью, грибами, ягодами, творогом, горохом, капустой, свеклой, «шпанкой» (иргой, у марийцев) и т. д. Пироги разделялись на «крытые», с румяной корочкой теста сверху, и открытые, нарядность которым придавали, к примеру, запеченные в печи ягоды.

Блины из овсяной, ячменной муки ели со сметаной, маслом, солеными рыжиками. Особенно много их пекли на Масленицу, к посиделкам, другим праздникам. Широко были распространены в течение XX века оладьи, а в округе Лальска, к примеру, в конце XX века пекут «колобушки» — мягкие булочки-хлебцы в виде полушара, напоминающие половинку сказочного колобка.

Довольно широко в Приуралье в целом были распространены пельмени. Это блюдо финно-угорского происхождения, на что указывает его название: «пель-нянь» — хлебное ухо, так слово можно перевести с коми или удмуртского языков. Исследователями отмечается, что русское население многих областей, кроме Урала и Сибири, этого блюда не знало. Пельмени делали с

мясом, иногда с капустой, рыбой, грибами³. Начинку рубили до кашецеобразного состояния в специальном корытце сечкой. У некоторых групп русских после варки в воде пельмени достают и едят вилкой, добавляя сметану, уксус, перец; у марийцев, татар пельмени едят вместе с мясным отваром.

Много сходных черт в кулинарном искусстве русских, удмуртов, коми, мари, татар обнаруживается в таком виде мучных изделий как «шаньги» («ватрушки»). «Перепечи» — так они назывались у удмуртов, у татар Карино — «юмал шаньги», «яровой шанешка» и т. д. Когда-то заимствованные от русских, все эти лепешки с начинкой у разных этнических групп приобрели свои, специфические черты и по праву осмысливаются блюдами национальной кухни⁴.

С изготовлением стряпни были связаны и некоторые правила, приметы. Так, у русских вятско-вологодского пограничья девиц приучали месить тесто движениями рук от краев к центру, чтобы получалась однородная масса. Мол, всяческие комки и «непромеси» в тесте предвещали о том, что лицо и характер у будущего мужа будут такие же «шадровитые и комковатые», как плохо мешаное тесто. Вся стрепня должна быть подрумяненной, хозяйки расстраивались, когда пироги получались «бледные, как покойники». Кстати, всех постряпушек: ватрушек, пирожков, пышечек предпочитали готовить четное количество — парами, парами и считали их.

Как правило, разные виды стряпни — обрядовая пища: блины — на Масленицу, пироги — на свадьбы, поминки, прощания. Словно люди хотели соотнести важные моменты своей жизни, да и всю жизнь, с хлебом, с «житом». Обычай запрещал мять в руках, катать шарики из хлеба («...не к добру...») или недоедать куски, а также смахивать крошки со стола. Отношение к хлебу было архиуважительное.

В трудные годы на Вятке, когда запасов пищи было мало, из хлеба делали так называемую «тюрю», размачивая накрошенный хлеб в похлебке.

Из овса русским населением Вятки приготавливалось и такое лакомство, как кисель. Густой и кислый — его ели ложками. Но прославило вятчан, пожалуй, на всю Россию другое хлебное блюдо — знаменитое толокно, овсяная мука. Еще в XIX веке отмечалось, что вятчане делали вкусное толокно и очень любили его.

Отмечалось два способа приготовления толокна: запарной, заварной⁵. При запаривании разбухший в холодной воде процеженный и заваренный кипятком овес высыпался в натопленную печь и плотно закрывался заслоном так, чтобы пар из печи не выходил. Овес парился. После его разносили по нескольким соседским печам, там он просушивался, потом его очища-

ли на веялке или на ветру и размалывали на мельнице на толокно. Интересно, что факт разноса овса для просушки по соседним печам объясняется исследователями как проявление производственно-бытового соседского обычая взаимопомощи. Так, учитывая почти ритуальное пристрастие вятчан к толокну, можно судить и о широком развитии явления взаимопомощи у них в прошлом.

Второй способ производства толокна интересен тем, что в кадочку насыпают овес до половины емкости, заливают кипятком и оставляют примерно на двенадцать часов. Потом овес просушивают, «одергивают» и размалывают обычным способом. Толокно получается белым, с сильным привкусом овсянки, тогда как в первом способе оно — желтоватое.

При всыпании толокна в «варенец» получалась «тепня». Смесь размешивали до однородной массы и формировали в чашке горкой, на края наливали молоко, а верх обмазывали сметаной. Во время еды зачерпывали так, чтобы на ложке были все три составляющие. Готовили «тепню» и на пиве, а вместо сметаны использовали мед, сахар. Вот вам и постное блюдо.

В основном для детей делали «сухомес». В подсоленную или подслащенную воду всыпали толокна столько, что при перемешивании образовывалась рассыпчатая масса.

Для так называемых «тукмачей» делали из пшеничной или ржаной муки палочки-колбаски, нарезали их наискосок, чтобы получились ромбики, и варили в молоке с добавлением мелко-нарезанной капусты. Иногда в «тукмачи» добавляли немного картофеля и лука. Были и постные «тукмачи», приготовленные на воде, но с пережаренным на постном масле луком и капустой.

Лапшу употребляли в нескольких вариантах: с молоком, крупами, яйцом и т. д.⁶.

Широко были распространены на Вятке и многочисленные каши. Интересно, что при варке каши в печи иногда вовсе не нужно было в глиняный горшок наливать много воды. В особом микроклимате печи, в горшке крупа разбухала и каша «упревала», «доходила». Из овса, гречихи, проса и других круп, на молоке, с маслом, рассыпчатые или «размазни» — каши являлись необходимой будничной пищей взрослых и детей. «На кашу» приглашали к младенцу, каши давали усопшему, провожая его в мир иной.

Из ржи изготавливалось и пиво, воистину целебный, практически безалкогольный напиток Русского Севера. Его варили к праздникам. Недаром знатоки называют «форпосты Великого Новгорода — Великий Устюг, Лальск и Слободской своеобразными северными «бавариями», где с особой значительностью «жители деревни несут в одно место пол-куля ржи; кто-то ко-

мандует этим — то есть зерно проращивают, делают солод, сусло, берут огромный (на двадцать ведер) чан, кидают в него раскаленные камни, чтобы будущее пиво кипело, пузырилось... в чан высыпают мешок хмеля, затем кладут соломенные маты — для фильтрации пивной гуши... Процесс долгий и кропотливый, им руководят старики, но игра стоит свеч; пиво получается великолепное, градуса четыре крепостью, отдающее солодом, его подают на сельских праздниках, после первых, тостовых, рюмок вина»⁷.

Кроме пива русские крестьяне на Вятке из хлебного сырья делали квас и брагу. Различия в этих напитках обнаруживались как в способе приготовления, так и в добавках.

У коми, мари и удмуртов, живущих в Вятском крае, также были распространены пивные напитки. Удмурты делали «кумышку» «из квашеного теста из муки пророщенной ржи». У марицев квас («пура») готовился так: для ржаного солода проращивали зерна ржи, в чугуне ставили в печь для упревания, после рожь сушили и измельчали. Очищенную и нарезанную тонкими ломтиками свеклу заливали горячей водой, варили. В отвар добавляли солод, сухой хмель, дальше варили, процеживали, добавляли разведенные дрожжи и ставили для брожения. Пили с медом, сахаром⁸.

Некий сакральный элемент в производстве и использовании пива у народов, живущих в регионе, должно быть, связан с тем, что этот напиток изготавливался из ржи, овса, ячменя — злаковых растений, дающих максимальные урожаи в достаточно суровых климатических условиях края. Не чудо ли: при таком климате из одного зернышка получается много? какая жизненная сила в зерне?! Пусть она при особых жизненных обстоятельствах, в праздники, передается и вятским жителям, неутомимым земледельцам-труженикам этого таежного края. Кроме того, пиво содержит много полезных для организма человека веществ, витаминов, особенно группы В.

Так как другим важным занятием вятских крестьян было скотоводство, то это обеспечивало широкое использование молочных и мясных продуктов в системе их питания. Связь земледелия и скотоводства прослеживается и в логическом дополнении друг друга: раз трудно в нашем крае дается хлебушек, нет таких урожаев как на Украине, Кубани, то важным подспорьем земледелию является скотоводство. Пастбищ достаточно, травы сочные, а продукты скотоводства — мясо и молоко — дают необходимые калории вятскому жителю не только летом, но и особенно в суровую холодную зиму.

На практике же эти два вида хозяйства, с точки зрения питания, были связаны мириадами тонких нитей по организа-

пии хозяйствования. «Если на столе мясные, а не грибные щи, то и в руках и в ногах появляется сила, больше и вспашешь и накошишь поизрядней. В таком случае будет не только хлеб для себя, но и солома, и парево, и мякина скоту, а будет скотина, будут опять же и щи...»⁹. Когда продуктов земледелия было мало, то наблюдалось и сокращение поголовья скота. Показательно, что в периоды борьбы с кумышковым скотом сокращалось число коров в удмуртских деревнях, так как скот питался хлебными остатками от варки кумышки¹⁰.

Говядина, свинина, баранина, мясо домашней птицы — все это употреблялось практически повсеместно. До наших дней сохранились следующие предпочтения: на юге Вятского края, в марийских и удмуртских деревнях, кроме прочего, больше разводят домашних птиц (гусей, уток), в русских — коров, овец, в коми деревне отнюдь не редкость поросята, татары же не употребляют свинины, отдавая предпочтение конине, из которой получается колбаса «казы»¹¹.

Мясо употреблялось главным образом в супах, холодцах, студнях, как шкварки и т. д. В округе Б. Холуницы, например, «шти» варили в русской печи, с большим куском мяса, капустой и картошкой. Необходимо было, чтобы «шти» томились в закрытой печи, откуда их подавали на обеденный стол. Известен был и суп-скороварка, который готовили из молодого мяса — телятины, свинины. Это мясо измельчали (строгали) и заправляли как «шти». Из печени, легкого делали «осердницу», добавив картошку, соль, воду. Иногда измельченную печень запекали в печке с яйцом¹². Интересно отметить, что собственно мясо (особенно мясо птицы) считалось ритуальной пищей, поэтому, к примеру, кур съедали во время Троещепятницы у русских; уток, гусей — на удмуртских, марийских молениях. «Крупную скотинку» резали по осени, за лето прибавившую вес, да и хранить мясо зимой было лучше. В другое время года считалось чрезвычайным резать корову, ведь буренка-кормилица давала молоко детям, да и другим домочадцам обеспечивала не голодное существование.

Традиционная молочная пища на Вятке была разнообразна, но в системе питания различных этнических групп населения наблюдалась следующая особенность: собственно молоко употреблялось в пищу мало. В северно-вятской традиции у русских пить его можно было только младенцам, взрослые лишь «ели» его ложками. В других местностях его «ели» с картошкой. Зато кисломолочная продукция употреблялась в больших количествах и видах; это и простокваша, и сметана, и пахта (сыворожка), и творог, и сыр.

После дойки молоко переливали в кринки, их ставили в погреб. Через несколько дней снимали сливки, из них взбивали

масло. Если масло перетопить, то после остывания сверху посуды будет топленое масло, а на дне образуется «пахта», которая потом идет в стряпню. После снятия верхнего, сметанного слоя в кринке остается простокваша. Если ее поставить в негорячую печь, то она свернется и получается творог, сыворотка. Последнюю сливают, пьют, а из творога можно сделать нечто вроде больших лепешек, колобков, отжав из них остатки сыворотки и получив после сыр.

Из творога марийцы делали своеобразные толстые оладьи «туара» и вареные пирожки «торык подкогыльо», напоминающие большие пельмени¹³.

Из молока при помощи маслобойки взбивали масло. Любопытно, однако, что масла из коровьего молока употребляли немного, больше льняного. На Вятке, в этом «классическом льняном крае», производство льняного масла превратилось в промысел.

При смешивании молока с яйцами получали «селянку», из одних яиц — «толстую еисницу». И в употреблении яиц усматривается некая обрядовость: яйца катали на Пасху; яйцо — символ жизни...

Важной частью рациона питания были продукты рыболовства, охоты, ягоды, грибы.

Почти через всю территорию края течет река Вятка, в нее впадает около ста притоков. Тихие, многочисленные реки и речушки были удобны для рыболовства. Рыбу ловили «мордами», сетями, бреднями, били острогой, ловили на удочку¹⁴. Рыбная пища была более доступной для населения, чем мясная. Рыбу употребляли в разных видах: жареную, вареную, сушеную, вяленую, соленую и прочую. Распространенным было и приготовление ухи. В Белохолуницкой округе ее варили из ершей, мелких окуней, щеклей, в специальном котелке с решетом и тарелкой. Вымытую и очищенную рыбу закладывали в решето, а в котелок крошили картошку и лук. Ели такую уху с добавлением водки и масла. Особо готовилась «тройная» уха. В бульон по очереди закладывали и варили три порции рыбы. Суп получался наваристый, а если ставили его в холод, то он превращался в своеобразный холодец. Тушеных с постным маслом ершей в сковородке, в кастрюле, можно было долго хранить, поэтому их заготавливали и впрок¹⁵. С рыбой делались пироги на свадьбу, поминки, с рыбной икрой елись блины на Масленицу.

Много для стола вятского крестьянина давал лес. Собирали белые грибы, подберезовики, подосиновики, рыжики, грузди и многие другие. Грибы («губы») употреблялись в соленном, сушеном, вареном, жареном виде. Наиболее распространенные блюда — «жареха», «губница».

Ягоды — кладовые витаминов и лакомство — собирались в основном стариками и детьми. В начале осени начинался сезон сбора клюквы, когда и взрослые выезжали в лес на подводе и целыми мешками набирали эту ягоду. Хранили ее замороженной, так она дольше сохраняла свой витаминный запас и практически до весны ее хватало всему крестьянскому семейству. Бруснику, костянику, чернику, рябину, землянику, малину ели просто так, с блинами, в пирогах, заготавливали на зиму в сухом виде, позже — как варенье. Из ягод варили кисели, напитки. Ягоды использовались не только лесные, но и выращенные на усадьбе. В первую очередь это относится к смородине — «вятскому северному винограду». В лечебных целях использовали малину, черемуху и т. д.

Охота давала мясо зверей, птиц. Оно употреблялось в пищу в семьях охотников и шло на продажу. Известны факты продажи рябчиков из средневатского региона через перекупщиков в столицу и даже в Париж¹⁶.

Некоторая «огородная» пища — сравнительно поздняя по времени появления в рационе вятского крестьянина. В состав ее входил картофель, который был распространен уже так широко, что буквально становился «вторым хлебом». Ели его вареным, жареным, из него варили суп («картосница»), добавляли в качестве начинки в стряпню («картосные шанги»).

Известность на Вятке получили огурцы и капуста, приготавливаемые особым способом и в больших количествах для продажи в селе Истобенском Орловского уезда.

«Огурцы солят довольно примитивно, прибавляя смородинный лист; хорошо их сохраняют, опуская бочонки с огурцами в колодцы.

Засол капусты производится двумя способами: сдавливают и заваривают. При первом способе кочаны капусты разрезают пополам — на пластины, каждую «окунывают» в соленую воду и выкладывают в кадочке в ряд, его засыпают солью и мелко изрубленной капустой — «крошечкой», затем кладут второй ряд и снова засыпают его солью и крошечкой и т. д., пока не наполнят кадочку. Кадочка затем закрывается крышкой, на которую кладется значительная тяжесть. Когда капуста несколько сдавится, крышка опустится и на поверхность выступит вода горького вкуса, ее сливают, а вместо нее наливают свежей соленой воды. При солении кладут в капусту для запаха — анису, для подкисания — ломтик ржаного хлеба, самую же капусту выдерживают некоторое время в теплом помещении, чтобы дать капусте просолеть, затем уже переносят в погреб. Вторым способом засола употребляется только в том случае, когда необходимо ускорить просол капусты, чем и сделать ее скорее годной в пищу. Для этого сложенные в кадку пластины капусты заливают кипящей водой два раза. В первый раз заливают простой водой, которую потом скоро отливают, чем уничтожается горечь, во второй раз заливают уже соленой водой. Засоленная последним способом капуста через два-три дня становится годной к потреблению, но зато не может сохраняться такое продолжительное время, как засоленная первым способом»¹⁷.

Выращивание овощей в разной степени было развито в различных уездах Вятской губернии. Современники подчас излишне критически характеризовали его. «Огородничество в Слободском уезде еще в большем небрежении, нежели хлебопашество. Из крестьян лучшие огородники — вотяки... Обычные огородные растения: капуста, редька, свекла, лук, хрен, хмель и картофель, который начинает делаться необходимым для занимающихся заводскими работами. В г. Слободском и Павловском заводе сажают сверх того: морковь, петрушку, сельдерей, спаржу, цветную капусту, салат и клубнику. Огурцы редко вызревают на воздухе, как и большая часть огородных семян, и составляют предмет постоянного привоза из Казани»¹⁸.

Горох был тем продуктом, который употреблялся издавна. Его употребляли в разном виде. Распространенным блюдом на Вятке был гороховый кисель. Он получался как путем варки, так и путем заваривания гороховой муки. Для получения овсяного киселя овсяные выжимки замачивали, подквашивали и после варили. Кисель получался кислый, его ели со сметаной¹⁹.

Кроме вышеперечисленных овощей в регионе выращивался лук, редька (их ели с квасом, льняным маслом), репа («паренки»), хрен (употребляли с квасом, сухарями). В южных уездах, к примеру: в Малмыжском, около сел Старая и Новая Тушки, Малых Рожков находился район промышленного садоводства, где разводились яблони, вишни, малина, красная и черная смородина, крыжовник²⁰.

Мед был более доступен вятскому крестьянину, чем сахар²¹. Сахар же чаще всего покупался вместе с «фамильным» чаем, печатными пряниками в городе, на ярмарках, толчках и т. д. Чай, сахар и особенно конфеты покупались только к большим праздникам. Специфичных обычаев, связанных с ними, а также с солью, кроме бережного отношения к ним в силу их дороговизны, не отмечено.

Природа давала вятским жителям самые разнообразные продукты, которые употреблялись повседневно, на праздниках. Пища являлась неотъемлемой частью различных обрядов, ритуалов. Продукты животного, растительного происхождения были всегда в рационе вятчан. В нем сочетались необходимые для организма человека вещества, витамины, микроэлементы. Включение в рацион питания широкого ассортимента продуктов животного и растительного происхождения обеспечивало оптимальное соотношение пищевых и биологически активных веществ — белков, жиров, углеводов, минеральных солей и т. д.

Рациональным был и режим питания, а именно кратность и количественное распределение пищи в течение суток. Также сбалансированным был и годовой режим питания. Периоды «раз-

говления» уравнивались системой постов, что обеспечивало своеобразную «чистку» организма, а сезонные запреты на некоторые виды пищи (горох, яблоки до первого и второго Спасов) охраняли от нежелательных последствий. Суточное потребление пищи соотносилось не только с потребностями организма, но и с трудовой деятельностью людей.

Обычно в семье вятского крестьянина ели три раза в день: утром в шесть-восемь часов, днем в двенадцать — два часа и в семь-десять часов вечера. Промежутки между приемами пищи назывались «выть», есть в «межвытья» было не принято. Обычный деревенский обед состоял из супа с кусками мяса в нем, каши или чего-либо другого; три блюда в будни бывало редко («щи да каша — пища наша»). На ужин было и вообще по одному блюду. Зато на праздничном столе — до десяти «перемен». В Куменской волости Вятского уезда это окрошка, студень, ши, мясо вареное и жареное (баранина или телятина), селянка, каша, лапша, картошка жареная, молоко, пироги из «белой» муки (с изюмом, грибами, рыбой, мясом), шаньги «картосные» и «крупяные»²².

Перед едой мыли руки, вытирали их полотенцем, потом молились и только тогда садились за стол, обязательно покрытый скатертью. Плохо вести себя за столом, стучать по нему, а уж тем более садиться на него категорически запрещалось («стол-престол»). Хозяин сидел на почетном месте, нарезал всем хлеб ломтями. Ели обычно все из одной миски, но у каждого была своя ложка. Сначала можно было зачерпывать «жижу с гущей» и лишь когда глава семьи постучит по краю миски своей ложкой, можно было «и мясо тянуть». Неприличным считалось есть чересчур быстро и, наоборот, долго. Если человек долго ест, «роется в еде», значит у него что-то болит, он плохой работник, не так воспитан. Существовало даже негласное правило: «Кто как ест, тот так и работает». Поэтому, нанимая работников или приглашая в гости женихов, их всегда в первую очередь кормили, чтобы точнее оценить.

Чай с сахаром пили «вприкуску». Купленный в городе кусковой сахар (часть «сахарной головы») кололи щипчиками, кусочки складывали в сахарницу, и во время чаепития раздавали. Откусив от такого маленького кусочка частичку, запивали чаем. Иногда сахар так экономили, что после чаепития от взятого из сахарницы маленького кусочка еще оставалось чуть-чуть. Про такой способ питья чая шутили: «Ну, это уж не вприкуску, а вприглядку...» К чаю на стол подавали стряпню, кое-где праздничным считалось варенье. Украшением стола служил самовар.

К традиционной пище организм человека был адаптирован многими поколениями. Традиционное питание с его пред-

почтениями и ограничениями является довольно разумным способом использования ресурсов организма и, может быть, залогом долголетия. В целом гармоничная система питания предков современных вятских жителей представляла определенную часть их богатой традиционной культуры, рациональные элементы которой могут быть использованы и в наши дни.

* * *

Своеобразным логическим дополнением к экологически чистым, производимым в деревенском хозяйстве, продуктам питания служила домашняя утварь (илл. 59).

Здесь на выручку вятскому крестьянину приходила природа, лес. В этой связи можно сказать, что вятские люди длительное время жили в «деревянном веке», так как они черпали из леса многое для своей жизни; не только материал для строительства дома, орудий труда, некоторые продукты питания. Из дерева, бересты, лозы и прочего сырья изготавливались и предметы домашней утвари.

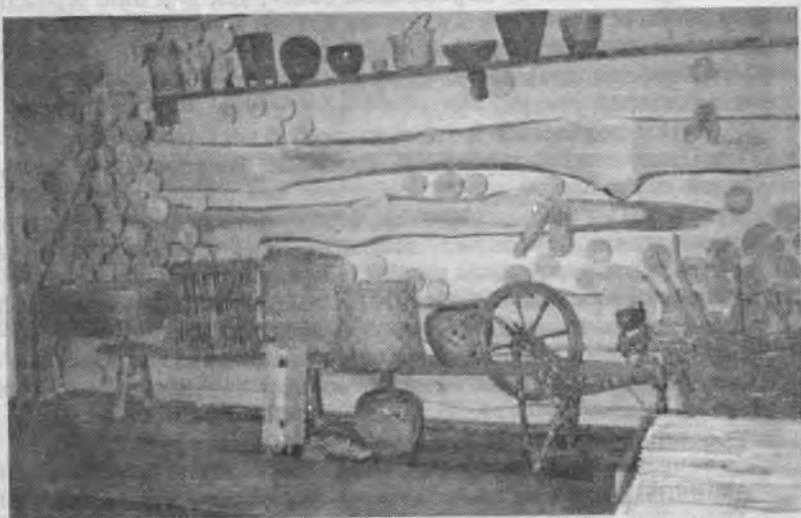
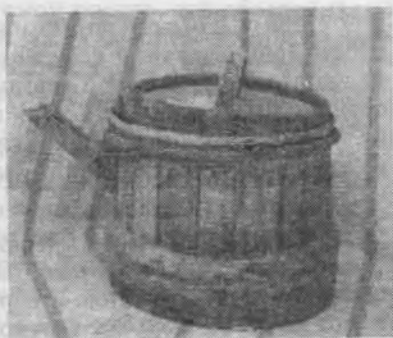
Путем долбления и точения получались различные миски, корытца, ложки, тарелочки, ковшики. Из вершинки сосны делалась «мутовка» — приспособление для размешивания теста, деревянными были лопаточки, совки, использовавшиеся для кухонных нужд. Некоторые, особенно праздничные предметы посуды, украшались резным узором или росписью. Очевидно, стилизованный, в основном растительный, в XIX веке орнамент выглядел когда-то архаичнее и придавал дополнительные магические функции некогда обрядовым предметам. Об этом говорят изображения птичьих голов на ковшах для пива и солонках у русских, мари, коми. К таким предметам относились особо, равно как и к их содержанию.

Бондарным способом изготавливались бочонки, жбаны («квасники»), квашни, ведра. Из дерева делались лари, сусеки для хранения зерна, муки.

Из соснового и елового корня плелись чашки для придания формы караваем при их печении. У этих чашек было характерное для Вятки название — «чаруши». Плетеными были и другие сосуды, а также короба.

Из бересты получались решета, «набирки», пестери, солонки, но особенно много из нее делали бураков. В них хранили не только сыпучие продукты, яйца, но и жидкости. Говорят, что в правильно выделанном бураке горячие продукты медленнее остывали, а холодные дольше сохраняли прохладу. Эти «средневековые термосы» изготавливались практически повсеместно в Вятском крае, украшались иногда тисненым орнаментом, расписывались. Из лозы и лучины получались и необходимые в крестьянском житье-бытье корзины.

Илл. 59. Деревянная домашняя утварь

Предметы домашней утвари, сделанные из дерева, были доступными в силу широкого распространения сырья и развитых традиций обработки, легкими на вес, а главное — удобными в использовании, ибо продукты в деревянных изделиях не портились, проветриваясь, сохраняли вкусовые достоинства. Как говорили раньше, «дерево дышало», и в этом тоже частичка мудрости крестьянской культуры.

Керамическая посуда — весьма древняя. Форма дна (круглодонная или плоскодонная) обычно указывает на тип хозяйства (кочевой или оседлый). По составу глиняного теста и узорам можно судить об этнической принадлежности ее изготовителей.

Примечательно, что названия частей сосуда имеют сходство с названиями частей тела человека: ручка, ножка, плечи, тулово. В сказках, легендах из глины получают первые люди, с глиняными горшками разговаривают, в них живут духи. Может быть, поэтому и на Вятке существовали обычаи обязательно закрывать эти сосуды или хранить их опрокинутыми, дном вверх.

Многочисленные вятские кринки, миски, «латки» (сковороды) и т. п. различались по форме, приемам декорирования, использованию. В больших и средних округлых горшках варили супы, каши. В горшках с чуть вытянутым горлом хранили молочное, невысокие и широкие сосуды — миски и латки — использовались для еды, термической обработки продуктов.

В глиняные сосуды большого размера наливали воду, в них хранили зерно, крупы. Когда такой горшок (корчага) трескался, его обматывали полосами бересты и продолжали использовать. Отверстие около дна у некоторых горшков указывает на применение их в процессе браговарения или приготовления кисломолочных продуктов. У другого вида керамических сосудов был носок в верхней части: они назывались подойниками и были не только глиняными, но и металлическими.

Металлическая посуда в традиционном обиходе жителей края была менее распространена, чем деревянная или глиняная. В крестьянском хозяйстве находили применение и медяники, и чугунки, и кружки, и сковороды. Особенно много этого «железа» было у горнозаводского населения Омутнинской, Холуницкой округи. В вятско-вологодском пограничье сохранились ковши старинной формы для разлития пива, «ендовы». Известно, что марийцами южных уездов губернии в ритуальных целях применялись котлы из «красной» и «белой» меди.

Другая металлическая, стеклянная, а также фарфоровая посуда широко распространилась со второй половины XIX века, с бурным пореформенным развитием товарно-денежных отношений. Тогда символом крестьянского благополучия становится самовар, стоящий на столе, покрытом скатертью, и гордо блестящий клеймами и медалями разных торгово-промышленных выставок.

В общем и целом, традиционная домашняя утварь населения Вятского региона в конце XIX — начале XX века представляла сложный комплекс множества предметов, говорящий о типах хозяйствования, обычаях, представлениях их владельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.). //ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. LVII, М. 1960. С. 144.

- ² Марихин Н. Телепня и другие // «Красное знамя». 1989. № 28. С. 4.
- ³ Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 147.
- ⁴ Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 155; Касимова Э. Г. Традиционная пища нухратских татар // Второй Международный Конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Часть II, Уфа, 1997. С. 44—45; ПМА (полевые материалы автора).
- ⁵ Маслова Э. Г., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 148.
- ⁶ Еремин В. Крутоложская кухня // Холуницкие зори, 1995, № 130. С. 3.
- ⁷ Маракулин П. Силу нации дает поле // Вести. 1994, № 49. С. 5.
- ⁸ Кулинич Л. И. Блюда марийской кухни // Уржумская старина, 1991, вып. 6. С. 19—20.
- ⁹ Белов В. Лад. М., 1982. С. 159.
- ¹⁰ Вятка // Камско-Вятский край. 1896, 2/II. С. 4.
- ¹¹ Касимова Э. Г. Указ. соч. С. 44.
- ¹² Еремин В. Указ. соч. С. 3.
- ¹³ Кулинич Л. И. Указ. соч. С. 19—20.
- ¹⁴ Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Указ. соч. С. 151.
- ¹⁵ Еремин В. Крутоложская кухня // Холуницкие зори, 1995, № 134—135. С. 3.
- ¹⁶ ВГВ, 1874, № 45. С. 3.
- ¹⁷ Селивановский И. П. Село Истобенское (Орловского у. Вятской губ.). // ПКВГ на 1893 год. Вятка. 1892. С. 173.
- ¹⁸ ВГВ, 1840, № 1.
- ¹⁹ Марихин Н. Гороховый и другие кисели // Сельский рабочий, 1992, № 6. С. 4.
- ²⁰ Поволжье. Природа. Быт. Хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Под ред. проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского, Д. А. Золотарева и др. Л. 1925. С. 561.
- ²¹ Матвеева Е. В. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда, летом 1925 года // Труды Вятского государственного музея, Вятка. 1927. С. 59.

Я. Ф. МУЛТАНОВСКИЙ

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРИРОДНЫЕ ЛАКОМСТВА

Скудная северная природа не балует человека, в то время как на юге в изобилии растут яблоки, арбузы, виноград и проч., в нашем краю не произрастает никаких фруктов, которыми могли бы полакомиться жители, особенно дети.

Один местный поэт переложил известные стихи про апельсинные края так:

«Ты знаешь ли тот край,

Где, вижу, репа зреет».

Яблоки растут или культивируются у нас только в южной части губернии, в северной же они хотя и растут, но плохого

качества и видятся редко и вообще садоводство мало развито.

Отсутствие фруктов природа довольно щедро заменила ягодами; в губернии растут земляника, малина, смородина, брусника, клюква, черника, ежевика, морошка, и даже ароматная поляника, лучшая из ягод, черемуха, рябина, калина и прочие. Но ягоды в диком виде, за уничтожением лесов, растут не везде, а разводятся, кроме черемухи, редко.

Поэтому в деревне покупные лакомства и фрукты заменяют, так сказать, суррогатами, так как лакомством они могут быть только для очень нетребовательного желудка.

Описание и перечень этих суррогатов-лакомств, как особенности местного края (и соседних), и составляет предмет настоящей статьи.

Подобного очерка, статьи в местной литературе нет и только Н. М. Васнецов в его «Материалах для объяснительного Областного Словаря вятского говора. Вятка, 1908 г. упоминает о некоторых из этих «лакомств» (пестики, паренка, севериха, но последнее почему-то без объяснения).

Мои наблюдения относятся к уездам Вятскому, Котельническому, Слободскому, Орловскому, Нолинскому и Яранскому, а по времени — с моего детства (сороковые годы прошлого века) и до наших дней.

Начнем с весны. Едва обсохнет земля, на весенних полях появляются — 1) «песты» (полевой хвощ). Эти песты, как лакомство, употребляются в сыром виде, а в пищу в виде «селянки», с яйцами и молоком, в виде начинки (фарша) для пирогов.

2) «Березовица». За пестами в порядке очереди следует березовица — березовый сок во время вегетации. На березе делается надрез, в него вставляется желобок из лучинки и сок стекает в подставленный горшок. Вероятно, это вредит дереву, хотя оно все-таки и не сохнет, залечивая рану чем-то вроде серы. Не знаю, вреден, полезен или безразличен этот сок, как сок сосны (см. ниже), но он довольно приятен и несколько сладок.

3) «Севери(ю)ха». Почти в то же время на елках появляются молодые завязи, очень похожие с виду на землянику. Они также употребляются, особенно детьми, как лакомство, довольно вкусное, но «относят» серой. Думаю, что употребление их полезно для золотушных детей, как и сосновой каши.

4) «Сосновая кашка». Одновременно с северюхой появляются на соснах завязи — кашка, похожая на молодые шишки, но с мелкими зернами; по вкусу аналогичные с северюхой.

5) Сосновый сок — появляется на соснах ранней весной, во время вегетации. Чтобы достать этот сок, сосну очищают от коры и сдирают этот сок в виде лент. Пока не затвердеет, он довольно вкусен для неизбалованного желудка, но отдает серой.

Дерево от осочки если не умирает, то чахнет, хотя и залечивает раны серой.

6) «Земляные орехи» — это совсем не то, что «земляные груши» или топинамбур. Находятся в глинистых берегах рек и оврагов. По величине, виду и цвету они походят на черные огородные бобы, имеют своеобразный вкус и, пожалуй, могут заменить орехи, но самого плохого качества. Скорлупы на них нет, а белое ядро покрыто черной кожицей, пленкой. Весной на станциях железной дороги близ Вятки их продают пассажирам (в 1923 году по 1 рублю за чашку). Употребляются в сыром виде как и северюха, сосновая кашка и сосновый сок.

Из растений, кроме упомянутых пестов, суррогатами лакомств служат еще:

7) «Мухачи» («бухмачи», «токмачи»). Мохнатая трава с дудкой, которую и едят, как корень. Растение похоже видом и вкусом на морковь.

8) «Борщ» — растение, достигающее двух-трех аршин, с широкими зубчатыми листьями, с сочным толстым стеблем (дудкой), который и едят, очистив кожицу.

9) «Гигель» («дигель») — тоже высокое и толстое, как борщ, растение, но грубее, ствол едят как и борщ и делают из него свистушки.

10) «Просвирки» — низкое растение с плодами в виде маленьких пуговок, которые и едят в сыром виде.

11) Дикий луговой лук — очень распространенный суррогат, который едят и дети, и взрослые. Он заменяет огородный лук, но поспекает (на лугах) ранее его, по спаде воды. Употребляется в сыром виде, один, вприкуску с хлебом или квасом и в пирогах. В городах продают его на базарах.

12) Кисленка (щавель), употребляется как и дикий лук, а в более интеллигентных семьях — в виде салата и для заправки супа.

13) Коростель (дикая репа, дикая редька) — растение, достигающее половины или целого аршина, с узкими иззубренными листьями и желтыми цветами, напоминающими незабудку; едят как и борщ. По вкусу нечто среднее между репой и редькой.

14) «Сердечки» — растение в виде кактуса, растет на глине и веретях (возвышенных луговых гривах); вместо листьев нечто вроде шипов, употребляется (Вятка, Котельнич) сырыми.

По секрету будет сказано, что девицы едят его не только как лакомство, но чтобы бюст был пышнее, хотя, как утверждают «специалисты» по этим делам, «сердечки» не производят желаемого действия.

Из овощей лакомствами служат:

15) Зеленый горох, в стручках.

16) Репа — самое распространенное и общеупотребляемое в деревне лакомство, заменяющее вятчанам яблоки и усердно возделываемое. Употребляется в разных видах, а именно:

а) ломтиками или просто откусывают кусками; будучи истерта или наскребена ножом, делается очень сочной и, пожалуй, сочной и сладкой;

б) испеченной («печенка»);

в) пареной («паренка»);

г) сушеной («сушенка») из «паренки» — «вятский чернослив»; употребляется более с квасом и суслом. Ее запаривают преимущественно для наземных вязок и косьбы, приходящихся большей частью на Петров день. Про нее-то Васнецов и говорит: «и просто, и без хлопот, и лакомо»;

д) в виде супа («репница»);

е) как начинка (фарш) для пирогов;

ж) жареной, для этого внутренность репы выдалбливают из репной скорлупы, предварительно сварив ее, эту внутренность изрубают, смешивают с яйцами и маком, начинивают скорлупу и, закрыв крыжечкой из репы же, жарят, получается вкусное блюдо.

Из огородных овощей и растений в качестве лакомства служат: 17) морковь, 18) мак, 19) семена подсолнуха — лакомство, заменяющее орехи и настолько распространенное, что в 1923 году на него было выдвинуто даже гонение, — воспрещалось под угрозой штрафа грызть семечки в театрах, кино и т. п. местах во избежание засорения, для соблюдения чистоты.

Французы смеются над русским квасом, называя его «свиным лимонадом», но «что русскому здорово, то немцу смерть». Жители южных губерний смеются над вятчанами и их соседями, удивляясь, как можно лакомиться не только паренкой, печенкой, сушенкой, но, например, даже ягодами черемухи. Но, по пословице «мужицкое горло что бердо», «у мужика в брюхе и долото сварится (изгниет)».

В свою очередь деревня смеется над городом и часто не употребляет те деликатесы, которыми лакомятся в городе (например: фасоль, салат и т. п.), за редкими исключениями, и вышучивают горожан: «на брюхе шелк, а в брюхе шелк (пусто)».

В довоенное время лакомства вроде яблоков, сахар, даже конфеты были доступны и деревне, ныне они являются редкостью, и деревня, особенно дети, растут без сахара и сахаристых фруктов, необходимых для организма, пробавляясь уже одними суррогатами.

Когда-то придет времечко, что в деревне репа будет служить не лакомством, а кормом для скота, а вместо нее будут разводить яблони и другие плодовые деревья и ягодные кусты.

До такого Эдема нашему краю еще далеко, хотя южная часть губернии на пути к этому, там с успехом разводят яблоны, вишню, клубнику, «шпанскую малину» и т. п., и не только для себя, но и на продажу.

ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 327. Л. 1—15.

И. Ю. ТРУШКОВА

ОДЕЖДА

Важное место в материальной и духовной сферах народной культуры отводится традиционному костюму, под которым понимается набор предметов одежды, головные уборы, обувь и украшения.

Традиционным народный костюм называется потому, что изготовление и ношение его было в основном постоянным на протяжении веков, стало традицией. В XIX — начале XX века народную одежду в большей степени носили крестьяне, в меньшей — другие социальные слои населения.

Поскольку Вятский край сложился как многонациональный район (при значительной части русского населения), то и основных типов костюмов здесь насчитывается несколько: наряду с русскими костюмными комплексами, выделяются удмуртские, марийские и коми костюмы, характерные особенно сти народной одежды фиксируются и у татар.

Наиболее распространенным на Вятке, издавна используемым материалом для одежды был лен. Именно из него изготавливались предметы народных костюмов.

Орудия труда, используемые при обработке льна, начиная от мялки и кончая ткацким станом, были в основном деревянные, имели старинные названия, украшались архаичным, в том числе и солярным орнаментом.

Процесс обработки льна был непростым, трудоемким, им занимались женщины. Поэтому не случайно лен назван «спутником женской судьбы»¹. Посадить, прополоть, потом протеребить, промолотить, разостлать, промять, протрепать, прочесать, и только затем — прясть и ткать; таковы составляющие льнообработки. Вытканые холсты выбеливались на солнце, раскладываемые на наст. Из разноцветных, пестрых ниток ткали клетчатые и полосатые холсты — «пестряди». И только после всех этих трудов шилась одежда. Понятно, что полученную ткань использовали экономно, предпочитая выверенные веками гармоничные фасоны, допуская фантазии лишь в деталях, мелочах.

Илл. 60. Женская русская рубаха с прямыми «поликами». Конец XIX — нач. XX в.

рафан, фартук, пояс, головные уборы, обувь. Рубахи были как с прямыми «поликами» (наплечными вставками), так и с кокеткой. Кое-где отмечался и весьма старинный туникообразный крой рубах. Типичным для рубежа XIX и XX столетий был вариант с прямыми «поликами» (илл. 60). Такие рубахи кроились составными: верх (нагрудная, наспинная части и рукава) были из ткани более тонкой, нарядной, а низ (от талии) — из более темной, плотной. Спереди находился разрез, фиксировавшийся на пуговицу или завязку, низ рукавов в одних случаях собирался на манжет, в других — оформлялся оборкой и зауживался. Такие рубахи декорировались при помощи затканых полосок, узоров, вышитых композиций, кружевами. Украшаемыми деталями были полики, горловина, низки рукавов.

Другой вид рубах, носимых с сарафанами, — рубахи с кокеткой (илл. 61). Покрой их был в целом аналогичен покрою поликовых рубах, различия заключались лишь в оформлении верха: появились ворот-стойка и кокетка. Рубахи с кокеткой были распространены в северных и средневятских территориях. В Лальско-Лузской округе у таких рубах украшаются практически все детали красно-черной вышивкой крестом, цветочными «брокеровскими» рисунками.

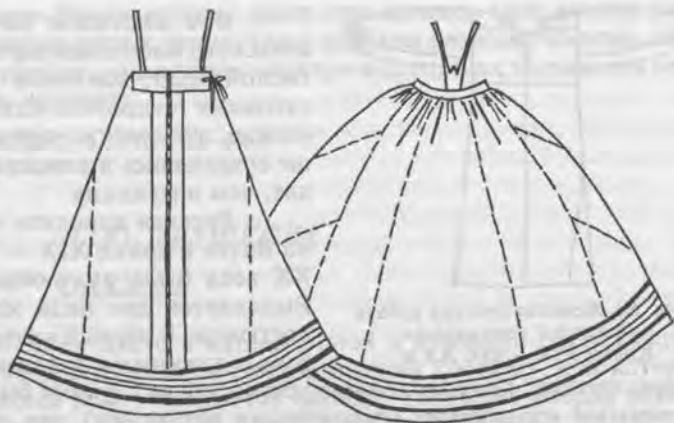
Русские сарафаны были также нескольких видов. К наиболее старинным относится косоклинный (илл. 62). Обычно эти сарафаны имеют достаточно широкие наплечные лямки, а спереди — вертикальный ряд пришитых металлических ажурных пуговиц, «гвоздичной» тесь-

Все костюмы вятского сельского населения были многослойными, состояли из нескольких предметов. Специфические, этнические черты больше сохранялись в женских одеждах, чем в мужских.

Русская народная одежда на Вятке в конце XIX — начале XX века была разнообразной². Выделяется два вида женских костюмов. В первый входила рубаха с длинными рукавами, са-

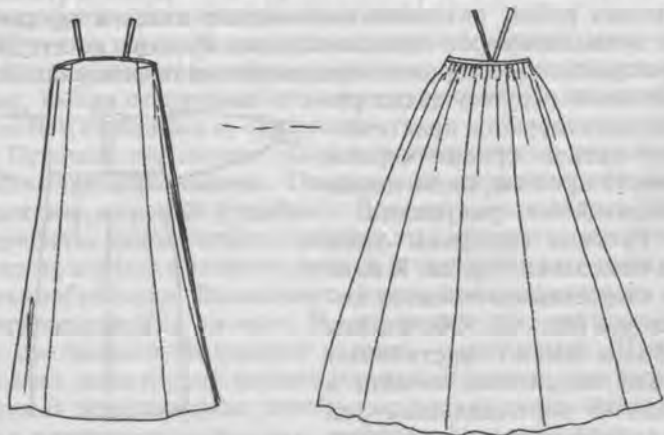

Илл. 61. Женская русская рубаха с кокеткой. Нач. XX в.

Илл. 62. Русский косоклинный сарафан. Конец XIX в.

мы и т. д. Шились они из темно-синего, крашенного краской «индиго» холста, или из дорогих покупных шерстяных и шелковых тканей. Наиболее распространенными в конце XIX — начале XX века были прямые сарафаны (илл. 63). Они кроились чаще из семи полос холста, сшиваемых цилиндром и собираемые складками сверху. Лямки в верхней части пришивались спереди — прямо, сзади — углом. В разных районах губернии отмечены разновидности прямого сарафана — со вставленными в бока от талии клиньями, с оборкой по подолу; появляется сарафан с лифом. В одних случаях верхняя часть его шьется с широкими

Илл. 63. Русский прямой сарафан. Конец XIX — нач. XX в.

ляжками и напоминает полуплатье, а в других — ляжки узкие, но везде к лифу с изнанки пришивается холщовая подоплека.

Повседневные сарафаны выглядели скромнее, а праздничные украшались нашивками красочных лент по самому подолу и его оборке, полосами вышивки на контрастном фоне. Считалось, что нарядность обеспечивается и материалом — покупным ситцем. Сарафаны у девушек и молодых женщин («молoduшек») были более украшены, чем у маленьких девочек, старушек. Во множестве названий сарафанов, как правило, отражался вид ткани, из которой он был сшит: «достальник», «полугумажник» (с применением х/б нитей), «московец» (из «московского» ситца), «синюха» (из окрашенного в синий цвет домашнего холста), «кумашник» (из кумача) и т. д.³

Обязательным в этом одежном комплексе было ношение пояса. («...без пояса — грех...»). Пояс снимали только тогда, когда гадали. Ведь он выступает как оберег от нечистой силы, поэтому при гадании, при вхождении в контакт с бесом нужно было пояса

Илл. 64. Вятские крестьяне. Конец XIX — нач. XX в.
Фото из фондов КОМК

снять. Обычно пояс носили на сарафане, либо под ним, на рубашке. Концы красивых поясов украшались кистями, бомбошками. По всей длине пояса были разноцветные полоски, геометрические узоры, надписи. Пояса завязывали так, что концы их свешивались вниз, примерно до уровня края фартука. Иногда вместо пояса использовался шнурок, веревочка («гасник»).

Почти во всех случаях женщины и девицы носили фартуки, «передники». В северо-западных и центральных уездах сохранялись женские фартуки из двух горизонтальных частей, причем нижняя часть — из холста с браным ткачеством, с зооморфными и даже антропоморфными узорами. Ниже этой полосы пришивалась оборка, а по бокам — рюшки. Известно, что в центре такие фартуки вышли из употребления раньше. В целом по губернии типичными были фартуки из двух вертикальных полос ткани, с вышитыми цветочными орнаментами по подолу и кружевом. В поздних вариантах у русских фартуков на Вятке появляются широкие лямки, перекидывающиеся через плечи на спину и фиксирующиеся у пояса.

В послереформенное время в вятской деревне стали быстрее распространяться покупные ткани, новые фасоны. В женской одежде появляется новый вид костюмов — юбка с кофтой (илл. 65.). Шьются такие костюмы с учетом городской моды, из покупных (шерсть, шелк) и домашних (льняной и «полугумажный» холст) тканей. Юбки в основном прямые, сбороенные у пояса-«обшивки», а кофты — с закрытой горловиной, воротом-«стойкой», втачным рукавом или типа «огурец». За счет наплечных складок кофты чуть расклешены книзу, на спине иногда — баска. В качестве украшений на кофты нашиваются ленты, тесьма, кружево, бисер. Интересно отметить, что праздничные, даже свадебные костюмы, изготавливались из бежево-коричневого с переливами шелка. У холщовых костюмов «парочек» (те же юбки с кофтой) украшениями были ленты по подолу, выкроенные из той же «пестряди» полоса или рюша по косой.

Илл. 65. Женщина в русской одежде.
Нач. XX в. Из фондов КОМК

Особым разнообразием отличаются головные уборы. Замужество для женщины было своеобразным жизненным рубежом, до и после которого она должна была носить разные прически и разные уборы. С непокрытой головой ходить было неприлично, «опростоволоситься» считалось «опозориться». Традиционная девичья прическа — гладко заплетенная коса — «девичья краса», а головные уборы — «лента», «повязка». Во второй половине XIX века они стали выходить из употребления. Представляли они следующее: полоска позумента на твердой основе, при надевании находящаяся надо лбом, с боков к ней пришивались ленты, завязываемые сзади. Иногда (в праздничных или ранних образцах) по нижнему краю позумента пришивалась бисерная сетка, сама повязка украшалась узорами из стекляруса, колотого жемчуга. В собрании Кировского областного краеведческого музея имеется также и девичий головной убор типа «коруна» из жемчуга.

В конце XIX — начале XX века и далее вятские девушки украшали голову аккуратно заплетенной косой, светлым, нарядным платком.

Во время свадьбы девице расплетали косу и заплетали ее на две, которые укладывали на голове кругом, «венцом». Головные уборы замужних женщин сохранялись дольше. В конце прошлого столетия их отмечалась целая серия.

Старинным головным убором считался «кокошник». Он был распространен на юге губернии примерно до середины XIX века. Лицевая часть его обшивалась позументом, деталями с вышивкой, сеткой. Другой вид головного убора — «самшура». С этим названием ассоциируются чепцы с твердой каркасной и рельефно вышитой теменной частью и шелковым очельем. С твердым очельем и позатыльной шились и «моршни». Свое название они получили из-за многочисленных складочек надо лбом. Причем полностью на твердой основе изготавливались бытовавшие ранее «моршни», в поздних образцах теменная часть делалась мягкой, а в начале XX века достаточно широко уже были распространены «моршни» полностью матерчатые, складок надо лбом у них было мало.

Своеобразную «эстафету» такой головной убор передает следующему, называемому «чехлушкой», «чехлом». Это — полусферическая шапочка, закрывающая косы на голове. Она шилась из разных тканей: холщовых, шелковых, бархатных. В качестве украшений были разноцветные вставки, вышивка, бисер. Поздние образцы такого головного убора шились из марли, вязались ажурно крючком. Именно «чехлушкам» более соответствует костюмный комплекс типа «парочка».

Почти повсеместно в конце XIX века на территории Вятской губернии распространились покупные платки и шали. Шер-

стяные и полушерстяные, шелковые, ситцевые, с кистями и без них — они считались престижнее, чем старинные холщовые платки, донашиваемые старушками. В будни надевали платочек попроще, в праздники женщины носили платки яркие («ятистые»), девочки, девушки — светлых, «палевых» тонов, старушки — потемнее («простые уж...»).

Платкам, особенно свадебным или родительским, приписывались особые свойства. В «материн плат» заворачивали плачущего младенца, чтобы он успокоился, так же, как и в рубаху. Платки считались хорошим подарком.

Из обуви кроме лаптей использовались и специфические «бродни», ботинки со шнуровкой и на наборном каблуке сапоги, зимой — валенки.

Зимняя одежда — шубы, тулупы, полушубки; на голове теплые шали, платки, иногда по несколько сразу, вязаные чулки, рукавицы. Кроме того, под сарафан или юбку дополнительно надевали несколько нижних юбок.

Мужская одежда русского населения была менее выразительна, нежели женская, и не сохранила столько локальных особенностей. Отчасти это можно объяснить тем, что вятские крестьяне занимались промыслами, в том числе отхожими, уходили на заработки в другие местности, в города, поэтому традиционное многообразие в мужской одежде теряется, больше используется городских, унифицированных элементов в костюме.

Основу мужского костюма составляли рубаха и штаны («порты»). Будничные рубахи были домотканые, в характерную мелкую красно-белую клетку, а праздничные — из покупных однотонных тканей. В покрое повседневных рубах обнаруживались и старинные черты кроя, в частности — прямой рукав. У праздничных рубах рукав модный — втачной. Различным было и оформление ворота. У рубах-косовороток разрез на груди располагался как прямо, так и наискосок; иногда рядом пришивался маленький карман. В начале XX века распространились и отложные воротники. Ворот, рукава и подол у мужских рубах украшался вышивкой. Рубахи носили навывпуск, подпоясывая тканым поясом или «ремнем»⁴.

Штаны шились по традиции («порты»), и по-новому, «побрючному» (собственно штаны). Ткань использовалась покупная и домашний холст синего цвета в узкую белую полоску.

Жилеты в начале XX века донашивали лишь старики, распространялись костюмы с «пиджаками» (со «спиджаками»).

Прически у мужчин: «в кружок» — обычная и модные, молодежные для начала XX века — «под польку», «под ежа», «косой ряд». Обычай бриться был распространен только у моло-

дых парней. Бороду носили все мужчины, кроме молодежи. Особенно этого обычая придерживались в старообрядческой среде⁵.

Типичными головными уборами были шапки, картузы, начинали распространяться «ушанки».

Верхняя одежда шилась из холста, сукна, овчины. Многочисленные полушубки, кафтаны, тулупы, азямы, армяки отличались как используемым материалом, так и деталями покроя, особенностями в применении.

Мужская обувь представляется прежде всего лаптями, «броднями», валенками, причем валенки мужское население в отличие от женского использовали и летом («...в вальнях мякко...»). Сапоги считались нарядной обувью, их берегли, и порой одной пары сапог хватало на полжизни. Высшим шиком у вятской молодежи на рубеже столетий были галоши, надетые на ботинки и т. д. Молодые франты щеголяли в них даже в сухую погоду⁶.

В целом русская одежда составляет определенные костюмные комплексы, бытовавшие в разных частях региона. Все вышперечисленные элементы костюма в разных сочетаниях покроя, декора, их локальные названия, манера носить определяют состав этих комплексов. В таком локальном одежном многообразии отражаются моменты этнической истории, а именно особенности освоения русскими региона, также хозяйственная специфика, представления и обычаи крестьян.

Другой яркий массив представляет традиционная одежда финно-угорского населения Вятской губернии, а именно тех групп удмуртов, марийцев и коми, которые издревле жили на территории Вятской земли. Финно-угорская одежда также отличается локальным разнообразием, множественностью элементов, составляющих народный костюм, вариативностью видов декора и т. д.

Одежда удмуртов была неодинакова в разных частях губернии, но везде основой женского удмуртского костюма была туникообразная рубаха-платье «дэрем». На территории Слободского, Глазовского уездов она выполнялась из отбеленного льняного холста, с прямым длинным рукавом, вышивкой по подолу, рукавам⁷. На подол пришивали и кумачовые полосы, а нарукавная вышивка представлена шестигранными композициями (на девичьих, женских рубахах) и продольными полосами (на женских). Нагрудный разрез девичьих рубах оформлялся подтреугольной аппликативной композицией, а на женской рубахе закрывался прямоугольным нагрудником «кабачи». В южных уездах удмуртские женские рубахи-платья шились из красноватых пестрядей, рукав был как прямой, так и втачной. Низ рубах украшался оборками, нашивками лент.

Илл. 66. Удмурты в национальной одежде.
Из фондов КОМК

С рубахой-платьем полагалось носить фартук «айшет», «ашшет». Выделяются фартуки с грудкой и без нее. Как правило, удмуртские фартуки двусторонние. У них в равной степени аккуратно оформлены и лицевая, и изнаночная стороны. Украшают эти предметы пестрые, контрастные нашивки из ситца, тесьмы, лент, кружева по подолу. Завязки обычно заканчиваются кисточками из кусков материи.

Важной частью удмуртского женского костюма в некоторых вятских районах являлся халат «шортдэрем», «шоттдэрем». В Слободском уезде он был как рубаха — белым, прямым, но с короткими ложными рукавами. В наплечной части и по подолу украшен красным. На юге Слободского и в западной части Глазовского уезда красных нашивок на халате было больше, ложный рукав чуть длиннее. Интересно отметить, что на юго-востоке губернии хотя и не бытовали халаты повсеместно, в конце XIX — начале XX века, музейные подлинники демонстрируют существование, возможно в более раннее время, весьма архаичных образцов, с длинными ложными рукавами, частыми сборками от талии на спинке и нашивками широкой домашней тесьмы красного цвета по швам.

Особый интерес представляют удмуртские женские головные уборы. Девичьи шапочки «такъя» — в основном красные, с

рядами монет, бусин, тесьмы спереди. Свадебные покрывала были из крашеного в синий цвет холста, с аппликативными квадратами и треугольниками по всему полотнищу и кистями по краям. В более поздние времена в качестве таких покрывал использовались и покупные платки. Женские головные полотенца в северных районах назывались «весьяккышет», а в южных — «чалма». Концы их украшались полосами ткачества, вышивкой, бахромой из кусочков материи. К сравнительно поздним головным уборам относятся покупные платки, которые носились и по одному, и, в некоторых случаях — по два.

Отмечены воспоминания и о весьма старом головном уборе удмурток, даже еще с берестяной основой и множеством старинных монет — айшоне, исследователями зафиксированы и данные об интересной прическе со специфически уложенными при помощи нитки тонкими прядями волос на лбу.

Сохраняющиеся в музейных собраниях области удмуртские пояса (кроме пояса жреца), как правило, не имеют четко выраженной национальной специфики и сходны (иногда — почти полностью) с русскими. Это может объясняться тем, что удмуртское население, как и другое, втягивалось в товарно-денежные отношения и приобретало пояса на ярмарках, торжках, ведь изготовление поясов превратилось в Вятке в один из многочисленных промыслов.

Зато удмуртские лапти имеют особые черты. Они остроносы, на личике представлено как прямое, так и косое плетение. Оборы к лаптям делались из пестрых шерстяных и других ниток.

В различных уездах губернии удмуртский женский костюм различался не только по набору и виду входящих в него предметов, но и по манере подпоясываться. Например, у косинских удмуртов фартук повязывали так, что на одежде получался напуск.

Довольно много до наших дней сохранилось удмуртских традиционных украшений. Кроме колец, серег, браслетов, бус носили еще и нагрудные украшения из монет, полудрагоценных камней, бусин, подвесок-оберегов. Украшения передавались по наследству: от бабушки к матери, потом к дочери и дальше. Подновлялись лишь при необходимости. Вот почему в них есть и архаичные черты — не только нагрудная, но и наспинная части, родовые амулеты (талисманы).

Мужской удмуртский костюм во многом был сходен с русским: та же рубаша из мелко клетчатых красноватых холстов, те же синие в белую узкую полоску штаны. Но ремень у талии со многими приспособлениями для топора, ножа, а также сплетенные специфично лапти придавали мужскому костюму на-

циональный колорит. В некоторых территориях (Унинская округа) бытовали и другие рубахи — из белого холста основное полотнище рубахи, а рукава белые же, но с узкими красными вытканными поперечными полосками.

Верхняя одежда удмуртов состояла из шуб, кафтанов, камзолов и т. д. В удмуртских костюмах отражено деление на северную и южную этнические группы, различная степень сохранения традиций, хозяйственные связи⁴.

Традиционная одежда вятских марицев, по сравнению с костюмами других групп мари, имела как сходства, так и отличия. Как всякий народный костюм, она была многослойна, многопредметна; у нее отмечается достаточно много локальных названий.

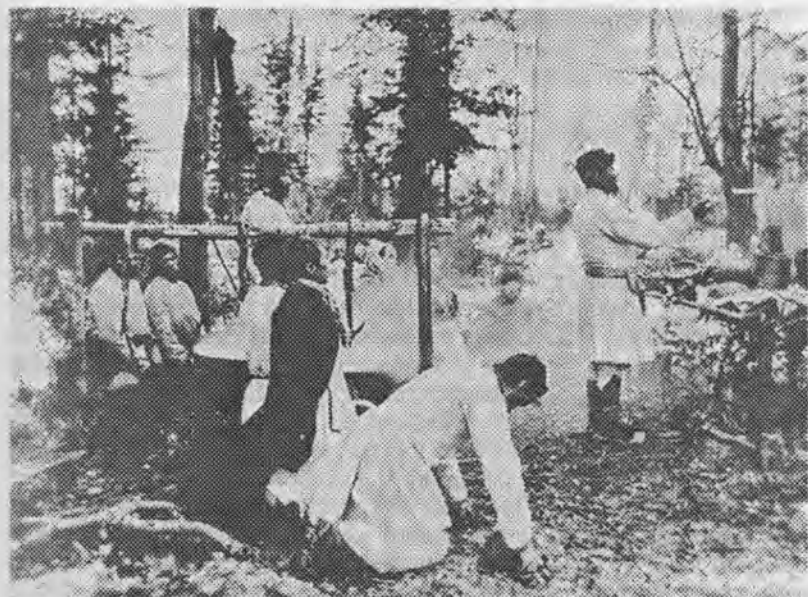
Марицкий женский костюм состоял из рубахи-платья, халата, фартука, пояса, двух головных уборов, нескольких нагрудных украшений, лаптей, портянок и обмоток⁵.

Женские рубахи-платья («тувыр», «тубыр», «тогор») шились из льняного, а нередко и из конопляного холстов; лишь в первой половине XX столетия стали появляться «коленкоровые» платья. Хотя их покрой был в основном туникообразным, в западной и юго-западной частях губернии рубахи были прямого, свободного силуэта, а на юго-востоке — приталенные, со вставленными на спинке от талии клиньями. Рубахи украшались вышивкой: у нагрудного разреза («мель»), на плечах, на спине, по низу рукавов, по подолу. Встречаются примеры орнаментирования рубахи у продольных швов и по всей длине рукава. Вышивка дополнялась нашивками ярких полос ткани, лент, тесьмы, кружева, маленьких жестяных бляшек, бисера.

Поверх рубахи надевали халат («шовыр», «шобыр», «шобр»). Он повторял крой рубахи, но был короче настолько, чтобы вышивка подола была видна из-под халата. Края полочек халата украшались в нагрудной части вышивкой и по всей длине — красной обшивкой. В наплечной части и на талии иногда, кроме прочих украшений, пришивались и кисточки из ниток с бисеринками. Когда-то узоры различались географически. В наши дни старушки вспоминают, что во время их детства по вышивке можно было узнать, из какой округи девушка или женщина.

В состав костюмных комплексов входил иногда фартук; с грудкой, или без нее, лямками, из покупных тканей — более поздний, без грудки, холщовый, с декорированным подолом — старинный.

Обязателен был пояс, а в некоторых случаях — и два. Первый — широкий, красный, типа кушака. На него надевали другой, тоненький, с кисточками по всей длине, которые должны были свешиваться вниз.

Илл. 67. Марийцы на молении. Конец XIX в. Из фондов КОМК

Илл. 68. Марийцы. Конец XIX в. Из фондов КОМК

Много вариантов наблюдается в головных уборах. Прежде всего выделяются девичьи и женские. Наиболее интересный из девичьих — «уп оно» — бисерная сетка на лбу. Ее дополняет подвеска из бисера вдоль лица, на краях которой пришиты крашенные заячьи хвостики, круглые украшения и петельки для подвешивания к ушам.

Женские головные уборы делятся по виду и по названию. Это «сорока» и «шымакш». «Сорока» была распространена в юго-западных районах, в центре и на востоке южного вятского пограничья — «шымакш», причем именно в центре его называли шымакшем, а начиная с Уржумского уезда и восточнее — «тюрик» и «калпак». У всех этих головных уборов разная форма. «Сорока» представляет собой своеобразный чепец, шапочку с прямоугольным очельем, прикрепленными к нему боковыми крыльями-завязками, а сзади — позатыльной. Края всех деталей обшиты красным. Эти красные канты дополнялись вышивкой, у висков пришивались маленькие яркие бомбошки.

«Шымакш» или «тюрик» представляет собой прямоугольную полоску холста, один конец которого зашит наугол. Вышивкой данные головные уборы украшались по-особому. Верхний край, мысик, и прямой конец, позатылья, кроме более плотной вышивки имели и нашивки бляшек, монет, бисера, бусин, кисточек. Середина декорировалась в основном только вышивкой. Варианты оформления и способы ношения «шымакшей» или «тюриков» были различными.

Девушки и женщины носили также и холщовые белые косынки с традиционным оформлением «пыллашовыч» и платки «солык» холщовые и покупные. Платки надевали поверх «сороки» и «шымакша».

В марийской вышивке наблюдаются старинные виды техники вышивания: «косой стежок», «роспись». Они более характерны в XIX веке. С начала XX века распространяется вышивание «крестиком», а со второй половины XX века — «гладью». Орнаменты растительно-геометрические.

Поражают разнообразием форм нагрудные украшения типа «аршаш», состоящие из нескольких деталей — подвесок из монет, раковин «каури» и т. д. Древние очертания наблюдаются и у нагрудной застежки — фибулы «шыркамы».

Марийские лапти отличаются своей формой. Личико у них тупое, «в три лычки» — у женских и «в четыре» — у мужских. Оборы лыковые, длинные. Вместе с белыми портянками используются и черные суконные обмотки, внешний край их украшался.

Мужские рубахи «тувыр» по покрою напоминали женские, но были короче. Их отличительной особенностью были со-

единяющиеся друг другом зигзагообразные полоски мелкой вышивки на плечах, на груди и на спине. Дольше, чем у других групп вятского населения, у марийцев сохранялись белые холщовые мужские штаны.

К разряду демисезонных относятся суконные черные кафтаны «мыжерь», зимой носили шубы «курюк».

Марийскому населению характерно длительное бытование и предпочтение белой традиционной одежды. Это можно объяснить стремлением сохранить свои этнические особенности.

Народные костюмы коми на территории современной Кировской области представлены сарафанными комплексами, сходными с русскими, ввиду длительного исторического контактирования двух народов.

В округе Афанасьево (Зюздинский край) был распространен сарафанный комплекс, включающий рубаху с прямыми поликами или кокеткой, прямой сарафан¹⁰. На севере Орловского уезда встречаются рубахи с косыми поликами, а также прямые и косоклинные сарафаны. Везде обязательны были пояса («взнь» и др.). Их ткали из разных по цвету ниток, с геометрическими композициями, с «коньковыми» и «солярными» знаками, на концах были пышные кисти.

Фартуки были похожи на русские: без грудки, с украшениями вышивкой и кружевом по подолу.

Головные уборы различались: в Зюздинском крае была распространена «самшура», а на севере Орловского уезда — убор типа «сороки». При этом самшура шилась из красных материй и напоминала русский средневятский «моршень».

Чулки изготавливались узорными, как и пояса. Вместе с варежками и т. д., эти предметы подчеркивали в коми костюме национальную специфику. Чулки вывязывались из домашней шерсти, с пестрыми полосками и геометрическими узорами.

Мужской костюм коми (рубаха, штаны) был также сходен с русским. Отличия заключались в поясах, чулках, причем мужские чулки вывязывались более пестрыми, чем женские. Особой деталью костюма был и «лаз» — своеобразный суконный или кожаный жилет, удобный на охоте. У него были потайные карманы спереди и сзади, на талии он фиксировался ремешками.

Лапти коми напоминали русские: то же плетение, скошенное с внешнего угла личико. Но к лаптям у коми пришивались еще и черные опушки.

Верхняя одежда включала зимние шубы «пась», межсезонные «бекеши» и т. д.

Основу женского татарского традиционного костюма на территории современной Кировской области составляло свободное длинное платье «кульмэк»¹¹. Как правило, оно шилось из

покупных тканей, так как из-за малоземелья татары больше занимались торговлей, ходили на отхожие промыслы.

На платье надевался нагрудник «изю» полуovalной формы из лент, позумента. В праздничном варианте на изю крепились броши, кроме того, на платье надевался и жилет «камзол», края которого обшивались позументом. Полы камзола крепили под грудью фигурной металлической застежкой. В одежду татар рано проникают городские моды (илл. 69).

Головные уборы женщин — «калфаки», шились преимущественно из бархата, наиболее старые варианты были длинными, зачастую вязались из синели. Калфаки декорировались объемной цветочной вышивкой из металлических нитей и бисера, жемчуга. Дети носили тюбетэи. Девушки и женщины покрывали голову платками, шалями, которые носили «на кромку», то есть двумя соседними углами их завязывали спереди. Шали ценились, их привозили с ярмарок, из Казани, других торговых городов, даже из поездок в другие страны. Некоторые татары совершали хадж (паломничество) в Мекку, на Аравийский полуостров.

Обувь — кожаные сапоги однотонные или с аппликацией «ичиги», «четэк», а также лапти, позже появляются резиновые галоши.

Многочисленны женские татарские традиционные украшения. Прежде всего это ажурные металлические нагосники «чулпы» с полудрагоценными камнями, нагрудная перевязь «хаситэ», браслеты, броши, кольца, серьги, бусы. Украшения изготавливали обычно ремесленники, придерживаясь старинных традиций.

Мужской костюм состоял из длинной рубахи с глухим воротом, жилета, штанов. На голове носили «тюбетэй», а на ногах сапоги из качественных кож или лапти.

Илл. 69. Каринские татары. Нач. XX в.
Из фондов КОМК

Летней верхней одеждой у уважаемых пожилых людей служил халат наподобие среднеазиатского. Зимой носили шубы и тулупы.

В пределах современной Кировской области живут также представители других народов, «столыпинские» и другие переселенцы: эстонцы, белорусы, немцы. Но одежда их не демонстрирует яркой этнической специфики.

В целом народные костюмы различных этнических групп вятского населения были пестры и разнообразны, как многоцветные вятские луга, вышивки на одежде спокойны и чуть загадочны, как вятские леса и реки, одежда вятских крестьян гармонична, как вятские народные песни и каждый костюм представляет собой воистину жемчужину, драгоценный камень в этнокультурной сокровищнице современных вятчан.

Илл. 70. Средневятский русский праздничный женский костюм. Нач. XX в. Из фондов КОМК

Илл. 71. Костюмы зюздинских коми. Конец XIX — нач. XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1982. С. 59.

² Здесь и далее материалы научного Архива Кировского областного краеведческого музея (НА КОКМ), материалы фондов Кировского, Лальского, Котельничского, Кайского и др. музеев.

³ Матвеева Е. В. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда, летом 1925 года // Труды Вятского музея. Вятка, 1927. С. 56.

⁴ Матвеева Е. В. Указ. соч. С. 54.

⁵ Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX века) // ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. LVII, 1960. С. 121.

⁶ Матвеева Е. В. Указ. соч. С. 55.

⁷ Здесь и далее материалы НА КОКМ, фондов Кировского, Слободского, Зуевского, Унинского и др. музеев.

⁸ Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 125, 132.

⁹ Здесь и далее фонды Кировского, Яранского, Кикнурского, Тужинского, Санчурского, Советского, Уржумского, Малмыжского, Вятскополянского, Кильмезского музеев.

¹⁰ Здесь и далее фонды Кировского, Афанасьевского музеев, материалы НА КОКМ.

¹¹ Фонды Кировского и Слободского музеев.

Из материалов этнографической экспедиции 1925 года в Куменскую волость Вятского уезда

На средства, полученные от Отдела Музеев Главнауки, Вятским государственным музеем была организована летом 1925 года этнографическая экспедиция в Куменскую волость Вятского уезда. Экспедиция имела целью в первую очередь собирание предметов материальной культуры старой деревни, для устройства в музее уголка, иллюстрирующего быт вятского великоруса в естественной обстановке (изба)...

...Принимая во внимание, что имеющиеся в печати сведения о вятском великорусе чрезвычайно скудны, опубликование собранного экспедицией этнографического материала представляется нелишним.

...Будничная одежда, как мужская, так и женская, по преимуществу домотканая, в то время, как праздничная одежда, по требованиям моды, шьется из покупной мануфактуры.

Мужская одежда. Рубаха. Будничная рубаха портяная или из достали (домотканина из льняных и покупных бумажных ниток), обычно с рисунком в мелкую клетку (красную с белой, или красную с желтой, или красную с синей). Рубахи стариков чаще синие с белыми узкими полосами. Подол рубахи выпускается поверх штанов. Прорез у ворота на левом боку, хотя рубаха старика из д. Кочеряги имеет прорез на правой стороне.

Штаны. Верхние штаны будничные — портяные или из кежи (домотканина, похожая по рисунку на фабричный тик), «полосушные» (синие с белыми и темно-голубыми полосами); иногда холст окрашивается в черный цвет. Кроме холста употребляется домотканое черное сукно. Покрой двух видов: 1) обыч-

ный городской, «по-брючному», но без клиньев, очень узкий, и 2) более старый — из 4-х кусков. Этот второй покроем в соседней Филипповской волости носит название татарского.

Головные уборы. В летнее время старики носят катаные из шерсти, выкрашенные в темно-коричневый цвет шляпы с полями, загнутыми вверх или опущенными. У мужчин средних лет такие же шляпы или, чаще, фуражки. Последние носят молодежь в будни. Изредка встречается широкополая соломенная шляпа. Праздничным головным убором, особенно модным и распространенным летом прошлого 1925 г., была белая фуражка с черным околышем и кепи. Зимой, как старики, так и молодые, носят ушанку.

Сарафан носят все старухи, а в будни большинство женщин. У девушек есть сарафаны, но их носят как юбки. Существуют два названия сарафана — москонец и сарафан. Обычно объясняют, что москонец наряднее или из ситца, сарафан же проще и портяной. Сарафан делают из портяной ткани, из достали, особенно же нарядным считается ситцевый. Сарафаны из достали имеют очень яркую, но красивую комбинацию синего, темно-голубого, зеленого, желтого, красного и белого цветов; преобладающим же является красный цвет. В 1918—1920 годах, когда не было красок, пряжу красили корьем в коричневый цвет. Рисунок чаще встречается в крупную клетку, причем клетка обычно не квадратная, а растянутая в ширину. Реже рисунок с поперечными полосами.

Сарафан из одноцветного синего или темно-голубого холста (синюха) лет 30—40 тому назад был распространен очень широко. Набивники (сарафаны из набойки) еще встречаются в сундуках старух в ю.-западной части волости (дд. Угрюм, Б. Оглашенники, Вшивцевы), но их уже нет в с.-восточной части, где лоскутья набойки встречаются только на подшивках. «Мистринники» или «люстринники» — сарафаны из цветистого полшерстяного, полшелкового материала, с яркими атласными полосами и цветами, надеваются старухами в большие праздники. По способу тканья выделяется еще сарафан «кустовик» (д. Хохряки): ткань из красной достали с узкими белыми и черными скрещенными полосками, с разбросанными «кустами» (в форме бабочек) ярких цветов: зеленого, яично-желтого, белого, темно-голубого.

Обычная будничная одежда девиц — портяная, широкая, в сборку, юбка и портяная же «простая, балахончиком» (не в талию) кофта с прямыми рукавами, расшитая чем-либо на груди. Такую кофту носят женщины и девушки поверх сарафана. Кофта такого же фасона, но из ситца, составляет часто и праздничный наряд. Летом 1925 г. модным праздничным нарядом у девиц

была кофта с напуском и матросским воротником. У женского населения очень сильно стремление к городскому костюму; в праздники красивый, ловко сидящий сарафан встретить нельзя, — он заменяется платьем с большими претензиями на моду, но очень уродующим стройную фигуру.

В Троицын день девушки еще до сих пор в церковь надевают белые шерстяные перчатки, расшитые елочкой по наружной стороне красными, желтыми, голубыми нитками.

На ногах летом носят башмаки на высоких «клобуках» или сандалии; в будни ходят босиком или в лаптях с онучами. Зимой носят «суконные» (шерстяные) чулки и валенки.

Т. К. НИКОЛАЕВА

**НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕРВУХИН
(1850—1889)**

В самом конце 1889 года в Глазове умер инспектор народных училищ Глазовского уезда Н. Г. Первухин. «Вятские губернские ведомости» напечатали не только некролог, большой и прочувствованный, но еще и заметку об умершем. Вероятно, он был хорошим учителем, хорошим начальником. Но не это привлекало внимание к этому еще совсем не старому человеку (он умер в возрасте 39 лет). Современники ценили Первухина как замечательного краеведа и этнографа, признанного не только в Вятке, но и в российских ученых кругах. Собственно фольклором он не занимался, не собирал, не записывал и не публиковал. Только две работы: «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» и «Следы языческой древности в образцах произведений народной поэзии вотяков» включали в себя непосредственно фольклорные тексты. Однако и другими работами, посвященными этнографии и археологии, сегодняшние фольклористы пользуются очень широко, ибо нельзя понять бытование фольклорных текстов в прошлом, не прибегая к помощи этнографов, краеведов, историков, поэтому и Н. Г. Первухин по праву должен занять место в списке вятских этнографов и фольклористов.

Многого об этом человеке мы не знаем. Поэтому приводим некролог, опубликованный в ВГВ 3 января 1890 года.

«В ночь на 22-е декабря в Глазове, после продолжительной болезни, скончался инспектор народных училищ Н. Г. Первухин, известный деятель по изучению местного края. Покойный происходил из духовного звания, воспитывался в Тверской духовной семинарии и в Московской духовной академии;

после окончания курса год пробыл преподавателем педагогики, географии и истории в учительской семинарии с. Нового Моложского уезда Ярославской губ. (1872) и год же учителем русского языка в Тверской гимназии (1873); затем, пробыв год при главном управлении военно-учебных заведений на практических занятиях, состоял в течение двух лет (1875—77) учителем истории в Нижегородской Аракчеевской военной гимназии, занимаясь одновременно также в Нижегородском Мариинском институте, где взял на себя уроки истории и педагогики и оставался преподавателем до 1884 г.; с 1885 г. состоял инспектором народных училищ Глазовского уезда.

Не касаясь служебной деятельности покойного, которая остается для нас неизвестною, не можем не выразить самого искреннего и глубокого сожаления о том, что в лице Н. Г. Первухина Вятский край лишился выдающегося исследователя, давшего в самое короткое время весьма ценные труды. Попав в Глазов, Николай Григорьевич очень заинтересовался местными инородцами, вотяками, сохранившими в значительной чистоте старинный быт и нравы, а вскоре, ввиду близости Ярославского археологического съезда, и местными древностями. Своеобразие предметов изучения, любопытные открытия, которые ему посчастливилось сделать, почти с первых же шагов исследований, так увлекли Николая Григорьевича, что он совершенно погрузился в свои изыскания и в непродолжительное время собрал массу материала, частью в настоящее время уже обработанного и напечатанного, частью остающегося в рукописи, частью еще не тронутого. «Еще с весны 1885 года, — говорил месяц назад в одной своей записке Н. Г., с первого года своей службы в Вятской губернии, я заинтересовался оригинальными особенностями быта и местности того уезда, где мне пришлось служить (Глазовского), три инородческих племени которого: пермяки, бесермяне и особенно вотяки сохранили у себя до сего времени не только предания и обычаи глубокой старины, но и памятники жизни древнейших обитателей этой страны, чуди и болгар. Пассивно относиться к предмету, меня интересующему, я не могу, и потому скоро перешел к активным наблюдениям, расспросам и справкам, и мои исследования с самого 1885 года направлены были по двум путям.

С одной стороны, они были направлены на изыскания разных остатков древнего язычества в суевериях и обрядах инородцев (прежде всего вотяков), и результатом этих исследований явились мои «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда», из которых три напечатаны в «Вятских губернских ведомостях», а два — в Вятском календаре.

С другой стороны, я начал собирать древние вещи...»

Здесь прервем чтение некролога. Дальше автор подробно пишет об археологических находках Первухина. «Очерк кладовищ Глазовского уезда» (1890) сразу же получил признание — за этот довольно обширный очерк Николай Григорьевич стал членом-корреспондентом Московского археологического общества. На Ярославский археологический съезд он представил осенью 1886 г. коллекцию вещей, которая была высоко оценена специалистами. В конце 1888 и начале 1889 г. составлена и отправлена в Московское археологическое общество подробная карта уезда, на которую он нанес все известные городища, места старых поселений и могильники. И написал уже более тщательно «Опыт археологического исследования Глазовского уезда. Часть 1. Городища». И была готова уже, переписывалась новая работа «По следам чуди. Дневник археологической экспедиции, совершенной летом 1889 г. на верховья Камы и ее притоки». Кроме того Первухин вчерне приготовил обширный «Русско-вотский словарь Глазовского разговорного наречия».

И снова вчитаемся в некролог. В нем не только сухие биографические сведения. «Изумительная быстрота и сосредоточенность, с какою работал Н. Г. Первухин, объясняется прежде всего его несомненной талантливостью и способностью обобщения, а также его увлечением своею темою и умением привлечь к своему труду лиц, хорошо знающих местный край...»

То, что он ездил с инспекциями по уезду, ему очень помогало — много было полезных контактов. Но ведь раньше он археологией и этнографией не занимался. И очень быстрое овладение новыми знаниями и навыками тоже свидетельствуют о таланте и трудолюбии.

«Все труды Николая Григорьевича вполне самобытны; он избег этой мелкой, кропотливой разработки темы путем нанизывания факта на факт, этой безличной мозаичности в ученых работах немецкого типа, а создавал целое по личным наблюдениям и впечатлениям, рисовал смелыми взмахами цельную органическую картину. Каждая написанная Николаем Григорьевичем строка свежа, оригинальна и самостоятельна. Смерть настигла покойного еще в цвете лет среди деятельных сборов на предстоящий в Москве VIII археологический съезд, где он надеялся в качестве представителя Вятского губернского статистического комитета и Казанского общества археологии и истории, лично продемонстрировать собранную им большую коллекцию чудских чепецких древностей».

Назовем еще несколько работ, опубликованных Первухиным в Вятке: «Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях» (ВГВ, 1888); «Идоложертвенный ритуал древних вотяков» (ВГВ, 1888); «Следы языческой древности в суче-

верных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы» (ВГВ, 1889); «Следы языческой древности в образцах произведений народной поэзии вотяков» (ПКВГ, 1889).

Е. В. БЕРЕЗИН

ПЛАВСРЕДСТВА ВЯТСКОГО КРАЯ

Мы никогда не узнаем имени человека, открывшего удобный водный путь. Навсегда останутся безыменными и мастера, соорудившие первые средства передвижения по воде.

Зато известна особая привязанность жителей Вятского края к воде и удивительная способность пользоваться реками в своих интересах.

Выбор мест для строительства вятских городов у воды, с открытыми подходами со стороны рек указывает на постоянное использование водных путей для сообщения с соседями и на случай отступления под натиском врагов.

С древности органично вписываются в пейзаж населенных пунктов снующие по воде или оставленные для обсушки на песчаных приплесках разнообразные плавсредства.

Возможно, у представителей древних племен, заселивших берега реки Вятки и ее притоков, мысль о создании средств передвижения по воде возникла при виде ствола дерева, плывущего по реке, на которое, купаясь, взбирались люди.

По мнению историка речного судоходства И. А. Шубина, это был первый робкий шаг к идее создания транспортного средства. Вторым шагом он считает усвоение опыта, добытого эмпирическим путем, когда наш далекий предок понял, что два сцепившихся своими ветвями дерева устойчивее на воде, чем одно и удобнее для размещения на них людей и поклажи¹.

Так была реализована идея первого плота.

«Первые плоты, — писал И. А. Шубин, — были самого примитивного свойства и представляли из себя ни что иное, как два-три дерева, искусственно связанные их же собственными ветвями. Такое сооружение не требовало особой изобретательности и широко практиковалось всеми первобытными народами, додумывавшимися до него в большинстве случаев самостоятельно, без заимствования друг у друга»².

В глубокой древности появились и первые средства управления плотом в виде палок, шестов и гребков, которыми толкали плот в нужном направлении.

Со временем на смену однорядным плотам пришли двух- и многорядные, в которых бревна укладывали и скрепляли в несколько слоев.

Столь значительные по размерам и весу сооружения, в отличие от своих собратьев, составленных из нескольких деревьев, потеряли способность двигаться против течения.

«Бревна сплавляются в сбитых плотах или звеньях, — пояснял один из знатоков сплава в 1857 году, — а дрова в оплотниках или обрубках. В каждом плоте по 25 бревен в однорядку, а в срубе до 6 и более сажен трехполенных дров. Плоты сплачиваются березовыми, еловыми и черемуховыми вицами, а обрубы делаются из жердевника. Плотом, состоящим из четырех звеньев, управляют два или три работника, а обрубом или оплотником двое или четверо»³.

В плотах доставляли лес в ближние вятские города — Слободской, Вятку, Орлов, Котельнич, а также дальние, волжские — Симбирск, Самару, Саратов.

Отправляясь в дальний путь со скоростью течения, плотоводы сооружали для защиты от непогоды шалаш или избушку, около которых насыпали землю, где разводили огонь для приготовления пищи⁴. Способы скрепления бревен друг с другом постоянно совершенствовались и видоизменялись, росли и размеры плотов. Однако все вносимые усовершенствования не смогли устранить существенный недостаток плота — набухание древесины, что увеличивало осадку сооружения и затрудняло прохождение его через перекаты.

Плоты использовали и для доставки различных грузов. В годы Великой Отечественной войны на них возили драгоценное зерно из колхозов на ссыпные пункты. Самой сложной задачей для плотоводов, а ими в военное лихолетье чаще всего оказывались подростки и женщины, становилось причаливание сооружения к берегу в нужном месте.

Для этого использовали так называемый «пахарь» — еловый заточенный кол с привязанной в нижней части веревкой. Один из плотогонов высаживался на песчаную косу, втыкал в нее кол и потихоньку начинал «пахать» берег, постепенно заглубляя кол и принуждая плот остановиться⁵.

Способ этот надежностью не отличался. Случалось, как подметил еще Д. К. Зеленин, что тяжелый плот утягивал за собою не только кол-«пахарь», но и «рабочего, им орудовавшего».

С середины 1930-х годов на Вятке отказались от движения плотов самосплавом и перешли на буксировку потокараванов пароходами, что потребовало увеличения прочности крепления бревен.

Размеры плотов продолжали расти и к середине 1950-х годов на Верхней Вятке достигли объема 7—8 тысяч кубометров. Такое сооружение вытягивалось в ленту из древесных стволов длиной до 360 и шириной до 42 метров.

Не стареет плот. Благодаря простоте изготовления, достаточной устойчивости в воде и грузоподъемности он используется до настоящего времени.

В книге «Былое и думы», давая красочное описание праздника проводов иконы Николая Чудотворца на р. Великую, А. И. Герцен среди «всякого рода лодок», которые «пестро двигаются за плывущим образом», называет комягу.

«Комяга, — поясняет Д. К. Зеленин, — представляет собою небольшой плот из двух выдолбленных древесных стволов. Каждый из этих стволов — грубо обработанное корыто, такое, из которых кормят скот»⁶.

Под другим названием это средство передвижения по воде использовалось и позже. Свидетельство тому — опубликованное в «Кировской правде» фото необычного суденышка, сделанное в конце 1940-х годов⁷. Коротень — так названо изображенное на нем плавсредство, сооруженное из скрепленных вместе двух деревянных корыт.

Такие суда известны с глубокой древности, причем чаще в названии вместо «О» во втором слого употребляли «Ы».

Создатели корытены не предполагали, что изобрели первый катамаран, сочетавший легкость и резвость долбленной лодки-однодеревки с такой же устойчивостью к опрокидыванию как у более тяжелого плота.

Интересна поза гребца, который восседал на доске, положенной поперек долбленных корыт, а ноги его размещались в каждом из них.

Корытеном можно было управлять стоя, отталкиваясь шестом от дна реки, и довольно быстро двигаться как по течению, так и против него.

Родившаяся в глубокой древности конструкция речного катамарана продемонстрировала не только удивительное долголетие, но и получила дальнейшее развитие.

Однажды Н. И. Третников⁸ показал в углу дореволюционной открытки с изображением парохода «Товарищ» незамеченное ранее двухкорпусное переправочное средство, находившееся на котором люди вращали установленное между корпусами гребное колесо. Такой катамаран эксплуатировался на перевозе в г. Вятке.

Большие лодки, из которых он составлялся, именовали расшивами и чаще использовали поодиночке, причем расшива исправно курсировала от одного берега к другому даже тогда, когда по Вятке шла шуга и плыли льдины, а все другие средства переправы бездействовали.

Напоминал увеличенный в размерах корытень и паром горперевоза в областном центре, на помосте которого размеща-

лись несколько повозок с лошадьми или автомашин и десятки людей. Водил его на буксире памятный многим кировчанам парходик «Митя» («Кадровик»).

Конструкцию катамарана имели карчеподъемницы — суда, используемые для извлечения со дна реки деревьев-топляков (их называли карчами), потерянных якорей и прочих предметов, опасных для судоходства.

Идеи, заложенные в конструкцию таких, на первый взгляд, разных средств передвижения по воде как плот, корытень и паром, по мнению Д. К. Зеленина, объединяет «сочетание двух или нескольких плавучих объектов»⁹.

Вполне возможно, что эволюция конструкции самобытных средств передвижения по воде, изобретенных в древности, приведет в будущем к созданию новых типов судов.

Новгородцы, основавшие город Хлынов, как известно, в качестве средств передвижения по воде использовали ушкуи. Так называли распространенные в XIV—XV веках транспортно-боевые быстроходные и довольно вместительные суда, способные совершать дальние переходы по незнакомым рекам и транспортироваться волоком через водоразделы.

Название это в литературе по истории судостроения связывают со словом «ошкуй» — поморским названием белого медведя, известного своей силой и свирепостью. Стоит напомнить, что современные ушкуям суда норманнов именовались «морскими волками».

Одинаково заостренные очертания носовой и кормовой оконечностей изящного деревянного корпуса позволяли ушкую отойти назад, не теряя времени на разворот. Последнее качество приобретало особую ценность при боевых столкновениях с враждебно настроенными племенами.

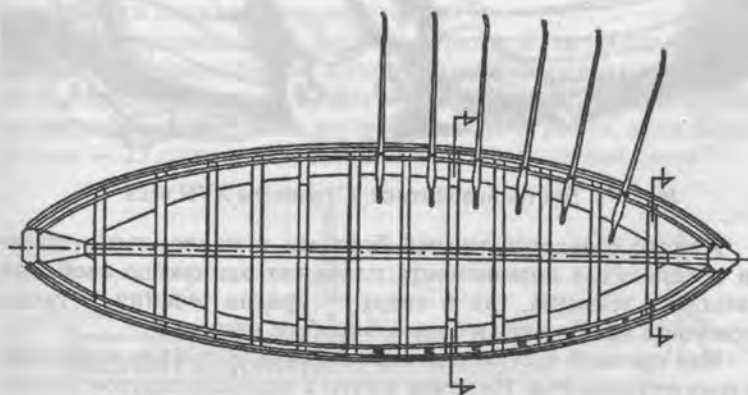
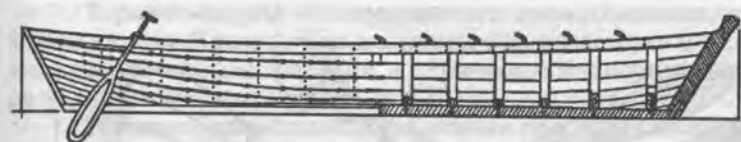
«Суда этого типа, — комментирует И. А. Шубин, — получили широкую, но печальную известность специально разбойничьих, на которых совершали свои набеги новгородские повольники»¹⁰.

С прекращением набегов исчез и этот тип судов, несомненно оказавший влияние на самобытное вятское судостроение.

Черты ушкуя прослеживаются в конструкции появившихся позже длинных и узких косовых лодок, использовавшихся «лихими людишками» для разбойничьих нападений на медленно плывущие по Вятке торговые караваны.

Более долгим оказался век у шитика, тип которого, как считает И. И. Яковлев, также родился на Новгородской земле¹¹.

Исследователь полагает, что этот тип судна первоначально использовался для сбора дани. Шитик имел легкий и проч-

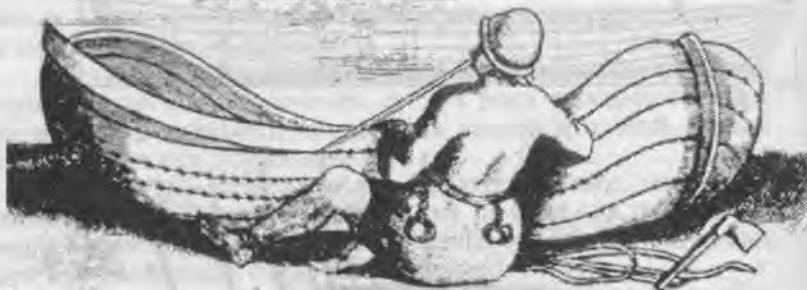

Илл. 72. Ушкуй. Реконструкция профессора Б. А. Колчина, по материалам археологических раскопок. Музей Вятского речного пароходства

1 — Деревянные нагели, которыми крепились доски обшивки к шпангоутам — опругам.

ный корпус, приспособленный к сложным условиям плавания и перемещению волоком из одной реки в другую.

По конструкции он, как и ушкуй, относится к наборным деревянным судам. Обшивочные доски крепили (пришивали) к набору и соединяли одну с другой распаренной вицей или жгутами из мочала.

Илл. 73. Постройка шитика. С гравюры XVII века

Корпус с закругленными бортами и наклонными штевнями обеспечивал возможность плавания одинаково свободно как вниз по течению, так и вверх — против течения, а также возможность приставать к берегу в любом месте.

Над средней частью шитика устраивали крышу, защищавшую груз от непогоды. Наличие мачты с прямым парусом позволяло использовать силу ветра.

Этот тип судна получил повсеместное распространение в Вятском крае, причем размеры шитиков значительно варьировали.

В «Списке судов кооперативных организаций и потреббществ, работающих на р. Вятке в навигацию 1929 г.»¹², находим среди них суда грузоподъемностью от 10 до 155 тонн, длиной от 13 до 27 м и шириной от 3 до 6 м.

О распространенности шитиков говорит тот факт, что в одном только селе Истобенском в феврале 1930 года органы советской власти национализировали 17 судов этого типа¹³.

Их строительство осуществлялось вплоть до конца 1950-х годов. Один из последних шитиков использовался под жилье плотокманды, отправившейся в рейс из Грехневского затона в 1957 году¹⁴.

Совершенно по-разному сложилась судьба двух типов судов, конструкция которых была заимствована у мастеров древнего Новгорода. Более тяжелый и грузный шитик на несколько веков пережил отличавшийся изяществом пропорций и быстротой хода ушкуй.

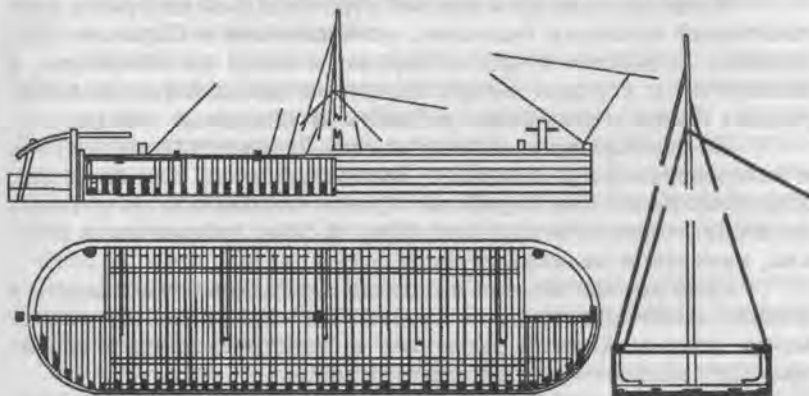
В XVIII—XIX веках местные мастера строили суда, которые вошли в историю как средства доставки вятских товаров на внешний рынок для продажи иностранным купцам, приходившим морем в Архангельск.

Речь идет о барках, ежегодно строившихся до 130—150 единиц из леса, заготовленного на берегах рек Лузы и Юга.

Термин «барка» — иностранного происхождения, введен в обиход при Петре I. Так называли сплавные суда с плоским днищем, отвесными бортами и штевнями, способные двигаться только самосплавом.

Позднее барка стала своеобразным родовым названием для обозначения плоскодонных судов, предназначенных для транспортировки больших партий грузов.

До середины XIX века на берегах Лузы строили сравнительно небольшие барки, длина которых не превышала 11,5 сажени, пока орловский купец Ф. Т. Булычев, найдя их работу малопроизводительной, не решил построить суда большей длины — 25 сажень, поднимавшие 55 тысяч пудов груза¹⁵.

Илл. 74. Чертеж барки. Суда этого типа использовались для доставки вятских товаров в Архангельск. Музей Вятского речного пароходства

На каждой барке выделялось особое место для печки, изолированное листами железа. Называли его по-домашнему — шесток¹⁶.

Восхищает трудолюбие наших предков, ежегодно тративших по несколько зимних месяцев на постройку барок, рассчитанных только на один рейс.

Продолжительность благополучного плавания до Архангельска составляла: от Ношульской пристани — восемь дней, от Быковской — два дня и от Подосиновской — один, а после разгрузки в месте назначения барки продавали по цене дров.

Со второй половины XIX века и до начала 1930-х годов можно было видеть на Вятке беляны. Так называли большие плавучие сооружения, которые до сих пор остаются самыми большими среди несамоходных судов.

Название свое они получили за внешний вид. Беляны не смолили и не красили, а потому, когда они плыли по мутной и глубокой от весеннего разлива Вятке, то на фоне зеленых берегов резко выделялись белым цветом свежеструганного дерева.

«Медленно спускается по течению, с помощью предохранительного лота эта курьезная машина», — писал восхищенный величественным движением беляны очевидец¹⁷.

На постройку одного такого суда уходило до 1300 бревен. В корпус беляны и поверх него укладывали 70—90 тысяч досок, загружавшихся так, чтобы они не только просохли за дорогу, но еще и усиливали прочность конструкции суда, поэтому технология погрузки требовала немалой смекалки.

Пока брус, доски и прочий строительный материал, доставленный вятскими белянами, использовали в Саратове, Царицыне, Астрахани и других городах и селах на постройки, в вятских лесах стучали топоры лесорубов, валивших лес для очередных белян, и неустанно работали лесопильные заводы.

На расположенных по притокам Вятки металлургических и железоделательных заводах — Белохолуницком, Климковском, Кирсинском вятские корабли строили коломенки, на которых по весне отправляли выработанную за зиму продукцию в вятские, камские и волжские города.

Суда эти так же, как и беляны, двигались самосплавом, а в месте назначения груза их продавали на дрова, поэтому коломенки строили каждый раз заново и судостроение стало традиционным занятием для жителей тех мест.

Для сооружения корпусов использовали имевшийся в достатке еловый лес. Днища и борта конопатили мочалом или паклей. Осмолку не применяли.

Происхождение названия, по мнению И. А. Шубина, связано не с городом Коломной, а с древним словом «коломень» или «коломенье» — окраина и означает тип судов, появившихся на окраине русского государства.

По отзывам современников, коломенка по внешнему виду напоминала увеличенную до длины 45—47 м и ширины 12—13 м берестяную табакерку, способную вместить до 40000 пудов груза и обеспечить его сохранность.

«Сведения о паровых и непаровых судах в Вятском районе в зиму 1918/19 года»¹⁸ перечисляют 18 коломенок, принадлежавших Омутнинскому, Песковскому и Вятскому лесопильным заводам. Четыре самые большие из них имели грузоподъемность 35000 пудов.

Последний караван коломенок отправился из Белой Холуницы в конце 1930-х годов. На его проводы собралось много людей, даже стреляли из маленькой старинной пушки¹⁹.

Этот прощальный салют завершил многолетнюю историю трех типов сплавных судов (барки, беляны, коломенки), рассчитанных на короткую жизнь, равную продолжительности одного рейса.

Инженер П. Михайлов, командированный министерством путей сообщения на Вятку в 1876 году, отметил в отчете: «По реке Вятке преимущественно потребляются гусяны».

История гусян в вятском судоходстве началась с заказа в Слободском уезде в 1860 году трех барж длиной по 25,5 сажени (53,6 м) каждая, предназначенных для работы с первыми вятскими пароходами²⁰.

Местные мастера, не слыхавшие о речке Гусь, давшей название судам, с поставленной задачей справились успешно. Гусяны получились прочные.

Носовая и кормовая оконечности деревянного корпуса гусяны отличались одинаковой шириной и имели закругленную форму, что придавало сходство с опущенным на воду лаптем. Палуба отсутствовала. Только в носовой части устраивалась поката крыша из теса, называемая шакшей, где ютилась команда.

Непосредственно на настил трюма в средней части корпуса устанавливали срубленную по всем правилам избушку-казенку, которую занимал водолив (шкипер).

Двускатные островерхие крыши казенок делали группу гусян, собравшихся у большой пристани или в затоне, похожей на деревеньку на воде.

Свойственное Вятке мелководье заставляло разгружать (паузить) гусяны, чтобы они могли преодолеть многочисленные перекаты. В таких случаях часть груза перемещали на суда меньших размеров — паузки, а после прохождения через перекат возвращали на гусяны.

Каждый судовладелец держал наготове паузки, которые сооружали подрядным способом артели местных мастеров.

К примеру, для пароходства Т. Ф. Булычева в 1880 году паузки строил крестьянин из села Гольцы Трофим Зонов²¹.

В качестве паузков использовали уже упомянутые ранее шитики и дощаники (досчаники).

Последние считались довольно крупными судами. Строили их целиком из досок, борта делали почти отвесными, без развала. Не исключено, что вятские мастера завезли этот тип судна на сибирские реки в XVII веке.

Характерным представителем дощаников служит судно, принадлежавшее Юрьевской пожарной дружине Котельничского округа в 1929 году, проплававшее к тому времени 12 навигаций. При длине 12 м и ширине корпуса 3,2 м юрьевский дощаник поднимал 7 тонн груза²².

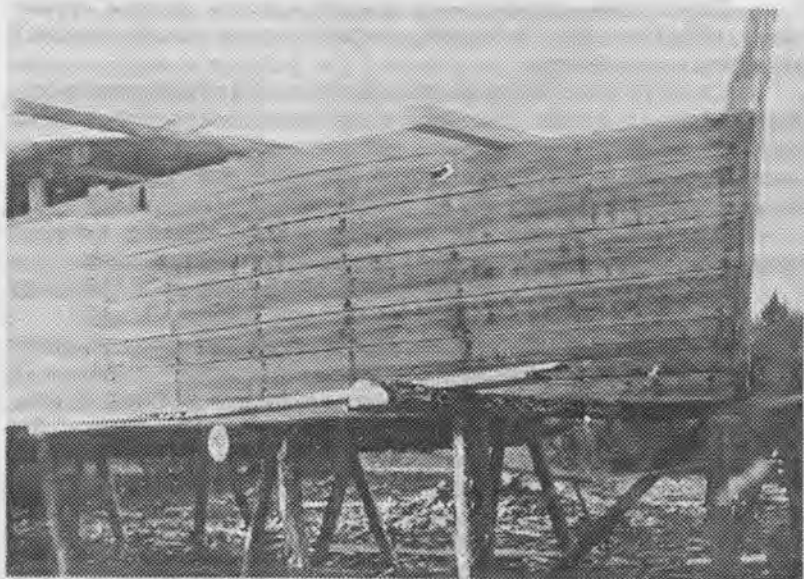
Потребности парового буксирного судоходства привели к созданию баркасов. От гусан они отличались наличием амбарного типа надстройки с широкими воротами по бортам, удобными для погрузки и выгрузки.

При строительстве баркасов с деревянными корпусами использовали многовековой опыт местных мастеров. С середины 1890-х годов в вятских затоках начали постройку баркасов с металлическими корпусами по индустриальной технологии. Строительство же деревянных баркасов с использованием традиционных приемов постепенно переместилось на притоки Вятки.

Вплоть до конца 1940-х годов их строили для своих нужд колхозы, расположенные на Моломе, Пижме и других реках.

Эти суда отличались небольшими размерами, вмещали три-четыре десятка мешков муки или зерна. С командой в четыре — пять человек они могли двигаться против течения на веслах, а используя залитые весенним половодьем луга, подходить непосредственно к водяным мельницам.

При движении против течения команды команд колхозных баркасов иногда использовали старинный прием, когда к носу судна привязывали веревку, а один человек высаживался на берег и становился бурлаком²³.

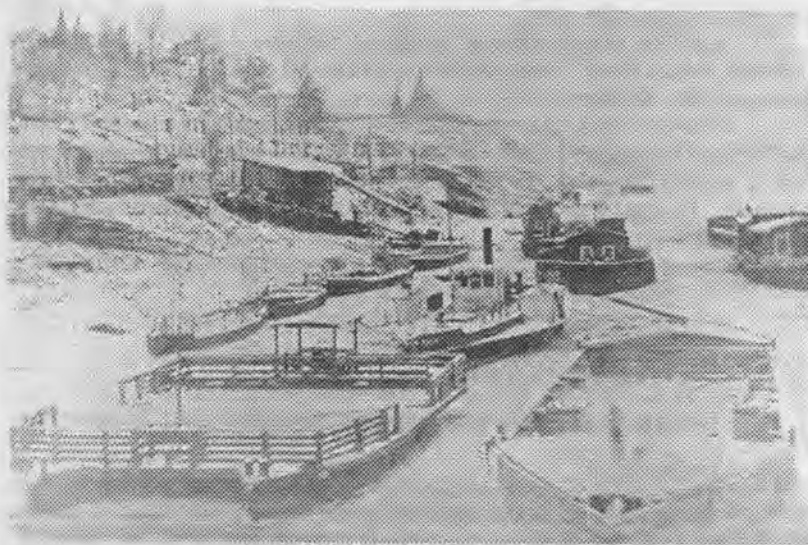
Илл. 75. Постройка деревянного баркаса на берегу реки Моломы в 140 километрах от ее устья. 1936 год

Стоит отметить, что несамоходные грузовые суда отличались разнообразием типов, размеров и названий. Здесь рассказано лишь о наиболее распространенных из них.

Для обитателей прибрежных деревень и сел лодка была и остается таким же привычным транспортным средством как сани или телега. Различие заключается лишь в том, что в лодку вместо лошади «впрягается» сам хозяин или его домочадцы, способные работать веслами.

Значительное распространение в крае, богатом лесом, получили лодки-однодеревки. Так они были названы не потому, что их выдалбливали из ствола одного дерева — тогда бы их следовало именовать челнами, а за то, что на постройку шли бревна, распластанные надвое.

При этом дерево использовалось как основа («труба»), поверх которой добавляли «набои» из досок.

Илл. 76. Паром-катамаран (слева) на зимовке в г. Вятке. 1930 год

Лодки, изготовленные таким способом, достигали порой значительных размеров, которые ограничивались диаметром употребленного на «трубу» бревна.

И. А. Шубину довелось в 1880 году увидеть в глухом месте Вятской губернии несколько сосен «до 8—10 мужских обхватов толщиной и почти втрое выше обыкновенных деревьев»²⁴.

Можно только догадываться, каких размеров получились бы из этих деревьев лодки.

Своеобразна технология их изготовления.

Срубив подходящее дерево, приступали к выделке судовой «трубы» или «колоды» путем выдалбливания теслом.

Тесло — разновидность топора с ложкообразно закругленным лезвием, поставленным поперек топорщища подобно кирке.

Ствол выдалбливали до толщины стенок 1,7—2 см, после чего «колоду» распаривали в бане до известной только самому мастеру мягкости, воспользовавшись которой, разводили борта до нужной ширины, предварительно связав нос и корму, чтобы их не расколоть.

Разведенные борта закрепляли изнутри надежными «опругами», изготовленными из согнутых полудугой специально подобранных сучьев деревьев. С укреплением последних лодке давали просохнуть, а затем с каждого борта добавляли набой из досок.

Опытный мастер с двумя помощниками на выделку лодки тратил два-три дня.

Жители исчезнувшей деревни Черное озеро Тужинского района заказывали такие лодки вплоть до конца 1940-х годов в лесоучастке Котни²⁵.

Обычно по весне отправляли туда одного человека, который и приводил по р. Пижме целый караван из пяти-шести лодок с выдолбленной из осины основной и поставленными «опругами». Каждый хозяин сам достраивал плавсредство, наращивая борта досками.

Построенные таким способом суденышки при минимальном уходе служили по пять-семь и более лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Вятские губернские ведомости. Часть неоф. — 1857. — № 36. С. 2.

⁴ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 172.

⁵ Пырегов Н. Война сделала нас взрослыми... Вятка: Краеведческий сборник. Вып. VII. — Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, Кировское отд., 1985. С. 130.

⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 172.

⁷ Фото Л. Гребнева. Кировская правда. — 1995. — 5 сент. — № 108. С. 3.

⁸ Профессор, автор двух книг по истории вятского судоходства.

⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 171.

¹⁰ Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 53.

¹¹ Яковлев И. И. Корабли и верфи. — Л.: Судостроение, 1973. С. 27.

¹² ГАКО: Ф. 877. — Оп. 1. — Ед. хр. 138. — Л. 6.

¹³ Выписки из протоколов заседаний президиума окрисполкома и переписка с исполкомами, учреждениями водного транспорта о национализации частновладельческого флота. ГАКО: Ф. 877. — Оп. 1. — Ед. хр. 138. — Л. 30.

¹⁴ Кропачев Г., Труфакин Е. На сплавных участках. Кировская правда. — 1957. — 11 мая. № 94. С. 3.

¹⁵ 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. — М.: 1995. С. 371.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вятские губернские ведомости. Часть неоф. — 1878. — № 63.

¹⁸ ГАКО: Ф. 305. — Оп. 1. — Ед. хр. 61. — Л. 17.

¹⁹ Горошин И. Помнит река. — Речник Вятки. — 1991. — 18 мая. С. 4.

²⁰ Разные известия. Вятские губернские ведомости. Часть неоф. — 1860. — № 4. С. 22.

²¹ Главная книга главной конторы пароходства Булычева за 1880 год. — ГАКО: Ф. 200. — Оп. 1. — Ед. хр. 3. — Л. 187.

²² Список судов кооперативных организаций. ГАКО: Ф. 877. — Оп. 1. — Ед. хр. 138. — Л. 6.

²³ Пырегов Н. Война сделала нас взрослыми... Вятка: Краеведческий сборник. Вып. VII. — Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1985. С. 128.

²⁴ Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 35.

²⁵ Из рассказа уроженца деревни В. К. Березина (1925—1996). До настоящего времени лодки-долбенки строит К. И. Лукин — житель деревни Верхний Починок Опаринского района.

Р. С. ШИЛЯЕВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ВЯТСКОГО КРЕСТЬЯНИНА (ПО СВЕДЕНИЯМ О ПРИХОДАХ ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ) ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Анкетные сведения о приходах Вятской епархии за 1882—1883 годы охватывают разнообразный круг вопросов от даты основания села до наличия живописных мест в приходе. Губернский статистический комитет, предлагая приходским священникам сообщить о флоре и фауне, фабриках и заводах, торжках и базарах, урожаях и ценах, рассчитывал на их образованность, любознательность и широкую осведомленность во всем, что касается жизни прихожан. Но наибольшую наблюдательность священнослужители могли проявить в привычной для них сфере, отвечая на вопрос о характерных особенностях жителей прихода. Здесь информационный аспект уступал место морально-психологическому. Из нескольких сотен характеристик проступает обобщенный портрет вятского крестьянина.

Для публикации отобрано несколько наиболее ярких фрагментов ответов на 5-й пункт анкеты, данных священниками сел Загарского, Куменского и Просницкого Вятского уезда, села Зюздино-Афанасьевского Глазовского уезда, села Лекаревского Елабужского уезда, села Ивановского Котельничского уезда, сел Бутырского и Чигиринского Нолинского уезда и села Мазунино Сарапульского уезда. Они отражают различные стороны социальных отношений в проявлении вятских крестьян к отдельным слоям общества, к собственности, членам семьи.

Точные даты документов и подписи опущены. Пропущенные слова и части слов обозначены квадратными скобками.

● Жители прихода характером не одинаковы, в одном селении народ отличается кротким характером, приветливостью, гостеприимством, не терпит ни ссор и тяжбы, ни воровства, ни буйства; в других же селениях, напротив, народ сварливый, грубый, буйный, мстительный, склонный к воровству и тяжбам, из-за ссор нередко сжигают в полях клadi хлебные или стога сена, а иногда и дома или причиняют увечья скоту.

● Заметен в них элемент неповоротливости, вялости; но и жизни значительно более у них в сравнении с прихожанами сел, лежащих на север... В экономическом отношении бережливость до чрезвычайности. Несклонны к захватам чужого имения, владения; почему и тяжбы между ними весьма редки.

● Не отделяя народностей, надо признать: вообще все грубы, хитры и своенравны; в домашнем быту ссорливы и неряшливы; в экономическом — нераспорядительны, своеобразны, в семейном — неуживчивы...; к больным не особенно наблюдательны, нищих принимают гостеприимно, в несчастных случаях сострадательны.

● В семейной жизни крестьянин тих; ссоры редки, а тем более драки. Но при этом нельзя не сказать, по-видимому, о несимпатичных отношениях членов семейства между собою. Глава семейства, муж, обращаясь к жене своей с вопросом или приказанием, часто не определенным, не зовет ее по имени (да не всякий и знает имя своей жены), не смотрит в лицо, а говорит как будто для себя, и если жена, подумав, что вопрос относится не к ней, промолчит, только тогда, при повторительном вопросе, прибавляет равнозначашее имя на слово: «баб», «баба». Довольно распространено название мужем жены — непряха, хотя к известной женщине это название и совсем нельзя отнести. Жена относится к мужу прямо, называя его по имени, а в разговоре о нем именует его мужиком: «мой мужик ходил» и т. д. Сыновья находятся в полном ведении и подчинении отца; о дочерях заботится мать. Сын, имеющий быть рекрутом, пользуется с 15—17 л[ет] большею свободой; ему легко прощаются разные мелкие проступки и пороки, за которые других детей бранят и наказывают. При заключении браков главное внимание обращается на дородность невесты: высокий рост, полноту и потом — на наряд, т. е. на количество и качество имеющейся у невесты одежды (по мест[ному] выражению — лопоти). О других достоинствах — добром характере, внешн[ей] красоте — мало заботятся. Жених, если он из состоятельного семейства, не имеет каких-либо особенных физич[еских] повреждений, — [это] все, что от него требуется, чтобы не быть забракованным. Бывали случаи, что невесты выхо-

дили (по выраж[ению] крестьян) за хороший дом. Впрочем, браки никогда не заключаются помимо воли жениха и невесты.

● Хороший отец и мать — вполне хозяева в семействе, это, пожалуй, более относится к матери: она покровительница семьи, распорядительница работ и съестного и она в большинстве единственный хозяин почти полгода — за отсутствием «самого». Имуществом денежным владеет большак, все же другое имущество в виду всех и идет в пользование всем не без согласия всех. ... Отец и мать не лишают детей доступных в деревне удовольствий, если бы эти удовольствия и расходов денежных требовали. Если сын зарабатывает на стороне деньги, он вправе бывает сделать расход на покупки себе и жене с детьми, лишь бы этот расход не превышал четвертой части заработка, — в противном случае, когда задевается третья часть, — укоры, а если половина — трепка. Не имеет также права член семьи, работающий на стороне, ни копейки держать на себя и жену свою, если у него есть братья, работающие постоянно дома и несущие на себе службы общественные. Последние, живя с отцом, отдают деньги отцу, ... точно также и старший работающий брат отдай [деньги] отцу, а он уж увидит и статьи расхода.

● Имуществом, за исключением потребляемого, каждое семейство владеет самостоятельно и хранит его отдельно от другого рода в семье, если несколько членов живут в одном доме, а при разделе каждый получает свое. Разделы совершаются часто и больше всего по несогласию или раздорам женщин в доме. Ремеслами и земледелием занимаются все члены семьи на равных правах и паях.

● Крестьянин смотрит на жену как на необходимую в хозяйстве работницу. Этот взгляд мужчин усвоен и женщинами.

● Разделы большей частью совершаются безобидно; разве иной отец, желая наказать своего «непутного парня», «сгоняет» его, т.е. выгоняет из дому ни с чем. Такие случаи, впрочем, весьма редки.

● В некоторых состоятельных домах женщины сеют собственно на себя лен и от продажи годами скапливают небольшие, от 50 до 300 и даже иногда до 500 р[уб.] независимые капиталы, которыми, кроме них, никто из семейства уже не вправе распоряжаться. В таких случаях на свой уже счет заводят они себе наряды.

● По характеру и нравам простолюдины резко делятся на стариков и молодое поколение. Мягкость в обращении с равными себе, доброта, гостеприимство, сдержанность на словах, привычка к старому, любовь к труду, порядок в занятиях, ровность — отличительные черты стариков. Молодость все старое разрушила, отреклась от него, увлекшись в противное и не успев создать определенно нового. От этого — грубость, презрение к старшим, жестокость в обращении с низшими себя в каком-либо отношении, лесть, обман, распутство, мотовство, стремление к легкой наживе, презрение к честному труду, беспорядочность в образе жизни наблюдаются на каждом шагу.

● Между крестьянами, составляющими наш приход, те, которые редко отлучаются из дома для заработков в другие места, отличаются скромностью, трудолюбием, самостоятельностью... Напротив, которые часто отлучаются на заработки, более склонны к раздорам, нестроениям, обманам и к пьянству...

● Все прихожане живут на большой трактовой дороге, по которой ежедневно идут транспорты товаров, идут и едут люди из различ-

ных мест и народностей, останавливаясь в селе на отдых. От такого движения прихожане с внешней стороны как бы оцивилизовались, нажили претензию на шегольство, сластолюбие и роскошь во всей обстановке, но зато нравственно испортились. К церкви охладели, постов не соблюдают, повиновения хотя бы родителям не выносят, от чего [происходят] разделы в ущерб хозяйству, в отношении с высшими наглы, дерзки, с сознанием равноправности, ... к бедным и вообще несчастным нечувствительны, эгоистичны; пьянство, а с ним и распутство в широких размерах. Вообще, что характерного замечается у ямщиков и постоянных дворов хозяев, то все это имеется у них в достаточной мере.

● Как подгородние жители, занимающиеся продажей в городах Вятке и Слободском крупы, мяса и дров и потому имеющие постоянное сношение с городом, они отличаются сметкой и частью — плутоватостью. Свесить во второй раз один и тот же мешок крупы при сдаче купцу, выдавать мясо от старой скотины за хорошее, оставить несколько полен от проданных дров в саях под сеном, чтобы получить потом за них кружку сула — все это очень не редкие случаи, если представится к ним какая-либо возможность. Добытые трудом и частью неправдами [деньги] крестьянин старается употребить с пользою для себя. Если подать уплачена, скотины достаточно, то его мечта: устроить возможно лучше дом, приобрести хорошую одежду для праздников, самовар (употребляемый, впрочем, только при гостях), тарантас и т. п. предметы более роскоши, чем необходимости.

ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 950. Лл. 32об., 70, 70об., 97, 181об., 260, 408об., 549, 549об., 583, 583об. Подлинники.

Разноречивые оценки, а иногда и противоречащие друг другу сведения объясняются прежде всего объективными причинами. Расстояние от городских поселений, водных путей, коммерческих трактов и кабаков, особенности климата и плодородие почвы, национальный состав и плотность населения, занятия жителей — все это не могло не отразиться на укладе жизни и социальных отношениях. Но, безусловно, виден и отпечаток личности авторов текста. В глазах одного священнослужителя прихожане «просты и смиренны по видимости, но стараются обмануть другого в действительности», другой видит в них только «рабочие машины», третий считает, что его прихожане «более чистосердечны, чем скрытны, более мягки, чем грубы, доверчивы, но нелегковерны». Женщина в крестьянском хозяйстве оценивается то как «раба», то «полная хозяйка в семействе». Среди отличительных особенностей прихожан один отмечает лень, а другой — выносливость, проявляемую крестьянином в противоборстве с выпавшими на его долю бедами: неурожаем, голодом и падежом скота. В целом же звучащее изредка недоброжелательное отношение перекрывается сочувствием большинства к своим духовным чадам и озабоченностью по поводу происходящих в обществе изменений.

III. ЯЗЫК МЯГОК: ЧТО ХОЧЕТ, ТО И ЛОПОЧЕТ

ПРОБЛЕМЫ ВЯТСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Л. Н. МАКАРОВА, В. Г. ДОЛГУШЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЯТСКИХ ГОВОРОВ

Вятские говоры, резко отличающиеся от литературного языка своими специфическими особенностями на всех языковых уровнях — в произношении, в образовании форм, построении фраз, — давно привлекали внимание как энтузиастов-любителей: краеведов-священников, учителей гимназий, смотрителей уездных училищ, просто людей, случайно попавших в Вятский край по долгу службы, так и крупнейших русских ученых-лингвистов. Первых исследователей вятских говоров привлекала их своеобразная лексика. Самая ранняя запись вятских диалектных слов относится к 70-м годам XVIII века. На рукописи имеется помета: «июня, 18 дня 1772 г». Это собрание вятских слов под названием «Слова и речи, в Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребительные», было одной из первых попыток составления областного словаря. Рукопись, насчитывающая 176 слов, к сожалению, не закончена и обрывается на букве «С». Заинтересовался вятскими диалектизмами и писатель, комедиограф, журналист, друг Пушкина, Дельвига, Баратынского, Кюхельбекера П. Л. Яковлев (1796—1835). Он записал в 1824—1826 гг. 35 вятских слов и поместил их в выпускавшемся им рукописном журнале «Хлыновский наблюдатель». С 1845 г. по инициативе Русского Географического Общества и Российской Академии Наук начинается систематический сбор диалектной лексики. Появляются в печати и первые словарики вятского говора. Они представляли собой простые списки слов с указанием их значений. Таков, например, словарь, составленный воспитанником Вятского училища детей канцелярских служащих М. Мусерским (1829—ок. 1880), который включал около 200 слов и был опубликован в 1845 году на страницах журнала «Маяк». Первым вятским областным словарем, достаточно полно отражающим лексический состав вятских говоров, следует считать словарь, составленный учителем словесности Вятской мужской

гимназии А. П. Тиховидовым (1819—1865), на основе материалов, представленных штатными смотрителями земских народных училищ Кулевым и Н. Ф. Бажиным (1810 — после 1860 г.). Этот словарь был опубликован в газете «Вятские губернские ведомости» за 1847 год, и насчитывал 595 слов. Часть словаря была перепечатана в том же году в газете «Московский городской листок». По материалам словаря написана статья И. Боричевского «Особенности наречия в Вятской губернии», опубликованная в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Словарь Тиховидова вошел в «Опыт областного великорусского словаря» (СПб, 1852). Другой достаточно полный диалектный вятский словарь, к сожалению, не опубликованный, составлен в пятидесятые годы XIX в. преподавателем русского языка и словесности В. П. Москвиным. Материалы, собранные Москвиным, вошли в «Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» (СПб, 1858). В 1859 г. в альманахе «Братчина» приложением к этнографической статье А. Ф. Мартынова (1823—1806) «Некоторые заметки о быте вятских крестьян» был помещен список вятских диалектных слов (около 110). Многочисленные материалы по вятским говорам, собранные в 40—80-е гг. XIX в., хранятся в архиве Русского Географического Общества. Среди них рукописи А. Курбатова, Н. Филимонова, А. Зубарева, А. Двинянинова, М. Спасского, Н. Кибардина, Рязанцева, М. Ардашева, Н. Добротворского, Ст. Стефанова. Три значительных по объему списка диалектных слов, относящихся к территориям Слободского, Глазовского и Сарапульского уу., опубликованы в местных изданиях. Это «Особенности русского наречия в Слободском уезде» Н. В. Шишкина, «Особенности русского наречия в Ухтымском приходе и смежных местностях» В. Чемоданова, «Слова и выражения, употреблявшиеся в Сарапульском уезде, в русских волостях, лежащих по рекам Сиве и Каме, со включением г. Сарапула» М. И. Куроптева.

Большое значение для изучения лексики Уржумского уезда имела деятельность В. К. Магницкого (1839—1901), который, будучи в 1877—80 гг. инспектором народных училищ Уржумского уезда, собрал около 2300 слов и опубликовал их под названием «Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии» в «Известиях Общества Архитектуры, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете». В 1885 г. словарь Магницкого вышел отдельным изданием. Достаточно большие по объему собранного материала словари, авторами которых являются П. Сорокин и И. М. Софийский (1852?—1900), хранятся в рукописном фонде Казанского университета. Наибольшую известность среди диалектных вятских словарей получили «Материалы для объяснительного словаря вятского говора»

Н. М. Васнецова (1845—1893), печатавшиеся в 1892—1907 гг. в «Памятных книжках Вятской губернии». В 1907 г. «Материалы» Н. М. Васнецова вышли отдельным изданием. Репринтное переиздание словаря Н. М. Васнецова было предпринято к 150-летию с дня рождения автора в 1995 г. по инициативе писателя В. И. Морозова и директора объединения «Промиздат» И. В. Папырина.

Илл. 77. Н. М. Васнецов

Обращались в XIX в. к изучению вятских говоров и крупные ученые, причем некоторые из них, такие, например, как М. А. Колосов и Е. Ф. Будде, изучали вятские говоры методом непосредственного наблюдения. Варшавский профессор М. А. Колосов (1839—1881) в семидесятых годах прошлого века обследовал южную и центральную части Вятской губернии. Он исследовал не только фонетику и лексику вятских говоров, но также особенности постановки ударения и формообразования. Результаты своих научных наблюдений Колосов опубликовал в книге «Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия» (1877). Профессор Казанского университета Е. Ф. Будде (1859—1929) результаты своих наблюдений над говорами Нолинского уезда опубликовал в «Кратком отчете о командировке в Вятскую губернию на летние месяцы 1896 года». Он охарактеризовал фонетические особенности вятских говоров, рассмотрел вопрос об истории заселения Вятского края. Петербургский ученый академик А. И. Соболевский (1856—1929) посвятил вятским говорам статью «Заметка о вятском говоре», опубликованную в журнале «Русский филологический вестник» за 1908 год. Отметив основные особенности вятских говоров, Соболевский пришел к выводу: «Древний (XIII—XIV вв.) говор Белозерского края может считаться предком вятского говора».

Многочисленные ответы вятских корреспондентов на программу Академии Наук, составленную по инициативе академика А. А. Шахматова (1864—1920) для всестороннего изучения особенностей русских говоров и составления карты диалектного членения, хранятся в архиве Академии Наук. Многие из них опубликованы в «Материалах для изучения великорусских говоров»,

в частности, ответы С. К. Булича, О. Красноперовой, С. Золотаревой, В. Батуевой, А. К. Шаховой, Е. А. Костровой, М. Разумовской, С. Гудимович, Ф. Дьяконовой, К. Воробьевой, Брюхачевой, Е. Садовской, А. Логиновой, К. Мусерской, А. Косаревой, А. Бобровской, А. Н. Мышкиной, В. Сергеева, Агафоникова, Поршнева, Ст. Комиссарова, Х. А. Чарушникова, А. Вечтомова, Мальчикова, Н. Утробина.

Наибольшее число работ по вятским говорам, относящихся к дореволюционному периоду, принадлежит Д. К. Зеленину (1878—1954). Уже в студенческие годы, обучаясь в стенах Юрьевского университета (ныне г. Тарту), Зеленин выезжал для сбора диалектологического материала в Вятскую губернию. Результатами его летних экспедиций явились работы «Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии (1901), «Отчет о поездке (летом 1901 г.) в Яранский уезд (Вятской губернии) для изучения народного говора» (1902), «Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию летом 1902 г.» (1903). В своей главной работе, посвященной русским народным говорам, — «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации» (1913), Зеленин исследует интересное фонетическое явление, присущее многим говорам, в том числе и вятским — произношение типа Ванькя, кочергя, ольхя, чайкю. Собирая материал для своей книги, ставшей основой магистерской диссертации, Зеленин в 1905—1906 гг. обследовал большую часть Вятской губернии: Яранский у. (с. Лом, с. Ныр, д. Антоницы, с. Кокшага, с. Уртминское, с. Цекеево, с. Шапта, с. Кундыш, с. Роженцово, с. Шулка, д. Заводчина, с. Соболево, с. Ихта, с. Томаково, с. Великоречье, с. Упша, с. Оршанка, с. Кучка, с. Красноречье, с. Высоково, с. Сердеж, с. Микулята, с. Кутузы, с. Колянур, с. Ильинское, с. Макаровка, с. Пижанка, с. Пачи, с. Липово, д. Борок, сл. Кукарка), Слободской у. (с. Шестаково, с. Лекма, деревни у г. Слободского, с. Совья), Вятский у. (д. Тиминцы, д. Кокуй, с. Пасегово, с. Медяны, с. Чепца, с. Никулицыно, с. Макарье, д. Полой, деревни около с. Просница, д. Ардаши, д. Векшины, д. Рехино, д. Сименки, деревни около с. Медяны), Орловский у. (г. Орлов, с. Камешница, д. Гольцы, д. Епиховщина), Котельнический у. (с. Юрьево, г. Котельнич и деревни около него, с. Сорвижи, с. Красногорье, д. Плотники, д. Коробейники, с. Арбаж), Уржумский у. (с. Отары, с. Красное, д. Мокино, д. Коровки, д. Елькины, д. Слудка, с. Ветошкино).

В 1914 г. был опубликован небольшой словарь А. Алексеевского, собравшего диалектизмы Котельнического у.

После 1917 года работа по изучению вятских говоров приобрела планомерный характер, стала выполняться коллективно, а не усилиями отдельных ученых или энтузиастов-одиночек. Стали появляться специальные работы по различным аспектам изучения вятских говоров — их фонетике, морфологическому строю, синтаксису, лексике. Появляются первые опыты исторического изучения некоторых особенностей вятских говоров (работы Е. В. Матвеевой).

Работа по изучению вятских говоров в это время велась по трем основным направлениям: 1) составление общего очерка вятских говоров; 2) составление карты вятских говоров; 3) составление областного словаря. Профессором Н. М.

Илл. 78. Н. М. Каринский

Каринским (1873—1935), возглавлявшим кафедру русского языка Вятского пединститута и НИИ Краеведения с 1919 по 1923 г., была основана картотека областного словаря, существующая и по настоящее время. Он первым начал фонографическое изучение вятских говоров, разработал программы сбора диалектного материала и организовал его сбор, первым начал исследование локальной окраски речи жителей г. Вятки.

Ученица профессора Н. М. Каринского Е. П. Луппова (1903—1990), дочь известного вятского историка П. Н. Луппова, вятскими говорами заинтересовалась еще в студенческие годы и в дальнейшем посвятила их изучению всю свою жизнь. Елизавета Павловна — автор 15 работ, посвященных фонетике, морфологии, синтаксису, лексике вятских говоров. Последние годы жизни Е. П. Луппова отдала подготовке диалектологического атласа Кировской области, включающего 99 карт, из них 48 — по фонетике, 34 — по морфологии, 15 — по синтаксису и 2 карты вспомогательных. Данный научный труд еще ждет опубликования.

В 20—30-е гг. опубликован ряд работ, посвященных вятским говорам Е. Д. Герке, Е. Н. Каринской (дочери Н. М. Каринского), А. Г. Милячковой-Ивакиной, Е. Н. Матвеевой, Б. С. Лукаша.

Е. Н. Матвеева (1887—1970) — ученица Н. М. Каринского по Петербургскому женскому институту. Она является автором

Илл. 79. Диалектологи Е. П. Луппова и Л. И. Горева
за обсуждением планов экспедиции

18 научных работ, 6 из которых посвящены диалектологии и этнографии Вятского края. В своих работах «Материалы к вопросу о вятских костюмах XVIII в.» (1923) и «К вопросу о мягких согласных в вятских говорах XVIII в.» (1928) Е. Н. Матвеева первая обратилась к изучению деловых памятников письменности Вятского края, отражающих местные диалектные особенности.

Начавшая было ослабевать после отъезда Н. М. Каринского в Москву работа по изучению вятских говоров с новой силой возобновилась в годы Великой Отечественной войны. В 1942—43 гг. ленинградским профессором Б. А. Лариным, виднейшим ученым-лингвистом, была начата работа по приведению в порядок пострадавшей при переезде пединститута из Кирова в г. Яранск картотеки областного словаря. Говоры Нолинского района в годы войны изучала видный советский диалектолог Н. П. Гринкова (1895—1961), посвятившая им ряд статей. В 1942 г. из осажденного Ленинграда эвакуируется Е. П. Луппова и начинает работать на кафедре русского языка Кировского пединститута. Зимой 1945 г. Е. П. Луппова организует диалектологическую экспедицию в д. Отешеево Котельничского района, в которой приняли участие преподаватели Л. Н. Макарова, О. Л. Вишивцева, студенты Л. Белова (Горева), Н. Перепелкина, Чернышева. Так началась широкомасштабная работа по сбору сведений для Диалектологического атласа русского языка. За период 1945—56 гг. кафедрой русского языка Кировского пединститута было организова-

но 54 экспедиции, обследовано 270 населенных пунктов Кировской области и в 3 пограничных районах Удмуртии. Активное участие в сборе материала для атласа приняли преподаватели кафедры русского языка В. И. Троицкий, Е. П. Луппова, Л. Н. Макарова, О. Л. Трофимова, студенты, аспиранты, впоследствии преподаватели факультета А. Г. Балыбердин, С. Л. Тряпицына (Оленина), Н. И. Перепелкина, А. Л. Скворцова, Л. И. Белова (Горева), В. В. Симонов. Кроме Кировского пединститута, в обследовании вятских говоров по программе «Диалектологического атласа русского языка» приняли участие кафедры других вузов: МГУ, МГПИ имени В. И. Ленина, ЛГПИ им. А. И. Герцена, Казанского университета, Ярославского пединститута, Марийского пединститута. Всего было обследовано 403 населенных пункта Кировской области. Однако работа по изучению говоров Кировской области в 40—50-е гг. не ограничивалась лишь сбором материала для «Атласа». Диалектологические экспедиции послужили хорошей школой для их участников, а для многих стали путевкой в большую науку. В. В. Симонов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную говорам Верховинского района, Л. И. Горева — Возжальского, С. А. Оленина — Мурашинского, А. Д. Прозорова — Медянского. В 40-е гг. составил «Материалы для областного словаря вятского говора» старейший вятский краевед В. Г. Пленков (1897—1978), ему же принадлежит рукописный свод библиографических материалов о вятских говорах. В 40—50-е гг. публикуются работы В. В. Андреева, И. Д. Самойловой, Ф. Д. Перевозчиковой, Р. С. Овчинниковой, посвященные описанию особенностей вятских говоров.

Очень большой вклад в изучение фонетических особенностей вятских говоров внесла преподаватель кафедры русского языка Кировского пединститута Л. Н. Макарова. В своих работах «Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края)» (1962) и «О происхождении чоканья, цоканья в кировских говорах» (1973) она продолжила традиции Д. К. Зеленина, увязывая те или иные особенности

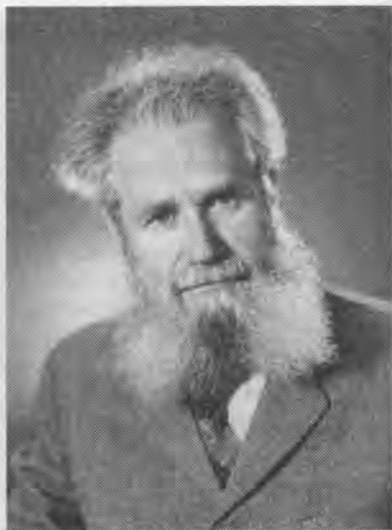
Илл. 80. В. В. Симонов

Очень большой вклад в изучение фонетических особенностей вятских говоров внесла преподаватель кафедры русского языка Кировского пединститута Л. Н. Макарова. В своих работах «Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края)» (1962) и «О происхождении чоканья, цоканья в кировских говорах» (1973) она продолжила традиции Д. К. Зеленина, увязывая те или иные особенности

Илл. 81. Л. Н. Макарова

Илл. 82. В. И. Троицкий

вятских говоров с историей их носителей. Многие годы отдал исследованию вятских говоров доцент, а впоследствии профессор и заведующий кафедрой русского языка В. И. Троицкий (1913—1984).

Очень интересны и работы, посвященные акающим южнорусским говорам на территории Кировской области. Так, Е. С. Фетисова исследовала говоры с. Шурма и д. Поташево Уржумского р-на, Е. Ф. Киров — говор с. Ботыли Нолинского р-на, Б. В. Попов — тульский говор в окружении окающих говоров. А. А. Федорова на основании изучения диалектного ударения в речи учащихся г. Кирова, г. Яранска, сельских школ Яранского и Тужинского районов защитила кандидатскую диссертацию «Диалектизмы в речи учащихся и методы их устранения в связи с изучением фонетики русского языка в средней школе».

В конце 50-х — начале 60-х гг. перед кафедрой русского языка Кировского пединститута встал вопрос о создании областного словаря. Возглавили эту работу Е. П. Луппова и Л. И. Горева. В 1957 г. ими были обследованы с этой целью Фаленский и Унинский районы, в 1959 г. — Лузский, в 1961 г. — Сунский, Нолинский, Лебяжский и Уржумский районы. В 1962 г. Л. И. Горева организовала лексикографическую студенческую экспедицию в Верхошижемский район, в 1963 г. — в Даровский, в 1966 г. — в Орловский. Л. И. Горевой (1925—1976) было подготовлено к печати три тома словаря на буквы «А», «Б» (180 С.), «В» (211 С.),

«Т» (186 С.). Кроме того, в рукописи остались подготовительные материалы: 338 словарных статей на букву «Д», 1755 словарных статей на букву «П», 1572 словарные статьи на букву «С». Долголетний напряженный труд подорвал здоровье и силы Лидии Ивановны. В 1976 г. она преждевременно ушла из жизни. Первый выпуск словаря Л. И. Горевой увидел свет лишь спустя 20 лет — в 1996 г.

Большую работу по сбору лексики выполнил ученик Л. И. Горевой Б. А. Никулин (1922—1992), составивший словарь вятских говоров, включающий около 20000 слов.

70—90-е гг. ознаменованы появлением ряда новых направлений в изучении вятских говоров. Диалектное словообразование на материале местных топонимических названий было изучено в кандидатской диссертации Э. Д. Головиной «Топонимика бассейна р. Моломы (словообразовательный анализ)» (1971). В 1991 г. вышла ее монография «Формальная вариантность в речи диалектного типа», написанная также на материале вятских говоров. Вопросам словообразования и отражению диалектных особенностей в памятниках деловой письменности Вятского края XVII в. посвящены работы В. Г. Долгушева. Начиная с 1989 г., кафедра русского языка Вятского педуниверситета включилась в работу по сбору сведений для «Лексического атласа русских говоров». В настоящее время по программе «Лексика природы» обследовано 30 районов области и 8 районов по программе «Лексика одежды». Преподаватели кафедры ежегодно участвуют во Всероссийских координационных диалектологических совещаниях по «Лексическому атласу» и семинарах по составлению карт для пробного тома «Атласа». Такие семинары проводились в Санкт-Петербурге, Костроме, Ярославле, Вологде, Арзамасе. Большую работу в этом плане выполняет преподаватель кафедры русского языка Н. В. Агафонова. Координационным центром по созданию атласа является Институт лингвистических исследований (г. Санкт-Петербург), а руководят этой работой доктор филологических наук И. А. Попов, доктор филологических наук А. С. Герд (г. Санкт-Петербург) и доктор филологических наук Т. И. Вендина (г. Москва).

Илл. 83. Б. А. Никулин

Очень перспективным направлением в исследовании говоров является экспериментально-фонетическое. На базе Вятского педуниверситета доцентом Е. Н. Мошкиной создана лаборатория по изучению вятских говоров, где имеется фонотека, проводится работа по созданию фонохрестоматии вятских говоров, компьютерный анализ диалектной речи. Лаборатория сотрудничает с Институтом русского языка и Рурским университетом в г. Бохум (Германия).

Л. Н. МАКАРОВА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры Кировской области неоднородны, что объясняется различным временем заселения Вятской земли русскими и характером взаимодействия с местными неславянскими говорами. Массовое заселение бассейна Вятки славянами началось относительно поздно, во 2-й половине XIV в., хотя проникновение немногочисленных групп славян на эту территорию могло быть и значительно раньше. Основное ядро русских переселенцев на Вятку в период раннего ее освоения составили новгородцы и выходцы из новгородских северных колоний. Коренным же населением вятских земель были различные финно-угорские племена — предки удмуртов, коми, мари. Таким образом, русские говоры Вятского края формировались во взаимодействии с местными финно-угорскими. Древний новгородский говор на Вятке подвергся изменениям и стал существенно отличаться от материнского. Своеобразие формирования вятских говоров заключается еще и в том, что они на протяжении длительного времени почти не вступали во взаимодействие с русскими говорами других областей русского государства, что объясняется историческими условиями. В дореволюционный период на крестьянские говоры было ничтожным и влияние литературного языка. Сочетанием этих двух факторов объясняется своеобразие многих фонетических, морфологических и синтаксических особенностей вятских говоров, причем некоторые из этих особенностей являются очень древними, присущими древнерусскому языку. На территории области можно выделить следующие группы говоров: 1) верхнекамские, резко отличающиеся от говоров центральных районов области; 2) говоры южных районов (Уржумский, Вятскополянский, Малмыжский), тоже имеющие некото-

рую специфику; 3) говоры котельническо-вятские, сформировавшиеся в границах древней Вятской земли; 4) акающие говоры бывшего заводского населения, появившиеся сравнительно поздно в результате переселения крепостных из Тверской и Калужской губерний на местные заводы.

Жители других областей, когда говорят о вятских жителях, подтрунивая над их говором, имеют в виду именно котельническо-вятский говор, поэтому ниже приводится характеристика языковых особенностей этого говора. В котельническо-вятской группе говоров выделяется 2 подгруппы, отличающиеся некоторыми особенностями в системе согласных: а) собственно вятская; б) котельническая.

Вятская группа — это говоры бывших Вятского и Слободского уездов, а Котельническая — в основном бывших Котельничского, Орловского и, частично, Яранского уездов.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

Специфика произношения безударных гласных в котельническо-вятских говорах заключается в том, что произношение безударного гласного может достигать такой степени силы, длительности и специфики тембра, что практически не отличается от гласных под ударением. Итак, отличительной чертой котельническо-вятских говоров является оканье (а в литературном языке безударное [О] произносится как краткое [А]), то есть в этих говорах произношение совпадает с написанием: **робѳта, молодѳй, возѳли, по большѳй дорѳге, покѳс, комитѳт, исполкѳм, по болѳту корѳву доѳть пошлѳ, роботѳнка, скѳтина**. Иногда [О] произносится даже на месте исконного [А]: **зѳбота** (лит. забота, здесь и далее в скобках дается литературное произношение и написание слов), **долѳко** (далеко), **борѳн** (баран), **стохѳн** (стакан). О отличается от О литературного языка, оно произносится очень закрыто, имеет склонность к У.

Следующей особенностью данных говоров является заударное ёканье, то есть произношение в заударном слоге после мягких согласных на месте Э (орфографически Е) звука О (орфографически Ё): *по́мёр, ви́тёр, онба́ры шестиуго́льные, моло́дые, заболо́ешь, не рабо́таешь, полотёнцё, лету́щей гра́ц, се́рцё оммира́ет*. Рядом с фонетическими процессами в этом случае большое значение имел фактор морфологический: *по́лё* произносится по аналогии с *бе́лье*.

Гласный [А] (орфографически Я) между мягкими согласными произносится как [Е]: пѣтеро (пятеро), племѣнникоф (племянников), стоѣли (стояли), россмеѣлися (рассмеялись), ѡедак (едакъ), кацѣюся (качаюсь), ушѣи-то оттѣнут (оттнут), волосы пострижѣны были, дак взѣли снѣли (взяли сняли), а мне штѣ вап

хозя́ин (хозяин), в шля́пе (в шляпе), че́ссы (счастье), прё́ник (пряник), йёсли (ясли). Сравните поговорку: «Зеть лю́бит взеть, а шу́рин то́ко гла́зом шу́рит» («Зять любит взять, шу́рин то́лько гла́зом шу́рит»). В данных примерах звук [А] (орфографически Я) появился из древнего Е носового [Ен].

В древнерусском языке был особый звук, который обозначался буквой ѣ («ять»). Эта буква сохранялась в русском алфавите до 1918 г. и одним из первых декретов Советской власти была упразднена, так как звука такого в литературном языке не было. В говоре Москвы и литературном языке звук, обозначавшийся буквой ѣ (ять), совпал со звуком [Е], а в котельническо-вятских говорах судьба этого древнего звука необычна: под ударением между мягкими согласными на месте ѣ (ять) произносится [И], перед твердыми — [Е], иногда дифтонг [ИЕ], а в конце слова — [Е]: ви́ник (веник), клѣ́ть (клеть), здѣ́ся-ка (здесь); (в)сѣ́ на свѣ́те прожи́ла, ви́никоф прошлой го́т боле́ двухсо́т было́ зде́лано, ноне́ йеди́нова ви́ни́чка нет; по́мельде́ изру́би, да́к упрѣ́т; к оби́дне пойдут; вы́ долго́ прои́зидѣ́т? «Да штѣ́ йэто́ у них в Каза́ни-ту за са́хар, ись (есть) йѣ́во нело́фко, в се́рѣ́тках ве́рёвка».

В котельническо-вятских говорах сохранилась такая черта древнерусского языка, как мягкость согласных Ш' и Ж' перед гласными И, реже перед Е. Эта древняя особенность Ш' и Ж' держится устойчиво, ее сохраняют иногда люди, владеющие и литературным языком. Говорят так: ш'илохво́стка, маш'йна, ош'ипка (ошибка), ш'ила́ в ме́шке не утайш'; у мо́лоде́ж'и, му́ж'и́к де́рж'и́ во́жжы, ло́шеть убе́ж'и́т; ш'ешто́к (шесток); ж'ени́х, ж'еле́зо (иногда — зо́лѣзо). Долгие шипящие, обозначаемые буквами Щ (сч) и ЖЖ (жж), в литературном языке произносятся мягко. В котельническо-вятских говорах они, наоборот, являются твердыми: о́вошшы (овощи), учи́лишшо (училище), про́звишшо (прозвище), йемшшѣ́к (ямщик), храни́лишшо (хранилище), во́жжы, дро́жжы, шшѣ́ка, йшшут; до́жжя́ долго́ нет, роспу́шшѣ́ны на канику́лы, рж'и́шшо, лошшѣ́на (лощина), имѣ́шшество.

Выпадение Й неслогового (йота) между гласными и последующее стяжение гласных — общая черта котельнических и вятских говоров. Это явление получило особенно широкое распространение и охватило все глагольные формы. Глагол 3 лица — зиа́т (вместо литературного зна́йэт), быва́т (быва́йэт), бат (ба́йэт, то есть говорит); 1 л. мн. ч. зна́м (зна́йем), де́лам (де́лайем), «мя́хко, а не куса́ция (мягко, а не кусается); штѣ́, де́дя, поде́льваш? (поделявешь); ли́кося то́локончѣ́ хле́баш». (Д. К. Зеленин) Встречается это явление также в именительном падеже единственного числа существительных женского и среднего рода, а также в именительном падеже множественного числа усеченных прилагатель-

ных: платье **красно** (красное), в **празники** надевали юпки **белы** (белые), **трахмалены** (накрахмаленные), идёшь и заплетáешьша.

Утрата конечного Т (ТЬ) в сочетании СТ (СТЬ): эта особенность имеет широкое распространение и носит чисто фонетический характер, то есть не зависит от характера лексики и грамматического разряда слов: **горсь** (горсть), **гось** (гость), **влась** (власть), **клась** (класть), **пресь** (прясть), **крес** (крест), **мос** (мост), **пёрс** (перст), **тракторис** (тракторист), **хворос** (хворост), **надоес** (надоест), **дас** (даст), **йес** (ест).

Широко распространено отверждение мягких конечных губных согласных МЬ, ПЬ, ФЬ. Это наблюдается в именительном и винительном падеже единственного числа существительных 3 склонения: **про́луп** (прорубь), **степ** (степь), **о́зим** (озимь), **любо́ф** (любовь); именительном и винительном падеже существительных 2 склонения: **го́луп** (голубь), **черф** (червь), **руп** (рубель); в повелительном наклонении глаголов: **стаф** (ставь), **приба́ф** (прибавь), **гото́ф** (готовь), **поста́ф** (поставь).

Имеет место иное произношение сочетаний согласных БМ и ДН, БМ произносится как ММ, а ДН как НН. Во-первых, такое произношение встречается на стыке приставки и корня: **омма́зал** (обмазал), **омма́нывати** (обманывать), **оммочы́л** (обмочил), **оммузо́лил** (обмусолил), **серце́ оммира́ёт** (обмирает);

2) ДН произносится как НН на стыке корня и суффикса: **бе́нной** (бедный), **та́с ме́нной** (таз медный), **выхо́ннóй** (выходной), **голо́нной** гот (голодный год), **ла́нно** (ладно), **хо́лонно** (холодно), **серё́нне́й** (средний), **се́нне** (сегодня), **наме́нни** (намедни), **ково́нни**, **оломе́нни**, **обе́нния** (обедня), **нагру́нник** (нагрудник). До чего же мне обинно, ничево было невинно! Нас вез молодой паренёк и распевал: «Как ронная меня мать провожала, тут и вся моя ронная набежала». Более ярко эта особенность наблюдается к западу от р. Великой и р. Вятки (от устья Великой до с. Сорвижи), но она не свойственна северо-восточным говорам.

Сочетание ШС в орловских, котельнических говорах произносится как [ШШ:] Где ты помеща́ешьша? Вот расхвора́ешьша и помре́ш. Вот скажу хозя́ину — не разде́лаешьша.

Но имеются некоторые отличия котельнических говоров от собственно вятских. Котельнические говоры распространены на территории бывших Котельнического и Орловского уездов, а вятские — в бывших Вятском и Слободском уездах. Отличия между ними касаются прежде всего употребления звуков [Ч] и [Ц]. Котельнические говоры «чокающие», то есть знают только звук [Ч], который употребляется как на месте исконного [Ч], так и на месте [Ц]. Например: **ча́й**, **чи́сто**, **чита́ть**, **коло́дець**, **че́рква**, **ме́льница**, **че́нтер** (центр), **чепь**, **ча́рь** (царь), **учи́тельница**, **ча́пля**, **чига́н** (цыган), **чипу́шка**, **че́фка**, **чепня́**,

одвóрича, гóлбеч, челина́ (целина), чéлой, челко́вый; племе́н-нича, черни́ча (черника).

Наши диалектологические экспедиции побывали в тех селениях, где в начале XX в. собирал материал Д. К. Зеленин, и, к нашему удивлению, мы услышали все байки, присловья, пословицы, прозвища и анекдоты о вятских жителях. Народное творчество оказалось бессмертным. Вот образчики народного словотворчества: «Вятские поросёнка к курам на насест садили и приговаривали: «Чепи́сь, чепи́сь, не то паде́шь, кури́ча о двух ногах да чéпичча». «В Вятке колачи по пятке, в Орлове — по корове, а в Котельниче только по мельнице». «Лико, бра́ччи, ёлка-то четвери́ча». «Вячкой слепе́нь наехал на пень да и кричит: «Своротитё!» «Два котельничанина приехали в Вятку и увидели собор: «Бо́лэ колокольни́ча-то высо́ка! Как йэто хрёст-от воткну́ли?» А при-ятель отве́чает: «Колокольни́чу-то нагну́ли, да хрёст-от и воткну́ли; отпустили, она и збрындяла». По улицам Вятки водили циркового медведя. «Ваньчэ, бежи на то коньчэ, звони в колокольчэ, ликó Богородичю́ ведут в йенотовой шубе и кольчэ в губе!»

Второй яркой особенностью котельнических говоров, в отличие от вятских, является смягчение звуков К и Г после мягких согласных, например, говорят так: Лё́лька, Пё́тька, Ко́лька, Ва́рька, то́лкэ, копе́йкю, ре́денькэй, ма́монька, налё́йкэ чай-кю́, О́льга, коче́рьгя́, з деньгя́м (с деньгами).

Есть еще одна особенность этих говоров, которая распространена не повсеместно, а только на север от Котельнича (Даровской, Мурашинский, Юрьянский, Опаринский и Подосиновский районы): употребление [Ў] неслогового перед согласными вместо [Л] твердого. Например, **воу́к, па́ўка, по́ўной, ко́ухóз, взя́ў, пошóў, ве́шаўка**. А [Л] перед гласными произносится несколько смягченно, но не абсолютно мягко, такое [Л] ученые-диалектологи называют «средним».

Собственно вятские говоры, в отличие от котельнических, цокающие, т.е., как правило, употребляют [Ц] как на месте исконного [Ц], так и на месте [Ч]. В отличие от литературного языка, [Ц] произносится мягко. Говорят, например: дефцё́нка, цётвё́ро, наза́цят, церни́ця, полу́цять, ви́ницька, йзди́ла, уцё́тельница, це́рква, о́тець, ца́рско вря́мя, за́цяньёт. Мы записали такую частушку, отражающую это диалектное явление:

Милой мой, цесы у вас,
Посмотри, которой цяс,
То, дорогая, не цесы,
Она цепоцька для красы.

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

Распределение существительных по родам, в отличие от литературного языка, имеет некоторые особенности. Некоторые

существительные сохраняют архаичные формы мужского рода, в литературном языке они женского рода: берл^{ог} (лит. берлога), струй, бух^{анок}, обуй, пр^{осек}, печ^{урок}, суп^{онь}, ст^{атуй}, малол^{еток}. Примеры: Он в берл^{ог} тут легот. Увидиш пр^{осек} по березнику. Тут затки^{но} дак печ^{урок}. Новой обуй. Взела один бух^{анок} тольк^е. Пристр^{оёк} какой-то г дому излажают. Сижу как ст^{атуй}. На заработки ушел малол^{етком}. По материку ид^{ет} главной струй. С нату^сду захворала. В свою очередь, некоторые слова, относящиеся в литературном языке к женскому роду, в данном говоре являются словами мужского рода. Суп^{онь} — нижней суп^{онь}; р^{оскош} — во всем р^{оскоше}; шин — обот-то росохн^{ётса}, дак шин спадет.

Отклонения в соотносённости с родом имеют не только общерусские слова, но некоторые диалектные. Например: поскреб^{еня} и поскреб^{ень}. Поскреб^{еню} оставл^{еют}. Бобыш^{ек} ле поскреб^{ень} — фсе йедино. Погол^{ёшка} и погол^{ёшок}. Чулки бес ст^{опы}, дак погол^{ёшок} порвался. Слова, в литературном языке относящиеся к среднему роду, в данных говорах являются существительными мужского рода: Нако ябл^{ок} да убрысь. Принес больш^{ой} ябл^{ок}. Открыла крыл^{еч-от}. Нижной крыл^{ец-от}. Повесь полот^{енец-от}. Коромыс^{ёл} где воды и где лопоти.

Ряд существительных, в литературном языке относящихся к мужскому роду, в этом говоре употребляются как существительные среднего рода: к^{олоколо}, ободо, уль^е, дерн^о. Например: Ондр^{ей-то} чисто к^{олоколо}: фс^е брежжит. Ободо излажали, свяжом вицями ободо-то. Уль^е одно поставил. Дерн^о наложили.

Чрезвычайно широко представлено в данном говоре употребление форм единственного числа для обозначения совокупной множественности, то есть собирательных существительных. Разряд предметно-собирательных существительных на -б^е отличается большим богатством лексического состава. С^{уц^ь} липово. К^{оль^е} ставят да длинн^е. П^{ер^ь} луково. З^{уб^ь} из бер^{ёзы} были у бороны. Куричи хлопают^я дак токо к^{рыль^е} шумит. Ср. также: кор^{ень^е}, кам^{ень^е}, утол^{ь^е}, вол^{ось^е}, пол^{оз^ь}, обр^{уч^ь}, див^{ерь^е}, ром^{о^{нь^е}}, лохм^{от^ь}.

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Существительные 1 склонения, основа которых оканчивается на -й, в дательном и предложном падежах имеют диалектное окончание -е. Например: Сып-от в ^{ар}мие. Пошел к Мари^е. В Л^{ат}вие жил. Сохраняются древние формы в именительном и винительном падежах существительных МАТЬ, ДОЧЬ. Д^очи в Белоруссии. Д^очи замуж вышла. Одна д^очи у меня была. Они д^оч^{ер}ь заму^ж отдают. М^ати-то уж^о стар^а стала. Он м^атер^ь свою и то б^ьт.

Существительные 3 склонения склоняются по 1 склонению:

И.- кость, плоть, осень, молодёжь.

Р.- кости, плети, осени, молодёжи.

Д.- кости, плете, осени, молодёже.

Т.- костёй, плетёй, осеньей, молодёжьей.

Пр.- о кости, о плете, о осени, о молодёже.

Примеры: По осени жил у меня один. Ко смерте наше дело подвигаёцца. По опереду караулят. Перцытки везали молодёже. По гормоне плесать стали. К пристану подошли. Кисель-от тво-рили к ноче. Все раньше по шерсте звали, а ноне клицьки.

Татара вот в говиньей ночьей едят. Сетьей рыбу ловили. Рожьей-то не могут поправицца. Колда и помощьей зовут. Со смертьей ругаюсь. Наа бы с сольей исти. Тулуп был шерсьей покрыт, а другой вигоной. Меш полатей и печью голбець. Вот с йетой жо морковьей.

Существительное ПУТЬ склоняется как существительное женского рода — по 1 склонению: И.— ПУТЬ; Д. и Пр. — ПУТЕ; Тв. — ПУТЬЕЙ.

В данном говоре фактически наблюдается утрата 3 склонения: все существительные женского рода склоняются по 1 склонению, а мужского и среднего родов по 2 склонению, то есть категория рода в склонении является определяющей.

2-е склонение охватывает существительные мужского и среднего родов, включая и те их группы, которые в литературном языке распределяются между другими типами склонения или входят в разряд разносклоняемых, а также несклоняемые иноязычные слова и аббревиатуры (сокращенные слова). Система падежных окончаний этого разряда близка к нормам литературного языка. В родительном падеже обращает на себя внимание более широкое распространение окончания -У. Сравните: снегу-то намело; лико господь бох урождяю дал; народу нагнали полну избу; сколько опилку-то! Много омману денёк было. Ис плёну бежал. Ис софхóзу брали машину. До мётру глубины. Куда ты пойдёшь до обёду? Ключи от складу унесли. У горóху витлины, у турнёпу лычей. Без карауду скота не гонели. Заместо горóду в деревню попал.

Существительные среднего рода на -МЯ в косвенных падежах утратили суффикс -ЕН- и склоняются как существительные среднего рода типа ПОЛЕ:

И.- имё, времё.

Р.- имя, время.

Д.- имю, времю.

Т.- имём, времём.

Пр.— об име, о време.

Мы слышали: Сейчас времё такое. Много-ле время-то? По времю-то замецо. По имю йево назвал. Со времём будёт. Скоти-на вымём маётчя. Об ыме все спорим.

Иноязычные слова на -О и сложносокращенные на -О и на согласный, относящиеся в литературном языке к разряду несклоняемых, в данном говоре склоняются и в этом отношении не отличаются от исконно русских слов мужского и среднего родов. В наш'ем МЭТЭЙЕСЕ (МТС). У нас МЭТЭЙЕСА не было. На Братском ГЕСЕ (ГЭС). Опосле кинá пляшут. Кинú — обрадовались. С кином приехали. Рáдива-то у нас нет. Из РОНА гумагу привёс. ОБЛАНУ-ТО кака зобота? Есь-ле кто в сельпé-то? Пошто-жо в пальтé-то сидитё?

Факт устойчивости склонения подобных существительных объясняется тем, что отсутствие склонения органически чуждо русскому языку.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

У существительных мужского и среднего рода в именительном падеже множественного числа шире распространено окончание -А вместо литературного -Ы (-И). Например: гласка́, волосá, выборá, оводá, око́шка, луко́шка, стёклышка.

Существительные на -ЁНОК, обозначающие детёнышей животных и детей, в отличие от литературного языка, приобретают данный суффикс и во множественном числе: робёнок — мн. ч. робёнки, котёнок — котёнки, жеребёнок — жеребёнки, ягнёнок — ягнёнки, гусёнок — гусёнки, телёнок — телёнки. Формы множественного числа на -ЁНК- являются новообразованием.

Устойчивой диалектной формой во множественном числе является окончание творительного падежа -АМ вместо литературного -АМИ. Шти с кускáм. С ногáм-то куды лезёш? Учительница ушла с ученикáм. Со студéнтáм приезжал блигадир. С сыновьям живу. С солдатáм пошел.

В котельническо-вятских говорах сохраняется в предложном падеже множественного числа древнее окончание -ЕХ (из -ѣХъ) вместо литературного -АХ. Например: в тех местéх ишло не бывала; од дороги-те не хожу, фсё на глазéх.

Для обозначения лица, к которому обращаются с речью, в говорах употребляется особая форма. Тóлькё! Оттыкай выюшки-те. Бúско! Иди отсудова (о кошке). Старúх! Наа бы, старúх, чайник. Пойдитё ле, Марúсь, на собрáнье-то? Ты, Маш, не потерей мотри! Полагéй! Давай будём затоплять. В литературном языке при обращении употребляется форма именительного падежа.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Для данных говоров характерно широкое употребление усечённых прилагательных в качестве определения: **Каки-то яры мухи-то** стали. **Йесь** веть **сози́ательны-то** люди. **Четыре** рубля полчетверти **варёно-то** молоко стоит. **Цёреньки** глазка-то у её.

В именительном падеже прилагательные мужского рода имеют окончание -ОЙ как под ударением, так и в безударном положении: **ста́рой, да́льной, у́мной**. В родительном падеже мужского и среднего рода имеют окончание -ОВО: **слепóво, ни́шшо-во, из ста́рово** пальта, **со фи́ра́шново** дни, **у густóво** лесу, **у молодóво** парня.

В творительном падеже множественного числа прилагательные имеют окончание -ЫМ, -ИМ. Примеры: **хлебали** **деревя́ным** лошкам, **пахали** **преж** **деревя́нным** сохам.

Сравнительная степень прилагательных в говорах образуется при помощи суффиксов -АЕ-, -ЯЕ-, -ШЕ-, -ЖЕ. Суффиксы -АЕ (-ЯЕ) наблюдается лишь в говорах. **Сёни жарча́е, слазь скоря́е, у тя кофта-то** **тепля́е**, **юпки** **ши́рше** носили **ране-то** и **длинше**, а **топера** **каки-то** **кургузки**.

Суффиксы -ШЕ-, -ЖЕ- имеются и в литературном языке, но в сочетании с основами других прилагательных.

ГЛАГОЛ

Глаголы с основой на -Г, -К при спряжении сохраняют их во всех лицах, нет чередования с -Ж и -Ч.

- 1 л.-могу́, пеку́, стерегу́
- 2 л.-мо́гош, пеко́ш, стерего́ш
- 3 л.-мо́гот, пеко́т, стерего́т

Глаголы с основой на -Д и -Т в первом лице сохраняют их, нет чередования с -Ж и -Ч как в литературном языке.

- 1 л.-ви́дю (вижу), си́дью, мо́лотю
- 2 л.-ви́диш, си́диш, мо́лотиш

Особо спрягается глагол **МЫТЬ**, при спряжении утрачивается корневой гласный

- 1 л.-мью
- 2 л.-мьёш
- 3 л.-мьёт

В отличие от литературного языка, инфинитив глаголов, основа которых оканчивается на гласные звуки, сохраняет древний суффикс -ТИ: **мы́ти, пе́ти, спа́ти, зна́ти**. Примеры: **Пе́ти-то** не пою больше. **Спа́ти-то** рано ли ложитесь?

Глаголы с основой на -Г, -К сохраняют корневой согласный, в инфинитиве к нему прибавляется суффикс -ЧИ: **пекчи́, берекчи́, стрі́кчи, не смокчи́, шаньги** **лажу** **пекчи́**, **ему** **не смокчи́** **подняти** **йэку** **махину**.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА

Самая характерная особенность синтаксиса говоров этой группы — употребление постпозитивных частиц (то есть стоящих после знаменательных слов) -ТО, -ТА, -ТУ, -ТЕ. По этой особенности обычно узнают носителей вятского говора. Приведем некоторые примеры. У танка-то веть поди бронь-то толста. Наши мужовья-то свойски. Какие вешшы-то (лекарства) надо? Бабе-то в баню подзубники (угощение женщине после родов) несут. Теперь мыш'и-то не видно. Ой, костишна болё куделя-то. Палкой-то поздырни ее. К ноце-то не ходитё. От резины-то ноги зебут. Ноцеф-то снек выпадет. Рыбац'ил жо ситьеф-то (сетью). В квасниче-то одны одёнки (осадок). В лесу-то роботáют, дак звирь-от не кажотця. Г доцере старик-от уйехаў. Кот-от мяфкат, мыркат ле мяфкат-оно и тожо. Фсе «столба» (название танца) токо крутят, чельну-ту ночь крутят. Во швальну-ту (мастерская по пошиву одежды) надо ш'ить лóпоть (одежду). Кошка носит котенку мыш'и-те. Йесь гребешок-от, чем вш'и-те чошут. Чеса-те ф три надо офи'и гнать. Вешаем пестерь (берестяной туес) за крошни-те (спина, лопатка спины). Патлы-те (волосы) роспустила. За виски-те (волосы) натаскать надо. Нече тут изумленья-то показывать. Морковину-ту вырви.

Интересна и такая синтаксическая особенность: при собирательных существительных, имеющих форму единственного числа, но обозначающих совокупность лиц, глагол употребляется во множественном числе, то есть происходит согласование по смыслу. Сравните: Молодёшь танцуют. Молодёшь половину в армию ушли. Учительс'во вон ф том дому живут. Публика стоят кругом. Народ-то разйехались.

В отличие от литературного языка, в роли сказуемого в котельническо-вятских говорах могут употребляться деепричастия на -МШИ. Например, говорят: Он выпимши. Я проспамши пастуха-то. Настасея-то уехамши в Свердловсько. В Мурманском-то не бывамши. Подобные деепричастия могут употребляться также в качестве обстоятельства, выступая вместо соответствующих литературных с суффиксом -СЬ: Не умыфши и за стол сел. Так и лек не раздефши.

Изредка встречаются случаи употребления глаголов прошедшего времени в сочетании с глаголами был, была, были. Примеры: Аркаша был приежжал в отпуск. Мой-от отец, он здись и родился был. Йа тепере ходила была в лушке. Сиц'ас риц'ка пойэвилась, а то фся риц'ка пересохла была. Это так называемое «давнопрошедшее» время является очень архаичной формой.

Числительные ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ могут употребляться в сочетании с формой родительного падежа множественного числа существительного РА3. Примеры: Парень-то три рас ра-

нен. Я два рас на войне был. Встречаются конструкции, состоящие из слов НАДО в сочетании с инфинитивом и именительным падежом единственного числа имени существительного: **надо корови идти дойти, надо купити подойница.**

Очень широко распространены сочетания инфинитива с глаголами настоящего времени в качестве сказуемого. Примеры: **пети-то не пою больше. Робить-то она уже не робит ф колхозе-то. Ходить она ешю ходит, а вот руки уже не слушайуца.**

Местоимение КОГО может употребляться в данных говорах вместо местоимений ЧЕГО, ЧТО, когда речь идет о вещах, то есть о предметах неодушевленных. Например: **Ково тебе попить? Ково ты там уронил? Збрякало. Ково тебе надо? (о гвозде).**

Для котельническо-вятских говоров характерны некоторые виды союзов, отсутствующих в литературном языке. Например: вопросительно-разделительные союзы **БУДЕ (БУДИ), АЛИ (АЛЕ), ЛИ-ЛИ.** Примеры: **Буде схожу, буде не схожу, роздумаю. Буди шешнатчеть, буди петнатчеть. Буде баню топить, буде ниет. Кричать-то отступитца ли нет ли? Он ли не он ли придет? Пошли ли нет ли косить? Аль мне буди идти, аль снохе? Али я пойду в горот, али ты? Очень употребительны также союзы и союзные слова **ЛИ ЧЕГО ЛИ (ЛИ ШТО ЛИ, ЛЕ ЧЁ ЛИ), ЛИ КТО ЛИ, ЛИ ГДЕ ЛИ, ЛИ КАК ЛИ.** Примеры. **Ись ли чево ли хотят гуси? Ребятам лазить ли цё ли? Горько ли што ли? В йеранском ле где ли? Машины-те ле как ле их зовут?****

Соединительный союз **ДА** обычно повторяется в конце предложения или при соединении однородных членов предложения, что придает речи особую ритмичность. Примеры: **Солому убрали да, дрова свалили да. Лежу да сижу да. Живет фсе один да один да. Раньше сахару нанесут, рыбы фсяки, йайца да што да. Полола да капусту садила да. Седут да пойдут да. Раньше прели да ткали да. Жонихоф йэсть да не идут дак: эка дренна да крепка да.**

Отличаются данные говоры и в отношении употребления некоторых предлогов. В частности, очень употребительны конструкции, состоящие из предлога **ПО** в сочетании с винительным падежом имени существительного вместо литературной конструкции «предлог **ЗА** в сочетании с творительным падежом существительного»: **пошёл по грибы, по ягоды** (за грибами, за ягодами). Встречается употребление предлога **С** вместо литературного **ИЗ** в сочетании с родительным падежом: **с Кирова приехала.**

Очень архаичны конструкции, состоящие из сочетания предлога **О** с предложным падежом во временном значении. Примеры: **о зиме (зимой), о Ильине дни (в Ильин день), о Пасхе каеемся (в Пасху).** Употребителен беспредложный творительный падеж существительных во временном значении: **Рожесвом**

ходили на игришша (в Рождество). Распространены так называемые «двойные» предлоги: ПО-ПОД, ПО-НАД, ПО-ЗА. Примеры: По-за пазухой у нево посмотри. По-под лафкой возьми. По-за печкой полась поишшы лошку-то.

Таковы, вкратце, синтаксические особенности котельническо-вятских говоров.

Мы не дали характеристики остальных групп говоров Кировской области. Говоры южных районов отличаются очень незначительно от котельническо-вятских, прежде всего в системе согласных, как, например, произношением звука С на месте литературного Ц (куриса на улисе йайсо снесла). Верхнекамские говоры резко отличны от котельническо-вятских. На их своеобразии сказалось влияние местных коми и удмуртских говоров.

Вятские говоры имеют большое значение для понимания общих тенденций развития русского языка. Они сохраняют в некоторых случаях особенности, свойственные древнерусскому языку (например звук Ъ и мягкие шипящие). С другой стороны, в некоторых случаях они опережают развитие литературного языка (например, в формах типа КОТЕНКИ, РЕБЕНКИ). Но самое важное: вятские говоры помогают определить, откуда шла колонизация русскими вятских земель и какие группы населения были первыми поселенцами на вятской земле. Знание особенностей вятских говоров необходимо учителям русского языка для того, чтобы предупреждать диалектные ошибки и учить школьников правильно говорить и писать. Кроме того, вятские говоры представляют собой бесценный источник сведений о быте и культуре жителей Вятского края в прошлом.

В. Г. ДОЛГУШЕВ

**ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
МАГНИЦКИЙ (ВЕЛЕЛЕПОВ)
(1839—1901)**

В пятом томе «Известий Общества архитектуры, истории и этнографии» при Казанском университете за 1884 год был опубликован словарь под названием «Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии», в который вошло около 2300 слов. Отдельное издание словаря вышло в следующем, 1885 году в типографии Казанского университета. В предисловии автор сообщал, что большинство слов записано или в Уржуме, или в Уржумском уезде им самим от крестьян или же учащихся начальных народных училищ. Лишь несколько десят-

ков слов записано не в Уржумском уезде, в этом случае указано, где именно. Автором словаря был инспектор народных училищ Василий Константинович Магницкий. Магницкий приводит лишь значение диалектных слов, например: *бабка* — кучка хлеба из 10 ржаных снопов; *беспелюха* — неряха. Собранные слова автор сличил со словарем Даля и «Опытом областного великорусского словаря» (СПб, 1852), а также с «Дополнением к «Опыту областного великорусского словаря» (СПб, 1858), то есть с имеющимися к тому времени наиболее авторитетными трудами в области диалектной лексикографии. Необходимо отметить, что Уржумскому уезду в отношении изучения лексических особенностей его говора необычайно повезло: его исследовал не только Магницкий. Самый полный диалектный словарь вятского говора Н. М. Васнецова был написан также на материале, собранном в Уржумском уезде.

Родился В. К. Магницкий в с. Ядрино Ядринского уезда Казанской губернии 3 марта 1839 года. Закончив в 1862 году юридический факультет Казанского университета, он затем продолжительное время работал в должности судебного следователя в Казанской палате уголовного и гражданского суда. В 1877 году Магницкий назначается на должность инспектора народных училищ Уржумского уезда Вятской губернии. В 1880 году он увольняется со службы, выходит в отставку, однако через два года вновь определяется на должность инспектора народных училищ — сначала в Казанской губернии, а с 1890 года — Елабужского уезда Вятской губернии. Умер В. К. Магницкий в 1901 году в с. Шуматове Вятской губернии (ныне Республика Татарстан). «Самое существенное доказательство духовного богатства или бедности народа, — писал биограф Магницкого Н. В. Никольский в 1929 г., — В. К. Магницкий видел в языке его. Этим объясняется его продолжительное и кропотливое собирание материалов по народному языку» (Никольский Н. В. В. К. Магницкий и его труды. — Чебоксары, 1929. С. 38). В. К. Магницкий был в числе первых собирателей угро-финской и тюркской антропоники в нашем регионе: им собрано около тысячи марийских личных имен, 10587 мужских и около тысячи женских чувашских личных имен. Часть их опубликована (см. «Календарь Вятской губернии на 1893 год»). Магницкий был и этнографом. Широко известна его статья «Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде, Вятской губернии» (1884). О чем бы ни писал Магницкий — о вятском говоре или о грамотности у чуваш, ратовал он за обучение татар на родном языке или обсуждал необходимость замены старого буквослагательного метода обучения грамоте новым звуковым, — везде он выступает как просветитель, видящий свою задачу в распространении и сохранении культурного наследия народов, населяющих наш Вятский край.

ЛЕКСИКА ВЯТСКИХ ГОВОРОВ

Под диалектной лексикой понимается словарный состав говоров. Вятская диалектная лексика очень специфична, это подмечали издавна наши соседи. В качестве иллюстрации можно привести такой забавный анекдот. Ехал однажды вятский мужичок на подводе, обронил котомку, да и не заметил сначала. А сзади ехал другой мужик, не вятский. Подобрал он эту котомку, посмотрел, что в ней лежит и едет себе, как ни в чем не бывало. Вятский же мужик хватился наконец своей котомки, поворотил лошадь назад, увидел навстречу едущего ему ездока и спрашивает его: «Не нашел ли ты пестерь?» — «Котомку нашел, а пестеря не видел», — отвечает тот. — «Да что у тебя в пестере-то было?» — «Копанец, два лупанца, две растрясёнки, да две загибёнки». — «А у меня в котомке — поросенок, два яйца, две ватрушки, да два пирожка». Вятский мужик сказал: «Ну, это не мое!» и поехал восвояси.

В самом деле, первое, что замечают приехавшие в нашу область жители иных областей России, — это то, что некоторых слов, которые активно используют в своей повседневной речи вятские жители, они не знают. Например слово *некошнёй* выступает в качестве неместного эпитета человека, действия которого причиняют ущерб окружающим. Про плачущего ребенка скажут: «Он *уросит*» или «Он *уросливый*». Сумку у нас называют *кошэль*, комнатный цветок — *сад*, *узгóm* называют угол, *мо-стóm* — сени, *стаей* — двор и так далее. Писательница Н. Перминова восхищена была вятским словом *пировать* в значении «праздновать». Такие слова, отсутствующие в лексической системе литературного языка, называются *диалектизмами*.

Вятская лексика очень архаична. В ней встречаются очень древние слова, которые уже давно не употребляются в литературном языке, однако в вятских говорах они живут полнокровной жизнью. Еще в XVIII веке в литературном языке употреблялись слова *выя* — «шея», *льзя* — «можно». Однако в конце XVIII века они выходят из активного употребления, причем слово *выя* иногда употребляется, но лишь в определенных стилистических целях — для придания особой торжественности, например, в стихотворной речи. В вятских говорах эти слова употребляются и поныне, причем без какого-либо стилистического оттенка. Как говорят языковеды, стилистически они нейтральны. Ср.: гуси вытянули *выи* (Совет. р-н). Наречие *льзя* в современном литературном языке без отрицательной приставки *не-* не употребляется. Однако в куменских, котельнических, омутнинских, шаба-

линских говорах оно употребляется без приставки до сих пор. Ср.: ходить-то лъзя стало (Слобод. р-н).

В древнерусском языке употреблялся глагол **восхѣкать** — «воскликнуть». Он встречается в тексте «Слова о полку Игореве». У нас на Вятке он употребляется в произведениях устного народного творчества и по сей день. Ср. у Д. К. Зеленина: На море лебедушка купалася. На синем море лебедь белая умывалася. Купавши-умывшись, восхикала (с. Лом, Яран. у.). Это древнее значение глагола восхикать обыграла в одном из стихотворений М. Цветаева:

Восхѣщенной и восхѣщенной,
Сны видящей средь бела дня
Все спящей видели меня.
Никто меня не видел сонной.

Или еще один пример. В вятских говорах встречается глагол **выдыбѣть** со значением «выступать, выпирать из воды». Ср.: сваи из воды выдыбѣют (Санчур. р-н). В древнерусском и старославянском языках этот глагол употребляется в значении «выплывать». «Выдыбай, боже!» — по преданию кричали сброшенному в воду Перуну киевляне. Очень широко употребителен в наших говорах глагол **булгачить** со значением «мутить воду». В древнерусском языке употреблялись существительное **булгакъ** — «мятеж, смятение» и наречие **булгачно** — «тревожно, беспокойно» с тем же корнем. Отсюда, по-видимому, произошла фамилия Булгаков.

Многие слова-архаизмы сохраняются в составе фразеологизмов. Так, например, устойчивое словосочетание **пойти на взводѣ** в наших вятских говорах обозначает «разлиться» (о реке). Ср. также существительное **взвод** (Совет. р-н), **взводень** (Нолин. р-н) — «половодье». Точно такое же устойчивое выражение употреблялось в новгородских говорах еще в XIV веке. Так, в Новгородской летописи по Синодальному списку XIII—XIV вв. читаем: «В лето 6684 иде Волхово опять на взводѣ по 6 дней». То есть «В 1176 г. разлив реки Волхов держался 6 дней». В одном из вятских говоров есть фразеологизм **вязать шарамшину** или **вязать сарамшину**, то есть «говорить что-либо непристойное». Что же это за сарамшина? Слово сарамшина происходит от древнерусского слова **сором** — «стыд» — с присоединением к корню суффикса -шин-а. В вятских говорах существует также другой вариант этого слова — **страмщина**. Это слово с тем же корнем, но огласовка корня старославянская, причем здесь вставочный звук «Т». Звуки «С» и «Р» очень разные по звучности и чтобы избежать резкого перехода от глухого звука «С» к очень звучному «Р», «используется» вставка звука «Т». То же самое происходит в словах **ндрав**, **ндравиться**.

В вятских говорах есть выражение **вонная сторона** — «наружная, другая сторона чего-либо». Имеется также и наречие **навонную** со значением «наружу». Ср.: Я рассердился и вышел навонную из избы (Котел. р-н); Давай перейдем на вонную сторону! (Даров. р-н). Они образованы от старого указательного местоимения **оный** со значением «этот». Прибавление в начале слова звука «В» — явление, широко распространенное в говорах. Ср.: **вокно́, ву́лица, ву́хо**.

В вятских говорах широко употребляется глагол **вызобать** — «съесть что-нибудь с жадностью». Так часто говорится о съпучем веществе, которое можно схватить прямо горстью и засунуть в рот. Ср.: Вызобал сколь песку! (Кикн. р-н). Убери ягоды: а то он их все вызобает (Кот. р-н). Все один вызобал! (Нолин. р-н). Этот глагол употребляется также в уржумских, малмыжских, санчурских говорах. В этом глаголе сохраняется древнее значение корня **зоб-**: «есть, пожирать». В говорах есть и устойчивое выражение **набить зоб** со значением, «наесться». Слова с этим корнем с близкими к имеющимся в наших говорах значениям имеются и в других славянских языках. Ср.: укр., белор. **зоб** — «корм, пища»; в сербскохорватском языке **зобати** — «есть зерно»; в словенском **зобати** — «клевать, есть, пожирать». Был глагол с тем же корнем и в старославянском языке. В известной притче о сеятеле из «Евангелия от Матфея» мы читаем «Птицы небесные позобаша е», то есть «Птицы небесные склевывали его». Этот же корень видим в слове **забота**, потому что **забота** — это то, что «гложет, ест» человека. Звук «А» вместо звука «О» здесь появился под влиянием «аканья».

Существительное **воркотá** обозначает в наших говорах старых ворчунов: Ср.: Ой, эта воркота! Опять пошла ворчать! Дело в том, что в говорах есть глагол **воркать** — «ругать, бранить». От него и образовано это существительное. А почему в народных песенках кот называется воркот? Ср.: У кота-воркота, у кота-воркота была мачеха лиха. Это существительное образовано от глагола **воркать** с другим значением — «издавать негромкие звуки». Ср.: голуби воркают на крыше (Сов. р-н). Есть в вятских говорах и существительные **ворку́н, воркоту́нчик**, образованные от того же самого глагола. Они имеют значение «ласково тихоньким голосом говорящий, нашептывающий что-либо кому-либо».

Сейчас мотивация многих диалектных слов говорящими уже не осознается. Например, мы не задумываемся, почему волнушку у нас называют **во́лбенкой** или **во́лбеницей**. Дело в том, что слова **во́лбий, во́лблый, во́лглый, прово́лглый**, распространенные в современных вятских говорах, обозначают «сырой, влажный». От этих прилагательных и образовались существитель-

ные **во́лбенка**, **во́лбеница** со значением «влажная, сырая». Ведь волнушка обычно скапливает на своей шляпке воду. От прилагательного волглый, по мнению некоторых ученых, образовано и название великой русской реки Волги. Так диалектология помогает нам понять, почему те или иные предметы имеют такое название. Есть в вятских говорах и глагол **во́лбнуть** с тем же самым корнем со значением «делаться мягким, влажным». Ср.: хлеб волбнет, земля волбнет, то есть «намокает от дождей». Или возьмем в качестве примера почти забытое сейчас слово **во́лбтка**, обозначающее в наших говорах «пучок перьев зеленого луку». Слово же **во́лоть** в вятских говорах обозначает охапку сена. Ср.: У меня ни волоти нет сена-то (Кот. р-н). Эти слова объединены общим значением или, как говорят лингвисты, общей семой — «пучок какого-то растения».

В устном народном творчестве широко распространено прилагательное **приго́жий** — «красивый, ладный собой». В литературном языке оно уже не употребляется. В вятских говорах есть наречие **го́же** со значением «то что годно, подходит». Например, на ваш вопрос «Это платье тебе подходит?» ваша собеседница ответит: «Го́же». Есть и прилагательное **го́жий** со значением «подходящий». Ср.: Эти сапоги мне гожи (т. е. годны). В этих словах тот же самый корень, что и в прилагательном пригожий. Исторически слова пригожий и годный однокоренные. В вятских говорах есть прилагательное **приго́дный** со значением «хороший». Ср.: Сегодня пригодная погода (т. е. хорошая, подходящая). Поэтому исконным значением у слова пригожий было значение «хороший, подходящий, красивый». Не только слово пригожий, но и многие слова, бытующие до сей поры в вятских говорах, сохраняются в русском литературном языке лишь в сказках, пословицах, поговорках. Например, всем известны слова, с которыми в сказке обращается к Ивану-царевичу Баба-яга: «Дело пытаешь или от дела лытаешь?» Понять значение данного слова помогут современные вятские говоры. В них широко употребителен глагол **лыта́ть** со значением «бегать». Ср.: Лытала-лытала по лесу, а малины не набрала (Урж. р-н). Сохватились за руки и полытали, а лытать-то не могом (Опарин. р-н). Только в пословице сохранилось слово **прору́ха** со значением «промашка, неудача»: «И на старуху бывает проруха». А в вятских говорах оно широко употребительно и поныне. Ср.: Сколь прорухи-то от войны! Какая от нее выгода — одна проруха!

Многие слова в вятских говорах имеют тот же корень, что и соответствующие им слова в литературном языке, но они отличаются от литературных своим составом — иными суффиксами или приставками. Так, например, птицу у нас называют **по́ткой**. Здесь тот же самый корень, что и в словах пташка, птица,

но употреблен он в сочетании с суффиксом -к-. Есть в вятских говорах наречия **нанічку** и **нанік**, **нанічь** — «на левую сторону». В этих словах корень -ник-, который исконно имел значение «изнанка» и сохраняющий свое значение в некоторых славянских языках. Ср.: польск. ник — «изнанка ткани», укр. ниць, белор. ніц — «обратная, тыльная сторона». В русском литературном языке есть слова с этим же корнем. Ср.: упал ниц, повалился ничком, то есть «спиной вверх, лицом вниз». Противоположное значение у наречия навзничь, то есть «вверх лицом, на спину». Так изучение говоров помогает восстановить забытое значение слова, или проследить историю развития значений у однокоренных слов. Некоторые слова, полностью совпадающие в звуковом отношении, имеют в говорах противоположные значения. Такое явление, встречающееся и в литературном языке, носит название **энантиосемия**. Так, например, существительное **бояка** употребляется в свечинских, шабалинских, котельнических, даровских говорах в значении «драчун, забияка». Ср.: Ну и бояка парень! Все вперед лезет. Петух-от у нас бояка страшный! Попало бояке: вот и ладно — не полезешь больше! Опять с бояками связался! Наряду с этим существительным употребляется и существительное **бояка** с прямо противоположным значением — «трусливый человек». Ср.: Боякой не будь: не убегай, когда драцца начнет (Санч. р-н). Энантиосемия в вятских говорах встречается и у прилагательных, и у глаголов. Так, прилагательное **кроткий** употребляется со значением «суровый, жестокий». Ср.: Ох и кроток он! Со страху умрешь — лишь одним глазом поведет (Н. Васнецов. «Материалы...»). Противоположное ему прилагательное **кроткий** употребляется в значении «тихий». Ср.: Что баять — парень кроткий. (Н. Васнецов. «Материалы...»). Глагол **вадить** в советских, лебяжских, уржумских, нолинских, пижанских, санчурских говорах употребляется со значением «нежить, баловать». Ср.: Я ли тебя не вадила? На свою шею вадила парня. Мне жалко Сашку-ту — я ево и важу. А в подосиновских, лузских говорах — на северо-западе области — он употребляется в значении «бить». Ср.: Я ево часто важу: не будет дурачища. Вадить ево надо ремнем. Здесь глаголы с различным значением имеют различные ареалы распространения: один употребляется в центральных и южных районах, другой — в северо-западных. Иногда противоположное значение бывает у приставок. Приставка во- в вятских говорах в большинстве случаев имеет значение слабой степени проявления признака. Ср.: **вомягко** — мягковато. Ср.: Тесто, когда ево раскатываешь, месишь, чтобы оно упругое стало, а оно в это время вомягко, ево нужно мять. (Тужин. р-н). Эта же приставка может иметь и совершенно противоположное явление — высшей степени проявление признака

ка: **вогусто** — слишком густо. Ср.: Вогусто мы сеяли, мелкая морковь получилась (Кот. р-н).

Состав вятской лексики начал формироваться в XIV—XV вв. и закончился этот процесс приблизительно к концу XVII — началу XVIII в. Уже в деловых памятниках Вятского края XVII века встречаются некоторые диалектизмы, которые активно употребляются в вятских говорах и в настоящее время. Так, например, в «Расходной книге земского старосты И. Репина, написанной в конце XVII в., читаем: «Отвезль подъячому Степану Рязанцеву на **влязины** колач». (**Влязины** — «обряд празднования новоселья»). Или там же: «Отвезль падушую лошадь на **сполье**» (**всполье** — «край поля, межа»). Ср. еще примеры диалектизмов, встречающихся в местной деловой письменности: **зорбод**, **премёжок** — названия различных способов укладки сена в стог; **изгорбод** — «изгородь», **заплот** — «забор»; **подклеть**, **клеть**, **омшаник** — названия различных хозяйственных подсобных помещений; **оследь** — «длинная тонкая жердь»; **обшеви** — «зимние сани» и другие.

Вятская диалектная лексика очень богата. Иногда для обозначения одного и того же явления действительности в говорах употребляется намного больше слов, чем в литературном языке. Это связано, в частности, с важностью данной информации с точки зрения хозяйственной деятельности крестьянина в прошлом. Например, слову жеребенок литературного языка в вятских говорах соответствует несколько названий в зависимости от возраста жеребенка. Жеребенка первого года жизни в афанасьевских, лузских, опаринских, мурашинских, подосиновских, верхнекамских, нагорских говорах называют **селёток**. Полуторагодовалого в афанасьевских, лузских, опаринских, мурашинских, подосиновских, верхнекамских, нагорских говорах кличут **полёторник**, а в даровских, афанасьевских, оричевских, орловских, верхошижемских говорах — **полёторастик**. Жеребенка второго года жизни называют **лоншак**, **подрбсток**, третьего года жизни — **третьяк**, **третчина**. Точно так же литературному телянок в говорах соответствуют слова: **выросток**, **подтелок** обозначают теленка первого года жизни, теленка полутора лет от роду кличут **полёторник**, **полёторка**, **полёторница** (чаще); теленка двух лет — **подрбсток** (оричевские, орловские, верхошижемские, арбажские, унинские, кирово-чепецкие говоры). Шерсть в вятских говорах также имеет несколько названий. Шерсть летней стрижки называется **летийна**, зимней — **зимнийна**.

Для иллюстрации богатства лексики вятских говоров можно взять также в качестве примера и явление синонимии, то есть наличие нескольких слов с одним и тем же значением. Д. К. Зеленин, характеризуя явление диалектной синонимии в

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Илл. 84. Общее название одежды в вятских говорах

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Илл. 85. Названия теплых зимних сапог в вятских говорах

статье «Дополнительные и критические замечания о вятской лексике», отметил в вятских говорах 46 синонимов со значением «ударить», 15 синонимов со значением «говорить», 7 синонимов со значением «выкуп за невесту», 9 синонимов со значением «брюква». Д. К. Зеленин приводит такие слова со значением «брюква», встречающиеся в Вятской губернии: **баранка**, **барановка**, **буква**, **бушма**, **галанка**, **галанская репа**, **калега**, **ландя**, **сладкая редька**. Однако список Зеленина можно значительно пополнить. В Нагорском и Вятскополянском районах брюкву называют **слаща**, в Верхнекамском — **каляба**, также — **карга**, **каліга**; в Уржумском — **дворянка**; в Афанасьевском и Малмыжском районах — **калека**. Наиболее распространенным названием брюквы в наших говорах является существительное **калега** — оно отсутствует лишь в трех районах — Верхошижемском, Свечинском, Тужинском, а также **голанка** (отсутствует также лишь в трех районах — Богородском, Нагорском и Сунском). Распространение диалектных слов и других диалектных явлений картографическими средствами изучает специальная отрасль диалектологии — **лингвистическая география**. При помощи диалектных карт можно изучить территорию распространения того или иного диалектного слова. Это может пролить свет на историю заселения данного региона, показать границы между различными микроэтносами, населяющими его.

Таким образом, изучение лексики русских говоров очень важно для истории русского языка, а также для изучения истории его творца и носителя — народа. Богатая меткими словами-самоцветами диалектная речь может расцвести и произведения художественной литературы, оттенить их местное своеобразие. Не случайно писатели — уроженцы Кировской области, часто используют в своих произведениях диалектизмы — эти яркие свидетельства духовной мощи русского народа.

СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ В ВЯТСКИХ ГОВОРАХ СЛОВ

баской — хороший, красивый	горбуша — короткая коса
бахоры — берестяные лапти	с изогнутым лезвием
баять — говорить	грива — возвышенность,
берёмя — охапка чего-либо	поросшая лесом
боб — кролик	дочка — свинья
босики — берестяные лапти	знатко — заметно
брыла — губа	казёнка — подвал
ведренеть — проясняться (о погоде)	кисленка, кисленица — щавель
véрес — можжевельник	клеть — подсобное помещение
ведро — хорошая погода	в крестьянской избе
водополица — весеннее половодье	кма — много
восеть — недавно	комуха — лихорадка

кóпоть — пыль	пóдловка, пóдволока — чердак
крóпаться — беспокоиться	понáче — получше
крýльца — плечи	пóтка — птица
крýсаться — царапаться	семéйно — много
ладóм — по-хорошему	сéредь — кухня
лётось — в прошлом году	скляно — полно
лонись — в прошлом году	согрá — болото, поросшее лесом
лóпоть, лопотíна — одежда	сосéдка — домовый
лужóк — приусадебный участок	стрелá — молния
лукáть — бросать	стювать — стыдить
лыч, лычéй — картофельная ботва	сýтки — передний угол в избе
мизгíрь — паук	тамока — там
мичу́риться — шуриться, морщиться	тенéта — паутина
мóрговать — брезговать	толý — глаза
мóрок — туча, дождевое облако	трус — кролик
мост — сени	тúтотка — тут
на́розно — врозь	узг — угол
некорýсно — плохо	ýросить — капризничать
нiва — овощи	фып, фýпик — снегирь
оболóкаться — одеваться	хóдко — быстро
оболóчка — верхняя одежда	чúтко — слышно
оди́нова — однажды	шарý — глаза
оттúдова — оттуда	ядрёный — хороший, крепкий
паут — овод	язгáться — обещаться
пахáть — резать	ятно — четко

Э. Д. ГОЛОВИНА

ВЯТСКАЯ ОНОМАСТИКА

Ономастика (от греч. *onomastikē* — искусство давать имена) — это совокупность собственных имен: антропонимов (именований людей), топонимов (географических названий), гидронимов (названий водных объектов), зоонимов (кличек животных) и т. д.

К ИСТОРИИ ВЯТСКИХ ФАМИЛИЙ

Фамилия, то есть родовое имя, передаваемое из поколения в поколение, — довольно позднее образование. В Древней Руси фамилии не употреблялись. Становление русских, в том числе вятских фамилий в их современном виде относится к XVII—XVIII векам, но только в 1933 году, в связи с введением в нашей стране паспортной системы, фамилии стали строго наследственными, юридически закрепленными.

Наши фамилии весьма многочисленны (их не менее ста тысяч), а также разнообразны по происхождению. Большой пласт родовых прозваний образован от мужских канонических имен,

вошедших в обиход с распространением на Руси христианства византийского извода. Это личные имена как в полной, так и в разговорно-сокращенной форме: Иванов (Иван, Иоанн), Калинин (Калина, Каллиник), Окатьев (Окатий, Акакий), Останин (Останя, Евстафий), Елькин (Елька, Елисей — имя, частое у коми и удмуртов), Харин (Харя, Харитон), Ларин (Ларя, Иларион) и т. д.

Фамилии от женских личных имен встречаются значительно реже: Маринин (Марина), Оленин (Олёна, Елена) и некоторые др.

Вятские уроженцы носят также фамилии, образованные от дохристианских, языческих личных имен типа Бажен, Ждан, Любим, Нелюба, Поскребыш, Замята, Нечай, Волк, Медведь, Петух, Ерш, Окунь, Плотица, Зверь, Злоба, Малец и мн. др.

В связи с этнографической спецификой Кировской области, коренные вятские фамилии восходят также к древнепермским основам, в том числе коми и удмуртским личным именам, которые, как и марийские имена, в прошлом мало чем отличались от прозвищ, например: Бакин (Бака, бака — лягушка), Окишев (Окиш, ёкиш — окунь), Чикишев (Чикиш, чикиш — береговая ласточка), Дозмаров, Дозморов (Дозмор, дозмёр — глухарь), Кайсин (клест), Пислегин (синица), Кочев (заяц), Мошев (пчела, шмель), Черанёв (паук), Жуйков (мох), Шернин (ива), Колегов (шишка, орех), Зонов (гарь), Рочев (русский), Чудинов (чудин, чудь), Шешуков (холка), Деришев (грязный), Сентемов (бесхарактерный), Коковин (обманщик), Бельтюков (заика) и т. д.

Немалое количество вятских фамилий связано с тюркскими (татарскими) личными именами и прозвищами: Каратаев, Мамаев, Бабаев, Балыбердин, Кырчанов, Садырин, Салтыков, Суворов, Бушмакин, Муханов, Мусихин, Ушаков, Чалышев, Чеблаков, Чеглоков, Ходырев и др.

Множество вятских фамилий, как и русских вообще, восходит к народным прозвищам, содержащим характеристику именимого по внешним или внутренним качествам, а также по профессии или по месту первоначального жительства. Значение исходных нарицательных слов в целом ряде случаев современному общерусскому языку не известно и сохранилось только в народных говорах, например: Абатуров, Оботуров, Батури́н (упрямец), Бакулин (бакуля, бакула — балагур), Баталов (ботало — бубенчик на шею у домашних животных, отсюда прозвище болтуна), Басаргин (непоседливый, суетливый), Брызгалов (спорщик), Буторин (тараторка), Булгаков (беспокойный, суматошный), Бармин (косноязычный), Булычёв (хитрый, плутоватый), Дерягин (сварливый, неуживчивый), Зыкин, Зыков (крикун), Завьялов (медлительный, вялый), Ковязин (бестолковый), Кон-

даков (хитрый и злобный), Кочуров (рослый), Курбатов (низкий и толстый), Краснов (вспыльчивый, раздражительный), Сутырин (спорщик), Сапегин (рева), Черепанов (большеголовый), Маракулин (грязнуля), Микрюков (угрюмый), Панагушин (неряха), Попырин (раскидывающий кого-что-либо в злости), Пестов (тупой), Шевнин (болезненный, хворый) и т. д.

Фамилии, когда-то образованные от прозвищ по роду занятий, отражают широкий спектр трудовых, профессиональных отношений наших предков, проливают свет на характер старинных вятских ремесел и промыслов. Как свидетельствуют переписные книги, в Котельническом уезде в 1629 году жили и трудились Сенка Пушкарь и Сенка Пичужник, а в 1678 году проживали вдовы ремесленников Катеринка Рукавишникова и Маринка Кожевникова. В слободе Кукарке работали Семейка Пушкарь, Епишка Судоплат (чинил суда), Баженко Мясников, Офонка Перевозников, а в Елабуге — Остафейка Котельник, Левка Скорняк, Тренка Сапожник, Иванка Бочкарь, Степанка Кадошник, Ивашка Горшешник, Никитка Плотник, Власка Кузнец, Богданко Санник, Корнилка Овчинник, Сенка Епанешник, Левка Епанешник, Сенка Глухой Судовщик; в г. Слободском и посаде обитали Микитка Борисов Серебреник (серебряных дел мастер), Мишка Лукоянов Оконичник, Ивашко Иванов Гребенщик, бобыль Андрюшка Костянтинов сын Портной, а в селе Полянки (Вятские Поляны) в 1662 году записаны Якунка Васильев сын Земец (т. е. пчеловод), Якунка Степанов сын Кабатчик, Ефимка Семенов сын Коновал и др. В крупных населенных пунктах были свои ситники (мастера по изготовлению сит), решетники, квасники, травники, смольники, мыльники, мельники, оловенники, ведерники, кирпичники, а кое-где бронники (оружейники), ардашники (торговцы шелком), седельники, воскобойники, иконники и т. д.

Особый интерес для изучения истории края представляют вятские фамилии, возникшие на базе прозвищ по месту жительства и содержащие указание на город, реку, местность, откуда прибыл на Вятку родоначальник данной фамилии.

По вятским переписным и писцовым книгам, а также другим документам XVII века можно проследить последовательное превращение прозвищ, восходящих к географическим наименованиям, в официальные фамилии, бытующие и ныне. В этом смысле любопытно сопоставить ранние и поздние варианты обозначения лиц по месту их прежнего проживания, зафиксированные писцовыми книгами 1629 и 1678 года: Терешка Слобожанин (Кот. 1629) и складник Осташка Василев Слобожанинов (Кот. 1678); Ивашко Двинянин (Кот. 1629) и Максимко Двинянинов (Орлов. 1678). Пары типа Слобожанин — Слобожани-

нов, Устюжанин — Устюжанинов (где -анин был первоначально прозвищный суффикс в названии лица по месту жительства, а -ов — притяжательный фамильный суффикс) встречаются и среди современных фамилий.

Вопрос о прежнем местожительстве обязательно выяснялся у всех вновь прибывающих поселенцев. На первых порах они не имели собственного хозяйства и жили у местных крестьян в качестве «подворников» и «половников»: подворник Ганка Якимов Корепиных...сказался Тотменин (Кот. 1678); половник Ефремко Афанасьев Лесников, сказался Вятчанин (Орлов. 1678) и т. д. Новых поселенцев называли также «приезжими», «пришлыми», «иноземцами»: половник Сенка Дорофеев Приезжих (Орлов. 1678), Титко Богданов Пришлых, Ивашко Андреев Иноземец (Кот. 1678). Документы дают возможность проследить, как нарицательное слово «приезжий» постепенно утверждается в качестве прозвища, а затем и фамилии: «половники Тришка Остафьев Хомяков... и Стенка Аксентьев Емельянов... сказались приезжие с Вохмы»; «подворник Елизарко Кондратьев Приезжих с Вохмы», наемный срочный работник Исачко Петров Приезжих 15 лет» (Кот. 1678).

Процент прозвищно-фамильных именовании, происходящих от названий жителей по местности, на Вятке был в то время довольно велик. Так, в елабужском селе Тресвятском в 1617 году из 49 владельцев бобыльских дворов их имели 17 крестьян, то есть почти третья часть жителей.

Антропонимика писцовых книг отражает направления заселения и источники миграции населения. В Вятскую губернию переселялись, во-первых, из севернорусских земель: Терешка Белозерец (Елаб. 1617) — Белое озеро, г. Белозерск; Игнашка Важенин (Кот. 1629), Фетка Захаров Важанин (Кот. 1678) — р. Вага, приток Северной Двины; Прошка Сергеев сын Вилигнанин (Кот. 1658) — р. Виледь; Еремка Семенов Вологжанин (Орлов. 1678) — г. Вологда; строчный работник Якушко Вохмянин 15 лет (Кот. 1678) — р. Вохма;

Константин Вычегжанин, Сенка Вычегжанин, Гришка Вычегжанин, Шумилка Вычегжанин, Мишка Вычегжанин (Елаб. 1617), Гришка Вычегжанин (Кот. 1629), Кирюшка Нефедов Вычегжанин (Кот. 1678), Никитка Вычегжанин (Орлов. 1678) — р. Вычегда;

Данилко Родионов сын Галичанин (Кот. 1658), Гришка Галечских (Кот. 1678) — оз. Галичское, г. Галич; Сенка Яковлев сын Двинянин (Слоб. 1629), Ивашко Двинянин (Кот. 1629), Максимко Двинянинов (Орлов. 1678) — р. Северная Двина;

Ярунка да Силка Марковы дети Ентальцова (Кот. 1658) — р. Ёнтала;
 бобыль Якунко Иванов Каргополец (Кот. 1678) — г. Каргополь;
 Еремка Федоров Лалетин (Кот. 1678), Федка Тимофеев Лалских (Орлов. 1678) — р. Лала;
 Дмитрейка Лузянин (Елаб. 1617), Федосейко Лузянин (Елаб. 1617), Митка Григорьев сын Лузянин (Кот. 1658), Фролка Лузянин (Орлов. 1678) — р. Луза;
 нищая вдова Марфица Алексеева дочь Мезенка (Кот. 1678) — р. Мезень;
 Васка Владимиров сын Пеняженин (Кот. 1658), Афонка Пеняжанин (Кот. 1678) — р. Пинега;
 Дениска Цысолетин, Онашка Цысолетин, Омоско Цысолетин (Елаб. 1617) — р. Сысола;
 Ивашко Иванов Колмогорец (Кот. 1678) — с. Холмогоры;
 подворник Ганка Якимов Корепиных... сказался Тотменин (Кот. 1678) — р. Тотьма;
 Васка Устюженин (Елаб. 1617), Демка Устюженин (Малм. 1620), Девятко Устюженин (Кукар. 1620), Семейко Устюженин (Кукар. 1620), Семейка Устюженин (Полян. 1620), Сенка Устюжанин (Орлов. 1678), Савка Денисов Вохмянин, сказался родом Устюжанин (Кот. 1678) — г. Устюг;
 вдова Меркуровская жена Южакова (Малм. 1646), Савка Южанин, половник Васка Анофриев Южанин (Кот. 1678) — р. Юг.
 Во-вторых, на Вятку мигрировали из центральной России и Поволжья:
 Андрюшка Арзамасец (Елаб. 1617), Ивашка Арзамас (Кот. 1678) — г. Арзамас;
 Ивашка Балахонец (Малм. 1620) — г. Балахна;
 Ивашко Остафьев Ваческих (Орлов, 1678) — н.п. Вача;
 Филка Ветлуженин, Филка Ветлуга (Кукар. 1620), Пронка Ветлуженин (Кот. 1629) — р. Ветлуга;
 Ивашко Казанец (Кот. 1629), Томилко Казанец (Урж. 1646) — г. Казань;
 Яранский посадский Баженко Коломлетин (Яранск, 1640) — г. Коломна;
 Ивашко Ржевитин (Малм. 1620) — г. Ржев;
 Дмитрейка Свяженин, Ивашка Свяженин, Савка Свяженин (Елаб. 1617) — р. Свяга;
 Никонко Лукин Смолянин (Кот. 1678) — г. Смоленск;
 Богданко Сулцов (Урж. 1646) — р. Сула;
 Зинко Григорьев Тверитин (Кот. 1678) — г. Тверь;
 Якушко Ярославец (Малм. 1620) — г. Ярославль.

В-третьих, на Вятку переселялись с восточных территорий: Елизарка Верхокамец, Иванка Верхокамец, Еремка Вер-

хокамец, Федка Верхокамец, Панкратка Верхокамец, Онтонка Верхокамец, Парфенка Верхокамец, Фадейка Верхокамец (Елаб. 1617) — Верхняя Кама; Марко Пермитин (Кукар. 1620), Васка Пермяк (Малм. 1646) — г. Пермь; Омелка Кондратьев сын Усольца (Кот. 1629) — г. Усолье; Илюшка Иванов Тюмонец (Полян. 1662) — г. Тюмень.

Документы XVII века содержат также факты, свидетельствующие о внутритерриториальных миграциях, о переездах из одних уездов Вятской губернии в другие: Иванка Вятченин, Максимка Вятченин, Онтонка Вятченин, Петрушка Вятченин, Павлик Вятченин, Янка Вятченин, Першка Вятченин, Семейка да Володя Вятчане (Елаб. 1617), Ондрюшка Вятченин (Малм. 1646) — р. Вятка; поч. Игнашки Доровского, Силка Фокин Доровских (Орлов. 1678); Тимошка Лукин сын Кайгородцев (Кот. 1658) — Кайгородок; вдова Афанасьевская жена Лунданских (Орлов, 1678) — р. Лунданга; Терешка Слобожанин (Кот. 1629), складник Осташка Василев Слобожанинов (Кот. 1678) — г. Слободской; Посничко Кукаренин, Елфимко Кукаренин (Малм. 1646) — слобода Кукарка; Останка Хлыновец, Клишко Вятченин Хлыновец (Кукар. 1620) — г. Хлынов; Филка Осипов Яранец (Кот. 1678) — г. Яранск.

Можно говорить о двух тенденциях в заселении Вятской земли: 1) для северо-западных уездов (Котельнического, Орловского) характерно заселение в результате межтерриториальных миграций из севернорусских земель — Архангельской, Вологодско-Устюжской, Костромской; 2) южные, граничащие с Татарией уезды, заселялись в то время, видимо, преимущественно за счет внутритерриториальных миграций — из исконно русских северных «вятских» уездов, а также из ближайших соседних уездов. Особенно много фиксируют документы XVII века переселенцев из Устюга и с Вычегды: фамилии с этими корнями часто встречались как в северных, так и в южных уездах Вятской губернии.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вятская топонимика включает в себя три основных лексических пласта: названия селений (ойконимы), названия рек и других водных источников (гидронимы), названия мелких природных и сельскохозяйственных объектов — лесов, лугов, болот, полей и т. п. (микротопонимы).

НАЗВАНИЯ СЕЛЕНИЙ

С давних лет и до последнего времени основным типом сельских поселений на Вятке были малодворные починки и деревни, расположенные в 2—5 километрах друг от друга и перво-

начально называвшиеся по имени их основателя. Вот как последнее документировано, например, в переписи населения 1629 года по Котельническому уезду:

Название н. п.	Сведения о жителях
поч. Нечаишка Барышникова	Нечайко Барышников
поч. Ивашка Блина	Ивашко Блинов
поч. Семейки Земленицына	Семейка умер в 126 году
д., что был поч. Бараний	Афонка Баранов
поч. Фофанка Буторина	Баженка Буторин, двор пуст
д., что был поч. Сидоровский,	отца его Фофанка Буторина
Антонина Баталина тож	вдова Марьица Тимофеевская
д. Неклюдовская	жена
	Баталина
	Бориско Неклюдов

Постепенно, к следующей переписи 1678 года, ойконы приобретают большую оформленность, что видно, например, из следующего сопоставления:

1629 год	1678 год
д. Семеновская Оносова	д. Омосова
д. Левы Коркина	д. Коркинская
поч. Кормушки Сычева	поч. Сычевский
д. Ивашка Грудцына	д. Грудцынская
поч. Кузминский Козлова	поч. Козловский
д. Тупицына	д. Тупицынская

К XIX веку, как свидетельствуют данные «Списков населенных мест по сведениям 1859—1873 годов (Вятская губерния)», обычай называть селения по одному человеку — их основателю или владельцу — вытесняется другим: основополагающим моментом номинации теперь является обозначение совокупности жителей данного селения, например: д. Селезневы (быв. д. Осипа Селезнева), д. Фомичи (быв. з-ще Фомы Петрова), д. Косые (быв. з-ще Трофима Косых) и т. д. В переписи заметно стремление составителей представить официальную форму топонима в виде полного прилагательного (с. Молотниковское, д. Волковщинская, поч. Погудинский, з-ще Чистюнинское, м-ца Колчановская), однако в списках преобладают двойные и даже тройные наименования одного и того же селения: поч. Залесский — Злобины; д. При м-це Сенниковской — Косолаповы; д. Русиновская — Бутырки; д. Расчистная — Новоселовы — Шляпниково. В отличие от предыдущих переписей, здесь широко представлены ой-

конимы с суффиксами **-ичи** (д. Бындичи, Дороничи, Костичи, Липичи, Омеличи), **-енки/-онки** (д. Бычонки, Никитенки, Патрушонки), **-ята/-ата** (д. Вылягжата, Долгушата, поч. Зырьята), **-яна/-ана** (д. Писеняна, Шиховляна), **-щина** (д. Варюховщина, Лопатовщина, поч. Блинниковщина), а также названия селений без специальной ономастической суффиксации: д. Балчук, Елох, Поляна, Содом, Барки, Заборы, Сычи, Чижи, Малые Гривы и т. п.

В изданных через полвека, уже при Советской власти, материалах «Переписи населения 1926 года» обращает на себя внимание обилие лексических и словообразовательных вариантов наименования каждого сельского населенного пункта: д. Червяковы — Червяки — Терентьевская — Тороки; Пересторонинская — Пересторонинский — Артемовский — Артюшонки; Пахомята — Пахомовичи — Пазники — Антипёнки; Фуколятский — Фуколята — Фуколовский и мн. др.

Списки 1926 года передают такие архаические черты в вятской топонимике, как наличие уточняющих основное название пояснений: д. Мышкины, Ковриги Мышкина; Касенёнки, Касьяна Садырина; Багровы 1-е, Ивана Наумова; Елесёнки, при речке Чернянице; Логуновы, у часовни; Сизы, что был поч. Ковригин, и т. п.

И сегодня среди названий сельских поселений преобладают такие, которые возникли как обозначение совокупности жителей по какому-либо общему признаку и которые как бы отвечают на вопрос: кто здесь живет? Они различны по своему происхождению.

Большая часть современных вятских ойконимов имеет антропонимическую основу и связана с местными старожильческими фамилиями (п. Опарино — фам. Опарин; д. Зубари — фам. Зубарев; Роговщина — Рогов; Караваевка — Караваев); с личными именами первопоселенцев (п. Фаленки — Фаля, Фалалей; д. Самсоны; Кирино; Пантюши; хут. Никанор); с прозвищными именованиями жителей (д. Богачи, Косые, Турки, Ситки, Горшечники, Зяблец).

Наименованиями вятских деревень становятся и нарицательные названия их жителей: д. Бережана (живущие на берегу), Заречана, Подугоряна, Переезжана, Новосёлы, Куринцы (приехали из с. Курино), Коберцы (приехали из с. Кобра). Бывает, что переселяясь в новые места, крестьяне приносят с собой названия своих родных селений. Таково, насколько нам известно, происхождение названий даровских деревень Соловьи (основана приезжими из д. Соловьи Халтуринского района), Мухачи, Мальцевы, Кокоровщина и др. Названия старинных сел на р. Молومه — Гостево, Курино, Молотниково, Юрьево — так-

же, скорее всего, перенесения наименований соответствующих населенных пунктов в западных губерниях, откуда шла русская колонизация Вятки: это Гостево в Новгородской губернии, Курино — в Витебской и т. д.

Исходный ойконим приобретает подчас обобщенное, чуть ли не нарицательное значение. Так, в черте г. Кирова и в целом ряде районов Кировской области (Даровском, Котельничском, Орловском и др.) есть селения с названием Дымково. Общая их черта — расположение через реку по отношению к какому-либо крупному населенному пункту. Очевидно, прототипом всех вятских Дымковых было старинное «Дымково на Устюжь», известное по письменным источникам с середины XV столетия.

Еще одна группа вятских селений получила свои наименования от собственных и нарицательных обозначений смежных географических, хозяйственных и прочих объектов: г. Яранск (р. Ярань), г. Нолинск (р. Ноля), г. Луза (р. Луза), с. Вишкиль (р. Вишкиль), п. Кильмезь (р. Кильмезь), д. Верхняя и Нижняя Паломница (р. Паломница), с. Великорецкое (р. Великая), д. Монастырь, Птицефабрика, Коммуна и т. д. Перенесениями со смежных объектов — сельскохозяйственных коммун первых послеоктябрьских лет явились такие названия-символы, как Заря, Роза, Светоч, Новый Мир, Красный Труд и т. п. наименования деревень.

В Кировской области незначительно количество искусственных, чаще всего идеологически обусловленных ойконимов: г. Киров, п. Ленинское, п. Октябрьский, с. Октябрьское, п. Заря, п. Мирный, п. Радужный и некоторые др. При наименованиях и переименованиях такого рода нередко возникает нежелательная одноименность. Так, в Кировской области несколько н. п. Мирных (в Лузском, Мурашинском, Кильмезском, Оричевском районах, в г. Кирове) и Октябрьских, а также до десятка деревень с названием Малиновка, данным вместо старых наименований типа Голодаевщина и, очевидно, под влиянием всенародно известной оперетты «Свадьба в Малиновке».

Есть в вятской ойконимии и названия, связанные с географической терминологией. Они отражают различные особенности местности (почв, рельефа, растительности) или самого поселения: д. Пески, Глинное, Слуда (слуда — каменистая почва), Бечева (бечева — прибрежная галька), Гледеново (гледень — прозрачная кварцевая галька), Суборь (суборь — песчаная боровая почва), Елхи (елох — кочковатая низина), Безводное, Крутики, Гривы, Красногорье, Кривец, Бутырки (бутырки — селение на отшибе), Выползово (выползово — крайние дома селения), Слобода, Казенная, Указна и мн. др.

В современных официальных списках населенных мест фиксируется лишь один из вариантов, употребляемых окрест-

ным населением для обозначения данного селения. В живой же разговорной речи один и тот же населенный пункт может называться местными жителями по-разному. Наблюдается вариантность произносительная (Никульчино — Микульчино, Ехремовчи — Ефремовцы, Губичи — Губицы, Аммосовская — Оносовская, Вотская — Вочка); вариантность грамматическая (Даровской — Даровское, Чупино — Чупины); словообразовательная, которая распространена у нас особенно широко. Например: д. Паламохинская — Паламохино; Гущинская — Гущинята; Мостовая — Мостовляна; Барановы — Барановщина; Симоны — Симонята; Вохменки — Вохмята.

Суффиксы, типичные для ономастических моделей на территории Кировской области, имеют свою специфику и достойны особого рассмотрения. Например, суффикс **-щина**. Исследователи, в частности, В. А. Никонов¹, традиционно относят топонимы на **-щина** к географическим названиям, обозначающим место, площадь. Для вятской ойконимии это утверждение неточно. В кировских говорах существительные на **-щина** обозначают совокупность жителей, объединенных по какому-то общему признаку. Чаще всего — по фамилии: Скочиловщина («Скочиловщина приехала, редко такие долганы бывают»), Козловщина (Козловы), Дуновщина (Дунины) и т. д. От местных старожилческих фамилий образованы такие названия вятских деревень, как Заборщина («Заборских первый построился»), Куимовщина, Нагибовщина, Роговщина и др. Некоторые ойконимы на **-щина** произведены от личных имен (д. Матвеевщина, Варюховщина) и прозвищ (д. Поповщина — «попа Лазаря»; Сугоровщина — «жили ниже угора»).

Широко известная грамматическая особенность севернорусских говоров — образование форм множественного числа у нарицательных названий детей и детенышей с использованием суффикса **-ёнки/-онки** (ребенки, котенки), тогда как в общерусском языке подобные слова имеют суффикс **-ята/-ата** (ребята, котята).

В топонимике Кировской области ойконимы с названными суффиксами представляют собой разные модели. Рассмотрим каждую.

Названия селений на **-ёнки/-онки** относятся к числу наиболее распространенных вятских ономастических типов. Только в бассейне р. Моломы участники топонимических экспедиций записали более 360 названий деревень с исходом на **-ёнки/-онки**: д. Дометенки (основана Дометой, Дементием), Крысаненки (основана Крысаном, Крисанфом), Липенки (основана Липой, Липатом, Ипатом), Усенки (основателем был человек по прозвищу Усок), Прокуденки (основатель носил прозвище Прокуда), Краенки (живут потомки Краева) и т. д.

Как видим, ойконимы данного типа восходят (прежде всего и чаще всего) к имени первопоселенца — в полной или сокращенно-разговорной его форме — и образуются как обозначение его потомков, которое впоследствии закрепляется как название селения.

Например, Акиненками называют потомков Акини, Акинфия; Конашонками — Конаши, Конова; Коненками — Коны, Конона; Листенками — Листы, Христофора; Лазуренками — Лазури, Лазаря; Осенками — Оси, Осипа; Путенками — Пуда и т. д. Значительно реже встречаются такие образования от имени матери: Аграфенки — Аграфена; Лисенки — Лиза, Елизавета; Палашонки — Палаша, Пелагея. Кроме того, наименования детей на **-ёнки/-онки** образуются иногда от прозвища отца (Досаденки — Досада, Морячонки — Моряк, Хамаденки — Хамада, Харчонки — Харчок) или его фамилии (Опаренки — Опарин, Сыченки — Сычев, Шушаренки — Шушарин).

В отличие от общерусского литературного языка, где слова с суффиксом **-ёнок/-онок** имеют уменьшительно-ласкательное значение, диалектные антропонимы этого типа, наряду с другими прозвищными именованиями, имеют отрицательную экспрессивную окраску и воспринимаются их носителями соответствующим образом: «Ванчонок — обидно, между собой дерутся из-за этого», — сообщили участникам экспедиции в Мурашинском районе.

Именования на **-ёнок/-онок** приложимы к детям мужского пола из больших, как правило, семей, поэтому они употребляются преимущественно в форме множественного числа: Афоненки («большие семьи, их не перегаркаешь всех»), Сененки («девять человек детей»), Карпушонки («братовой много»).

В отличие от ойконимов на **-ёнки/-онки**, названия селений с суффиксами **-ята/-ата** генетически связаны преимущественно не с личными именами первопоселенцев, а с их фамилиями. Так, в н. п. Береснята живут потомки Береснева, в н. п. Гребенята — Гребнева, в н. п. Бучнята — Бучнева, в н. п. Хоробрята — Хоробрых и т. д. Этот тип ойконимов распространен на Вятке значительно реже, и это объясняется, очевидно, тем, что в мелких, близко расположенных друг к другу поселениях, употребительны не фамилии (их соседи иногда не могут и вспомнить), а личные имена и прозвища, от которых образуются формы на **-ёнки/онки**.

Как свидетельствуют современные статистические данные, названия деревень на **-ёнки/-онки** и **-ята/-ата** распространены на территории Кировской области повсеместно, за исключением, пожалуй, окраинных северных (Лузского, Верхнекамского) и южных районов.

НАЗВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Собственные наименования рек, протекающих по обширной территории Кировской области, различаются как своей хронологической, так и языковой принадлежностью. Известна закономерность: чем крупнее река, тем древнее название и тем загадочнее его происхождение. Это объясняется тем, что названия самых крупных рек, как правило, принадлежат не тому народу, который поименовал малые водные источники той же территории в более поздние времена. В Кировской области классическим примером является гидроним Вятка, относительно этимологии которого существует несколько гипотез. В частности, исследователи не исключают его генетической связи с этнонимом, о котором пишет М. Г. Атаманов: «До начала XVII в. основная масса северных удмуртов — Ватка — проживала еще на территории современной Кировской области, по р. Вятке и ее притокам Холунице, Быстрице, Великой Святице, Косе, в нижнем течении р. Чепцы, вокруг городов Хлынова и Слободского»².

От соответствующего этнонима производят некоторые исследователи (например, А. С. Кривошекова-Гантман) и название материнской по отношению к Вятке реки — Камы, хотя большинство объясняет этот гидроним из древнеудмуртского «кам» — большая вода³.

Дорусскими являются также вятские гидронимы с так называемыми «водными корнями» **ма** (Молома, Лекма, Шижма, Пижда, Пушма, Сизьма); **га** (Ветлуга, Кокшага, Волманга, Кордяга); **уг/юг** (Юг, Верлюг, Кузюг, Шубрюг, Щечуг); **я** (Воя, Кая, Люя, Лопья, Ципья) и др. Древние субстратные основы могут быть оформлены славянскими суффиксами: Паломница, Маромница, Волгарица, Холуница, Холуянка (от финского *kalu* — сор, нанос), Яранка и др.

Из коми-пермяцкого этимологизируются гидронимы с корнями **ва** — вода (р. Вольва, Кужва, Обва, Сева, Сейва, Сылва, Сюзьява); **шор** — ручей (р. Лупшор, Тиньшор); **ты** — озеро (оз. Сорты, Олекты), а также гидронимы с суффиксом **-им** (р. Бузим, Созим, Нырим).

Удмуртские по происхождению гидронимы содержат корни **шур** — река, **вай** — приток (р. Зекай, Каксинвай) **луд** — поле (р. Лудяна, Лудовка), **чум** — шалаш, избушка (р. Чумовица, Получумкосная).

Марийские по происхождению корни **нер** — река (р. Кугу-нер, Маткинер) и **нур** — поле (р. Козлянур, Шинур).

Названия вятских рек Каска (росчисть) и Палома, Паломница, Паломох (пожога) связаны со старинными финноугорскими терминами подсечно-огневого земледелия. Гидроним Коб-

ра объясняется из коми-пермяцкого языка, где **корби** значит «глухой лес».

В тюркских по происхождению географических названиях находим корни **куль** — озеро, залив; **казан** — котел; **су** — вода; **шайтан** — черт и т. п.

Самый значительный пласт вятских гидронимов — это восточнославянские, русские наименования. Среди них наиболее древними являются гидронимы с суффиксом **-ница**: Бабица, Боровица, Быстрица, Выдрица, Гиблица, Горельница, Двойница, Доровица, Камешница, Кленовица, Лабазница, Липовица, Мостовица, Мутница, Озерница, Омутница, Погиблицы, Прямица, Б. и М. Просница, Разбойница, Ржавица, Стрелица, Хвошевица, Чемеричница, Ночная и Полдневая Черняница и мн. др.

Широко распространены у нас речные названия в форме имени прилагательного (р. Белая, Боковая, Боровая, Волоковая, Дресвяная, Каменная, Красная, Моховая, Суборная, Талая, Черная, Заячья и т. д.), а также в форме имени существительного с суффиксами **-иха** (р. Балачиха, Бараниха, Бузиха, Буровчиха, Воробьиха, Вывиха, Крутиха, Мутниха, Соловьи́ха, Чишениха, Шумиха и др.), **-уха** (р. Большуха, Боровуха, Брякотуха, Говоруха, Зяблуха, Мостовуха), **-ка** (р. Березовка, Гаревка, Елховка, Красноглинка, Куринка, Липовка, Мамошинка, Полуденка, Сосновка и т. п.).

Каковы закономерности именования водных объектов на территории Кировской области?

Прежде всего следует отметить, что далеко не все они имеют конкретные собственные названия. Из небольших речек и ручьев особые наименования носят только те, которые имеют какое-либо значение в жизни населения (расположены вблизи от покосов, ягодных мест и других урочищ), особенно когда речка или ручей не являются единственными в этой местности и должны как-то дифференцироваться. Прочие же мелкие водные источники население называет просто **ключ**, **ручей**, **лог**, **ложок** и т. д., а на карты местности такие объекты наносятся как р. Безымянная, руч. Безымянный.

О неустойчивости наименований мелких рек говорит тот факт, что одна и та же река в разных своих частях может иметь особые названия. Так, р. Доровушка называется также Филихой и Огневкой в районе расположения одноименных мельниц.

Речки, протекающие между населенными пунктами, также могут иметь два названия. Например, в д. Онтипята речка называется Гордеевской, а в д. Гордеевщина — Онтипятской.

Гидронимы чаще всего отражают какие-либо естественные географические признаки водных объектов. Это характер русла и течения (Прямица, Кривуша, Вывиха, Заклюка, Стреже-

вая, Порожная); характер дна и цвет воды (Белая, Чернушка, Песчанка, Каменка, Грязная, Суборная); температурный режим источника (Талая, Талка, руч. Холодный, Студеный, Теплый); акустическое впечатление от течения воды (Брякотунья, Брякотуха, Воркуша, Говоруха, Ревун); величина (Большая, Великая, руч. Маленький); характер береговой растительности (Березовка, Ольховка, Осиновка, Дубяна, Пихтовка, Чашовка); окружающий животный мир (Бобровка, Медвежья, Кобылья, Заячья, Совья); характер освоения прилегающих земель (Доровушка, Доровица, Даровая (от слова *дор* — *росчисть*), Гаревка, Пальница, Чищениха); ориентация относительно стран света (Полдневик Полдневая, Сиверник, Сиверушка, Восточник); расположение реки-притока относительно основного русла (Боковая, Верхота, Рукав, Отнога, Курья, Старица) и т. д.

Целый ряд названий небольших линейных водных источников произведен от наименований, расположенных на этих речках селений или от личных имен, фамилий, прозвищ местных жителей, например: р. Двиншанка у д. Двинщина; руч. Евлинья («жила одна женщина в лесу»); Ульянов лог («Ульянко потюремщик в землянке жил»); р. Рудаковка («Рудаков расчищал»).

Известно, что изменение названий рек — явление исключительное. В Кировской области такое произошло с р. Черняницей (бассейн р. Моломы). Вятские писцовые книги донесли до нас несколько вариантов этого гидронима: Червленица, Чермленица, Черленица, Червленка, — явно восходящих к древнерусскому *чърмный* (то есть красный). Сейчас эта река называется Черняницей, или Чернянкой (то есть черной); в таком виде гидроним фигурирует уже в «Списке населенных мест Российской Империи по сведениям 1859—1873 гг. X. Вятская губерния» (СПб, 1876). Так в результате звуковых изменений произошла смысловая трансформация корневой части гидронима, и красная река превратилась в черную.

МИКРОТОПОНИМЫ

Микротопонимикой традиционно называют собственные наименования различных мелких природных и природно-хозяйственных объектов: лесов, болот, возвышенностей, оврагов, лугов, полей и их отдельных частей (полос) и т. д.

Чаще всего микротопонимы в наших краях характеризуют именуемый объект по одному из его существенных признаков. Таковыми могут быть

- характер ландшафта: пожня Гладкая, Крутая, Клочеватка; поле Нижник, Гармонный мех; лес Гребешки, Желобник;
- почвенно-гидрологические особенности: пожня Мокруша, Сухрец; полоса Песчанка, Дресвяная; болото Дыбун, Чертово («корову утаскивало»);

— конфигурация, форма: пожня Табакерка («кругленькая»), Оленьи рога, Заячьи ушки, Штаны; полоса Стамик, Кривуша, Крендели, Лопата, Кли; гора Вачега («как рукавица»), Олябыш, Пуповина;

— величина: поле Большое, Среднее, Маленькое, Пятёры гоны, Семеры гоны; полоса Широкая, Долгая;

— характер растительности: пожня Осочки, Мохнуша, Сосновец, Вересовка; болото Мохарник;

— типичный для данного уголья вид животных: пожня Лебяжье, Утичьё, Медвежье, Кобыльё, Коровьё; гора Медвежья, Лисья, Заячья;

— обстоятельства возникновения объекта: поле Присечка («от других полей присекли»), Новое; лес Посадок, Сажёный, Поздыш;

— местонахождение: болото Дальнее, Верхнее; пожня Набокиш, Середовина, Удебки (окраинная), Устье, Пиксурская (у р. Пиксур); поле В стрелке (между разветвлениями лога), За Ковырзой (рекой), за Виктором; полоса Боковуша, Лабазная, Портомоище, Под Красной горой, Задняя возле реку, Долгая в реку воткнулась;

— социально-экономический статус объекта: поле Арёнда, Община, Сутяга (спорное); пожня Меновуха, Тяжбина; лес Казённый, Казёщина, Мирщина, Община, Спорный.

Значительно реже вятские микротопонимы связаны с фамилиями, личными именами, прозвищами местных жителей, например: пожня Шешинская («у Шешинных купили»), Немтыревский волок; поле Ончовщина («Онча Колпаков жил, Онцифер»); лес Евлинья («Евлинья задавилась»); болото Позолотинское («Позолотин на участке жил хутором»).

От ойконимов и гидронимов названия микрообъектов в условиях Кировской области отличаются, во-первых, большей близостью к нарицательным словам — местным географическим терминам: ключ Кипун, болото Лягушник, лес Община, поле Стамик, Камешница. Во-вторых, микротопонимы характеризуются неустойчивостью формы, структурной аморфностью: полоса у Степки у щепок, Узенькая через дорогу; пожня на Кокуй по дороге, От Нифаг отожки; лес Куст от Купренков, Березник под ямами и т. д. Для обозначения одного микрообъекта употребляется множество различных наименований, например: пожня Под Крутиком — Выше Стрелки — Против Новожил и т. д.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Завершая краткий обзор вятской ономастики, отметим, что в последние десятилетия исследование ее обогатилось методикой полевого сбора топонимического и антропонимического

материала, а также опытом его научного структурно-семантического анализа. На собранном в экспедициях материале в стенах Вятского государственного педагогического университета написаны диссертационные, дипломные, курсовые работы, готовится к изданию «Словарь вятских фамилий» и связанный в своей основе с топонимикой «Словарь вятской географической терминологии». Назовем нескольких авторов, для которых вятский диалектный материал, в частности — ономастический, был предметом специального рассмотрения:

Барышникова Э. Д. Трансформация личных собственных имен иноязычного происхождения и уменьшительные формы от них в говорах Кировской области // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969;

Головина Э. Д. Топонимия бассейна р. Моломы (Словообразовательный анализ): Автореферат канд. дис. Л., 1971;

Захаров Д. М. Серебряная Вятка. Киров, 1990;

Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных в связи с течением позднейшей великорусской колонизацией. СПб., 1913;

Макарова Л. Н. Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края) // Очерки по русскому языку. Киров, 1962;

Мошкина Е. Н. Русская гидронимия Кировской области: Автореферат канд. дис. М., 1992.

Однако в целом ономастика Кировской области учтена, систематизирована и изучена совершенно недостаточно — из-за чрезвычайной обширности территории обследования, из-за ее языковой неоднородности, из-за отсутствия планомерной централизованной организационной работы по сбору и систематизации ономастического материала и лексики говоров Кировской области вообще.

Богатейшая и любопытнейшая лексика ждет своих исследователей. В первую очередь это относится к массиву собственных имен, не отраженному в списках н. п. и в других официальных источниках и документах, а потому требующему экспедиционного исследования на месте. Это микротопонимика (названия лугов, полей, болот, ложбин, возвышенностей, лесов и их отдельных частей), микрогидронимика (названия мелких линейных и нелинейных водных объектов — ручьев, озер, прудов, заливов, перекатов, омутов и т. п.), диалектная антропонимика (в частности — коллективные и индивидуальные прозвища, неофициальные именованья детей по отцу и матери, женщин по мужу и др.), зоонимика (клички домашних животных) и мн. др.

Квалифицированный сбор ономастического материала поможет избежать досадных искажений при фиксации топонимов.

мов на географической карте и в справочниках административно-территориального деления области. Сейчас такие искажения не являются редкостью: р. Вотская называется «р. Вочка», н. п. Суборь — «Субарь», н. п. Михеенки — «Михионки» и т. д.

Собственные географические имена способны пролить свет на загадочную историю Вятской земли. Так, сторонников Д. К. Зеленина, полагавшего, что в первоначальной колонизации Вятского края участвовали псковичи, не может не заинтересовать сравнение названий населенных мест Псковской губернии (по спискам 1885 года) и некоторых фактов из вятской ономастики:

Псковская губерния	Кировская область
н. п. Ковезино	фам. Ковезин, Ковязин
н. п. Клепиково	фам. Клепиков
н. п. Копысы	фам. Копысов
н. п. Мальцева	фам. Мальцев
н. п. Матанец	фам. Матанцев
н. п. Скочилово	фам. Скочилов
н. п. Семейкино	н. п. Семейкины
н. п. Селицы	н. п. Селицы (Селичи) и т. д.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

г. — город
д. — деревня
Елаб. — г. Елабуга и уезд
з-ще — займище
Кот. — г. Котельнич и уезд
Кукар. — сл. Кукарка (г. Советск)
Малм. — г. Малмыж и уезд
м-ца — мельница
н. п. — населенный пункт
оз. — озеро
Орлов. — г. Орлов и уезд
п. — поселок
Полян. — с. Полянки (г. Вятские Поляны)
поч. — починок
прозв. — прозвище
с. — село
Слоб. — г. Слободской и посад
Урж. — г. Уржум и уезд
фам. — фамилия
хут. — хутор

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 73—74.
- ² Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. С. 82.
- ³ См., например: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 170; Атаманов М. Г. Указ. соч. С. 139—140.

В. Г. ДОЛГУШЕВ

**ЛИДИЯ ИВАНОВНА ГОРЕВА
(1925—1976)**

Казалось бы, времена ученых-одиночек или отдельных подвижников изучения говоров давно канули в прошлое. Сегодня изучением тех или иных особенностей говоров, составлением диалектных словарей заняты целые коллективы ученых, студентов. Однако пример Лидии Ивановны Горевой показывает, что для масштабной работы в любой области научной специализации требуется энтузиаст-подвижник и что вклад одного человека в науку может быть очень весом.

Лидия Ивановна родилась в одном из самых отдаленных районов области — в с. Улеш Кикнурского района 11 апреля 1925 года. С детства она заворуженно впитывала диалектную народную речь, ко-

Илл. 86. Л. И. Горева

которая в тридцатые-сороковые годы звучала еще во всей своей неповторимости в таком глухом уголке Вятского края, каким в ту пору являлся Кикнурский район. Это самая, что называется, глубинка. Здесь еще и в наше время сохраняются и меткие остроумные прозвища, и старинные слова, прочно связанные с бытом старой деревни. Работа по изучению народного слова, диалектной лексики стала делом всей жизни Лидии Ивановны. Но вначале была школа. В 1939 году Лида Белова окончила Улешскую семилетнюю школу и поступила в Кикнурскую среднюю, которую закончила с отличием в 1942 году. Годы были трудные, военные. В этом же году Лидия поступила на факультет русского языка и литературы Кировского пединститута, находившегося тогда в эвакуации в городе Яранске. Но и в этих условиях студенты не унывали: организовали драмкружок, ставили пьесы. Увлечлась театром и Лидия. Вскоре институт перебрался обратно в Киров, а вместе с институтом и картотека словаря, изрядно пострадавшая во время эвакуации. Ее стали приводить в по-

рядок. Руководил этой работой профессор Борис Александрович Ларин. Лидия тогда еще не знала, что работа над составлением и пополнением картотеки станет ее судьбой.

Как талантливую студентку, Лидию Белову оставили в одногодичной аспирантуре при кафедре русского языка, а через непродолжительное время — учеба в трехгодичной аспирантуре. Ее научной наставницей все эти и последующие годы была ученица профессора Н. М. Каринского Елизавета Павловна Луппова. Так передавались научные традиции — от одного поколения диалектологов другому. В 1953 году Лидия Ивановна блестяще защитила кандидатскую диссертацию «Говоры Вожгальского района Кировской области». И все это время она ежегодно выезжала в диалектологические экспедиции по сбору сведений для «Диалектологического атласа русского языка», сначала в качестве рядового члена, а затем — в течение многих лет — как руководитель. Для многих защита диссертации — итог научной работы. Постепенно пришел материальный достаток. Казалось бы, можно отдохнуть, сосредоточиться на семье. Но для Лидии Ивановны это было только начало, она не могла жить без постоянного научного поиска. С 1957 года Лидия Ивановна совместно с Елизаветой Павловной Лупповой начинает работу над составлением «Областного словаря вятских говоров». Составление региональных словарей стало актуальной задачей диалектологии в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. И заслуга Л. И. Горевой в том, что Кировский пединститут был в числе первых вузов, где началась эта работа, так сказать, одним из правофланговых. С целью сбора новых материалов для картотеки словаря были организованы поездки Л. И. Горевой и Е. П. Лупповой в Фаленский и Унинский районы (1957 год), Лузский район (1959 год), Сунский, Нолинский, Лебяжский районы (1961 год). Л. И. Горева и Е. П. Луппова были одними из основных авторов «Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (1960), ставшего методическим пособием для лексикологов. После выхода в свет этого пособия Л. И. Горевой была развернута огромная работа по пополнению картотеки словаря. Ею были организованы лексикографические экспедиции в составе семи-восьми студентов и преподавателя в Верхошижемский (1962), Даровский (1963), Орловский (1966) районы; для сбора диалектной лексики привлечены студенты-заочники.

Когда картотека словаря стала настолько обширна, что встал вопрос о создании словаря, Л. И. Горева бросает все свои силы на решение этой задачи. За сравнительно короткий срок — 8—10 лет ею был проделан огромный труд: подготовлены к печати первые выпуски словаря на буквы «А», «Б», «В» и «Т».

Кроме того, в рукописи после того, как Лидии Ивановны не стало, остались 338 словарных статей на букву «Д», 1755 словарных статей на букву «П», 1572 словарные статьи на букву «С». А ведь всю эту работу нужно было сочетать с чтением лекций. Лидия Ивановна вела и большую работу по популяризации сведений по русскому языку — читала лекции по культуре речи. В 1963 году она обучала русскому языку немецких преподавателей из г. Галле (ГДР). В последние годы жизни Лидия Ивановна подумывала о переходе на половину ставки, чтобы больше оставалось времени для словаря. Однако сердце не выдержало огромной нагрузки в течение многих десятилетий. 25 июля 1976 года Лидия Ивановна скорпостижно ушла из жизни.

О. Н. ФЕДЯНИНА

ЯЗЫК ГОРОДА КИРОВА

Город представляет собой совокупность различных явлений общественной жизни, образуя многоплановую социальную структуру. Это такой объект, который изучают не только обществоведы: историки, социологи, экономисты. Уже несколько десятилетий лингвистами исследуется язык городского населения. В широком понимании язык города противостоит диалектам, говорам, как правило, крестьянского населения. Понятие язык города характеризует также языковые средства конкретного города, с учетом его возраста, численности населения, социальной структуры, отличающейся от других городов. Таким образом, можно говорить о языке г. Москвы, Калуги, Перми и т. п.

Одна сторона языка города — **литературный язык**, внутериориальное явление, общее для всех русских городов, нормы которого описываются в словарях, изучаются в школах, поддерживаются (в последнее время недостаточно последовательно) средствами массовой информации. Лексика литературного языка тесно связана с другими сторонами языка города: **разговорной речью, просторечием и жаргоном**. Взаимодействуя между собой, все сферы и дают общую картину языка города.

Единую языковую систему представляет собой и язык г. Кирова, который находится в зависимости от социального членения коллектива городского населения. Очевидно, сегодня больший интерес представляет собой лексика, противостоящая литературной и относящаяся к тем сферам языка города, которые находятся вне нормативного подхода. Язык г. Кирова социально дифференцирован, и каждая из систем, его образующих, имеет свои коллективы носителей. Так, **носители разговорной речи** — это люди с высшим или средним образованием, владеющие нор-

мами литературного языка. Нечасто можно встретить человека, который в любой ситуации общения — официальной или неофициальной — не допускает отступлений от строгой литературной нормы. Как правило, употребляются и разговорные лексические средства.

Отмеченные в разговорной речи г. Кирова слова объединяют наименования реалий, которые относятся к сфере различных интересов человека. Возможно, они не всегда столь ярки, как жаргонизмы, но удобны в речевой практике: **мыльницы** — резиновые тапочки, летняя обувь, **лапша** — трикотажная кофточка, **ночнушка** — ночная рубашка, **эскимоска** и **нанайка** — меховая шапка, по форме напоминающая головной убор северных народностей, **самовяз** — изделие, связанное своими руками, **запарка** — повторная заварка чая, **клюковка** — клюквенная настойка, **монастырка** — вино «Монастырская изба», **закрутка** — машинка для закручивания крышек, **панелька** — панельный дом, **малосемейка** — тип дома для небольших семей, **распашонка** — квартира особой планировки, **хрущовка**. Лексика данной сферы языка не ограничивается бытовой тематикой, а охватывает и внутригородское пространство: **жигуленок**, **легковушка**, **мусорка** — мусорная машина, **комиссионка**, **толкучка** — рынок, **вечерка** — газета «Вечерний Киров», **долевка** — строительство дома с долевым участием, **междугородка**, **маршрутка**. Множество разговорных наименований относится к сфере профессиональной деятельности людей: **бальник** — преподаватель бальных танцев, **бытовик** — работник сферы бытового обслуживания, **мануальщик** — мануальный терапевт, **начальники** — учителя начальных классов, **трудолик** — учитель труда, **сокращенец** — работник, попавший под сокращение и т. п. Встречаются и названия документов: **бегунок** — обходной лист, **собачка** и **щенячка** — карточка собаки, **табулька** — табельный лист расчета, видов денежных выплат, пособий: **наличка**, **безналичка**, **неучтенка**, **чистые** («чистыми получил пятьсот»), **кормовые** и даже **гробовые**. Разговорные слова могут не только давать название реалии, но и характеризовать. Именно в речи носителей данной сферы языка города выделены такие шуточные наименования, как **умиралка** — минеральная вода, **зауголок** — скромный, стеснительный человек, **электровеник** — активный человек, умеющий все делать быстро, **сади́ст** — садовод, **соли́ст** — любитель консервировать овощи, **горбатый санаторий** — садовый участок, дача, **прихвятизировать** — присвоить, украсть.

Употребляются ли перечисленные слова только жителями нашего города? Нет, большинство разговорных наименований, отмеченных в речи кировчан, относятся к общерусскому фонду разговорной лексики. Есть и определенные отличия. В языке

одного города могут функционировать слова, бытующие в другом. Как, например, объяснить, почему не прижились в г. Кирове обозначения черного хлеба словом **черняшка**, колбасы полукруглой формы — **коляска**, а название **палка** (колбасы) употребляется. Почему в г. Элисте полиэтиленовые пакеты называют чаще всего **кулек**, а в Кирове — **пакет**. Кулек же — название бумажной упаковки, свернутой продавцом. Устаревшее на сегодняшний день название абонементных талонов для поездки в транспорте — **абонементы** — активно бытовало наряду с эквивалентом **талон** в Кирове и Челябинске, и никогда в Саратове.

Лексика каждого города имеет свой облик, определенный набор слов, как специфических для языка города, так и относящихся к разряду общерусских. Основная часть наименований языка г. Кирова, в том числе и из сферы жаргона, относится именно к общерусским и не имеет территориальных отличий. Исключения составляют единичные жаргонные наименования, заимствованные в жаргон г. Кирова из сферы городского просторечия, куда, в свою очередь, вошли из диалекта: **баско** и **баский** — красиво, хорошо (в диалекте **баской**), **силька** — девочка, юная девушка, употребляемое обычно с пренебрежением (в диалекте «цыпленок»). Носителей жаргона — особой социальной подсистемы языка — объединяет общность интересов, занятий, социального положения. Состав носителей жаргона неоднороден, но в основном это молодые люди в возрасте от 17—18 до 30—35 лет. Наверное, многие кировчане разного возраста помнят слова, бытующие в школьном жаргоне: **диря** — директор школы, **русалка** и **русичка** — учительница русского языка, **истеричка** — учительница истории, **колба** и **химоза** — учительница химии, **параша** — оценка «два», **колица** — оценка «единица», **матиша** — математика и подобные. К старшим классам подростки усваивают лексику и более «взрослого» жаргона. Универсальным является молодежный жаргон, включающий в себя лексику, которую употребляют носители всех поджаргонов. К таким специализированным жаргонам относятся студенческий, спортивный, жаргон музыкантов, военных и другие. Большинство наименований, употребляемых носителями жаргона г. Кирова, совпадает с жаргонной лексикой других городов: **баксы** — доллары и это же слово в более новом значении — **бакс** — богатый человек, **шпаклевка** — макияж, косметика, соответственно **нашпаклеваться** — накраситься, обычно о ярком макияже, **арматура** — тонкие ноги, **балалайка** и **бревно** — большой магнитофон, обычно о кассетном магнитофоне отечественного производства, **баллон** — бутылка спиртного, **рваный** — рубль и многие другие. Эти яркие, образные названия достаточно активны в речи молодежи и могут быть интересны не только для молодых

людей. Жаргонная лексика в г. Кирове представлена наименованиями разных поджаргонов, но наиболее широко жаргоном студентов. Это не случайно, ведь Киров — город, имеющий несколько высших учебных заведений, техникумов (колледжей), училищ разного типа — государственных и негосударственных, число которых возрастает с каждым годом. Словарь студентов тематически разнообразен и включает и общежаргонную лексику, и, так называемое, «производственное ядро» — названия оценок, учебных дисциплин, преподавателей и т. п., а также различные наименования, связанные с бытом студентов. В жаргоне кировских студентов разных вузов встретились названия **студень** — студент, **додик** — декан, **полдекана** — замдекана, **библия** — библиотека, **первак** — первокурсник, **колок и клоаквиум** — коллоквиум, **подменка, подложка** — вид шпаргалки — **шпоры**, **прогнуться** — неожиданно для себя хорошо сдать экзамен, **проскочить** — сдать сессию, **препод, преп** — преподаватель, **культуристка** — преподаватель культуры речи, **выразилровка** — учебная дисциплина «выразительное чтение» у филологов, **твист** — теория вероятностей и статистика у математиков и физиков, **тервер** — теория вероятностей, **матан** — математический анализ. Удивительную изобретательность проявляют студенты, давая названия специальностям студентов других вузов и факультетов. Обязателен элемент оценочности, доля иронии, шутки. Так, студенты естественно-географического факультета педуниверситета именуются **морковники, лягушники, биолухи**, факультета русского языка и литературы — **филолухи**, факультета иностранных языков — **инфакеры** и даже **голубая кровь** (намек на определенную элитарность факультета), математического факультета — **матки**; **шизики** от физики. **Вертиплюх и голубой** — это курсанты КВАТУ, **продрамист** — студент факультета автоматики и вычислительной техники технического университета, **колхозник и кол** — студент сельхозакадемии.

Употребляемые молодыми людьми слова могут иметь самые неожиданные значения: **бумеранги** — давно не стиранные носки, на которых кто-то посидел (записано у студентов, живущих в общежитии), **монстр** — много знающий студент, **женская сексапильная гимназия** — общежитие медицинского колледжа, **дифференцировать** — заваривать неоднократно чай, разбавляя заварку, **мешочек** — пакетик с чаем, повторно заваренный и подобные. Студенты и сами изобретают слова, необычные и по форме: **дикон** — одеколон (видимо, от дикнуть, выпив одеколону), **КаКаДе** — сигареты, которые просят (стреляют), буквально: Кто Какие Даст, **ошишит** — не сдать зачет, экзамен, **священный амбр** — пиво, **коменда** — комендант в общежитии.

Многие молодые кировчане тяготеют к жаргону, в большей или меньшей степени. Часть молодых людей, не употребляя жаргонизмы, имеет их в своем пассивном словарном запасе, что необходимо при общении со сверстниками. Носители молодежного жаргона, как и носители разговорной речи, при общении в официальной ситуации способны «переходить» на литературный язык, оставляя жаргонную лексику для «своих».

В отличие от носителей рассмотренных сфер языка города, носители третьей основной его сферы — просторечия — не обладают такой способностью. Это люди малообразованные или, хотя и получившие образование, но в силу некоторых причин, например, сложившихся семейных традиций, профессионального окружения, тяготеющие к употреблению просторечных наименований. Внутри городского просторечия Кирова можно выделить две группы просторечных наименований. Во-первых, это слова, являющиеся частью общенародного просторечия. Употребление их отмечается в определенной местности, регионе — и в речи сельского населения, и в городском просторечии. С пометой просторечное включены в толковые словари современного русского языка наименования, бытующие в г. Кирове: **артачиться** — упрямиться, **архаровец** — разбойник, **брехун** — обманщик, **болтун**, **горбатиться** — много работать, **жила** — скупой человек, **зенки** — глаза, **засветить** — ударить, **испохабить** — испортить, **слямзить** — украсть, **хозяйин** — муж, **шерстить** — искать и др. Отмечаются слова и более поздние по времени образования, дающие названия современным реалиям: **автобусник** — водитель автобуса, **аванец** — аванс, **завивалка** — электрощипцы для завивки волос, **комбинашка** — комбинация, о женском белье, **пивнушка** — пивная, **фотка** — фотография.

Город Киров относится к числу старых городов, значительную часть населения которых составляют бывшие жители сельской местности близлежащих территорий. Язык городов такого типа активно взаимодействует с диалектами. В настоящее время процесс миграции жителей села в областной центр утратил прежнюю активность в результате социально-экономических изменений. Однако диалектная лексика функционирует в языке города не менее активно. Новые поколения кировчан усваивают эти слова не при непосредственном общении с диалектоносителями, а в процессе внутригородских связей. Самые прочные связи у диалекта установлены с сферой городского просторечия, носителями которой, как было отмечено, являются малообразованные люди, обычно старшего поколения. Закрепившиеся в сфере просторечия диалектизмы не могут не влиять на язык города в целом. Мы назвали несколько диалектных по происхождению слов, бытующих в жаргоне Кирова — с изменени-

ем значения (**силька**) или звучания (**баский**). Диалектно-просторечные лексемы известны не только кировчанам старшего возраста. Не мешает включению их в речь и фактор образования. Диалектная окраска присуща и другой сфере языка города Кирова — разговорной речи. О локальной окраске разговорной речи жителей г. Кирова подробно писала Э. Д. Головина¹. Свидетельство тому, что и образованные носители разговорной речи употребляют диалектно-просторечные слова, — записанные примеры употребления их в речи врачей, учителей, преподавателей вузов: «И в кого она у меня такая **стомовая?**» (упрямая, в речи женщины 30-ти лет); «Смотри, **приушнипилась** — тетя Лена понаравилась» (**приушниться** — притихнуть, примолкнуть; женщина 35-ти лет); «Нашла себе какого-то **отрехолка!**» (женщина 45-ти лет) и «Причешись, чего **отрехолкой-то** ходить!» (девушка, 25 лет) (**отрехолок** — 1. Грубый, невоспитанный человек. 2. Неряшливый человек); «Не **веньгай**, все равно денег нет!» (**веньгать** — хныкать); «У-у, какой **тюричок** загнул!» (женщина, 50 лет; **тюрик** — надутые губы, переносное от значения **кулек**); «Я-то пиво **бузгаю**, а гостям — шампанское» (мужчина, 42 года; **бузгать** — пить); «А **наверхосытку** — семечки!» (женщина, 60 лет), **наверхосытку** — на десерт; «Грибов немного набрали: банку волнушек засолили и лисичек на **жареху**» (мужчина, 47 лет), **жареха** — жаркое. Примеры можно продолжать, ведь, по наблюдениям Э. Д. Головиной, в активном словарном запасе жителей г. Кирова находится до тысячи лексических единиц. Не каждый кировчанин имеет локализмы в активном употреблении, но значения многих слов ему знакомы: **вертоголовый**, **вехотка**, **дековаться**, **невдосоль**, **паут**, **тенёта**, **одонки**, **израсти**, **выделаться** и др. Большая часть диалектной лексики образованными носителями разговорной речи осознается как чуждая литературному языку и не употребляется при официальном общении.

Несмотря на очевидную разницу между носителями разных языковых сфер, язык города является единым целым. Многие наименования в равной степени употребляются носителями разговорной речи, жаргона, просторечия. Можно говорить об определенной консервативности кировчан. В языке Кирова как естественное воспринимается бытование локальных образований, связанных с диалектами. С другой стороны, с некоторым опозданием начинают употребляться активное («массово») новообразования, уже бытующие в языке других, более крупных городов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Головина Э. Д. О языке вятской интеллигенции // Складчина. — 1994. № 1. С. 70—72.

IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

А. А. ИВАНОВА, В. А. ПОЗДЕЕВ

ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ

В нашем мире все взаимосвязано: природа, растения, животные, человек — все это живет хотя и своей, но единой жизнью — жизнью Земли. Многие процессы цикличны, то есть повторяются с определенной последовательностью во времени и пространстве. Человек пытался на протяжении многих веков приспособить такие колебания природных явлений к своим нуждам, так рождались ритуалы, обряды, праздники. Ученые называют обрядом совокупность установленных обычаев действий, совершаемых в определенной последовательности и связанных с религиозными представлениями или бытовой (утилитарной) традицией. В число бытовых обрядов включаются обряды, связанные с хозяйственной деятельностью и семейной жизнью человека. Хозяйственная деятельность русского крестьянина всецело зависела от природных условий, а, как известно, в связи с годичной повторяемостью почти всех сельскохозяйственных работ и их календарной приуроченностью, выделяются обряды календарные или аграрные.

Вторая сторона жизни — личная и семейная — также непосредственно связана с календарем, но такая связь имеет непостоянный характер, обряды непосредственно приурочены к различным этапам жизни человека: рождению, именованию, свадьбе, смерти, проводам в армию и т.п., такие обряды принято называть семейными. Итак, выделяются два цикла: календарно-обрядовый и семейно-обрядовый.

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОЭЗИЯ

На Вятке, как и на Руси, основными занятиями крестьянина, в связи с природно-географическими особенностями, были земледелие и животноводство. Работы в поле, на лугу, хозяйственные и домашние заботы формировали и развивали ряд обрядов, связанных с этапами этих работ и различной магией. Календарь русского крестьянина представляет собой сложное явление, включающее метеорологические, астрономические и агрономические знания о природе, обряды, произведения устного народного творчества. Обряды долгое время существовали

в устной традиции, являясь своеобразной энциклопедией народного быта. Крестьянин по такому календарю определял не только сроки аграрных работ, но в нем складывалась целостная система череды будней и праздников, когда человек мог отдохнуть не только физически, но получал психологическую разгрузку, то есть отдыхал душой и телом. Вот таким оберегающим был русский народный календарь.

На Руси было известно три календаря — гражданский, церковный и народный. Основывался народный календарь на природной смене времен года. Самыми важными вехами календаря были периоды зимнего и летнего солнцеворота, осеннего и весеннего равноденствий, естественно, и хозяйственная деятельность крестьянина соотносилась с этими природными явлениями. Так в русском народном календаре появилось множество примет и обрядов. Не случайно поэтому с каждым календарным днем связывались конкретные хозяйственные рекомендации. На ранних стадиях формирования календарных обрядов в них отразились представления, одухотворявшие и обожествлявшие природу и наделявшие ее способностью определенным образом влиять на жизнь человека. Стремясь заручиться покровительством и поддержкой могущественных природных сил, наши предки совершали обряды, с помощью которых, как считали, вступали в контакт с неведомым миром и могли воздействовать на последний в нужном для себя направлении.

В принявшей христианство Руси церковь повела серьезное наступление на языческие праздники и обряды. Но никакие проповеди и гонения не могли заставить крестьянина отказаться от старых обычаев и обрядов, так надежно помогавших ему в нелегком повседневном труде. Попытка церкви заменить народный календарь церковным месяцесловом (в нем каждый день был посвящен какому-то святому) привела к появлению народно-бытовых святцев, в которых все заботы о погоде, здоровье, хозяйстве были распределены между отдельными святыми. При этом конкретная предназначенность закреплялась в его имени (см. Афанасий-ломононос, Тимофей-полузимник, Захарий-серповидец, Василий-капельник, Авдотья-плющиха, Федот-пометальник и пр.).

Влияние церковного календаря на народный можно видеть в том, что бывшие некогда языческие обряды стали исчисляться по приуроченности к Пасхе. В результате некоторые из них были передвинуты и стали «скользящими» (к последним относится Масленица, Великий четверг, Вербное воскресенье, Семик, Троица, Яичное заговенье и др.).

Календарные обряды и поэзия отразили очень древние архаические формы мышления, этим можно объяснить регулярное совершение жертвенных обрядов (наиболее значительные

приурочены к Ильину дню). В других обрядах и поэзии, которые должны были обеспечить хороший урожай, приплод и сохранность скота, явно преобладают заклинательные и гадательные функции (Егорьев день, Великий четверг, Троица, земля-имениница, зажинки, дожинки).

СВЯТКИ

Зимнее солнцестояние издавна считалось началом отсчета нового солнечного года и период с 25 декабря (7 января) по 6 (19) января¹ в народе назывался Святками. Христианская церковь приурочила к Святкам три больших праздника: Рождество — начало Святков, Васильев день — 1(14) января и крещение — 6(19) января, завершающее Святки. Вечера до Нового года назывались «святими», а после до крещения — «страшными», с этими периодами связаны различные приметы. Особенно во второй половине Святков считалось, что нечистая сила выходит на землю и может принести всяческие беды.

Святочные обходы домов, колядование, а затем и славление Рождества были типичны для всей Вятской губернии. Уже в XIX в. колядование превратилось из магического обряда в веселую забаву. В этих обходах принимали участие все деревенские жители, однако чаще всего ходили колядовать молодежь, дети, ряженные («шиликуны», «снаряжухи»).

В зимних обрядах и поэзии довольно много мотивов, которые связаны с будущими весенне-летними сельскими работами, хотя до этих работ было еще далеко. Крестьяне верили, какие пожелания будут высказаны в начале нового года, таков будет и урожай, и личная судьба. По верованиям, все происходящее в первый день нового года распространялось и на последующие дни, месяцы, год в целом, в этом проявилась так называемая «магия первого дня», этим и объясняются многие новогодние обычаи и песни, например, колядки.

Колядные песни на Вятке назывались, как и на Севере России, «виноградья» по припеву «виноградье красно-зеленое». В них величали хозяина, хозяйку, их детей. Колядовщики-славильщики желали в песнях хорошего урожая, богатства, уважения. В песнях всегда у хозяина хорошая семья, а если есть дочери, то непременно они скоро выйдут замуж.

№ 1 *Виноградье красное, зеленое.*²

Ходят ребята коледовщики,

Ищут ребята государева двора.

Государевой двор среди Москвы, среди ярмарки.

Вокруг государева двора белокаменная гора,

Вокруг-то белокаменной стены все тынинки стоят.

На каждой-то тынинке по маковке,

На каждой-то маковке по крестичку,
На каждом-то крестичке по свечушке горит.
Еще сам-то государь, как светел месяц светит,
А сама-то государыня, как утрення заря,
Малыя-то деточки, как часты звездочки.
Сам-то государь нам по рублику дарит,
А сама-то государыня по полтинушке дарит,
Малыя-то детоньки нам по гривенке дарят.
Покатилась колесница вдоль по улице по пирожки да шанежки.
Кто не даст пирога, разобьем ворота,
Кто не даст кишки, разобьем горшки.³

№ 2

Пришли славцы
К добру господину,
В дому получили
И хозяина звали
На пир пировати,
Хозяюшку звали
Столы столовати,
Сыновей его звали
На стрельбище,
Дочерей его звали
На игрище.
Хозяину дали
Сто рублей денег,
Хозяюшке дали
Кунью шубу под атласом,
Сыновьям его дали
По доброму коню по вороному,
Дочерям его дали
По веночку по златому!
Нам же, славцам,
Не рубль-полтина, —
Единая гривна
Пива братня,
Яиц коробица,
Скляница вина,
Бочка квасу,
Морда рыбы,
Блюдо шанег,
Ставец оладий
И масла крыница!⁴

№ 7

Виноградье красно-зеленое
Еще ходят же ребята-колядовщики,
Еще ищут же ребята государева двора
Государев-то дворец среди Москвы стоит,
Среди Москвы стоит, середь ярмарки.
А вокруг его двора стоит железный тын,
А на каждой тынинке по маковке,
Что по маковке и по золоту кресту.

№ 3

Коляда, коляда!
Ты подай пирога,
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Или курочку с хохлом,
Петушка с гребешком!
Или снега клоч,
Или вилы в бок.⁵

№ 4

Эй, винограды,
Дома ли хозяин со хозяйской?
Да хозяин со хозяйской,
Если богатый, то подаешь,
А не богатый да скупой,
То, коршун, курицу, утащи,
Медведь, корову задержи!⁶

№ 5

Я маленький юльчик,
Сел на стульчик,
В дудочку играю,
Христа прославляю.⁷

№ 6

Славите, славите!
Вы меня не знаете.
Я Ванюша парничок.
Открывайте сундучок,
Доставайте пяточок,
Или гривенничек!⁸

А сам-то государь как светел месяц взошел,
А сама-то государыня как утрення заря,
Малы детоньки — часты звездочки.
Сам-то государь на крылечко выходил,
На крылечко выходил и по рублику дарил,
А сама-то государыня по полтине дарила,
Малы детоньки — по копеечке.
Покатится колесница вдоль по улице,
По пироги, по шанги, в печь по кишки;
Нож-то на палице, солонина на божнице.
Режьте и ешьте, и нам подавайте?
Не дашь кишки, разобьем горшки,
Не дашь пирога, разобьем ворота!
Виноградье красно-зеленое!⁹

Человек всегда мечтал узнать или предсказать свое будущее — это «знание» создавало такое психологическое состояние, которое помогало ему легче переносить различные невзгоды и беды. Недаром в святочные вечера самым любимым занятием были гадания.

Святочные гадания были разнообразны: серьезные и шуточные, с песнями и без песен, с использованием различных предметов, животных, проводимые в различных сакральных местах (в избе, в бане, в хлеву, за воротами, под окнами, на перекрестке дорог и т. п.). Большинство гаданий совершалось во второй половине Святков до крещения, на так называемой в народе «страшной неделе», так как существовало поверье, что в это время вся нечистая сила проявляет себя и устраивает в последний раз свой «шабаш». Любое же гадание, по народному представлению, невозможно без помощи ведьм, чертей, оборотней и прочих представителей нечистой силы. Среди святочных гаданий особое место занимает так называемое «подблюдное» гадание, сопровождаемое короткими (от одной до десяти строк) подблюдными песнями, со своеобразными запевами, припевами, песенной символикой и своеобразной словесной «закрепкой». На Вятке самым распространенным припевом, помимо известных везде «слава», «ой, ладо», был припев «илея».

Подблюдное гадание начиналось с прославления хлеба: эти песни предвещали достаток хозяевам того дома, в котором гадали.

№ 8

Еще Богу да Христу
Да мы помолимся.
Да мы не песенки поем,
Хлебу честь создаем.¹⁰
(Такой «отпетый» хлеб хранился на божнице)

Затем в определенном порядке пелись песни, содержащие иносказательные образы, разгадка которых сулила гадающим

счастье и богатство, свадьбу или безбрачие, разлуку, дорогу, несчастье, бедность, болезнь или смерть. В подблюдных песнях разнообразная символика варьируется: так, в одних местах песня может предвещать счастье, а в других — какую-то беду:

№ 9

Еще нонче-то страшные вечера,
Да что страшные вечера, Васильевские. Илею!
Ходит кисурка
По кухоньке. Илею!
Зовет кисурка котика
В конурку спать. Илею!
Кому эта песенка достанется,
Тому сбудется, не минуется,
Тому спать добро, почивать добро. Илею!¹¹
(Могла предвещать свадьбу или смерть)

На Святках девушки парни собирались в какой-нибудь «откупленной» избе и устраивали игрища, посиделки, вечерки. На этих вечерках, как правило, водили хороводы, припевали парня к девушке, играли в различные игры, чаще всего «поцелуйные»:

№ 10

(Парень становится среди круга)
Вокруг столба ли я хожу,
Еще вокруг дубового хожу.
И ишу, чем столба наделить? 2 р.
Наделю столба животом 3 р.
Красной девушкой-душой.
(все играющие притопывают ногами)
Еще кто ногой не топнет,
У того нога отсохнет
По косточке, по ладыжечке.
Кто повыскачит повыше —
Поцелуй столба.
Скажи жениха,
Та невеста моя:
Без белил она бела,
Без румян хороша.
Та невеста моя,
Поцелуй скорей меня!
(Кто высказывал повыше, целует стоящего в кругу)¹²

В вятских деревнях знали много вечерочных игр, особой популярностью пользовались игры с ремнем, которые мало чем различаются в разных районах.

Ремень (На мороз)

«Девушки и парни садились друг против друга на лавки. В середине избы ставили стул. Водящий с ремнем в руках ходил вдоль лавок и хлопал понравившуюся девушку, после чего бе-

жал к стулу, клал на него ремень и убегал. Девушка должна была взять ремень, догнать и стегнуть парня. Если ремень падал со стула, то парень с девушкой идут из избы «на мороз». (Пупышев Сергей Иванович, 1928 г. р., д. Пловска, Лузский р-н).

Ремень

«В Нагорском районе посреди избы ставят рядом три стула. На средний с ремнем садится водящий. Из толпы играющих по обе стороны от него садятся два парня (или две девушки) и нашептывают ему на ухо имена двух лиц противоположного пола. Если имена окажутся одинаковыми, водящий бьет их ремнем, разными — девушки (парни), носящие их, выходят на круг и подходят к парням (девушкам): подойдут правильно, к тому, кто загадал их имена, по правилам игры, усаживаются на их место, и игра начинается сначала».

За Святками шла Масленица. Однако время этого праздника зависело от времени Пасхи. Целый же ряд весенних праздников был приурочен к определенным числам. Одним из таких дней было 9 (22) марта (Сорок святых — встреча весны). Говорили в народе: «Как этот день весну встретишь, так и лето проведешь». Клади в рот кусочек хлеба, чтобы весь год быть сытым. С этого дня еще в течение сорока дней были утренники (заморозки). Считалось, что в этот день прилетает сорок птиц. В Котельничском и Белохолуницком р-нах по этому поводу пекли сорок мусников, а Шабалинском, Опаринском, Подосиновском, Лузском р-нах — печенье в виде птичек, которое называлось «жаворонками» и «козулями».

Дети выходили на улицу, подкидывали «жаворонков» и пели или кричали:

№ 11

Жаворонки! Жаворонки!
К нам прилетите!
Жаворонки! Жаворонки!
Весну да лето принесите!
Зима, холод надоели,
Стужу ветер унесите!

№ 12

Чивили! Чивили!
Жаворонки летят,
Хвостами шевелят,
Пошевеливают!
Курочка, снесись!
Коровочка, отелись!
Кадушка с молоком,
Перевернись!¹³

Этих печеных «жаворонков» затем хранили на божнице до выгона скота или сева.

23 апреля (6 мая) был Егорьев день. Как вспоминают старики: «В Егорьевскую скотинку хоть и гонять-то не гоняли в поля, еще рано, снег, бывает, не растает, а в ограду выпустят, походят с иконкой: «Иди, моя коровушка, в поля, на высокую гору, на восточную сторону. Спаси, Господь батюшка, мою ко-

ровушку, дай ей здоровья. Принеси, моя коровушка, молока большого, густого, хорошего».

Коров выгоняли вербным прутиком, выпускали через пояс. Снимали с себя пояс и клали на пороге, чтобы коровушка переступила, и навязывают его на себя на голое тело и говорят: «Пропускаю рабу Божью (имя). Как этот поясок меня держится, так бы раба Божья, коровушка (имя) держалась своего двора».

МАСЛЕНИЦА

Масленица — праздник по своей сути был языческим и почти не испытал на себе влияния христианства. Масленица отмечалась на восьмой неделе до Пасхи. Масленичная неделя называлась «поползухой», «объедухой», «сырной неделей», «сыропустной» — это своеобразный полупост, во время которого разрешалось есть молочные продукты (масло, сыр, молоко, творог), яйца, рыбу. Эта неделя была подготовкой к долгому великому посту.

Уже в XIX — начале XX в. Масленица — это просто веселье, а некогда масленичные обычаи и обряды должны были способствовать плодородию земли и размножению всего живого. Песни, певшиеся при встрече Масленицы и при ее провах, были резко противоположны. В первых преобладали мотивы славения, величания персонифицированной Масленицы («Дорогая наша гостыя, масленица, Авдотьюшка Изотьевна!»), перечисляются те удовольствия и развлечения, которые она привозит людям («Кидала масло по кому, кто ухватит, так тому?»). Во время Масленицы пелись также различные величания, адресованные молодоженам, и песни, рассказывающие о гуляниях.

Все дни Масленой недели имеют свои особые названия: *встреча* — понедельник, *заигрыши* — вторник, *лакомка* — среда, *разгул*, *перелом*, *широкий четверг* — четверг, *тещины вечерки*, *блины* — пятница, *золовкины посиделки* — суббота, *проводы*, *целовник*, *прощеный день* — воскресенье.

Встречу Масленицы начинали с посещения родных. К первому дню Масленицы заливали горы, укладывали «шесты», устраивали «карусели-лодейки».

№ 13

Наша масленица годовая,
Она гостейка дорогая,
Она пешком к нам не ходит,
Все на коможах разъезжает,
Чтобы коники были вороные,
Чтобы слуги молодые¹⁴

На *заигрыши* с утра приглашали девушек и парней показаться на горах, поесть блины. «Когда масленица придет, шесты

сразу делали: укладывали их на кряж, чтобы вроде горки получилось. Молодежь и пожилые целую неделю катались на шестах. Молодые приезжали на лошадях. И до чего же лошади были красиво убраны! Сбруя вся блестит, в пуговках медных, кисти были на шлею, дуги позолочены, а сани расписаны. На шею лошади подгарник одевали, чтобы шею охватил. А на него штук двадцать воркунов вешали, чтобы разные голоса вызванивали. А на дугу вешали по три звонких — по краям больше, а в середку маленький. Раньше у всех это было» (Волокитина Мария Тихоновна, 1922 г. р., д. Кузнецово, Лузский р-н).

На *лакомки* тещи приглашали своих зятёв к блинам. В *широкий четверг* начинается масленичный разгул: катание на лошадях по улицам.

Широкорожая Масленица!
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!¹⁵

Особая роль в масленичной обрядности отводилась молодоженам-первогодкам: «Залезут на гору, положат зятя в сани, сядут на него и поехали. Говорят, «на зяте кататься» (с. Курино, Котельничский р-н). На *тещины вечерки* зятя угощают своих тещ блинами. «С четверга ездили позвом, зятя звали на Масленицу — приедут к отцу к родному, если первый год женаты, то в четверг. В субботу уезжали молодые к свекру. В воскресенье целовали молодушку. Молодушка всех и целовала» (Омнина Антонина Георгиевна, 1903 г. р., д. Омонины, Котельничский р-н). Проказы на Масленицу были делом обыкновенным: закрывали печные трубы, заваливали, двери, затаскивали на крышу сани. Веселье было всеобщим и нередко перерастало в потасовки между молодыми парнями.

В «Вятских губернских ведомостях» есть описание взятия снежного городка: «За неделю до масляницы, заводские мальчишки, дети мастеровых, строят города... На вершине столба ставится длинный шест с бумажным флагом — и город готов. После того выбирают так называемого Городничего, который должен стоять на городе и защищать его от нападения масленицы... В первые дни масляницы вы увидите толпу людей в маскарадных костюмах, разгуливающих по улицам с песнями, музыкой, плясками. Вглядитесь в эту маскированную группу: впереди идет плотный мужчина, краснощекий, с усами и бородой, в трехугольной шляпе с мочальным султаном, в старом мундире с соломенными эполетами и с лентой через плечо, на которой иногда видны слова: Московские ведомости; с бумажными и жестяными орденами и звездами на груди с обнаженной деревянной шпагой в руках — это генерал, предводитель отряда. После

него идут два адъютанта, в казачьих полукафтанах, в солдатских киверах, красиво обвешанные мочалами в виде аксельбантов; один из них с охотничьим рогом, вероятно, вместо трубы, а другой с лукошком вместо барабана. За этим трио мерно шагает неопределенная свита во всевозможных костюмах: тут и Арабы, и Турки, тут и паяцы, с босыми ногами, люди, у которых наружный холод умеряется внутренним жаром; тут и Венгерцы с ящиками, наполненными старой посудой, тут все, все, что только может придумать русский мастеровой для своей потехи и для достижения своей цели, т.е. выпить за чужой счет... Эта группа называется *масляницей*. В последний день масляницы, в воскресенье, берут города. Это делается таким образом! Как только завидят масляницу, ставят на свое место Городничего, вооружают его небольшим прутком, веником и горстью табака: вот все, чем он может защищаться от нападения масляницы. Приходит масляница; перед нею очищается поле действий, генерал устанавливает свое войско в боевой порядок. Вот затянули песню «Ивушка, ивушка, зеленая моя...», и вся армия тихим шагом подступает к городу. Вдруг раздается выстрел из пистолета — песня перешла в громкое «ура», и с этим знаком густая масса народа бросается со всех сторон на город. Дело в том, что нужно овладеть флагом и особой Городничего... Городничий предлагает контрибуцию — известное количество вина, если город будет взят в условное число приступов... Городничий связан, вино выпито, а победители, оборванные, избитые отправляются искать новых городов и новой контрибуции...»¹⁶.

Провожали Масленицу тоже очень весело, как правило, на Вятке ее сжигали. Вот как об этом вспоминают жители Котельничского района: «В воскресенье откатавшись вечером на горе, в поле или посреди деревни «жгли масленицу»: мужики делали обмолоток, шапку на него. Чучело делали в последний день. Где вот выйдем среди поля за деревню, и там душим, бесимся, и жгли масленку. Большой ком наверхтат: «До следующей масленки сожжем!» Одного в снег валили. Раньше молодухи в это дело боросались» (Веснина Клавдия Алексеевна, 1913 г. р., с. Вишкиль, Котельничский р-н). Говорили: «Все блины на масленицу горят!». На обмолоток одевали халат худой, глаза углем начертят, пели песни про масленку» (Петрова Татьяна Николаевна, 1913 г.р., д. Скурихинская, Котельничский р-н). Песни, сопровождающие проводы Масленицы, шутивно-похоронные.

№ 14

Прости, прости Масленица,
До великого заговенья,
Что до красных яиц,
До Христова дни!¹⁷

Илл. 87. Катание с ледяной горки

Илл. 88. Катание по шестам

ВЕЛИКИЙ ПОСТ. ПАСХА

Особые обряды имел период Великого поста. В Чистый понедельник смывали «масленичные грехи», постились. День Средокрестия приходился на середину Великого поста, пекли хлеба с крестом, запекали в них крестики.

Последняя неделя поста открывалась Вербным воскресением. Ходили в лес ломать веточки вербы, освящали в церкви, украшали ими божницы. Почки вербы опускали в воду и кропили ею все во дворе — хозяйственные постройки, скотину, а затем выгоняли ветками ее на улицу. Особо распространен обычай хлестать веточками друг друга, при этом говорили: «Не я бью, верба бьет!».

Одним из самых важных праздников в народном календаре Вятского края был Чистый четверг. В этот день, как и на святках, верили: как проведешь этот день, так и сложится весь оставшийся год. Этим верованием определяются многие велико-четверговые приметы и магические обряды: не мыли полы; не брали и не давали в долг; не ели до звезды; на стол выставляли все запасы; запирали колодцы от колдунов; не ругались с женами (иначе весь год будешь ругаться) и т. д. Многие поверья Чистого четверга связаны с «очистительной магией»: утром этого дня девушки умывались с различными заговорами (на красоту, на любовь, на приманивание женихов, на хорошую жизнь). «С серебрянки когда умываются, приговор говорят: «Как серебро блестит, так чтобы я блестела. Отныне до века. Аминь». (Колосницына Анна Сергеевна, 1913 г.р., д. Шубены, Даровский р-н).

В Великий четверг могли «наговаривать» на соль, которую считали целебной и пользоваться ею больных. В этот день могли «портить» девок, парней, соседей. Насылали им всякие напасти: парню — плохой невесты, мужского бессилия; девушкам — долгого сидения в девках, соседкам — плохого урожая в огороде и т.п. Например, «В Великий четверг бросят камень деревянный (уголек) на сарай. Он весь рассыпается. Говорят: «Когда этот камень соберется, тогда эта девка замуж соберется».

Пасха — главный христианский праздник. К ней готовились заранее: копили яйца, которые в четверг красили луковой шелухой, накануне пекли куличи, делали творожную пасху. В ночь на Пасху ходят с зажженной свечой: погаснет свеча — год будет худым, нет — хорошим. Утром смотрели как играет солнце — радуется (этот обычай отмечается повсеместно и накануне других больших христианских праздников). После крестного хода, церковных обрядов ходили на кладбище — поминать умерших родителей.

С пасхальной недели начинались народные развлечения: качание на качелях, хороводы, игры. «С Пасхи до уборки уро-

жая начинали водить хороводы: в обычные дни водила молодежь, а воскресные и праздничные — все, пели «круговые» песни «Не на местечке березка вырастала», «Как у Ванюши голова болит», «Посеяли девки лен», заканчивали песней «От зари звезда...» (Патрушева Мария Ивановна, 1910 г. р. С. Кузнецова. Лебяжский р-н).

После Пасхи шло Фомино воскресенье или Красная горка, на которой обходили дома молодых (первобрачных) и окликали их. Во время этой недели продолжались игры (парни играли в лапту, чижа и др.), хороводы. Вторник на этой неделе — поминальный день, Радуница.

ТРОИЦКАЯ НЕДЕЛЯ. СЕМИК

После Пасхи седьмая неделя называлась троицкой, основная обрядность этой недели связана с растительностью, а также с поминанием умерших предков. Поминки устраивались в Семик (четверг на троицкой неделе). Ходили на кладбища, ели поминальную еду: кутью, блины, рыбные пироги, яйца, оставляли эту еду на могилах. Возможно, древние корни троицкой и семицкой обрядности связаны с принесением жертвы предкам. Эти эле-

Илл. 89. Участники обряда перед началом шествия с троицкой березкой. 1929 г.

менты можно увидеть в описании Троицы в с. Полом Глазовского уезда: «С незапамятных времен наши крестьяне правят жертву в Троицын день... Уже с вечера десятичники обходили каждый дом села, собирая на покупку жертвенного быка по 3 коп. с души, будь то старик или месячный ребенок...»¹⁸. Еще более интересный обычай зафиксирован в с. Жерновогорье в Семик: «В село с разных концов стекаются богомольцы. Женщины приносят корзины блинов для раздачи нищим. С утра начинается праздник. Жители села обыкновенно в этот день не работают.

В церкви сначала идет утреннее богослужение, затем обедня, по окончании которой все направляются на кладбище к часовне. Часовня отпирается и в ней начинают служить панихиду по убитым воинам. Перед началом молебствия из-под часовни добывается часть человеческих костей, которые и складываются на землю около часовни, после чего начинается натирание этими костями. Желая предотвратить себя от возможных недугов и болезней, богомольцы натирают костями свое тело. Черепом головы трут голову, соответствующими костями трут руки и ноги, после чего к костям прикладываются.

Приводят и детей для тех же операций.

Тут же под крыльцом часовни берут песок, которым также натираются и уносят его про запас с собой.

Подле часовни на землю складывается приносимый паломниками приклад, состоящий из холста, пряжи, меду и пр. Тут же стоит корзинка для блинов и кружка для денег.

По окончании службы и обряда, часовня закрывается до будущего года. Кости складываются на прежнее место под часовню и створка закрывается...

По преданию, часовня эта, а также небольшая каменная часовенка в сл. Кукарке над крутым обрывом к реке Пижме, построены в память павших русских воинов на месте битв русских с черемисами при заселении этого края в давние времена»¹⁹.

В Троицын день завивали березки, украшали избы, дворы, всю деревню березками. Березовые ветки, по народным поверьям, оберегали дом от разрушений, подтыкая их на чердаке, говорили: «троица Божья, храни от бури, от сильного ветра!», повторяли три раза.

Основным развлечением на Троицу были хороводы, игры. «Летом вот играли. Я еще недоростком была. В Троицын день ставили березки все, срубали и приносили под окошко штук пять рядами. И вот мы играли, к каждой березке становилась девочка. Одна остается лишняя и спрашивает: «Кумушка-голубушка, продай уголок!» Она говорит: «Там пиво варят». К той придет: «Кумушка-голубушка, продай уголок!» Вот так все и спрашивает ходит. А не успеет, другая-то ее опередит да и ста-

нет к березке, дак и опять та идет спрашивает» (Чебаевская Анна Петровна, 1911 г.р., д.Ершово, Лузский р-н.). До Яичного заговенья, начиная с Троицы, водили хороводы:

№ 15

Ты береза белая,
Ты белая кудрявая, /2 раза
Да листом зеленая, /2 раза
Да у чего стояти будешь, /2 раза
Да при витри или при вихору,
Да при большом пути-дороженьке, /2 раза
Да уж ты девка ли девица, /2 раза
Да ты гражданка красная, /2 раза
Да у кого сидеть будешь /2 раза
Да у отца или у матери, /2 раза
Во высоком тереме, /2 раза
Да шитом браном полог?
Не пора ли тебе, девица,
Да со старым да сосвататься.
Уж ты старый старище,
Да ты седая бородача,
Ты сходи-ходи на тот базар,
Ты купи-ка редку борону, /2 раза
Расчѣши седую бороду,
Уж ты девка ли девица, гражданка красная,
Не пора ль тебе, девица,
С молодым сосвататься? /2 раза
Ты сходи-поди на тот базар, /2 раза
Ты купи калачиков. /2 раза
Сядь поешь калачиков,
Позабудешь женитьбу, да всю девичью красоту.²⁰

В понедельник после Троицы отмечался Духов день. По поверьям, в этот день земля — именинница: ее нельзя трогать (пахать, боронить, копать): запрещалось ходить по ней в обуви (только босиком или в валенках): выливать грязную воду. «В Духов день землю отпевали в церкви. Поп давал горсть земли. Ее в свой огород несли» (Носова Серафима Львовна, 1909 г. р., д. Погост, Лузский р-н). Варили ячменную нашу, селянку (яйца, запеченные с молоком в печи), пиво, шли на межу, ели сами и угощали землю. Каши положишь на землю: «Я поминаю тебя, земляца, и ты не забывай, урожая давай». На следующий день после Духова дня вода — именинница.

Через неделю после Троицы следовало Яичное заговенье. К этому празднику красили яйца и играли с ними: чокались (у кого разобьется, тот отдавал его выигравшему). Катали («Где-нибудь на ровном месте выкапывали ямку диаметром с полтора метра. По ее краям делали желоб, по которому и катали яйца. Если яйцо не докатывалось до конца желоба, то оно считалось проигранным, а если докатывалось, и шибало чужое яйцо, то

Илл. 90. Игра «Девки гору пахали»

играющий забирал себе оба яйца и мог катать еще раз» (Абрамова Софья Сергеевна, 1932 г. р., с. Верхнелальск, Лузский р-н).

ИВАНОВ ДЕНЬ

К Иванову дню, 24 июня (7 июля), приурочено множество примет и ритуалов, связанных с растительностью. Если в Иванов день дождь, значит, будут водопопины — петровская, прокопьевская, ильинская; обильная роса — к урожаю огурцов. Если в Иванов день сухо, то до Петрова дня дождей не будет. В этот день нельзя работать, в особенности метать зарод. Считается, что растения в Иванов день набирают полную силу, поэтому их рекомендуют собирать с Иванова до Петрова дня (если же нарвешь раньше — выброси на ивановскую росу, и они станут целебными). Травы собирали с приговорами: «Небо-батка да земля-мати, разреши мне, рабе Божьей, травки порвати, корешков покопати. Отныне и до веку. Аминь». (Горячевская Клавдия Петровна, 1919 г.р., с. Верхнелальск, Лузский р-н.).

По поверьям, в двенадцать часов ночи расцветает папоротник: «В ночь, в Иванов день надо идти в папоротник и завечать, что надо. Говорят, там страшно. Всякие бесы могут показаться, и змеи, и лягушки, на тебя полезут. Человек может с ума сойти. Очерчиваться надо угольком или кочергой. Если этот цветок в кругу расцветет, тогда возьмешь. А если за кругом, не достанешь: тебя тут и разорвут, как полезешь. Это только самый счастливый высмотрит. А цветок этот цветет в двенадцать часов. Так вот тогда и поползут все к человеку. И, говорят, нельзя

оглядываться, что они там делают. А если оглянешься, с ума сойдешь» (Пономарева Александра Степановна, 1924 г. р., с. Кривец, Даровский р-н).

Считалось, что в ивановскую ночь на горе или дубах собираются ведьмы. В эту же ночь светятся и открываются клады. В ивановскую ночь гадали: на женихов, на судьбу, на здоровье. На каждого члена семьи завечали растение, заламывали его, а через несколько дней приходили и смотрели: чье засохнет, тот умрет. Плели венки и бросали в речку: поплывет по течению — к замужеству, против течения — к смерти, останется на месте и завертится — к болезни. Клади под подушку двенадцать (сорок) разных травинков (цветов) и завечали: «Суженый-ряженный, приди по мой букетик!». Ночью во сне должен был явиться суженый.

Следующие летние праздники Петров 29 июня (12 июля), Прокопьев 8 (21 июля) и Ильин 20 июля (2 августа) дни не были столь богаты различными ритуалами, хотя многое примечалось по этим дням. С Петрова дня — красное лето, зеленый сенокос. В этот день нельзя шить. Заготавливаются банные венки. «В этот день был такой обычай — возить жениху сыр. Теща напечет всего, нажарит, сделает сыр, пирог с рыбой, яиц накрасит. Теща должна подарить 101 яйцо. Свекру и свекрови тоже дарили яйца. Невестина родня в этот день ездила в гости к жениху. Если к кому теща не приедет с подарками, над ним шутили: ребята на кулижную борону насадят всякого тряпья, банок старых, лепешек коровьих сухих и везут ему. Запрягутся в эту борону и везут к дому. Этот парень, которому привезли, должен был дать на откуп бутылку. Если не дает, то все это у него перед домом скидывали» (Гундюхин Степан Степанович, 1915 г. р., д. Пожарище, Лузский р-н).

С Прокопьева дня начинали сев озимых, в этот день нельзя грести сено. Ильин день связывали с Ильей-пророком, который в этот день катается на колеснице. Ученые соотносят Илью-пророка с языческим Перуном. После Ильина дня начинают жать. Повсеместно существовало поверье: после Ильина дня нельзя купаться — медведь лапу в воду опустил, и та стала холодной; красная рука на дно утнет. В этот день нельзя работать: все труды пойдут даром.

ЖНИВНЫЕ ОБРЯДЫ

Особый интерес в календаре Вятского края представляют жнивные обряды, связанные с началом (зажинки) и окончанием (дожинки) жатвы. Имея много общего в ритуалах, жнивные обряды тем не менее различаются по районам в терминологии, обрядовых магических текстах, поверьях, положенных в основу жнивной обрядности. В это время совершались и помочи, кото-

рые делали во время дожинок. Н. М. Васнецов отмечал, что «дожинки продолжаются иногда до обеда, или уповод; помочь же полная продолжается с утра до сумерек».²¹

Современные записи рисуют довольно подробную картину начала и конца жатвы: «Пойдут жать, зажгут лампадку, на коленки встанут, помолются и пойдут. Зажинал отец — глава семьи... В жатву первый узелок травы завяжут и под пояснуцу подтыкают со словами: «Как соломинка гнется, не устает, так и, моя спинка, гнись, не устай!»

Последние колоски, оставшиеся к концу жатвы, не срезали, а завивали, оставляя на поле. Именовались они по разному: «Кукла» (Лузский р-н), «борода» (Шабалинский, Даровский р-ны), «Илья-борода» (Опаринский, Подосиновский, Котельничский р-ны), «Спас», «Спасова борода» (Нагорский р-н). Завивали бороду следующим образом: «Когда последний сноп жнут, тогда Илье на бороду оставят. Оставят такой квадратик, ходят помаленьку кругом, с серпом прихватывают, а кружочек, который остался, — Илье борода. Вьют, вьют, а зернышки раз! туда толкнут: «Вот! Тебе, Илье, на бороду». Один человек встанет, руки вытянет, ему на руки ложат овес. Из овса этого плетут плетень и окладывают Илье оградку из нажатого овса все в одну сторонку колосьями. И дорогу, ворота оставят и положат в него плетень зернышками от круга. Это Илье на бороду» (Бестужева Прасковья Осиповна, 1906 г. р., д. Волгарица, Опаринский р-н). Еще приговаривали так «Илья-борода! Нашему хозяину в сусек спорина! Дай, Бог, на прок больше зерна, жита да овса!»

Отмечать дожинки собиралась вся семья: «Последний сноп всегда носили в дом и ставили в передний угол. На этом снопе заплетали косу. Потом варили кашу — саламат. Все садились за стол кашу есть и этот сноп кашей кормили... Как символ хорошего урожая, символ благодарности... Саламат варят из ячневой крупы. Ее помыть, положить в горшок, залить водой, сверху положить немного масла, затем поставить в печь часа на четыре, чтобы хорошо упрела и рассыпалась по крупинке» (Игумнова Афанасия Григорьевна, 1923 г.р., пос. Лальск, Лузский р-н); «Кузьму делали еще. Это снопики (рожь, лен), ставили в сутной угол. Соберутся, ставят и приговаривают: «Кузьму в уголок, а хлеб в сусек!» И так раза три.» (Макарова Вероника Галактионовна, 1921 г. р., д. Козинская, Лузский р-н). «Долгой последний сноп, как ребенка, несли. Принесут в избу, поставят на серпах. Так на серпах до Покрова сноп стоит. На Покрова варили кашу овсяную — саламат. Первую ложку этой каши в сноп кладут. Потом сноп раздают животным — корове, птице, кошке — всем, кто в доме есть. Сами кашу едят...» (Лазарева Анна Феонтьевна, 1910 г. р., д. Ляпково, Лузский р-н).

Илл. 91. Крестьяне за обедом на «помочи». 1880-е годы

Календарные обряды своеобразно организовывали труд и быт крестьянина. Это была жизнь во многом регламентированная, однако такая регламентация позволяла труженику рационально, с учетом многовековых наблюдений, традиций легче переносить невзгоды, неурожаи, стихийные бедствия. В таком «круговом» цикле была своя закономерность чередования работы и отдыха, в которых отразилась этика и эстетика труда и праздников. Обрядовый фольклор — это многожанровый комплекс, в котором можно наблюдать песни и причитания, приговорки и заклинания, заговоры, игры и хороводы. Все эти произведения достаточно полно представлены в вятской обрядовой поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даты даются по старому стилю, даты нового стиля даются в скобках.

² Этот припев повторяется после каждой строки кроме двух последних.

³ Глушков И. Е. Топографическо-статистическое описание г. Котельнича // Этнографический сборник, издаваемый РГО. Вып. V. 1862.

⁴ Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 17, № 3. СПб., 1877.

⁵ Патрушева М. И., 1910 г. р., д. Лупанерь, Лебяжский р-н, записано Крюковой О. А., 1990. Фольк. арх. ВГПУ.

⁶ Каторгина Клавдия Николаевна, 1915 г. р., с. Нагорное, Белохолуницкий р-н. Арх. МГУ.

⁷ Чернышева Павла Васильевна, 1914 г. р., д. Огорельцево, Лузский р-н. Арх. МГУ.

⁸ См. прим. 7.

⁹ Петухов Е. Взгляд на народный быт в некоторых местностях Орловского уезда// ВГВ. 1860. 9 июля, часть неофиц. С. 188. Припев повторяется после каждой строки.

¹⁰ Котельникова Анна Кузьмовна, 1913 г. р., д. Стрельская, Опарицкий р-н. Арх. МГУ.

¹¹ Наймушина Александра Сергеевна, 1915 г. р., с. Юрьево, Котельничский р-н., зап. Татариновой М. в 1985 г. фолькл. арх. ВГПУ.

¹² Кислицына Екатерина Федоровна, 1916 г. р., с. Шурма, Уржумский р-н. Зап. Поздеев В. А., 1990 г. фолькл. арх. ВГПУ.

¹³ Першина Ульяна Федотовна, 1901 г. р., д. Никулино, Лузский р-н. (№ 10); Боброва Анастасия Афанасьевна, 1930 г. р., д. Черновское, Шабалинский р-н. (№ 11). Арх. МГУ.

¹⁴ См. прим. 5.

¹⁵ Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. С. 246. № 354. /Институт русской лит. Рукописный отдел, фольклорный архив Р.У., к. 69, п. 15, № 254. Записано в Яранском уезде Вятской губ. в 1927 г. Исполнялась на катании с масленичных гор.

¹⁶ Бл-в М. Масляница в Казани и в Воткинском заводе//ВГВ. 1846. № 52. С. 340.

¹⁷ Кибардин П. Г. Извлечения из материалов, собранных для Русского географического общества по уезду Слободскому// ВГВ. 1848, № 13. С. 90.

¹⁸ По губернии: Село Полом Глазовского уезда//Вятская речь. 1913. № 154. С. 4.

¹⁹ Зыков С. Материалы к изучению края (Семик в селе Жерновогорье) // Вятская речь. 1917. № 138. С. 3.

²⁰ См. прим. 11.

²¹ Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. С. 58.

Т. А. РОМАНОВА

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ «ГОРЕНКА»

Лауреат всесоюзных фестивалей и конкурсов фольклорный ансамбль «Горенка» организован в 1983 г. при Доме культуры металлургов. Бережно собирают участники коллектива песни нашего края и сплетают венок из дорогих нашему сердцу вятских мелодий: «Человек жив памятью».

Состав ансамбля на протяжении многих лет оставался неизменным, в него входят воспитатели и музыкальные работники детских садов, преподаватель ВГПУ, учителя, мастер производственного обучения, рабочие и служащие. Всех их роднит любовь к народной песне. Однако появился и второй состав ансамбля — это школьники разных классов. Молодежь также тянется к народным традициям, к русской народной песне. Класс, в котором занимается ансамбль, оформлен под

деревенскую избу, где много предметов старинного русского быта, отсюда и название ансамбля «Горенка».

В сборе песенного материала коллективу помогают не только экспедиции по родному краю, но и сотрудничество с поэтессой Т. К. Николаевой, фольклористами В. А. Поздеевым, В. А. Коршунковым и соседней Пермской области. Многие песни в репертуаре «Горенки»

Илл. 92. Фольклорный ансамбль «Горенка»

не только из фольклорных архивов и экспедиций, но и из репертуаров других ансамблей, с которыми установлены дружеские и творческие отношения.

Для многих из участников ансамбля фольклор, его собирание и передача детям стали смыслом жизни. В школах города ведут уроки по народной культуре руководитель ансамбля Т. А. Романова и солистка, преподаватель ВГПУ Т. В. Кукаркина. По своей авторской программе «Русская традиционная культура» работает учитель школы № 52 Г. В. Сараева. В удивительный мир фольклора вводят детей разных возрастов в детском комбинате № 72 «Лукоморье» воспитатели: солистки ансамбля Н. П. Филиппова и О. Ю. Бизяева.

Бережное отношение к этнографическим деталям, прекрасные вокальные и артистические данные участников ансамбля привлекают телевизионных режиссеров. С участием «Горенки» сняты несколько фильмов и передач: «Свадебный обряд» (реж. Р. Лаптева), «На праздник» (о вятских умельцах) (реж. В. Волков), «Новые узоры по старой канве» (по заказу ЦТ) (реж. Г. Якушевич, опер. В. Подлевских), «Полюнь» (реж. и опер. В. Подлевских), «Купальская ночь» (реж. Г. Якушевич), «Не кукуй, кукушечка...» (реж. Р. Лаптева, опер. В. Подлевских), «Вятская гармонь. Ганинские мастера» (реж. Р. Лаптева, опер. В. Подлевских) и др.

Творческая цель коллектива — сбор, сохранение и пропаганда вятского фольклора. Участники не только сохраняют обряды, песни, но живут ими, стараются передать все накопленное молодому поколению.

И. М. СОФИЙСКИЙ

АННА ЛАВРЕНТЬЕВНА ПОЛУШКИНА (1868—1892)

Анна Лаврентьевна Полушкина. Она дочь крестьянина, родилась 31 января 1868 г. в деревне Балакинской Ярославской волости Слободского уезда Вятской губернии. Обучалась сначала в селе Роговском, в местном земском училище, а потом в Слободской женской прогимназии, где в 1883 году окончила курс в числе лучших по успехам и поведению учениц. По достижении 16-летнего возраста, с конца января 1884 года, она допущена к практической педагогической деятельности в начальном народном училище, с чем и не расставалась до дня своей смерти, последовавшей в апреле месяце 1892 года. Около восьми лет она трудилась для своего родного, Роговского земского училища, где была помощницей учительницы до ноября 1891 года, а с этого времени получила назначение на должность учительницы Березинского земского училища, что в селе Николаевском Островновской волости. В этой последней должности и застигла ее смерть. Молодой организм не вынес тяжелой трудовой жизни сельской наставницы, обреченной работать в самых невыгодных гигиенических и санитарных условиях, кус-

ка недоедать, ночей недосыпать, за множеством мелкой, кропотливой работы по надзору за учащимися, приготовлению к урокам, просмотру ученических тетрадей и пр. и пр. Работе своей она отдавалась страстно, с увлечением и стараясь выполнить ее добросовестно... В интересах учебно-воспитательного дела, желая обстоятельнее ознакомиться с Слободским уездом, т. е. дабы знать, на какие именно стороны обратить внимание в учебно-воспитательной практике начальных народных школ, я просил некоторых преподавателей и преподавательниц последних, а в том числе и Полушкину, как местную уроженку, сообщать мне время от времени известные им от первоисточника факты, касающиеся этнографии и филологии. Полушкина увлеклась этой интересной работой и вместо отдельных сообщений составила цельный очерк, обрисовывающий три главнейших момента жизни человека, каковой (т. е. очерк) и отдала в мое полное распоряжение. Очерк оказался интересным и весьма любопытным: он, во-первых, может служить дополнением к обрисовке «нравов и обычаев» населения Слободского уезда, что дано в обстоятельном труде г. действительного члена Вятского Губернского Статистического Комитета, М. И. Куроптева, «Слободской уезд» (Вятка, 1881 г.); во-вторых, дает массу материала в подтверждение положений, высказанных в примечаниях к «Загадкам Слободского уезда» (см. «Календарь Вятск. губ. 1892 г.»); в-третьих, любопытен со стороны языка самой составительницы — языка живого, народного, наивного, простого, безыскусственного.

Из «Календаря Вятской губернии на 1893 год», Вятка, 1892. С. 3—4.

В. А. ПОЗДЕЕВ

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД И ЕГО ПОЭЗИЯ

Свадебный обряд Вятского края был всегда богат и красочен. Он вобрал черты древних обрядов и в то же время испытывал влияние времени. В каждой деревне сохранилось что-то свое, появилось новое, но в народной памяти обряд остался таким, каким он был зафиксирован в конце XIX в.

Строго говоря, особого вятского свадебного обряда — во всей его цельности и единстве — вообще-то нет. Можно выделить только региональный инвариант общерусского обряда. Основной стержень свадебного действия таков: сватовство, сговор (рукобитье, богомолье, малые смотры), подготовка к свадьбе, девичник (вечерка, большие смотры, шитник, пропивки), баня, утро свадьбы, венчание, свадебный пир, отводины (хлебна, хле-

бины). В имеющихся описаниях вятской свадьбы эти части отмечаются повсеместно, иногда они называются по-другому, но суть обряда остается неизменной.

Этнографы и фольклористы по-разному описывали свадьбу. Это объясняется не только различиями в местных традициях, но и разной сохранностью их. Уже в 1930-х годах начался распад традиционной свадьбы. В наши дни этот процесс продолжается, хотя всплеск интереса к традициям, обрядам, устойчивому народному творчеству как бы «оживил» пассивное бытование их, многие пытаются возродить в современной действительности те или иные элементы традиционной свадьбы.

Свадьба Вятской губернии XIX в., в отличие от древнерусской, представляет собой не просто веселье, драматическую игру, но сохраняет основной смысл брачного обряда — продолжение рода, и, конечно же, хозяйственно-экономических функций семьи. Поэтому свадьба считалась очень серьезным жизненным этапом. Как отмечал Н. А. Александров, «брак для крестьянской молодежи Елабужского уезда есть... необходимость заставить молодца жить так, как живут добрые люди, т.е. завестись хозяйкой, скотинкой и принадлежностями, необходимыми в крестьянском быту, ради того в особенности, кабы парень-от совсем не избаловался.»¹

Время свадеб в Вятской губернии, как и в других местах России, начиналось после завершения полевых работ. Так, отмечалось, что в с. Истобенском Орловского уезда «отдохнувши, одни мужики принимались за работу, а другие, у которых есть парни-женихи или дочери-невесты, затевают свадьбы.»² Свадьбы начинались с октября и продолжались до января. Бывали свадьбы и в феврале, но в этом месяце они и заканчивались. По статистическим сведениям, в с. Истобенском из 100 браков 77 заключаются в январе и феврале, 19 — в октябре и ноябре и только 4 брака в остальные 8 месяцев года.

В Вятской губернии почти везде существовал обычай: в праздник Покрова (1 октября) и в день Параскевы-Пятницы (покровительницы женского рукоделия) девушки просили о замужестве. Они приговаривали: «Пресвятая Мати Богородица! Покрой мою голову красным кокошником, золотым подзатыльником!» Или так: «Батюшка Покров! Покрой землю снежком, а меня — женишком», «Пятница-Параскева! Пошли женишка поскорее!»

Девушки, достигнув брачного возраста, могли ходить на вечерки, беседы, их начинали приглашать подружками на свадьбы. Уже на этих совместных вечерах происходили знакомства с парнями, во время масленичных игр, в весенних и летних хороводах выявлялись симпатии друг к другу. Недаром в играх и хороводных песнях любовная тематика одна из самых главных.

Девушки начинали приобщаться к новому кругу традиций, готовили приданое, учились петь песни, причитать. Брачный возраст колебался от 16 до 20 лет для девушек, для парней от 18 до 25 лет. Вместе с тем инициатива сватовства всегда исходила от родителей парня. Если невесту выбирали из другой деревни, то свататься помогали знакомые, родственники. Родители сообщали сыну о том, что выбрали для него невесту, только накануне сватовства. Парень «спохватывался, что дело-то не совсем ладно, что его хотят связать по рукам и ногам. Но делать нечего, парень, почесавши затылок, скажет матери «а яй, мамка, — неохота мне жениться-та» и потом с благоговением покоряется воле родительской»³. Однако бывали случаи, когда парни сами присматривали невест, и родители соглашались с их выбором. Если же чувства парня и девушки были глубоки, а родители противились их браку, то они могли решиться на крайний шаг — свадьбу самоходом, (уходом, самокруткой). После такого поступка молодая пара вынуждена была искать себе угол в других деревнях, потому что они не получали благословения родителей. Свадебного обряда в этом случае практически не было, дело ограничивалось церковным венчанием.

Начинался свадебный обряд в общерусской традиции и в Вятской губернии с важнейшего его элемента — сватовства.

Сватовство. Сватать ходили чаще всего женщины (сваха, тетка, сестра жениха, иногда сама мать), однако известны случаи, когда сватали отец или крестный жениха. От сватовства зависело очень многое, поэтому существовали всевозможные поверья: сваха шла в дом жениха обычно вечером, окольным путем, обязательно читала молитву или заговор, чтобы не было отказа. «В Котельническом уезде при свадьбах крестьянских, — пишет смотритель уездного училища Бажин в одной из самых ранних описаний свадьбы в «Вятских губернских ведомостях», — употребляют следующие обряды, — желающий жениться просит женщину высватать за него невесту, принявшая на себя эту обязанность называется свахой. Она перед тем, как сватать невесту, поворачивает три раза ступу, говоря: «Как не упрямится ступа, так бы не упрямилась и невеста». После сего пришедши к невесте в дом, идет прямо к печке и, грея у нее руки, шепчет тихо: «Как заслон у печки горяч, так бы горело у невесты по женихе сердце». Потом, обращаясь к отцу невесты, говорит: «Сват, я пришла к тебе за добрым делом!.. Есть у меня цветочек, а у тебя садочек, у меня жених, у тебя невеста. Вели нам посмотреть ее»⁴.

Когда-то такие или подобные формулы («у вас товар, у нас — купец», «у нас баран, у вас ярочка — вековая парочка» и др.) знала каждая сваха. Она их произносила после разговора о

погоде, хозяйстве, о видах на урожай. Еще одной приметой сватовства было то, что сваха не переходила «матицу», или клала рукавицы на «голбец» у печки.

Обычно девушка во время сватовства находилась в другой комнате или в кути. Согласия ее во время сватовства не спрашивали.

В Слободском уезде зафиксирован такой ритуал сватовства: «Являются сваты (...), молятся Богу и раскланиваются на все стороны, замечая при этом, где находится намеченная девушка: если на печи, то значит дело будет, а если застанут за столом, то на успех не надеются. Все время первых переговоров сватья должна быть на ногах, а не садиться, а то, дескать, невеста не поймается. Сватовство ведется с отцом и матерью, девушка сидит на середине, если сватья знакомая, и не принимает в разговоре никакого участия, а если сватья незнакомая, то с первой же фразы: «У нас есть купец, у вас товар, мы будем торговать, вы будете ли торговать?» — убегает в подполье, или на улицу и оттуда уже больше не показывается. Первая речь идет о том, кто жених, откуда он, какое у него хозяйство, много ли хлеба, скота и проч. Переговорив о всем этом и, если хозяйка изъявляет согласие, назначает день смотрины, тогда уже приглашают сватью, садятся, угощают ее... Если же сватовство не подходящее, или родители по какой-либо причине не намерены отдать дочь, то мать старается незаметно обойти сватью кругом, чтобы не унесла счастье дочери»⁵.

Сговор. Для того, чтобы закрепить договор сторон, устраивался сговор (рукобיתье, запоины, смотры). Приезжали родители жениха, близкие родственники, сам жених. Девушка иногда приглашала своих подруг. Сама она сидела в кути, за печкой, и не сразу показывалась жениху и его родителям. Выходила девушка позже и подносила гостям чай и другие угощения. Это были своеобразные смотрины. Сваха, родители и сам жених после трех «пар» чая выходили на крыльцо, обсуждали невесту. Родители спрашивали согласия жениха, но к его словам нередко не прислушивались. Если все возвращались, значит, невеста понравилась и сговор продолжится, а если невеста не нравилась, то в дом входила сваха «с отказом».

В некоторых уездах этот сговор проводился в два этапа и назывался малыми и большими смотрами. Сваха, «получив согласие, приходит вместе с женихом и его родными, тогда выводит к ним невесту с середины избы, из-за занавески, родственница ее. Невеста, раскланявшись всем, уходит. Потом, по приказанию матери, вторично выходит и, подавши гостям пить пиво или квасу, опять скрывается за занавеску, а жених со свахой выходят в сени для совещания. Когда сваха узнает, что жених и

невеста друг другу нравятся, то условливается с отцом невесты в цене за нее, ибо по их обыкновению жених всегда платит за невесту деньги, в заключение условия своего ударяют по рукам, в знак общего согласия на брак. После всего, затеплив свечу и помолясь Богу, садятся за стол — жених в первое место под иконы. В то время родственница невесты подносит жениху стакан пива, а невеста платок на блюде, он, взявши платок, целует невесту и садит подле себя.

Так совершается рукобитье или малый смотр, на котором пьют пиво, а иногда и вино, привезенное женихом. После чего через несколько времени начинаются большие смотры, которые так называются потому, что жених приезжает тогда со всеми своими родными и знакомыми...»⁶.

Уже на сговоре невеста начинает причитать, а девушки петь свадебные песни о просватаньи. Поют они чаще всего жалобные песни — просьбы к отцу: не пить винной чарочки, или к матери: не варить пива. Невеста называет себя горемычной, горющицей, тоскует о будущей разлуке с родным домом.

— Родимая моя матушка!

На что ты пиво варишь?

На что зелено вино куришь?

Какой у вас пир затевается?

Какое пришло на вас весельице?

Не мое ли с вами расставаньице?

Не мое ли дальне провожаньице?

Не моя ли красота рушается?

Не моя ли коса расплетается?

Ты, родимая матушка!

Не вари-ка ты пиво хмельное,

Не кури-ка ты зелено вино,

Не отдавай меня, горькую,

Ко чужому отцу, к матери.

Свекра-то не назвать мне батюшкой,

Свекровушку-ту не взвеличать матушкой.

Ох, да как же стану жить

На чужой стороне?

Как я стану отвыкать

От родимого батюшки?

Как я стану отвыкать

От родимой матушки?

От милых братьев?

От милых сестер?

От полюбовных подружек?

Как я стану привыкать

Ко чужому роду-племени?»

Особенно важным делом было приготовление подарков и приданого: «обе стороны уговариваются насчет приданого. Обыкновенно родители невесты дают: для жениха от 25 до 75 рублей

деньгами, сукна на венчальную сибирку и ситцевую белую рубашку-косоворотку; для невесты — шубу, осеннее стеганое, покрытое шерстяной материей пальто, самовар, перину, три подушки, стеганое одеяло, две-три простыни, две фабричные скатерти и до дюжины своего изделия, две дюжины полотенец, 10—15 ситцевых платьев и шерстяное, а иногда шелковое венчальное платье. Если стороны сойдутся на счет приданого, то приглашают родственников жениха и как ни поздно священника, который совершает обручение. Смотрины оканчиваются чаем, вином и ужином»⁸.

В южных районах Вятской губернии платили специальный выкуп за невесту — калым.

В целом ряде местностей Вятской губернии жених мог навещать свою невесту, привозил ей и подругам гостинцы (орехи, пряники). Вместе с женихом приходили его друзья, смеялись, шутили. Невеста всех встречала причитаниями, а подруги песнями.

Свадебная поэзия включает разные жанры: причитания, песни сговора, девичника, подготовки к свадьбе, корильные и величальные, приговоры свадебного дружки. Такое многообразие свадебных жанров позволяло комментировать ход обряда, выразить различные эмоционально-психологические состояния невесты, подруг, родных, а также подготовить всех к очень важному событию — созданию новой семьи, переходу девушки в статус женщины. Поэтому в свадебных песнях и приговорах нередко звучали магические мотивы.

Сборы, вы сборы Аннушкины!
Сбирала Аннушка всех подруг,
Садил подружек ряд по ряды,
Сама то садилась повыше всех,
Задумала думушку покрепче всех:
*Как то мне назвать свекра батюшку?
Свекром то назвать — так осердится.
Батюшkom назвать — так не хочется.
Убавлю я себе спеси, гордости,
Прибавлю себе ума разума:
Назову свекра батюшкой⁹.

* * *

Родимый мой батюшка,
Не подходи-ка ты к дубовому столу,
Не примаи-ка ты чару золотую,
Не пей-ка ты зелено вино,
Ни пропивай-ка меня, горькую
Меня, горькую-злосчасную.
А пропьешься-хватишься,
Не во-время спокаешься¹⁰.

Песни и причитания отражали самые важные и самые яркие моменты в жизни девушки-невесты. В песнях сговора очень колоритно показано само сватовство и стговор, на которых решалась судьба невесты. К песням сговора близки причитания, однако, если в песнях речь идет о самих событиях, то в причитаниях передается эмоционально-психологическое состояние невесты, ее переживания. Главным мотивом причитаний был упрек родителям за то, что не дали ей «наседеться» в девушках, нагуляться с подругами, за то что не оценили ее помощь в домашних делах. «Этому вытью девки учатся с детства, и весьма плохой и беспутной считается та девка, которая, выходя замуж, не умеет выть на разные лады»¹¹.

Девичник. Этот обряд является своеобразной кульминацией первой части свадьбы. Обычно девичник назначается накануне свадебного дня, однако в разных местах он мог проходить за несколько дней до свадьбы, «в некоторых деревнях Кайгородской волости «девичник» начинается на другой день после «рукобитья» и продолжается до самой свадьбы»¹². На девичнике невеста прощается с отцом, матерью, родным домом, с девичеством. Подруги приходили к ней в дом, и каждую она встречала причитанием. Подруги «начинают перебирать из ее сундука все ее имущество и перекладывают его в другой сундук...»¹³.

В кайгородской свадьбе «девичницы» усаживаются вокруг «поганого корыта» (корыто, над которым плачут девушки и невеста во время пения песен-«плача» или «уныния») и, закрывшись передниками или шальями, начинают, всхлипывая, петь заунывные, за душу хватающие «плачевные песни»

Зачем ты, горе, засиделось,

Ай, да на что ты, горе, загляделось?...»¹⁴

В символике такого действия нашло отражение древнее воззрение на обряды жизненного цикла (рождение, инициация или посвящение, брак, смерть) как на переходные. В них видится формула «жизнь-смерть-жизнь», человек, приходя в этот мир и, достигнув определенного рубежа, должен перейти в другую половозрастную группу или в другое состояние, для этого он как бы умирает и вновь рождается. Скрывание, закрывание невесты — это и есть символика смерти и нового рождения.

Во время девичника невесту сажают в середине избы на «квашонку» (деревянная посуда для закваски теста) и расчесывают волосы. Символика волос очень важна в понимании сущности свадебного обряда и судьбы девушки. Наряду с красной красотой, коса (волосы) — это символ девичества. Недаром сваху и жениха в причетах называли «расплетай коса».

Баня. Баню топили специально в день девичника, чтобы невеста «смыла девичество». Перед баней невесте вплетали в косу много ленточек. Вели ее в баню подруги, а перед входом стара-

лись расплести косу, невеста не давалась, но в конце концов косу расплетали. Ленточки девушка-невеста раздаривала подружкам, как залог того, что и им не сидеть в «вековухах».

В бане невеста мылась, парилась веником. Мать этот веник прятала и затем долго хранила, считая его целебным для детей дочери. Надо заметить, что ритуальные действия с водой восходят еще к язычеству, к дохристианским временам. Они носили очистительный характер и в то же время это было своеобразным общением с предками. Невеста как бы получала благословение предков. После бани невеста возвращалась в дом, где начиналось прощание с красной красотой. Красная красота — это головной убор, иногда лента или платок, иногда украшенная елочка, но всегда под этими предметами подразумевается девичество, девичья воля. Невеста после прощания передавала свою красоту младшей сестре или подруге, чаще всего той, у которой еще не было жениха.

В банных причитаниях невеста благодарит «баню-парушу» «за пар горячий, за водицу ключевую, веничек березовый, за здоровьице...».

(В бане, в последний день перед свадьбой)

Растопися, нова банюшка!
Раскалися, жарка каменка!
Ты расплячься, Лизаветушка,
Разрыдайся, Никитична,
Пред своим родным батюшком:
— Ты, родимый мой батюшка!
Ты на что, на что пиво варишь?
Ты на что зелено вино куришь?
— Я хочу тебя замуж отдать
За такого за боярина,
За Григорья Ивановича¹⁵.

(Подружкам в бане)

Дорогие вы, мои подруженьки!
Мойте-ка вы мое тело белое,
Сомывайте вы мою красоту девичью.
При последней я девичьей красоте,
При последней своей волюшке,
Под конец буйной головушке.
Как вода с тела белого скатилась,
Так скатилась с меня девичья волюшка.
По тому ли приказаньицу батюшкину,
По тому ли повеленьицу матушкину
Отдают мою волюшку
Свекру-батюшке в повиновеньице,
Отдают мою буйну головушку
Свекровке-матушке в послушаньице,
Мою девичью красоту — доброму молодцу,
Александру Ивановичу во владеньице¹⁶.

(По выходе из бани)

Спасибо тебе, нова банюшка!
Спасибо тебе, жарка каменка!
За ваш-то пар за горячий,
За мыльцо, за водицу ключевую,
За веничек березовый,
За ваше-то здоровьице,
За ваше-то изделеньице¹⁷.

Пожалуй, самым поэтичным в банных причитаниях является мотив «трех ступенек», невеста причитает на пути из бани в избу:

(На пути из бани к дому)

Я по улице-то, младешенька, прошла —
Лишилась родимой сторонушки;
Я к воротечкам-то, млада, подошла —
Лишилась приближенных соседушек,
Я по дворичку-то, млада, прошла —
Лишилась милых подруженек;
На крылечко, млада, взошла —
Лишилась сестер с братьями;
Я на первую ступеньку ступила —
Лишилась воли батюшкиной;
На другую я ступила —
Лишилась неги матушкиной;
На третью ступеньку ступила —
Лишилась девичьей красоты;
Я во сенички вошла —
Лишилась вольной волюшки¹⁸.

В вятских причитаниях нетрудно усмотреть эпическую традицию северно-русских причитаний, в которых невеста подробно рассказывает о своих действиях, о своих переживаниях.

Своеобразны причитания невесты-сироты: в них звучит мотив «сухого дерева», «дерева без вершинки». Невеста-сирота во время девичника или после бани посещала могилы своих родных, где просила благословения. Многие исследователи отмечают близость сиротских причитаний и причитаний похоронных.

Невеста-сирота обращалась к умершим родителям с просьбой прибыть на свадьбу и дать ей благословение:

(На могиле матери)

— Расступись-ка ты, мать сыра земля!
Расколися ты, гробова доска!
Ты восстань, моя родная матушка!
Ты открой свои очи ясные,
Ты раскинь свои руки белые,
Ты скажи со мной слово ласково!
Я пришла к тебе на свиданьице,
На последнее на прощаньице!

Ты прости-благослови, родимая матушка,
 Что во-первые и во-последние
 Под злат венец ехати
 Со удалым добрым молодцом,
 Николаем Степанычем...
 Снарядить-то меня есть кому,
 Благословить-то меня некому...
 Что-же ты, родимая матушка, не встанешь?
 Что свое дитятко не приветишь?
 Ласкова словечушка не скажешь?
 Встань-ка ты, встань, родимая матушка,
 Спроси-ка ты родимого батюшку:
 Какой у него пир затевается?
 Какое пришло на него веселье?
 Он пиво варит хмельное,
 Он вино курит пьяное.
 Что съезжались к нему все сроднички,
 Собирались все соседушки.
 Одной только нет дорогой гостейки —
 Нету матушки родимыя.
 Ты приди-ка к батюшке на весельице,
 А ко мне приди на горькое гореваньице¹⁹.

В этих причетах прослеживается общерусская мифопоэтическая традиция, представляющая свадьбу как обряд в ряду с похоронными и обрядами инициации.

Важное место в эмоциональном строе свадьбы занимают песни девичника. В них в наибольшей степени проявилась поэтическая сторона обряда. В песнях отражалось и настроение невесты, и думы подружек, и переживания родителей. Некоторые исследователи выделяют особые группы песен, заключающие в себе ритуально-магические элементы. В песнях «Расшати-лась грушица...», «При вечере, вечере...», «Последняя посиделочка Машеньки», «Не долго веночку на столике лежать...» и других говорится о своей и чужой стороне, о неизбежной потере девичьей воли. Трудная жизнь в чужой семье изображалась в условно-символических песенных ситуациях:

При последнем было вечере.
 При Елешинном девишничке
 Прилетал млад-ясен сокол,
 Млад-ясен сокол залетный.
 Он садился на окошечко,
 На хрустальное стеколышко.
 Увидала его матушка
 Свет Лукерья Никитична:
 — Ты, дитя ли мое дитятко!
 Ты, дитя ли мое милое!
 Приголубь-ка ясна сокола,
 Ясна сокола залетного,

Добра молодца заезжего,
Тимофея свет-Игнатича.
— Уж ты, мать ли моя, матушка!
Уж ты, мать ли моя родная!
Я бы рада приголубила, —
К тому сердце не воротится,
Живот кровью обливается.
У ключа, ключа холодного,
У колодечка глубокого
Тимофей-сударь коня поил,
Свет-Игнатьевич вороного.
Евгеньюшка за водой пришла,
Матвеевна за ключевою.
Конь не пьет, копытом бьет,
Возмутил он воду светлую.
Евгеньюшка не осмелилась
Зачерпнути воды мутный,
Без воды она домой пришла.
Ее свекор-то журит, бранит,
Свекровь-матушка побить велит.
Одна милая золовушка
За нее слово замолвила:
— Уж ты, глупая невестушка!
Какова вода случилась,
Такову бы ты домой несла!²⁰

День свадьбы — кульминация всего свадебного обряда. Утром в обеих семьях готовились к встрече гостей. Невеста вставала очень рано и будила родителей, горько причитая. Вместе с подружками она начинала готовить свадебный наряд. Девушки пели грустные песни, а невеста причитала.

В доме жениха с утра снаряжался свадебный поезд: родственники и друзья жениха приезжали на своих саних. Как отмечает Бажин, «собирается у жениха поезд, состоящий из 11 человек, всем им даются приличные сему случаю названия: жених-князь, тысячный-господин, сваха-госпожа, дружка, подружка, прочие называются большими и малыми боярами»²¹. Тысяцким обычно был крестный отец жениха — это самый почетный гость на свадьбе, а дружка — главный распорядитель на свадьбе. Он мог исполнять функции знахаря-колдуна, оберегающего жениха и невесту, да и всех гостей от порчи, он же и шутник-балагур, веселивший гостей, чтобы свадьба не была скучной. Обычно дружка выделялся своим видом: у него было повязано полотенце через плечо (иногда крест-накрест), в руках держал украшенную палку или плетку. После небольшого угощения дружка просил благословения родителей ехать за невестой.

Перед отправкой свадебного поезда дружка для охранения от злых сил обходил поезд три раза или трижды хлестал плеткой крест-накрест. Поезд, украшенный лентами и колоколь-

цами, отправлялся за невестой. Впереди жених с тысяцким и дружкой в особых саях, которые на Вятке назывались кошовки, украшенных лентами с бубенцами. В невестину кошовку набрасывали накидки из красивой дмотканой ткани. Иногда свадебный поезд сопровождали два верховых.

Утро свадебного дня в Слободском уезде, по свидетельству источников, проходило так: «В назначенный день брака поезжане собираются в дом жениха. Жених с родными и поезжанами, помолясь Богу, падает в ноги отцу, матери и всем лицам, участвующим в свадьбе. Родители благословляют сына своего иконой, изображая оную над головой его крестное знамение, и через голову передают икону дружке. Дружка, получая икону, кричит: «Господи Иисусе, помилуй нас. Отец Богом данный, мать богоданная! Умели свое дитя вспоить, вскормить, умеете благословить, под златы венцы поставить. Чем благословите? Хлебом, али солью, добрым словом, златом, серебром али святой иконой?» Отец отвечает: «всем благословляю: хлебом и солью, и добрым словом, златом, серебром и святой иконой.» При выходе поезжан из дому дружка обращается к неодушевленным вещам и маленьким детям, прося у них благословения.

Благословляйте: Кутяна, полотяна, середяна, маленькие робенки, синие пупки, свиные желудки!

Дружка, отправившись с поездом за ворота дома, встает на ноги (в телеге или на саях), скидает шапку или шляпу (шапки должны скидывать все поезжане) и кричит: «Господи Иисусе, помилуй нас! Князь молодой, тысяцкой, поневесенка, большие бояре, малые бояре, дружье, подружье, запятнички, все ли в скопу, все ли в сборе? все ли взяли, чего не забыли ли? Думайте. Благословите меня, дружку, вперед ехать путь-дорожку ку править!» — «Бог благословит!», — отвечают»²².

Перед околицей устраивали преграды. Дружка должен был выкупить путь: дать денег или отгадать загадку. Устраивались преграды и перед входом в дом невесты. Если невеста была замечена в плохом поведении, то перегораживали путь лесиной, а то и намазывали кошовку медвежьим салом, чтобы собаки лаяли.

Невеста сидела в кути за занавеской. Дружка дарил ей подарки. Обычно это было мыло, румяна, гребень, иногда дарилось и подвенечное платье и башмаки, но это было характерно для зажиточных семей. Невеста умывалась и расчесывала волосы. Только после этого в дом входил жених, а за ним и все поезжане. Они останавливались перед матицей. Их встречали родители невесты, приглашали за стол. Дружка выкупал место. Выходила сваха и говорила: «Невеста готова!»

Подруги невесты выводили жениху его суженую. Их сажали на шерстяной войлок или шубу — это тоже оберегало от злых

сил, а также сулило благополучное будущее. Невестину сваху сажали за отдельный стол, поили допьяна.

После угощения жених выводил невесту из-за стола, и родители благословляли их. На полотенце клали два хлеба и икону. Жених и невеста вставали на половичок, кланялись в ноги. Отец и мать обводили вокруг их голов три раза хлебом и иконой. Потом, немного позже, отец и мать привезут эти хлеба и иконы на свадебный пир.

К венцу жених и невеста ехали в разных кошовках. После церковного венчания брак считался освященным. В народной традиции закрепление брака происходило и по-другому. Молодых обводили вокруг столба, вокруг дерева, иногда их водили к водоему и плескали на них водой. Это тоже отголоски языческих ритуалов, и они оказались настолько мощными, что продолжали существовать длительное время наряду с христианской обрядностью.

Благословение и отъезд к венцу могли не совпадать в каких-то деталях. Например, в одном из источников читаем: «Ну, уж девки-голубушки! проститесь-ко со своей-то подруженькой, пора ехать в Божию церковь к венцу», — говорит обыкновенно мать невесты воющим девкам. Услышав эти слова, девки начинают голосить еще пуще прежнего, давая тем знать, что вот, мол, как нам дорога наша старая подруженька. Между тем, жених с невестой, отец жениха и с дружкой садятся за стол, на который тотчас же кладут *разгонный* пирог с воткнутыми в его верхнюю корку елочками и разными фигурками. Этот пирог должен весь съесть дружка, после чего молодые должны непременно отправиться к венцу. На пороге у избных дверей отец и мать невесты благословляют их — первый иконой, а мать караваем хлеба и накрывают невесту красной шелковой фатой, под которой она должна ехать до самой церкви, наклонив голову вперед. Все поезжане и *погонюхи* едут на пир с колокольчиками и непременно свесив с экипажа одну ногу. Дружка на всякий случай берет с собою косушку вина, затыкает ее в голенище своего сапога и в случае, как говорят дружки, попадется недобрый человек, он отдает ему тотчас эту косушку. Тотчас после обвенчания свахи уводят молодую в церковную сторожку и там заплетают ей две косы, которые она и должна носить до самой смерти. Оттуда поезд едет к жениху, где молодая, при входе в избу, должна положить по поклону отцу и матери мужа в знак ее покорности воле родителей. Отец благословляет молодых иконой, а мать, взявши большой белый хлеб, сначала надламывает его над головой сына, а потом уже и вовсе переламаывают его над головою невесты и разделяет эти половинки им обоим, а они должны свято хранить их до самой смерти. Девушек на после-

свадебном пиру уже не бывает, пируют здесь бабы, мужики и молодежь. До приезда отца, матери, братьев, сестер и других родственников невесты молодая чета должна сидеть в особом чулане, куда приглашаются к ним священник и только самые главные лица села или деревни»²³.

На свадьбе невесте меняли прическу: косу разделяли на две, надевали женский головной убор — шамшуру. Из церкви молодые ехали уже в одних санях. В доме жениха у порога их встречали родители жениха хлебом-солью, осыпали хмелем, зерном. В это время приезжали сватовья (отец и мать невесты), они привозили сундук с приданым.

Свадебный пир. Распожрался на нем дружка. Девушки пели песни — величальные для гостей, свахи, тысяцкого. Например, в Афанасьевском районе были поцеловки: кому пели величальную песню, должен был поцеловать девушек и одарить их. Дружку корили или хвалили, смотря по угощению или подаркам.

(Величание жениха)

Как у светлого месяца
Отросли золотые рога;
Как у князя новобрачного
Отросли кудри русые
По могучим по плечикам.
Соезжались князья да бояра,
Его кудрями дивовались:
— Еще что за кудерки!
Еще что это за русые!
Не заря ли его породила?
Не светел ли месяц поил-кормил?
Не частые ли звезды возлелеяли?
Песни свадебные величальные.
Ох, вы, глупые кнезья-бояра!
Когда же заря людей родит?
И светел месяц не поит, не кормит...
Породила его матушка,
А поил-кормил родной батюшка,
Возлелеяла больша сестра²⁴.

(Величание свахи)

Как по сеням-сенечкам,
Да по новым решетчатым
Тут гуляла, погуливала
Молодая боярыня, да свет Наталья Васильевна,
Она будила, пробуживала
Своего друга милого
Друга милого, да свет Василия Степановича,
— Да уж ты встань, проснись,
Да пробудись, душа, отецкий сын,
Отвязался твой добрый конь
От столба, столба дубовенького,
От колечика серебряного,

Да от златого-позолоченного.
Он ворвался во зеленый сад,
Поскушал в саду маковки,
Да с калины со малиной,
Да с черной ягоды смородины.
— Не тужи, моя умная,
Да не тужи, моя разумная,
Наживем мы зеленой сад,
Да что со калиной, со малиной,
Да с черной ягодой смородиной²⁵.

(Величание гостыи-вдовы)

Еще тот-от цвет
Да лазоревый,
Он тихо взошел
Хорошо отцвел.
Еще тише того
Себе цвет воздает.
Еще та-то гостейка
Василиса Николаевна
Тихо пришла,
Хорошо сидела,
Тихую речь,
Речь говорила,
Еще тише того
Со двора сошла.

В некоторых селах дружка, начиная пир, должен был разрезать рыбный пирог и снять верхнюю корку. После этого подавались другие блюда.

Перед тем, как идти на подклет, где устраивалась постель для молодых, невеста одаривала родственников жениха. Молодых провожали на подклет, а гости продолжали пировать.

Существовало множество примет и обычаев, которые должны были сделать свадьбу новобрачных счастливыми, а их дальнейшую жизнь благополучной во всех отношениях. Так, например, в Глазовском уезде «невеста в день брака надевает на себя две сорочки (рубахи), на верхнюю накладывает скатерть и подвязывает шерстяным поясом, одну из них она должна готовить на смерть; поясом опоясывают первого новорожденного младенца, в надежде на долгую его жизнь; скатерть кладут под голову болящему младенцу от уроков. За пазуху невесты полагают: мыло от болезни глаз, шерсть, чтоб множились овцы, лен — чтоб родился долгий, деньги — жить богато, калач и гребень — гребнем молодая расчесывает голову после брака, а калач съедают новобрачные»²⁷.

Второй день свадьбы. Утром дружка со свахой будили молодых. Они должны были выйти в дареном. Если невеста была девственницей, то жених катал по деревне тестя и тещу. Пол устилали соломой, били горшки, подавали на стол ритуальные кушанья: яичницу, блины.

Днем молодуху испытывали: она должна была затопить печь, поставить тесто, испечь блины, сходить за водой, мести пол. Мести ей мешали, гости распинывали сор и деньги. Она должна была задабривать деньгами покровителей домашнего очага и воды. Свадебный пир был веселым: пели и плясали, ходили ряжеными.

Третий день свадьбы. Этот день свадьбы проходил также весело: гости наряжались, разыгрывали различные сценки, в которых обыгрывались эротические мотивы. Во второй части свадьбы отразилось языческое понимание веселья как животворящего начала.

Через некоторое время следовали хлебины или гостьба, обычно это выпадало на масляную неделю. Молодые ездили к тестю и теще на блины. В свою очередь молодой приглашал к себе тестя и тещу на хлебины. На хлебинах пели и свадебные и любые другие необрядовые песни.

Свадебный обряд наиболее поэтичный в системе обрядов Русского Севера. Песни, причитания, приговоры, другие жанры жили и живут своей жизнью, неразрывно связанной с историей народа, его бытом и национальной культурой. Народное творчество постоянно опирается на традиции народной культуры, храня в своей памяти старинные обычаи и обряды и создавая новые.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1900. Т. 1. С. 459. Далее: Шейн с указанием стр. или №.

² Селивановский И. Село Истобенское (Вятской губернии Орловского уезда)// Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 201.

³ Шейн. С. 459.

⁴ Бажин. Крестьянская свадьба в Котельничском уезде// Вятские губернские ведомости, часть неофициальная. 1848. № 9. С. 56.

⁵ Полушкина А. Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии. Издано под редакцией И. М. Софийского // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 211. Далее: Полушкина с указанием стр.

⁶ Бажин. Указ. соч. С. 56.

⁷ Васнецов А. Песни северо-восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. Киров. 1949. № 209. Далее: Васнецов. №.

⁸ Селивановский И. Указ. соч. С. 202.

⁹ Шейн. С. 461. № 1567.

¹⁰ Васнецов А. № 208.

¹¹ Шейн. С. 460.

¹² Свадебный обряд Кайгородской вол. Слободского уезда Вятской губернии (Материал доставлен М. Исуповым и Я. Шабалиным) // Сборник Слободского родинovedческого музея. Слободской, 1921. № 1. С.

¹³ Шейн. С. 472.

¹⁴ Свадебный обряд Кайгородской вол. С.

¹⁵ Васнецов А. № 211.

¹⁶ Васнецов А. № 212.

¹⁷ Васнецов А. № 213.

¹⁸ Васнецов А. № 214.

¹⁹ Васнецов А. № 210.

²⁰ Васнецов А. № 196.

²¹ Бажин. Указ. соч. С. 57.

²² Шейн. С. 483.

²³ Там же. С. 466—467.

²⁴ Васнецов А. № 178.

²⁵ Записано от Кислициной Екатерины Федоровны, 1916 г. р., с. Шурма Уржумского р-на В. А. Поздеевым, 1990.

²⁶ Васнецов А. № 197.

²⁷ Шейн. С. 485.

Д. К. ЗЕЛЕНИН

СВАДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

Приговор в с. Рожнецово (Яранского уезда)

В день свадьбы, в доме родителей жениха, перед тем, как ехать к невесте. Все сидят. Дружка «творит трою молитву Иисусову» («Осподи Иисусе Христе и т.д.») и продолжает:

Есть ле у нашего князя молодова
Отец и мати?
Мати порожденна,
Отец благословенной?
Если есть, то подойдите поближе,
И мы вам поклонимся пониже.
Оттените столы дубовы
И стелите ковры шелковы.
Становитесь в передний угол
И берите светую икону в руки,
Благословите своё чадо милоё,
Вашо детишшо родное,
По невесту ехать,
Перснями переменница,
В церкву божию войти,
На круг становицца
И закон божий принеть!

¹ Д. К. Зеленин. Свадебные приговоры Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1903, отд. 2. С. 173—208.

Происходит благословение жениха родителями, и поезд направляется к дому невесты. Дружка с полудружьем едут впереди всех, приезжают раньше прочих и идут одни, с двумя караваями в руках, «на мост» (на крыльце). Перед дверями избы дружка произносит трижды молитву Иисусову и продолжает:

Отворяю ворота решешетые,
По двору иду по широкому,
По лесенкам по частым,
По сенечкам по калиновым.
Сенечки подо мною гнуцца,
А мы, друженьки, вперед подаемся.
И вижу я перед собою
Дверечки крашены,
Скобочки золочены,
Шурупами и винтами аprivинчены.
Я, друженька, за скобочку беру,
Иисусову молитву творю (читает молитву)
...Скажите святой молитве: аминь!

Пока в избе не скажут: «аминь», дружка не входит. При входе в избу:

Скок через порог,
Головой в потолок
И на силу ноги переволок!

Идет к столу, опять творит трижды молитву Иисусову и начинает:

Сватушко и свахонька!
Сватушко ты милой-дорогой,
Повыступи ко мне правой ногой,
Мы поговорим што-нибудь с тобой.
Стань-ко ты на лыжи,
Подвинься поближе,
Мы поклонимся пониже.
Вы раньше, сват со сватом,
Сватались-любились,
В одну избу сходились,
По рукам били
И водочку пили.
И конечно при этом деле
Окольные люди (т.е. соседи) были...
Но мы, друженьки, ваша дела не знаем,
Мы только от нашего князя молодова
Поклоны справляем:
Посылает наш князь молодой
Нас, поклонников,
Вас за хлеб — за соль благодарить,
О вашем здоровье спросить
И о своем рассказать.
Здорова ле ваша кнегиня молодая?
— А наш князь молодой жив и здоров,
Стоит у красного крыльца,

Гледит чишше всякого молодца!
Сватушко и свахонька!
Погледите-ко в окошко,
В чисто поле — широкой раздолье.
В чистом поле — широком раздолье
Едет свальба,
На конях, на бобрах (т.е. не бобровых коврах),
На городецких саях.
Едет наш князь молодой
Со своим кнежецким полком,
С тысяцким, со свахонькой,
С большими боярами и меньшими,
И гвоздарчикам молодыми,
И с нами — друженьками.
Ехали мы высокими горами
И широкими долами,
Зелеными лугами,
И алыми цветами,
Дремучими лесами.
И ехали мы волоком,
Видели семьдесят семь елок,
Да восемь берез.
У нас — у дружек
Язычек примерз:
Хоть бы нам — друженькам
Испить поднесь —
По стопочке пивца, да по рюмочке винца:
У меня бы, у друженьки,
Язычек оттаял,
И я бы ишло што-небудь побаял!

Подносят. Дружка начинает дарить еще до приезда и встречи поезда:

Сватушко и свахонька,
Посылает наш князь молодой
Своей кнегине молодой
Подарочки:
Теплую одежду (дарится шуба),
Цветное платье,
На ножки сапожки,
Белые чулочки,
Мыла и белила,
Духи и помады,
Башмачки сафьянны,
Каблучки точены,
Подковочки злачены.
Сватушко и свахонька,
Дозвольте по вашим горенкам походить
И подарочки поразносить!

— Бог благословит! — отвечают те. Дружка подносит невесте дары: шубу, чулки, башмаки, мыло и кределей.

Невеста сидит «на середе» (у печки, за занавеской). Дорогу туда дружке заслоняют прежде всего «поварухи», они требуют у дружки денег «за заслон»: «так-ту заслон от печки не откываёцца!» Дружка:

Свахоньки-поварихоньки,
Серебрены и золочены
Ваши ковшочки, уполовнички!
Отсторонитесь от печки:
Не пролить бы ваши щечки (т.е. щи),
Не подтолкнуть бы ваши
Ковшочки-уполовнички.

Те, однако, не пропускают, пока дружка не даст им 5—10 копеек. Дальше следуют девицы-подружки невесты. По их адресу дружка:

Красные девицы,
Песельницы-мастерицы,
Домашние баловницы:
Дома с криночки сметану слизали,
А на сноху сказали,
И за это сноху ругали!
Но мы — друженьки с вами пришли не браниция.
А вот, красные девицы,
Отсторонитесь-ко от окошка
И дайте нам — друженькам дорожку:
А то — не ступить бы вам на ножку,
И за белые груди не схватить бы:
Вам-то будёт стыдно,
Да и мне не хорошо!
Но я — дружка — Петрушка,
Меня, красные девицы, не трусьте;
А вот идёт позади меня полудружъё Феклист,
Он на руку не очень чист, —
От нево, красные девицы, подальше сторонись!

Девушки дают дружке дорогу. Дружка подходит к невесте (та «воёт», т. е. причитает) и подносит дары. Читает однажды молитву Иисусову и продолжает:

Дарит наш кнезь молодой
Свою кнегиню молодую
Цветным платьём,
Тёплой одеждой,
Собольей шубкой,
Мылами и белилам,
Духам и помадам;
На ножки сапожки,
Белые чулочки,
Башмачки сафьянны,
Каблучки точены,
Подковочки злачены...
И наш кнезь молодой

Своей кнегине молодой
Строго наказал
Мыщя и белищя,
Потеплее одеващя
И к нам, в кнежецкий полк,
Собиращя!

Невеста принимает дары. Дружка кланяется и уходит «с середи». В избе творят однажды молитву Иисусову и продолжает, обращаясь к родителям невесты:

Сватушко и свахонька.
Просит наш кнезь молодой:
Были бы у печки поварихоньки,
У стола стольнички,
У дверей придвернички,
У коней конюхи;
И было бы у наших коней
Сена кошонова,
Овса толченова,
Было бы сена по копне,
Овса по зобне.
Если нет у вас сена,
То аржаной соломы положите.
Если нет аржаной соломы,
То помельче осиновых дров наколите,
Да нашим коням под губу положите!
Оне хоть ись (т.е. есть) будут-не-будут,
Повеселее стоять будут!
Сватушко и свахонька!
Ишо просит наш кнезь молодой
Вытти стретить ево
С кнежецким поклоном, —
С пивцом и винцом.
А вас, красные девицы,
Просит наш кнезь молодой:
Вытьте — стретьте
С песенкам и разным припевочкам!

Происходит встреча; приехавших гостей угощают пивом и вином. Девушки поют следующую песню: «Ой не было ветров...».

Поезд является в избу. Дружка выкупает для него место за столом: туда нарочно собирают ребятишек, в числе которых первые — братья невесты. Дружка пугает их, всячески «хазит над ними» и наконец дает им денег, после чего те убираются из-за стола. Поезжане садятся за стол. Дружка дарит невестину родню, начиная с отца невесты, кренделями, приговаривая:

Дарит наш кнезь молодой
Хлебом солью
И сырым серебром
И сверх тово пивцом:
Извольте принимать,
Не томя нас любя.

Полудружье несет вслед за дружкой жбан пива, и дружка угощает невестину родню. Сваха в это время идет за невестой «на середь», приводит оттуда невесту и сажает ее за стол, рядом с женихом. Когда невесту ведут, девушки поют: «Уж ты горенка-горенка...», когда невеста сядет за стол, поют: «Ой, где лебедь был?».

Стольник невесты дарит женихову родню, приговаривая (приговор был записан в починке Бахта, в 2-х верстах от с. Роженцова):

И наша кнегиня молодая,
Она не по лесу ходила,
Не чветики шшипала,
Не яголки брала, —
Она тонко прjala,
Да звонко ткала,
На речушку ходила,
На камешке колотила,
На солнышке сушила,
На каточки катала,
В коробочку клала,
Куленочком удуwляла,
Молодцов ударяла.
Меня — стольничка посылала
За Волгу за красным товаром;
А я красну товару ёй не купил,
А толькё ёй купил
На ножки сапожки,
А на ручки перчатки,
А на головку красну шапочку.
Резвые ноженьки с подходом,
Буйная головушка с поклоном,
Шелков язык с приговоркой!

Обедают. После «столов» происходит благословение невесты ее родителями. Дружка творит трижды молитву Иисусову и продолжает:

Есь ле у нашей кнегини молодой
Отец и мати, —
Мати порожденна,
Отец благословенной?
Если есь, то подойдите поближе
Оттените столы дубовы
И стелите ковры шелковы,
Становитесь в передней угол,
Благословите своё чадо милоё,
Ваше детишшо родное,
А нашу кнегиню молодую,
В церковь божию схать,
На круг становицца
И закон божий принеть.

Едут в церковь, где происходит венчание. Возвращаются, пируют. Во время пира, когда угощают вином тысяцкого, дружка говорит:

Тысяцкий пьёт,
Молодой на ножки стаёт,
Чесь отдаёт!

Причем молодые встают и кланяются тысяцкому.

Когда «оттолуют» и наступает время вести молодых на подклет, дружка трижды читает молитву Иисусову и далее:

У нашево князя молодова
Ноженьки пристоялись
И глазоньки пригледелись,
Рученьки опустились
И буйна голова с плеч повалилась.
Есь ле у нашево князя молодова
Отец и мати, —
Мати порожденна, отец благословенной?
Подойдите-ко поближе,
Мы вам поклонимся пониже;
Благословите нашего князя молодова
На подклет идти,
Опочевывати.

Благословляют; ведут на подклет. Здесь дружка обращается к подвыпившим гостям:

Старые старички,
Пожилые мужички,
Старые старушки,
Молодые молодухи —
Шиты-браные воротки,
Поротые передки;
Малые ребёночки,
Белые охлопочки
Благословите нашево князя молодова,
Со кнегинею молодою,
На подклет идти —
Опочевывати!

В. А. ПОЗДЕЕВ

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

В крестьянском быту Вятской губернии сложились особые обычаи, приметы, которые способствовали благополучному течению беременности. От здоровья матери зависело, каким будет потомство. Особенно оберегали первую беременность. Элементы некоторых календарных обрядов, к примеру, Масленицы, Крас-

ной горки или Фомина воскресенья, символизировали благополучное зачатие и сбережение новой жизни.

Родам и дальнейшему здоровью ребенка также придавалось большое значение в крестьянской обрядности.

Повивальная бабка (повитуха, бабушка) принимала роды почти во всех крестьянских семьях. Обязанности повивальной бабки не ограничивались только принятием родов, как правило, она обрезала пуповину (что и определило местные названия повитух «пупорезка», «пупорезница», «пуповязница»), совершала действия с последом, купала ребенка и мыла роженицу. В словаре Н. М. Васнецова отмечено слово «бабничать» — принимать младенца у роженицы¹. Повивальной бабкой (повитухой) становились женщины, можно сказать, добровольно принявшие на себя определенные обязательства по родовспоможению. Повитуха не могла отказать в просьбе прийти к роженице в любое время. Отказ рассматривался как «непростительный грех», который мог повлечь немедленную кару — «повитуха окаменеет».

В деревне имелась своя повитуха или их могло быть несколько, из них роженица или родственники могли выбирать любую. Иногда обычаем устанавливалась та территория, на которой практиковала повитуха. Это могла быть улица или «конец» села или деревни.

В книге В. К. Магницкого отмечено, что «приближение родов замужние беременные женщины от семейных скрывают; когда же время родов наступит, отзывают наедине свекра и свекровь и начинают кланяться им в ноги и просить прощения и благословения. Вследствие этого свекром и свекровью тотчас же призывается «баушка-повитуха». Между тем беременная начинает прощаться заочно со всем родом-племенем»².

Повитуха — единственная помощница при родах. К акушеркам, которые появились в деревне только во второй половине XIX в., крестьяне обращались редко и с опаской. Приглашая на роды повивальную бабку, крестьяне рассчитывали на более всестороннюю помощь по уходу за матерью и ребенком, а так как акушерка была чаще всего из барышень, то она воспринималась ими как «слабое, беспомощное существо». Д. К. Зеленин также отмечал, что роженица и вся ее семья стыдились за свою нечистоту, беспорядок³.

Повивальные бабки знали приемы облегчения родов, использовали травы, кровоостанавливающие настои. Если были трудные роды, то для исполнения некоторых магических действий повитуха призывала мужа роженицы, домашних. Сразу после родов «мать еще слабою рукою должна троекратно перекреститься, произнося слова: «Бог народил, так бы и счастьем наградил». Новорожденного младенца завертывают в тряпки (спе-

ленивают) и кладут на лавку или полати, смотря по тому, где больная. В ротик дают ему, разжеванный с сахаром, ржаной хлеб, завернутый в чистую тряпочку, что и называется «сосулькой». Рядом с ним (младенцем) кладут деревцо, на которое заплетают лапоть, говоря: «как это деревцо угомонно, так и ребёночек будь угомонен». Это делается в силу того, чтобы ребенок был спокоен.»⁴

Родные роженицы выполняли любые указания бабки, ее слова и указания были важны, так как от ее действий зависела жизнь матери и ребенка. «Роженицы (родившие) кладутся после родов на пол на «аржаную» солому, на которой они должны лежать до недели. Во все это время каждый день по два раза согревается баня. В баню роженица должна ходить в самой изорванной одежде, с большим костылем в руке, чтобы посторонние не сказали, что роды ей дались легко, от чего (от пересуд) роженица может «изурочиться» — сделаться больной. Из бани роженицы возвращаются, опираясь на плечо повитухи, или свекра, чаще — мужа.»⁵ Повитухи призывали на помощь святых: Зосиму и Савватия, Анну-пророчицу, Кузьму и Демьяна, пресвятую Богородицу, особенно много заговоров было с обращением к бабушке Соломоне⁶. «Паря новорожденных, повитухи приговаривают: «Не я тебя парила, Не я тебя правила, Тебя парила-правила Бабушка Саламандушка; Она тебе приговаривала: «Рости, мое дитятко. По часам и по минуточкам!»⁷

Повивальная бабка после родов проверяла, здоров ли ребенок, чтобы он обязательно «подал голос» (заплакал), она также смотрела, нет ли вывихов, правила головку, ноги и т. п. «Новорожденных повитухи тотчас же начинают мыть и парить в жарком пару; причем стараются заметить у них неправильности органов и выправить их — гнут ножки или спину. Чаще всего повитухи употребляют все силы сделать продолговатоострую головку новорожденного кругленькой»⁸. Младенец еще не крещен, а родные и знакомые идут уже «со стряпней», т. е. готовят обед, пироги, яичницу и кашу, угощают мать и сами едят.

Помощь повитухи не ограничивалась принятием родов и мытьем роженицы и ребенка: «повитуха должна уйти только после трех бань», поэтому она жила у роженицы в течение трех дней, а в некоторых местах это время увеличивалось до недели или девяти дней.

«Деревенская повитуха не только поможет бабе родить, — писал Д. К. Зеленин, — но и поднимет ее с постели, если это потребуется, и поправит ее, и попарит ее и ребенка, приготовит даже за нее обед, подоит корову и т. д. В тех случаях, когда в крестьянской семье только одна взрослая баба, бабушка повитуха играет вместе с тем и роль хозяйки, то есть исполняет все

необходимые по дому работы до тех пор, пока роженица не будет в состоянии работать сама»⁹.

Роженица и повитуха считались «нечистыми». Очищение в разных районах происходило по-разному: это могло быть мытье в бане или «размывание рук», совершение молитвы. После таких действий роженица и повитуха могли участвовать в повседневной хозяйственной работе. Повитуха получала плату от родных роженицы.

Обряд крещения должен был совершаться как можно раньше, так как, по поверьям, некрещеного ребенка могут «изурочить», может унести или подменить нечистая сила.

В обряде крещения принимали участие помимо родителей крестные родители (кумовья), повивальная бабка, родственники. Приглашают священника, кума или куму, приглашают кого-либо из родных, которые и должны сами готовить воду для крещения и, как бы холодна она ни была, никогда не греют. Как отмечает Магницкий, кумовья становятся с мальчиками направо, а с девочками — налево от купели, как во время венчания. Еще одна примета, отмеченная Магницким: если «во время крещения младенца состриженные с него волосы и опущенные в купель с водой потонут — младенец помрет»¹⁰.

Обряд крещения для разных сословий был одинаковым. «По приходе домой из церкви все садятся за стол, который уже бывает накрыт, и начинается угощение вином и обедом. Прежде всего подают «рыбник», холодное, жаркое, пироги и кашу. За рыбным пирогом кум, кума и отец младенца достают деньги, кто 15, 20, или поменьше 10 коп. И «кладут на зубок», т. е. эти деньги принадлежать никому другому как новорожденному»¹¹. В других районах деньги кладут на кашу, которая была обязательна на крестинах. Во время «каши», в некоторых местах Вятской губернии она называлась «бабина каша», бабушка-повитуха ходит вокруг стола с подносом и все, кто сидит за столом, кладут ей по 2—5 копеек. Эти деньги она берет себе.

Известный этнограф В. Магницкий¹² отметил наиболее интересные поверья, приметы и обряды во время беременности и родов:

У беременной брюхо острое — родит парня; коробкой (плоское) — девочку.

Беременная, ложась спать, должна перепоясываться поясом — иначе колдуньи засунут ей в живот голик или «головешку».

В предупреждение вытравления беременности, родственники забеременевшей тайно от нее поят ее ладаном.

Ребенок родится в тот самый день, час и миг, в которые зародился.

Детский послед бабушки как можно сохранить (скрыт-

нее) укладывают в бане под полком, — чтобы на том свете не отдали им его съесть.

После обмывания новорожденному «впихивают» скорее в ротик разжеванный мякиш ржаного хлеба с «смятаной» (сметана), чтобы новорожденный привыкал к ржаной пище, которая, по мнению крестьян, «бывает» здоровее всего.

Роженицы в свою очередь в послеродовой период стараются есть как можно больше ржаного хлеба; «бывают» примеры, пишет Носков, некоторые съедают в этот период зараз по 3 но 4 фунта хлеба.

Они же после родов пьют заранее высушенные корешки капусты из рассадника. Этим средством пользуются от всяких порчей, и прикладывают корешки к «озевищам» и от «родимца». Целебную силу это лекарство имеет оттого, что рассада приняла на себя всякую росинку.

Кормить ребенка «снятым» молоком — грех.

Не пеленать ребенка — грех.

Родится урод — на праздник зачат. В рукописном экземпляре «Сна Пресвятой богородицы», бывшем у меня в руках, по этому поводу говорится: «Аще кто приближается с женою своею в те дни (12 пятниц) на блудные дела и зачинается у них дитище, — и будет слеп и нем, или глух, или тать, или разбойник».

Незаконнорожденным, за грех их матерей, в некоторых приходах священники в наказание дают имена «мудреные» (не общеупотребительные).

Бабушка-повитуха живет с незаконным мужем — повитые ею новорожденные не будут жить.

Не будут долго жить дети замечательно толковые, родившиеся на молодой месяц.

Чтобы ребенок скорее рос — выносят его под дождь.

У беременной груди забнут — новорожденный не будет жить; — ноги отнимаются — тоже.

Новорожденный перед погружением во время крещения в воду обмарается — умрет.

Умершему грудному ребенку, перед тем как обряжают его в гроб, мать должна «начиркать» в рота из груди молока, чтобы он на том свете не жаловался, что мать рано отняла его от груди (зырянки в Уржуме).

В предупреждение изурочения младенцев голову их окрепчивают косточкой из головы щуки, имеющей вид креста.

Той же косточкой натирают от грыж детский пупок.

Сонный младенец в колыбели улыбается — это ангелы его тешат.

«Морговать» (брезговать) ребенком не следует: он безгрешен.

Вслед за прекращением кормления ребенка грудью прекращается кормление его в постные дни скоромным.

По достижении младенцем семилетнего возраста родители начинают возить его с собой говеть.

Для отучения ребенка от груди намазывают последнюю или сажей, или перцем, или привязывают к груди колючие травы.

Ребенок обмочит взявшего его на руки постороннего человека — этому человеку пировать у него на свадьбе.

Кум с кумой, воспринимавшие девочку, могут между собой вступить в брак; мальчика — нет.

Женщины, не желающие иметь более детей, выливают в бане на каменку «оплески» из-под вымытой от регул рубашки, слив их предварительно в ковш, при этом замечают: сколько послышится вариаций шипения, столько у женщины было бы детей; проделанным способом зародыши «загубляются».

Сколько на лбу у человека виднеется морщин — столько у него детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1908. С. 214.

² Магницкий В. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском у. Вятской губ. Вятка, 1883. С. 19.

³ ГЭМ (Государственный музей этнографии народов СССР). Д. 445. Л. 8. 1899 г., Вятская губ., Сарапульский у. (Цит. по: Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142—171).

⁴ Полушкина А. Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 6.

⁵ Магницкий В. Указ. соч. С. 19.

⁶ Соломея или Соломонида — повивальная бабка, которую призвал Иосиф во время божественных родов Марии.

⁷ Магницкий В. Указ. соч. С. 19.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ ГЭМ. Д. 445. Л. 9.

¹⁰ Магницкий В. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Полушкина А. Л. Указ. соч. С. 7.

¹² Магницкий В. Указ. соч. С. 19—22.

В. А. КОРШУНКОВ
СВИСТОПЛЯСКА

В Вятском крае до недавнего времени сохранялись дошедшие из глубины веков архаичные и, на первый взгляд, причудливые простонародные обряды, обычаи, празднества. И, наверное, самым заметным был праздник горожан Вятки (Хлынова) Свистопляска (более позднее его название — Свистунья). Недаром в последние годы, когда начали предприниматься попытки возродить его празднование, он для многих наших современников стал ассоциироваться с так называемым Днем города.

Этот праздник обычно приходился на позднюю весну: его отмечали в четвертую субботу после Пасхи, хотя длиться он мог и далее — всего два-три дня. Все начиналось у Раздерихинского оврага, наверху, на круче, спускавшейся к реке Вятке, — в том самом месте, где некогда проходила городская черта. В прошлом там была часовня — сначала деревянная, затем каменная. Празднование состояло из двух контрастных по своему настрою частей. В субботу поутру в часовне проводилась панихида, а после вовсе разворачивалось буйное веселье, которое выплескивалось и в окрестные городские кварталы. Название «Свистопляска» относится, собственно, ко второй, наиболее колоритной и оригинальной части празднества. Люди предавались самозабвенному разгулу: шумели, горланили песни, свистели в свистульки, устраивали кулачные бои и завязывали потасовки, угощались разными лакомствами и пьянствовали. Тут же бывала и ярмарка: ставились торговые балаганы, а дымковские мастера заранее заготавливали бесчисленное множество «шарышей» — глиняных шариков (обычно полых и с побрякушками внутри), огромное количество глиняных фигурок — барыней, кавалеров, медведей, коров, козлов, лошадей, пышнохвостых птиц и, конечно же, дешевых уток-свистулек.

Первые упоминания о Свистопляске и ее описания начали появляться довольно давно — около двух столетий назад. К сожалению, эти ранние свидетельства весьма лаконичны.

Что же касается научных исследований о происхождении и об особенностях Свистопляски, то их было пока немного. Занимался этой темой крупнейший русский этнограф Д. К. Зеленин. Правда, он так и не написал отдельной работы о Свистопляске — например, такой, как его исследование иного вятского народного праздника — Троещеплятницы. Все же он определил направление этнографического поиска, рассмотрев Свистопляску в контексте прочих древних славянских календарных обрядов весенне-летнего цикла¹. Большой вклад в изучение это-

го праздника внесла И. Я. Богуславская — современный искусствовед и этнограф, прекрасный знаток русской народной игрушки. Ее интерес к Свистопляске и был определен тем обстоятельством, что дымковская игрушка изготавливалась к этому празднику и распродавалась во время него. Разделяя главные положения и выводы Зеленина, Богуславская, в частности, проследила проходивший в XIX и в начале XX века процесс постепенной трансформации старинного празднества, выискивая в вятской периодике того времени упоминания о Свистопляске².

В последние годы о Свистопляске часто писали вятские краеведы. Но их очерки, как правило, не имели своей целью предложить новые и научно выверенные наблюдения. Это либо художественно-образные, либо религиозно-моральные эссе, в которых повествование о празднике является скорее поводом для гордости за неукротимых, буйных и своевольных наших предков, или же побуждением порассуждать о самобытности Вятского края, о духовности и бездуховности вятчан³.

К тому же, как тех, кто писал о Свистопляске в прошлом, так и многих современных краеведов интересовал не сам по себе праздник, а легенда о его происхождении. Согласно этой легенде, празднование Свистопляски было установлено в память о давнем «хлыновском побоище», когда ожидавшие вражеского нашествия жители Хлынова приняли спешивших им на выручку союзников из Великого Устюга за врагов и, вступив с ними в ночной темноте в сражение, многих перебили. Рассказывая об этом несчастье, обычно вспоминали библейское выражение: «Своя своих не познаша». Вятчане, дескать, с тех пор заслужили прозвание «слепородов», а для искупления невольного своего греха и стали ежегодно поминать убиенных. Существовало несколько версий предания, по одной из них устюжане и вправду были тогда врагами вятчан. И даты этой битвы приводились самые разные — в пределах XIV—XV веков.

Самый ранний пересказ легенды о хлыновском побоище содержался в записках побывавшего в Вятке путешественника Н. П. Рычкова. Его книга «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Н. П. Рычкова по разным провинциям Российского государства» была издана в 1770—1772 годах. О самой же Свистопляске Рычков, по сути, ничего не сообщил, отметив только благопристойно-христианскую сторону этого празднества: «...И нынешние градские жители в память сего несчастного случая отправляют ежегодно на том месте при собрании всего народа печальные поминки»⁴.

В 1811 году в Вятке жил ссыльный генерал-майор Н. З. Хитрово. В его «Журнале» дано весьма цветистое изложение

легенды о хлыновском побоище, дополненное новыми, явно вымышленными подробностями — в соответствии с тогдашней сентиментальной литературной модой. Дело в том, что по материалам этой легенды Хитрово готовил пьесу. Поэтому-то под его пером рассказ о побоище превращается в любовно-героическую драму⁵. О Свистопляске он писал, что та справляется на городских валах каждый год, 22-го апреля. То есть Хитрово принял приуроченный к Пасхе переходящий праздник, пришедшийся в конкретном случае на 22 апреля, за фиксированную календарную дату. Вот сделанное им описание Свистопляски — это, надо полагать, взгляд очевидца: «Жители г. Вятки толпами собираются в сей день к небольшой городской часовне, где поют панихиды о упокоении душ своих соотечественников и родных, убиенных в тот день 1392 года...» И далее: «Ныне в день сей все утро посвящается молитве, а остальная часть сего достопамятного дня прогулке и увеселениям. Народ собирается с небольшими свистками и целый день свищет, ходя по улицам, и стоя на валу бросает глиняные шарики в ров, куда сходятся городские ребятишки собирать их; часто случается, что шарики попадают им в голову и прошибают до крови, но это не препятствует им продолжать свою потеху. В честь оставшихся после сражения вдов продаются на тех местах куклы из глины, росписанные разными красками и раззолоченные»⁶.

Живописуя хлыновское побоище, Рычков ссылался на некую вятскую летопись, а Хитрово — на разные старинные рукописи, предоставленные ему одним из вятских священнослужителей. Возможно, этим ссылкам, сделанным для пушей убедительности, и не следует придавать слишком серьезного значения⁷. Но все же ясно, что их описания отражают представления о хлыновском побоище, которые были у их собеседников — тогдашних образованных вятских жителей. И в конечном счете восходят к простонародным вятским легендам.

Важно заметить, что записки Рычкова и особенно Хитрово читались просвещенной публикой обеих столиц. Сделанное Хитрово описание вятской Свистопляски через его книгу и от его знакомых становилось известно другим авторам XIX века. Так, ученый-народовед И. М. Снегирев узнал о Свистопляске от самого Хитрово и поместил сведения о ней в своих книгах⁸. В итоге краткие описания Свистопляски вошли в обобщающие труды о русских народных праздниках, обрядах и обычаях⁹.

Если учесть, что Рычков лишь намекал на современный ему вятский праздник, то самым ранним рассказом о Свистопляске нужно считать текст вятского историка А. Вештомова. Он составил свою рукописную «Историю вятчан» в 1807—1808 годах, то есть еще до появления в наших краях Хитрово. К тому же

он был местным жителем и, несомненно, мог видеть это празднование¹⁰. Повествуя о древней истории Вятского края, Вештомов писал: «К сим временам относить, кажется, должно то убийственное на Вятке происшествие, которое поныне еще вспоминается в главном здешнем городе, отправляемое в четвертую по пасхе субботу панихидою. Она совершается на том самом месте, где происходило побоище и где похоронены убитые притом люди, а имянно у северного глубокого рва, где с издревле находится на тот конец и часовня. После отправления сей панихиды собираются на то место жители, и гуляют оные невинно, подлые же пьют; несколько лет назад тому происходило притом по обычаю язычников свисты и пляски, от чего и называется сей случай на Вятке *Свистопляскою*, также обыкновенные притом были и кулачные бои, но оные так как и пляски благоразумным начальством ныне уже прекращены, а свисты остаются притом в шалостях только робят». Далее Вештомов приводил две версии легенды о хлыновском побоище¹¹.

В 1817 году в казанской печати появилось сообщение о Свистопляске, написанное В. Я. Баженовым. Любопытно дословное совпадение в его тексте с описанием Рычкова. Да и к сведениям Хитрово он почти ничего не добавил, разве что, как верно указала Богуславская, отметил притонародный характер этого праздника. Баженов писал, что нынешние жители города в память о давнем несчастном случае ежегодно справляют печальные поминки. В прежнее время тут бывали кулачные бои, а возможно и пляски, отчего само это место могло получить название «Свистопляска». Продается множество глиняных дудочек, детских игрушек и шариков, которыми дети и даже взрослые «имеют обыкновение производить некоторый род сражения»¹².

Спустя семь лет в Вятке появился очередной заезжий наблюдатель — чиновник и литератор П. Л. Яковлев, который жил в ней в 1824—1827 годах. Легенде о хлыновском побоище он не слишком верил, а о самом празднестве сообщал только, что давнишнюю драку стали изображать ежегодно, бросая друг в друга шариками и присвистывая¹³.

В 1838 году в «Вятских губернских ведомостях» писал о Свистопляске Е. Мухачев: «Свистопляска принадлежит к числу народных праздников города Вятки. В четвертую субботу после Пасхи жители этого города собираются на площадку подле Александровского сада, куда заранее съезжаются торговки с куклами, шариками, свистульками особенного устройства. Все это делается из вятской глины с удивительным, не подражательным искусством: часто медведь походит на козла, а собака на корову, не говоря уже о фигурках человеческих, которые все без исключения фантастические, созданные воображением вятских

торговок; ибо ни одного существа, похожего на них, не найдете в природе. Мелочные торговцы раскидывают здесь свои балаганы и продают в них разные лакомства. Везде раздается свист, говор, все движется»¹⁴.

В 1856 году описание вятского праздника было помещено в «Санкт-Петербургских ведомостях». Там говорилось, что в этот день после полудня поднимается свист в глиняные утки-свистульки и в берестяные дудки. Свист продолжается три дня кряду. По краю оврага возле часовни устраиваются торговые балаганы, полные глиняных изделий слободы Дымково. Стоящие наверху бросают в овраг по скату глиняные шары, а также пряники и медные деньги. Те же, кто внизу, ловят их и ссорятся между собой. Бои, которые прежде всегда тут бывали, ныне «благодарными мерами правительства уничтожены»¹⁵.

В 1859 году в петербургском издании «Русский дневник» А. Мартынов, подписавшийся только инициалами, сообщал о вятском празднике. По его словам, еще накануне устанавливаются балаганы и столики для лакомств, игрушек и кукол местного изготовления. В праздничный день с раннего утра по реке с противоположного берега эти куклы перевозятся множеством лодок. Собирается народ бывает огромное. Мещанские и дворовые ребятишки толпятся тут спозаранку и свистят в утки-свистульки. Дети чиновников и прочих благовоспитанных сословий появляются позже и чуть ли не со слезами пристают к папенькам и маменькам, чтобы те купили им сластей и кукол. Особенно любят бывать здесь гимназисты, но они всегда опаздывают из-за своих занятий. Самый разгар Свистопляски приходится на послеобеденное время, когда посмотреть на нее являются и губернские аристократы. Кто-нибудь из молодых людей закупает у торговки десятки глиняных шаров — больших и маленьких, черных от сажи. Ребятишки ждут этого момента и дождем спускаются по оврагам... На следующий день на окошках мещанских домов видны целые ряды кукол. Свист и дудение слышны в течение нескольких дней, и по дорогам катают шары¹⁶.

Любопытное описание собственного участия в праздновании оставил в своих мемуарах врач С. И. Сычугов. В 1850-х годах он учился в вятской бурсе, а воспоминания писал в конце XIX века. Сычугов отмечал, что Свистопляска схожа с другим народным праздником — Семиком и что она справлялась в одно из воскресений после Пасхи. (На самом деле — в субботу, но и на следующий день веселье продолжалось). Сычугов в ту пору не имел ни малейшего представления о Свистопляске, и его туда затащил старший товарищ-бурсак. Вот как он вспоминал об этом случае: «Место для праздника находилось в конце города и представляло глубокий овраг с высокими берегами, на которых раз-

мешаются десятки торговцев с булками, лакомствами и специально для этого дня приготовляемыми свистульками (вроде маленьких кларнетов) и глиняными шарами, окрашенными в черный цвет с разноцветными крапинками. Шары большие (с апельсин) были внутри пустые; мелкие же, величиною с грецкий орех, делались сплошными. На праздник являлась масса детворы, но много приходило и расфранченных барынь и мужчин, чиновников и купцов. Дети все снабжались свистульками, и в воздухе раздавалась ужасная какофония; взрослые же нагружались шарами, которые покупались целыми сотнями.

На берегу была, значит, праздничная и праздная публика; в овраге же помещались мещанские ребята и бурсаки, к которым чуть не насильно потащил меня товарищ. Да и самому мне неловко было толкаться среди франтоватой публики в халате. Праздник начался киданием шаров сверху и подборанием их ребятами в овраге. Я уже нахватал шаров целую пазуху, как один из них, попавший в голову, свалил меня с ног, и тогда началась настоящая бомбардировка. Я взмолился, просил пощады, но шары все чаще и чаще сыпались на меня. Встать и бежать я не мог и только руками инстинктивно защищал голову. К счастью, на выручку мне явился мой соблазнитель и вытащил меня в относительно безопасное место.

Я скоро отдышался и стал наблюдать за нарядной публикой. Представьте себе, что не только мужчины, но расфранченные в пух и прах барыни и даже дети с удовольствием, по-видимому, целились в головы овражных ребят; каждый меткий удар встречался поощрительным хохотом и восклицаниями. Меня так отхлопали, что картуз нельзя было надеть, так сильно распухла голова. Когда мы вышли из оврага, мой товарищ опорожнил мне пазуху, продал шары и купил мне большую свистульку и булку. С этими трофеями я вернулся в бурсу; к ним на другой день инспектор присоединил штук 50 горячих розог. Да, жестокие были нравы!»¹⁷

Во второй половине XIX и в начале XX века сведения о Свистопляске не раз появлялись на страницах местной газеты «Вятские губернские ведомости»¹⁸, а также ежегодных «Календарей Вятской губернии»¹⁹.

Постепенно старинный праздник видоизменялся. Прекратились кулачные бои, перестали скатывать шары по оврагу. Зато важное значение приобрела ярмарка, на которой торговали самыми разными товарами. Все более заметное участие в праздничном действе стали принимать дети, для которых все это было лишь традиционным ежегодным увеселением. Такой переход некогда серьезных обрядовых празднеств в разряд детских развлечений обычно и происходил при постепенном забвении их древ-

него ритуального смысла. Продажа свистулек, глиняных, а затем и гипсовых игрушек-статуэток все расширялась, а детвора, забавляясь, охотно свистела в течение всех двух или трех праздничных дней. В 1882 году «Вятские губернские ведомости» для обозначения праздника использовали как само собой разумеющееся новое наименование — Свистунья. В 1858 году в этой же газете о Свистопляске писали как об «известном здесь детском празднике», в 1872 году отметили, что этот праздник теперь окончательно превратился в детский, в 1873 году Свистопляска названа «праздником детским», в 1890 году о Свистунье сказано как об «оригинальном детском празднике». А в «Календаре Вятской губернии» на 1904 год упомянуто как давнее, исконное, так и новое название — Свистопляска или Свистунья.

В написанных уже в советское время мемуарах А. А. Прокурова подробно рассказано, чем торговали на ярмарке во время Свистуньи. Судя по всему, эти воспоминания относятся к концу XIX века: «На площади, находящейся близ Александровского, ныне имени Халтурина, сада бывал торг, носивший название «Свистунья». На торге этом, насколько помню, в начале продавались глиняные шары величиною с яблоко, туго свернутые из красной глины, обожженные и выкрашенные не то дегтем, не то черной блестящей краской, на них кругом красные точки. Шары продавались по 1/2 копейки и катались, как пасхальные яйца, служа детской забавой; говорили, что это воспоминание о ядрах, бросаемых во время битвы с устюжанами.

2. Пищали, деревянные обрубки в руку толщины, сердцевина в коих выжжена, а наружная кора вырезана различным узором, длина пищали — вершков 6-ти. При посредстве шомпола в середину пищали вводился влажный из пакли пыж, затем через некоторое расстояние второй, при надавливании шомполом второго пыжа, первый вылетал, издавая звук, что якобы напоминало бывшее при битве орудие.

3. Лубяные дудочки, составленные из 3 пластинок, обвитых берестой, образующей род пестрой палочки, наверху коей сбоку имелось отверстие. Если дуть сверху, то получался звук, подобный свирели.

4. Каменные утки, вернее, подобие формы утки, сделанные из глины, грудь коих покоилась на двух пуговках-ножках, а хвост лежал на плоскости; в конце хвоста и под ним было отверстие, внутри утки была пустота, а на спине ее было два отверстия. Если дуть в хвост резко или разнообразно прижимать в это время отверстие на спине, то получается звук окарины, из коих музыкальные клоуны извлекают целые музыкальные мотивы.

5. Помимо сего продавались исчезнувшие ныне сласти:

а) древесный сок, собранный с берез или елок, сложенный

пластами раза в 4 и стоивший 1 коп. На вкус сладковато-приятный. Продажа его скоро была воспрещена, т. к. собирание сока пагубно действовало на дерево; б) земляные орехи; в) моченые груши; г) пареная рожь; д) рожки; е) сусальные пряники, белые и темные из муки с медом, лепешки, вырезанные в форме лошади, рыбы или барана с украшением сусальным золотом, стоившие от 1/2 до 1 копейки; ж) пряники из манной крупы; з) сгущенная молочная лапша с изюмом, холодная, нарезанная ломтями. <...>

Самый распространенный товар были игрушки из глины в форме уток, коров, лошадей и людей обоего пола, сделанные настолько примитивно и раскрашенные настолько уродливо, что могли удовлетворять только невзыскательному вкусу детей, радующихся каждой новинке... Вскоре выделка из глины превратилась в выделку из гипса. Фигуры стали с каждым годом приобретать все новые усовершенствованные формы, в чем специализировались жители слободы Дымково...»²⁰

А вот как по воспоминаниям детства писал о Свистунье предреволюционных лет литератор В. В. Лебедев:

«Вятский праздник свистунья на большой площади.

Когда к ней идешь, кажется, что медленно взбираешься на какую-то гору, высота которой оглушает твою кровь и сознание.

Потом у базара понимаешь, что это свист. Летучий пронзительный свист с легким, нежным горловым оттенком.

Что-то цветет и волнуется там на площади.

И когда попадаешь на площадь и идешь среди свистящей толпы, кажется, что ходишь по воздуху. У всех смеющиеся и какие-то дерзкие лица. Идущие люди бережно держат перед лицами глиняную небольшую игрушку, ценой в три или пять копеек, изображающую двухголового зверя или барана с золотыми пятнами на боках. В хвост этому барану и свистят. Люди, идущие приложив к лицам этих разноцветных зверей, похожи все вместе на громадный пестрый маскарад.

Этот блеск и свист сначала озадачивают, а потом поднимают на воздух — и так путешествуешь до вечера, а ночью — в глазах и ушах во сне стоит что-то яркое и радостно-нежное. Это праздник свистунья. С давних времен славился город Вятка этим праздником. В Вятке здорово свистят. В Вятке делают игрушки для свиста.

Вот начался праздник: идут на площадь к белым палаткам старушки, пожилые степенные люди, а от палаток навстречу — знакомая молодежь, их сыновья и внуки, и одно у них в этот день — у молодых — дело: дудеть в хвост золоторогому барану. <...>

Целый день вместо дела один свист»²¹.

В 1989 году И. Г. Франчески вспоминал, как проходила Свистунья в 1920-е годы. Она в то время стала просто веселым торжищем: «Все весело, пьяных почти не видно. Слышны гармошки, играют шарманки». Крестьяне — «в балахонах из дерюги, в картузах домашнего изготовления» — предлагают свой товар. Это лапти, гребни из коровьего рога и прочее. «Основным «свистящим» товаром были глиняные фигурки с головкой, хвостиком и двумя ножками. В хвостик и свистели». Эти фигурки продавались как дешевые, нераскрашенные, так и подороже — расцвеченные, нарядные. Продавали также куколок из шишек и мха, гипсовые статуэтки (обычно это были свиньи-копилки и наборы по семь или по девять собачек и слоников). Торговали детскими книжками, лубочными картинками, а также квасом и разной снедью: рошей (пророженным ржаным зерном), пестиками (початками хвоща) и обязательно ярушниками — овсяными хлебцами-каравайчиками²².

Итак, Свистунья, превратившаяся в ярмарку, на которой непременно продавались детские игрушки, устраивалась и в первые послереволюционные годы. Давняя традиция ее ежегодного проведения окончательно угасла в то переломное время, когда забывались и вытравлялись и прочие вековые традиции — на рубеже 20-х и 30-х годов. Очевидно, сыграло свою роль и то фатальное обстоятельство, что, вслед за некоторым оживлением торговли в пору нэпа, грянул «великий перелом», самостоятельного хозяина в деревне и частника-горожанина окончательно придавили, и ярмаркам пришел конец. По воспоминаниям дымковской мастерицы З. В. Пенкиной, последняя Свистунья состоялась на исходе 1920-х годов²³. Этому не противоречит свидетельство «Вятской правды» о Свистунье в 1930 году, когда открылось всего четыре-пять бедных палаток с гипсовыми фигурками на продажу²⁴.

Свидетелям и современникам бывлой Свистопляски казалось естественным связывать происхождение этого ежегодного празднования со злополучным конкретным событием — ночной битвой вятчан с устюжанами. Такое утверждение и сейчас не редкость. Однако по всем признакам Свистопляска — это славянский календарный обряд весенне-летнего цикла. Именно так рассматривали его серьезные исследователи — кроме Д. К. Зеленина и И. Я. Богуславской, это еще, к примеру, Н. М. Терехихин²⁵.

В четверг седьмой недели после Пасхи повсюду в России издревле справлялся народный праздник Семик. Среди обрядов, приуроченных к этой дате, обычны были обряды поминальные. Во время Семика поминали так называемых «заложных покойников» — то есть тех, кто сгинул «не своей» смертью:

умер раньше срока, погиб насильственной смертью, утонул, угорел, помер от пьянства, покончил с собой, вступил при жизни в сговор с нечистой силой, став колдуном или ведьмой и т. п. Все они представлялись особенно зловредными мертвецами. Культ заложных покойников и обряды Семика изучал Д. К. Зеленин. Кстати, именно он ввел в научный обиход вятское диалектное слово «заложный».

Еще в XIX веке высказывалось мнение, что Свистопляска похожа на Семик²⁶. Но всерьез обосновал это как раз Зеленин²⁷.

Действительно, во время Семика бывали поминальные службы, кое-где переходившие в разгульное веселье. Известно, что на Вятской земле и в ближних к ней краях Семик отмечался особенно широко и весьма архаичными обрядами²⁸. Между прочим, в самом Хлынове тоже проходили панихиды при «убогих домах», куда сваливали и где потом закапывали тела казненных преступников и нищих. И все это сопровождалось «разными дурачествами и беспутствами»²⁹. Так что, по Зеленину, разница между Свистопляской и Семиком лишь в том, что Свистопляска отмечалась в более ранний календарный срок и посвящена она была не заложным покойникам вообще, а убитым в сражении устюжанам³⁰.

По словам Зеленина, в Семик вятская Свистопляска «повторяется в миниатюре в г. Слободском, где она бывает около мужского монастыря»³¹. Там после «вселенской панихиды» разворачивалась шумная ярмарка, на которой торговали свистульками и прочими игрушками, так что весь день был слышен неумолчный свист. Говорили, что панихида совершается за новгородцев, убитых в сражении с вотяками.

Сходным образом проходил Семик в Котельниче. «Всемирная панихида» совершалась возле кладбища, над ямой, которая, по мнению местных жителей, была могилой устюжских воинов, павших в битве с обитателями Вятского края — новгородскими выходцами. Во время панихиды в яму бросали деньги и печеные яйца. А после начинали кидаться ими друг в друга для потехи, причем в яме барахталось множество народа, выхватывая брошенное. Такое буйство нередко заканчивалось вмешательством полиции. Дети целый день катали и бросали глиняные шарыши, свистели в дудки, палили из потешных пищалей. Тут же была торговля игрушками и свистульками. И вообще все это действо проходило шумно и крикливо³².

Хотя семицкие обряды в Слободском и Котельниче и впрямь очень похожи на вятскую Свистопляску, но все же несовпадение сроков проведения Свистопляски в Вятке и обрядов Семика в Слободском и Котельниче не позволяет думать, что в этом случае произошло всего лишь заимствование празд-

нества из какой-либо одной местности в другую. Иначе говоря, все это, безусловно, варианты одного и того же архаичного обрядового комплекса, но варианты, развивавшиеся независимо друг от друга.

Во многих местах Вятского края поминовения в Семик совершались, как и при Свистопляске, не просто по заложенным покойникам, а по убитым в сражении. Причем часто именно по павшим в битве устюжанам. По-видимому, какая-то историческая основа у этих преданий все же была, так как военные столкновения вятчан с устюжанами в эпоху средневековья действительно были, да и в старинных вятских синодиках встречались записи об устюжанах, убитых под Котельничем³³.

В соседнем Пермском крае тоже известны места поминовений павших в давних битвах воинов. Поминовения там совершались в Семик либо же в девятую пятницу после Пасхи — день, посвященный святой Параскеве-Пятнице. Бытовала легенда, что святая Параскева помогла отстоять поселение от врагов. Кое-где поминовение убиенных перенесли с Семика на девятую пасхальную пятницу из-за значимости в тех местах культа этой святой. Она, в частности, была покровительницей городов и торговли, а все эти ежегодные поминовения сопровождалась ярмарками³⁴.

Таким образом, вятская Свистопляска и впрямь схожа с Семиком. Это обряд поминовения заложенных покойников. Для весенне-летнего обрядового цикла характерна календарная приуроченность дней поминовения предков, когда в едином ритуально-праздничном комплексе сочетаются мотивы заупокойно-поминальные и аграрно-продуцирующие (то есть направленные на магическое пробуждение плодотворной силы земли). Связь Свистопляски с торжищем тоже, как видно, не представляет ничего исключительного³⁵. Это было свойственно, к примеру, Масленице — народному празднику, с которого и начиналась череда весенне-летних обрядов и который также выделялся отчетливой похоронной символикой. Было представление, что Масленица приезжала к ожидавшим ее людям с базара и, по завершении празднования, уезжала от них на ярмарку. А неделю спустя, в субботу, на ярмарке в Ростове Великом Масленице устраивали разгульные поминки³⁶. Святая Параскева-Пятница опекала торговлю, а на Свистопляске панихида в часовне проводилась, между прочим, священниками Пятницкой церкви.

Правда, остается не вполне ясным вопрос, что же обусловило хронологический сдвиг — перенесение срока этого ритуального поминовения в городе Вятке с Семика на более раннее время, ближе к началу весны. Точнее, даже не сдвиг (ведь и в Семик там тоже поминали заложенных покойников), а, так ска-

зять, удвоение календарно-поминальной обрядности, закреплённость ее почти в том же самом виде и за Семиком, и за четвертой послепасхальной неделей.

Возможно, это более ранняя по срокам приуроченность и вправду связана с конкретным событием — например, боевым столкновением, дата которого запечатлелась в памяти людской соответственно со скользящим пасхальным циклом³⁷. То есть оно действительно могло произойти именно на четвертой неделе после Пасхи. Едва ли только непременно в субботу этой недели. Суббота — это просто-напросто обычный поминальный день народно-православного календаря.

Высказав это осторожное предположение, нужно все же еще раз уточнить: была ли какая-либо особенно памятная потомкам битва под Вяткой либо под Котельничем или еще где-нибудь — неясно, но сама обрядовая процедура этого поминовения явно традиционная, устойчивая, издревле сложившаяся, привычная для народного мировосприятия.

Теперь внимательнее присмотримся к отдельным обрядовым элементам Свистопляски.

Сочетание похоронно-поминальной символики с буйным, разгульным весельем указывает на примечательный архаизм вятского праздника. Такое сочетание некогда было характерно для языческой тризны³⁸. Оно свойственно также и некоторым восходящим к языческим временам славянским календарным обрядам весенне-летнего цикла — не только Семику, но и Масленице, и Радунице³⁹. Смех при древних обрядах был жизнеутверждающим магическим действием, он охранял от смертоносного влияния. Очевидно, панихида по православному обычаю в этом случае вытеснила и заменила собою языческие поминально-похоронные священнодействия.

Само название «Свистопляска» указывает на то, что некогда поминовение должно было, наверное, переходить в плясовой разгул. Это и вправду случалось в иных поминальных и похоронных обрядах. Наши источники свидетельствуют, что в XIX веке буйный разгул еще бывал, а вот ни о каких таких особенных плясках в них не говорится. Очевидно, дело в том, что уже к началу XIX века те элементы празднества, которые слишком уж противоречили христианскому благочестию, вышли из обычая — видимо, в том числе и под воздействием церковных и светских властей.

Характерно, что даже самые ранние дошедшие до нас источники уверяют, что кулачные бои, которые прежде, дескать, на Свистопляске бывали, теперь уже не проводятся. Вообще-то кулачные бои обычно устраивались в более раннее календарное время — зимой, особенно же на стыке зимы и весны, то

есть во время Масленицы и сразу после. Масленицу обычно хоронили-спроваживали в Прощеное воскресенье, а на следующий день, в Чистый понедельник, несмотря на уже начавшийся Великий пост, устраивали потешные «поминки» и буйные кулачные бои. Такая последовательность действий очень напоминает обычай древней тризны.

Метание глиняных шаров, как казалось многим очевидцам Свистопляски, должно было имитировать битву. Правда, едва ли в битве кто-нибудь стал бы бросаться в противника вручную шариками — даже не из пращи, тем более в ночной рукопашной схватке⁴⁰. Но эти шары не только метали, их еще и скатывали вниз по склону. И примечательно, что некоторые из тогдашних авторов заметили: обрядовые действия с шарами-шарышами походят на пасхальные игры с яйцами. И. Я. Богуславская в этой связи писала: «Можно думать, что катание глиняных шаров на Свистопляску было поздней модификацией этих древних обрядовых действий», то есть скатывания пасхальных яиц вниз⁴¹. Но обрядовое применение яиц не ограничивалось Пасхой. С ними играли до Семика. А нередко их сохраняли и затем использовали в других весенне-летних обрядах: на весенний Юрьев день, при первом севе и т. д. На Радуницу и вообще при поминках их приносили на могилки. Так, в Сибири в послепасхальный «родительский день» на кладбище катали крашеные пасхальные яйца и даже зарывали их в землю. И поминки на могилах переходили затем, по дороге с кладбища, в веселье с песнями и плясками⁴². Вообще же яйца связаны с культом мертвых и с плодородием⁴³. Интересно, что при Свистопляске и при сходных с нею обрядовых действиях в ближних к Вятке городах, когда шарыши клали, скатывали, бросали, тут же точно так же поступали с яйцами, монетами, пряниками. Это очень похоже на приношение заупокойной жертвы на месте погребения. Кстати, вятчане были уверены, что там, где они справляли свою Свистопляску, и захоронены павшие воины. В прошлом там даже находили какие-то кости, и всем было ясно, что это те самые останки⁴⁴. Так что весьма вероятно, что глиняные шары на этом весеннем празднестве заменили собою яйца в их обрядовом употреблении. И, должно быть, прежде яйца приносили поминаемым в этот день покойникам.

Что же касается свиста, то, по Зеленину, «свист — языческий оберег от нечистой силы»⁴⁵. Комментировавшая книгу Зеленина Е. Е. Левкиевская, вслед за Б. А. Успенским, указывала, что, конечно, свист бывал оберегом, но, с другой стороны, он мог характеризовать и саму нечисть⁴⁶. Думается, что эта двойственность вполне понятна: «сходное защищается сходным» — чтобы не сглазили, надо сделать изображение глаза, а

чтобы магически предохраниться от смертоносных, насылаемых зловредными покойниками миазмов, нужно свистеть.

Зеленин отмечал подобный Свистопляске престольный праздник в селе Никола-Дудник Ростовского уезда Ярославской губернии. Там на Николу вешнего (9 мая по старому стилю) продавали множество колокольчиков, детских глиняных дудок и игрушек⁴⁷. А святой Никола, как было показано Б. А. Успенским, явно связан с поминанием заложных покойников и с обрядовым использованием яиц⁴⁸. Так что подмеченное Зелениным сходство вятского и ростовского празднеств становится еще более убедительным, равно как и догадка о происхождении шарышей.

Но защищал от нечисти не только свист. Примечательно, что, наряду со свистом, многие наблюдатели отмечали присущую Свистопляске (как и родственным ей обрядам) звуковую какофонию: шум, вопли, крики, пальбу из потешных пищалей. Возникавшие при этом ассоциации с шумом битвы едва ли могли прояснить эту характерную особенность. Обычное назначение обрядового шума в народной культуре — тоже отгонять всякую нечисть, все злое и пагубное⁴⁹. Такой шум вообще присущ некоторым весенне-летним обрядам славян — например, обрядам Юрьевского цикла.

Любопытно, что свистульками часто бывали глиняные фигурки птичек. Конечно, свистят и настоящие, живые птички. В «Толковом словаре» В. И. Даля записано: «Не всякая птица свищет, иная чирикает, а сова только пыхтит да шелкает»⁵⁰. Добавим: а еще птица может петь, щебетать, стрекотать, ухатать... Так что и эта особенность нуждается в объяснении.

Уже приходилось отмечать, что составившие вятскую Свистопляску обрядовые элементы свойственны не только поминальным ритуалам Семика, но и другим весенне-летним обрядам. У славян еще с языческих времен было убеждение, что весна, а с ней и начало очередного земледельческого года, наступает, когда из Вырия — далекой потусторонней страны — возвращаются перелетные птицы. В христианскую эпоху обряды встречи птиц и весны приурочивались, как правило, к марту, хотя на Севере и в Сибири встречали весну и позже — в апреле и даже в мае. В этих случаях встречу весны с прилетом птиц уже обычно не связывали. Одновременно с птицами рвались на Русь из Вырия злобные крылатые демоны болезней — лихорадки-трясавицы, так что в этих обрядах явственны и мотивы охранения людей и домашнего скота от болезней, пагубы и смерти⁵¹.

1 марта — первый день первого весеннего месяца, встреча весны и птиц. По православному календарю это день святой Евдокии. Евдокию (Авдотью) в народе называли Свистуньей или Свистухой. Говорили, будто это либо оттого, что с той поры

начинают всюду дуть-свистать весенние ветры, приносящие тепло, либо же оттого, что на Евдокию байбак просыпается после зимней спячки и свистит.

Так встреча весны соединяла в народных представлениях птицу и свист.

Другая обычная форма свистульки на Свистопляске — это глиняный барашек, которому тоже, как и птичке, надо было дуть в хвост. Возможно, что и само это обыкновение дуть-свистать во время вятского праздника имеет нечто общее с поверьем о том, что на Евдокию должны дуть и свистать весенние ветры. И любопытно, что «покровительницей овец» считалась именно святая Евдокия⁵². А «барашками» называли приносивших весну куликов. Кстати, у Евдокии и у Параскевы-Пятницы много общего, и за образами обеих святых явно проглядывают черты языческого женского божества.

Кое-где в Полесье было принято в первый понедельник после Пасхи провожать зиму. Крашеное пасхальное яйцо перебрасывали через амбар, «шоб скорее на весну пошло». И кидали камни в сторону севера⁵³. В восточнославянском мире через крышу дома или амбара обычно перебрасывали обрядовое — в виде птичек — печенье при встрече весны и птиц. И вообще этот полесский обряд — по сути, встреча весны. Интересно, что Свистопляска проходила на северной окраине старого города, так что когда с откоса кидали шарыши, то направление было то же самое — на север.

Словом, у Свистопляски есть много общего не только с Семиком, но и с другими весенними обрядами, в том числе и с обрядами встречи весны.

А сейчас обратим внимание на то, как отразился старинный вятский праздник в звучащей речи.

Овраг, над которым ежегодно справлялась Свистопляска, теперь зовется Раздерихинским. В начале XX века Д. К. Зеленин писал, что это «имя объясняют от произошедшей тут раздерихи между вятчанами и устюжанами»⁵⁴. Судя же по городским планам 1759 и 1784 годов, в более давние времена он назывался Вздерихинским и Здерихинским⁵⁵. А уж это — исконное — наименование не имеет никакого отношения к легендарной «раздерихе»⁵⁶. Значит, позднее видоизменение названия оврага, из Вздерихинского ставшего Раздерихинским, связано с распространением легенды о хлыновском побоище⁵⁷.

Отстроенный в XVII веке «вывод» — то есть выступ городского оборонительного вала над Вздерихинским оврагом, в отличие от прочих «выводов», уже в ту далекую пору получил имя собственное — Веселуха. Видимо, оттого, что как раз в этом месте проходила буйная Свистопляска⁵⁸.

Жители иных губерний России называли вятчан из-за их столь приметного праздника «свистоплясами» или «свистоплясцами». Такое выразительное прозвище было отмечено И. П. Сахаровым (в книге, впервые опубликованной в 1840-е годы) и В. И. Далем⁵⁹. Даль привел и колоритное толкование слова «свистопляс» — «разгульный тунеяд, шатун»⁶⁰. А в 1904 году Д. К. Зеленин писал, что «теперь этого прозвища не слышно»⁶¹. Должно быть, когда сам праздник поменял название, став ярмаркой Свистуньей, тогда забылось и это прозвище.

В современном языке есть слово «свистопляска» (в значении: суматоха, сумятица, разгул; безудержное, разнузданное проявление чего-либо отрицательного). Историю этого слова изучал знаменитый филолог академик В. В. Виноградов, который, кстати, в 1930-х годах отбывал в Вятке ссылку. По мнению Виноградова, от сосланного в Вятку Н. З. Хитрово о вятском празднике Свистопляске узнали многие тогдашние писатели и ученые. А в литературном языке и с переносным значением это слово появилось в 1850—1860-х годах благодаря историку и этнографу М. Н. Погодину⁶².

Закреплению в русском языке слова «свистопляска», несомненно, способствовало и то, что многие образованные от корня «свистеть» слова имели смысловую связь с празднованием, бездельем и явную отрицательную окраску. В. И. Даль отметил многие из них: «свистун» и «свистуша» (пустой, светский человек, тунеяд); «свистель» и «свистень» (тунеяд, шатун, пустоброд, лентяй, повеса, кто шляется без дела); «свистушка» (непоседная девка); «свистуля» (свистель, гуляка; женщина легкого поведения); «свистулить» или «свистульничать» (шататься, шляться, ходить да посвистывать); «свисток» (насмешник); «свистяга» (шатун, гуляка, тунеяд; сплетница). Даль привел и такие выражения народной речи: «свистать в кулачок» (сидеть без гроша); «по закромам ветер свишет» (все пусто); «просвистался» (размотал все); «одна денежка и та свищет!» (говорится о разгуле)⁶³.

Хорошо известен и запрет свистеть в доме: если будешь свистеть — денег не станет.

Есть и такая поговорка: «Свистунам-то завтра праздник!» Так говорят, когда хотят укорить бездельника, побудить его работать: мол, сейчас давай трудись, а праздновать завтра будешь. Она распространена и за пределами Вятской земли.

Существовала и лубочная картинка «Вятская баталия». Наверное, она была достаточно известна в народе, если ее заглавие стало восприниматься как народное присловье о вятчанах⁶⁴.

Она изображала нелепо разодетых людишек с потешным оружием: ухватами, граблями, косами, вилами, скамейками. Все

они снарядились воевать с чудищем, которое представлено было тут же — большое, странного вида — то ли огромная ящерица, то ли хамелеон. Над человечками были цифры от 1 до 25, а внизу — 25 коротеньких смешливых подписей. Сверху же, надо всей картиной, надпись: «О баталии Вяцкой. — У иноземцев овартах описуют подобно как овятках повествуют акибы встарые годы воправду некогда бывало что вятское гражданство противу серпа воевало сице ополчаю(т)ся против изверженой морем рыбы скоты жители некоего горада варты люди видом телом быть малои породы актомузь еще знатно дураки иуроды».

Д. А. Ровинский, известный ценитель, собиратель и исследователь русского лубка, опубликовал этот лубочный лист в своем знаменитом своде «Русские народные картинки», но почему-то не вполне точно списал его текст, хотя даже на приведенной Ровинским иллюстрации этот текст виден неплохо. Например, там, где написано: «телом», — Ровинский прочел и, соответственно, напечатал в своей книге такое: «телогии (?)»⁶⁵. В этом нелепом виде — под статью содержанию лубка — текст с тех пор обычно и цитируется...

Известно, что многие русские лубочные картинки ориентировались на западноевропейские образцы. Художественные особенности этого лубка, образы и костюмы персонажей ясно указывают на его западные истоки. Да и текст подтверждает это: на картинке представлены не «вятки», а «варты» (согласно Ровинскому, жители посада Варта Турекского уезда Калишской губернии в Польше). Значит, изготовители лубка использовали анекдот (либо уже существовавшую народную картинку) о том, как глупые «варты» ополчились на диво морское.

Но создатели этого лубка постарались адаптировать западный сюжет применительно к российским условиям, ко вкусам и интересам здешних обывателей. Потешных чужеземцев сравнили с вятчанами, которые, наряду с пошехонцами, тоже пользовались славой редкостных недотеп. К вятчанам, как и к пошехонцам, привязался распространенный фольклорный сюжет (из сказок о том, кто всех глупее), как крестьяне, приняв найденный в поле серп за вредоносную гадину, понесли его топить. На эту байку и намекает текст лубка.

Понятно стремление придать иноземному анекдоту российский облик и, рассказывая о ненаших чудиках, что ополчились на «рыбу», упомянуть и о чудиках своих, доморощенных — тех, что серп топили. Но остается неясным, почему на картинке с названием «О баталии вятской» фигурируют вовсе не «вятки», а «варты»? Почему при этом изображена совсем не баталия, а только подступы к чудишу? Почему даже в той части текста, где говорится о вятчанах, подразумевается история о потоплении

серпа, а ведь это потопление лишь с большой долей условности можно назвать «баталией»? Словом, заглавие лубка явно не согласуется с его содержанием.

Очевидно, эти несуразицы объясняются тем, что словосочетание «вятская баталия» в ту пору, когда эта картинка создавалась, уже само по себе было расхожим устойчивым словосочетанием-штампом — вроде нынешних: «ледовое побоище», «столетняя война», «битва народов», «битва гигантов», «китайская стена» и т. п. Так что оно естественным образом само просилось в заголовок ко всякому тексту и изображению, имевшему хоть какую-нибудь связь с Вяткой и с распрей.

Такое выражение могло относиться только лишь к преданию о хлыновском побоище. В самом этом предании, кажется, ничего юмористического не было. Так что люди, которые знали это выражение, очевидно, слышали и о забавном, с их точки зрения, обычае веселого и буйного поминовения убитых в том самом побоище. То есть они явно слышали про Свистопляску.

Судя по особенностям изображения и текста, этот лубок был изготовлен во второй половине XVIII века — видимо, во времена Екатерины Великой. Где лубок сделан, судить трудно. Может быть, в Москве. Но уж во всяком случае не в Вятке. Выходит, эта лубочная картинка косвенным образом свидетельствует, что уже в XVIII веке предание о хлыновском побоище и слухи о вятской Свистопляске широко распространялись по России. Как известно, самое раннее дошедшее до нас переложение легенды о хлыновском побоище записано Н. П. Рычковым на рубеже 60-х и 70-х годов того же века. Рычков при этом ссылаясь на местную летопись. Анализ лубочной картинки, как кажется, подтверждает, что сведения о давней злополучной битве у города Вятки и о вятской Свистопляске задолго до упоминания об этом в книгах бытовали в народной среде и всюду расходились по стране. Следовательно — содержался ли в «Повести о стране Вятской» рассказ о хлыновском побоище или нет, — но этот рассказ, во всяком случае, — не сугубо книжная история. Это история, которая, похоже, была устным народным преданием.

Итак, уже в XVIII веке сведения о Свистопляске становились известны далеко за пределами Вятского края. В первой половине XIX века отмечено прозвище вятчан — «свистоплясцы». А значимость этого праздника среди самих жителей Вятки еще в XVII веке, возможно, проглядывает в словечке-названии «Веселуха».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зеленин Д. К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 145—146; Он же. Избран-

ные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 134—135.

² Богуславская И. Я. О вятской Свистопляске // Советская этнография. 1988. № 2. С. 90—94. Эта работа опубликована также в кн.: Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья: Межвуз. сб. статей. Ижевск, 1995. С. 83—90. См. также: Богуславская И. Я. Дымковская игрушка. Л., 1988. С. 16 слл.

³ Захаров Д. М. Серебряная Вятка: Рассказы о названиях. Киров, 1990. С. 63—82; Пономарев В. Ф. Шумела над Вяткой свистунья // Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 9. Киров, 1991. С. 82—90; Он же. Народные игры, забавы, ристания на Вятке. Киров, 1991. С. 73—74, 80—82; Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. С. 42—44; Борова И. В. Прогулки по старой Вятке. Киров, 1995. С. 97—103; Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996. С. 114—116; Беляева М. Не с целью, а во имя // Сб. научных работ учащихся: (По итогам конференций Научного общества «Вектор» 1992—1995 гг.). Киров, 1997. С. 10—15.

⁴ О древности города Хлынова и всей Вятской страны // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 323.

⁵ Ср. суждения историков об этом рассказе Хитрово: «Нет сомнения, что Хитрово начался вдоволь забористых романов» (Кудрявцев В. Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. Отд. VI. С. 227; Хитрово ведет повествование с «апломбом знатока военного дела и вместе — с игривостью салонного рассказчика» (Верещагин А. С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 10).

⁶ Отрывок из журнала, писанного в Вятке в 1811 г. Н. Хитрово // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 328, 329—330.

⁷ По мнению А. А. Спицына, рассказ Рычкова основан на летописной «Повести о стране Вятской», однако ни в одном из известных списков «Повести» нет приводимых Рычковым подробностей о битве вятчан с устюжанами (Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае / Сост. А. Спицын. Киров, 1993. С. 17). А. С. Верещагин полагал, что Хитрово едва ли в самом деле использовал старинные рукописи, скорее всего в описании этой битвы он опирался на изложение Рычкова, расцветив его собственными домыслами (А. В. Заметка по поводу статей Рычкова и Хитрово // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 337; Верещагин А. С. Ук. соч. С. 10).

⁸ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3. М., 1838. С. 62—64. Ср.: Он же. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 132.

⁹ Сахаров И. П. Сказания русского народа: Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 226—227; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.; М., 1882. С. 151; Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 64—66.

¹⁰ Ср., однако: «Самое раннее описание этого праздника теми, кто видел празднование своими глазами, принадлежит генералу Хитрово» (Тинский А. Г. Ук. соч. С. 42).

- ¹¹ Вештомов А. История вятчан. Казань, 1907. С. 31—32. Прим. 8. См. также с. 42.
- ¹² Баженов В. Я. Свистопляска // Казанские известия. 1817. 4 июля (№ 53). С. 227.
- ¹³ Яковлев П. Поездка в Вятку (Отрывки из писем К...й) // Календарь муз на 1826-й год. СПб., 1826. С. 162—163.
- ¹⁴ Мухачев Е. Свистопляска // Вятские губернские ведомости. 1838. № 21. Прибавление № 11. С. 53—55.
- ¹⁵ С-в. Историческое предание и описание праздника Свистопляски в Вятке // Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 127.
- ¹⁶ А. М. Свистопляска (из воспоминаний о Вятском крае) // Русский дневник. 1859. 3 апреля (№ 73).
- ¹⁷ Сычугов С. И. Записки бурсака. М.; Л., 1933. С. 144—146.
- ¹⁸ Вятские губернские ведомости. 1857. № 10. Ч. неофиц. С. 55—57; 1858. № 19. Ч. неофиц. С. 126—128; 1861. № 21. С. 170; 1862. № 19. С. 145; 1865. № 57. С. 208; 1869. № 21. С. 7—8; 1872. № 40. С. 4; 1873. № 38. С. 3—4; 1888. № 81. С. 4; 1890. № 44. С. 4.
- ¹⁹ Календарь Вятской губернии на 1904 год. Вятка, 1903. С. 117; Календарь Вятской губернии на 1911 год. Вятка, 1911. С. 102.
- ²⁰ Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели // Вятский свистун: Сб. сатирических и юмористических стихов и рассказов / Сост. и ред. Т. Николаева. Вятка (Киров), 1994. Вып. 11—12 (31—32). С. 3—6.
- ²¹ Лебедев В. В. Вятские записки. Киров, 1957. С. 51—52.
- ²² Франчески И. Г. Свистунья в двадцатые годы // Комс. племя. 1989. 15 апреля (№ 15). С. 10.
- ²³ Богуславская И. Я. О вятской Свистопляске. С. 92.
- ²⁴ Г/лаго/ль С. «Свистунья» // Вятская правда. 1930. 21 мая (№ 114). С. 4.
- ²⁵ Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. С. 116—118.
- ²⁶ Вештомов А. Ук. соч. С. 192; Кудрявцев В. Ф. Ук. соч. С. 227—228.
- ²⁷ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 134—135.
- ²⁸ Там же. С. 131—134.
- ²⁹ Вештомов А. Ук. соч. С. 192.
- ³⁰ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 134.
- ³¹ Зеленин Д. К. Кама и Вятка. С. 148. См. также: Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 132.
- ³² Сенников Д. Семик в Котельниче // Вятские губернские ведомости. 1862. № 24. С. 163—164; Глушков И. Топографо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Зап. Имп. Русского Географического общества. СПб., 1862. Кн. 1. С. 27—30; Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 132—133.
- ³³ (Редакционное примечание к статье Д. Сенникова) // Вятские губернские ведомости. 1862. № 24. С. 163; Алабин П. Заметка относительно древностей Вятского края // Вятские губернские ведомости. 1865. № 57. С. 208; Кашменский С. Извлечение из дневника Главного миссионера // Вятские епархиальные ведомости. 1876. № 20. С. 570—571; Спицын А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 год. Вятка, 1881. С. 60—61; Верещагин А. С. Ук. соч. С. 6—7.

³⁴ Чагин Г. Н. Роль приходов в сохранении прошлого Перми Великой // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. (К 450-летию преподобного Трифона, вятского чудотворца): Материалы Международной науч. конференции / Отв. ред. В. В. Низов. Т. 1. Киров, 1996. С. 405—407.

³⁵ Это отмечалось Н. М. Терехиным (Терехин Н. М. Ук. соч. С. 116—118).

³⁶ Коршунков В. А. Масленица и ростовская ярмарка // Ярославская старина. Вып. 5. Ярославль, 1998.

³⁷ Ср. суждение о Свистопляске вятского учителя И. Н. Савинова, занимавшегося этнографией края: «...Вероятно потому, что неупотребляли тогда счисления по числам месяцев» (С-в. Два слова о свистопляске // Вятские губернские ведомости. 1858. № 19. Ч. неофиц. С. 127).

³⁸ На это обстоятельство обращал внимание еще И. Н. Савинов (С-в. Два слова о свистопляске. С. 128).

³⁹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 79—114; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 31—32, 121—122.

⁴⁰ Ср., однако: «Мы склонны видеть в этом обычае отдаленное переживание древнерусской тризны» (Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 138); «Очевидно, на тризне шарики не просто кидали, а устраивали ими настоящий бой, как своеобразный обряд битвы, в которой погибали поминаемые воины» (Пономарев В. Ф. Народные игры... С. 80).

⁴¹ Богуславская И. Я. О вятской Свистопляске. С. 93. Ср., впрочем: Захаров Д. М. Ук. соч. С. 80—81.

⁴² Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири // Зап. Тулуновского отд. Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Вып. 1. Иркутск, 1918. С. 41.

⁴³ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 73—74.

⁴⁴ Алабин П. Ук. соч. С. 208.

⁴⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 135.

⁴⁶ Там же. С. 335. Прим. 8. Ср.: Успенский Б. А. Ук. соч. С. 140.

⁴⁷ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 135.

⁴⁸ Успенский Б. А. Ук. соч. С. 70 слл.

⁴⁹ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1984. С. 512—527.

⁵⁰ Даль В. И. Ук. соч. Т. 4. С. 151.

⁵¹ Коршунков В. А. Почему на Вятке лихорадку называли «веснушкой»? // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III науч. конференции, посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Т. 2 / Отв. ред. В. А. Поздеев. Киров, 1995. С. 119—121; Его же. Обрядовое хлестание в детской потешке // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Отв. ред. С. Г. Айвазян. М., 1995. С. 106—107, 112—113.

⁵² Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Т. 2. М., 1993. С. 352.

⁵³ Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 84.

⁵⁴ Зеленин Д. К. Кама и Вятка. С. 146.

⁵⁵ Захаров Д. М. Ук. соч. С. 67; Тинский А. Г. Ук. соч. С. 48—49.

⁵⁶ Считается, что название «Вздерихинский» произошло от глагола «вздираться» в значении: с трудом подниматься, карабкаться вверх. (Захаров Д. М. Ук. соч. С. 67; Тинский А. Г. Ук. соч. С. 49). Однако такой глагол подразумевает подъем по неудобью, сплошь заросшему бурьяном, кустарником и деревьями, когда идти мешают цепляющиеся колючки и ветви. Между тем на дне оврага, кажется, была проезжая дорога, а по вершине его прилегающего к городу склона в давнее время проходила оборонительная линия, так что этот склон наверняка был без кустов, бурьяна и деревьев: караульным стражам нужен был хороший обзор. Слово «Вздерихинский» происходит в конечном счете от глагола «драть» («вздирать»), однокоренное слово «взор» прежде означало древесный сор и вообще мусор. С противоположной стороны город в ту пору окаймлялся оврагом Засора. Возможно, название оврага «Вздерихинский», как и Засора, означало овраг, усыянный опавшими листьями и прочим мелким древесным мусором.

⁵⁷ Ср.: Захаров Д. М. Ук. соч. С. 67—68 и слл.

⁵⁸ Тинский А. Г. Ук. соч. С. 41—42.

⁵⁹ Сахаров И. П. Сказания русского народа: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885. С. 277; Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1993. С. 42. См. также: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. М., 1994. С. 225.

⁶⁰ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. С. 151.

⁶¹ Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 75.

⁶² Виноградов В. В. Из истории русской литературной лексики // Вестник МГУ. 1947. № 7. С. 3—6. Его же. История слов: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М., 1994. С. 627—630. Ср., однако, мнение А. Г. Преображенского, что это слово с таким его значением едва ли связано с названием местного праздника — оно «кажется, от русской пляски быстрого темпа с присвистыванием» (Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1959. С. 261).

⁶³ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. С. 150—151.

⁶⁴ Сахаров И. П. Сказания русского народа: Русское народное чернокнижие... С. 277—278; Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 2. С. 43.

⁶⁵ Описание этой картинки: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 1. СПб., 1881. С. 409—412. Иллюстрация: Его же. Русские народные картинки: Атлас. Кн. 1. СПб., 1881. № 175.

В. А. ПОЗДЕЕВ

**ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЕЛЕНИН
(1878—1954)**

Илл. 93. Д. К. Зеленин

Известный русский этнограф, фольклорист, диалектолог Дмитрий Константинович Зеленин родился в с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии. Он был десятым ребенком в семье сельского дьячка. Как большинство детей священнослужителей, он поступил учиться на казенный счет в Вятскую духовную семинарию (1892—1898). В 1899 г. Д. К. Зеленин продолжил обучение уже на историко-филологическом факультете Юрьевского университета (ныне г.Тарту, Эстония). Уже будучи студентом, Д. К. Зеленин предпринимает несколько экспедиций в Вятскую, Уфимскую, а позже и в Оренбургскую, Пермскую, Псковскую, Костромскую, Московскую губернии.

Летом 1901 г. в диалектической поездке по Яранскому уезду Вятской губернии он за полтора месяца записывает 323 песни, 256 частушек, много загадок, поговорок, местных присловий. В 1902 г. РГО командировало Д. К. Зеленина в Вятскую губернию в экспедицию с диалектологической целью, выдав ему «открытый лист» и денежное пособие. За работы 1901—1902 гг. по диалектологии Д. К. Зеленин был удостоен серебряной и золотой медалей РГО. В 1904 г. он блестяще окончил университет со званием кандидата славяно-русской филологии и оставлен для приготовления к профессорскому званию на кафедре сравнительного языкознания. Избран действительным членом Русского географического общества. За период с 1901 по 1908 г. он публикует многочисленные материалы в вятской и центральной печати.

В 1908 году у Д. К. Зеленина появился замысел издать свой сборник сказок в рамках деятельности сказочной комиссии РГО. Прежде чем издать сказки, Зеленин проделал огромную подготовительную работу, он не только записывал их, но составил

сюжетный и предметный указатели, словарь диалектных слов, список неопубликованных сказок и т. п., словом, сделал издания «Великорусские сказки Пермской губернии» (1914) и «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915) наиболее ценными в научном плане.

В 1915 г. Д. К. Зеленин получил звание профессора, защитив в Петербурге магистерскую диссертацию. Через год Д. К. Зеленина избрали профессором Харьковского университета, где он работал с 1916 по 1925 г.

В 1917 г. в Московском университете Дмитрий Константинович защищает докторскую диссертацию по этнографии («Очерки русской мифологии»). В 1925 г. 47-летнего ученого избирают членом-корреспондентом АН СССР, он переезжает в Ленинград, где и работает до последних дней в Институте этнографии АН СССР и руководит кафедрой этнографии Ленинградского университета.

Материалы, собранные ученым в Вятской губернии по диалектологии, этнографии и фольклору, очень обширны. На их основе Зеленин написал множество работ — это и «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии», «К вопросу о ходе древнейшей колонизации в Вятский край», «Троещеплятица», «Свадебные приговоры Вятской губернии» и др.

Книгой, которая сделала имя Д. К. Зеленина всемирно известным, стала «Русская (восточнославянская) этнография», вышедшая в 1926 г. в Германии на немецком языке. На русском языке эта книга была издана только в 1991 г., хотя она являлась долгие годы наиболее авторитетной и популярной книгой по этнографии русских, украинцев, белорусов.

Особое место в научном наследии Д. К. Зеленина занимают его бесценные фундаментальные справочники: «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте России 1700—1910 гг.» (СПб., 1913), а также «Описание Ученого архива РГО», напечатанное в трех томах (Пг., 1914—1916), IV том остался неопубликованным и затерялся.

В 1935 г. Д. К. Зеленин был утвержден в ученой степени доктора наук. Во время Великой Отечественной войны он находился в эвакуации в г. Самарканде. В 1942 г. Зеленин вышел на пенсию и последние годы жизни работал над составлением этнографо-географического словаря объемом около 100 печатных листов, так и не увидевшего свет. Ученый опубликовал 306 работ, многое еще хранится в архиве.

Умер Д. К. Зеленин в своем рабочем кабинете на семьдесят шестом году жизни.

Д. К. Зеленин большое внимание уделил особому обряду Вятской губернии «троецыплатница». Главными персонажами вятской «троецыплатницы» являются повивальные бабки, вдовы, женщины, совершающие моления и обряды с кушаньями из куриц. Символика курицы в троецыплатнице связана с брачно-эротическими моментами, со смертью и похоронной обрядностью, на наш взгляд, но в действиях главных персонажей проявляются и черты инициальных (посвятительных) обрядов.

Надо заметить, что русские обряды, связанные с птицей и животными, не так многочисленны и восходят, по мнению исследователей, к обрядам жертвоприношения. В таких обрядах домашние животные и птица имеют особую ритуально-мифологическую символику, о которой Д. К. Зеленин говорит в своем очерке. Впервые это исследование опубликовано в «Памятной книжке Вятской губернии и календаре на 1906 год».

В данном издании публикуется только глава, в которой излагаются источники и основные наблюдения Д. К. Зеленина.

Д. К. ЗЕЛЕНИН

ТРОЕЦЫПЛАТНИЦА

(Этнографическое исследование)

Нигде с такою полнотою и свободою не раскрывается личность народная, как в праздниках.

И. Снегирев

Из многочисленных (если только не бесчисленных) народных обычаев, обрядов и праздников, которыми так богат Вятский край, ни один не представляется столь загадочным и таинственным для исследователя, как «троецыплатница». Крайне своеобразный, старинный, глубоко укоренившийся в народном сознании, обряд этот поражает своею тесною связью с одною лишь этнографическою группою великорусского племени (собственно вятчан). Вне пределов этой этнографической группы обряд троецыплатницы в его целом решительно нигде не известен.

Этому-то своеобразному вятскому обряду-празднику я намерен был посвятить маленький очерк, который, неожиданно для меня самого, ввиду оказавшейся необходимости остановиться на многих смежных вопросах, разросся до таких размеров, что я, хотя и не без смущения, решился озаглавить его «исследованием».

Глава 1. ИСТОЧНИКИ

*Хлыновская курятница. Котельническая троецыплатница.
Куричья братчина. Еще о котельнической троецыплатнице.
Куротна. Куриный обед. Яранская шишина.*

№ 1. В «Живой старине» 1895 г. (с. 495—496)¹ напечатан г-ном Никольским любопытный акт 1739 года о хлыновских суевериях, в котором имеем древнейшее описание обряда троецыплатницы, названного здесь *куретница* (что в переводе с вятского наречия на литературное означает *курятница*). Акт касается одновременно двух суеверий: 1) почитания «Нижнего потока» около гор. Вятки и 2) «куретницы». Мы приведем текст акта, только поскольку он касается этой последней.

«Из Вятской епархии мая 15 дня 1739 года доношением объявлено 1) (о Нижнем потоке. — Д. 3.), 2) в оном же городе Хлынове в' женскую богадельню для некоего суеверия много ношено кур русских, индеек жареных и вареных от посадских жен, которые де допросом показали, якобы в *д(е)нь рождества прес(вя)тыя Б(огороди)цы* надлежит им по обещаниям, при рождении младенцов, куретнице² приносить и употреблять *только одни-ми женами*, а мужескому полу и *девушкам* грех, и не годится им есть³, и оставшияся кости относят в' воду, а перья и черепа *также зарывают в' землю, а протчия* показали: что *бросают и в' воду*, якобы за *с(вя)тыя* кости и перья и черепа *почитали*; и при том де своим суеверии крепко⁴ отвечали, что то приношение и употребление куретниц *только женскому полу из давних лет*. За которое их суеверие учинено им всем в' архиерейском д(у)ховном приказе *наказание плетми*, и о неразглашении впредь того суеверия взяты подписки. А оной богадельни старостиха, яко *наиглавнейшая* тому разглашению ходатайка *от многих лет*, по учинении наказания, послана в' город Слободской, *скована*, к' содержанию в' богадельне ж под начал».

Святейший Синод 28 мая постановил произвести и еще расследование дела «со всяким испытным домогательством»: кто, помимо старостихи, «оним суевериям заводчики, и в' какую силу оныя были имянны, и от коликах лет те суеверии происходят, и та старостиха от кого имянны тому суеверию научалась, и то следствие со учиненным экстрактом для рассмотрения прислать в' с(вя)тейший синод и том к' его преос(вя)щенству⁵ указ послан, а в бывший тогда кабинет для извещения сообщено».

Несмотря на тяжелое наказание, которому подверглись хлыновские любительницы «курятниц» в 1739 году, описанный обряд не исчез в народной памяти, а продолжает существовать даже и в наши дни. Правда, в течение дальнейшего столетия мы

не находим решительно никаких свидетельств об этом обряде. М. Чулкову, автору «Абевеги (азбука или алфавит. — Д. 3.) русских суеверий» (М., 1786)⁶, он остался неизвестным. И только в 1848 году мы вновь встречаемся с этим обрядом, уже на страницах местного органа, «Вятских губернских ведомостей».

№ 2, В № 8 (с. 50—51) этих «Ведомостей» за 1848 г. мы находим статью штатного смотрителя Котельнического уездного училища Бажина, озаглавленную: «Троецыплатница, обряд, состоящий в молении о благосостоянии дома»⁷. Приводим эту статью полностью.

«Домохозяйка, давшая Богу обет — исправить в доме своем молебствие с поднятием свят. икон, приготовляет к этому случаю курицу, которая выводила цыплят три раза. Эта курица называется ими троечипленница. Потом собирает, ходя по соседям, солод, муку, хмель, яйца и прочее съестное, кто что даст, и тогда же приглашает их к себе на моление, называемое братчиной, или молением братским, назначая, для сего *обыкновенно день воскресный*. К этому дню варит «канун», вроде пива без хмелю, подслащенный медом, а иногда и без меду, и пиво. С вечера назначенного дня, в субботу, собираются соседние *вдовушки* для приготовления троецыплатницы, которую *готовить другим*, по обычаю их, не *дозволяется*. Тогда один из семейства, пришедши к священнику просит у него благословение на колотье заветной курицы, говоря: «Батюшка! благослови колоть курицу». Колотье же ее должен мальчик 8 или 9 лет. Очистив курицу, варят в бульоне, а к столу крошат в оный печеные яйца.

В воскресенье, после обедни, поднявши икон в дом, исправляют молебствие, при котором бывают все приглашенные на праздник; после молебна, проводивши икон, остаются все обедать; к столу приглашается всегда священник с причетом. Сперва обедают одни мужчины; им подается вино и пиво и все кушанья, исключая троецыплатницы, которую, по обыкновению их, должны есть *одни женщины*. После стола мужчины вскоре уходят; женщины, оставшись одни, высылают из комнаты девиц и детей, кои, по мнению их, не должны участвовать в таинственной трапезе, и запирают двери. Потом, затеплив пред иконами свечу и помолившись Богу, садятся обедать за два стола: за первый *старые*, а за другой молодые женщины, и с благословением продолжают трапезу свою, не употребляя за ней ни вина, ни пива. За первым столом занимает первое место *обыкновенно старшая летами, особенно вдова*. Она, отломив голову троецыплатницы, передает ее другим, а те друг другу, ломая на части руками, ибо по мнению их, грех употреблять в то время ножи и вилки. Пообедавши, молятся Богу и, *погасив свечу* пред иконами, моют руки и уста водою, после *выливают ее*, как бы

святую, в чистое место, но чаще на передний угол наружных стен избы или дома.

Наконец, старшая летами, собравши кости троецыплатницы и положи их в чистый сосуд, *ставит его с благоговением на свою голову и проносит его по комнате взад и вперед; после ее также носит каждая из них по очереди.* По окончании сего обряда хозяйка, вынувши из сосуда кости и завернув их в чистую скатерку, *прячет.* Потом просит гостей «кануном», который пьют, передавая сосуд с ним друг другу: напоследок расходятся.

В этот же день вечером, *тайно от других, хозяйка* пускает скатерть с костями в воду, ежели близко река или пруд; в противном случае закапывает их в землю, потом молится Богу, говоря: «Господи! прими нашу молитву и благослови дом наш».

На другой день гости собираются к ней вторично, нарочито уже для угощения, неся с собою дома приготовленные ими для сего кушанья. Тогда пьют пиво и вино и веселятся кто как может по своему обыкновению.

Таким образом заканчивается этот обряд, который дается по особенным каким-либо случаям и *исправляется постоянно осе- нью* и притом непременно так, что ежели давшая его не могла исполнять по какому-либо случаю, то при смерти своей завещает исполнить оный своей дочери.

Обряд, с каким они едят троецыплатницу, почитается ими даже священным, *ибо ему приписывается какая-то чудодейственная сила*, что видно из следующего рассказа: «Один любопытный, желая видеть совершение обряда сего, сокрылся где-то в комнате их, но *в то самое время, как хотел взглянуть на оный, — ослеп.*»

Вот как, по их мнению, наказывает Бог дерзающих смотреть на таинственную трапезу»⁸.

И. Снегиреву, автору книги «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837—1839)⁸, равно как Сахарову и Терещенко, обряд троецыплатницы остался неизвестным. Афанасьев и позднейшие этнографы знают о нем из статьи Глушкова (в Этнографическом сборнике ГО, вып. V 1862 г.). Но еще прежде этой статьи в «Вятских губернских ведомостях» 1860 г. появилась статья анонимного автора, озаглавленная: «Куричья братчина, или троецыплатница».⁹ Приводим эту статью.

№ 3. «Кроме храмовых приходских, общественных и частных житейских праздников, которые в деревнях проводят во взаимных угощениях и продолжаются иногда более недели, у крестьян Орловского уезда есть один, очень значительный по своей странности, семейный праздник. Это исправление *куричей братчины. Домашние несчастия, болезнь семейных лиц, преимуще-*

ственно же *тяжелые роды* вызывают крестьян дать обещание исправить куричью братчину. Подобный обет считается до того священным, что если бы пообещавшийся почему-либо не мог или не успел сам исправить братчины, то в случае болезни и на смертном одре завещает своим детям или ближайшим родственникам непременно исполнить обет при первой возможности после погребения. Праздник этот состоит в следующем. Намеревающийся исправить братчину извещает о том кого нужно из соседей и родственников, собирает с них при этом петухов, куриц, яйца, хмель, солод и проч. (отчего и самый праздник называется братчиною) и, назначая день празднования, просит прибыть к нему в это время в гости. Празднование не ограничивается одним днем.

Первый и главный день принадлежит собственно женщинам, в числе которых должны быть по крайней мере *три вдовы, а если можно, то и повивальные бабы*. Главным предметом угощения служат в этот день курицы, и важнейшее значение имеют те из них, которые высидели уже трижды цыплят и потому называются *троеципленичами*. За отсутствием вдов и за неимением *троеципленичь* нельзя и *праздновать* братчину. У некоторых крестьян заранее определяется, сколько именно должно быть приготовлено к столу *троеципленичь, двоеципленичь* и *однoципленичь*. Утром, в назначенный для отправления братчины день, *хозяин колет* куриц и петухов, приготовление же их к обеду предоставляется *старшим вдовам, а иногда повивальным бабам* (те и другие являются в дом хозяев нарочно ранее), как более опытным и знающим предания старины. Эти стряпухи считают непременною обязанностью кровь и перья заколотых куриц отнести на речку или ручей, а на троецыплятниц навязать значки, чтобы не смешать их с другими. Между тем хозяин со своими домашними женщинами, а иногда и с гостями, отправляется просить приходского священника отслужить молебен в церкви или в доме и, между прочими святыми, *непременно Женам Миронosiцам*. Все это только приступ к празднованию — к исправлению братчины.

По возвращении из церкви или по отправлении икон и уходе священника, если молебен был на дому, остаются в избе одни женщины, запирают дверь, готовят стол, еще молятся, затеплив свечи пред домашними иконами, и, наконец, садятся обедать, старшие вперед, младшие ниже. В таком случае, если *обещание* исправить эту братчину дано *самим хозяином, позволяют остаться в избе и ему*, однако же не без предосторожностей: его сажают или на первое место за столом, или отдельно к суднице или залавку, находящемуся у печки, *закрывают с головы платком или скатертью*, чтобы он ничего происходящего в избе

не мог видеть. Обед, начинается тем, что каждая женщина вынимает из кармана или из-за пазухи запасное *яйцо*, разбивает его и съедает. Потом ставят на стол троечипленичь, которых раздробляют и съедают с особенным благоговением, затем подают прочих куриц, *смотря по достоинству их в отношении вывода цыплят*, наконец, ставят кашу, и тем оканчивается обед. Хозяину подают только *петуха* и кашу. Во все продолжение обеда соблюдают глубокое молчание, не пьют ни пива, ни вина. По окончании обеда с хозяина снимают покрывало, тщательно собирают все кости от куриц, складывают их в посуду, молятся, отпирают дверь, и старшая из присутствующих берет посуду с костями, покрывает ее и, в сопровождении всех прочих женщин, отправляется из избы хоронить остатки в нарочно приготовленной для того ямке в поле или на хозяйском гумне; эти остатки иногда опускаются в речку или ручей, если они есть вблизи. Вся эта процессия исполняется также с благоговейным молчанием. По возвращении в избу еще молятся, и тем оканчивается первый день праздника. Некоторые званые гости расходятся по домам, а иные остаются ночевать у хозяев.

На другой день те же гости приезжают или приходят к хозяевам братчины вместе с мужьями (у которых они есть), привозят с собою разного рода стряпни и пива. В этот день столование у женщин бывает уже общее с мужчинами; все пользуются одинаковыми кушаньями, пивом и вином. Таинственные обряды и благоговейное молчанье первого дня во второй день заменяется веселыми разговорами, пением и пляскою.

Обряд отправления курицей братчины не принадлежит одному только Орловскому уезду: мы находим его у крестьян и *Котельнического* округа. Но как по пословице, что город, то норы, что деревня, то обычай, что подворье, то поверье; то и котельническая братчина отличается от орловской некоторыми особенностями.

Здесь этот праздник более известен. Под именем *троечипленичьи*, отправляется постоянно осенью...

Дальше идет пересказ статьи Бажина.

№ 4. Очень подробно описывает обряд троецыплетницы, как он совершается мещанами г. Котельнича, Илья Глушков.¹⁰ «Мольба, известная под именем «Троецыплетницы», совершается вследствие обещания, данного по известному случаю. Например, в доме мещанина или крестьянина кто-либо из семейства нездоров. Родственники больного или сам он обещаются исправить мольбу. По выздоровлении больного обещанная мольба, рано, поздно ли, справляется. Если больной пообещался исправить мольбу да помер, не успев исправить своего обещания, данного Богу, то родственники умершего принимают его

обещание на себя и, рано ли, поздно ли, непременно исправляют обещанную им мольбу — уже заупокой его души.

При совершении мольбы-троецыплатницы соблюдаются следующие обряды: 1) до начала мольбы отыскивают несколько кур-троецыплатниц¹¹ (т. е. таких, которые вывели цыплят три раза), 2) во время обеда не употребляют ни вилок, ни ножей, 3) кур-троецыплатниц едят *одни только старушки-вдовы* и притом без разговора, молча и 4) во время всего обеда не бывает ни одного мужчины, ни даже детей мужеского пола.

Опишем поподробнее это празднование. Хозяйка дома, в котором задумали праздновать «Троецыплатницу», сначала делает сбор в кругу своих родных и знакомых; последние дают сборщице солода, муки, хмеля и круп. По окончании сбора хозяйка заблаговременно готовит пиво к предстоящему празднику, и варит его как можно больше, чтобы не было в нем недостатка. У достаточных людей его бывает в это время от 70 до 100 ведер и до 20 ведер кануну, т. е. сула без хмеля. В тот день, когда думают поднять иконы в дом, хозяйка, зазвав к себе несколько женщин, начинает с ними общими силами готовить кушанья. Приготовлением кур-троецыплатниц должны заниматься и занимаются только одни «вдовушки». Кроме вдов, никто другой, ни из мужчин, ни из женщин, не должен касаться этих кур. Только *колоть их* можно давать и *дают мальчику*, имеющему не более 8 или 9 лет.

Перья этих кур и внутренности отнюдь не бросаются, а собрав, складывают их в котомку или корчагу. Печенки, сердечки и пупки (мясистые желудки) кладут в селянку, делаемую из яиц, сбереженных от троецыплатниц. Ошипанных троецыплатниц складывают в горшок и варят в нем; эти куры назначаются в кушанье *одним вдовам*. Варят или жарят особо и не-троецыплатниц для угощения мужчин и женщин не-вдов. Кроме кур, *варят еще кашу или кисель*, последний только тогда, когда мольба исправляется за умершего. Прочие приготовления для угощения гостей обыкновенны.

Между тем как женщины хлопочут о привидении яств, хозяин дома отправляется просить священника со св. иконами (при этом должно быть непременно *до 12 икон*). Для несения св. икон вместе с хозяином приходят в церковь его родные, знакомые и вообще те, которые имеют быть на его домашнем празднике. Принесенные иконы ставятся за столом в переднем углу комнаты (в сутках) на лавках, покрытых холстом или полотнами. На столе, накрытом скатертью, ставятся куры, канун и кутья, если мольба приносится за кого-нибудь из умерших. После молебна, на котором произносятся эктения о здравии семейства, *совершается и панихида за умерших родных*. Затем отчиты-

вается над кануном и курами свято, т. е. молитва о приносящих что-нибудь под благословение церковное; причем канун и куры окропляются святою водой. Этим оканчивается весь церковный обряд, после которого принесенное под свято убирается со стола и самые иконы уносятся в церковь.

Затем тотчас же приступают к обеду, в котором участвуют из находящихся налицо гостей только мужчины. По окончании обеда все мужчины удаляются из комнаты, и в той же комнате или в другой, если есть другая, подается обед для женщин. В этот раз накрываются два стола, стоящие отдельно один от другого, — один «для вдовушек», как они сами себя называют, другой для остальных женщин. Двери комнаты запираются, чтобы кто-нибудь из мужчин нечаянно или с намерением не вошел сюда во время обеда. Даже *завешиваются* те окна, через которые любопытствующий может подметить происходящее в комнате и тем нарушить святость устроенной трапезы. Принявши эти предосторожности и приготовивши все к обеду, женщины благоговейно кладут по несколько земных поклонов и потом садятся за стол — «вдовушки» за один, а прочие за другой. Садятся, разумеется, по старшинству лет или по степени уважения, каким кто из них пользуется в своем кружке.

Первое, что подается на тот и другой стол, — это *пирог с говядиной*. А как во время этого обеда не должно быть употребляемо ни вилок, ни ножей, то пироги раздробляются следующим образом: одна женщина берет пирог за один конец, а другая за другой и таким образом: разламывают пирог на две половины. Эти половины, как и все пироги, сколько их требуется для обедающих, в свою очередь точно так же разламываются между другими женщинами. Вслед за пирогами, тоже на оба стола, подается *отвар из троецыплатниц*. Но самых троецыплатниц подают только на главный стол, где обедают вдовушки, а на другой стол подают других кур — не-троецыплатниц. Затем подают на тот и другой стол *селянку* с внутренностями троецыплатниц, а потом кашу или кисель, чем и оканчивается *этот священный* (по их выражению) обед. За обедом не подают ни пива, ни вина, а только канун; часть которого была освящена священником чрез чтение молитвы и кропление святой водой. Вставши из-за стола, опять все благоговейно молятся в землю. Надобно заметить, что и во время обеда, после каждой перемены яств, кладутся обедающими земные поклоны. Во все продолжение стола обедающие сохраняют глубокое молчание, не произнося вслух ни одного слова, и только про себя творят молитву в *подражание будто бы той св. трапезе, на которой Царица Небесная угощала Жен Мирнощиц* и не занималась никаким разговором, а только слезно вздыхала и молилась в душе за род человеческий.

Кости и другие остатки от троецыплатниц, поданных на стол, бережно собираются и складываются в ту же котомку или горшок, куда прежде были положены от этих кур перья и неупотребляемые в пищу внутренности. Если есть поблизости река или пруд, то эти котомка или корчага, наполненные остатками от троецыплатниц, с камнем бросаются в воду. Если же нет поблизости ни реки, ни пруда, то остатки от троецыплатниц скрываются где-нибудь в поле или в лесу, и притом в такое время, когда не может быть свидетелей этого дела. Такая заботливость о схоронении остатков объясняется тем, что эти куры, равно и остатки от них, в понятии женщин-простолудинок *признаются чем-то священным*, чего не должно бросать где попало. Вообще надобно заметить, что у здешних мешанок и крестьянок курица, выведшая три раза цыплят, *обрекается на заклание*. Если по случаю ее не исправляются мольбы или она не отдается в другой дом, где приготавливаются к мольбе, то она непременно приносится под свято в церковь, но не оставляется здесь, как другие приношения, вероятно, *из опасения, чтоб не досталась в пищу какому-нибудь мужчине*, а уносится обратно домой. Почему же курам не дают выводить цыплят более трех раз? Потому что людям не позволяется жениться более трех раз. Почему троецыплатниц должны есть только вдовушки-старушки? Потому что *они более достойны этого, как не могущие и не помышляющие вступить в брак*. Так объясняют некоторые из крестьянских и мешанских женщин-вдов.

Но возвратимся к тому дню, в который исправляется мольба. Те из гостей, мужчин и женщин, которые были на обеде, бывают и вечером. Но вечер, как и день, проводится скромно; не пьют ни пива, ни вина, а только канун. На другой день мольбы гости снова собираются, и притом со своими пирогами, пестухами и деньгами — по гривне или более — на вино. В этот день дозволяется употреблять пиво и вино; мужчины и женщины угощаются вместе.

Мольба с описанными здесь обрядами исправляется в городе мешанами. У крестьян подобные мольбы совершаются с некоторыми изменениями. Например, вместо пирогов у них приготавливаются просто хлеба средней величины: вдовы и другие женщины обедают за одним столом, хотя первые считаются главными и необходимыми гостями в этом обеде; все кушанья, не исключая и троецыплатниц, равно предлагаются *как вдовам, так и не-вдовам*, обед для мужчин бывает после того, как кончится обед женщин; день мольбы как мужчины, так особенно женщины проводят весьма набожно, и, несмотря на это, на другой день во многих местах вовсе не бывает пиროванья.

Подобные мольбы, как в городе, так и в деревнях, ис-

правляются обыкновенно осенью. В соседних уездах, Орловском и Яранском, эти мольбы неизвестны».

Последние слова И. Глушкова свидетельствуют, что статья анонимного автора об орловской троецыплатнице в «Вятских губернских ведомостях» 1860 г. была еще ему неизвестна.

№ 5. Уверение Глушкова, что в деревнях Котельнического уезда троецыплатниц едят все женщины (замужние), а не только вдовы, согласно со свидетельством Бажина, но оно верно не для всех сел данного уезда.

Летом 1902 года я записал некоторые данные о том, как совершался обряд троецыплатницы лет 40—50 тому назад в с. Юрьеве, со слов уроженки и жительницы этого села г-жи Лубниной. Узнал я следующее. По поверью местных крестьян, курицу, высидевшую три семьи цыплят (т. е. по три года парившую), нужно непременно зарезать, причем есть ее могут *только «честные»*, т. е. живущие в целомудрии, *вдовы*.¹² Хозяева, устраивая «чиновной обед», обыкновенно собирали всех «троечиплениц» в деревне. Одновременно устраивался, путем «ссыпки» (складчины), обычный обед для мужчин и женщин, не имеющих права есть троечипленицу. Весь обряд был известен под именем «мольба». «Чиновной обед», на котором вдовы ели троецыплатниц, совершался в полном молчании, с закрытыми дверями. Иногда только допускали на него *одного мужчину, но и тому голову завязывали по-бабьи*. «Чиновных куриц» *не резали, а ломали*; все крошки от обеда, перья и косточки кур-троецыплатниц, вода, которою умывали после обеда руки, и т. п. — все это *собирали в особую корчагу и потом бросали в реку или закапывали в землю, что называлось «хоронить курочку»*.

№ 6. О. А. Лесников сообщает нам некоторые, к сожалению, очень немногие, сведения об обряде троецыплатницы, совершаемом около с. Верхотулья. Здесь этот обряд известен под именами *троецыплатница*, а также *куротёна*. «В той деревне, где все ее *честные вдовушки* намереваются помянуть свое безгрешное вдовство, *непременно* поднимают перед этим «праздником» иконы. И косточки той исполнившей свой долг курочки обязательно похоронят в укромном местечке (подполье)».

№ 7. В «Памятной книжке Вятской губ. на 1898 год» (с. 118—120)¹³ напечатано описание обряда троецыплатницы, как этот обряд *был совершен* в дер. Белянки (около г. Орлова) в 1897 году. Приводим это страдающее лишним многословием описание г-на Гребенева с небольшими сокращениями. Одна женщина, вдова, хворала «сердцем», почему назначила на 28 сентября «куриный обед», о чем оповестила своих родственников и знакомых в разных селениях около города. В назначенный день утром участницы обеда собрались в дом вдовы, причем каждая женщина принесла с собою курицу и крупы. «Собственно для обряда нужны

три курицы — одноцыплатница, двухцыплатница и трехцыплатница. Эти назначаемые для «чина» обеда курицы варятся в особом горшке. Все прочие курицы готовятся в других посудах как случится, для угощений; куриц принесено 20, да хозяйка заколола своих 9 молодых курочек и петушков. Все участники обеда предварительно отправились в монастырь, где попросили отслужить молебен и над кутьей *панихиду*; а затем принесли в селение иконы, и в доме вдовы священник исправил молебен. По отъезде духовных лиц женщины, только с младшим сыном хозяйки остались в избе одни. Затешили свечку перед иконой и молились минут 15—20; одна бабушка читала молитвы... Далее начался «чин». Обед назначается по «обещанию»: женщины должны быть «честные вдовы», бабушки повитухи и одномужние. Допускается один мужчина, но ему на время обеда завязывают глаза, и, кроме того, в некоторых местах его повязывают по-бабьи. Во все время столования должно быть строго соблюдено молчание: не только разговаривать, но и отдельных слов не нужно произносить. Все отбросы от трех куриц собираются в один горшок — перья, внутренности и обглоданные кости, которые не следует перекусывать или раздроблять. Куриц этих едят только три женщины повитухи. Прочие же гости, и хозяин или сын его кушают прочих куриц, как случится, без разбора. Обед продолжается часа полтора. После обеда, помолившись, берут горшок с остатками курицы и несут на голове в лес, к болоту или к речке для погребения. При этом каждая из участниц обеда старается ухватить горшок, чтобы тоже *поставить себе на голову* и в особенности последней донести до могилы, «чтобы не болела голова». Идут все не обычным шагом, а «как курицы», скачут «через ножку» — *чтоб в ногах было больше живости*. Если похороны куриных костей происходят у речки, то мужчина, участник обеда, выкапывает сбоку берега большую нору, куда вставляют горшок и засыпают землей. При последнем случае, о котором рассказывается, могила, аршина два глубины, была выкопана в болоте. Придя на место, женщины предварительно поминают кутьей и пьют канун — пиво, разведенное с медом, — и уже потом опускают горшок в яму, зарывают, плотно утаптывая землю, чтоб собаки не разрыли и не съели остатки куриц. Так как куриного мяса и бульона остается от обеда много, то участницы его на другой день собираются вновь в тот же дом, приносят с собой ватрушки, пироги и другую снедь и вновь обедают, но без всякой обрядности».

№ 8. В «Приложении к Вятским губернским ведомостям» 1903 г. № 119¹⁴, в корреспонденции Д. М. Чистопашина из Пижанской вол. Яранского у. была описана яранская троецыплатница, известная здесь под именем *шипшины*.

«В некоторых селениях Тожсолинской волости (Яранского уезда) существует суеверный обычай под названием «Шипшина». Например, заболит у какой-нибудь женщины голова, то, чтобы излечиться от этой головной боли, она обещается сделать шипшину. Этот суеверный обычай начинается так: два или три родственника больной женщины берут курицу и петуха и едут вместе с больной в церковь. Отслужив в церкви молебен и возвратившись домой, они извещают всех своих родственников о дне шипшины.

Ко дню шипшины каждый желающий участвовать при этом должен принести в дом больной женщины курицу и петуха, десяток яиц, муки, крупы и солоду по 5 фунтов и скоромного масла по 1 фунту. *Для зарезания всех принесенных куриц избирают мальчика лет 12, который бы табак не курил и скверно не ругался.* Режут так, чтобы головы куриц не были совсем отсечены, а лишь несколько надрезают горло и кровь выпускают в одну посуду. Перед ужином больную женщину одевают в белое платье и сажают в переднее место, причем за ужином мужчины участвовать при больной женщине не должны. Ужин происходит молча. Сначала в большой чаше подаются на стол *яйца*. Ножа при ужине иметь нельзя. Окончив ужин, женщины уходят домой; больную также помещают в отдельную комнату. После женщин начинают ужинать мужчины. Такие ужины происходят по три дня.

При последнем ужине находящаяся тут прислуга (особо назначенная) кости и перо от куриц, скорлупы от яиц и кровь собирает в одну посуду, и *часов в 12 ночи* все отправляются с этой посудой на реку. Выбрав глубокое место, бросают эту посуду в реку и, *умывшись и испив воды*, с криком, песнями и пляскою возвращаются в дом к больной женщине, где делают складчину и всю ночь пьянствуют.

Ранее, назад тому лет 25, этот же самый суеверный обычай существовал и в Пижанской волости, но в настоящее время отошел уже в область преданий».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никольский Д. П. Куретница // Живая старина. 1895. Вып. 4. С. 495—496.

² Конечно, не дательный пад., а винительный мн., вм. курятниц (прим. Д. К. Зеленина).

³ Т. е. есть.

⁴ Понимай: настойчиво, упорно.

⁵ Епископу вятскому Вениамину. — Было бы желательно, чтобы Вятская архивная комиссия или кто другой взяли на себя труд отыскать дальнейшую переписку по этому вопросу и обнародовать ее.

⁶ Чулков М. Абевега русских суеверий. М., 1786.

⁷ Бажин. Троецпытница, обряд, состоящий в молении о благосостоянии дома // ВГВ. 1848. № 8 (ч. неофиц.) С. 50—51.

⁸ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1; 1838. Вып. 2, 3; 1839. Вып. 4.

⁹ Куричья братчина, или троецпытница // ВГВ. 1860. № 31 (ч. неофиц.) С. 212—214.

¹⁰ Глушков И. Топографо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Этнографический сборник ГО. Вып. 5. 1862, 5-я паг. С. 1—96.

¹¹ Их бывает от 1-й до 3-х (Примеч. И. Глушкова).

¹² Священник из г. Котельнича также передавал мне, что один деревенский крестьянин, привезший «под свято» курицу, говорит ему: «Бачько, сам от эту курицу не ешь: ее надо вдовушкам есть. У тебя живет в доме старуха, так ты ей отдай!» (Примеч. Д. К. Зеленина).

¹³ Гребнев Л. Г. Глухие уголки Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1897. С. 112—147.

¹⁴ Чистопашин Д. М. (Корреспонденция из Пижанской волости Яранского уезда) // Прил. к ВГВ. 1903. 9 окт. (№ 119). С. 2—3.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД

Похороны являлись одним из важнейших обрядов жизненного цикла. Со смертью связывали различные верования, во многом языческие, но сам похоронный обряд совершался по христианскому чину. За многовековую историю в народной культуре сложились традиционные представления о смерти, как о некоем существе, приходящем к человеку в различных обликах. К приходу ее «готовились», ее хотели предугадать, поэтому так много в русских гаданиях предзнаменований смерти. Если возможно было к ней подготовиться, то переодевались во все чистое, прощались с близкими, исповедовались и т. д.

Пожилые люди заблаговременно готовили *смертную* одежду, материал для гроба, отдавали различные распоряжения. Гроб же было принято изготавливать только после наступления смерти. Только старики-старообрядцы, подобно монахам-отшельникам, готовили себе гроб заранее и иногда годами спали в нем ночью, ожидая смерти.

На Вятке, как и во многих других северных губерниях, приметы, предвещавшие смерть, были сходными. Смерть предвещали различные действия в доме: скрип стен, балок, образование трещин, выпадение мха из стен наружу, падение икон и т. п. Приметы вне дома также могли предвещать смерть: упала звезда, на чьем-то поле пустые места. Наблюдали и за поведением животных или птиц: собака воет на дом, курица закричала

по-петушиному, филин или сова сели на дом, ворон закаркал, сев на крышу, воробей или ласточка влетели в избу, мышь пробежала по человеку и т. д. Особое место занимали предзнаменование снов на определенный день. Так к смерти во сне видеть: строительство нового дома, услышать благовест, оторвалась пуговица, подошва, воротник, выпал зуб и т. д. Примечали в связи со смертью или похоронами: гроб длиннее покойника, дети во время похорон роют ямку, доска раскололась во время тесания гроба, умирающий зовет кого-то или умер, не закрыв глаза, из кадила во время отпевания выпал уголек и т. д. Существовали представления о том, что родным необходимо быть около покойника в момент смерти, всячески облегчать его страдания. После наступления смерти близкие закрывали покойнику глаза, иногда на них клали медные монеты, начинали причитать, занавешивали зеркало, останавливали часы.

Обязательно до дня похорон приходили прощаться с покойником, и довольно часто в доме с ним должен был кто-то находиться.

Одним из важных моментов похоронного обряда было обряжение покойника, которое начиналось с обмывания. Воду после обмывания сливали в то место, где она не могла повредить человеку или скотине. Покойника одевали в смертную одежду, по приметам, обязательно в новую, и клали на лавку головой к большому углу на солому. Смертная одежда обычно была традиционной белой, не крашеной и не «городской», а иногда поверх надевался саван, который шили сразу после смерти. Покойнику одевали нательный крест, вкладывали в руку свечу, ставили иконку.

Траур родственников подчеркивался их одеждой, по исследованиям ученых, первоначально она обычно была белой и только позже под влиянием общеевропейской городской традиции — черной. Женщины обязаны были покрывать головы платком, уже в XIX в. тоже черным.

Похороны должны были состояться не позднее трех дней после смерти. Покойника клали в гроб на солому и вместе с ним какие-то его вещи, хлеб, соль. Выносили из избы ногами вперед. Довольно часто покойника оставляли в церкви или часовне на ночь перед похоронами. После отпевания гроб заколачивали. Опускали гроб в могилу на полотенцах. Родственники бросали по три горсти земли и могилу зарывали, ставили крест. После похорон устраивались поминки: ритуальная еда. Обязательными блюдами были: кутья, кисель (гороховый или овсяный), блины, пироги, вино, брага. На стол ставили лишний стакан с вином или брагой, клали блин, пирог, кусок киселя — все это могло стоять до сорокового дня или дольше. Поминальными днями

были: третий, седьмой, девятый, двадцать первый, сороковой дни, а также години. В народно-церковном календаре существовали определенные дни поминовения усопших, как правило, это родительские субботы.

Д. К. Зеленин в «Очерке русской мифологии»¹ показал, что в народе к покойникам существует различное отношение и даже название. Просто мертвецами или родителями называли умерших естественной смертью вне зависимости от пола, возраста и родственных отношений. Заложными покойниками — погибших неестественной, насильственной или преждевременной смертью, детей, умерших некрещеными, и колдунов. В Уржумском уезде, по сведениям В. К. Магницкого, это «утопленники, удушенники, пропавшие без вести, сгоревшие во время пожара, вообще — все, неудостоившиеся отпевания» или «в лесу заблудившиеся, отцом-матерью проклятые и бесом похищенные»², Н. М. Васнецов дополняет: «самоубийца, погребенный без отпевания»³. Заложных покойников считали опасными. Их хоронили с различными предосторожностями: как правило их хоронили за кладбищенской оградой, кидали в могилу солому, ветки, камни, принимая меры к тому, чтобы они не могли выходить из нее.

Приводим описание похоронного обряда из статьи А. Л. Полушкиной «Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии (Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 45—50).

СМЕРТЬ

Прихворнется ли немножко человеку и в этом случае не обходится без примет. По каким-либо незначительным, случайным в другой раз и непонятным обстоятельствам, крестьяне предугадывают будущее и твердо верят в исполнение того, что определяет им та или другая примета. Часто даже эти же приметы заставляют их действовать решительнее и смелее. Так, например: войди избу, где находится больной; домашние его с отчаянием в душе говорят: «Нет уж ему, родимому, не встать, ведь нет уж нет!» — «Отчего же уж и не встать, по-твоему? ведь на все воля Божия!» — «Да вот щё, голубка; занемог то он, сердешный, в субботу, да и на бабью постелю слёг, нет уж не жди...» Выражение «на бабью постелю слёг» значит, что ранее его был болен кто-либо из семьи женского пола, и если тот член семьи здоровеет, а после захворает кто-либо из мужского пола, то это уже значит, что он не выздоровеет. Проходит день, другой, третий, а глядишь и неделя; больной становится слабее и слабее. «Видно надо и батьку привезти», — заявляют в семье: — «Долго

ли до греха.... а то, может Бог даст, и полегчает после причеся то». Время идет и идет вперед, не останавливаясь, и смерть накидывает свой покров, не спрашивая, готовы ли принять его. Больному день ото дня становится хуже и хуже, жизнь его видимо угасает. «Что же, звали вы фельдшера, бывал он у вас? — «Был, был и фершал, сколь и вещей⁴ давал пить и все, да уж все поправы-то нет. Велел он ошо на голову то снегу клась, или холодной водой мочить со снегом, да штё-то мы уж не смеем, и так уж плох, а тут накося, снегом!.. Да и щё, щё не передали, а толку нет: и Карповна-то наговаривала, и в печь парили, и в печке-то трухой прогревали, и поим не тем-другим, да уж смертно знать, так не воротишь». Больной угасает, жизнь его висит на волоске. Кто-либо из мужиков запрягает лошадь, едет в село за священником, чтоб пособоровать маслом больного. Больного сводят с печи, где большею частью держат их, одевают в чистое бельё и готовят все нужное. Приезжает священник, собираются родные и знакомые больного и начинается обряд соборования. При этом в руки всем присутствующим даются восковые зажженные свечи. По дыму от этих свеч узнают, останется ли жить больной: если дым идет к двери избы, то больной, говорят, встанет, а если на середь, то переможется. После соборования в дом стараются водворить тишину для того, чтоб не тревожить больного, и если он после соборования уснет, то предполагают ему выздоровление, а если нет, то смерть. Смерть более всего ждут в третий, шестой, девятый и двенадцатый день после соборования; эти дни считаются самыми тяжелыми. Также смерть узнают по прихотям больного; например, если запросит он киселя, блинов или пива, то и значит — умрет уж. Вот приходит и последняя минута, и если ее не просмотрят домашние, а больной находится в полной памяти, то он заявляет свои предсмертные желания, и, если главный член семьи, дает последние наставления детям. В предсмертные минуты больного в передний угол, где бывает затеплена восковая свечка, ставят чашку воды, для того чтоб душа по пути окунулась в ней и омыла грехи. Если больной умрет вечером или ночью, и в это время в доме бывает растворена квашня, предполагают, что в семье в том же году будет другой покойник. Моют покойника на соломе и к лавке, на которой моют, подставляют стиральное корыто, чтоб вода стекала в него. Волосы, которые вычесывают с головы покойника, ложат ему в подушку. Вымыв и одев покойника, кладут на лавку в передний угол. В доме покойника оставляют недолго: полсутки, много уж сутки. В это время приходят родные и знакомые, кто проститься, а кто и просто из любопытства, а домашние мастерят ему домовище (гроб) из толстых досок, сбивая большими гвоздями. Готов гроб, пора и в село везти. Собирают-

ся желающие проводить покойного. В гроб настилают от березовых веников листья, в голову кладут и целый веник, приговаривая при этом: «любил ведь покойный попариться-то!» Сверху листьев настилают холст, кладут холщовую же подушку, набитую изгребями. И в гроб кладут умершего, одевая его покровом, выносят из избы, ставят на телегу или сани и везут в село. Вся семья покойного, при проводах из избы, ревет во всю мочь с причитаниями: «как мы будем жить-то без тебя..... соколик ты мой ясный.... желанный ты мой... ненаглядный, дорогой, золотой ты наш батюшко... Не войдешь ты больше в хижинку, хороминку свою, не взглянешь ты очами ясными на семьюшку родную...»⁵ Но скоро все это прекращается, так как до села все не ходят, возвращаются обратно, а туда сопровождают только нужные вынести покойника. Если при жизни человек жил в довольстве, всего было в избытке, водились денжонки, ну хоронят его с почётом, а не как бедняка, который всю свою жизнь прожил в трудах и горькой нужде.

Умрет бедняк, пуще всего сокрушает семейных забота, где взять денег, чтоб предать земле бренные его останки. Сколотят кое-как, чтоб заплатить за обедню, в день похорон, да за отпевание, а то и в долг уже попросят священника, и тихо, уныло, без звона провожают родного в земное жилище.⁶ Не доезжая сажен 100 до церкви, процессия останавливается, в церковь идут за образами и несут одр, на который ставят гроб, приходит священник с причтом и отслужит над умершим литию; затем при печальном звоне колоколов гроб приносят в церковь. В доме, откуда проводят покойника, тотчас же моют пол, потом, поплавав, повздыхав, начинают готовиться к похоронам. Пиво, вино, блины, оладьи, кисель, яичница, рыбные пироги, — вот что необходимо при погребении. Много народа собирается на похороны: близкая и даже вся дальняя, очень дальняя родня и близкие знакомые покойного не отказываются отдать ему последний долг. Домашние умершего привозят в село большую хлебницу, которая бывает наполнена стряпней: рыбные пироги, оладьи, блины, хлеб; привозят бутылку вина, флягу пива. Привезенным угощают нищих, рыбный пирог и еще что-либо откладывают на стол, нарочно приготовленный, священникам, потом просфорне, затем сторожам. Каждый из званных точно так же обязан привозить с собой такой же стряпни, которая из церкви возится в дом умершего и передается семейным. Во время службы обедни, на гроб кругом ставят свечи и присутствующие усердно молятся о упокоении души новопреставленного. Но как только кончается обедня, все окружают покойника и, если действительно большая семья, орава ребят мал мала меньше, потеряла в умершем своего поителя-кормителя, лишилась

защитника в житейских невзгодах, тогда искрение, глухие, потрясающие душу рыдания раздаются по церкви: ни слов, ни причитаний не услышишь от убитой горем женщины, жены или дочери. Вот хоронят такого члена семьи, который уже пожил довольно на сем свете, да и, откровенно сказать, надоел уж порядочно; часто ждет не дождется сноха с радостью избавиться от сварливой свекрови, часто в доме чуть не ножевая междоусобица... Умрет, — соберется родня и все такие снохи окружают гроб, закроют руками лицо так, чтоб меж пальцы можно было видеть: смотрят ли на них люди-то, и примутся выть, как стая голодных волков; мороз пробегает по коже. Грустно и смешно становится, если вслушаться в их причитания во время этого вытья, чего, чего только не соберут они: «Матушка, ты матушь, пощѣ ты нас спокинула, оставила... кто будет дома сидеть с малыми ребятками... не оставишь зимой, не убежишь к суседке с пресенкой. Кто кацнет зыбку, кто напрядет тонку ниточку. Не приголубишь, не приласкаешь больше внуцятюшок... Кто пройдет по сараю, яички соберет, силежки севодница не кормлены сидят...» Да еще после каждой-то фразы-причитания они вытягивают припев: «О-о-о!..» Вообще насказывают то, что делалось покойником при жизни и многое, может быть, тогда не нравилось невестке, ну, а у гроба она и выпоет все. «Ну, я и отвыла, как следует», — рассказывает потом баба, — «пусть хоть под землицей-то не будет сердиться, а то неравно еще и ходить начнет». Рассказывали, однажды был такой случай: выла дочь, прожившая уже много лет замужем и обремененная своей семьей, по старику отцу, скоро перебрала все, ничего не может придумать. Закрыли гроб крышкой, она и увидела на ней сквозное отверстие, от проломившегося сучка, ухватилась дочь и давай причитать: «Родимый ты мой, тятинька! и дощечки-то не нашлось тебе получше, поглаже, дождь пойдет, дыру нальет, тебя смочит... Жив-то ты был, дождь тебя часто мочил на работушке и тепереча будешь сырехонек лежать». Наконец, выходит священник для отпевания и все причитания кончаются. Многие следят, не валятся ли уголья из кадила на пол и, если да, то сердце их бьет тревогу, потому что это де нехорошей знак, предвещает, что в этом году неизбежно будет опять покойник. Замечают также, крепко ли закрыты глаза умершего, если нет, то, говорят, тоже быть покойнику: это де смерть выглядит себе еще жертву. Следят в похороны за курами: если будет в году еще покойник, то уж обязательно споет какая-либо курица, как пелух. Вот оканчивается отпевание и при лении: «Зряща мя безгласна и бездыханна» все присутствующие прикладываются сначала к образу, принесенному из дома с покойником, потом прощаются уже в последний раз. Обходя вокруг гроба, некоторые

трогают покойника за ноги для того, чтоб не бояться потом. Кончится отпевание, прочтает священник разрешительную молитву, вложит в руки умершего и его закрывают покровом. Священник поливает, если умерший был соборован, крестообразно маслом, посыпает землей и при пении трисвятого выносят покойника из церкви. Все сопровождавшие вслед ему кланяются в землю, а плачь, вой возобновляются снова и так же продолжается вплоть до могилы. Священник, отслужив литию, возвращается обратно, а все сопровождавшие остаются на кладбище и, зарыв могилу, расстилают на ней скатерку, поминают умершего кануном, просфорой, потом пьют вино за упокой души и все садятся обедать. С кладбища едут в дом и там опять идет поминовение вином и обедом, а нередко случается, хотя в церкви и было много вытья и причитаний, после обеда подвыпившие поют песни, и даже пускаются в пляс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

² Магницкий В. К. Поверья и обряды в Уржумском уезде // Памятная книжка Вятской губернии на 1884 год. Вятка, 1884. С.189, 118.

³ Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. С.77.

⁴ Вешшь, мн. число вешши — лекарство (Примечание И. Софийского).

⁵ Сушкова записала следующее причитание: «Миленький ты мой, Петруня! Ты зачем так рано помер? На кого ты нас оставил, горемычных, — как мы без тебя жить-то станем: кто нам дровец нарубит, привезет, кто поле вспашет, хлебушко, ленок посеет; жать, класть рожь кто станет; кто лапотцы сплетет, малых детушек приголубит? А работающий-то ты какой был: и в летнюю пору не проспишь; встанешь, бывало, раным-ранешенько, нас-то пробудишь, скажешь ты, миленькой мой: «На работу пора, вставайте, пока жара не настала, по холоду-то и работать надо!» Пойдешь ты куда, миленькой мой, не провожу-то я тебя, не встречу-то. А теперь-то рада бы проводить, рада бы и встретить-то, да некого. Ой-ты, миленькой мой!»

В Холунице в доме покойника, на столе, рядом с трупом расстилают полотно, на это полотно посетители кладут деньги, которые вместе с полотном отдают потом первому встречному при выносе покойника в церковь (Примечание И. Софийского).

⁶ В Суне вместе с покойником крестьянин везет церковному столу каравай хлеба, без чего и покойника-то возить не водится. На похороны все родственники ездят со стряпней, но в «жертвеннике» (церковная палатка) непосредственно после похорон поминают стряпней хозяйской, а приготовления гостей везутся на дом, где и совершается трапеза всеми приглашенными, родными и знакомыми (Примечание И. Софийского).

В. А. ПОЗДЕЕВ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ «БЫСТРЯНОЧКА» БЫСТРИЦКОГО ДОМА КУЛЬТУРЫ ОРИЧЕВСКОГО РАЙОНА

Фольклорный ансамбль образовался в 1985 г., существует 12 лет. Все это время руководит ансамблем Вера Павловна Лопатко. Сначала ансамбль исполнял авторские песни, разножанровые, но песни в народном стиле звучали лучше и руководитель обратил на это внимание. Ансамбль стал исполнять народные песни и композиторские в народном стиле. Так постепенно ансамбль пришел и к фольклору. Фольклор принимался хорошо зрителем, но и руководителю и участникам иногда казалось, что отдельные фольклорные произведения не всегда вписываются в программу концерта в целом, а звучат как-то обрывочно. И появилась задумка — создать что-то вроде фольклорного мини-театра, куда бы входили песни с разводками, сцены из старинной жизни, обряды. Вскоре задумка претворяется в жизнь, появляется первая программа «Сватовство», в которой отражается замечательный старинный обряд. Теперь уже обрядовые песни не звучат обрывками, и стало понятно, где они исполнялись и как это примерно все происходило в старину. Эта программа была принята хорошо зрителями, отлично вписывалась в любой концерт, была отмечена в районе в числе лучших. Затем стали появляться другие программы: «Пришла коляда», «Масленица», «Святки», «Сенокосная пора». К фольклору потянулись дети, и появилась новая задумка — создать общую программу, где бы участвовали и родители, и дети. Так появилась программа «Завалинка», в которой отразился деревенский быт. Участников ансамбля объединяет общая творческая деятельность, коллектив дружный, сплоченный, и хотя он пополняется новыми участниками, традиции коллектива продолжают жить. «Быстряночка» очень часто выезжала со своими программами в другие районы, выступала на зональном конкурсе в г. Котельниче, на открытии Дома народного творчества, с рождественской программой принимала участие в празднике «Как бывало в старину» в г. Уржуме. Ансамбль имеет несколько дипломов разных конкурсов, смотров, фестивалей.

Н. Д. КУКОВЯКИНА, С. А. КУКОВЯКИН НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Народная медицина существовала и существует параллельно с медициной научной и является неотъемлемой частью культуры.

Народная медицина — это сумма всех знаний и практических методов (как объяснимых, так и необъяснимых), которые применяются для диагностики, предотвращения и ликвидации нарушений физического, психического и социального равновесия и которые опираются исключительно на практический опыт, наблюдение, передаваемые из поколения в поколение как в устной, так и в письменной форме.

Народная медицина Вятской губернии, территории, по площади превышающей Швейцарию в 4 раза, занимавшей согласно переписи населения 1897 года второе место в России по численности жителей, остается до настоящего времени вопросом практически не изученным. Публикации, имеющиеся по данному вопросу, относительно немногочисленны, фрагментарны и вследствие этого не создают ее целостной картины.

БОЛЕЗНЬ, ЕЕ ПРИЧИНЫ И ПРОГНОЗ В ПОНИМАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крестьяне, а они составляли подавляющее большинство населения Вятской губернии, имели свои собственные представления о болезни, ее причинах и прогнозе. Под здоровьем понималось отсутствие соматических заболеваний, уродств, психических расстройств, физическая сила и выносливость, а также активное долголетие. Заболеть или, как говорили вятские крестьяне, «потерять здоровье», можно было по их мнению от множества причин.

Первой из них являлась старость. Крестьяне считали, что в течение жизни человек «теряет силы» и вследствие этого в старости болеет, а затем умирает.

Следующую причину болезней можно определить как «недостаточное питание». Считалось, что особенно важно хорошо кормить ребенка, иначе он не вырастет в здорового взрослого. Согласно сообщению Г. И. Попова (1903), крестьяне Котельничского и Орловского уездов с этой целью начинали давать детям «добавочное питание» с первых дней жизни, реже — со 2-й недели. Зажиточные крестьяне употребляли с этой целью жеванные или толченые баранки, крендели и пшеничный хлеб, а среднезажиточные и бедняки — жеванный черный хлеб с солью¹.

Жизнь вятского крестьянина неразрывно связана с тяжелым физическим трудом. От этой причины, что определялось как «от надсады», «сорвал с пупа», «надорвался» и т. п., по мнению крестьян, возникали такие заболевания, как боль в поясничной области («поясничный удар», «отнялась поясница»), болезни брюшной полости, суставов, «ломота» и боли в конечностях. Считалось, что «от натуги» возникают рвота, понос, желтуха.

Жители Вятской губернии верили, что многие болезни возникают «от простуды» — если человек «озяб», «простыл», то он может заболеть. Недаром слово «окодел» у вятских крестьян имеет два значения — «замерзнуть» и «умереть». «Простудой» объяснялось возникновение таких болезней, как ревматизм, перемежающаяся лихорадка, тифы, заболевания легких, гонорея и сифилис. И наоборот, если в организм «вошел жар», по мнению вятчан, могут возникнуть «нарывы, рожа и флегмоны».

Следующей причиной болезни можно назвать холодную воду, причем вятские крестьяне «признают» ее вредное действие как при приеме внутрь («хватил холодного» — Котова Е. Е. (1919 г. р., Белохолуницкий район Кировской области), так и при наружном воздействии.

Очень часто причина болезни определяется вятчанином как «продуло», т. е. от воздействия ветра, как правило, холодного. Иногда как причина болезни считался не сам ветер, а он «служил» только ее переносчиком. Вследствие необъяснимых причин ветер мог стать «дурным». «Дурным ветром» сарапульские крестьяне в XIX веке объясняли многие инфекционные заболевания. Уместно отметить, что болезнь, принявшая характер эпидемии, в Вятской губернии очень часто определяется как «поветрие».

Сарапульские же крестьяне считали, что холера может возникнуть «от дурной росы», что «повальные болезни (эпидемии — авт.) переносит какая-то муха или мошка, от которой никак нельзя оборониться»².

Некоторые болезни объяснялись тем, что у человека «дурная кровь». Эта причина «могла вызвать» головную боль, «чирьи», «ломоту тела».

Согласно мнению вятчан, иногда болезнь возникала «от Бога», но чаще ее «вызывают злые духи». Я. Мултановский (1903) пишет, что вятские крестьяне верили в то, что человек может заболеть лихорадкой, если в него войдут злые духи «Комуха» или «Лихоманка». Он же сообщает, что злой дух «Мерек» может «согнуть людей». Вятчане думали, что в бане живет нечистый дух «Банник». Последний может погубить младенца и молодым матерям не рекомендовалось оставлять их одних в бане. Г. И. Попов (1903) пишет о том, что в Сарапульском уезде считалось, что лихорадки насылаются на людей сатаной. Еще одним вятским злым духом, вызывающим болезни и даже смерть, является «огненный змей», или просто «огненный». М. Д. Торен (1996) пишет, что «огненный» прилетает к тому, кто часто думает и тоскует по кому-либо из отсутствующих. «Огненный» и заменяет данного человека, остальным он кажется просто черным столбом.

Г. И. Попов (1903) сообщает, что жители Орловского уезда считали, что «нечистая сила» способна подменить новорож-

денного на «колоду» — мертвого ребенка, по виду совершенно такого же, каким был похищенный. «Подменной» же объясняли уродства и психические расстройства у детей.

Вятские вотяки, согласно публикации В. М. Бехтерева (1880), считали, что причиной болезней чаще всего является злой дух Кереметь. Они также верили, что болезни могут насылать злые демоны Кутысь и Чер. Кутысь, обитатель болотных полян, наводит ужас, необъяснимый страх, «коросты», простуду. Чер, кроме того, может еще вредить и домашним животным.

Очень похожи на представления о причинах болезней у вотяков верования вятских черемисов. С. К. Кузнецов (1908) сообщает, что «всякое физическое расстройство черемисин приписывает действию злого духа Кереметя и его семьи, реже — наговору колдуна». Необходимо отметить, что в семью Керемета входили духи Йомшенер, Чумбулат, Курук-кугуза, Немед-урук и злой помощник Чумбулата — Пиамбара.

По мнению вятчан, болезнь может возникнуть «от порчи», которая «производится из ненависти или злобы к заболевшему, по просьбе других, за деньги, а то и так себе, из любви к такому искусству со стороны некоторых злых людей» (Г. И. Попов, 1903). Люди эти — ворожеи, колдуны и «еретики». Крестьяне верили, что колдуны могут «отнять силу, иссушить кости, вызвать параличи, родимчик...» Жители Котельничского и Орловского уездов считали, что колдун может «надеть хомут». Так называли опоясывающие боли туловища. Крестьяне были уверены, что если больного «хомутом» раздеть, то на животе и спине его «окажется красная полоса».

Вятчане верили, что «порченных» может вылечить только знахарь или колдун, тот же, который испортил, или другой, более сильный. Ни врач, ни фельдшер «порченного излечить не может». Порча может быть временная — на несколько лет, от которой можно выздороветь, или же — «навек, до смерти».

Еще одну причину болезни определяли как «сглаз». При сглазе болезнь возникает не по злой воле человека, а «от врожденной способности причинять вред всему, на что бы ни посмотрел, даже без какой-либо предвзятой мысли». Считалось, что особенно восприимчивы к сглазу дети, «имеющие способность заболевать не только от порицания, но даже от похвалы, после того, как ими любовались».

Жители Вятской губернии также полагали, что человек может заболеть от дурных слов или смеха в его адрес. Называлось это «обурочиванием» или «изурочением». Если у кого-либо появлялась тошнота или тяжесть в области желудка, то в Сарапульском уезде говорили: «Должно быть, изурочили».

Еще одной причиной болезней считали «испуг». Чаще всего

«испугом» объясняли психические расстройства — «идиотизм, умопомешательство, истерию, эпилепсию и кликушество».

По мнению вятских крестьян, болезни могли возникать от различных действий, определенных ситуаций, в которые ранее попадал больной. Так, в Яранском уезде считалось, что если ребенок рождается с обмотанной вокруг шеи пуповиной, то это произошло вследствие того, что мать в период беременности мотала нитки на Святках. Если роды затягивались, то это приписывалось тому, что женщина, будучи беременной, оступалась, переходила через оглобли или перешагивала через по-мело³.

Небезынтересна и вятская народная прогностика исходов заболеваний. Так, если больной хорошо спал, у него улучшался аппетит, то это считалось хорошим признаком — «к выздоровлению». Если начало болезни «падало» на четверг или субботу, то «больному не встать с постели и грозит неизбежная смерть». Вой собаки вблизи дома больного — «к покойнику». Или вот еще несколько оригинальных методов узнать прогноз заболевания. Необходимо взять свиное сало, «мазать» им больного в области сердца, «под пазухами», под коленями, в области крестца и ягодиц. Причем делать это надо так, чтобы сам больной об этом не знал. Затем это сало давали собаке. Если она его лизала или ела — «больной будет жить, а если нет — обречен на смерть». Практиковался и такой способ — до солнца готовили ржаное тесто, в этом тесте вываливали больного, предварительно добавив муки, затем тесто опять же давали собаке. Если собака тесто ела, то прогноз болезни должен был быть благоприятный.

ВЯТСКАЯ НАРОДНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Как справедливо отмечал Г. И. Попов (1903), в основе русской народной классификации болезней «лежат почти исключительно... симптомы и... причины, которыми обуславливается их происхождение». То же можно сказать и о вятской народной медицинской терминологии. Но уместно отметить, что она зачастую не совпадает с общероссийской.

Общее определение болезни у вятских крестьян разнообразно — «худоба», «испуган», «изурочили», «сглазили», «протыли»... По исходу заболевания болезни подразделяются на «смертные» и «не смертные». Процесс выздоровления определяется словами «подниматься», «обмогаться», «отдыхать». При выздоровлении вятские крестьяне в конце XIX века говорили: «боль отстала», «лихорадка бросила», «оздоровел», «отутювел»...

Болезни, протекающие с повышением температуры, называли «горячками». В отдельных уездах губернии «горячку» на-

зывали «полежкой», «лихорадкой», «сестрой», «теткой», «лихоманкой», «комохой», «кумохой». Для эпидемических заболеваний использовалось определение «поветрие». «Поветрие» с высокой смертностью называли «мор».

Обозначали вятские крестьяне болезни и по пораженным частям тела. Так, всякие заболевания горла определялись как «горлянка», «горлуха». Болезни желудочно-кишечного тракта — «боль под ложечкой», заболевания легких и сердца были известны как «колотье в боках или груди», «биенье сердца». Гонорее называли «течью», различные сыпи на коже и слизистых — «золотухой».

Нередко болезнь получала название от обстоятельств, при которых она была «приобретена» — «наджада» или «надсада» (боль в пояснице или брюшной полости после физической нагрузки), «нажим» (мозоль), «окорм» (боли в брюшной полости)...

Из хирургических заболеваний крестьяне различали ушиб, перелом, вывих («свишка»). Резаные или рубленые раны определялись как «порез», «подсек». Ожоги назывались «пожогами», «обварами», о панариции говорили: «нажал», «намял», «натрудил». Язвы относили к простудам и говорили: «Простуда наружу выступила». Под «килами» понимали абсцессы, новообразования на коже и под ней, грыжи. Увеличенные лимфатические узлы называли «желви» или «желваки». Чрезмерное разрастание грануляций в ране определялось как «дикое мясо». Боли в суставах называли «ломотой», остеомиелит — «волос», «волосень», мастит — «грудница». Из болезней носа известны были: «когда носом кровь идет» и «нос заложило». Боли в животе часто определяли как «чемер». Сухожильный ганглион вятские крестьяне называли «могильной косточкой» или «навьей костью», болезни полости рта — «костеник».

Из детских болезней крестьянам были известны оспа, корь, коклюш, скарлатину они называли «горлянкой», ряд заболеваний детей определялся как «родимец», «припадок», «собачья старость», «зубищи», «порастуньки» (отставание в росте), «младенческое», «крик», «испуг»...

Глазные болезни назывались следующим образом — «темная вода» (катаракта), «перелом» (язва роговицы), «слепотка» или «куриная слепота» (нарушение сумеречного зрения). При болях в глазном яблоке говорили: «Лом в глазах».

Обширнейшая гинекологическая патология нашла отражение в названии «опущение матки». Чаше «женские болезни» определяли как «маяться животом». Патологические роды носили название «трудных».

Ряд болезней имели местное вятское название: чесотка — «свороба», «своробок», «сверблячка», «нуда» и т. п., сифилис

называли «татарской оспой», частые и нерегулярные месячные — «безовременное», бессонница у грудных детей — «щепинка».

Коми-пермяки, по сообщению О. Е. Клера (1878), лихорадку называли «низовкою», горячку — «огневицею», оспу — «воспицею», корь — «корюхою», насморк — «возгреею», понос — «мытом», чесотку — «своробом», сифилис — «худой болью», болезни горла — «жабой»⁴.

НАРОДНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ

Еще Д. К. Зеленин отмечал, что у вятчан «много приматов» (примет, суеверий, поверий — авт.). Ряд из них относится к профилактике заболеваний. Как показывает проведенный анализ, эти «профилактические мероприятия» разработаны на основе представлений о причинах возникновения заболеваний. Не всегда эти «профилактические меры» рациональны, но в ряде случаев они приносили и определенный эффект. Е. Е. Котова (1919 г. р., Белохолуницкий район Кировской области) говорит: «Раньше много хиток было, помогало»⁵.

Так как считалось, что болезнь может возникнуть из-за нарушения законов предков, определенных нежелательных ситуаций, то в Сарапульском и Елабужском уездах рекомендовалось «обувать ежедневно правую ногу вперед левой», нельзя было плевать в огонь, в Яранском уезде считалось за грех «извергать в воду мочу или кал». Для предупреждения потливости ног вятские крестьяне старались никогда не надевать чужой обуви.

Олицетворение болезни, представление о ней как о живом существе вызвало к жизни довольно много своеобразных методов профилактики. Так, в Сарапульском уезде было распространено мнение, что для предупреждения лихорадки нельзя смотреть с улицы через окно в дом, «а то лихорадка может поймать — через стекло-то она на тебя и смотрит». В Орловском уезде «прятались» от болезни с целью ее обмануть. От лихорадки уходили в нетопленную баню, влезали на полки и притворялись мертвыми. Аналогичную процедуру проделывали и при холере. Болезнь иногда «пугали». Например, в Сарапульском уезде практиковалось закусывание грыжи для того, чтобы она в дальнейшем не увеличивалась (третичная профилактика по современной классификации — авт.) или совсем «прошла». Мальчик или девочка, последние в семье, должны были «кусать больное место», сплевывая после каждого укуса. При этом необходимо было произносить следующие слова: «Грызу, грызу пупище, отгрызу грызище». С болезнью даже «дружили». Г. И. Попов (1903) пишет, что в Сарапульском уезде «крестьяне ходят нарочно с ребятами к оспепным больным и парят их одним и тем же веником»⁶.

Олицетворение болезни родило очень своеобразный обряд — «опахивание». Суть его заключалась в проведении магической черты сохой, в которую впрягались молодые девушки или вдовы. По мнению крестьян, «за черту болезнь не перейдет». С помощью «опахивания» в начале эпидемий изолировали отдельные дома («там где появилась болезнь»). Практиковалось «опахивание» и целых селений с целью «не допустить болезнь из соседних деревень». Проведение опахивания имело свои строго определенные правила. Совершалось оно в большом секрете, ночью или рано утром, на заре. Проходило в глубоком молчании или со специально сложенными песнями. Проводили его чаще одной сохой, но иногда в соединении ее с бороной. Тянули борону «против солнца». В Сарпульском уезде опахивали исключительно вдовы или старые девы. Они должны быть одеты в белые рубахи, «с распущенными волосами, без платков и поясов». В Орловском уезде полагалось раздеваться донага. Очень редко в этой церемонии принимали участие мужчины.

Велика была вера во всякие обереги и талисманы. Так, во избежание зубной боли рекомендовалось по утрам «держатъ во рту какой-нибудь сучок от дерева». Крестьяне Котельнического уезда предохраняли себя «при повальных болезнях», особенно «пущенных по ветру», луком, солью, чесноком и редькой. Основанием этому служила вера в то, «что соль и редька имеют способность выедать все слова, написанные на бумаге, а запаха луку и чесноку... не любит вся нечистая сила». Носили лук и чеснок как правило на кресте. В Сарапульском уезде чудесным талисманом «от болезней и напастей» считались мамонтовая кость, крест с покойника, воткнутая куда-нибудь булавка или иголка, полученная от «еретиков». Также считалось, что для предотвращения желтухи «нет ничего лучше, чем носить на себе янтарь — с ним можно упасть от всякой желтухи». Как профилактическое средство использовались различные обереги, принесенные из святых мест⁷.

В Сарапульском уезде для предотвращения «трудных родов» применяли «змеиный выползок» (кожа змеи — авт.). Говорили, что «как змея выползает свободно из шкуры, так легко родится и ребенок». Как противозачаточное средство в Орловском уезде в конце XIX века «ели с хлебом шерсть яловой коровы или овцы, пили воду, в которой были обмыты куриные яйца или собранную из 40 различных ключей».

Огромное количество «профилактических мер» было разработано против слеза, порчи, уроков. Так, беременность и время родов скрывались «до самой последней возможности», т. е. верили, что беременную «могут сглазить, испортить, оговорить... а сами роды будут тем мучительнее и труднее, чем больше

народа будет знать о них». Г. И. Попов (1903) пишет, что «скрытность эта достигает иногда таких пределов, что жены не сообщают о беременности даже своим мужьям». Коснувшись вопроса беременности и родов, уместно сказать и о том, что в ряде мест губернии (например, в Котельническом уезде) во второй половине беременности мужья избегали «с женой полового сношения, так как в это время ангел приносит младенческую душу и вкладывает ее в зародившегося ребенка».

Считая недостаточное питание одной из причин болезни, вятчане (по словам Д. К. Зеленина) «любят плотно закусить, чтобы в брюхе не было пусто». Любили и любят на Вятке толкотно, «рощу» или «пареную рощицу», «вятским черносливом». Д. К. Зеленин называл паренки из репы... «Для бодрости» в весенний период вятские крестьяне широко употребляли в пищу дикорастущие съедобные травы — шавель, крапиву, одуванчик. С аналогичной целью использовали бруснику, калину, отвары и настои шиповника, зверобоя. Для поддержания умственной и физической работоспособности применялся мед. Как тонизирующее средство вятские крестьяне применяли клюкву. Ее ягоды и листья «заваривали» кипятком и пили⁸.

Для профилактики «чирьев» в Сарапульском уезде крестьяне применяли траву «вороний глаз», растущую в лесу и имеющую «на верху... черную ягоду, которая бывает только одна». Считалось, что если проглотить одну такую нежеванную ягоду, то «чирьев» не будет целый год, если две — то два года.

Для профилактики «простуды» вятчане ели чеснок, лук, пили водку с перцем, парились в бане. Водку с перцем пили также с профилактической целью при эпидемиях холеры.

Как уже было сказано выше, в «вятской профилактике» много рационального. Например, широко практиковалась изоляция «заразных больных». В Котельническом уезде во время эпидемий крестьяне «не ходят в те дома, где есть заразные больные», в Орловском уезде «народ знал», что «татарская оспа» (сифилис — авт.) заразна и ее необходимо лечить, поэтому сифилитикам зачастую запрещалось питаться вместе с семьей, они ели из отдельной посуды, в Котельническом уезде «соседи чуждаются и боятся ходить в те дома, где есть такой больной и брать что-либо от них».

Уместно отметить, что для предотвращения одной и той же болезни очень часто использовался целый комплекс «профилактических мероприятий». Так, для профилактики головной боли вятские крестьяне в XIX веке использовали следующие «средства»: 1) носилась на шее нитка янтаря, 2) время от времени рекомендовалось производить наклоны головы в разные стороны, 3) пили настой валерианового корня, 4) периодичес-

ки нужно было прислоняться головой к стволу березы и стоять так несколько минут.

ЛЕЧЕНИЕ ЗАГОВОРАМИ

Использование заговоров с лечебной целью было широко распространено по всей Вятской губернии. Несмотря на то, что заговоры знали и знают многие, знания эти старались хранить в тайне. В печати сведения о лечении заговорами появлялись исключительно редко. А. А. Иванова (1994) пишет, что цензура XVIII—XIX веков всячески противодействовала появлению заговоров в печати. Ею же отмечено, что положение не изменилось и в советский период. Но уместно отметить, что имеющиеся публикации говорят о заговорах как «явлении повседневному, широко распространенному по всей территории Вятской губернии». И. Г. Кибардин пишет, что «не знать (заговоров — авт.) — себе добра не видать».

Лечебный заговор, вятский в частности, отражает взгляд на возникновение заболевания. Заговором «запугивали» болезнь, просили ее уйти, передавали другому существу или предмету. Заговоры делились на: 1) детские и 2) взрослые. Обе эти группы подразделялись в свою очередь по видам заболеваний.

Каждое слово в заговоре значимо и должно занимать в тексте определенное место. Если это правило по каким-либо причинам нарушается, то текст дополняется следующими словами: «Которы слова не договорил, которы слова переговорил, встаньте слова на свои места».

Заговор, лечебный в том числе, произносится почти всегда невнятно, шепотом, скороговоркой, иногда — «про себя». Это делалось для того, «чтобы его никто не мог перенять». В последнем случае он «утрачивает свою лечебную силу».

Передача текста заговора другому человеку считалась крайне нежелательной. От этого заговор да и сам заговаривающий «теряли силу». Обучение заговору разрешалось только при определенных условиях — перенимающий должен быть моложе передающего, а еще лучше, чтобы он был ему «по-родне». Самые оптимальные условия передачи текста заговора — перед смертью передающего⁹.

Заговоры действовали тем сильнее, чем сложнее и таинственнее были приемы, их сопровождающие. Читались заговоры чаще при заходе или восходе солнца. Некоторые — только в определенное время года, например, зимой, когда темнеет довольно рано. Место заговаривающий выбирал, как правило, «нечистое» — на пороге, в курятнике под насестом, в бане...

Заговоры читались «на воду», предметы быта, продукты питания. Последние после этого необходимо было съесть, наго-

воренную воду давали внутрь, ею spryskivali снаружи, специальные «умывальницы» умывали больных... Наговоренные продукты питания хранились определенным образом. Так, мари хранили заговоренную пищу и питье в закрытом сосуде — «чтобы не улечувивалась чудодейственная сила».

Заговор читался определенное число раз или же однократно. Иногда его писали на бумаге и рекомендовали хранить дома или носить с собой. Заговаривали на определенный срок — на год, два, пять или только с целью излечения данной конкретной болезни. Очень часто лечение заговорами сочеталось с применением средств растительного, минерального или животного происхождения.

Для того чтобы заговор подействовал, заговариваемый также должен был выполнить определенный ритуал. Так, мари непременно давали заклинателью монету. У крестьян Слободского уезда (а именно у русских) имелась примета — «за лечение нельзя говорить спасибо, т. е. благодарить».

В Великий четверг рекомендовалось переговорить все заговоры — для укрепления силы заговаривающего. Это делать следовало до восхода солнца.

Сам знахарь также заботился о своем здоровье, «чтобы болезни людей, которых он лечит, не липли к нему». Для этого в Вербное воскресенье он должен был съесть три почки вербы и сказать: «Вербой святой Павел махал, от меня чужие болезни отгонял. Как правда, что Вербное воскресенье ждут, так и правда, что чужие болезни не пристаю ко мне. Аминь». Или, например, после прочтения заговора от испуга следовало сказать: «Я тебя, испуг, не боюсь, я от тебя молитвой отсекаюсь, крестом отгоняюсь. Спаси Господи. Аминь».

СРЕДСТВА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Арсенал средств, применяемых в народной медицине Вятской губернии, довольно многообразен. Наиболее часто использовались как лекарства средства растительного, животного и минерального происхождения.

Вятские народные целители знали, какие части (корни, плоды, стебель и т. д.) растений имеют целебные свойства, в какое время должен проводиться их сбор, какие меры необходимо применять для сохранения собранного материала.

В вятской «народной фармакологии» дозировка зачастую носит довольно условный характер — «ложечка», «щепоточка»... «Признается», что чем больше доза «лекарства», чаще приемы и гуще настои, тем скорее должно наступить выздоровление. Для обозначения времени приема лекарства часто употребляется

слово «заря» — «пить 12 зорь» и т. п. Имеет значение и состояние луны — «пей на молодом месяце».

Среди средств растительного происхождения прежде всего необходимо назвать травы, ягоды, грибы, деревья, кустарники, а также различные огородные и садовые растения. Вот некоторые из них, используемые как лекарства в вятской народной медицине.

Росянку («росницу») в виде отвара или настоя на водке применяли для лечения простудных заболеваний. Собирали «росницу» в момент цветения в июне-августе. Толокнянку (ее листья) применяли как мочегонное и противовоспалительное средство, собирали с конца августа по октябрь. Зверобой использовали как успокаивающее, мочегонное, улучшающее сон и повышающее работоспособность средство. Имеется много свидетельств, что зверобой применяли и как противовоспалительное средство, для нормализации работы кишечника. Использовался в виде полосканий, для промываний и спринцеваний при болезнях горла, носа, кожи и «женских болезнях». «Зверобойным маслом» лечили ожоги. Очень часто зверобой «пили как чай». Тысячелистник в Вятской губернии использовали по-разному: русские — «при выпадении матки», мордва — при воспалении матки и яичников, марийцы — как «молокогонное средство» (Г. Верещагин). Пырей применялся как «кровоочистительное», мочегонное, слабительное, потогонное и кровоостанавливающее средство. Крапивными венниками парились в бане «при болях в пояснице» и «ломоте суставов». Морoshку употребляли как общеукрепляющее средство (чаще в сочетании с медом), свежие ягоды ели «при боли в груди». Клюква применялась для лечения простудных заболеваний. Клюквенный сок с медом употребляли «при кашле», а разведенный с водой — как «жаропонижающее средство». Собирали клюкву осенью, начиная с сентября. Голубика использовалась как жаропонижающее средство. «Соски», так называли голубику жители села Рождественское (ныне п. Нагорск Кировской области), в сушеном виде применяли «при поносе», отвар листьев и молодых веток пили «при болезнях сердца». Чагой в виде водочного настоя лечили желудочно-кишечные заболевания. Собирали чагу зимой и весной, когда на деревьях еще нет листвы. Настойка мухомора на водке и спирте использовалась для лечения новообразований (принимали по несколько капель внутрь). Плоды черемухи ели как в свежем, так и в сушеном виде «при расстройствах кишечника». Сосновые почки, собранные зимой или в начале весны (в марте), использовались в качестве отхаркивающего средства. Березовые почки, собранные в марте-апреле, применяли как мочегонное и дезинфицирующее средство, а также при болезнях ор-

ганов дыхания. Использовали и наружно — при лечении порезов, «нарывов», ушибов. Отваром листьев березы мыли голову — «для лучшего роста волос». Сок картофеля использовался при лечении болезней желудка. Е. Е. Котова (1919 г. р., Белохолуницкий район Кировской области) рекомендует пить его «по стакану утром натощак 10 дней, а затем — 10 дней перерыв». Кроме того, имеются свидетельства о применении картофеля при головных болях, простудных заболеваниях. Семена мака «дают детям, если они плохо спят». С этой целью использовали отвар семян мака или «завертывали их в тряпочку и давали в виде «соски». Хрен применяли для улучшения аппетита, нормализации функций органов пищеварения. Укроп использовался для «повышения» аппетита и как мочегонное средство. Свежеприготовленный сок свеклы капали в нос при «насмоке» (насморке — авт.).

В народной медицине Вятской губернии очень часто применялись и средства животного происхождения, иногда очень своеобразным образом. Так, Н. А. Ефимова сообщает, что вятские марийцы при обширных ожогах тела забивали овцу или теленка, снимали с них шкуру и заворачивали в нее больного. Татары для удаления занозы и при лечении воспаления глаз использовали «змеиную выползину» (кожу змеи — авт.), считая, что «как змея свободно выползла из своей шкуры, так и заноза или соринка выйдут из тела». Г. И. Попов (1903) сообщает, что «выползок» применяют и следующим образом: если роженицу поить с него водой, то это помогает при «трудных родах». Здесь играет роль то же «народное соображение» — как змея свободно выползает из шкуры, так и легко родится ребенок. В Яранском уезде в XIX веке для лечения лихорадки рекомендовалось «съесть вошь закатанную в шарик хлеба». В Сарапульском уезде лихорадку «пугали кошкой» — последнюю неожиданно бросали на больного. В том же уезде желтуху «передавали» щуке. Для этого в лохань «клали несколько живых щук», больной наклонялся к лохани и смотрел на них. При этом надо было часто сплевывать. Крестьяне верили, что «щуки глотали слюну и желтуха переходила на них» (Г. И. Попов, 1903).

Для лечения рака ловили лягушек, пекли их в печи, «как испекутся, толкли, просеивали и будет порошок». Размешивали этот порошок с водой и давали пить больному. При этом говорили: «Не рак лягушку съест, а лягушка рака съест у рабы Божьей (имя)». Сказать это надо было три раза.

Г. Верещагин сообщает, что для лечения «больного уха» вятские крестьяне (русские) «впрыскивают теплое молоко с водою». Он же пишет, что для отбеливания кожи и выведения веснушек мордва использует простоквашу. Горячее кипяченое

молоко вятчане пили (с маслом, салом, медом) при болезнях простудного характера. М. Д. Торен указывает на то, что для лечения туберкулеза в Вятской губернии применяли парное молоко, которое смешивали с толокном. Свежей сметаной или маслом смазывали трещины и раны на руках. Масло употреблялось для растираний при простуде, а также как основа для разнообразных мазей. Тожественное лечебное действие у животных жиров — говяжьего, свиного, гусиного, ежового, барсучьего. Барсучий и медвежий жир применяли как наружно, так и внутрь при простудных заболеваниях. Г. Верещагин пишет, что марийцы считали «сало барсука — самое ценное при лечении ревматизма», а мишари сергачевской группы — «медвежье сало при заболеваниях нервной системы».

У Г. И. Попова (1903) находим, что в Сарапульском уезде бородавки лечили «жидкостью, скопившейся на поверхности коровьего помета, а также пометом воробьев». Во многих местах губернии «опьянявшим до бесчувствия выжимали в рот сок из лошадиного помета». При «куриной слепоте» ходили под куриный насест, обливались там холодной водой и ели вареную коровью печень.

Кроме того, для лечения использовались копыта и челюсти животных (Е. Всеволожская), оленьи рога, язык живой сойки (Н. Катанова).

Вместе с тем в Вятской губернии в народной медицине применялись и средства минерального происхождения.

М. М. Чашницкий (1883) пишет, что для лечения сифилиса знахари коми-пермяков применяли сулему. Ее давали внутрь в растворе — золотник сулемы на бутылку спирта. Принимали по полрюмке один или два раза в день. С этой же целью проводилось окуривание киноварью.

Землей вятчане присыпали раны, порезы, обкладывали пораженных молнией. Г. И. Попов (1903) пишет, что земля использовалась и при лечении зубов — «при зубной боли брали могильную землю и клали на больной зуб». При лечении «могильной косточки» (сухожильный ганглион — авт.) в Сарапульском уезде применялась земля, взятая с могилы тезки.

При зубной боли нагретую поваренную соль помещали в мешочек и прикладывали к щеке «с больной стороны».

Водой, особенно дождевой, лечили головную боль, глазные болезни, бородавки. Особенно полезными считались капельки первого дождя, оставшиеся на огороде. Применялась вода и в виде ванн. Теплые и горячие ручные и ножные ванны использовали для лечения болезней суставов, ножные горячие — при простудных заболеваниях, бессоннице. Сидячие ванны применяли при геморрое. Продолжительность приема ванн варьирова-

лась, но чаще не превышала 10 — 20 минут. Очень часто в горячую воду для ванны добавляли средства растительного происхождения. Шалфейные ванны использовались как обезболивающее и успокаивающее средство, крапивные — как противовоспалительное при болезнях суставов и позвоночника, горчичные использовали при простудных заболеваниях и болезнях суставов. Ванны с листом березы назначались целителями при кожных заболеваниях, с сенной трухой — при бессоннице, ванны с хвоей пихты, ели, сосны — при болезнях суставов и позвоночника, соляные ванны были показаны также при болезнях суставов и позвоночника, ожирении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 404.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Клер О. Е. О некоторых лечебных травах Среднего Урала // Зап. Уральского Общества любителей естествознания. Т. 4. Екатеринбург, 1978. С. 61.

⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М. 1991. С. 315.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Киселева Ю. М. О заговорной традиции в Лузском районе // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1992. С. 225—227.

**Ю. М. КИСЕЛЕВА, Л. В. ФАДЕЕВА,
О. Б. БАЛАШОВА**

ЗАГОВОРЫ

В последнее время нетрадиционные явления (в том числе магия) вызывают огромный интерес. Однако не всегда мы можем дать им правильную оценку. В представлении современного человека заговоры — это что-то необыкновенное, исключительное. Немногие понимают, что народная магия — это неотъемлемая часть культуры и быта народа. Все народные обряды — календарный, свадебный и похоронный — изначально имели магический смысл, а некоторые не утратили его до сих пор. Заговоры и другие магические средства использовались и в повседневной жизни: в быту, работе и были призваны обеспечить благополучие человека, его семьи и хозяйства, сохранить здоровье, богатство, безопасность, нормальный ход жизни. Не толь-

ко колдуны и знахари, но любой хозяин или хозяйка знали необходимые действия и слова на хороший рост капусты, на здоровье скотины, на удачную охоту... Иначе говоря, заговоры предстают перед нами как магические заклинательные словесные тексты, призванные в совокупности с определенными действиями и предметами произвести желаемый эффект. Но несмотря на свою узкопрактическую направленность, они являются образцами народного поэтического искусства. По словам А. Блока, «заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии...»¹

Историю заговоров принято начинать с XV—XVI вв. — к этому периоду относятся рукописи, содержащие первые упоминания об использовании заклятий и чар. Хотя уже в памятниках письменности Древней Руси — в договорах между русскими и греками XI в. — содержатся клятвы, текстуально сходные с заговорами. Обширные сведения по истории этого фольклорного жанра ученые находили в летописях (например, упоминания о волхвах), документах царского двора, архивах, рукописных сборниках отреченной литературы, травниках и лечебниках. Наиболее интересными оказались материалы, хранящиеся в архиве Министерства юстиции, в которых были обнаружены записи «процессов над ведьмами». Гонения на знахарей и заклинателей были настолько серьезными, что создалась целая система наказаний: смертные казни, ссылки в монастыри, на поселения. Обычно ссылали на Север. Современные исследования показывают, что там до сих пор сохранилась самая богатая заговорная традиция. Это и позволило сделать вывод о том, что «процессы над ведьмами» не только не уничтожили заговоры, но послужили широкому их распространению. Неудивительно, что некоторое время спустя заговоры стали известны всем слоям общества. Сохранилось много свидетельств о том, что волхвов брали на службу в богатые дома: своим умением они должны были оберегать хозяина от возможных бед и болезней. Исследовательница начала XX в. Е. Н. Елеонская приводит подкрестную надпись XVIII в. на верность царю: «Так же мне над Государем своим в естве и в питии, ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, не ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не вынимати»². И при дворе, и среди купечества, и среди крестьян были распространены заговоры на порчу, колдовство, а также обереги, помогающие человеку оградить себя от сглаза, уроков...

XIX в. в истории заговоров был особенным: началась работа по их собиранию и изучению, появились первые публикации. В конце столетия ученые обратились к исследованию на-

родной медицины, что позволило дополнить созданную к тому времени фольклористами картину народных представлений и быта³.

После 1917 г. широкое изучение заговоров было приостановлено. Начались преследования тех, кто сохранил традицию и верил в силу заговорного слова. Считалось, что суеверия не имеют права на жизнь и обречены на вымирание. Было забыто о том, что заговоры — это еще и прекрасные поэтические произведения, наполненные удивительными образами, поражающие богатством языка. Но фольклористы продолжали работу по собиранию и изучению заговоров⁴.

Многое изменилось за это время. Ушли старые представления о существовании двух типов людей, использующих заговоры. Первые — колдуны, люди, наделенные необыкновенными способностями, общающиеся со сверхъестественными силами. Вторые — люди «со знанием», знахари, деревенские лекари. По рассказам жителей Кировской области, колдунов раньше было много, их и боялись, и уважали. Колдун мог обернуться зверем и оборотить другого человека, наслать порчу на людей и скот; мог и оказать помощь: умел назвать тех, кто навредил и подсказать, как избавиться от порчи, узнавал, где находится потерянная вещь или заблудившаяся корова, улаживал семейные неурядицы. Сейчас в деревнях не встретишь этих могущественных заклинателей. Зато до сих пор есть знахари — знатоки заговоров и трав, излечивающие от разнообразных болезней, помогающие в хозяйственных нуждах. Иногда знахари «специализируются» только на одной какой-то болезни, но это уже позднее явление. Разыскать знахаря нелегко. Чаще всего его оберегают в своей деревне, стараются не рассказывать о нем посторонним. Но уж если случилась беда и вы заболели, тогда укажут, у кого лечиться. Однако и таких знатоков становится все меньше.

В наше время заговорная традиция продолжает жить среди обычных людей, хотя, конечно, это магические знания несколько иного рода. Общеизвестны по преимуществу такие заговоры, которые необходимы в повседневном быту, в жизни каждого человека: хозяйственные, любовные, слова на красоту, от детских болезней, обереги. Как правило, эти заговоры представляют собой легко запоминающиеся короткие формулы, сопровождаемые определенными действиями. Такое назначение заговоров предопределило то, что хранителями традиции сейчас являются в основном женщины.

Даже широко распространенные заговоры — это тайные знания, а значит, перенять их непросто. Издавна существуют поверья о том, что при частой передаче другим людям, при

широкой огласке заговор теряет магическую силу. Отсюда и «профессиональная» замкнутость знахарей, оберегающих свои сокровенные знания.

С другой стороны, сама жизнь заставляла скрывать заговоры от окружающих: люди боялись преследований со стороны церкви и государства. Поэтому заговоры обычно передавали только тому человеку, которому доверяли, чаще — родственникам (детям, внукам), и старались делать это лишь в случае крайней необходимости.

Существуют правила, которые нужно соблюдать, чтобы заговор не лишился своей чудесной силы. Например, передавать заговоры можно только младшим по возрасту. По утверждению некоторых исполнителей, важен и пол получающего тайные знания (передавать нужно лицам своего пола). Иногда заговор заставляли запоминать, считая, что запись тоже отрицательно сказывается на его силе. При этом передающий подробно описывает действия, которые необходимо совершить, произнося текст. Кроме того, вятские крестьяне и сейчас верят в то, что если заговор произнести «до солнышка» в Великий четверг, он будет действовать весь год.

В настоящее время правила — самое главное при обучении заговорному искусству. Но по рассказам, записанным в вятских деревнях, колдун передавал свое умение по-другому — перед смертью. Для этого нужно было лишь согласие его преемника. Тогда колдун брал его за руку, и волшебная сила переходила к новому заклинателю, давая ему власть над природой и людьми. Передача магической силы могла произойти и без ведома или даже против желания человека (через какой-нибудь предмет). Как правило, переданные таким образом знания приносили одни несчастья.

Заговоры возникли во времена язычества и отразили древние представления людей о мире. В христианскую эпоху судьба их сложилась необычно. Тесная связь человека с неведомым ему миром сверхъестественных сил не позволяла отказаться от использования магии. С другой стороны, пришедшее на Русь христианство все больше проникало в сознание людей. Старое и новое видение мира нередко приходило в противоречие, но люди так и не могли сделать окончательный выбор. На закономерность такого состояния указывал еще исследователь прошлого столетия Ф. И. Буслаев, назвавший народную поэзию, появившуюся под влиянием этих противоречий, двоеверной⁴. Надо заметить, что в таком «двоеверном» состоянии мы находимся до сих пор.

Церковь, утверждая единобожие, сразу же начала борьбу с заговорами. Она принимала участие в гонениях на знахарей и

колдунов в XV—XVI вв., преследовала их вплоть до XIX века. Пастыри были призваны разъяснять своим прихожанам ту отрицательную роль, которую играли заговоры в духовной жизни человека. До сих пор использование магии считается тяжелейшим грехом.

И несмотря на это, многие люди в глубинке (зачастую верующие) применяют заговоры. Причина этого в том, что в свое время многие заговорные тексты были переосмыслены под влиянием христианства.

Помимо языческих персонажей (зари, месяца, зверей и птиц) в заговор вошли Богородица, святые, ангелы. В текст проникли молитвенные слова «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», «Господи, благослови», появился традиционный в молитвах «аминь». Возник широкий пласт заговоров, часто воспринимаемых в народе как молитвы. Такое смешение привело к «путанице» в использовании текстов: молитву иногда читали вместо заговора, заговоры называли «молитвами». Как заговоры или обереги стали использоваться и духовные стихи. В Кировской области, например, средством лечения зубной боли, рожи, тоски выступает стих «Сон Богородицы». Его читают и перед дальней дорогой, чтобы обезопасить себя от неприятностей.

Уже в христианскую эпоху под влиянием апокрифических молитв появились письменные заговоры. В них очень много «темных» мест — путаницы, которая возникает при переписке из-за недопонимания (вера в чудесную силу слова так велика, что переписывающий не пытается понять смысл: он точно копирует все ошибки, которые могут встретиться в тексте, и это впоследствии затрудняет изучение заговора).

Письменные заговоры встречаются в рукописных сборниках — деревенских «тайных тетраdochках», о которых редко рассказывают и которые очень берегут. Часто такую тетрадь собирают всю жизнь, переписывая у других людей по одному тексту. Иногда списывают у знающей старушки целиком весь сборник. Наряду с заговорами, в таких тетрадках содержатся молитвы, духовные стихи. Важнейшая особенность рукописных заговоров в том, что они не содержат описания сопутствующих действий. Очень часто сам написанный текст используется как амулет: листочек, на котором написан заговор, обладает магической силой. Его достаточно зашить в шапку или положить в одежду заговариваемому, и заговор подействует.

Устный заговор — это тоже сложное явление, целый комплекс разнородных средств, где текст — лишь один из элементов «магического действия». Заклинатель должен знать, какие действия предшествуют слову и следуют за ним (дунуть, перекрестить ножницами воду, вылить воду на порог), когда, в каком

месте и положении произносится текст. Важны и предметы, используемые в заговоре (например, смешанная шерсть кошки и собаки как символ раздора в отсушке), и даже интонация, с которой заклинатель произносит заговорные слова. Тексты заговоров, как можно заметить, в большинстве случаев основаны на сравнении. В представлении древнего человека между похожими предметами существовала таинственная связь. Сравнивая, человек выявлял эту связь, и тогда свойство одного предмета переносилось на другой. Но, по мере развития представлений о мире, человек начинал видеть причину всех явлений в действиях мифических существ, поэтому значительная часть заговоров построена на обращении к мифическому персонажу с угрозой или с просьбой о помощи. Это обращение к болезни, к домовому, к ветру, к заре, к святым.

Наиболее распространенные действия при заговорах — это передача заговариваемому питья, еды, заговоренных предметов, умывание заговоренной водой. В их основе лежит представление о том, что при соприкосновении, контакте двух предметов или существ качества одного из них переходят к другому. В некоторых заговорах можно увидеть и действие, связанное с другим древним представлением: воздействуя на вещи, следы, волосы, изображение заговариваемого человека, заклинатель как бы воздействует на него самого⁶.

Время и место произнесения заговора обусловлены народным пониманием устройства мира. Время, по которому живет земной мир, определяется действиями сверхъестественных сил и жизнью потустороннего мира⁷. Существует магическое начало года, когда старый мир умирает и рождается новый. Для жителей Вятки это Великий четверг. К этому дню приурочены многие заговоры (на здоровье, чтобы деньги велись, чтобы сметана была густая, чтобы не было в доме клопов, чтобы коровы приходили домой). Есть дни, связанные с действиями определенных сверхъестественных сил, которые в христианскую эпоху предстают как святые покровители: Егорьев день — день первого выгона скота в поле, св. Егорий — покровитель скота; Покров — день защиты, одаревания, в день Покрова произносят заговоры на тепло, довольство в доме, на жениха.

Сутки, как и год, представляют собой цикл времени: день и ночь сменяют друг друга. Заговоры часто произносятся на утренней и вечерней заре, в момент умирания ночи и рождения дня и наоборот.

Обычно, произнося заговор, заклинатель встает лицом на восток. Восток — это место, где восходит солнце, и лицом на восток значит по направлению к добрым, созидательным силам. Запад — средоточие сил разрушения, зла, поэтому в «черных»

заговорах часто заклинатель идет на запад. Кроме того, человек видел себя и свой дом как особый мир, который отделен от остальных, «чужого», враждебного подчас мира. Границами, входом и выходом между этими мирами считались окно, дверь (порог), труба дома, ворота. Произнесение заговора в этих местах или выход на эти границы помогали установить контакт со сверхъестественными силами и влиять на них.

К сожалению, сделать полное описание заклинательного акта сложно, его редко удастся увидеть собирателю, а заклинатель не всегда сообщает многие важные условия, поэтому не все приводимые далее заговоры могут считаться полными. Тем не менее, имеющиеся тексты заговоров с краткими комментариями дают общее представление о современной заговорной традиции.

Фольклор Вятского края на редкость богат и интересен, и традиционные обряды составляют немалую часть этого сокровища. Знаменитый исследователь народной культуры и языка Вятской земли Д. К. Зеленин отмечал «обилие на Вятке народных празднеств, часто очень своеобразных»⁸. Неудивительно, что и заговорное искусство — особый ряд обрядов — развито здесь так, как в немногих других областях России. В один из первых крупных сборников заклинаний, составленный в XIX веке Л. Н. Майковым⁹, были включены многие заговоры, записанные на Вятке. В наше время заговорная традиция в Кировской области продолжает существовать и развиваться, что подтверждается наблюдениями фольклористов.

В нашей подборке читатель познакомится с заговорами, записанными в Кировской области за последние пять лет. Мы распределили их по следующим группам:

1. Любовь и брак.
2. Здоровье и болезни.
3. Дом и быт.
4. Заговоры и обереги, сопровождающие семейные обряды.

Заговоры на любовь — одна из самых тайных областей народной магии. Отношение к ним неоднозначно: отсушки, заговоры на остуду между любящими людьми всегда считались «черным» делом, да и использование присушек, привораживание часто связано с нарушением нравственных норм (нередко с помощью присушек «отбивают» мужа у жены и т. п.). В то же время многие женщины, сообщавшие присушки, говорили, что у них в деревне было принято привораживать парней, и это умели почти все девушки. Утверждают, что простые, короткие присушки, как и заговоры на красоту, должна знать каждая девушка, иначе ей трудно будет найти жениха и создать хорошую семью. Положительно, хотя и осторожно, относятся в вятских де-

ревнях к действиям замужней женщины, пытающейся с помощью присушки вернуть или сохранить любовь мужа, ибо это тоже связано с прочностью и благополучием семьи.

Особую разновидность составляют заговоры, используемые на свадьбе. Они призваны обеспечить любовь, продолжение рода, богатство молодоженов, утверждение молодой жены в новом доме в качестве хозяйки. Но существует и свадебная порча — «черное», но очень распространенное колдовство.

Заговоры на красоту примыкают к лечебным заговорам. Они обычно сопровождаются характерным для заговоров от болезней умыванием — смывание нечистоты, уродства, недугов. Здоровье, по народным представлениям, лежит в основе красоты. «Здоровье — всему голова» — гласит народная мудрость. Лечебные заговоры и по сей день остаются необходимой частью крестьянского быта. Нередко обычные люди умеют вылечить «словами» распространенные в быту травмы и болезни: порез, ожог, ячмень, чирей, зубную боль. Но при сложных заболеваниях на помощь призывают знахаря-«специалиста».

Болезни не всегда имеют реальные, «физические» причины. И сейчас не так мало людей, которые могут сглазить, испортить, сказать злое слово. Поэтому важную и очень распространенную часть лечебной магии составляют заговоры, направленные на то, чтобы оградить человека от «дурного глаза» — обереги. Заговоры же на лечение порчи известны в основном профессионалам.

Наиболее опасными для ребенка были реальные и напущенные болезни, поэтому значительную роль в деревенской жизни играли бабушки-повитухи. Сейчас эта деревенская «профессия» почти исчезла, но некоторые необходимые знания сохраняют сами матери, передавая их своим дочерям. Так, многие знают, как загрызть грыжу, вылечить испуг, бессонницу, удалить щетинку у малыша.

Для понимания лечебных заговоров важно сказать, что разные болезни в различные времена воспринимались по-разному. В них видели и нечто предметное, материальное, что можно смыть, унести или наоборот, передать взглядом, прикосновением. Болезнь представлялась и злым существом, которое нужно изгнать. Все это отразилось в текстах и действиях, сопровождающих заговоры.

Магические слова, входящие в похоронный обряд, примыкают скорее к заговорам, связанным с жизнью дома. Смерть — таинственный и страшный переход человека из этого мира в иной — могла увлечь за собой других членов семьи или скот. А если переход в потусторонний мир происходил неудачно, умерший мог возвращаться и причинять зло живущим родственникам, поэтому очень важно было обеспечить

нормальный уход из этого мира, а значит, благополучие дома и людей.

Хозяйственные заговоры очень разнообразны по тематике и большая их часть широко известна в деревне.

Заговоры на урожай сейчас встречаются не часто, потому что сельскохозяйственные работы в колхозах проходят по-другому. Но и сейчас, сажая лук, капусту у себя на огороде, хозяйки иногда приговаривают «нужные» слова. Общеизвестны и правила въезда в новый дом, причем языческие представления о домовом, старинные отношения с ним причудливо переплетаются с представлениями о нечистой силе, которая может пугать в доме и от которой помогает крестное знамение и имя Господа.

До сих пор жители на Вятке пользуются заговорами от клопов и тараканов, и почти каждая хозяйка знает, что и как сказать при покупке коровы, чтобы та всегда к своему дому приходила. Редкостью стали промысловые заговоры: только настоящие охотники знают, каким словом привлечь зайца, уберечься от медведя, сделать охоту успешной.

Мы надеемся, что, познакомившись с разнообразной и богатой вятской заговорной традицией, читатель убедится в том, насколько удивительна и прекрасна эта малоизвестная область народной культуры.

ЛЮБОВЬ И БРАК

Присушки

1. Платок у парничка возьмешь, которым он пот утирает, брошишь в огонь:

— Как пот сохнет, так бы и он сох.

2. В бане свой пот соберешь в баночку и кровь из пальца возьмешь и скажешь:

— Как без крови, без пота нельзя жить, так бы без меня раб божий (имярек) не жить, ни дня днествовать, ни часу часовать, ни минуточку миновать. Мои слова крепки и лепки. Аминь.

Надо, чтобы он это выпил.

3. Скрутить две нитки:

— Я раба божия, и он (имярек), как нитка скручена, так бы и мы с ним сжились.

Расстелить эти нитки на пороге. Когда он станет перешагивать узел, сказать:

— Как этот узел никогда не развяжется, так и он никогда со мной не расстанется.

Надо носить эти нитки на себе, на голом теле, девять ночей. Каждое утро завязывать новый узелок и говорить это.

4. Когда теленок родится, надо у него рыльце обмыть и той водой поить, кого тебе надо. И говорить:

— Как коровушка своего теленочка любит, облизывает, так и меня, раба божью (имярек), люби и целуй, милуй, раб божий (имярек). Аминь. Аминь. Аминь.

5. 12 июля, после Петрова дня, все эти травы рви. Травы есть, любкой и разлюбкой зовут. Одна-то трава, только любка — листочки-то сжаты, а разлюбка — разжаты. Чтобы девка или парень любили. За-вариваешь и пьешь. Вот, ты не обижайся, вот был у тебя парень, гуля-ли, а потом он тебя забросил, забывать стал. Так вот надо подгадать, чтоб он ее выпил, и сказать:

— Как эта трава свои листочки любит, так чтоб и он меня любил. А разлюбку — чтоб не любил.

6. Взять человека за руку и проговорить несколько раз про себя:

— Не за руку взяла, а за сердце.

7. Утренняя заря Дарья, вечерняя Марья, унесите от меня, от рабы божией (имярек), тоску-сухоту из ретивого сердца, из красна легка, из черной печени, из румяна лица, из ясных очей, из черных бровей. Унесите мою тоску-сухоту к рабу божьему (имярек) в ретивое сердце, в красно легко, в черну печень, румяное лицо, в ясные очи, в черные брови, чтобы раб божий (имярек) о рабе божией (имярек) тосковал, горевал, дня не дневал, часу не часовал, минуты не миновал, сном не засыпал, питьем не запивал, едой не заедал, с людьми не заговаривал, табаком не закуривал. Чтобы прыгал и скакал, как скачет корова над сырым теленком.

Будьте, мои слова, крепки и лепки. Аминь. Аминь. Аминь. (Нужно сказать утром на зарю три раза).

8. Выйду я, выйду на широкую улицу, раба божия (имярек), там дуют ветры сильные, бури могучие. Пойду я, раба божия (имярек), к ним поближе, поклонюсь я им пониже, да попрошу я вас:

— Разыщите раба божия (имярек). Где вы его найдете, тут вы напустите на него тоску тоскучую, сухоту сухотучую, плач плакучий, печаль печальную, чтобы он в тот же час, в ту же минуту затосковал, загоревал, заплакал, зарыдал, никакого покоя не знал, ни дня, ни ночи, ни единого часа, ни минуты без меня, рабы божьей (имярек), крепким сном не засыпал, в думе бы не задумывал, думал бы обо мне вечно, любил бы он меня сердечно.

Не падайте, мои слова, ни на дороге, ни на пороге, а падайте, мои слова, в ретивое ему сердце, рабу божьему (имярек). Не вздувай-тесь, не летайтесь, не задерживайтесь ни в частых, ни в высоких и ни в редких переходах. Отныне и до веку. Аминь. Аминь. Аминь.

(На ветер, когда ветер дует в ту сторону, где он живет).

9. От если хочешь, чтоб парень девуку любил:

— На море Кияне, на острове Буяне стоит дуб-дубешек. Как у этого дуба-дубешка ветки переплетаются, листья свиваются, так чтоб и раба божья (имярек) с рабом божьим (имярек) свивалась да слипа-лась, никогда не расставалась. Аминь (три раза все сказать).

10. Встану я, раба божья (имярек), помолюсь, лягу перекрес-тись, выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле. В чистом поле лежат три дороги, пойду я по средней, третьей. Идут мне навстречу три Патриарха, несут они на головах сосуды, в тех сосудах три тоски тоскующих, три тоски неминующих. Напускаю я тоску на раба божьего (имярек), чтобы он тосковал о рабе божьей (имярек) день и ночь, и в глухую полночь, в питье бы не заливал, в еде бы не заедал, в мольбе бы не замаливал, в ногах бы не затапывал. Как хлеб в печи печется, так бы и раб божий пекся, горел о рабе божьей (имя-рек) день и ночь, в глухую полночь. На море-океане, на острове Буяне

стоит дуб, под этим дубом двенадцать ангелов, двенадцать архангелов сидят и радуются на душу, так же и раб божий (имярек) радовался бы и любовался о рабе божьей (имярек). Приврати его сердце ко мне, к рабе божьей (имярек). Запираю я сердце двенадцатью ключами, двенадцатью замками, заперла его сердце, а ключи взяла себе. Аминь. Аминь. Аминь. (На холодную пищу, на воду, на соль).

11. Лягу я, раба божия (имярек), благословясь, стану перекреститься, умоюсь ключевой водой, утрюсь чистым белым полотном, помолюсь матушке Пресвятой Богородице. Как Мати Пресвятая Богородица сына чада Иисуса Христа, сына Божьего, жалела, стерегла и берегла, так бы раб божий (имярек) свою законную жену, рабу божью (имярек), берег, дня бы не дневал, часу не часовал, все бы думал, тосковал и горевал о рабе божьей (имярек). Ни еда, ни работа на ум бы ему не шла, рабу божьему (имярек), только бы я, раба божья (имярек), в уме разуме была. Как солнца свету радуются все и веселятся, птицы все радуются, и народ весь радуется, так бы и раб божий (имярек) радовался и веселился, увидел бы свою законную жену, рабу божью (имярек), шел бы, торопился, за белые руки хватался, к белой груди прижимался, казалась бы ему, рабу божьему (имярек), раба божия (имярек) из красот красивше и румяньше, белая, баская и румяная, алее цвету макова, белее девок и красивше баб, всех вежливее, всех красивше и румянее. Все бы раб божий (имярек) обо мне, рабе божьей (имярек), тосковал и горевал, ни работа, ни еда на ум ему не шла, только бы я, раба божья (имярек), в уме в разуме была. День бы он меня на уме думал, а ночь бы он меня во сне видел. Будьте, мои слова, крепки и лепки. Отныне и до веку. Аминь.

(На воду, которую дать ему выпить, на соль, которую положить ему в карманы).

12. В Великий четверг, перед Христовым днем, девушки старались поворожить. Меня вот сноха научила: до солнышка надо встать и идти умываться на ручей. И когда умываешься, говори три раза:

— Прихожу я, раба божия (имярек), умыться, просветиться на этот ручей. В этот ручей бегут все ключи и зажоры со всех сторон, со всех дорог, торопятся и сноровятся. Так бы ко мне, рабе божьей, торопились и сноровились женихи. Весь мир православных христиан, любите меня и хвалите меня. Во веки веков. Аминь.

13. В Великий четверг рано утром девушки ходили на реку умываться и говорили:

— Сколько в реку ручьев, столько по меня женихов.

14. Еще в Великий четверг надо положить серебро в умывальник и умываться с серебра. И говорить:

— Как это серебро любят, так чтобы меня, рабу божью (имярек), все любили.

15. В первый день свадьбы, до гостей еще, мать невесты или другая родственница связывает ножки у стола, чтоб не видел никто, и говорит:

— Чтобы связаны были друг с дружкой (имярек) молодые, как у стола ножки.

(Можно ложки связать с таким же приговором).

16. На свадьбу гости, до женихов, кладут невесте на умыванье серебряные монетки. Она умывается, чтобы на свадьбе всех краше, неслазливей быть:

— Умьюсь, раба божья (имярек) с серебра для раба божьего (имярек), чтоб любил, холил, нежил; чтоб люди злые не сглазили. Водичка с личика, красота на личико. Аминь.

17. Мать вот доченьку свою провожала в замуж, дак обязательно сказать должна молодым:

— Дай бог, живите вы чередом да ладом!

18. Родители благословляют невесту:

— Живите, детки, со Христом! Чтоб слюбилась, как травиночки вились.

19. Когда молодые после венца в дом входят, молодушка говорит:

— Перву ступеньку ступаю — свекра заступаю. Вторую ступеньку ступаю — свекровку заступаю. Третью ступеньку ступаю — мужа заступаю.

Надо не забыть, успеть сказать-то. Чтоб не быть работницей, а быть хозяйкой в дому.

20. Невеста в чужой дом входит, сказать должна тихо три раза:

— Перва овца в дом, все волки вон.

21. Невеста постель заговаривает:

— Как я, раба божия (имярек), эту подушку (простынь, одеяло) выглаживаю да приглаживаю, так бы меня раб божий (имярек) ласкал да целовал.

22. Утром молодая после первой-то ночи встает и в колодец воду покупает; первый раз из колодца пить начала. Заглядывает в колодец:

— Водичка-светлица, я тебя купила. Ты меня люби, лицо чистым води.

И бросит денежку серебра.

23. Когда молодые спать пойдут, жених велит невесте сапоги ему снимать. Она снимет, а там деньги. Как стягивать станет, говорит:

— Как я, раба божия (имярек), его сейчас сапог держу, так бы он, раб божий (имярек), меня держался, меня любил, мною красовался.

24. На другой день свадьбы сено по полу кидали, а невеста подметала. Свекровь приговаривает:

— Мети, мети хорошо да чище; люби, люби моего (имярек) пуще!

Отсушки

25. Брать землю с двух берегов реки или рва, лога, смешать и парню положить в обувку или еще куда-нибудь в одежду:

— Когда берег с берегом сойдутся, тогда и они, рабы божии (имярек), сойдутся.

26. Чтобы муж с женой ругались: взять от кошки и от собаки шерсти, скатать в клубок и положить под девятое бревно их дома. Сказать:

— Как собака с кошкой дерутся и ругаются, так чтоб раб божий (имярек) с рабой божией (имярек) дрался, ругался, царапался.

27. Померяй переносицу соломинкой, эту соломинку на две части разломи, брось в разные стороны дороги:

— Как щепочки никогда не сойдутся, так и (имярек) и (имярек) не сойдутся.

28. Серая змея ползет во сыром бору, небо видит, людей ненавидит, жалит, кусает, рвет и вьет, блудит, дурит, как шумит, гремит,

так же бы и раб божий (имярек) ненавидел, ругал, кусал, рвал, бил, блудил, дурил, злился, так шумел, гремел на веки веков. Шуми, дури. Аминь. Аминь. Аминь.

(Три раза на вино или на воду; можно настоять это вино на змее).

29. Волк идет под горою, домовую водою, они вместе не сойдутся, думы ихние разойдутся. Добро они не творят и ласковых речей между собой не говорят. Так бы раб божий (имярек) и раба божия (имярек) жили, вместо дружбы друг ко другу зло питали, друг друга хулили и попрекали. Он бы на нее как змея шипел, как бы лед к ей охладел, а она бы бегала от дел, занималась бы тем да сем, а более ничем.

Эти слова взяла я со дна омута, где водяные живут, злые сети ткнут, и так бы (имярек) и (имярек), вместо дружбы друг ко другу зло питали, друг друга хулили и попрекали.

(Читать три раза).

30. Волос-то с головы обрежь и за печку заложь, скажи:

— Во море Кияне, на острове Буяне стоит дуб Широколист, на том дубе сидит сокол, под тем дубом змея, и как они там сидят, так чтоб и изменушка раба божьего (имярек) там бы сидела. А мы тот дуб подожжем, и там сгорит сокол и змея, так пусть и изменушка раба божьего (имярек) сгорит.

Тут волосы из-за печи вынешь и сожжешь.

31. В Великий четверг иголку берут. У иголки должно быть ушко отломлено. В сутной угол эту иголку с улицы втыкают и приговаривают:

— Как эта протошь негодная, так и невеста негодная. Так замуж и не выйдешь.

32. Свадьбу могут испортить. Как поезд в церковь поедет, бросят в сани стручок с девятью горошинками:

— Девять мер гороху, десятая — невеста; кони, ни с места! Если не выбросят, свадьба расстроится, а девушка замуж не выйдет.

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ

Рождение ребенка и забота о его здоровье

33. На легкие роды:

— Пресвятая Божья Матерь, возьми золотые ключи, отпусти кровавую воду. Дай, Господи, быстрого, здорового ребеночка. Аминь. Аминь. Аминь.

34. Как женщине первый раз кормить с груди, надо надоили чтоб молока козы (коровы) и принесли (или чтоб слышала, рожала которая, как доят) и приговорить:

— Как у козы (коровы) молоко есть, так чтоб и у меня всегда было.

35. Если ребенок плачет ночью, спит беспокойно, то вечером его надо спеленать и вынести на зарю со словами:

— Как заря спокойная, так чтоб и ты (имярек) был спокойный.

36. Если ребенок кричит ночами, старушки раньше тазом о каменку стукали:

— Как каменица стоит спокойно, так раб божий (имярек) чтоб был спокойный.

37. Дети, бывает, до полуночи не спят. Полуношница беспокоит. Делают девочке пряселку маленькую и кудельки навяжут, а мальчику — топорик. И кладут им под головы туды, в зыбку, и говорили:

— Полуношница, работай, не беспокой раба божия (имярек).

38. В бане моют ребенка, присядут на пороге:

— Грыжа ты, грыжа, не грызи мое чадо. Я сама загрызу.

39. Грыжу в бане загрызали:

— Вот тебе, грыжа, полук, поди на потолок, потолочницу грызи, а младенца (имярек) не тронь. Аминь. Аминь. Аминь.

40. Надо «грызть» у ребенка колено, суставчики, пальчики:

— Не грызи колено — грызи осиново полено.

41. Бабушка-безогрызушка, чело грызешь, грыжу не грызи, го-
зазне¹⁰, чтобы век не было у раба божьего (имярек) ни в костях, ни в жилах, ни в жировых, ни в хрустовых, ни в каких суставах. Отныне и до веку будьте, мои слова, крепки и лепки. Аминь. Аминь. Аминь.

42. Выпавший молочный зуб кидали под шесток или за печь:

— Мышка, мышка, на тебе зубок репной, дай мне костяной.

От болезни и всякой боли

43. Спускался Егорий с небес по золотой лестнице, нес Егорий сто стрел, сто мечей. Начал отстреливать с рабы божьей (имярек) всю банную грязь, все нечистоты, все наговоры. Унес медведь за темные леса, за высокие горы, за топкие болота. Конец святой молитвы. Аминь.

Шла баба по речке, вела корову на нитке. Нитка урвалась, у раба божьего (имярек) дурная, больная в голове, в сердце, в ногах увуть, кровь унялась. Аминь.

Крепка моя молитва, райским ключом заперта, ключи брошены в море, ключи шука проглотила. Шука в море, хвост на заборе. Кто ключи найдет, тот молитву отопрет. Аминь.

(Все три молитвы три раза подряд читаются. Над водой в ковше надо проговорить, чтобы лицо видно было, а потом эту воду попить три раза по три глоточка и потом умыться три раза. Остатки воды надо вылить на улицу через левое плечо и сказать:

— С ветру пришло — на ветер поди, с людей пришло — на людей поди, чей наговор — тому и в дом, чья порча — так того и порча.

От порчи и сглаза

44. Как на скобе вода не держится, так на рабе божьей (имярек) уроки не держитесь. Будьте, мои слова, верны. Аминь.

45. Иголочку такую возьмешь, без ушка, в ворот воткнешь:

— Когда к игле этой уши прирастут, тогда и меня, рабу божью (имярек), изругают.

46. Выхожу я, раба божия (имярек), благословясь, перекрестясь, из ворот в ворота, из дверей в двери, во чистое поле. На океан святом море лежит Лазарь-камень, на Лазаре-камне сидит бабушка Саламатьюшка. Она держит три прута железные, она машет и отмахивает, говорит и отговаривает от уроков, от призывов, от зубов, от переполоху, от ломоты, от шекоты, от потяготы, от раба божия (имярек) от мужика от клеветника, от бабы от клеветницы, от колдуна, от кол-

дунихи, от двоезубого, от троезубого, от однозубого, от двоеженого, от троеженого, от одноженого, от черноволосого, от русоволосого, от беловолосого, от черноволоски, от беловолоски, от черноглазки, от сероглазки, от белоглазки, от мужика от космача, от бабы от косматки, девки простоволоски. Кто зло претворит, сам в нос, смолы в рот, калена стрела в паты. Будьте, мои слова, крепче булатного замка, вострее вострого ножа, ключи в море, замки в роте этой молитвы. Аминь.

Как в океан-море не держится ни воды, ни тины, так на рабе божьем (имярек) не держится ни уроки, ни переполохи, не было бы болей на коже, ни под кожей, ни в костях, ни в мозгах, ни в суставах, ни на легком, ни на печени, ни на сердце. От ин до веку. Аминь. Будьте, мои слова, крепки, лепки, заборчивы, заговорчивы. От ин до веку. Аминь.

(Нужно произнести три раза на воду, умыться ею, полить на грудь и спинку, по капле, капнуть и на темя. Это не только от уроков, от любой болезни. Повторить три раза утром и вечером).

От зубной боли

47. Чтобы не болели зубы, в Великий четверг, глядя на месяц, говорят еще до восхода солнца:

— Месяц, ты, месяц! Везде ты ходишь, живых и мертвых видишь! У мертвых болят зубы?

— Нет!

— Так и у меня, рабы божьей (имярек), не болите. Аминь.

Читать три раза или девять раз в течение трех дней.

48. Стану я, раба божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздолье под светлый месяц. Там лежит мертвый мертвец. Я его спрошу: «Не болят ли зубы? Не шипят ли десны? Не ходит ли кровь горяча со щипоты, со ломоты, со двенадцати родимцев, со двенадцати рек, со двенадцати человек?» С ветру пришло — на ветер поди, от своего уму пришло — на свой дом поди. Чур, мои зубы! Чур, мои губы! Чур, мое бело тело! Чур, моя алая кровь!

49. Месяц молодой увидишь, надо стоять на одном месте, взять из-под правой паты травинку или песчинку на зуб и говорить:

— Месяц млад, у тебя есть Антипа брат. У него никогда зубы не болят, и у меня бы не болели.

От чирьев

50. Безымянным пальцем обведешь три раза круг этого места:

— Этому пальцу имени нет, этому месту чирья нет. Будьте, мои слова, крепки и лепки. Аминь.

51. Надо отсчитать от лавки девять половиц в избе и на девятой найти сучок и этот сучок срединным пальцем правой руки обводить по солнышку:

— Как этот сучок подсыхает, так чтоб этот нарывчик подсыхал. Аминь. (Три разика сказать в любое время. Конечно, в пустой комнате).

От рожи

52. Господу Богу помолюсь, Господу поклонюсь, не я тебя молила, не я тебя просила — Пречистая Божия Матушка навстречу (имя-

рек) золотым зерном, золотым пером. Иду, раб божий (имярек), рожу выговаривать: рожа ветряная, огненная, глазная, рожа денная, ночная, полуночная, мужицкая, женская, девичья, хлопичья, — тут тебе не стоять, у (имярек) не сушить червонной крови, не сушить желтых жил, не сушить белой крови, не ломать (имярек), не сушить, откати золотым зерном, золотым пером.

От укуса ос, клопов, комаров

53. Тело как кость! Кровь как смола! Ос не задержат никогда!

От пореза, крови

54. На море на Океане, на острове Буяне, на том крутом берегу, на мелком, на желтом песку лежит камень Ала-Тур¹¹. На том камне Ала-Тур стоят три апостола. Они секутся, рубятся, меж ними нет ни крови, ни раны, ни пахоты, ни ломоты.

55. Кровь заговаривали. Перевязывали ниточкой шелковой и говорили:

— Ниточка, тянися. Кровь, утянися.

56. Шла баба на речку, вела быка за нитку, нитка рвалась, кровь унялась. Не из камня воды, не из мертвого руды. Стань — не кань, стань — не кань, стань — не кань.

От ожога

57. Первый семь, второй семь, третий семь, четвертый семь, пятый семь, шестой семь, седьмой семь. Заговариваю от обжигу, шипоту, ломоту, заговариваю совсем. От чего говорю, от того и слова действуйте (три раза сказать). Быть моим словам крепким, лепким от ин до веку, век по веку. От сырой земли до гробовой доски. Аминь. Аминь. Аминь.

(Сказать и плюнуть три раза).

58. На маслице читать и рану помазать:

— Шла девица, несла три ведра водицы, водица пролилась, ввота унялась. Аминь.

От тоски

59. Когда тоскуешь, в речке надо умыться водой:

— Как водица-царица бежит, не тоскует, так раба божья (имярек) ни о чем никогда не тосковала. Будьте, мои слова, крепки-лепки. Аминь. Аминь. Аминь.

60. В армию пойдут, дак ребята очень тоскуют об родине. Я дак своему сыну делала. Вот и корову тоже через речку ведешь, дак умоешь водичкой:

— Берег — отец, вода — мать. Берег бьет, тоска мьет, у парня (у коровы) тоску уймет.

Три раза скажешь и умыть его надо.

Заговоры в похоронном обряде

61. В гробу надо не забыть посеять житом:

— На тебя сею, сею рожь, да только нашу семью не тревожь!

62. В гроб, под крышку, надо кусок хлеба положить, чтоб покойник не казался:

— На тебе хлеба край, не бери в семье тай!

63. А как уходить с кладбища, скажи:

— Царство небесно, светло место. Будь земля пухом над тобой! Мне к тебе ходить, а тебе ко мне нет!

ДОМ И БЫТ

Земледельческие заговоры

64. Севала я со стариками. Так вот как они-то делали: идут с наберухой дак постараются подбросить зерна выше своего росту, три раза скажут:

— Расти, хлеб, выше и сильнее меня.

65. Когда лук садишь, взять от колоса трубицу, три раза продеть луковицу:

— Как трубица крепка, ничего с ней не делается, так бы и с луком моим ничего не поделалось.

66. Первый раз тюкаешь пшеницу и скажи три раза:

— Как жнива ничего не боится, так моя спина ничего не бойся. Сколь жнива крепка, так и моя спинушка крепка. Отныне до веку. Аминь.

Охотничьи заговоры

67. Наговаривают на соль:

— Как тебе, Михаил-архангел, собирается народ к Божьей церкви, так и ко мне, рабу божьему (имярек), сбегались бы звери, зайцы и кривухи со всех четырех сторон: с востоку, с западу, с лета и с севера.

Говорить три раза. С собой эту соль носить надо.

68. Пойду я в чисто поле, сажусь на добра коня, беру плетть шелковую, трехвостую. Выгоняй, выручай семьдесят семь горей, семьдесят семь лугов, бежали бы зайцы по моим ловушкам, по моим поставушкам, не отнюхивались, не отпихивались ни от луковки, ни от чесноковенки. Аминь. Аминь. Аминь.

Эту молитву читают, когда зайцев надо ловить, ловушки ставить.

Скотоводческие заговоры

69. Когда покупают корову, хлеба кусок дают:

— Старо место забывай, к новому — привыкай. В старо место не ходи, ново место люби.

70. Чтобы домовой любил коровку:

— Вот тебе, суседко, новая коровка. Ты ее не гони, а люби.

71. Не правой ноженькой, не левой ноженькой, не буйной головушкой, не сама собой, раба божья Лысушка, не быть телушкой, а быть старушкой. Аминь. Аминь. Аминь.

Чтобы корова не лягалась, надо так на хлеб наговорить перед закатом или на утренней заре. Три раза делай, а если девять сделаешь — крепче будет.

72. Когда овечку стрижешь, шерстью по ей проведи:

— Скинула кафтанец, одевай зипунец.

Заговоры на переезд в новый дом

73. В новый дом первой кошку пускают за день до заезда... А домового садят раньше, а потом заселяются, он их встречает. Берут пожилого человека, надевают кафтан, шапку вывернутую, сажают за печь.

— Дедушка-суседушка, пусти на постой.

А он им:

— Не на постой, а на постоянное место.

74. Построили дом, заносят сперва курочку:

— Как курочка и петушок живут дружно, так и мы будем жить дружно, как курочка и петушок всегда сыты, так и мы будем сыты.

Заговоры на благополучие и порядок в доме

75. Если хозяин уезжает:

— Соседушко-атаманушко, караул мой домичек, никого не допускать до моего домичка!

76. В печь пироги сажаю, скажу:

— Печка-матка, не сожги, моих деточек накорми. Аминь.

77. В Великий четверг надо было вокруг дома ходить и спрашивать:

— Клопы-ти есть?

— Нет и не будет.

Говорят так три раза.

На удачу в дороге

78. Уезжающего в путь благословляют серебряной денежкой, крестят, приговаривая:

— Огради, Господи, силой честного животворящего креста. Охрани тебя Господи, (имярек), ото всякого зла, от всякой напасти, от всякой скверности. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блок А. А. Поэзия заговоров и заклинаний. // Собр. соч.: В 6 т. Л., 1971. Т. 5. С. 32.

² Елеонская Е. Н. К изучению заговоров и колдовства в России. М., 1917. С. 7.

³ Попов Г. Русская народная бытовая медицина. СПб., 1903; Ветухов А. Заговоры, заклинания и др. виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (из истории мысли). Варшава, 1907; Высоцкий Н. Ф. Очерки нашей народной медицины. М., 1911.

⁴ Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге. // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Т. 2. С. 33—77; Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Сов. этнография, 1932, № 3. С. 15—32; Астахова А. М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964.

⁵ Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе. // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб., 1861. Т. 1. С. 4.

⁶ Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1984. С. 20.

⁷ Мифологический словарь. М., 1991. С. 661.

⁸ Зеленин Д. К. К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край. Вятка, 1906. С. 4.

⁹ Майков Л. Н. Великорусские заклинания // Записки РГО Императорской Академии наук по отделению этнографии. Т. 2, СПб., 1869. С. 441, 447, 482, 488, 503, 513, 520 и т. д.

¹⁰ Вероятно, «гораздо».

¹¹ Алатырь.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

1. Александра Федоровна Плюснина, 1903 г. р., д. Козинская, Лузский р-н. — №№ 1, 2, 3, 50.
2. Евгения Алексеевна Суздальова, 1919 г. р., п. Верхнелальск, Лузский р-н. — №№ 4, 8, 10, 11, 28, 41.
3. Александра Михайловна Молчанова, 1915 г. р., с. Ярушниковы, Котельничский р-н. — №№ 5, 9.
4. Павла Ивановна Токмакова, 1919 г. р., п. Верхнелальск, Лузский р-н. — №№ 6.
5. Валентина Ивановна Семушина, 1935 г. р., п. Лальск, Лузский р-н. — № 7.
6. Елена Евгеньевна Мергасова, 1917 г. р., д. Ладейно, Подосиновский р-н. — №№ 13, 14, 15.
7. Августа Ивановна Зимирева, 1908 г. р., д. Аксеновская, Лузский р-н. — № 12.
8. Лидия Александровна Дружинина, 1911 г. р., д. Волб, Лузский р-н. — № 13.
9. Раиса Феодосьевна Пупышева, 1915 г. р., д. Еськино, Лузский р-н. — № 14.
10. Лидия Александровна Чадаевская, 1913 г. р., д. Ершово, Лузский р-н. — № 16, 18.
11. Нина Ильинична Мартыанова, 1934 г. р., д. Куликово, Лузский р-н. — № 17.
12. Авдотья Ивановна Румянцева, 1908 г. р., д. Березино, Лузский р-н. — № 19.
13. Лидия Васильевна Гусева, 1922 г. р., д. Задорье, Лузский р-н. — №№ 20, 24.
14. Секлетей Михайловна Зимирева, 1908 г. р., д. Аникино, Лузский р-н. — №№ 21—23, 32, 70, 71.
15. Тамара Ивановна Тучакова, 1935 г. р., д. Филино, Лузский р-н. — № 25.
16. Александра Васильевна Плотникова, 1919 г. р., д. Перевалово, Лузский р-н. — № 26.
17. Клавдия Павлиновна Зимирева, 1909 г. р., д. Козинская, Лузский р-н. — №№ 27, 29.
18. Людмила Дмитриевна Голамидова, 1912 г. р., с. Молома, Опаринский р-н. — № 30.
19. Галина Александровна Кузнецова, 1930 г. р., д. Скорняково, Лузский р-н. — № 33, 71.
20. Галина Николаевна Захарова, 1929 г. р., д. Загарье, Лузский р-н. — № 34.

21. Вероника Галактионовна Масарова, 1929 г. р., д. Козинская, Лузский р-н. — № 15.
22. Анна Яковлевна Пустохина, 1909 г. р., д. Аксеновская, Лузский р-н. — № 60.
23. Лидия Васильевна Низовская, 1922 г. р., г. Луза, Лузский р-н. — №№ 39, 48.
24. Аграфена Николаевна Непеина, 1924 г. р., п. Верхнелальск, Лузский р-н. — № 35.
25. Анна Алексеевна Горбунова, 1895 г. р., п. Лальск, Лузский р-н. — № 36.
26. Нина Николаевна Поливаева, 1922 г. р., д. Куликово, Лузский р-н. — № 37.
27. Мария Ивановна Кузнецова, 1917 г. р., д. Семеновская, Лузский р-н. — №№ 38, 53, 56.
28. Мария Павлиновна Бурцевская, 1916 г. р., д. Данилово, Лузский р-н. — №№ 40, 58.
29. Афанасия Ивановна Сапожникова, 1919 г. р., д. Астафьева Гора, Лузский р-н. — № 54.
30. Евдокия Александровна Губина, 1922 г. р., Наталия Васильевна Лузгарева, 1923 г. р., д. Куликово, Лузский р-н. — №№ 55, 77.
31. Александра Николаевна Шебалина, 1927 г. р., д. Потапово, Лузский р-н. — № 42.
32. Валентина Павловна Назимова, 1913 г. р., п. Лальск, Лузский р-н. — № 44.
33. Манефа Петровна Бурчевская, 1919 г. р., д. Варха, Лузский р-н. — № 45.
34. Ангелина Тимофеевна Тестова, 1930 г. р., д. Ладейка, Подосиновский р-н. — №№ 46, 47, 76.
35. Зинаида Семеновна Мельчакова, 1921 г. р., д. Лунданка, Лузский р-н. — № 49.
36. Елизавета Николаевна Баженина, 1917 г. р., д. Данилово, Лузский р-н. — № 54.
37. Валентина Северьяновна Зарубина, 1929 г. р., п. Лальск, Лузский р-н. — №№ 52, 54.
38. Александр Васильевич Кузякин, 1912 г. р., д. Зубарево, Лузский р-н. — № 55.
39. Августа Федоровна Гребнева, 1906 г. р., д. Гребнево, Подосиновский р-н. — № 57.
40. Валентина Александровна Притчина, 1904 г. р., д. Гольцово, Лузский р-н. — № 59.
41. Николай Иванович Захаров, 1929 г. р., д. Загарье, Лузский р-н. — № 61.
42. Мария Николаевна Мусинова, 1924 г. р., с. Черновское, Шабалинский р-н. — № 62.
43. Александра Петровна Гладышева, 1913 г. р., д. Лунданка, Лузский р-н. — № 63.
44. Софья Николаевна Мелькова, 1928 г. р., д. Целяково, Лузский р-н. — № 64.
45. Надежда Васильевна Кикирева, 1923 г. р., д. Нижняя Паломница, Опаринский р-н. — № 65.
46. Яков Николаевич Глызин, 1915 г. р., д. Заречная, Опаринский р-н. — № 67.

47. Мария Александровна Бобровская, 1929 г. р., д. Подшибалиха, Лузский р-н. — № 68.

48. Анна Николаевна Осташова, 1910 г. р., п. Лальск, Лузский р-н. — № 72.

49. Лидия Константиновна Машанова, 1918 г. р., д. Варжа, Лузский р-н. — № 73.

50. Галина Николаевна Толстухина, 1944 г. р., д. Шадринская Юра, Подосиновский р-н. — № 74.

51. Екатерина Ивановна Мергаева, 1913 г. р., д. Сугоровщина, Подосиновский р-н. — № 75.

52. Елизавета Федоровна Печерина, 1909 г. р., д. Петрошино, Лузский р-н. — № 77.

53. Зоя Семеновна Симушина, 1927 г. р., д. Ершово, Лузский р-н. — № 78.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ «СВЕТЕЛКА» ЛУЗСКОГО РАЙОННОГО ДОМА КУЛЬТУРЫ

В 1990 году Валентина Всеволодовна Нечаева стала работать с хором народной песни. Концертная деятельность хора пробуждает интерес к фольклорным традициям родного Лузского района, стремление сохранить их, способствует возрождению песенного творчества в молодежной среде. За пределами района хор Лузского РДК «Юность» известен как ансамбль «Светелка». В нем участвуют Н. В. Чумовицкая, Н. В. Бобровская, С. А. Подчеварова, Е. В. Марьинская, М. Е. Шевелева, Г. А. Бобылева, Н. А. Веретенников, Ю. А. Цепелев.

Все участники ансамбля и его руководитель записывают произведения фольклора в разных уголках района, а затем включают в свой репертуар старинные песни, причитания, частушки.

Коллектив принимал участие в областном смотре «Как бывало в старину» в областном празднике фольклора в г. Устюге соседней Вологодской области. Концертная деятельность ансамбля разнообразна: участие в зональных фестивалях, смотрах и конкурсах, поездки по своему району и районам области.

В 1995 г. в Уржуме ансамбль принимал участие в рождественском представлении, а в марте 1996 г. — в Российском фестивале народных театров «В гостях у «Вятской скоморошины» и был отмечен Почетной грамотой «За бережное отношение к этнографическому материалу».

Ансамбль «Светелка» участвовал в съемках фильма «Светлый праздник Рождество», которые проходили в д. Петровщина Лузского района. Этот фильм занял 1 место в областном смотре любительских фильмов.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА ВЯТКЕ

Исследователи давно обратили внимание на то, что регионом распространения былины является Русский Север. Бытовали ли былины в Вятской губернии? Эта проблема почти не изучена, имеются только косвенные сведения в воспоминаниях разных людей. За всю историю собирания и изучения фольклора в Вятской губернии не было зафиксировано ни одной записи былины, тогда как в соседних северных губерниях былинная традиция была широко известна (Архангельская, Вологодская обл., Коми Республика).

Своеобразие былинной традиции в Вятской губернии заключается в том, что на нее воздействовали некоторые факторы: географический (она была ближе к центру); социальный (многие из крестьян занимались отхожими промыслами); этнический (соседство с финно-угорскими народами); этнопсихологический (вятский мужик имел особый характер). Время и особенности заселения русскими территории Вятки, наверняка, сыграли определенную роль в потере эпических традиций. Однако, опираясь на исследование позднейших миграционных потоков с Севера России в Сибирь через Вятскую землю, а также на культурные взаимодействия русского и нерусского населения, можно высказать предположение о том, что эпическая традиция Вятского края сохранилась в обрядовой поэзии. Так, например, известна былина о «Соколе-корабле», записанная в 1888 году на Песковском заводе Глазовского уезда и опубликованная М. К. Селивановским, которая исполнялась как колядка.

В конце 50—60-х годов и до начала XX века в Лальске былина о «Соколе-корабле» также фиксировалась как колядка-виноградье (сведения о хождении с вертепом и исполнении былины в качестве виноградья сообщил В. Я. Пономарев, сын И. С. Пономарева, который являлся организатором хождения с вертепом).

Однако помимо обрядовой поэзии эпические традиции отмечены и в народной прозе, в частности, сказках. В сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» Д. К. Зеленин приводит две сказки на былинный сюжет, записанные М. А. Колосовым в конце 70-х годов XIX в. Героем первой является Илья Муромец, который носит «библейское имя Осипа Прекрасного», а во второй сказке герои — богатыри Алеша Попович и Никита Добрынич. Сказки записаны в Нолинском уезде Вятской губернии.

При малочисленности прямых свидетельств былинной традиции хотелось бы обратить внимание на ряд косвенных до-

казательств. Следы эпических формул, как мы уже отмечали, можно обнаружить в обрядовой поэзии. Так в известной свадебной песне «Что на усть-то было Дону, да Дону тихого» (записана в Афанасьевском районе) мы видим характерную эпическую формулу: «описание пира и хвастовство героя на нем».

«Пир» и «хвастовство на пиру» были присущи обрядовой действительности (вспомним «свадебный пир», «княжий стол» — угощение после венчания в доме жениха), это, вероятно, обусловило выбор формул в лирических жанрах, они представлялись как своего рода обрядовый знак, который снимал различие между единичным фактом и его постоянным сущностным смыслом. Каноничен сам смысл в использовании этих формул в былинах и свадебной песне, и как следствие рождается постоянная форма. Близость этих формул свидетельствует: либо автор-исполнитель хорошо знал былинную традицию Севера и вставлял формулу в свадебную песню, либо песня являлась фрагментом эпического произведения, который перешел в обрядовую традицию вследствие близости формул-мотивов. Этот переход, на наш взгляд, мог произойти и через посредство эпической традиции коми или удмуртов.

В указанной песне также подробно рассказывается о строительстве и устройстве избы. Наличие такого мотива является косвенным свидетельством взаимодействия былинного и обрядового фольклора на достаточно архаическом уровне. В этой связи можно отметить взаимодействие русской былинной традиции и эпической традиции коми и удмуртов. В пермяцком эпосе о Кудым-Оше, в удмуртских сказаниях о медвежонке-богатыре встречаем мотив строительства дома и амбара и как продолжение этого мотива — свадьба героя.

Итак, все следы былинной традиции в Вятском крае так или иначе связаны с обрядовым фольклором. Обращает на себя внимание тот факт, что подобная традиция зафиксирована на территории совместного проживания русских, коми и удмуртов.

* * *

Да спокрай-то было Дону, Дону тихого,
Как на усть-то было моря, моря синего,
Как на желтом, мелком, рассыпном песке,
На прикрутеньком, на красном бережечике.
Пролегала тут дороженька широкая,
Славна Питерска дороженька Московская.
Да спокрай этой дороженьки избушенька,
Изба новая, избушенька с перерубами,
С перерубами избушенька с перекладами,
Изнакрывана избушенька рыбьим бархатом,
Изнадавлена избушенька толстым охлупнем.
Есть у этой у избушеньки славны плотнички.

Есть у плотничков топорики широкие,
 У топориков бородачки булатные.
 Изнасечено окошечко косячатое.
 Изнаставлены оконенки стекольчатые,
 Еще лавочки-прилавочки дубовые,
 Еще пол да середя, братцы, чистого серебра.
 На полу стоят столы, стоят дубовые,
 На столешенках — скатерышки шелковые,
 На скатерышках — питья-яства сахарные.
 За столом сидят бояра, князья-бояра,
 Они пьют-едят бояра, забавляются,
 Забавляются бояра, потешаются,
 Промежду собой бояра прирасхвастались.
 Прирасхвастался боярин своей золотой казной.
 Да другой-то боярин прирасхвастался,
 Прирасхвастался боярин своим вороным конем.
 А третий — тоже боярин прирасхвастался
 Прирасхвастался боярин своей молодой женой.

Вариант свадебной песни, которую записывали в разное время: И. Н. Громозова — в 1900 г., в 1960-е — И. А. Мохирев и др. Настоящий вариант записан от Т. К. Порубовой В. А. Поздеевым в 1989 г. в д. Порубово Афанасьевского района.

* * *

Прикажите, сударь-хозяин,
 Прикажите, господин,
 Виноградье спеть, коляду сказать.
 Еще по морю, морю, по Хвалынскому,
 Тут ходил, тут гулял — Сокол-корабль.
 Он не много, не мало — двенадцать лет
 Ко крутым берегам не приваливал,
 Он желтых песочков не хватывал,
 На булатном на якоре не стаивал.
 Как еще были на Соколе на корабле:
 Еще нос да корма по-звериному,
 А бока-то взведены по-левиному.
 Как еще было на Соколе на корабле:
 Еще вместо очей-то были вставлены
 Два-то камешка, два яхонта самоцветны
 Еще вместо бровей-то было навешено
 Два соболя, два черные.
 Еще вместо ушей было вставлено
 Два-то бобрика, два заморские,
 Еще вместо усов было навешено
 Две лисицы, две чернобурые.
 Как еще было на Соколе на корабле:
 Еще вместо зубов было врезано
 Два ножика, два булатные, два укладные (стальные).
 Как еще было на Соколе на корабле:
 Было три монастыря, три пречестные.
 Что первой-от монастырь был Ивановской,

Что второй-от монастырь Николаевской,
 Что третий-от монастырь Михайловской.
 Монастырь от монастыря не видно стоят.
 Колоколенного гласу не слышно быва/е/т.
 Как еще было на Соколе-корабле:
 Были три богатыря, три незнакомые,
 Промежду собой языку не ведывали.
 Что первой-от богатырь Ефим Торопаевич,
 Что второй-от богатырь Добрыня Никитиевич,
 Что третьей-от богатырь Илья Муромец,
 Сын Иванович.
 Востро говорит, как в трубу трубит,
 Илья Муромец, сын Иванович:
 «Натяни-ка ты, Добрыня Никитич, тугой лук,
 Ты накладывай калену стрелу,
 Еще сам ко стреле приговаривай:
 «Полети, моя стрела, высоким-высоко, далеким-далеко,
 По поднебесью белой лебедью,
 А что по низу ясным соколом,
 Ты не падай ни на воду, ни на землю,
 Упади, моя стрела, во турецкий град, на салтанский дом,
 Прошиби ты у него стену каменную,
 Расколи ты у него золот стол,
 Распори ты у собаки белу грудь,
 Призакрой ты у него очи ясные, ноздри красные...»
 Мы ходили, мы гуляли по Кремлю-городу
 И искали мы хозяина с хозяйшкою.
 У хозяина дом на семи верстах, на семидесяти столбах.
 Вокруг этого дома железный тын,
 Что на каждой тычинке по маковке,
 Что на каждой на маковке по кресту,
 Что на каждом на крестике по свече горит.
 Что хозяин в дому, как светел месяц,
 Малы детоньки — ясны звездочки.
 Как хозяин к нам идет, он три рубля несет,
 Как хозяйка-то идет, полтора рубля несет,
 Малы деточки идут, по полтинничку дарят.
 Прикажи, сударь хозяин, прикажи, господин,
 Винограды спеть, коляду сказать.
 Что и наша коляда, не велика, не мала,
 Полезай-ка, молодница, на полицу по пирогу,
 Еще в печь по кашку, в подполье по пивцу,
 Да в кабак по винцо.
 Нашему хозяину многия лета!

Селивановский М. К. Коляда на Песковском заводе Глазовского уезда. //Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218—219.

* * *

Ах, по морю, морю синему,
 Припев: Виноградье красно-зеленое
 По синему морю, по Хвалынскому,

Ходил-гулял Сокол-корабль,
Он немного-немало — двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым бережкам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо-добре Сокол-корабль украшен был.
Еще нос-корма по-львиному,
Что борта взведены по-звериному,
Он хобот мечет по-змеиному.
Что еще было у Сокола-корабля?
Еще между очей было вставлено
Что по дороге камню по яхонту.
Еще что было у Сокола-корабля?
Еще вместо ушей было повешено
Что по дороге бобру по сибирскому.
Еще что было у Сокола-корабля?
Еще вместо хвоста было повешено
Что по дорогой лисице по бурманской.
Что еще было на Соколе на корабле?
Еще три собора вселенские.
Еще что было на Соколе на корабле?
Еще три монастыря, три почетные.
Еще что было на Соколе на корабле?
Еще три кабака государевые.
Что еще было на Соколе на корабле?
Еще три торго, три немецкие.
Что еще было на Соколе на корабле?
Еще трои люди незнаемые:
Промежу собой языка не ведают.
Что еще было на Соколе на корабле?
Пятьсот гребцов, удалых молодцов,
Что хозяин был Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович,
Во товарищах Добрынюшка Никитьев сын,
Что слышал тут, завидел тут
Турецкий царь, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович,
Он говорил таково слово:
«Ах, вы гой еси, ребятушки туречана,
Скоро-борзо вы готовьте легкие стружки,
Скоро-борзо вы садитесь во легки стружки,
Во легки стружки, за дубовые столы,
Скоро-борзо погребайте по синю морю,
Скоро-борзо нагребайте на Сокол-корабль,
Скоро-борзо разбивайте вы Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон берите,
Добрынюшку под меч кладите!»
Туречана-то не ослушались,
Скоро-борзо готовили легки стружки,
Скоро-борзо садились во легки стружки,
Во легки стружки, за дубовые столы;
Скоро-борзо погребали по синю морю.

Послышал тут, завидел тут
 Илья Муромец сын Иванович.
 Он говорил таково слово —
 «Ах ты, гой сей, Добрынюшка Никитьев сын,
 Скоро-борзо походи на Сокол-корабль,
 Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
 Мой тугой лук, калену стрелу».
 Тут Добрынюшка не ослушался,
 Скоро-борзо походил на Сокол-корабль,
 Скоро-борзо выносил его тугой лук,
 Его тугой лук, калену стрелу.
 Илья Муромец по кораблику похаживает,
 Цветным платком помахивает,
 Свой тугой лук натягивает,
 Калену стрелу накладывает,
 Сам стреле наговаривает:
 «Ты лети, моя стрела, по поднебесью,
 Ты не падай не на воду, не на землю.
 Ты пади, моя стрела, во легки стружки,
 Во легки стружки, за дубовые столы,
 Салтанушку во белы груди,
 Расколи у его груди белые,
 Раздоби у его ретиво сердце!»
 Тут стрела не ослушалась,
 Полетела стрела по поднебесью,
 Что не падала не на воду, не на землю,
 Только пала она во легки стружки,
 Во легки стружки, за дубовые столы,
 Салтану Салтановичу во белы груди,
 Расколела у его груди белые,
 Раздобила у его ретиво сердце.
 Тут Салтан спокаялся.
 Туречана-то испугалися.
 Говорили они таково слово:
 «Что не дай бог ходить по синю морю,
 По синю морю да по Хвалынскому.
 Что не дай бог разбивать Сокол-корабль,
 Илью Муромца в полон брать,
 Добрынюшку под меч клонить».
 Что затем буди здрав, хозяин во дому,
 Хозяин во дому со хозяйюшкою,
 Со хозяйюшкою, с малыми детушками,
 Со всем своим домом, благостным сим!

Лальский вариант былины из статьи В. И. Пономарева

БОГАТЫРЬ ОСИП ПРЕКРАСНЫЙ

Жили прежде два старика. У них только, у двух братьев, был
 один сын. Ему название Осип Прекрасной: был больно сперва хорош.
 И приключилась ему болесь (скорби, значит). И эти старики задумали
 сделать ему помочь, — на поле хлеб сеяти. Ево оставили одново дома.

К ему евился ангил, и баит он ему, что — выпей пива чашку. Осип сказал: как я встану? Я не встану: года три лежал.... Встал, выпил чашку пива — не всю: сделался здоров. Спросил ангил: што теперь здоров, Осип Прекрасной? — Здоров, слава Богу! — Выпей ешшо, всю, — говорит... — Теперь, Осип Прекрасной, проворен ли (сильной, значит)? — Силён, говорит, я теперича: был бы в небе, в земле столп, было бы в столбе кольцо, — за ето кольцо поворотил бы всю землю, кажется. (Стал больно проворен). — Ангил сказал ему: ну, когда ты силен так — куда у тя было обвешшание ехать? — У мя, говорит, было обвешшание ехать в Киев град через рицьку Ребинову, через моста калиновы, через Соловья розбойника. — Поедешь ты через Соловья розбойника, — купи коня, говорит, у суседа. И поведет он коня на базар, ты увидиш и останови; што он запросит, то й дай. — Запросил он по хресьянски десять рублей. Велел своему отцу оддать деньги. Оддал отец деньги. И кормил сын ево. И конь ево стал отъедатся и поправлятся и силы своей набиратся. И год кормил он ево и два, потом конь сильной больно стал.

Благословляется у своево отца ехать. Отец ему говорит: как ты, сын, тут проедёш? Никто не проходил, не проезжал. — Ну, благослови: поеду — што будет.

И поехал через рицьки ребиновы, через моста калиновы, через Соловья розбойника. И услышал Соловей розбойник, што едет богатырь — Осип Прекрасной, и сосвистал свистом в полсвиста. Пал ево конь на коленки. Ударил своево коня палицею (у богатырём были такие большие палки, вроде кнута). «Што ты, конь, али в лесу не бывал, лесной птичи не видал?» — Конь обретивился опять бежать и прытчее тово ешшо. Соловей розбойник услышал, што Осип богатырь не далеко едет, и сосвистал всем свистом. Конь упал на коленки. Ударил своево коня по коже, — кожа идет до ребра, рёбро до сердца. Обретивился конь бежать своим сердцем. И видно стало Соловья розбойника: на трех дубав у нево соловьино гнездо.

Увидел Осип Прекрасной Соловья розбойника, и натягает на лук каленую стрелу, пушшает Соловья в правой глаз. Повалил Соловья розбойника с дубу и из гнезда своево. Подскакал Осип Прекрасной, подхватил ево. — «Стой же ты, Соловей розбойник! Ты, лесная птица, не бывал в Росии; надо в Росию съездить!»

И причалил ево к стремену, и едет через рицьки ребиновы, через моста калиновы. И увидела дочи Соловья розбойника, говорит своим братовьям: гли-ко, братья! Вы лежите, тятенька наш старается: везет нам опять поисти. — Другая вышла, пушше розглядела: братья! Тятенька наш, говорит, привязан! — И они поднялись опять, осерчали. — Какой там нашово отца потребил? — Сильной богатырь Осип Прекрасной. — Вот они ему навстречу едут. Ужо отец отвечает имя: дети мои! Не ездите (рукой машет): пропадите и вы. — Они й не поехали на стричу ему. Зовут ево к себе, Осипа. — Он на это не согласился. — Поедем в Росию — повидать русково царя, — говорит. — Приезжает Осип в царский двор. Ужо все богатыри собрались от обидни. Приходят. Подал царь имя по рюмки. Выпили по рюмки и стали похваляться силой своей, и стали говорить: есть там у нас место непроходное через рицьки ребиновы, через моста калиновы, через Соловья розбойника. Кто у нас тут бывал? — Осип Прекрасной, молодой юнош сказал: я, говорит, кажется через те места бывал. — Двинадцать богатырей не поверили

ему. — Где тебе, молодому юношу бывать! — говорят. — Бывал, и Соловей розбойник, говорит, уже на царском дворце — Не поверили и этому, доложили царю. Царь узнал и допросил ево. — А'ли жо здись у тя Соловей розбойник? — говорит. — Здись, Ваше великое императорство! — Ну, когда здись — он тебя слушает? — Слушает, — говорит. — Приведи Соловья розбойника в комнаты мои и застав посвистати. — Бежал Осип Прекрасной за Соловьем, привёл ево в комнаты и взял он царя под правую пазаху, а царевну под левую, и зажал их, и приказал Соловью розбойнику свистеть. Соловей розбойник сосвистал — окна вышип. Говорит Осип Прекрасной: перестань, Соловей розбойник! — Он не слушавши ево. Как взял Осип Прекрасной шляпу с себя и ударил Соловья розбойника и ушип ево. 12 богатырёв пробовали ево выбросить за окно: царь приказал, — не мог ево никто взяти. Осип Прекрасной взявши и бросил ево; хотел в окно, и ударил промеж окон в простенок бутто, и прошип простенок этот. Царь благословил ево большим братом быть: всех сильнее он....

БОГАТЫРИ: АЛЕША ПОПОВИЧ И НИКИТА ДОБРЫНИЧ

Заводилася у нас скаска от куричей пляски, от свиньей винохой. Эта свинья-винохода доброво молодца ис беседы выживала. Она от ево сыта перебивала. Это не сказка — присказка. Стану лгать и врать. Штобы не мешать!

У нашево Петра Михайлыца заводился бал. До полу сыти наелись, до полу пьяны напивались. Стал бал на веселе. Пишет тур турецкой и король королецкой и нашему Петру Михайлыцу, белому царю, письмо нерадошное: всю ево землю испроиду, ево в полон возьму и ево жену изнасилываю.

И пишет нам белой царь, по своей черности: не найдется ли таких то споединшиков на Идола Идолыча, — ис тех то ис хрестьян из рядовых и из мешшан, ис попов и ис дяков, из нисшей обрати? И приехали споединшики, два брата: Алеша Поповиц, Микита Добрыниц, два братца родные: и матери разные и отца не одново. И приехали к белому царю к полатами, и коней не привязали и никому не приказали, и — сами к белому царю в полаты.

— Здравуйте, наш белой царь и не печальтесь и не кручиньтесь: дело по нашему будет. — Наш белой Царь выходит со слугами и подносит этим споединшиками зелена вина полтора ведра десятишнюю цяшу, и обем руками со слугами: испей ка, Алеша Поповиц! — Алеша Поповиц одной рукой принимает, на один дух выпивает. — Поднеси-ко, говорит, наш белой царь, Миките Добрыницу, обем руками и со слугами. — Добрыня на один дух выпил и соловьем сосвистал: наш белой царь не пецался, не кручинься: дело все по нашему выйдет. Вынес наш белой царь седла немецкие, патпруги шелковы. Стали на коней накладывати седла — изо всево Петенбурху окольницы и выпадали, ис церковей кресты повалились. Зделался шум. И стал белой царь наказывати и етим жо молодцам: вы, молодцы, государевы стрельцы! — говорит. — Вы поедете — на заповедных лугах коней не кормите; есь по етим по лугам поедете, и не дадут по етим лугам звирю пробежать и не дадут птици пролететь. Звирь побежит — траву стопчет, а есь птица пролетит — траву засерет. Они ехали, серяд лугов шатры роскинули

и придумали коней покормить. Есь зверь побежит — травы мало по-
топчет, а птица полетит — много травы засерет. Шатры раскинули и
здумали отдохнуть. И Олѣша Поповиц лег отдохнуть, а Микита Доб-
рыниц по лугам погулять пошел. В ретивое в сердце входит и тугой лук
натягает и спускает каленую стрелу к Ыдолу Идолыцу. 90 верст не
доехавши в палаты к Ыдолу Идолыцу. И зашумело-загремело. И пробу-
дился Алѣша Поповиц. — Што? Малой братишка пошутит? — говорит.
И пошел он погулять по лугам. В ретивое сердце входит, тугой лук натя-
гает, калену стрелу спускает за 90 верст. И оторвало полпалаты. Выхо-
дит Идол Идоловиц. Што же? — говорит. — Над нам пошутит? Или
Бог или раб у нас оторвал полпалаты. — И воротилса назад в палаты. Я
не могу сказать, говорит, кто пошутит: Бог или раб. Ежели, говорит,
кабы Бог пошутит, так сделался бы дош и гром и туча-погода; стало
быть раб поиграл над нами за то што белому царю напрасленные на-
шли. — Они приехали к палатам Идолыца вдруг — Алѣша Поповиц и
Микита Добрыниц. Коней не привязали и никому не приказали и сами
к Ыдолу Идолыцу в палаты взошли. Богу — помолились, на все сторо-
ны четыре поклонились. — Здрастуйте, Идол Идолыц! Мы молодцы и
приехали к вашим полатам, коней не привязали, никому не приказали.
Здрастуй, наш Идол Идолыц! — Он и говорит: принеси ко те мне
семеры вилы: здыните мои брови: я погляжу на их. — Знели ево брови
семерым вилам; он и поглядел на них. — Я на одну руку посажу, и с
коням, говорит, другою хлопну: одна грязь будет! — Олѣша Поповиц и
говорит: малой братишка?! Поди да возьмись за шелковой поясишко.
Он и подходит. Одной рукой и принимается, мизинцем, за шелковой
ево поясишка. Поднял он выше себя, в пол ево воткнул головой. А он
не велик: три аршина в крыльях (крыльца — плѣца), — палтара арши-
на во лбу, три четверти нос. И таперица поднял он ево выше себя,
воткнул в пол, говорит ево помощникам: возьмите посыплте ево труп:
пускай свиньи наедятся... Приходит и к помощнику, берѣт ево за шею:
тебе, говорит, это жо будѣт, што Идолу Идолыцу пришло! — Он и
засулился белому царю. Што, говорит, вам угодно, какую дань, такую
и заплатю, говорит. — Ежели, говорит, нашему царю заплатите дань
сорок сороков силы полков, сорок сороков казны несметной: у наше-
во у Петра Михайлыца сила вся шла от Идола Идолыца... Идол Идо-
лыц дань заплатил белому царю...

У нашево у Петра Михайловица заводился бал. До полусыта на-
елись, до полупьяна напивались. Пили и пировали и на верхних покоях.
И я тут пировал, и я зделался пьян. И пошел с верхних покоев, и упал
я по лиснице. И во дворе, ходят конюхи, и спрашивают меня: што тебе
надо? — А мне бы надо лошатку. — Какую тебе дать лошатку?. Дать тебе
лошатку костяную, — ты, говорят, загониш ее; давай я тебе дамь лошат-
ку леденую. И я на лошатке еду — под гору больно хорошо еду, а на гору
сам волоку. И к деревне под гору подъезжаю. Зделался пожар. И доезжаю
до саво до пожару. И была у меня шапка с пухом, рукавицы мои были
берестяные и узда коноплянная (на лошади), плетка была гороховая.
Приехал я — лошатку привязал: лошатка с жару ростаяла, шапка с пухом
пыхнула, рукавицы берестяные — головешки таскал — скорчило их, узду
коноплянную воробы обили, а плетку гороховую голуби оклевали. И
пошел я с пожару, заплакал: ехать не на ком стало: лошатка с жару рос-
таяла, шапка и пр. (как выше). Не при чом остался.

* * *

Зеленина Д. К. «Великорусские сказки Вятской губернии». Пг., 1915. С. 298 — 303.

Сказка «Богатырь Осип Прекрасный» записана от крестьянина починка Епихова, Колобовского прихода (вблизи с. Лобани) Нолинского уезда, Харитона Федоровича Гребенкина. Сказка «Богатыри: Алеша Попович и Никита Добрынич» — от крестьянина дер. Ожоговский починок, Немского прихода Нолинского уезда, Моисея Власовича Колопова. М. А. Колосов напечатал их в Сборнике Отделения русского языка и словесности АН, т. 17. СПб., 1877, № 3. По его замечанию, «это — былина в прозаической форме».

В. А. ПОЗДЕЕВ

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ОНЧУКОВ

(1872—1942)

Известный собиратель и исследователь фольклора, этнограф, журналист и педагог Н. Е. Ончуков родился в марте 1872 года в г. Сарапуле Вятской губернии в семье торговца мехами. Его мать, Мария Владимировна, вскоре после родов умерла, и он остался на попечении деда и бабушки. Судьба преподнесла Н. Е. Ончукову множество испытаний: тяжелая болезнь отца, пожар родного дома, болезнь и смерть любимой бабушки. В Сарапуле он начал учиться в приходской школе, а затем в школе лекарственных помощников (фельдшерской) в Казани. В 1892 г. едет с отрядом медиков на борьбу с эпидемией в Сарапульский и Чистопольский уезды. Затем пять лет служит по медицинской части в Казанской, Вятской и Пермской губерниях. В это время у Ончукова проявляется интерес к народному быту. Появляются его первые публикации в местных периодических изданиях.

В 1898 г. Н. Е. Ончуков переезжает в Петербург, где начинается его сотрудничество с этнографическим отделением Императорского Русского географического общества (РГО). С 1900 по 1907 г. Ончуков совершает ряд экспедиций по Северу Рос-

Илл. 94. Н. Е. Ончуков

Пг., ина-нс-ле-кий Ко-ого-ию, сии: в Пермскую, Архангельскую, Олонецкую губернии. Первая «чердынская» экспедиция принесла признание Ончукову как этнографу: он был награжден серебряной медалью РГО. Итогом печорских экспедиций стал сборник «Печорские былины» (1904), за который Н. Е. Ончуков был награжден малой золотой медалью РГО.

В 1901—1904 гг. Н. Е. Ончуков обучается в Археологическом институте. В 1908 г. выходит еще один большой по объему замечательный сборник «Северные сказки» (37 п. л.), в котором представлен сказочный материал, собранный в разных губерниях Русского Севера с 1884 по 1907 г.

В 1908 г. Ончуков приезжает в г. Сарапул. В родном городе он был избран гласным в городскую думу, начал издавать газету «Прикамская новь», принимал участие в создании Сарапульского земского музея, Общества изучения Прикамского края (1913), которое выпускало «Известия общества Прикамского края» (до 1917 г.). Именно в этот период Н. Е. Ончуков подготовил и издал «Северные народные драмы» (1911) — это был один из первых сборников, целиком посвященный народной драме.

В 1917 г., вероятно с белой армией, Ончуков покидает Сарапул. С 1920 г. он учится в Иркутском университете на историческом факультете, участвует в экспедиции по Забайкалью. С осени 1922 г. Ончуков преподает в Пермском университете. В этот период он побывал второй раз в Чердынском уезде с экспедицией. В декабре 1924 г. Ончуков перебирается в Ленинград, где работает преподавателем на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского университета, а также исполняет обязанности секретаря фольклорной секции «Живая старина». В 1926—1928 гг. он по заданию Сказочной комиссии выезжал в экспедиции на Урал и в Олонецкую губернию, однако материалы последних экспедиций остались неопубликованными.

В 1931 г. Н. Е. Ончуков был арестован и сослан в г. Никольск (ныне Вологодская обл.). После освобождения А. М. Горький помог ему поступить научным сотрудником в Институт речевой культуры, где он работал над «Словарем русского языка», однако 30-е годы стали самым тяжелым периодом его жизни.

В 1934 г. Н. Е. Ончуков переезжает в г. Пензу, где, получая маленькую пенсию, подрабатывал в местной печати, библиотеке. В 1939 г. он снова был арестован и осужден на 10 лет лишения свободы. В лагере, на торфоразработках, 5—6 марта 1942 г. Н. Е. Ончуков умер.

Хотя вятский материал в работах Ончукова представлен в сравнительно небольшом объеме, его творческая деятельность как собирателя и исследователя фольклора Севера России исключительно велика.

В. А. ПОЗДЕЕВ

СКАЗКИ РОДНОГО КРАЯ

Что такое сказка? — мы задаем этот вопрос себе еще в детстве, когда слушаем чтение взрослых или уже сами пытаемся пробраться сквозь занимательные истории и сюжеты о том, почему все-таки лиса съела колобок, а в другой сама обманута журавлем, как Иван-царевич искал свою невесту в тридевятиом царстве и какие трудные задачи ему пришлось выполнять, чтобы обрести богатырского коня, оружие. Сказку сразу узнают среди других произведений устного народного творчества, потому что многие знают, что «сказка — складка», сказка — только плетение словес, игра ума, фантазия, откровенная неправда. А. С. Пушкин заметил: «Сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Народ мог выражать свои мысли очень точно, метко и ярко как в пословицах, так и в сказках: «Красно поле рожью, а речь ложью (вымыслом)» или «Красна песня ладом, а сказка — складом».

Сказки в каждую эпоху живут своей особой жизнью, они не стареют, хотя возникновение их уходит глубоко в древнюю историю не только русского народа, но и в то время, когда славянские племена только формировались, а, может быть, еще древнее. Откуда у сказок такая власть над временем? Есть, наверное, в сказках устойчивые, как бы «вневременные» этические, эстетические истины, выраженные, кстати, и пословицами. Сказку с пословицей сближает необычайная широта содержания в них художественного обобщения. Однако, в сказках важен не только внутренний смысл, но и сюжет, который держит слушателя в напряжении, хотя он может быть нарочитым нагромождением нелепостей или невообразимым вымыслом. Сказочное повествование интересно тем, что в его основе лежит иносказание, приложенное к разным жизненным случаям. Крут жизненных явлений, о которых повествует сказка, очень широк, но все они развивают одну мысль «что есть добро и что есть зло?»

Мысль народа и глубокая идея, по существу, способны жить веками почти без изменений, так, как они выстраданы, осмыслены опытом народа и облачены в совершенные формы сказки или пословицы, можно сказать, что они построены по законам художественной логики.

Могут меняться от эпохи к эпохе детали и подробности сказки в зависимости от социальных и бытовых изменений в жизни народа (что в фольклористике именуется тематическими, сюжетными, композиционными элементами), но суть сюжетной основы сказки сохраняется.

Сказки — это значительная часть народной прозы, в которую помимо сказок входят предания, легенды, былички, сказы, анекдоты. Но и сказки не однородны: есть сказки волшебные, о животных, социально-бытовые.

Через многие века человек пронес древнейшие сказки о животных. Они возникли как мифы или правдивые рассказы об окружающем мире, о природе и многих явлениях действительности, с которыми сталкивался человек и не мог объяснить их. Эти рассказы той поры наверняка представляли собой несложные сообщения опытных людей о тех случаях, которые происходили на охоте, рыбной ловле, о повадках обитателей лесов, лугов, рек и озер, которые приходилось наблюдать охотникам и рыбакам.

Почитание и одушевление природы, представление о происхождении какого-либо человеческого рода от того или иного животного и растения вызывали у древнего человека религиозный трепет перед ними, они становились «тотемами» — божеествами рода, которым поклонялись, которых запрещалось убивать.

Сказки о животных, которые записывались в XIX в. в России и Вятской губернии, а сейчас чаще всего бытуют в детской среде¹ совершенно иные, чем те рассказы мифологического характера. В них есть и иносказание, и аллегоризм, и закрепление за известными персонажами определенных черт, и социальная сатира. В начале XX в. Д. К. Зеленин отмечал, что «в недавнем прошлом, когда школ на Вятке было весьма мало, рассказывание таких сказок детям было очень распространенным явлением. Рассказывают обычно старушки-бабушки, няньки, родственницы и чужие.»² В Вятском крае, как и по всей России, особенно популярны сказки «Кот и лиса», «Петушок и жерновки», «Волк и лиса», «Звери в яме» и др. Особое место занимает сказка «Ворона», в которой помимо перечисления многих местных птиц и их повадок есть очень интересная и поучительная информация об устройстве судопроизводства в дореволюционной России.

В древние времена человек, пытаясь объяснить неизвестные ему явления природы, создал различные культы, верования, в которых он мыслил себя частицей великой матери-природы. Человек предполагал, что у всех окружающих его предметов свой язык: животные и птицы говорят на своем языке, деревья — на своем; что все вокруг — живое, имеющее «душу»; что умершие люди уходят в другой мир, который находится на небе или под землей, и что умершие могут влиять на судьбы живых людей.

Вера древних людей в то, что можно чудодейственно влиять на окружающую действительность посредством «магии», которая заключалась в определенных действиях, словах-заклинаниях, в каких-то вещах: в еде, питье, одежде, растениях и т. п. во многом определяло особенности древних мифов. Мифологические и магические понятия, представления и обряды древнего человека постепенно отразились и в художественном мире сказок. Вымысел и фантастика сказок, непонятные поступки героев во многом обусловлены и объясняются обрядами жизненного цикла человека: рождение, посвящение (инициация), брак, смерть.

Так же как и всюду, на Вятке большой популярностью среди взрослых и детей пользуются столь же древние волшебные, или чудесные, сказки. В этих сказках герои преодолевают огромные пространства в поисках невесты или суженой и в мгновение ока строят невиданные дворцы и целые города, а звери и птицы говорят человеческими голосами и помогают героям. Древним человеком были придуманы живая и мертвая вода, молодильные яблоки и многое другое, что в его понимании исцеляло, приобщало к иному миру. Уходя своими корнями в глубокое прошлое, они в какой-то мере отразили тот уровень сознания и быта людей давнего времени, но сказка не застывшая система, она вбирает в себя все изменения, поэтому волшебные сказки полностью определились как жанровая разновидность в период феодализма. Именно в эту пору волшебная сказка, благодаря стараниям профессиональных рассказчиков-бахарей, которые развлекали — «сказки баяли», получает пышное словесное оформление. Создается особый мир волшебной сказки со своими персонажами: герой — так идеальный Иван-царевич, или Иван-крестьянский сын, или Иван-дурак, который в конце представит прекрасным молодым человеком, противник — так злое чудовище — Кощей Бессмертный, Баба-Яга, Змей Горыныч. События происходят в неведомых странах и великолепных дворцах, происшествий и герои их, безусловно, далеки от настоящей действительности — они плод вымысла, художественной фантазии народа, который тем самым восполнял потребности в приключениях, в авантюрах.

Развитие городов, социально-экономических отношений в России нашло свое отражение в содержании сказок и в системе персонажей: появляется не столько идеальный герой, сколько удачливый, находчивый, смекалистый, хитроватый, но достигающий все же своей цели с помощью все тех же волшебных предметов и чудесных помощников. Однако, это еще не персонажи социально-бытовых сказок, которым присуща сатирическая заостренность.

Социальная сатира во многом близка сказкам третьей разновидности, которые в науке именуются социально-бытовыми. Они возникли гораздо позднее сказок о животных и волшебных сказок, вероятнее всего на основе каких-то рассказов о повседневной реальности, но с установкой на вымысел.

В них отразились представления народа о богатстве и бедности, справедливости и коварстве, лени и трудолюбии, о супружеской верности и неверности и др. В вятских сказках события, которые, как правило, совершаются в обыденных условиях, просты и незамысловаты, не имеют сложных хитросплетений. Почти все персонажи преимущественно являются жителями сельской местности или ремесленниками, солдатами и отличаются не только недюжинной силой и умением хорошо трудиться, но и большим умом, находчивостью, сноровкой. Как справедливо писал В. Г. Белинский, в таких сказках «виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия, и этот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»³.

Вятские сказки этой группы богаты по содержанию, они включают в себя произведения самой разнообразной тематики. Это и сказки, рассказывающие о взаимоотношениях между членами патриархальной семьи, и между супругами, а также сказки, высмеивающие представителей эксплуататоров и служителей церкви, человеческие пороки и недостатки. Однако в них нет пессимизма, обреченности. Вера в свои силы, в добро, оптимизм — основной пафос этих сказок.

Все разновидности сказок бытовали и отчасти бытуют в Вятском крае, подтверждением тому стали публикации сказок в ВГВ и других периодических изданиях XIX в., сборник Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии», публикации И. А. Мохирева, В. А. Бердинских. Современные записи сказок есть в архивах Л. В. Дьяконова, кафедры русского народного творчества МГУ, кафедры литературы ВГПУ, в других, в том числе и частных архивах⁴.

Академик С. Ф. Ольденбург, председатель Сказочной комиссии Русского географического общества, в начале XX в. отмечал, что «среди современных собирателей русской народной сказки Д. К. Зеленину принадлежит, бесспорно, одно из ведущих мест: прекрасный знаток местных говоров, редкий знаток великорусского быта нашей деревни, опытный собиратель и разносторонний исследователь, он хорошо известен своими работами по русской этнографии. Тем ценнее и любопытнее его сборники сказок»⁵.

В сборнике Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» (Пг. 1915) представлены сказки, бытовавшие в 60-х

годах XIX — начале XX вв. Как и в сказках других губерний (например, в пермских, вологодских, архангельских), в вятских можно найти очень древние сюжеты, распространенные не только в русском, но и в мировом сказочном фольклоре: «Три царства: медное, серебряное и золотое», «Волшебное кольцо», «Купеческий сын и его невеста-волшебница», «Про Никиту Волокиту», «Про лева-зверя (Звериное молоко)», «Чудесная утка», «Про орла (Морской царь)», «Беспечальный монастырь» и др. восходят к древнеиндийским, восточным и античным источникам, такие сюжеты в науке называют «бродячими». Однако многие поколения народных сказочников шлифовали их, и эти сюжеты обрели такое национальное своеобразие, которое создает ощущение «русского духа», удивительной гармонии бытовых и фантастических деталей. Здесь отразилась психологическая особенность русского человека, и, поистине, сказки стали гордостью русской народной культуры.

«Великорусские сказки Вятской губернии» — это кропотливый труд не только самого собирателя и исследователя, который начал собирать их еще будучи студентом Юрьевского университета (ныне г. Тарту, Эстония), но и многочисленных его корреспондентов, таких как священники Н. Н. Блинов и В. Покровский, дьякон А. В. Покрышкин, профессор М. А. Колосов, преподаватель В. Г. Егоров и воспитанники Елабужского реального училища, студент Т. К. Борисов, учительницы Е. В. Попова и Е. А. Кострова, слушательница курсов в Петрограде Л. В. Курочкина, крестьянин М. И. Сунцов. Некоторые из этих записей уже были опубликованы в периодических изданиях. Всего в сборник вошло 133 сказки: 90 записано Д. К. Зелениным, другими — 43, из них 6 вотяцких (удмуртских). География записи также обширна. Представлены сказки из Вятского, Елабужского, Котельничского, Малмыжского, Орловского, Сарапульского, Слободского, Уржумского и Яранского уездов, хотя, как мы видим, это далеко не все уезды Вятского края. Д. К. Зеленин, изучив публикации и архивы, приводит перечень сказок, не вошедших в сборник, этот перечень насчитывает 35 сказок и 4 легенды.

Д. К. Зеленин и другие собиратели отмечали кажущуюся «бедность» Вятского края сказками. По их мнению, «народная сказка, в противоположность песне, живет вообще, так сказать, более домашнюю, семейною жизнью: сказки слушаются почти исключительно в тесном семейном кругу, чаще всего одними детьми от бабушки. Хорошему сказочнику, таким образом, негде получить известность»⁶. Однако Д. К. Зеленин, как талантливый собиратель, записал сказки и от «профессионала-сказочника» нищего-весельчака А. Т. Краева, который любит

рассказывать сказки на деревенских свадьбах, и от катанщика валяной обуви А. Х. Селезенова и от крестьянина, занимавшегося отхожим портняжным промыслом, Н. И. Козлова и других.

В репертуаре вятских сказочников многие сказки напоминают авантурные рассказы, в которых встречаются удивительные путешествия, необычные приключения, разрешение трудных задач, раскрытие ловких обманов, но это все происходит не только с помощью волшебных сил или чудесных помощников, но и ума и смекалки. Это не удивительно, потому что сказочниками, по большей мере, являлись бывалые солдаты: Бледных, Власов, Пуртов, Зубарев, да и в сказках даже самых талантливых, по мнению Зеленина, сказочников Верхорубова и Краева есть герои солдаты. Главными же героями этих сказок оказываются не только находчивые солдаты, но и младшие братья, презираемые старшими, бедные мужики, которые с честью выходят из самых затруднительных ситуаций. Мы видим, что вятские жители, умеющие и дом построить, и печку сложить, и сапоги сточать, и одежонку сшить, преодолевают все препятствия и не унывают. В сказках с ярким народным юмором показаны незадачливые господа и офицеры, попы и купцы, немало камушков брошено и в царственных особ.

Удивителен язык сказочников, в нем выражено богатство диалектных слов, метких выражений. Мы чувствуем, как сказочник «играет» словом, старается как можно точнее его подобрать или даже создать новое. И не будь других записей народной вятской речи, сборник сказок Д. К. Зеленина отразил бы все ее многообразие, а также самобытный нрав вятских мужиков, их быт и обычаи.

Сборник «Великорусские сказки Вятской губернии» представляет большую научную ценность, потому что в нем со всей тщательностью описаны сюжеты сказок и сопоставлены с имевшимися в то время публикациями, дан предметный указатель, словарь областных диалектных слов. В предисловии дана широкая характеристика бытования сказок в Вятской губернии, их жанровый состав, характеристика различных сказочников.

Записи сказок начала XX в. и современные записи фиксируют тенденцию к сближению их с несказочной прозой, влияние на их сюжетосложение оказывают лубок, классическая литература и средства массовой информации. Происходит изменение сказки: она наполняется какими-то деталями современной быта, повседневной реальности, а с другой стороны — потребность в сказочной фантастике (особенно в детской аудитории) заставляет сказочников усиливать элемент вымысла художественными средствами других видов искусств⁷.

Представленные в настоящем разделе сказки Вятского края взяты именно из сборника Д. К. Зеленина, они в полной мере позволят читателям познакомиться с этим замечательным жанром народного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Е. Добровольская отмечает, что только в ходе двух экспедиций кафедры устного народного творчества МГУ в 1991 г. в Котельничский район записано 45 сказок о животных и репертуар мало чем отличается от сказок в сборнике Д. К. Зеленина (см.: Добровольская В. Е. Сказочная традиция Котельничского района Кировской области в прошлом и настоящем // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова). Тезисы докладов и сообщений II научной конференции. Киров, 1992. С. 222—223.

² Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915. С. XXV.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 668.

⁴ Подробнее см. «Из истории собирания и изучения вятского фольклора» в настоящем издании.

⁵ Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Т. 64. № 8. С. 304.

⁶ Зеленин Д. К. Кое-что о сказочниках и сказках Вятской губернии // Великорусские сказки Вятской губернии. — С. XIII.

⁷ См. Добровольская В. Е. Указ. соч. Ее же. Сравнительный анализ предметных реалий волшебных сказок Кировской области в прошлом и настоящем // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 400—402.

1. ВОЛК И ЛИСА

1. Жил да был волк с лисой. У волка была избушка ледяная, а у лисы лубяная.

Пошла лиса по водичку. И вот, едет извоз — значит, с рыбой были воза. Лиса и забила в воз и выбрасала из воза рыбы. Пришла домой и говорит: «Куманек, я ходила по воду и прорубила прорубь и наловила рыбы: свой хвост опустила, хвостом-то и наловила».

2. Волк и говорит: «Пойдем-ка, кумушка! и я бы половил!» — И пошли они с волком к реке рыбу ловить. Пришли. Лиса волку и говорит: «Отпускай, значит, хвост-то в прорубь!» Отпустил волк хвост. Лиса и говорит: «Мерзни, мерзни у волка хвост!» — Волк спрашивает: «Чего ты, кумушка, говоришь?» — «Я вот говорю, что на небе больно ясно!» Лиса ему в ответ: «Глубже, глубже отпускай хвост-то, больше наловишь рыбы-то». И еще говорит: «Мерзни, мерзни у волка хвост!»

У волка весь хвост и вмерз. Ехали мужики. Лиса убежала, а волка оставила. Мужики приехали, значит, волка и убили.

2. КОТ И ЛИСА

1. Жил да был старик. У него была кошечка неумоёчка, да был кот булыка. И этот кот ушел лыка рубить, а кошечке наказывал: «Кошечка, не гляди в окошечко и не высовывай лапochку». — Он ушел за темны леса, за зыбучи болота, и он нарубил лык много, пришел с лыком. — «Кошечка, отвори!» Кот, значит, кошечке велит отворить. — Ну, она отворила, пропустила его.

На другой день он опять собирается лыка рубить, кошечке наказывает: «Кошечка, не гляди в окошечко и не высовывай лапochку: прибежит лиса и утащит тебя». — Кот ушел в темны леса. И прибежала лиса. — «Кошечка, погляди в окошечко», — лиса говорит. Кошечка в ответ: «Кот мне не велел глядеть в окошечко». — «Да хоть лапochку выставь». — «И лапochку не велел высовывать».

2. Сейчас кот пришел из леса с лыком и утром опять собирается в лес; кошечке забыл наказать, чтобы не глядела в окошечко и лапochку чтобы не высовывала. Сам опять ушел лыка рубить. Лиса и прибежала: «Кошечка, погляди в окошечко!» — Кошечка поглядела в окошечко. Лиса как схватила кошечку и потащила. Кошечка и заревела: «Понесла меня лиса за темные леса, за зыбучи болота». — Кот услышал, бросил лыка, побежал домой и ревел, ревел о кошечке, ну и думал, как бы кошечку воротить.

3. Сдумал он гусли делать лубеные; сделал и пошел к лисе за кошечкой. Пришел, сел на порожек и стал играть в гусли: «Трень, трень, гусельцы! Трень, трень, липовые! Дома ли лиса во своем гнезде теплом? сынок у нее Терешечка, другой Верешечка?» — Лиса и говорит: «Позовите его поближе; больно он баско поет». Очень уж понравился лисе.

Кот сел у кустика поближе и опять стал петь и играть так же. Лисе еще пуще понравилось, еще ближе велела посадить кота. А кошечка сидит на столбичке у печки.

Котик сел к столбичку, поглядывает на кошечку и кошечка на него. Схватил кошечку и побежал кот с кошечкой. И стали они жить-поживать с кошечкой.

3. ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ

1. Жил был старик со старухой. У них были: петух, да курица, да жерновки. Старик да старуха умерли. Остались одни петух, курица да жерновки.

Петух соскочил на окошко и поет. Ехал в то время барин и сказал: «Что же — изба пустая, а петух поет?» — Барин сказал: «Стой, ямщик, я туда схожу!» — Барин вошел в избу, увидел на полу жернова, взял и понес жернова. Петух с барином полетел: «Отдай, барин, жернова!» — Барин не отдал жернова, поехал.

2. Петух за ними полетел. Летит и поет: «Отдай, барин, жернова!» Барин приехал домой, и петух прилетел и поет: «Отдай, барин, жернова!» На воротах поет.

Барин велел слугам поймать петуха и бросить его в колодез. Когда его бросили в колодез, петух и закричал: «Пей, петух, воду!» — всю воду выпил из колодеза. Вылетел петух из колодеза и опять поет: «Отдай, барин, жернова!»

Барин велел бросить петуха в печь. Петух в печи закричал: «Лейся, вода, из брюха! Заливай огонь!» — Петух залил все.

3. Барин велел зажарить петуха. Барин съел петуха. Петух выскочил из брюха барина и опять закричал: «Отдай, барин, жернова!»

Тогда барин осерчал и закричал: «Ташите, слуги, топор, отсечем ему голову!» — Как хотели по голове петуха шваркнуть, да угадали по барину и засекали барина. Петух и вылетел.

4. Барыня заревела и велела жернова увезти, откуда их привезли. Петух за ними опять полетел. Увезли жернова и в избу поставили. Петух и курица опять собирают колоски и мелют жерновами.

4. БАБУШКА ДА ОТОПОЧЕК

1. Бабушка ходила с отопочком собирать, выпросилась ночевать у мужика, отопочек положила к печи в залавочек к курицам. Поутру встала, Богу помолилась и курочку просит: «Где-то курочка у меня?» — Мужик сказал: «Ведь у тебя отопочек». — Они заспорили. Старуха переспорила, взяла курочку и пошла дальше.

На другую ночь опять выпросилась к мужику. Курочку посадили к гусям. Поутру встала старуха и говорит: «Где-то у меня гусь?» — Мужик сказал: «У тебя, — говорит, — курица была». — Старуха переспорила, взяла гуся и пошла дальше.

Опять выпросилась ночевать к третьему мужику. Гуся посадила к барашкам. Утром старуха спрашивает: «Где-то у меня барашек-то?» — Мужик и говорит: «У тебя ведь был гусь». — Старуха переспорила, взяла барашка и ушла.

2. Опять выпросилась ночевать к четвертому мужику, барашка посадила к быкам. Поутру и спрашивает: «Где-то у меня бык-то?» — Мужик спорил, спорил и отдал ей быка; да еще она выпросила у мужика хомут, дугу, вожжи и запрячь велела; поехала на быке, приговаривая: «Пруски, пручек! По дорожке тычек, сани не наши, хомут не свой, погоняй не стой».

3. Попал ей навстречу заяц и спрашивает: «Куда, бабушка, поехала?» — «На море, море чертей корчить». — Опять этак понукает. Попал навстречу волк и спрашивает: «Куда, бабушка, поехала?» — «На море, чертей корчить», — бабушка отвечала. — «Возьми меня», — волк попросился. — «Садись задом на копыл».

Попал потом навстречу медведь и спрашивает: «Куда, бабушка, поехала?» — «На море-море чертей корчить». — «Возьми меня», — медведь сказал. — «Садись задом на копыл».

4. Поехали. Ехали, ехали, изломалась оглобля. Бабушка посылает в лес зайца за оглоблей: «Пойди, принеси оглоблю». — Заяц принес листочек. — «Что это? Какая оглобля будет?» — говорит бабушка. — Послала волка за оглоблей в лес. Волк принес сучок. — «Какая это оглобля?» — говорит бабушка. — Послала медведя, медведь вывернул сосну с корнем и принес. — «Куда эку лесину! Не увезти будет».

5. Пошла сама в лес искать оглоблю и велела караулить быка. Медведь, волк, заяц выпороли у быка брюшину, соломы насовали в то место. Бабушка принесла оглоблю и запрягла быка, и стала понукать, бык у нее не идет. Она его потолкнула, бык и упал; тогда она увидела, что у быка-то брюшина выпорота.

5. ВОРОНА

Жил да был старик со старухой. Поехал об Офонасьеве дни в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-поехали, по ногам дорогой. Хлебесь кобылу бичом троеузлым. Угнал, думаю, верст пять-шесть, оглянулся: тут и есть (еще и с места не подался). Дорога худая, гора крутая, телега немазанная.

Ехал попоехал, до бору доехал. В бору стоит семь берез, восьмая сосна, виловата. На той сосне виловатой кокушица-горюшица гнездо свила и детей свела. Негде взялась скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портяное подоплечье, суконный заворотник, нос крючком, глаза по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила, детей спогубила и в землю хоронила.

Пошла кокушица, пошла горюшица с просьбой к зую праведному. Зуй праведный по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромятные коты. Наряжает синочку-россылочку, воробушка-десятника к царю-лебедю, к гусю-губернатору, филину-архирею, коршуну-исправнику, грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву польскому — старосте мирскому.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, филин-архирей, коршун-исправник, грач-становой, ястреб-урядник, тетерев польской — староста мирской, синочка-россылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайна полиция: сыч и сова, орел и скопа. — «Что есть на белом свете за скоробогатая птица, погуменная сова, белы бока, голубые глаза, портяное подплечье, суконный заворотник?»

И добрались, что ворона.

И присудили ворону наказать: страхнули ко грядке ногами и зачали секчи по мягким местам — по ледвеям. И ворона взмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрашивайте!» — «Кто у ты есть свидетель?» — «У меня есть свидетель воробей». — «Знаем мы твоего воробья, ябедника и клеветника и потаковщика. Крестьянин поставил нову избу — воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу затопляет, тепло в избу пропускает, а воробей на улицу выпускает... Неправильного свидетеля сказала ворона!»

И ворону наказывает пуше и того.

И ворона взмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрашивайте». — «Кто у ты есть свидетель?» — «У меня есть свидетель — жолна». — «Знаем мы твою жолну — ябедницу, клеветницу и потаковщика! Стоит в раменье липа, годится на божий лик и на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит; дождь пошел, липа изгнила, не годится на иконостас; после того и лопаты из нее не сделати. Неправильного свидетеля опять сказала!»

И пуше того ворону стегают по ледвеям и по передку.

Опять ворона взмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрашивайте!» — «Кто у ты есть свидетель?» — «У меня есть свидетель последний — дятел». — «Знаем мы твоего дятла — ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огород: дятел прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил: дождь пошел, огород расселся и развалился: крестьянин скот на улицу выпускает, дятел в поле пропускает!»

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки: «Из-за кокушицы — из-за горюшицы, из-за ябед-

ницы я, ворона-праведница... Ничем крестьянина не обижаю: по утру рано на гумнешко вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю — тем себе и пишу добываю! Она — кокушица, она горюшица, она — ябедница, она — клеветница! Крестьянин нажал один суслон — кокушица прилетит и тот одолбит! Больше того — под ноги спустит!..»

И выслушали воронины слова. И ворону подхватили, в красный стул посадили. Кукушицу-горюшицу, в наказание ей, в темный лес отправили на тридцать лет: поглянется — живи весь век!

И теперь кокушица в лесу проживает, и гнезда не знает.

6. ВОЛК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Жили-были, поживали, добра наживали волк и медведь. Вот медведь говорит волку: «Давай-ка, брат, наломаем сучьев да состроим шалаш на зиму!» А волк отвечает: «Обойдемся и без сучьев; давай лучше яму в земле рыть». Медведь согласился, и стали они рыть яму.

Вот рыли они, рыли, вырыли глубокую-преглубокую яму. Волк говорит: «Теперь давай ходы делать». Стали делать ходы и разошлись в разные стороны. Вдруг медведь увидал: что-то блестит наверху; видит: золото блестит; подошел, взял он его да и уронил нечаянно; а оно было тяжелое — как стукнется об землю, и вдруг из золота зайцы появились.

Вот медведь давай их есть. Ел, ел, всех переел, растолстел и не может выйти из норы. Стоял он, стоял, да захотелось ему спать; лег он, слушает, а зайцы в брюхе у него разговаривают: «Давайте, — говорят, — прогрызем у него брюхо да и вылезем!» Медведь испугался и говорит: «Не грызите, милые мои, меня, а то я умру ведь! Я лучше вас вырыгну!» Зайцы отвечают: «Ну, ладно». Он их и вырыгнул.

Вдруг идет волк. Тем временем медведь опять похудел и думает: «Надо чего-нибудь поесть!» Взял и съел волка. «Ну, — говорит, — теперь я тебя не выпущу!» И лег спать.

Уснул, а волк-то взял да и вылез из рота медведя на волю и говорит про себя: «Ну, надо теперь отплатить ему!»

Давай рыть кверху отверстие, вылез на свет, обрадовался и пошел к лисе-куме в гости.

Пришел, рассказал ей все; она и говорит ему: «Пойдем! Он сейчас спит ведь, я придумаю дорожку, что сделать ему».

Слезли через отверстие к медведю. Лиса взяла ножницы и распоролла ему брюхо, насовала туда шишек еловых и зашила, а сама ушла с волком домой, и стали они жить-поживать.

А медведь проснулся, встал, пошел к реке напиться, оступился да прямо в воду бух! А шишки-то легкие, вот его и понесло по реке. Так и унесло, не знаю куда.

7. ПРО ЮРУ

(Диво дивное, чудо чудное)

1. Служил солдат на службе 25 лет, а домой ему отпуска нет. Стоял он в карауле, поставил ружье в будку, взял свой тесак и сбежал. Вышел за город и пошел по берегу одной реки. Дошел до лесу, смотрит: купаются три красавицы. Все лицом одинаковы и платья у всех

одинаковы. Он взял у одной платье украл и спрятал его под дуб, а сам улез на дуб и смотрит. Когда они выкупались, вышли из воды, две красавицы надели на себя платья, обернулись лебедями и полетели, а третья стала искать свое платье и говорит: «Кто мое платье украл — если молодой, будь мой муж, а если старый — будь мой отец!» — Солдат и говорит с дуба: «Дай клятву!» — Она поклялась.

2. Он слез с дуба, поздоровался, она и спрашивает: «Кто вы такой?» — говорит. — «Я солдат беглый». — «Ну, куда мы теперь пойдём?» — «А пойдём вот — здесь село неподалеку и обвенчаемся!» — Священник обвенчал солдата. Когда они вышли из церкви, она и говорит: «Давно ли ты сбежал?» — «Только сегодня!» — «Пойдем, проси у начальства прощения и тебя простят — будешь служить опять!» — Солдат пошел, попросил прощения; ему дали только небольшое наказание и оставили на службе.

3. Тут были графские дети — они учились. Им дозволения не было жениться. Они завидовали этому солдату, что он женился на такой красивой жене, и написали полковнику, что «ты хоть сейчас полковником, а будешь солдатом: я буду полковником, потому что у меня жена красивее твоей». — Под его руку написали. Полковник вызывает солдата и говорит: «Почему ты мне так пишешь?» — «Я, — говорит, — не писал». — «Но смотри: рука твоя!.. Когда ты мне принесешь гусли-самопевцы, тогда ты будешь полковником, а я буду рядовым солдатом».

4. Приходит солдат домой, жена его и спрашивает: «Зачем тебя требовал полковник?» — «Да вот велит принести гусли-самопевцы; если принесу — тогда буду полковником, а не принесу — тогда моя голова долой». Жена и говорит: «Поди на базар, купи мне аршин шелку и золотых ниток!» Когда солдат принес шелку и золотых ниток, она всю ночь сидела — вышивала платок. Только стало светать, она разбудила мужа и говорит: «Поди в такой-то город, такая-то улица, тут увидишь дом номер такой-то, тут спрашивай гусли-самопевцы. А когда ты будешь, быть может, о чем плакать, этим платком утирайся, когда придешь».

5. Солдат пришел в тот город, нашел ту улицу, дом и спрашивает: «Здесь делают гусли-самопевцы?» — «Здесь... Тебе зачем?» — «Я хочу купить их». — «Дурак солдат! Они не продажные, заветные». — «Какой у них завет?» — «А если выслушаешь ты их три часа, не выиграешь из ума, — получишь гусли-самопевцы даром; выиграешь — голова долой». — Солдат согласился. Сейчас опубликовали по городу: на другой день чтобы собирались слушать гусли-самопевцы.

6. Когда народ собрался, пришел солдат; принесли гусли-самопевцы, пришла красавица и завела их. Гусли заиграли. Солдат не мог выслушать четверти часа и выигрался из ума: значит, безумным стал. (Другие-то поодаль стояли, а он рядом с ними). С него сняли шинель — даже он не слышал. Когда гусли кончили играть, хозяин его спрашивает: «Что, выигрался из ума или нет?» — «Нет». — «Какая на тебе была одежда?» — «Серая шинель». — «Где она?» — Солдат посмотрел: на нем шинели нет. Тут он заплакал: не жалко ему было своей жизни, а жалко своей жены.

7. Привели его к хозяину на двор. Посреди двора было возвышенное место, на него четыре ступеньки. Когда он на четвертую ступень ступит, в него выстрелят из трех ружей. Солдат на ступеньку сту-

пает, на другую ступает и на третью; вдруг вспомнил про платок своей жены. Вынимает его из кармана; а на дворе находились две красавицы. Они увидели платок своей сестры и говорят: «Стой, тятенька, не стреляй! Это наш зять!» — говорит (жена-то послала к отцу за гуслими-то его). Взяли солдата, увели в комнаты, напоили-накормили и гусли подарили. И потом проводили несколько от города.

8. Когда солдат пришел домой, объявили по городу, что солдат принес гусли. Народ собрался, также начальство. Жена солдата и говорит полковнику: «Ну, господин полковник, если ты выслушаешь три часа эти гусли, не выиграшша из ума, тогда получишь гусли; а выиграшша — ты будешь солдатом, а солдат полковником!» — «Я трои сутки, — говорит, — выслушаю, не только три часа!» — Тогда жена солдата завела гусли-самопевцы. Полковник не мог выслушать четверти часа и выигрался из ума. Жена солдата сняла с полковника парадную форму и оставила в одном мундире. Когда кончили играть гусли-самопевцы, его и спрашивают: «Выигрался из ума или нет?» — «Нет», — «Какая на тебе была одежда?» — «Парадная». — «Где она?» — Полковник посмотрел: на нем нет никакой парадной одежды. Тогда сняли с солдата серую шинель и надели на полковника, а полковническую одежду — на солдата; тогда солдат стал полковником, а полковник рядовым солдатом.

9. Завидно стало полковнику, что солдат сделался полковником, а он рядовым солдатом. Подкупил он графских детей, чтобы они написали князю, как бы от имени нового полковника, что «хотя теперь ты князем, а я сделался полковником, — но ты будешь полковником, а я князем». — Князь вызывает нового полковника к себе и говорит: «К чему ты так пишешь, что ты будешь князем, а я полковником? Когда ты принесешь мне то, что видом не видано и слухом не слыхано и в законе не писано, тогда ты будешь князем, а я полковником, а не принесешь — голова долой!»

10. Полковник пришел, жена спрашивает: «Зачем тебя требовал князь?» — «Да вот велит принести мне то, что видом не видано, и слухом не слыхано, и в законе не писано; тогда я буду князем, а он полковником». — Жена и говорит: «Поди на базар, купи золотых ниток». — Когда полковник воротился из города и лег спать, жена всю ночь сидела вышивала мяч. Когда уже стало светать, полковника провожали за город все его офицеры и жена. Когда попрощались, офицеры вернулись домой, а жена осталась одна провожать его. Вынимает мячик из кармана и бросает его на землю. — «Ну, господин полковник, ты иди за этим мячиком. А ты, мячик, не оставляй полковника: когда он будет отдыхать, ты его дождай. А ты, полковник, куда ни покатится мяч, ты все иди за ним, не отставай».

11. Мяч покатился, полковник пошел за ним, а жена воротилась на свою квартиру. Идет он сутки, идет другие, там третьи; наконец, хлеба у него не стало. Мяч катится, а полковник идет голодный. Наконец, этот мячик свернул в сторону и покатился в лес. Потом выкатился на поляну: тут была большая река; докатился до реки и прямо в воду и поплыл вниз по реке этот мяч. Полковник заплакал и говорит про себя: «От своих рук смерть не буду давать». (Ему приходится скакать в реку). — И пошел по берегу вдоль реки.

12. А мяч доплыл до езов и в морду. Морды смотрел рыбак, увидел этот мяч, взял его, посмотрел и положил себе в карман. Полковник

шел по берегу и увидел рыбака: «Что же, господин рыбак, нет ли у тебя что-нибудь поесть? Я вот уже иду другие сутки голодом». — «Нет, у меня с собой ничего нет, господин полковник. Но только у меня есть Юра; она, быть может, что-нибудь не найдет ли?» — Вышел на берег и говорит: «Юра!» — «Нашто, господин рыбак?» — «Поставь нам два стола, два стула, две скатерки шелковы (браны), вина шампанского, заграничного!» — «Все готово!» — Они пообедали и говорят: «Юра, это убрать!» — Видели, как хватала, а не видели, куда склала.

«Юра!» — «Нашто, господин рыбак?» — «Поставь нам две кровати, перины пуховы, одеяло тепло!» — «Все готово!» — Когда они отдохнули, и говорит: «Юра, это убрать!» — Видели, как хватала, не видели, куда склала.

13. Полковник и думает: «Если бы была у меня эта Юра, наверное князь ее не видал», — говорит. — «Господин рыбак, продай ты мне эту Юру! Если у меня не хватит денег, я вам дам расписку, и потом уже пошлю за город!» — Рыбак рассмеялся и говорит: «Да ведь сестра-то велела отдать даром». (Это брат опять жены: она на мячике-то и вышила буквами, чтобы брат отдал).

Рыбак и говорит: «Юра!» — Она выскочила. — «Нашто, рыбак?» — «Я тебя передаю полковнику; как ты меня слушаешь, так и его слушайся! А ты, господин полковник, не забывай, что нужно заставить делать».

14. Полковник пошел и думает про себя, что «теперь все-таки с голоду не помру! У меня есть Юра».

Идет дорогой, а из стороны, из лесу выходит старик: на плече несет коптелой мешок и дубину. Полковник захотел подтрунить над стариком и говорит: «Господин старик, нет ли что-нибудь у тебя поесть?» — «Нет, господин полковник, с этим проклятым мешком с голоду чуть не помер, сам иду вторые сутки голодный. Я думал: у вас нет ли, господин полковник, чего-нибудь поесть». — «Нет, но только у меня есть Юра». — И говорит: «Юра!» — «Нашто, господин полковник?» — «Поставь нам два стола, два стула, скатерки шелковы, вина шампанского, заграничного!» — «Все готово!» — Они пообедали.

15. Старик и говорит: «Ну, господин полковник, за твое угощение я тебе покажу оказию, что я ношу в мешке!» — Взял дубину, колонул по мешку, — только пыль выскочила. Развязал мешок, из мешка начали выскакивать солдаты; один за другим — все идет и идут, даже глазом не окинешь: целое поле все сделались солдаты.

Полковник и говорит: «Что ты, старик, сделал? Куда будешь девать такую силу?» — «Я убью», — говорит. Взял дубину и колонул по солдатам; все солдаты упали и сделались неживые. — «Что ты, старик, сделал? Ведь нас здесь заберут! Сколько ты здесь силы положил!» — «О, так я уберу!» — Взял дубину, колонул по мешку! Солдаты соскочили и в мешок — один за другим — все и влезли. Старик взял мешок и пошел вместе с полковником.

16. Когда дошли до розвертей, полковнику нужно было идти направо, а старику налево. Полковник и говорит: «Вот что, старик, променяй-ка мне мешок на Юру?» — Старик подумал: «А что, и верно! Юра лучше, чем мешок, я с ней никогда с голода не помру!» — Отдал полковнику мешок, а полковник говорит: «Юра!» — «Нашто, господин полковник?» — «Я тебя отдаю старику! Как ты меня слушалась, так и его слушайся!» — И пошли всяк своей дорогой.

17. Старик попошел уповод и говорит: «Юра!» — «Нашто, старик?» — А он забыл, чего нужно заставлять-то. Она поскачет-поскачет и в карман к нему. Он опять говорит: «Юра!» — «Нашто, старик?» — (И так) не один раз.

«А провались ты, Юра, сквозь землю! А только я мешок-то уха-ял!» — «А провались ты, старик, сквозь землю, я к полковнику пошла!» — Пришла к полковнику и в карман к нему залезла; он даже и не слышал.

18. Идет полковник своей доро́гой день, другой и третий. Наконец, упал на землю, заплакал и говорит: «Кабы у меня была Юра, я бы не помер с голоду!» (у него хлеба не было). — А Юра выскочила из кармана и говорит: «Нашто, господин полковник?» — «Да разве ты, Юра, здесь?» — «Да я уже третий день иду с тобой!» — «Так поставь мне стул да стол, скатерку шелкову, вина шампанского заграничного».

Все было готово. Юра и говорит: «Ты, господин полковник, больно много-то не пей, да не ешь, так как ты больно заголодал; ты можешь отдохнуть сутки двое или трои». — Когда полковник пообедал, и говорит: «Юра!» — «Нашто, господин полковник?» — «Это убрать!» — Видел, как хватала, а не видел, куда склала. — «Юра! Поставь мне кровать, перину пухову, одеяло тепло!» — «Все готово!» — Лег отдохнул. — «Юра! Это убрать!» — Поотдохнул полковник сутки двои или там трои и пошел к своему городу — где он там служил.

19. Когда он стал подходить к городу с копытным мешком на плече и с дубиной, а народ, начальство объезжали его и смеялись: «Разве князь не видал копытного мешка?» — Когда он пришел домой, известно было всему городу, что полковник воротился.

На другой день собрались все начальство, князь и даже государь в назначенное место. Пришел полковник со своим копытным мешком и дубиной. Князь рассмеялся и говорит: «Разве я не видал копытного мешка?» — «Нет, позвольте, Ваше Сиятельство! Если я принес то, что видом не видано и слухом не слыхано и в законе не писано, тогда я буду князем, а ты полковником; а не принес — тогда мне голова долой!» — Принесли книгу и князь расписался, что согласен; и полковник также расписался.

20. Вот полковник и говорит: «Юра!» — Она выскочила: «Нашто, господин полковник?» — «Считай, много ли господ!» — «Первой, другой... семьдесят два!» — А сама опять в карман. Проверили — верно, семьдесят два.

Полковник и говорит: «Юра!» — «Нашто, господин полковник?» — «Поставь нам семьдесят два стола, семьдесят два стула, скатерки шелковы, вина шампанского заграничного!» — «Все готово!» — Сели пообедали. — «Юра! Это убрать!» — Видели, как хватала, не видели, куда склала. — «Юра, поставь нам семьдесят две кровати, перины пуховы, одеяло тепло!» — «Все готово!» — (Тут ведь спать не будут, для примера только).

Полковник и спрашивает: «Видано ли это видом, слыхано ли слухом, писано ли в законе?» — Даже государь подтвердил: «Нет, я сколько служил — этого не видал и не слышал!»

А полковник и говорит: «Я еще вам окажу оказию!» — Взял дубину, колонул по мешку, развязал его, — вот и полезли солдаты один за другим; и так налезло солдат — полон город и окрестности, а солдаты все еще выходят из мешка. Князь и говорит: «Ты такую силу

выпустил — нам не прокормить будет!» — «Вот, — говорит, — я убью!» — Взял дубину, колонул по солдатам, и они все упали, сделались неживые. Князь рассмеялся и говорит: «Ты сколько силы убил! Примучишь наших солдат, если будут убирать только одни трупы». — «Я, — говорит, — и сам уберу!» — Взял дубину, колонул по мешку. Солдаты соскочили и все в мешок один за другим. Полковник и спрашивает: «Видано ли это видом, слыхано ли слыхом, писано ли в законе?» — Все подтвердили: «Нет, этого не видали, не слыхали, даже не читывали и в книгах».

Тогда сделался полковник князем, а князь полковником. И стал жить да быть со своей женой красивой; если не помер, так и теперь живет.

8. ТРИ ЦАРСТВА: МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

1. Жил-был король. У короля была единственная дочь. В одно прекрасное время куда-то что-то она уничтожилась (потерялась): неизвестно кем была похищена. И вот король начал разыскивать свою дочь. Но сколь он ни разыскивал, ни трудился, найти ее никак не может.

И вот начал говорить так: «Если кто мою дочь найдет, если он ровне ей (годами) будет, то пускай возьмет ее замуж. А если окажется стар, то отдаю ему полцарства своего».

И много разных королев искали, трудились, но найти не могли.

2. И вот услышал об этом служивый солдатик и является к королю. — «Ваше Королевское Величество, я вашу дочь отыскать могу. — «Если ты у меня ее найдешь, то будешь ее супругом, моим зятем; а если не найдешь, то предаю тебя к смерти!» — «Ваше Королевское Величество, позвольте мне с собой трех полковников и роту солдат, и часть с собой казны. И эти бы полковники бы исполняли бы мое приказание: что бы я им ни приказал, а сами бы мое приказание отдавали солдатам».

Король это все ему дал — отрядил трех полковников и роту солдат. И отправляются в путь.

Шли мало ли, долго ли времени, попадаетеся им на пути стадо волов, которых пасет пастух. И вот солдат этот говорит: «Господа полковники, нужно этих волов всех зарезать; шкуру с них снять, мясо поварить, поесть, часть с собой взять, а остатки оставить». — И вот полковники приказали солдатам зарезать стадо волов; и было приказание исполнено. Из шкур этих сшили люльку, которая поднимала не более трех человек; а все остальные шкуры искроили на ремни.

Пошли опять в путь, дальше. Шли дремучим лесом, по необитаемой тропинке, и дошли до одной плиты. Солдат опять говорит: «Господа полковники, прикажите своим солдатам эту плиту поднять». — Когда эту плиту подняли, то оказалась сильная яма туда вниз — пропасть. — «Господа полковники, я сяду в эту люльку, а вы меня спустите книзу в ней. Хоть бы я год там проходил, два или три, а вы меня все-таки должны дождать». — А у этого ремня было приделано колокольчико. — «Когда я обратно приду к люльке и потрясу за нее, зазвенит колокольчико, — и вы тогда люльку тяните вверх».

Как было сказано, так было сделано.

3. Солдат увидал внизу такой же свет, как и здесь. Идет путем-дорогой, не может налюбоваться. Через несколько времени повстречался ему медный дом. У этого дома под окном сидит красная девица, вышивает шелком. — «Мир тебе, красная девица, шелком вышивать!» — «Спасибо тебе, добрый молодец». — «А что, любезная сестрица, не напоишь ли, не накормишь ли меня?» — «Отчего ж не напоить, не накормить прохожего человека? Пожалуйте ко мне в комнату». — И вот, когда солдатик вошел в комнату, то сестрица его напоила и накормила.

Солдатик и говорит: «А что, любезная сестрица, кто в этом доме проживает?» — «В этом доме проживает трехглавое чудилище». — «А куда ж он гулять ходит во время свое?» — «Он ходит гулять по саду». — «Так, любезная сестрица, своди ж меня туда, где он гуляет».

Пошли они по саду. Шел, шел солдатик по тропочке и увидал: на пути его лежит палочка, весом тянет 10 пудов. Взял эту палочку, метнул, и ее стало не видать. Он и говорит: «Сестрица, эта легка мне палочка, нет ли потяжелее?» — «Есть еще, подальше другая лежит палочка». — Он дошел до следующей. Та палочка тянет 20 пудов. Взял эту палочку, метнул и говорит: «Эта палочка мне подходяща будет». — Взял ее под шинель и пошел в комнату. Влез на печку и преспокойно уснул.

Через несколько времени прилетает трехглавое чудилище. Ударился о землю, сделался молодцем, входит в свою палату. — «Фу, фу, что такое? Русского духу в виду было не видать, в слуху не слышать, а этта в уста мечется, в очи явится!» — «Да, — говорит, — любезный мой супруг, есть на печке гостенек у нас, лежит солдатик». — «Ах, какой король-то еще добрый: мне и солдатика еще послал! А ну-ка, солдатик, слезай-ка с печи, я тобой разговееюсь!»

Солдатик слезает с печи; палочка у него спрятанная под шинелью. — «Эх, трехглавое чудилище, что ж ты будешь в своих комнатах русскую кровь проливать и свою супругу затруднять — мою кровь убирать? Ты лучше же выдь в чистое поле, в широко раздолье, и разлетишься на две, на три версты — и ты тогда меня съешь, как масляный блинчик!» — «Довольно хорошо». И на эти речи змей согласился.

И вышли в чистое поле. Трехглавое чудилище разлетелось на две, на три версты и как летит обратно, приближается к этому солдатику, разинуло все три пасти и хочет только схватить этого солдатика; но солдат не оробел: как выхватил из-под шинели 20-пудовую палочку, да как даст чудилищу по головам, и чудилище оказалось убито.

Тогда туловище его сжег солдатик, пепел развеял, а сам завалялся спать. И спал трои сутки с такой усталости. А эта сестрица все время сидела подле него и думала сама собой, что солдатик этот не простой.

Когда солдат проснулся и говорит: «Ах, как я долго спал!» — «Да, любезный братец, трои сутки ты проспал!» — «Ну, так, сестрица, опять напой же, накорми меня!» — И пошли совместно в комнату. И когда она его напоила-накормила, то он стал ее спрашивать: «А что, любезная сестрица, в отдаленности есть еще местожительство или нет?» — «Слышать я, — говорит, — слыхала, что есть не в дальнем расстоянии еще один дом, но только дом тот серебряный. А видать сама не видала».

4. И пошел наш солдатик дальше. Скоро ли коротко ли шел, но только доходит до серебряного дома. У этого дома под окном сидит также красная девица, вышивает шелком. — «Мир тебе, красная девица, шелком вышивать». — «Просим милости, добрый молодец». — Напоила, накормила его. Солдатик и говорит: «А кто в этом доме проживает?» — «Шестиглавое чудилище».

Через несколько времени прилетает шестиглавое чудилище; ударился о землю, сделался молодцем; входит в свою палату. «Фу, фу, что такое? Русского духу в виду было не видеть, в слуху не слышать, а этта в уста мечется, в очи явится!» — «Да, — говорит, — любезный мой супруг, есть на печке гостенек у нас, лежит солдатик». — «Ну-ка, солдатик, слезай-ка с печи, я тобой разговееюсь!» — Солдатик слезает с печи; палочка у него спрятана под шинелью. — «Эх, шестиглавое чудилище, что ж ты будешь в своих комнатах русскую кровь проливать и свою супругу затруднять — мою кровь убирать? Ты лучше выдь в чистое поле, в широко раздолье, разлетись на пять, на шесть верст, и ты тогда меня съешь, как масленый блинок!» — «Да, — говорит — правда». — И вышли в чистое поле. Шестиглавое чудилище разлетелось на пять, на шесть верст, приблизилось к солдату и хочет его съесть: все шесть пастей разинуло. Солдат не оробел; как ударит той же палочкой, и все шесть голов снес этому змею. Туловище сжег, пепел развеял, а сам завалился спать. И спал шестеро суток. Проснулся и спрашивает: «А что, любезная сестрица, в отдаленности есть еще местожительство или нет?» — «Слышать я, — говорит, — слыхала, что есть не в дальнем расстоянии еще один дом, золотой; а кто в нем размещается, про это я опять знать не могу».

Распрощался с своей сестрицей и пошел в путь-дорогу.

5. Шел близко ли, далеко ли — скоро сказка сказывается — и увидел этот золотой дом. Под окном сидит королевская дочь (которую он разыскивать пошел), вышивает шелком. Она как увидела солдатика, кинулась солдатiku в объятия и говорит: «Здравствуй, любезный мой названный супруг!» — «Здравствуй, названная моя супруга!» — «Как же ты сюда пробрался и как тебя допустили сюда трехглавое чудилище и шестиглавое чудилище?.. Но все-таки, ты там хотя тех и погубил, а этта девятиглавое чудилище; по всей вероятности, ничего тебе с ним не сделать!» — Солдат отвечает: «Никто как Бог! Быть может, и с этим управлюсь». — И вот она берет его за руку и ведет в свои покои. И когда она его напоила-накормила, и говорит ему: «Вот, любезный мой названный супруг, изволь с меня именное кольцо золотое».

И в это время прилетает девятиглавое чудилище. — «Ах, какой король-то еще добрый: мне и солдатика еще прислал! Да какой-то такой этот солдатик ехидный: у меня уже двух братьев погубил! Ну а меня не придется! Погублю же я тебя!» — Солдат немного струсил и говорит: «Ну пойдем же, девятиглавое чудилище, в чистое поле, в широко раздолье и там побратуемся». — Чудилище на эти речи согласилось. Когда вышли в чистое поле, в широкое раздолье, и чудилище разлетелось на 10—15 верст и долетает до этого солдатика; как хочет только его схватить, как солдат не оробел, размахнется своей палочкой, и как даст чудилищу по головам, то шесть голов слетело, а три головы остались, и сам (солдат) по колен в земле забитый оказался. Чудилище у солдата ранилошибко правую руку.

Солдат и говорит: «А что, поганое чудилище, дай свободы мне на пять минут!» — «Нет, тебе не даю на пять минут». — «Ну дай же на три минуты». — «Вот тебе на три секунды!» — И когда он дал ему свободы на три секунды, то в это время подоспела прийти королевская дочь к солдату и перевязала у него своим именным платком у руки рану. Тогда солдат справился, собрал свои остальные все силы и как скоро только мог размахнуться своей той же палочкой; и как ударит чудовище по остальным его головам, то тогда слетели и остальные три головы. Чудовище оказалось лежащим мертвым. А солдатик лег спать и проспал девятые суток. Но королевская дочь в это время все время сидела у него и в таком виде своей радости сильно плакала.

Когда солдатик проснулся, и пошли опять в свои покои. Она его напоила-накормила и пошла казать свои принадлежности. Солдат ходит не на радуется: как все пола и все устлано дорогими материями; и доводит она до своего шкафа (галдиропа), открывает его и говорит: «Вот, любезный мой супруг, у меня подвечное висит платье и стоят башмаки с калошами. А вот тут стоят гусли-самогуды». — И вот, когда она их завела, эти гусли-самогуды, то оказалось прислуги, разных солдат, как перед ним, так и перед ней — что видимо-невидимо. — «Ах, здравия желаем, молодой хозяин! Что тебе только угодно, все мы тебе сделаем!» — Солдатик говорит: «Мне теперь покамест ничего не нужно: повеселимся покудова, и того достаточно». — Когда повеселились, то тогда королевская дочь прикрыла гусли-самогуды.

6. И вот собираются они в путь-дорогу свою, выходить из этой пропасти. Когда отошли они от этого своего дома, то королевской дочери стало жалко своего оставлять дома. И говорит своему супругу: «Любезный мой супруг, ах, как жалко мне с этим домом расставаться!» — «А что ж? Любезная моя супруга, с собой не возьмешь!» — «Нет, любезный мой супруг, попробую; а быть может и возьму с собой». — И вот, когда она воротилась к своему дому, дунула на него, и дом превратился в золотое яичко. Берет она это яичко, завертывает в косыночку и отдает супругу.

«Вот, любезный мой супруг! Если тебе повстречается какое несчастье, то выбери чистую поляну, положи это яичко, дунь на него, и яичко превратится в прежний опять дом. А когда тебе его будет не нужно, этот дом, то тогда опять дунь на дом, и дом также превратится опять в яичко». — Берет солдатик это яичко, завернуто в косыночке, поблагодарил свою супругу и положил яичко в карман.

7. Шли, шли и доходят до серебряного дома. (Значит, они в обратный путь). У серебряного дома под окном сидит девица и говорит: «А что, любезный мой братец и сестрица, возьмите и меня с собой». — «Пойдемте, — отвечает солдатик, — нам места хватит всем». — И пошли совместно.

Когда отошли несколько расстояния, то этой сестрице также стало жалко своего дома. — «Ах, любезный мой братец, мне жалко своего дома здесь оставить». — «А если жалко, то бери с собой!» — И вот она подошла к своему дому, дунула на него, и дом превратился в серебряное яичко. Взяла это яичко, завернула в белую косыночку и отдает солдату. Солдатик поблагодарил свою сестрицу на таком подарке, и пошли дальше.

Доходят до следующего дома, уже до медного. Под окном сидит девица и говорит: «Любезный мой братец и сестрица, возьмите и меня

с собой». — «Пойдемте вместе». — И она также взяла с собой свой дом, медное яичко, отдала солдату, и пошли вместе.

8. Доходят до этой пропасти, в которую солдат был спущен. Что тут делать, как люлька поднимает только трех человек, а их четыре человека? Если солдату сесте с двумя девицами, то одна не остается. А если трех девиц посадить, самому остаться, то меня, дескать, полковники могут убить: как в следующий раз спустят люльку и до половины меня дотащат, а потом ремень у люльки отрежут, я паду вниз и убьюсь. — Как солдат ни думал, а все-таки довелось ему остаться. Посадил трех девиц, подергал за ремень, колокольчик там зазвенело, и через несколько времени люльку потащили вверх.

И когда вытащили люльку с тремя девицами, то полковники эти не нарадуются, так как эти девицы очень были красивы. И полковникам охота на них спожениться. И говорят: «Примите вы, девицы, присягу и закланите сами себя, скажите, что мы солдата никакого не видали, а нашли нас полковники». (Их три же было, полковника-то). «А если не закланите вы сами себя, то мы сейчас же вас предадим к смерти!» — Как было сказано, так было сделано.

Полковники спускают книзу люльку за солдатом и говорят: «Дотащим его оттуда дальше половины и тогда надрежем ремень, и он падет книзу и будет убит». — Люлька дошла книзу. Солдат думает: «Садиться или нет? Если сяду, то по всей вероятности, буду убит». — И взял вместо себя ввалил в эту люльку камень пудов на 10 и потряс за ремень. Колокольчик зазвенело, и через несколько времени люлька пошла вверх. Когда дотянули ее солдаты больше половины из этой пропасти, то подбежал один полковник, перерезал этот ремень, и люлька пала книзу. Солдат и говорит промеж себя: «Ах, хорошо, что я одумался, что не сел сам: вот был бы я и убит!»

Полковники в это время (как девицы у них закланлись не сказывать об этом королю, а сказать именно то, что «мы солдата не видали, а нашли нас эти полковники») и распределили себе уже девиц, которому которая должна быть. А солдат ударил своей казней, чтобы они тоже не могли об этом разьяснить ничего. И отправились в путь-дорогу.

9. Солдат думает сам собой: «Как я буду из этой пропасти выходить? По всей вероятности, я буду здесь навсегда. Впрочем, мне супруга моя говорила, что поставить золотой дом и гусли-самогуды, то тогда прислуга мне может сделать то, что я желаю. Так я это попробую: не вынесет ли эта прислуга меня со всем домом из этой пропасти вверх?» — И вот выбрал чистое место, положил золотое яичко, дунул на него, и яичко превратилось в золотой дом. Входит он в свои покои, доходит до того шкафа, в котором помещались гусли-самогуды; завел он их, и оказалось перед ним прислуги видимо-невидимо. — «Ах, здравия желаем, молодой хозяин! Что тебе от нас нужно, все мы тебе сделаем». — Отвечает им солдатик: «Ничего мне от вас не нужно, но только вынесите меня с этим домом из этой пропасти вверх!»

И вот прислуга объяснила этому солдатiku, что «сейчас будет готово все, молодой хозяин; сиди на месте и с места никуда не ходи!» Вышла вся прислуга на улицу, подхватила этот дом с такой массой народом, и в тот же самый момент оказался дом наверху.

Солдатик увидел, что уже оказался он наверху, и сам себе не нарадуется. Поблагодарил свою прислугу и запер опять гусли-самогуды в тот самый шкаф, в котором они помещались, и выходит на волю.

Дунул на дом, и дом превратился опять в золотое яичко. Взял это яичко, положил в карман.

10. А в это время уже полковники со своими невестами и солдатами приближаются к королевскому городу. Король издали увидел, что возвращаются полковники и его дочь, то он на 25 верст устлал им дорогу разными драгоценными коврами и поставил по сторонам духовые музыки. И так с честью встретил и радостью, что нельзя и определить.

Солдатик этот, когда оказался на поверхности, то шел все стороной, чтобы не могли его полковники видеть. И он видел это, как их король встречал, с какою радостью и роскошностью. И пришел в тот же город и просится у одной старушки ночевать. Старичок пускает, а старушка говорит, что «у нас место утесненное, совсем негде, дескать, спать». — А солдатик говорит: «Я, бабушка, и на полу просплю». — И пустили этого солдатика.

Теперь король встретил своих полковников и дочь свою, не нарадуется. И вот, когда они погуляли один вечер, и говорят эти полковники: «Ваше Королевское Величество, мы желаем на этих девицах спожениться: одна вот тому, другая другому, а третья третьему». — Король и говорит: «Я от этого не прочь. Что было обещано, то и исполню».

В это время, вечером, солдатик говорит старичку и старухе: «А что, бабушка и дедушка, пожалуйста со мной погулять по чистому полю, т. е. за город». — «Эх, дитятко, служилый солдатик! Какая же нам, при старости лет, гулянка? Мы и молоды-то были, и то не ходили гулять». — Но все-таки, сколько солдат не просил старичка и старушку, и они согласились идти гулять. И когда вышли в чистое поле, т. е. за город, вынул солдатик свое золотое яичко из кармана, положил его на определенное место, дунул на него, и яичко превратилось в золотой дом. Входят совместно все трое в этот дом. Дедушка и бабушка не нарадуются такому роскошному дому и глазам своим не верят; говорят, что это не дом, а нам призрак какой-нибудь кажется. Идут по комнатам и сами себя кругом видят. Завел он опять гусли-самогуды, и вышло тут прислуги перед каждым целая масса. — «Здравствуйте, дедушка и бабушка! Что вам желательно?» — И подносят им разные кушанья и вина. — «Испивайте, не сомневайтесь, мы с вас ничего не возьмем!» — И когда повеселились, то солдат запер опять гусли-самогуды.

Вышли из дому. И на дом дунул, дом превратился опять в прежнее же золотое яичко. Взял яичко, положил в карман, и пошли преспокойно опять в свою хату. Когда вошли они в нее, то легли спать — дедушка и бабушка на печку, а солдатик на пол.

11. Когда солдатик этот ставил дом, золотой, а королевская дочь частовременно выходила на балкон и смотрела во все стороны. Она думала, что солдатик все-таки не должен быть убитым, а где-нибудь да он здесь. И усмотрела в то время свой золотой дом, когда он был поставлен. Сошла к своим почтенным гостям и говорит: «Нет, папаша-мамаша, я еще в замужество идти за этого полковника не согласна, так как у меня еще обручального золотого именного кольца нет. Пускай же этот полковник найдет такого человека, который бы мог слить мне золотое кольцо именное без всякой мерки, и было бы оно мне как тут на мою руку». — Полковнику об этом доложили. Полковник на это согласился; хотя и не так ему было охотно, но делать нечего.

И вот на другой день король разослал по всему городу афишки, что «не найдется ли такого человека, который бы мог моей дочери слить именное кольцо без всякой мерки — и было бы как тут?»

И вот по этому-то разговору пошел старичок к королевскому дому. Когда пришел к королевскому дому старичок, и услышал разговор насчет этого кольца, что «кто бы это кольцо слил, то тот получает тысячу рублей денег». — И пошел старичок обратно домой. Приходит домой и рассказывает: «Эх, служивый солдатик; король объясняет, что кто-то бы слил моей дочери именное кольцо, то тот получает тысячу рублей». — Солдатик и говорит: «А ты, дедушка, взялся слить это кольцо королевской дочери?» — «Что ты, служивый? Разве мыслимо нам такое кольцо слить, которого мы отроду сами не видали еще?» — «Иди же и берись!» — «Нет, не пойду, служивый». — «Я тебе говорю, берись, так и берись! Я отвечаю за это! Да проси бочонок вина с собой (у короля)».

И пошел старик; подумал сам с собой: «мне тысяча рублей годится ведь?» — Приходит старик к королевскому дому и говорит, что «я, братцы, бы мог это кольцо отлить». — Привели старичка на лицо к королю. — «Я, — говорит, — могу, Ваше Королевское Величество, исполнить вашу просьбу — отлить золотое кольцо. Только мне еще бочонок вина позвольте небольшой — нам погулять». — Король и говорит: «Так можешь отлить?» — «Да, — говорит, — могу». — «А если не отольешь, то тебе голова с плеч долой!» — «Двух смертей не бывает, Ваше Королевское Величество, а одной не миновать! Мне все равно уже, я век свой прожил!» — И дали ему бочонок вина; и отправился наш старичок домой.

Приходит домой и начинают гулять. И когда подвыпили, дело склонялось уже к вечеру. Старичок и старушка призадумались: «Как наш солдатик этот проманет, не отольет этого кольца, то тогда мне завтра на утро смерть будет!» — Старушка и говорит: «Я тебе сколько, старик, говорила, что не берись! А вот теперь как не отольет, то, старый пес, тебе вот завтра и голова с плеч долой!» — Поплакали, поплакали совместно оба, так и уснули.

Утром рано очень солдат проснулся и говорит будит старичка: «Дедушка, вставай и неси кольцо!» — «Разве, — говорит, — служивый, уже готово?» — «Понятно, готово!» — Он снял с себя это именное ее кольцо (то самое, которое она ему еще на первый случай отдала, в подземелье-то), завернул в ту же самую косыночку именную ее, которой она перевязывала рану его, и отдает старику. Старик взял с великою радостью и пошел к королю.

Приходит к королю. А его там уже вся прислуга встречает, этого старичка. Король получил кольцо, не развязывая косыночки, передает дочери своей. Когда дочь посмотрела, что именная косыночка ее самая, и развернула кольцо и посмотрела: тоже собственно ее; и сильно на этом обрадовалась, что солдатик, ее названный супруг, оказался в живности.

12. Полковники в это время и говорят: «Ну теперь, Ваше Королевское Величество, можно и свадьбу делать, так как кольцо уже оказалось готовым». — А королевская дочь отвечает: «Нет, папаша-мамаша, мне еще нужно как подвенечное платье, так и башмаки с калошами. Сшили бы мне это без всякой мерки, и было бы как тут».

И вот тогда король проклинал опять следующий клич, что «кто бы это мог шить моей дочери подвенечное платье и башмаки с калошами?» — Старик и об этом опять узнал и возвратился к своему солдату. Получил эту тысячу рублей денег, пришел домой и говорит: «Эх, старуха-матушка, Господь нам послал этого солдата! Вот вишь, смотри, тысяча рублей денег! Мы эту тысячу рублей и не выдывали в глаза свои!»

«Теперь вот что, служивый: еще нужно королевской дочери шить подвенечное платье и башмаки с калошами. И кто это может шить, то тот получает две тысячи рублей». — Солдатик и говорит: «А ты взялся, дедушка?» — «Нет, что ты? Где мне такие две штуки сделать?!» — «Иди и берись! И опять там бочонок проси вина!»

Старичку стало уже это полеснее, и он опять пошел братья. Приходит к королю и говорит: «Ваше Королевское Величество, я могу шить подвенечное платье и башмаки с калошами вашей дочери». — «Так можешь?» — король говорит. — «Точно так, могу, Ваше Королевское Величество». — И дали ему бочонок вина. И отправился наш старичок опять домой. И вот попили и погуляли. Солдатик и говорит: «Ну, дедушка и бабушка, пожалуйста со мной опять на прогулку». — Собрались совместно все трое и пошли. И вот доходят опять до чистого места; солдатик положил опять золотое яичко, дунул на него, и яичко превратилось в золотой дом. Вошли они в дом, отпер солдатик шкаф, взял висящее подвенечное платье с крюку и башмаки с калошами, завязал их в платок, и пошли обратно. Когда пришли домой, выпили, погуляли.

Старик со старухой опять затужили и заплакали: «как да солдатик обманет, не сошьет этого платья и башмаков с калошами?» — Плакали, плакали, так и уснули.

И вот, утром рано солдатик просыпается, берет узел и будит дедушку: «Дедушка, вставай и понеси узел с платьем, с башмаками-калошами, к королевской дочери». — «А разве уже готово?» — «Да, — говорит, — должно и быть все готово; можешь нести, но только от народу побереги: лишь бы его не смяли!» — Взял этот узел старичок и отправляется с ним к королю. Идет, а у королевского дома народу стоит цельная масса. Он несет этот узел на руках и говорит: «Дайте пройти, не сомните королевской дочери платье!» — Народ расступился и дали старику дорогу. Старик входит в комнаты короля и говорит: «Ваше Королевское Величество, может ваша дочь надевать-носить как платье, так и башмаки с калошами». — Король взял узел старичка и передает дочери своей.

Развернула королевская дочь и посмотрела. И сказала промех себя: «Это то самое платье, которое у меня в золотом доме висело. Выдать этому старику две тысячи рублей!» — Старик получил две тысячи рублей и не нарадуется.

13. Полковники говорят: «Ну, Ваше Королевское Величество, теперь можно свадьбу делать, так как кольцо отлито, подвенечное платье сшито; теперь больше незачем откладывать». — А королевская дочь и отвечает: «Нет, папаша-мамаша, еще, — говорит, — не все готово: я в ваших домах пировать не буду, а нам нужно — каждой сестрице отдельный дом: мне золотой, этой сестрице серебряный, а этой вот медный». — Король и полковники об этом разговоре и обумились. — «И были бы эти все три дома в одну и ту же ночь устроены». —

«Кто ж может так устроить медный, серебряный и золотой дома? Не найти такого человека!» — Но королевская дочь одно ускоряет, что «нужно мне это устроить».

И вот опять прокликали клич, что «кто это может устроить, тот тот получает несметное число денег». — Старик это услышал разговор, пошел домой. Пришел домой и говорит своей старухе: «Вот не хотела ты солдатику еще и ночевать пустить! Смотри-ка, Господь нам его дал! Денег-то сколько у нас теперь с тобой — три тысячи рублей!»

«Да ведь и еще, солдатик, проклинал он, этот король, клич, что кто-то бы устроил в одну и ту же ночь три дома: один медный, другой серебряный, а третий золотой. Место уже указано, где было устроить». — «Да, ты, — говорит, — взялся?» — «Нет. Что ты? Боже спаси!» — «Иди же и берись! Я тебе велю!» — Старик опять пошел братья. Доходит до короля и говорит: «Я, Ваше Королевское Величество, могу эти все три дома построить — к утру будут готовы». — «Ну, можешь, так и берись! Уж как две штуки исправил, так наверно ты и третью намерен исправить». — И возвращается старик домой с великой печалью: «Как будем строить такие роскошные дома?» — А солдатик и говорит: «Не печалься, дедушка; все будет готово: ложись спокойно спать покамест».

Спит старик со старухой и солдат. А королевская вся свита всю ночь не спит: смотрят на указанное место, что нет ничего и не строится, и по всей вероятности, не будет построено. — И вот перед утром, часа в три или четыре, солдатик будит старика и старуху и говорит: «Пойдемте строить роскошные дома». — Старик и старуха обумились: «Разве их еще не начинали строить?» — Солдатик говорит: «Да, — говорит, — дедушка-бабушка, нет еще». — «Ведь нам теперь не построить!» — «А вот пойдемте да и построим», — солдат говорит.

Пошли совместно все трое; приблизились к указанному месту. Вынимает солдатик первое медное яичко, кладет его на землю, дунул на него, — яичко превратилось в медный дом. Входит в дом и ввел с собой старуху, дал ей молоточек в руки и говорит: «Приколачивай, бабушка, вот эту одну скобку, колоти молоточком. И когда королевская свита войдет в дом, ты постукивай этим молоточком и говори: «Ваше Королевское Величество, все уже готово. Можете входить, пировать и веселиться. Я последнюю скобку приколачиваю».

А солдатик с дедушкой отправился к следующему означенному месту. И вот опять вынимает серебряное яичко, положил его на землю, дунул на него, — и яичко превратилось в серебряный дом. Дает молоточек опять старичку и говорит: «Дедушка, приколачивай вот эту заклепку. И когда королевская свита пойдет, ты им говори: «Ваше Королевское Величество, все готово. Можете входить, пировать и веселиться. Я последнюю заклепку приколачиваю». — А я пойду дальше».

И пошел солдатик дальше к указанному месту. Положил опять золотое яичко на землю, дунул на него, — и яичко превратилось в золотой дом. Вошел наш солдатик в этот дом и разгуливается по комнатам, в той же самой рваной шинелишке, в которой он и ушел от короля.

Королевская свита усмотрела это, что все дома уже готовы; и как это могло что случиться в такое короткое время (так!). И пошли рассматривать эти дома. Приходят к первому медному дому, входят в него и усмотрели, что бабушка приколачивает скобку. — «Что? Готово

ли, бабушка?» — «Точно так, Ваше Королевское Величество, все готово; вот только последнюю скобку приколочу. Можете входить — пить, гулять и веселиться». — Король со своей свитой ходят по этим комнатам и сами себе не верят. Рассмотрели и пошли дальше.

Доходят до серебряного дома и входят в него. Тут усмотрели старичка, который поколачивает по заклепке. — «Ну что? Дедушка, готово ли?» — «Точно так, Ваше Королевское Величество, все готово, последнюю заклепку приколачиваю...» — Рассмотрели и пошли опять дальше.

Заходят в золотой дом. Там усмотрели: похаживает по комнатам, разгуливается солдатик в своей шинели. Король и спрашивает: «Ну, как? служивый, все ли готово?» — «Точно так, Ваше Королевское Величество, все готово. Можете входить, пировать и веселиться». — А королевская дочь в это время признала настояще, что тот самый этот солдат, который спас их. Берет его за руку и говорит: «Вот, папаша-мамаша, не полковники нас спасли, а спас нас этот солдатик. Именно; и не этот старичок доставлял это мне все, а доставлял этот солдатик».

Тогда король обумился и одумался и признал верно, что тот самый этот солдат. И приказал этих полковников за облыжное такое показание повесить на вешальницу, а дочь свою выдать за этого солдата в замужество. И поставил его на свое царство.

Впоследствии времени и следующих двух сестер выдал за следующих женихов.

9. ДЕВИЦА С ОТРУБЛЕННЫМИ РУКАМИ

1. Жили старик со старухой, у них было двое детей: сын и дочь. Старики были благочестивые и дети благочестивые. Старик со старухой померли и оставили своим детонькам свое богатство. Они поделились: сестра все вверх была, а брат ездил торговать и каждый раз ходил к сестре благословляться. Хорошо. Вот они жили, жили; сестра и говорит брату: «Женись, брат, пора тебе жениться, пора хозяйкой обзаводиться». «Как же я буду жениться, жена как да попадет сердитая, негодная и я тебе повиноваться не буду». — «Ну что, вы и без меня живите».

Ну вот ладно. Брат женился. Вот и давай сноха на золовку зубы точить, надо золовку выгнать, чтобы одной хозяйкой быть и чтобы муж сестры не слушал. Ну вот уехал у нее муж на ярмарку, а она всю посуду перебила и бежит к мужу: «Ох, Иван, крестьянский сын, посмотри-ка, у тебя сестра всю посуду перебила». — «Поди, ты, невежая, с базара, меня не срами!» — Вот хорошо. Брат приехал домой, сестре ничего не сказал, а как следно благословился. Вот опять уехал Иван на базар на другой день, а она опять зарезала двух жеребцов и опять бежит кричит мужу: «Что у тебя сестра не стюается (не слушается, не останавливается), она опять зарезала пару жеребцов!» — «Не срами, ты меня, невежая, при народе, не говори мне про сестру!» — Потом приехал Иван домой и будто опять ничего не слышал, пошел к сестре, благословился: «Ну, сестра, хорошо поторговал». — Она поблагодарила: «Ну, слава Богу, хорошо».

2. Ну вот ладно. Поехал утром опять, опять пришел к сестре, благословился: «Ну, сестра, я поехал опять». — Она благословила. А

жене это не нравится; она нечем взять, отрубила у своего сына голову. Хорошо. Опять и бежит на базар. «Погляди-ка! Ты мне не веришь, а погляди-ка: у тебя сестра нашего дитятка зарубила». — Вот потом он приехал домой, пришел к сестре. «Хорошо, — говорит, — я, сестра, потроговал». — Сестра поблагодарила брата, она и не подумает, что у них там делается.

3. Ну вот ладно. Вот утром он встал и давай сестру звать кататься: «Поедем, сестра, кататься». — А она и говорит: «Почему меня зовешь, у тебя хозяйка есть, поезжай с хозяйкой!» — «Нет, — говорит, — мне с тобой хочется покататься». — Ну, сестра не отказалась. Вот уж он ее катал, катал, увез в чисто поле к пеньку и говорит: «Клади голову на пенек, я буду рубить». — Вот тогда она ему обратно: «Почему я буду голову класть, за какие такие причины?» — «А за те, — говорит, — причины, почему ты посуду перебила, почему пару жеребцов зарезала, ну да это не мое одно, а отеческо, артельно, а это что детище зарубила, так это детище мое». — А она: «Если я твое детище зарубила, так вот будича отсекай мои руки по локоть». — Он взял и отсек у нее руки, сам уехал, а ее тут и оставил; куда знаешь, туда и пошел без рук-то.

4. Ну вот хорошо, куда знаешь, туда и пошел. Ну вот она и пошла. Шла да шла, шла да шла и зашла к царю в сад. Ходит она по саду и своим ртом ошшипывает яблочки и разговаривает сама себе: «Кто бы меня замуж взял, тому бы я принесла сына по колен в золоте, по локоть в серебре». — Царский сын прослушал эти ее речи, пришел домой и сказал: «Мамонька, у нас в саду ходит девица такая красавица, я такой и не видывал, я ее за себя замуж возьму». — Царица и говорит: «Зачем же мы ее возьмем, у нее рук нет». — «А я порежу няньку, уж больно она мне нравится».

5. Ну вот хорошо, отпировали свадьбу. Ну жили они год и царский сын уехал на войну, а она без него и принесла сына по колен в золоте, по локоть в серебре, такой ли то паренек хороший. Потом отписала царица своему сыну, что у тебя хозяйка принесла сына по колен в золоте, по локоть в серебре. Вот это письмо пошло и пошло мимо станции, а на той станции и жила та баба, которая золотку извела; вот она про это письмо догадалась, письмо это распечатала, прочитала и отписала царскому сыну другое письмо, что у тебя хозяйка принесла не ребенка, а шененка. Вот он и отписал обратно: «А кого бы не принесла, а без меня бы никуда не девалась, а сам приеду, сам увижу». — Вот опять идет письмо мимо той женщины. Она опять письмо распечатала и прописала: «Что убирайся из дому, а то приеду, голову снесу». — Ну пришло письмо, она заплакала, и стала собираться, и никто не мог ее удержать, ни царь, ни царица, пошла и пошла.

6. Вот пришла она к реке и захотела напиться, стала пить, а ребеночек и выпал в воду (ишь свекровушка-то привязала его полотенцем к ней). Легла она на берег и стала плакать: «Кабы были у меня рученьки, али бы я своего младенца не вынула!» — Вот вдруг выросла у нее рука, да нет пальцев. Вот опять стала плакать, почему перстиков нет (а младенец все не тонет). Опять у нее и перстики выросли, да не гнутся. Вот и опять плачет, заливаясь горячими слезами, почему перстики не гнутся (а младенца уже плохо становится видно). Ну вот стали у нее и перстики гнуться, она и поймала младенца. Ну вот достала и пошла дальше.

7. Пошла и зашла к своей снохе на станцию и порядилась к ней в прислужницы. Она сноху опознала, а сноха ее не опознала. Вот этот мальчик вырос паренек забавный: мастер был сказки рассказывать. Хорошо. Ну потом на ту же квартиру приехал царский сын и говорит: «Нечем ли у вас позабавиться?» — «Ой, у нас вон у прислужницы есть мальчик, он больно ма́стер сказки рассказывать». — «Ну-ка, по его сходите, позовите сюда». — Потом пошли, стали звать его. — «Нет, — говорит, — я без мамоньки не пойду». — Ну там ему сказали: «Идите и с ней». — Вот хорошо, они друг дружку опознали, а хозяйке ничего не говорят. Вот мальчик и говорит: «А буди никто меня не перебивай, так буду сказку рассказывать». — Царский сын и говорит: «Ну ладно, кто перебьет, тому голову долой».

Вот и стал паренек сказку рассказывать: жили были старик со старухой, у старика у старухи было двое детей: сын и дочь. Брат с сестрой поделился, потом брат женился. Сноха золовку невзлюбила и стала на нее мужу наговаривать, чтобы сестру прогнать. Вот сперва изломала всю посуду и свалила на золовку (сказала на золовку), тут опять зарезала двух жеребцов, а брат сестру не прогоняет, сестре все повинуется. Тогда она отрубила у своего сына голову... А та злая баба и заухала (закричала): «Нет, не она зарезала, а золовка!» — Вот царский сын схватил ее за руки, потом велел посадить ее на ворота и расстрелять, а хозяйку и сына увез домой, и стали они жить поживать, да добра наживать.

10. ИВАШКО И ВЕДЬМА

Жила старушка. У старушки был сын Ванюшка. Они жили ши́по бедно: избушка у них даже валилась. Она говорит: «Нужно, ведь, в лес идти, бревен рубить на комнату». — «Ну, мама! — утром встает, говорит, — я, говорит, — пошел». — «Ну, с Богом, ступай дитя! Как-нибудь старайся!»

А он, верно, был не со всем умом-то у нее. Вот ушел в лес и вырубил бревно. И он с этого бревна содрал кору-то да сшил лодку. А у реки. И стащил эту лодку в реку, сделал весла. И катается в этой лодочке.

Мать ждет домой своего Ванюшку, не может и дожидаться. Ну, испекла хлебушка и пошла. — «Разе, — говорит, — он отошшал, дак домой не может идти?» Испекла хлебушка да понесла ему есть. Приходит тут в полосу, и нашла штуку лесину, что ссечено. — «Что за такое, — говорит, — сына нет? А пошто, — говорит, — кора-то содрана с елки-то? А щепки, — говорит, словно как на ту стать, что тесаное?..» — Ну, потом и сошла на берег-от. — «Не выдумал ле он что другое?» — говорит.

Пришла на берег. — «Ванюшка! — говорит, — Ванюшка! дитятко! подитко, — говорит, — к бережку! А вот тебе, — говорит, — дитятко, каша масленая!» — «Слышу, слышу, — говорит, — мамонькин голосок!» — Он подъехал, кашу выхлебал. Ну, мать ушла домой.

Потом приходит вот эта самая Егбиха (нечистоты-то вот эти самые: в озерах живут, в лесах живут). Пришла на берег и говорит: «Ванюшка, Ванюшка! подъе́дь-ка к бережку, а вот тебе каша масленая!» — А он отвечает: «А слышу, слышу, — говорит, — не мамонькин голосок!» — «Ох ты, — говорит, красной, — говорит, — пес, рыжий ты пес!» — Потом уходит.

Приходит после нее мать, опять с кашей. — «Ванюшка, Ванюшка! подьдь ты, — говорит, — к бережку, вот тебе каша масляная!» — И зовет его домой, а он не идет.

И опять приходит эта скверная-та. А ее были три дочери. Ну вот, она приходит к берегу, по-материному говорит: выслушала, как мать-то говорит, тоненьким голоском: «Ванюшка, Ванюшка! — говорит, — подьдь-ко ты к бережку! а вот тебе каша масляная!» — Вот подъехал. Она его схватила и утащила на голубницу (подволоку).

Сама запрягает лошадь, поехала в лес за дровами, а дочь оставляет одну дома. — «Топи печь жарко и на жарко, и чтобы было ниже бревно калено! да его сукина-сына, — говорит, — жарь!» А мать Ванюшки хватилась, плачет, даже слеза слезу бьет.

Кричит эта дочь-та (Егибиха): «Ванюшка! — говорит, — на лопату айда!» — Он сошел. — «Ложись, — говорит, — на лопату!» — Он сел на лопату, руки-ноги распылил, не проходит в печь. — «Сестрица, — говорит, — не умею! — родимая, не умею!» «А как, — говорит, — ты не умеешь?! А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись!» — «А вот, — говорит, — не умею! А ляг-ко, — говорит, — ты и поучи!» — Она как легла, а он как-то не оробел, как завитнул (толкнул) в печь-то, заслонкой запер, она и зажарилась. Потом и вытащил и разломал и поставил на средние полати.

И приезжает эта самая Егибиха. (А он сам опять ушел на то же место, молчит там). Вот и стащила, и давай есть это мясо. Наелась и давай кататься. Катается и говорит: «Покататься мне, поваляться мне на Ванюшенькиных косточках!» — Он ей там (на голубнице) отвечает: «А покатайся, Егибиха, поваляйся, Егибиха, на дочерних-то косточках!» — «Ах, — говорит, — мне чудится, али млища?.. Ах ты, — говорит, — красной пес! ах ты, рыжий пес! дочь зажарил!»

Ну вот опять этак. Три сустава вот эких: всех троих дочерей зажарил. Потом сама остается уж она (дома).

И топит сама печь, жарко-нажарко и кричит: «Ванюшка, на лопату айда!» — «А ладно, ладно, — говорит, — мамонька, я иду!» — Он сошел. «Ну, ложись, — говорит, — на лопатку-то!» — Она как хочет его в печку-то посадить, он руками-ногами уперся. — «Мамонька, не умею! родимая, не умею!» — «Да как, сукин-сын, ты не умеешь? А как кошки спят, как собаки спят, так же и ты ложись!» — «Да, мамонька, не умею! родимая, не умею! поучи меня!»

Как она на лопатку-то легла, как он ее туда толкнул, запер. Она закричала: «Ванюшка, отпусти! дитятко отпусти! Вот тебе, — говорит, — три корчаги серебра, карета золотая, пара коней вороных и сбруя золотая! И это все твое будет!» — «Ах, — говорит, — стара сука, попала! все мое будет без этого!» — Тут ее в печи и оставил.

Сам побежал, карету заворотил, три корчаги серебра из подполья вытащил, все в карету составил. Лошадей из конюшни вывел, хомуты надел, запряг, поехал.

И приезжает к своей маме. Она уж шибко заботилась, что не жив, не жив, плакала шибко. А изба у ней плоха шибко, даже зауголки выпали. — Вот он подъезжает к домишку ко своему, и даже ни ворот и ничего нет — привязать не за что. Ну, и просится у старушки ночевать. — «Ну, бабушка, — говорит, — непустишь ли ночевать?» — «Ох, дак, дитятко! — говорит, — ведь у меня лошадей некуда завести и привязать не за что и ужиной покормить тебя нечем!» — «Вот за огород, —

говорит, — бабушка, привяжем. Пожалуйста, пусти!» — «Ну, дак, дитятко, — говорит, — выпрягай да привязывай!» — Выпряг, привязал.

И схватил эту корчагу с серебром сначала, тащит в комнату. Приташил, помолился Богу, рассыпал на пол. И говорит она, эта бабушка: «Ох ты, дитятко, ты дитятко! ведь у меня был сын Ванюшка, дак ведь ровно экой же!» — «Дак вот, — говорит, — мамонька, дак я самой и есть!» — «Дак, дитятко-божонное, — говорит, — дак где ты взялся?»

Потом стал все таскать — три корчаги серебра стаскал, рассыпал на пол, и золота три корчаги стаскал, рассыпал на пол, другую кучку. Она и говорит: — «Ох, Ванюшка, дитятко ты мое, божонное ты мое! где же, — говорит, — ты такие деньги взял?» — «А вот мамонька, — говорит, — я, — говорит, — за эти деньги чуть смерть не принял!..»

Ну, потом на эти деньги он такую ле домину выстроил, как Боже милостивый! И потолки все раскрасил... И я тут у них была чай пила. И все и кончила.

11. СОЛДАТ ЗНАЕТ ВСЕ ВПЕРЕД

1. Один солдатик шел по запасу. Доходит до пруда; он пить захотел. Нигде взялась змея, обвилась вокруг шеи, жалить не жалит, а давит. Взял за хвост, хотел о сосну торкнуть головой. — «Не бей меня, — говорит, — я тебе много добра дам». — «Какого?» — говорит. «А что тебе: денег или вперед все знать?» — Он подумал: «Все равно я деньги прожину; лучше вперед все знать».

Дает она ему корешок. — «Съешь вот этот, все вперед будешь знать». Он съел, узнал, что вперед, все.

2. Подале отошел. Пошел дождь, туча. Стал он под дуб. Наверху две ветки с сучка на сучок перескакивают и разговаривают: «Вот пойдет туча, — говорит, — как ударит гром, этот дуб весь расшибет, этого солдатика убьет», — говорит. — Он отошел под елочку.

Едет барин. Вздумал под дубом от дождика сохраниться. Солдатик до него доходит. «Барин, неужели вам жизнь надоела? — говорит, — сейчас пойдет туча и весь этот дуб расщепает», — говорит. — Поедет барин к елке перейти с ним; как пошла туча, и этот дуб весь расхробастало. Барин не знает, что за этот подвиг совершит.

«А чего тебе, солдатик, нужно? — говорит. — Чем тебя вознаграждать?» — «Мне ничего не нужно, только подвези меня сколько-нибудь». — «Можно. Садись в экипаж». — Сели в экипаж и поехали.

3. Две сороки с елки на елку скачут, разговаривают, что «у этого барина правая фланговая лошадь через шесть верст как упадет, так и пропадет». — Послушал солдат у сорок разговор: объясняет своему барину, что «барин, у вас несчастье случится!» — «Какое?» — «Вот через шесть верст эта лошадь упадет и пропадет!» — Проехали шесть верст, как упала, и пропала. Барин до солдата: «Ну, ты знаешь, все вперед, чего случается!.. Поедем дале!..»

4. Доехали до поля. Две вороны на меже сидят, переговаривают, что «этот барин едет домой с великими радостями; у них дома несчастье: у парадного крыльца жена стоит с кинжалом, сама себе хочет смерть дать!» — «А за что именно?» — «Сорок тысяч денег у них потерялось: утащил старший кучер у них деньги».

«Барин, у вас, — говорит солдат, — дома несчастье: твоя жена, — говорит, — стоит у парадного крыльца, сама себе хочет смерти дать!» — «За что именно?» — «У вас деньги потерялись, сорок тысяч». — «Разве вы знаете?» — «Хорошо, я могу все вперед знать». — «Как же возвратить мне мою барошню от смерти от этой?» — «Вы едите той дорогой, а я поеду второй; я переж тебя приеду, могу вашу барошню воротить от смерти».

Приезжает солдат к ним, спрашивает барошню: «Где у вас барин?» — «Я давно поджидаю его: сама себе смерть хочу дать!» — «Об чем?.. Сама себя губить?» — Стал солдат разговаривать, подошел поближе; поспел схватить за шашку. В то время барин приехал.

«Что вы, барошня, худые глупости держите в голове? Мало ли что потерпели? Мы наживем более еще!» — Барошня разговорила. Ушли на третий этаж, стали разговаривать.

Солдатик вышел до ветру. Одна собака с собой была у них брата, у барина, а вторая дома. Которая с собой была собака брата, она домашнюю стала кусать, напропалую рвет: «Зачем деньги не сохранила?» — Собака отвечает: «Ты меня не кусай, не рви! Деньги все лужке, в соломе; я видела, куда старшой кучер положил» (кто деньги украл), говорит.

Солдатик после собачьей драки пришел в залу к ним. — «Нет ли у вас колоды картей? Я могу поворожить». — Подали колоду картей. Раз кинет, два кинет. — «Барин, деньги у вас дома! Как пойдем, так и найдем. Выпадает по моим картам, что у вас шкатулка в соломе». — Как пошли, и нашли деньги.

5. И стали советовать, что «за этот подвиг этого солдата чем награждать? Меня от смерти и вас от другой освободил?» — «Так за этот подвиг лучше, — говорит, — есть у нас Анюточка — его в зятевья взять!» Поженили его...

12. ЗМЕЙ И ЦЫГАН

1. В прежние годы, до Христова распятия, были злые змеи, слободы народу поседали. Услыхал цыган, што змей слободу выел; этот цыган за именье: «Именьё, — говорит: — все осталось». — Цыган думает, што именья страсть осталось.

Всю слободу прошол. Старичок живёт. В келейку заходит ко старику. Этот старик говорит: «Эх, говорит: — зачем ты идёшь? Я вель испасся на смерть к змею». — Цыган: «Врёт, с..н сын, злой змей, подавища!» — говорит.

Вот, змей летит, так с пылу двери отворяютца. — «Вот, — говорит: — сказали, што один обед в етой слободе, а ошшо, — говорит: — два обеда!» — А цыган сидит: «Врешь, злой змей, подавища!» — «А ты што, — говорит: — цыган? разве со мной хошь братовацца?» — А цыган: «Што? разве, — говорит: — нельзя с тобой побратовацца?»

Змей и говорит: «А как будем братовацца — свистом али как?» — «Конечно, свистом». — Выехали на чисто полё. Цыган: «Давай свисти!» — говорит. — Змей как сосвистел, так с дубья желудки повалился. — «Ну ты, цыган, — говорит: — свисти!» — А цыган: «Завяжи, — говорит, — свои бельма (глаза), а то полопают, — говорит: — как я засвишшу».

А цыган припас дубинку. Как стова змея по загровку-ту дунёт дубинкой-то. Змей: «О-о-о! Нет, твой, — говорит, — свист тяжёльше! —

говорит: — Ладно, што приказал ты бельма завезать, а то бы лопнули, — говорит: — бельма!»

2. «Ну, ступай, цыган — вот у Еги-бобы ходит сорок волов, так поди режь вола! обдать я захотел». Цыган ушел тамока да волов-то хвостам-то и свивает в одно место. «Што такое, — говорит: долго цыгана нет? Змей не можот дождацца. Прибежал: «Што, цыган, долго?» — «Я вот сорок-то волов, — говорит: — совью хвостами-то, да через плечо перекину, дак всех и принесу».

Змей ужаснулся. — «Ох, — говорит: — видно, проворён цыган: сорок волов хочёт унести!» — Змей как хватил вола за хвост, так и сдернул кожу с нево. — «Ступай, цыган, неси воды; эту кожу полную налей и неси!»

Цыган пришол к колодцу, окопывать струбечь. Змей ждал, ждал. «Што такова долго нет?» — говорит. Пожал. — «Што, цыган?» — «Я вот колодец окопаю да и принесу на плече. Неужели мне к каждому обеду таскать тебе воду?»

Змей струсил; эту кожу налил, унёс, давай обед варить. Сварил вола. — «Давай, цыган, садись!» Цыган искосился, не смотрит. — «Ну, што, цыган, не сядишша?» — «Што сядицца? Одново вола вдвоём ести — што такое! Кабы вола три-четыре, так!»

3. «Ну, цыган, пойдём ко мне в госьти!» — «Разве пешком пойдём?» — Как змей свиснул, пара лошадей перед ним и повозка с дышлом. — «Давай, цыган, садися!» — «Я не сроден в повозке сидеть, я сроден на козлах».

Едут балаганом, а цыганёнки скачут на одной ноге; скачут и кричат: «Ой, тятя едёт, змея везет!» — «Это, — говорит: — што за люди?» — «Это детки мои». — «Оне што говорят?» — «А я по те времена-те ездил, так всё по змею имя в жертву возил; так они радуютца, думают: я тожо на жертву тебя везу».

Змей ужимался, ужимался в повозке, как швыркнул, — только крыльё взвыло, улетел. Цыгану досталась и пара лошадей. (Змея очиганил).

13. ПОП И РАБОТНИК

1. Раз поп с работником поехали купить сено. А поп скупой был. — «Ну, работник, ты хлеба себе бери, а мне не надо. Я поп, меня в каждом месте примут». — Вот и поехали.

Приходит ночь. Поп и говорит работнику: «Поди просись ночевать и скажи там хозяину: когда я приду в избу и скашляю первой раз, чтобы был самовар готов; когда скашляю второй раз — ужин, и третий раз — постель чтобы готовили».

Работник сделал наоборот. Он так сказал, когда просился ночевать: «У меня, — говорит: — батюшко совесливой. Когда он придет в избу и скашляет первый раз, чтобы баня готова, а второй раз — чашку холодной воды, а третий раз — постеля готова».

Так все понятно, и сделали хозяева, как говорил работник. И работник проделывал это три ночи.

2. Но, стали ночевать они последнюю ночь, поп очень захотел есть. Розбудил своего работника и говорит: «Я видял: вчера баба поставила квашню; хотя бы мне теста похлебать!» — Работник принес ему теста, и поп рукой хлебает.

Когда он кончил, свою похлебку, и говорит: «Где бы мне руки помыть?» — «А вон стоит кружка с квасом, поди мой!» — говорит работник. — Поп так и сделал. Затолкал обе руки в кружку, и когда вымыл, потянул свои руки, а они затянулись в узком горлышке.

«Работник, руки-то я не могу добыть», — говорит поп. — А работник был продвунной. — «Поди, вон на лавке лежит точило, розбей ее (кружку)». — А на лавке спал плешатой старик; ночь была месячна, плешь у старика-то и сияет, как точило. Вот, поп подходит и хлоп старика по плеше. Старик как закричит: «Сыновья, вор здесь! Бьют меня!» — Поп в испуге убежал на улицу.

Роботник ушел за ним. И у него руки еще в кружке. — «Ну, как, работник? о что я розобью свою кружку?» — И в то время старуха вышла на волю до ветру. Роботник и говорит: «Вон у столба стоит корга». — Как поп подходит, и хлоп старуху по голове. И опять крик. Поп чуть не плачет со своей кружкой.

Но наконец роботник освободил у попа руки.

3. Но вот, они поехали домой. А ночевать уже не стали в деревнях, а ночевали на поле. Раз они ночевали. Роботник и говорит попу: «Смотри-ко, сколько волков! нас съедят!» — Он испугался и говорит: «Что будем делать?» — А роботник и говорит: «Привяжу я тебя на бичевку. Ты стань на четыре лапы и лай; а я возьму дубину и буду ходить. Волки увидят, что ходит лесник, и убежат». — Так и сделали. Но когда росветало, и что же? Это были обгорелые пни.

Так вот как учат скупых попов. Наверно, он вперед уже — поедет за сеном — возьмет своего хлеба.

14. ШУТ

1. Был шутушко; шуткам свою жись испроводил. У шутушка, значит, шутки остановились. Он взял, сплёл лышнюю кобылу, унёс на реку поить. Едет поп, а он стоит у Ердани с кобылой. Поп и говорит: «Эх шутушко, пошути-ко!» — «Шутить-то я бы шутил, — говорит: — да шутки дома забыл». — «На, — говорит: — на моей лошади, съезди за шуткам». — На попоськой лошаде и уехал. Попоськую лошадь продал. Поп пришел, лышню кобылу на себе принёс. — «Што, шутушко, ты долго? Ты бы для меня пошутил!» — «Да ведь я бачко, — говорит: — пошутил». — «А чево ты пошутил?» — ведь я твою-ту лошадь, — говорит: — продал».

2. Поп пошел пешком в село. Приходит в село попадьё и рассказывает: «Я, — говорит: — с шутушком связался, и с лошадей, — говорит: — растался». — Попадья ему и говорит: «Над тобой, — говорит: — ведь все прихожана... просмеют тебя!» — «Погоди, матка, — говорит: — не станём сказывать!»

15. РЕБОК

Муж с женой поехал к тестю в гости. Доехал до лесу. Он поймал ребка. Жена спрашивает:

— Муж, кому ребка?

— Батюшку моему.

— А моему то що?

— А нет ничего!

— Жена говорит: — Не поезду в гости, едь домой!

— Ты, — говорит: — жена, не захварай!
 — А шо, — говорит: — захвораю, так захвораю! Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Едь скорее домой!
 Едет домой. — Жена, ведь я к дому подъезжаю!
 — Ну так шо, подъезжаешь так подъезжай! Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 Захворала я. Поезжай скорее за попом, приобшать меня!
 Ну, привез он попу и бежит в избу переже попу. — Жена, я попу привез.
 — Ну так шо, привез так привез! Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Причашшай скорее!
 Ну, жена, я попу повез; не умри без меня!
 — Ну так шо, умру так умру! Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Умру без тебя. Вези мытничу.
 Привез мытничу. Бежит переже домой. — Жена, я привез мытничу.
 — Ну так шо, привез так привез! Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Давай мойте меня скорей!
 Он и говорит: — Жена, надо мне идти домовишшо делать. Мужиков звать.
 — Ну так шо, делать так делать! Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 Идут мужики мерку снимать. Она опять мужа спрашивает:
 — Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Кладите в домовишшо скорее.
 — Жена, я, — говорит: — тебя везти хочу.
 — Ну так шо, везти так везти!
 — Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Вези скорее!
 Подъезжает к селу. — Жена, я ведь к селу подъезжаю.
 — Ну так шо, подъезжаешь, так подъезжай. Кому ребка?

— Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Давай, иди за попом; отведайте меня скорее!
 Сходил за попом, отпел и на кладбишко повез.
 — Жена, к могиле подъезжаю.
 — Ну так шо, подъезжаешь так подъезжай. — Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Жена, ведь я тебя хочу в могилу спущать.
 — Ну так шо, спущаешь так спущай! — И опять спрашивает: — Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему шо?
 — А нет ничево!
 В могилу спустил. Она опять спрашивает:
 — Кому ребка?
 — Батюшку моему!
 — А моему то шо?
 — А нет ничево!
 — Ребята, вали глину!
 Тут её и завалили глиной.
 Жена в могиле то и зашумела. — «Твоему, твоему твоему!...»
 А он уж ее завалил, так теперь нечево.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки печатаются из сборника «Великорусские сказки Вятской губернии» (Пг. 1915) с некоторой редакцией для облегчения восприятия их современным читателем. Редакция не коснулась ни содержания, ни художественной формы.

№ 1, 2, 3, 4 — сказки записаны учительницей Е. А. Костровой в с. Шараница Котельничского уезда в 1898 г. (№№ 79, 77, 78, 80).

№ 5 — сказка записана Д. К. Зелениным от Кузьмы Михеева в с. Юрьево Котельничского уезда в 1902 г. (№ 71).

№ 6 — сказка записана воспитанником реального училища Б. Карасевым в Елабужском уезде. (№ 119).

№ 7 — сказка записана Д. К. Зелениным от Григория Антоновича Верхорубова в д. Ключи Котельничского уезда (№ 1).

№ 8 — сказка записана Д. К. Зелениным от Ефима Памфиловича Пуртова в д. Петухи Нолинского уезда (№ 84).

№ 9 — сказка записана Е. В. Поповой в Верхошижемской волости Котельничского уезда (№ 72).

№ 10 — сказка записана Д. К. Зелениным от Натальи Ивановны Безруковой в с. Отары Уржумского уезда (№ 115).

№ 11 — сказка записана Д. К. Зелениным от Петра Ивановича Власова в д. Сименки Вятского уезда (№ 106).

№ 12, 14 — сказки записаны Д. К. Зелениным от Андрея Ивановича Бледных в д. Гостёвской Котельничского уезда (№ 42, 51).

№ 13 — сказка записана Д. К. Зелениным от Андрея Харитоновича Селезнева в д. Ключи Синцовской волости Котельничского уезда (№ 63).

№ 15 — сказка записана Л. В. Курочкиной от Марии Вдовкиной в д. Слудская, с. Юрьево Котельничского уезда (№ 76).

А. А. ИВАНОВА

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Если сказка призвана позабавить слушателя, то мифологический рассказ (или как именуют его исследователи — быличка) своей главной целью ставит передачу от поколения к поколению информации особого рода: как должен вести себя человек, вступивший в контакт с потусторонним миром. Подобное восприятие, выведившее быличку за пределы собственно искусства, объективно не способствовало ни ее собиранию, ни публикации (в особенности в прошлом). Обыкновенно на страницы газет, журналов и прочих изданий попадали не сами рассказы, а характеристики верований, лежащих в их основе. И все же даже эти скудные, отрывочные сведения представляют определенный интерес, так как позволяют в общих чертах воссоздать репертуар на период XIX — нач. XX в., когда традиционный деревенский общественный и семейный уклад Вятского края еще не был разрушен.

В соответствии с мировоззрением наших предков, мир, окружавший их, делился на две половины — **свой**, человеческий, освоенный, а потому и относительно безопасный, и **чужой**. Последний фантазия людей населила божественными существами, олицетворяющими природные стихии и явления, и умершими родственниками. От них, как считалось, зависела судьба, материальное и душевное благополучие каждого человека. Иной мир мог быть не только благожелательным, но и опасным, карающим (в особенности в том случае, если человек нарушал раз и навсегда установленные нормы поведения, например, не попросившись у хозяина бани, шел в третий пар; не угощал домового, вводя в хлев вновь купленную скотину; оставлял в непокрытой и неперекрещенной посуде еду; все поминал лешего или черта и пр.). Именно поэтому с обитателями потустороннего мира, более могущественного, нежели человеческий, нужно было общаться по определенным правилам. Этому и призваны были обучить былички.

Языческий пантеон в основе своей сложился еще до принятия Русью христианства: в нем были божеества небесной и земной сфер. После крещения славянского мира небесные языческие духи заменились христианскими святыми («чистыми» божеествами), а земные попали в сферу влияния дьявола, получив в результате статус «нечистой силы», «нежити». Так языческий пантеон сузился до божеества земной сферы, претерпев при этом количественные и качественные изменения. Несколько иными стали и связи мифологических персонажей друг с другом и с

человеком. Первоначально у каждого из них была своя, строго определенная, сфера обитания (по ней они нередко и именовались) — домовый почитался за духа дома, леший — леса, водяной — водных источников и т. д. Поскольку каждый из них стал рассматриваться как бесовская сила, четкость номинации персонажа начала стираться (например, водяной — водный черт — черт). Это способствовало перераспределению мест их обитания и основных функций, а в конечном итоге — изменению состава мифологического пантеона в сторону его сужения. Например, в материалах экспедиций МГУ почти нет рассказов о водяном, тогда как в изданиях столетней давности он упоминается довольно регулярно. Единичным оказалось и свидетельство о духе поля: «Всадник — это нечистый дух, который во ржи живет. Его на белой лошади видели в полях. Он хлеб хранит у тех людей, которые достойны Бога, а иначе если, то с хлебом может плохо сделать» (Носова Серафима Львовна, 1909 г. р., д. Погост, Лузский район). С другой стороны, персонажи, начинавшие играть все более заметную роль, могли породить новое божество, в котором персонифицировалось какое-то одно их качество (например, в Подосиновском районе популярны рассказы о мани, манихе, водящей человека по лесу точно так же, как это делает леший). Сказанное позволяет рассматривать изменения в составе мифологических персонажей не как однозначно разрушительный, а как достаточно естественный ход развития мифологического сознания людей.

Менее изменчивыми, нежели обитатели иного мира, оказались его временные и пространственные характеристики. Так, временем и местом, наиболее благоприятными для размыкания границ между своим и иным мирами, считаются пороговые рубежи: начало года, сезона, суток, порог, окно, ворота, перекресток и т. п. Именно здесь человек чаще всего и встречался с нечистой силой, идя на этот шаг вполне сознательно (как, например, при гаданиях, стремясь узнать свою будущую судьбу) или случайно (нарушив предписанные нормы поведения). При желании с помощью обрядов и оберегов границы можно было укрепить или ослабить: в первом случае прибегали к крестному знамению, молитве, очерчиванию кругом, втыканию в границу острых железных предметов — ножа, топора и пр., во втором — совершали прямо противоположные действия — во время гаданий снимали с себя крест, булавки, кольца, бусы, распускали волосы (распущенные волосы, как известно, были одной из наиболее примечательных черт русалки, лешачихи, чертовки), призывая нечистую силу, открывали шесток, окна, двери. И все же, несмотря на сказанное, мы использовали уже многократно апробированный принцип их группировки по персонажам (хотя в

ряде случаев по указанным причинам сделать это было весьма затруднительно). Местоположение мифологического персонажа в нашем собрании находится в прямой зависимости от того, какое жизненное пространство человека он опекает и в каких отношениях с ним находится: чем дальше от избы, защищенной иконами, обитает дух, тем более злобен его нрав и опасны действия.

Сравнивая мифологический пантеон Вятского края по современным записям и публикациям столетней давности, нетрудно заметить, что он отличается незначительно. В прошлом главенствующее место в нем занимал леший, что неудивительно при наличии обширных лесных угодий и активном развитии в хозяйственной инфраструктуре края лесных промыслов. Ставя свои удачи и неудачи в зависимость от отношения лесного хозяина, вятчане старались правильно вести себя в лесу: не разжигали костер на тропе лешего, при встрече делились с ним нехитрым угощением, не обижали его собак, не поминали по имени и т. д. И ныне рассказы о нем очень распространены: почти каждый исполнитель, с которым довелось поработать в ходе экспедиций, рассказал не одну историю. Показателем популярности лешего в Вятском крае следует признать и тот факт, что в номинации мифологических персонажей лексема «леший» («лешак») стоит на втором месте после лексемы «черт» («бес», «нечистая сила»): она может связываться с такими персонажами, как черт, шиликун, огненный змей, водяной, домовый, банник.

Среди других персонажей мифологического пантеона в публикациях прошлых лет упоминаются домовый, русалка, водяной, шиликун, вещица, оборотень, знахарь, колдун, покойник, кикимора, клад. Все они (за исключением водяного) представлены и в материалах экспедиции МГУ. Причины отсутствия последнего, по-видимому, можно связать с полным забвением некогда достаточно широко распространенного в ряде уездов мукомольного промысла¹: ведь излюбленным сюжетом, связанным с водяным, по старым записям, была его помощь мельнику в ответ на обильные жертвоприношения.

Публикуя материалы по народному календарю², мы отметили имеющиеся в нем локальные различия, связанные с разновременными и разнонаправленными колонизационными потоками. Эти различия в говорах и традиционной культуре отмечал еще Д. К. Зеленин. Так, к собственно Вятскому краю он отнес только Вятский, Орловский, Котельнический, Нолинский и юго-западную часть Слободского уездов, а на их территории выделил два говора: вятский и котельнический. Обследованные экспедициями МГУ районы Кировской области прежде относились к разным уездам и губерниям: Лузский, Подосиновский, Опаринский и северная часть Даровского районов входили в

состав Никольского уезда Вологодской губернии (т. е. находились в зоне влияния сначала Новгорода, а потом Устюжны), южная часть Даровского района, Котельничский, Шабалинский, Свечинский районы составляли Котельнический уезд, заселявшийся преимущественно выходцами из «понизовских», западных, поволжских земель, а Белохолуницкий и Нагорский районы, примыкающие к Коми Республике, хотя и были составной частью Слободского уезда (его верховянской частью), в говорах и быту существенно рознились с его остальной территорией (так называемой подгородной, подзаводской, зачепецкой и кайской частями. При картографировании локальных различий в вятской мифологии очевидной становится их зависимость от указанных территориальных делений. Приведем лишь наиболее примечательные факты. Рассказы о шиликунах зафиксированы в Даровском, Котельничском и Шабалинском районах (бывший Котельнический уезд); о кикиморе как о домашнем духе рассказывают в Белохолуницком и Нагорском районах (северная часть Слободского уезда), как о болезни, аналогичной падучей, икоте, в Котельничском, Даровском, Опаринском, Подосиновском районах (Котельнический уезд, Никольский уезд Вологодской области). Номинация домового достаточно разнообразна, но только в Нагорском районе его зовут **батаманом**. В Котельничском районе насылание порчи называется **навешиванием килы** (соответственно колдуны именуются **кильниками**, в Нагорском районе — **наложением завета** («Всяко заветы те ложат. Есть вот смертельно ложат опять. Смертельно ложат: года три проболел и умрешь. Есть и под покойника ложат опять. Если под покойника положат: дак вот, пока покойник тлеет, да ты все болеешь... По ветру пускают... на воду пускают... Дак под покойника самый страшный» — Булычева Юлия Дмитриевна, 1932 г. р., с. Мулино, «Заветы бывают разные: на воду, на ветер и в землю. В землю закопаешь — можно назад взять, и человек этот выздоравливать будет. А если на ветер, на воду, тут уж унесет всю жизнь, назад не воротишь» — Костылева Анастасия Афанасьевна, 1918 г. р., с. Мулино). Пока вся территория Кировской области не будет описана и изучена по методу сплошного обследования, говорить об ареалах имеющихся различий и факторах, их сформировавших, сложно.

Одним из главных предназначений былички, как уже отмечалось, была и остается передача информации особого рода: о том, как должен вести себя человек, вступающий в контакт с потусторонним миром. Эта же информация могла передаваться и в других жанровых формах, в том числе нефольклорных. Среди последних особое место занимают поверья — краткие речевые изречения, в обобщенном, отстраненном от конкретных случа-

ев, виде сообщающих нужную информацию (в то время как быличка — это рассказ о конкретном происшествии, нередко передающий события от первого лица).

ЛЕШИЙ

1. У нас на погосте раньше кабак был, дак шел мужик пьяный, сам на себя дорогой забрался. Ему навстречу мужик шел, говорит:

— Пошли доведу.

Все вел по дорожкам, говорит ему:

— Иди за мной.

А мужик-то думает:

— Куды он ведет?

Помолился. Одну всего молитву знал, ту и прочитал.

Перекрестился. Тот и закричал:

— А! Догадался!

Сразу вскочил на вершины, на елки и пошел. А у самого глаза такие черные, рога большие. Километров на пять завел. Мужик-то еле вышел.

2. Мне мама рассказывала. Давно было. Она ездила на мельницу. Обратно домой поехала. Ей говорят:

— Не езд, Александра, ночью: может тебя поманить.

А она:

— Я не боюсь ничего:

И рассказывает:

— Еду, еду. Темно уж. Вижу — кто-то на белой лошади. Я быстрее — и он быстрее. Потом оглянулась — нет белой лошади, а моя не идет, остановилась. Посмотрела вокруг — ущелье! — раньше здесь не бывала. Тогда я передела хомут другой стороной, перевернула его, слышу: кто-то в ладоши хлопал громко так. Говорит:

— Ага! Догадалась!

Неизвестно кто, голос какой-то. А я-то выбралась и дорогу потом нашла.

3. Вот однажды мужик поехал на лошади (...) домой. Он где-то в лесу работал и ехал на лошади домой. И вот едет-едет, и вдруг лошади у него заржали, дальше не идут. Он остановился:

— Что такое?

А на улице уж совсем темно. Уж припозднился ехать домой. Выходит. Досмотрел: там лежит теленок. Отрублена голова и теленок. В общем, чего делать с этим теленком? Он взял, отъехал, под уздцы лошадей отвел, положил этого теленка на сани и давай понукать. Он бьет бичом этих лошадей, понукает вожжами, кричит — и лошади ни с места, храпят, пена у рта. И ни с места! Вот. Поглядел — а у теленка голова приросла! Ему так стало жутко! А лошади-то ни с места. Все изорвались, а с места сдвинуться не могут. Тогда он давай креститься: и вичкой, и руками крестится, и толкал этого теленка с саней и давай крестить его. И теленок как захохочет человеческим голосом! Вскочил — и вдруг это оказался мужчина. И побежал. И мужчина оказался с рогами и бородой. И побежал в лес. А лошади как сорвались с места, так и до самой деревни бежали без передышки. А он избавился от этого теленка.

4. Не знаю, на самом деле было или нет. От Михаила Тимофеевича слышал.

Один мужик делал сани себе, но еще по голу, снега еще не было. Сани готовят до зимы. Сделал сани да и пошел их запрягать на подволоку, а сани там во что-то уперлись. Пихал-пихал — не лезут. Мужик рассердился:

— Понеси леший сани! Чтоб их леший унес!

Залез, расправил, все-таки затолкнул. Пришла осень, напал снег, стали сани запрягать. А он еще не запрягал. Осенью, примерно в ноябре месяце, сосед его ехал с грузом, и поднялась такая буря, что невозможно. Едет, а в стороне сидит женщина с маленьким ребенком. Ребенок ревет и сама женщина замерзает. Он подъехал.

— Отвези, спаси нас!

Посадил он их в кошелку, укрыл своим зипуном, поехал. Угор был большой и нырок, ухабина. Лошадь побежала, а в этом нырке его как трянуло, у него сани-то подломились, полозья переломились, и копылья вылетели, оглобли вылетели. Дальше ехать нельзя. А чего дальше делать? Ни туда, ни сюда. Ямщик и думает:

— Надо взбираться на угор, перегружать надо. Поеду в деревню, лошадь выведу, надо им покупать новые сани.

Вдруг откуда ни возьмись мужик тащит сани новые, еще неезженные. Приташил и говорит:

— На тебе, запрягай, воз перегружай и следуй дальше.

Этот ямщик хотел ему уплатить за сани. А этот, который сани принес, говорит:

— Мне ничего не надо. Это за то, что ты помог и спас мою жену с ребенком.

Тот перегрузился и уехал. А тот, который делал сани, хватился, надо ехать, тык-брык, и саней нигде нет. Куды девались сани? А этот ямщик приехал ночью домой, отогрели бабу и ребенка, накормили, а тот ему говорит:

— Я утром приду за своей женой.

А этот мужик, который сани делал, пошел по деревне:

— Кто-то у меня сани утащил с подволоки.

А этот черт пришел за женой. Они и встретились.

— Сани с подволоки потерялись!

— А я их унес.

— Как унес?

— Ты чего сказал, когда на подволоку пихал их? Ты их мне отдал, помнишь? Когда они мне не требовались, я их не брал, а надо стало — я их и унес.

Мужику делать нечего: он сам и отдал. А тот леший жену с ребенком забрал и ушли в другие места.

ВОДЯНОЙ, РУСАЛКА

5. У нас как-то баба утонула. Ну мне было лет двенадцать. Так брат-от нырял... Она вот купалась. Пошла на пожню и вот придумала купаться. Все купались. Она вылезла, села:

— Нет, я еще нырну.

Нырнула и не вынырнула. Так вот. Дак брат еенный нырял, дак обратно выскочил. Говорит:

— Больше я не буду нырять.

А после он рассказывал матери. Говорит:
— Сидит на ней волосатый кто-то. Такой волосатый сидит на ней, дак я, — говорит, — испужался. Дак дай бог вынырну!

6. Мельник у нас был. А говорили: в омуте, в глубине чертенку у него жил.

Как-то приехал мужик к нему зерно молотить, а колесо не крутится. Мельник и говорит, мол табак у чертенка кончился. Мужик глянул под колесо — вроде бы там рогами под колесо уперся. Кинул в голбец табака — дак колесо и закрутилось.

7. В одном месте у реки тихое место было. Страшное. Там нечистая сила, видимо, была. Все показывалось людям. Миша Крюков рассказывал. Он на горе жил:

— Ехали мы на мельницу ночью. И, — говорит, — доездаем до речушки, а в ручье сидит женщина голая. Говорят, что русалка. Волосы распущены, по воде бьет и кричит: «Свети, месяц! Рубить буду! Свети, месяц! Рубить буду!» У нас волосы дыбом. Не знаем, как за реку переехать.

ДОМОВОЙ

8. Еще коровку-то когда выводишь, надо рождю ее посыпать и говорить слова, чтобы дедушка-суседушка не мучал скотинку:

— Дедушка-суседушка! Каурую пусти мою коровушку. Пой, корми, на меня не надейся. Будьте мои слова крепки да лепки. Аминь.

Это надо говорить, чтоб суседка не плел гривы у лошадей, чтоб коровы чистые ходили.

Случай был. Один мужик кормил лошадь да хорошо, а она все худеет и худеет. Мужик-то стал караулить ее. Вдруг дверь в стойло отворилась — идет старикашка с фонарем, сел на лошадь да стал качаться. Это суседка был. Он ее мучил, потому она и худая была.

ЧЕРТ

9. Раньше, как родишь, шесть недель пройдет, идешь в церкву молитву взять. А я дак неживого родила да мне все и недосуг. Я не пошла к батюшке. Вот мне и привидилось во сне два нечистых: глаза такие черные, рога у них, хвосты длинные. Схватили меня за руки, назад выкрутили вот на угоре-то под березками и вниз толкают, в реку.

— Все равно утопим, — говорят.

Я со страху за березки ухватилась со всей силы. Тут меня Шура-то и разбудил.

— Ты чего, — говорит, — ты чего, Дуня?

Я его во сне-то за живот схватила, думала, что за березки держусь. Он мне потом сказал:

— Пооди в церковь-то.

10. Только вот у меня мама рассказывала.

У нее брат. Ему охота научиться играть в гармошку. Ему кто-то сказал:

— Возьми в баню пооди и играй в гармошку учись в двенадцать часов ночи.

Он-то ушел, говорят, раньше.

— Ну и вот, — говорит, — сижу, в гармошку играю, пилю. Вдруг двери отворяются, приходят ко мне, тащат, — говорит, — дос-

ки, — и говорит, — меня ложат на эти доски: «Сейчас, — говорят, — мы померяем, отпилим и гроб тебе сделаем». Ой! Я испугался. Слышу — пилят! — говорит. — Пилят! Ну вот. Это все они сделали, убежали. Никого не осталось.

Ну я опять сию, играю опять. Потом, — говорит, — я уж играл-играл-играл. До чего уж я долго сидел. Вдруг ниоткуда взялся заяц. Как эдак ко мне подворотился да пукнул во всю. Тут, — говорит, — и рассветало. Ну, пришел домой. Ну больше я не пойду. Столько страху я повидал! Беда! Черти, конечно, не народ!

ПОКОЙНИК

11. Один мужик бабу свою схоронил и все жалел, что она во сне к нему не приходит. Все говорил:

— Хоть бы показалась она. Пойду на кресты в двенадцать часов постою.

У нас одна дорога туда, а рядом с крестами лес. Стоит он. Ветер задул, снег пошел. Вдруг из леса выходит женщина высокая такая, вылитая евонная жена. Да одета еще в то, в чем мужик хоронил-то ее. Идет ему навстречу и говорит:

— Ты хотел меня видеть? Я пришла.

Подходит к нему и все хочет поцеловать, а потом шекотать его стала. Мужик перепугался, жарко стало. Он давай с себя скидывать все, а она от него не отстает. Еле вырвался. Прилетел в одной рубашке в деревню. Оглянулся, когда домой бежал, а сзади вроде яма и земли нет. Божился потом, что приходила она. Говорит, мол, пойдите посмотрите следы. Да только один евонный след был, ее следу не было. Вот ведь поманило как!

12. У нас вот дядя. Вот в аккурат тоже так сделал. При этом порчу ему пустили.

Приехал венчаться. А церковь была обнесена оградой ведь: не так просто стояла. И назывались «царские ворота». А там дружка, видно, не догадался, а чересседельница была расстелена у ворот-то. Когда ехали, не убрали ее (а кто-то, видно, подшутил...). Вот он женился и заболел, заболел, заболел. Все у него изболело. А ведь это кто-то знает и нахорошо. На Долматове там деревня есть, в Октябре. Там знали крепко мужики. Один мужик, знаешь, знал, дак Суслонов у него фамилия была. Ну вот. Сделал ему. Приехал к нему, сделал ему, чтобы она вышла оттудова. Вот он его напоил чем-то. Он блевал да блевал да и выблевал как ящерицу. Да. А надо было ее сожечь. А тетка, говорит, вынесла на улицу, выплеснула. Она снова опять ушла в его (...) Вот чего знали! А он опять заболел, опять ему в животе покою не стало. Он опять к этому же мужику стал касаться. Он приехал, сделал, сказал. Говорит:

— Больше не выплескивайте на улицу, а вот на жар в печь. В печи натопи больше жару и туда брось.

Бросили в печку ее, дак как из ружья она сторкала! И больше все, не зашла она в его. Вот он сам про себя рассказывал.

13. Кикимору берут с болота и салят в человека. Сестру просватали, так ей посадили — у нее живот рос. Она когда умирать стала, кикимора у нее изнутри заговорила человеческим голосом. Когда сестра умерла-то, ничего, никакого живота не стало. И форточки выбило. Это берут с наговором с болота. Может быть, и икру лягушачью. На три года

была посажена. Когда пить хотела, так не своим голосом говорила она.

Я вот за Колю вышла, мне тоже чегой-то кинули. Ходила я долго, голова болит. К одной пошла, она уже знает, как мысли читает. Посадила меня под матицу у печи, голову обмерила, воды зачерпнула, на картах потом двух дам и мужика вытащила. Потом как с кем-то разговаривала. И мне говорит:

— Ты через порог переступила, а там мышшь перерванная была. За то ее положили, что ты стала с парнем ходить.

А я не знала, что он с девкой не по-хорошему ходил. Я бы его за десять верст обошла.

ЛЕГЕНДЫ

14. Христос был приглашен на свадьбу со своими учениками и с матерью. Пили, ели, веселились, и у них не хватило вина. И пришел распорядитель пира. А Иисус еще ничего не делал раньше волшебного. Он велел принести ученикам семь сосудов с водой, и эту воду он превратил в вино, дали распорядителю пира. Он попробовал, и это вино лучше было, чем настоящее.

15. Илья-пророк ехал на лошадке и увидел горошины. Он поднял их и развел горох. С тех пор на земле сажают горох, а до Ильина дня горох еще незрелый, его не ели.

16. Это легенда может быть, а может быть, и нет. Вот церковь хотели поставить в кулинии. Тут была поставлена небольшая часовня деревянная. Вот. И икона была. От кого? Какого святого? Вот ночью эта икона выходила вот сюда, где сейчас стоит церковь. Кто переносил, никто не знает. И решили строить церковь здесь. И много раз. Принесут ее, а утром нет ее: она опять на этом месте. Я слышал это от старых людей. Старые люди рассказывали, юрьевцы.

17. Один парень в армию пошел, дак ему бабушка крест в одежду вшила. Ехали двое на танке. Танк загорелся. Один, без креста, остался, а с крестом — его выхлестнуло в сторону. Его нашли, он сказал:

— Если выживу — не брошу Бога.

Стал служить попом парень.

18. Ты у Спаса на берегу Моломы вырвину большую видел? Там лет двадцать назад церковь стояла. И поп там был. Стали новую больницу строить, церковь ломать стали. Строители копать начали. И вдруг речка из берега ударила, стало размывать берег, все дома перевертывал и в реку. Поп говорит:

— Молитесь Богу!

Строители отошли от церкви — речка отсеклась. Сотни людей были. Я видела.

19. С тринадцатого на четырнадцатое (января — соб.) в деревне была вечерка. Все собирались, танцевали. Ну вот. Все собрались, разбились по парам, а у одной девушки не было пары. Она взяла икону и пошла танцевать. И она умерла прямо тут, стоя с этой иконой. Умерла. Ну, что делать? Надо ведь ее убирать. Начали ее оттирать — не могут. Как начали вырубать — из пола кровь пошла.

Вот эту историю я слышала еще ребенком. Что дальше — не знаю. Но что начали пол рубить и стала кровь выступать за то, что она схватила икону с тринадцатого на четырнадцатое и начала танцевать. Это страшная самая ночь. Так нельзя.

ПРЕДАНИЯ

20. Ехал купец. И тут лес непроходимый был. Купец этот заблудился, выйти из лесу не может и стал обещать, что если выйду, поставлю село. Так и назвали Гостево. И приход был.

21. В Вишкиле существует предание о первых поселенцах Мишоте и Земце, основателях д. Мишотины и Земцы. По народным рассказам, Мишота однажды встретил в логу двенадцать разбойников, которые стали в него стрелять, а он сел в лодку и уехал, так как пули его не брали и он отбрасывал их от себя, как ореховые скорлупки. Про разбойников рассказывают, что они будто бы могли летать на скатерти да еще прихватив с собой партнеров для игры в карты.

22. Смотря на город с противоположной стороны реки Вятки, видишь, что он как бы находится в огромной впадине, а направо и налево идут высокие и крутые берега, в которые местами вдаются овраги: так, с полверсты от города вверх по реке Вятке находится довольно большой овраг, называемый по старине «Семиглазовым». Такое название сему логу дано, как объясняют старожилы, потому, что в древности из этого оврага выходило будто бы страшное чудовище о семи глазах и похищало тех смельчаков, которые решались пускаться туда для отыскания кладов. И ныне этим чудовищем многие из родителей пугают своих детей... Верующие же в бытность кладов и по сию пору утверждают, будто внутри этого семиглазового лога хранится клад, состоящий из огромного богатства. Чтобы достать этот клад, требуются следующие условия: сойти в овраг по крутому спуску задом наперед и потом представить живущему там чудовищу как хранителю клада семь голов (вероятно, по числу глаз, имеющихся у змея), доставать же этот клад непременно должно на Иванов день в полночь. Пониже кладбища находится такой же овраг под именем «Свинцовского». Старики говорят, что название оврага произошло будто бы от нахождения в нем прежде какой-то руды... На другой стороне реки Вятки, т. е. насупротив самого города, находится еще третий овраг, известный здесь под названием «Кобыльего ложка». Название такое он получил вследствие того, что в нем, во время бывавшей Алексеевской ярмарки, татары имеют обычай резать своих лошадей.

23. В «Разбойном бору», который упоминается в старинных актах даже XVI в., по преданию, спрятаны награбленные разбойниками сокровища, между прочим — оружие, церковная утварь и царские двери одного из котельничских храмов. Клад хранится, как говорят легенды, в подвале меж трех берез, скованных цепью. Один из кладоискателей находил будто бы клад, нагреб золота, но заблудился и нашел дорогу только после того, как выбросил золото.

24. Про овраг не знаю, а про мукачевский клад раньше многие говорили. Когда Осип Иванович уезжал, все свое золото спрятал в четырех шагах от березы. Березы перед тем домом растут. Контора сейчас в этом доме. Там все перерыли, ничего не нашли.

25. Прозвище котелян «молотниковские турки» обязано своим появлением действительному событию, которое еще помнят старожилы с. Молотниково около г. Котельнича. Здесь во время последней русско-турецкой войны проходила летом артель рабочих, до ста человек. Попросились ночевать, но получили отказ. «Мы ведь не турки», — возразили рабочие. Услышав страшное имя турки, старики и дети, оставшиеся домовничать, подумали, что перед ними и есть турки. Побежали

в поле — к тяткам и мамкам. С поля все воротились в село, вооруженные косами и дубинами. Но... неприятеля не оказалось. «Ну, мой бурко, не доставайся туркам», — с этими словами будто бы один местный крестьянин зашиб свою лошадку.

26. Деревня с деревней как-то поссорились. Мужики одни (не долетки что ли) недалеко отъехали, решили напугать друг друга. Шляпу с пером одел. Как раз война шла с турками. Сажей измазались, гонцов послали: мол, турки едут. Все перепугались, в лес побежали прятаться. А потом узнали, подрались. А потом смеялись:

— К туркам уехал в Молотниково.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как сообщили старожилы, на территории нынешнего Котельничского района было несколько десятков мельниц, о чем свидетельствуют вятские присловья, например, такое: «У Котельничи три мельнички: ветряничка, водяничка и паровичка».

² Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Зап. в 1989 г. в д. Емельянихе Лузского р-на от Авдотьи Сидоровны Плюсниковой, 1911 г. р.
2. Зап. в 1988 г. в д. Черницыно Подосиновского р-на от Валентины Александровны Курдюмовой, 1934 г. р.
3. Зап. в 1991 г. в с. Вишкиле Котельничского р-на от Галины Григорьевны Гринько, 1946 г. р.
4. Зап. в 1989 г. в д. Месино Лузского р-на от Василия Михайловича Зимирева, 1913 г. р.
5. Зап. в 1989 г. в д. Лопотово Лузского р-на от Дины Степановны Литвиной, 1925 г. р.
6. Зап. в 1989 г. в с. Верхнелальское Лузского р-на от Клавдии Петровны Горячевской, 1919 г. р.
7. Зап. в 1988 г. в с. Останино Подосиновского р-на от Антонины Ивановны Мызиной, 1927 г. р.
8. Зап. в 1989 г. в д. Погосте Лузского р-на от Серафимы Львовны Носовой, 1909 г. р.
9. Зап. в 1989 г. в д. Емельянихе Лузского р-на от Авдотьи Сидоровны Плюсниковой, 1911 г. р.
10. Зап. в 1991 г. в с. Вишкиле Котельничского р-на от Клавдии Алексеевны Весниковой, 1913 г. р.
11. Зап. в 1988 г. в с. Шеткино Подосиновского р-на от Любови Степановны Зайковой, 1924 г. р.
12. Зап. в 1988 г. в д. Токовице Подосиновского р-на от Марии Михайловны Мызиной, 1919 г. р.
13. Зап. в 1990 г. в с. Моломе Опаринского р-на от Екатерины Николаевны Бабкиной, 1924 г. р.
14. Зап. в 1991 г. в д. Аникиных Котельничского р-на от Клавдии Ивановны Игошиной, 1906 г. р.
15. Зап. в 1991 г. в д. Кузлевке Котельничского р-на от Юлии Федоровны Рогачевой, 1940 г. р.

16. Зап. в 1991 г. в с. Юрьеве Котельничского р-на от Николая Артемьевича Немчанинова, 1914 г. р.

17. Зап. в 1991 г. в д. Ярушниковых Котельничского р-на от Аграфены Тимофеевны Журавлевой.

18. Зап. в 1991 г. в д. Колосово Котельничского р-на от Таисии Ивановны Хромушиной, 1913 г. р.

19. Зап. в 1991 г. в с. Вишките Котельничского р-на от Валентины Михайловны Деминой, 1943 г. р.

20. Зап. в 1991 г. в д. Омониных Котельничского р-на от Антонины Георгиевны Омониной, 1903 г. р.

21. Котельничский календарь-альманах на 1912 г. Котельнич, 1912. С. 30.

22. И. Е. Глушков. Топографическо-статистическое описание г. Котельнича. // Этнографический сборник, издаваемый РГО. Вып. V. СПб., 1862. С. 7.

23. Котельничский календарь-альманах и памятная книжка на 1914 г. Вятка, 1914. С. 73.

24. Зап. в 1991 г. в с. Спасском Котельничского р-на от Анны Ивановны Дехтеревой, 1918 г. р.

25. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 153.

26. Зап. в 1991 г. в с. Спасском Котельничского р-на от Анны Ивановны Дехтеревой, 1918 г. р.

В. А. ПОЗДЕЕВ

МУЖСКОЙ АНСАМБЛЬ «ХЛЫНОВСКИЕ БОЯРЕ»

Мужской ансамбль народной песни «Хлыновские бояре» был создан в октябре 1987 года при Дворце культуры завода «Авитек» города Кирова. Художественный руководитель Ирина Втюрина. С первых выступлений ансамбля о нем стали говорить как о ярком, самобытном творческом коллективе. В 1990 году в городе Смоленске ансамбль стал лауреатом 1-го Всероссийского телерадиоконкурса «Голоса России», обладателем специального приза «Лучшему мужскому ансамблю».

В репертуаре ансамбля несколько программ. Две из них наиболее часто исполняются. Первая — это духовные песнопения, представленные как сочинениями выдающихся русских композиторов, так и народными духовными стихами, а также древнейшим пластом славяно-русского песнотворчества — знаменными распевам. Вторая программа — «Вятские небылицы». Это полные подлинно народного юмора плясовые песни, исполненные глубокой лирики старинные протяжные песни, виртуозные озорные наигрыши на уникальных берестяных рожках и жалейках, а также традиционных русских инструментах (гармошке, балалайке, ложках), молодецкие забавы и игры.

Илл. 95. «Хлыновские бояре»

Высокий профессионализм, универсальность артистов позволяют создать на сцене атмосферу подлинного народного праздника. Коллектив успешно гастролирует как в России, так и за ее пределами, является желанным гостем на лучших сценических площадках страны. Выступления в Кремлевском концертном зале «Россия», на концертных площадках Санкт-Петербурга вызвали много одобрительных отзывов в прессе: «Своим самобытным творчеством «Хлыновские бояре», с их старинными духовными песнопениями и кропотливо воссозданными художницей Ириной Митрофановой национальными костюмами рожают образ новгородского переселенца-ушкуйника, воинственного и сурового завоевателя вятских земель, основателя древнего града Хлынова» (журнал «Музыкальная жизнь», г. Москва).

«Сочетание самобытного многоголосия мужского вокала с оригинальной инструментальной поддержкой фольклорными инструментами производит неотразимое впечатление и оставляет о себе долгую добрую память от выступления «Хлыновских бояр» (журнал «Кругозор», г. Москва).

М. А. ВАЛОВАЯ, В. А. ПОЗДЕЕВ

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Среди многообразия жанров русского фольклора особое место занимают духовные стихи — своеобразный отклик народной культуры на христианскую веру. В них народ с удивитель-

ным и наивным чувством восторга перекладывал в стихотворно-песенную форму сложные, на первый взгляд, отвлеченные христианские понятия и нормы христианской этики. В духовных стихах эти христианские постулаты были изображены именно с точки зрения «народной веры», а в некоторых случаях противоречили церковным, поэтому тексты духовных стихов ни в коей мере не являются каноническими. И все-таки церковь мирилась с тем, что народ повсеместно распевал духовные стихи.

Исследователи не пришли к единому мнению о времени и причинах происхождения духовных стихов, так как имеются записи в основном XIX в. Время создания духовных стихов определяется разными учеными довольно широко: от начала крещения Руси при князе Владимире до XVII в. Известный филолог М. Н. Сперанский писал, что «XV—XVI век был временем если не появления, то во всяком случае развития нашего духовного стиха»¹. Источниками сюжетов религиозной народной поэзии, конечно же, являлись религиозные книги: Ветхий и Новый заветы, жития святых, «Слова» отцов церкви. История и постулаты христианства переосмыслились в апокрифах (легенды, сказания, жития святых), которые церковь не признавала; но они были очень популярны в народной среде. Духовные стихи — это своеобразные музыкально-поэтические «апокрифы», в которых народ «дорисовывал», наглядно воплощал картины и события библейской и евангельской жизни, раздумывал над ними, эмоционально их переживал, искал в них нравственные уроки.

Особое место в создании и распространении таких произведений ученые отводят каликам перехожим, нищим-слепцам, «божьим людям», но делают замечание о том, что некоторые из них должны были быть довольно образованными и знать религиозную литературу. На протяжении многих веков духовный стих претерпевал изменения и в части сюжетосложения и стиля.

На Вятке, как во многих регионах России, духовный стих вплоть до XX в. сохранил живое бытование в старообрядческой среде. Старообрядческий духовный стих — уникальная, глубоко своеобразная область русского музыкально-поэтического творчества. В старообрядческих общинах, живших в XVIII—XIX вв. в окружении нестарообрядческого населения достаточно обособленно, обычные для того времени крестьянские и городские народные песни не пелись, считались «мирскими» (то есть принадлежащими греховному, попавшему под власть Антихриста миру).

В распространенных на Вятке старообрядческих общинах поморского согласия внебогослужебное пение как таковое допускалось, но оно обязательно должно было нести духовное содержание, укреплять в человеке веру, нравственно совершенствовать его. И в скитской, и в крестьянской, и в купеческой

старообрядческой среде лирико-поучительное духовное пение сопровождало различные работы и передвижения, было непременным украшением застолий и бытовых обрядов, а главное, было частью того духовного «щита веры», который всю жизнь ограждал человека от соприкосновения со злом.

Под обобщающим названием «духовный стих» фактически следует понимать огромное разнообразие жанровых и стилистических разновидностей, обусловленное многогранностью бытового функционирования стиха не только догматическими противоречиями между различными старообрядческими «толками» или социальной неоднородностью «раскола» и его последователей, но прежде всего — глубокими и разветвленными историческими корнями. С этой точки зрения духовные стихи подразделяют на несколько групп.

Прежде всего, это так называемые «старшие» стихи, истоки которых лежат в духовно-эпической поэзии киевской и новгородской традиций, а также в преломлении на русской почве житийных и апокрифических сюжетов византийского происхождения.

В «старших» стихах можно выделить произведения, в которых преобладают элементы а) эпической традиции («Стих о Голубиной книге», «Сорок калик со каликою»), где ярко видится эпическая основа: неторопливость, развернутость повествования, использование сказочных и былинных формул («Ой, ты гой еси...» и т. п.); б) традиции, в которой используются сюжеты библейского и житийного происхождения, воспринятые еще из Византии («Адамов плач», «Егорий Храбрый», «Дмитрий Солунский», «Федор Тирон», «Кирик младенец»); в) традиции русских житийных повестей («Борис и Глеб»).

В XVI — первой пол. XVII в. «старшие» стихи получили новый импульс развития: расширяется круг тем, сюжетов и образов. Этому способствует расцвет письменного религиозного творчества в монастырской и городской среде. Книжная культура накладывала отпечаток как на форму духовных стихов (они могли представать в виде покаяния, поучения, увещевания, обличения и т. п.), так и на манеру исполнения — она приобретала более «декламационный» характер, а в напеве преломлялись попевок знаменного происхождения. Часто это было пение по книгам, в которых имелась нотация крюковыми знаками.

Песни продолжали традиции библейской и житийной тематики, в которых развивались линии пустынночества («Стих о Варлааме и Иосафе», «Мария Египетская»), смерти («Аника-воин»), греховности и праведности, богатства и бедности («Два брата Лазаря»). Особо выделяется тематическая группа, в которой используются евангельские мотивы Рождества и Страстей

Христовых, к ним примыкают стихи о Богородице, которая в народных стихах получила многогранное воплощение: как образ матери, остро переживающий мучения сына («Плач Богородицы»), как образ защитницы людей в земном мире («Покров Богородицы»), как образ милостивой заступницы на Страшном Суде («Матушка Владычица просит»). Страдание и терпение — вот основные добродетели, о которых всячески напоминают в духовных стихах.

«Младшие» или «новые» стихи — ветвь, непосредственно связанная с русским религиозным расколом XVII в. и развивавшаяся на протяжении XVIII—XIX вв. Сюда относятся сюжеты о пришествии Антихриста, о гибели истинной веры, а также стихи о распятии Христа, о Страшном Суде, о смерти, о грешниках и разнообразные трактовки догматического материала. Реформы, которые уже начинались в XVII «бунташном» веке, церковными ортодоксами мыслились как напасти Антихриста, поэтому и в народных духовных стихах развивается тема спасения — бегство от мира, пустынночество («Стих об Антихристе», «Встреча инока со Христом»).

Сравнительно узкий, но чрезвычайно своеобразный круг стихов связан с особенностями старообрядческой духовной догматики, которую пытались утверждать, отстаивать в теологических спорах с представителями новой церкви или других старообрядческих согласий, разъяснять и накрепко внушать младшим членам общины («Стих о числах», «Евангелистая песнь», выдержанная в вопросно-ответной форме).

В роли духовных поучителей выступают наиболее почитаемые святые («Святая Пятница», «Стих о преподобном Макарии») и даже сама Богоматерь («Сходила царица небесная»). Непререкаемым нравственным авторитетом наделяется также глубоко чтимый в народе еще со времен язычества образ Матери Сырой Земли («Плач Земли», «Непрошаемый грех»).

Особые тексты-поучения, целью которых было разъяснение правил поведения верующего христианина в быту, сурово осуждали леность («Слово Иоанна Златоуста»), пьянство («Василий Кесарийский»), брань («Стих о матерном слове»). Как особо тяжкий грех осуждалось колдовство. Греховными почитались также земные увеселения (игры, хороводы, пляски, вечеринки), обычные для нестарообрядческих деревень.

Можно выделить группу стихов (мистические песни), возникших, по всей видимости, в XIX в., зачастую исполнявшихся не только в старообрядчестве, но и в самых различных русских сектах. Эти «мистические песни» иногда представляли собой переделки народных песен («Девушки-красавицы, светел теремок»).

Тексты духовных стихов становятся объектом собирательской и исследовательской работы уже во 2-й половине XIX в. Им полностью посвящена вышедшая в 1848 г. 1-я часть песен собрания П. В. Киреевского: «Русские народные песни. Ч. 1 Русские народные стихи». В 1860 г. «Собрание русских духовных стихов», составленное В. Г. Варенцовым; в 1861—1864 — 6 выпусков собрания П. А. Бессонова «Калики перехожие», объединившего записи П. В. Киреевского, В. И. Даля, П. Якушкина, П. И. Рыбникова, самого П. А. Бессонова и других, а также материалы множества рукописных сборников. В «Каликах перехожих» впервые были представлены различные варианты целого ряда стихов. Издания конца XIX—нач. XX в. дополняют опубликованное материалами записей, сделанных в различных губерниях России. В 1912 г. выходит сборник Е. А. Ляцкого «Стихи духовные», выборочно обобщающий лучшее из опубликованного ранее.

Вятские бытовые рукописные старообрядческие стихарники обычно представляют собою небольшие книжечки конца XIX—начала XX в. в твердых бумажных переплетах, носящих следы частого использования. Тексты написаны беглым полууставом, черными чернилами, инициалы и заставки тщательно нарисованы и разукрашены красными чернилами, заменяющими киноварь. В одном из стихарников, хранящемся в фондах Кировского краеведческого музея, имеются наклеенные заставки с орнаментом, характерным для печатных книг поморского старообрядческого согласия, а также заставки и концовки разных цветов, напечатанные при помощи резного деревянного клише. Незамысловатую рукописную книжку из грубой бумаги стремились хотя бы в какой-то мере уподобить красивым печатным книгам или даже дорогим рукописным книгам с многоцветными украшениями. В то же время на полях стихарников встречаются чисто бытовые записи карандашом или фиолетовыми чернилами.

Порядок расположения стихов в стихарнике обычно следует годовому кругу христианских праздников: Рождественские стихи, стихи ко Крещению Господню, стихи на святую Пасху и т.д. Впрочем, порядок этот нередко нарушался при дописывании в стихарник новых и новых стихов самого разного происхождения и содержания.

Из стихов «старшей» группы в вятских стихарниках представлены «Адамов плач», «Стих об Иосифе», «Стих об отшельнике Варлааме и царевице Иоасафе» с примыкающими к нему более поздними вариантами («Из пустыни старец в царский дом приходит...»)

Темы Рождества, страстей Христовых и Страшного Суда богато представлены стихами различного исторического происхождения; стихи на Крещение Господне, на Святую Пасху, на

Сошествие Святого Духа на Апостолов — в основном «нового», виршевого типа. Широко и стилистически разнообразно воплощаются темы греха и покаяния, тема Антихриста, тема смерти. Из стихов XIX в. в большинстве стихарников представлен «Стих материн завет», связанный со специфически-старообрядческой темой воспеания девства и безбрачия, а также духовно-лирические стихотворения типа «Кто бы дал мне, яко птице, два перистые крыла...». Интересен факт присутствия в вятских стихарниках, под названием «Стиха о пустынноике» или «Стиха о невольнике», стихотворения поэта-декабриста «Поздно, поздно вечерами, как утихнет весь народ...». Иносказательно изложенная в нем трагическая история восстания декабристов (образ пира друзей, завершившегося несчастьем) понимается в буквальном смысле, а герой рассматривается как безвинный узник, пострадавший за других: «На пиру-то драка случилась, вот и посадили его...».

В наше время все больше внимание исследователей привлекают напевы духовных стихов (ранее нередко выпадавшие из поля зрения исследователей, записывавшихся лишь собирателями-музыкантами, например, С. М. Ляпуновым в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях в 1893 г.). Рукописные старообрядческие стихарники обычно не нотированы, потому что напевы были «на слуху» у поющих; отношение к этим стихам было, как к чисто бытовому, повседневному жанру, несколько пренебрежительное: «Много того поют...». А между тем песенная лирика старообрядцев представляет собою подлинное духовное богатство и крайне интересную область для исследований. Прежде всего, это сфера чрезвычайно своеобразного «свободного преломления» интонаций знаменного распева старообрядческого богослужения, с детства впитываемых каждым из членов общины в качестве основы музыкально-слухового мышления. Даже в общинах, утративших в наше время навыки пения по древнерусским знакам нотации («крюкам» или «солям»), служба поется на слух («по напевке») на основе культуры знаменного распева, для поющего это «естественный» музыкальный язык, который также используется при исполнении стихов, особенно с текстами свободно-декламационного типа.

Однако в условиях существования старообрядческих общин среди нестарообрядческого населения практически неизбежным было слуховое соприкосновение с крестьянской обрядовой и лирической песенной традицией. Отсюда своеобразнейшее сочетание в напевах духовных стихов поступенно-терцовой основы, идущей от знаменного распева, с трихордными и квартовыми оборотами², характерными для местного крестьянского

песенного фольклора, а в отдельных случаях — прямое преломление, и приспособление к духовной тематике традиционных фольклорных жанров (обходное «виноградье», колыбельная, застольная, свадебная песня).

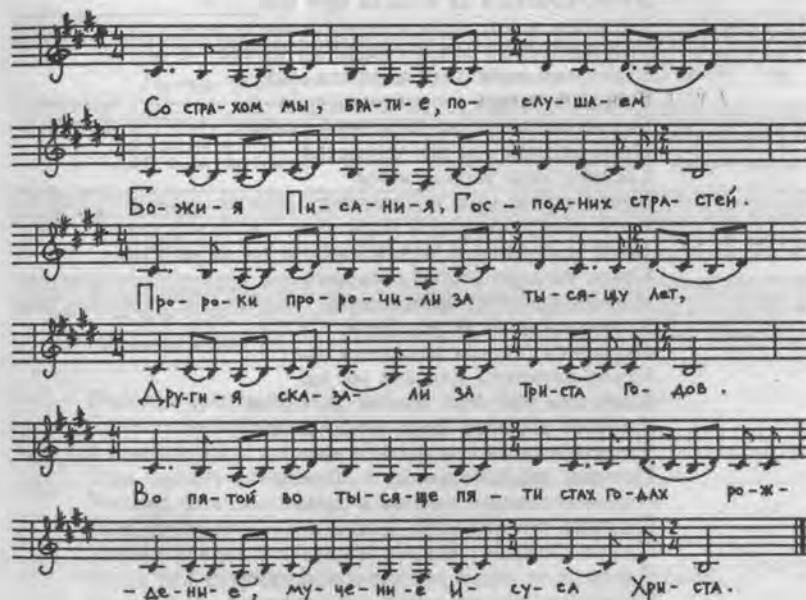
Духовные стихи имеют варианты как текстов, так и напевов. В старообрядческой среде бытовое пение даже более импровизационно, чем обычное крестьянское пение: текст, зафиксированный в стихарнике, служит опорой для свободной «лепки» напева на основе хорошо знакомых поющему интонаций, для живого мелодического развертывания с постоянно обновляющимися деталями. Хотя народная эстетика и основана на бережном отношении к традиции, но в ней органично соединились клишированность и импровизационность: письменное фиксирование текста, более жесткое, чем закрепленный в памяти текст, компенсировалось импровизационностью напева. Такое варьирование наблюдается и при сольном, и при хоровом исполнении стиха. Импровизационной свободе старообрядческого пения способствует и метрическая переменность. Она свойственна даже напевам, идущим в относительно ровном движении и обладающим симметричной структурой, но наибольшей метроритмической гибкостью отличаются стихи свободно-декламационного типа.

В отличие от крестьянской традиции, где многоголосное исполнение является своего рода «нормой», а полностью унисонное пение почти не встречается, пение старообрядцев, как правило, строго унисонно и во время богослужения, и в быту. (Редким исключением из этого правила является пение нижегородских старообрядцев-кержаков, где запев солиста звучит как бы «внутри» тянущегося унисона мужских и женских голосов, соединяющего строфы, а в хоровой части строфы возникают спонтанные терцовые и секстовые параллелизмы; но на Вятке ничего подобного встречать не доводилось).

Ладовая основа большинства вятских старообрядческих напевов сочетает достаточно ясно выраженную централизацию вокруг единого устоя с относительной самостоятельностью внутренних устоев отдельных попевок («Господь грядет в полнощи», «Стих о новоначальном иноке»).

Современные образцы вятского духовного стиха были записаны в конце 1970-х годов в г. Кирове и в начале 1990-х — в д. Старая Тушка Малмыжского района Кировской области. Тексты стихов сопоставлялись с текстами стихарников, находящихся в фондах Кировского краеведческого музея (КОМК 307 11, КОМК 307 12).

№ 1. СТИХ О СТРАСТЕХ ГОСПОДНИХ

Со страхом мы братие послушаем
 Божия писания Господних страстей
 Пророки пророчили за тысящу лет
 Другия сказали за триста годов
 Во пятой во тысяще в пяти ста годах
 Рождение мучение Иисуса Христа
 Во марте во месяце во последних днях
 На страстной недели во пятничной день
 Во славном было граде Иеросалиме
 Плакала ходила святая дева
 При ней были две жены мироносицы
 Им навстречу грядут два жидовина
 Всплакала спросила их святая дева
 Где вы жиды были куда грядите
 Что сказали деве два жидовина
 Были мы тепере в Иеросалиме
 А мы били мучили Иисуса Христа
 Бивше его мучивше в темницу всадя
 В шестом часу в пятницу распяли его
 Во нозе и во длани прибили гвоздьми
 Тернов венец наложили на главу его
 Мучение ран было невозможно и счесть
 Иисуса копием в ребра проболи
 Земля обогрися от крове его
 Услышала глаголы их святая дева

Ударилась о землю едва бысть жива
Жены соблюли ея и были при ней
Восплача и возстоня в горести рече
Увы мать сыра земля прими мя к себе
Сыне мой любезный надежда моя
Вчера не хотела я отпустить тебя
Волею ты поиде на крестную смерть
Ныне сердце мое все терзается
Составы мои распадутся
Кровию уста мои закипаются
Ныне вижу сыне мой поругаема
Сыне мой единый надежда моя
Какое ты дело жидам сотворил
О злыи ругатели беззаконные
За кое вы дело Исуca биете
Скрылися бежали апостолы вси
Едину оставили плакати мя zde
Един при мне был Иоанн Богослов
Плачите рыдайте жены мироносицы
Что учитель ваш оставляет вас
Плачите рыдайте вдовы и сироты
Плачите стоните солнце и луна
Плачите стоните небо и земля
Плачите стоните реки и моря
Плачите со мною звезды с облаками
Симеоново пророчество совершилося
И мимо не проиде глаголы его
Плачите со мною старые седины
Учитель ваш ныне распинается
В гробе полагается с мертвыми погребается
В третий день воскрешается
В четырехдесятный день
На небеса возношается
Славою прославляется
Ныне и присно
И во веки
веком
аминь.

Записано в 1990 г. Запись велась в небогослужебном помещении молеельного дома старообрядческой общины д. Старая Тушка. Исполнение хоровое (женские голоса). Текст стиха почти полностью совпадает с приведенным в собрании П. П. Бессонова. Драматическое содержание стиха напев воплощает в спокойном повествовательном характере. Сочетание плавной поступательности (т. 1) и трихордного оборота (т. 2), ровности движения и метрической переменности приближает напев к былинному типу; но окончания обеих фраз напева (т. 3—4, 6—7) и соответствующие такты последующих строф близки знаменным интонациям.

№ 2. СТИХ О СТРАШНОМ СУДЕ

Господь грядет в полунощи, жених идет со славою
 Со ангелы-архангелы прославить святых своих,
 А грешным всем кому-то их воздати им мучение,
 Егда снудут архангелы по божию повелению.
 Ужасно они возгласят, грозно тогда вострубят,
 Егда труба воззовет и мертвые вся воззовет,
 Небеса вся ужаснутся и земля вся вострепещет,
 Тогда вся тварь устрасится и концы земли содрогнутся,
 Прекрасное солнце лучи своя покрывает,
 Луна тогда пресветлая престанет от течения,
 Звезды тогда небесныя погибнут вси и спадут,
 Тогда вся тварь колеблема сожигается растается,
 Тогда с небес подвигнутся вси ангелы-архангелы.
 Велит Господь поставити престол его посреде земли,
 Егда сядет на престол святая слава своя,
 Тогда ему поклонятся племена земныя.
 Судить будет вся грешная судом своим праведным,
 Без милости осудятся вси грешнии, неправеднии,
 Отидут все со диаволом в геенну во лютую.
 Ко грешным всем речет Господь: «Отидите вы, проклятии,
 В огонь вечный, безконечный на вечные мучение».
 Нам ныне несть милости от всех творца создателя,
 Никто же нас помилует, идем во тму кромешнюю,
 На нас Господь прогневался, лице свое отвращает.
 К кому ныне прибегнем мы, кому печаль поведаем,
 Кроме тебя, создателя, прости ты нас во всех грехах,
 Уж мы столь многогрешныя всему миру прелестному.
 О, коль мы окайянные и всем грехом повинныя,
 Во всех грехах тебе каемся, прости ты нас во всех грехах!
 Тогда речет царь страшный ко грешником беззаконником:
 «Вам несть ныне прощения, ни великого милосердия,
 Несть вам ни отпущения, ни слез ваших не приемлю аз,
 Ни плача, ни рыдания, ни вашего сердечного вздыхания,

Несть вам покаяния от злых мук освобождения.
Умильного моления не услышу аз от уст ваших.
Отидите вы, проклятии, во огнь вечный со диаволом».
Речет Господь ко праведным: «Идите в радость вечную,
Со ангелы-архангелы, идите в радость вечную,
Во вечное веселие, во царствие небесное!»
Христу слава подобает во вся веки веком.
Аминь!

Записано в 1990 г. в д. Старая Тушка от Прасковьи Ивановны Антышевой (1904 года рождения). Сюжет, воплощающий торжественную и ужасающую картину Страшного Суда, широко известен в русских духовных стихах и иконописи. Эсхатологический мотив его объединяет драматическую экспрессивность и эпическую величественность происходящего. Текст стиха сочетает силлаботоническую основу и свободную декламационность. Сквозное развитие напева опирается на знаменные обороты и почти наглядно воплощает образное содержание текста: торжественное и в то же время динамичное начало с почти полным преобладанием речитативности, появление гибких, выразительных, «жалобных» распевных слогов, когда речь заходит о грешниках, рельефное ритмическое расширение при повествовании о том, как «возгласят» и «вострубят» грозные «архангелы», посланные Богом.

№ 3. СТИХ О СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА

О не-у-мо-ли-ма-я смерть! Ах-та е-сть во-мни-ах-ва: Не кто бо мо-жет по-бе-
-жа-ти тя, ни за кра-со-то-ю, ни за мла-дос-ти-ю. Раз-дре-ла-е-ши род че-л-
-ве-че-ских, ни со-ди-ми ми-лу-е-ши, но вку-пе ты во-га-тых и у-бо-
-гих, я-ко кля-смы, по-жи-на-е-ши. О, че-ло-ве-че у-бо-и-те, что е-сть по-ди-ш-
-ся, что е-сть ве-ли-ча-е-ши-ся и воз-но-си-ши-ся, у-по-ба-е-ши на кро-
-ту сво-ю та-лес-ну-ю? Кра-со-та тво-я тлен-ная и су-ет-ная...

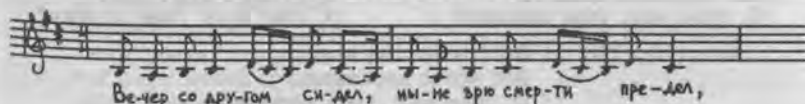
О неумолимая смерть, люта еси, немилостива,
 Не кто бо может избежатьи тя, [ниже умоли ти тебе]*
 Ни за красоту, ни младостию.
 Раздробляеши род человеческий, ни седины милуеши,
 Но вкупе ты богатых и убогих, яко класы, пожинаеши.
 О, человеце убогий, что еси гордишися,
 Что еси величаешися и возносишися,
 [Что] уповаеши на красоту свою телесную.
 Красота твоя тленная и суетная, временная и часовая есть.
 Вмале яко цвет разцветет и вскоре увядает,
 Внезапу смерть похищает и от всех разлучает.
 Оставит человек отца своего и мать, жену и чада, друзи и сроднишы,
 Поидет един уединен в вечный путь.
 О, уже к тому не пекися о суетии многострастных плоти своей,
 Вместо пресветлых полат в темном гробе заключается,
 Вместо красных риз и драгих одеяний во единой срачице полагается
 и землю покрывается,
 Вместо бисеру и камени драгих червьми истлевается,
 Вместо высоко настанных одров с мертвецы нерадиво повержен.
 Вчера грозен и горделив и всем страшен и неприступен,
 Ныне же от всех небрегом и ногами попираем.

* В распетом варианте эта фраза отсутствует.

Записано в 1990 г. от П. И. Антышевой. Варианты есть в
 обоих уржумских стихарниках. Текст носит ярко выраженный
 декламационный характер. Это своеобразный сдержанный мо-
 нолог души, вначале обращенный к смерти и трактующий ее
 как наделенную определенным характером силу, власть которой
 над родом человеческим непреодолима. Далее объектом обра-
 щения становится человек, чьи земные достоинства, привязанно-
 сти и устремления ничтожны перед лицом неизбежной Смерти.
 Напев основан на сквозном развитии, рисунок его лаконичен,
 скуп, характер исполнения отличается простотой и сдержанно-
 стью. Экспрессивность содержания находит свое выражение лишь
 в особой метроритмической гибкости, в обилии триольных обо-
 ротов.

С т. 9 устанавливается ладоинтонационная общность с
 напевом «Стиха о Страшном Суде», приведенного выше (сравн.
 т. 9—15 нотного примера 3 с т. 9—15 и 17—23 примера 2). Фак-
 тически оба напева в значительной части своей построены на
 одной и той же последовательности знаменных оборотов.

№ 4. СТИХ О ГРЕШНИКЕ

Вечер со другом сидел,
 Ныне зрю смерти предел,
 О, горе мне, горе великое!

Плоть мою во гроб кладут,
 Душу живу во ад ведут.
 О, горе мне, горе великое!

Милости не будет там,
 Не помиловал я сам.
 О, горе мне, горе великое!

Друга верна нет со мной,
 Скрылся свет — хранитель мой.
 О, горе мне, горе великое!

Мимо царства прохожу,
 Слезно плачу и тужу.
 О, горе мне, горе великое!

Царство слезы мои зрит,
 Рай прекрасной говорит.
 О, горе мне, горе великое!

Что ты скоро так спешишь,
 Что ты в царство не влетишь.
 О, горе мне, горе великое!

Царство место — дом святых,
 Ты не приемлешь проклятых.
 О, горе мне, горе великое!

Ты прости, прекрасной рай!
 Я иду во иной край.
 О, горе мне, горе великое!

Бога все призывал,
 Его страха не внимал.
 О, горе мне, горе великое!

Вечно не узрю тебя,
 Предал в бездну сам себя.
 О, горе мне, горе великое!

Мучить будут завсегда,
 Не пускают никуда.
 О, горе мне, горе великое!

Делателю злых я сам
 Предал сатане, бесам.
 О, горе мне, горе великое!

Весь во пламени стою,
 Песнь плачевную пою.
 О, горе мне, горе великое!

Пью я воду и смолу
 За гордыню за свою.
 О, горе мне, горе великое!

Я во веки не згорю,
 Бога и света не узрю.
 О, горе мне, горе великое!

Каплю требую воды
 От прегорькия беды.
 О, горе мне, горе великое!

Я на вольном свете жил,
 Богу верно не служил.
 О, горе мне, горе великое!

Бога моего же я забыл,
 А сатану же возлюбил.
 О, горе мне, горе великое!

Дней воскресных не почел,
 Во грехах я дни провел.
 О, горе мне, горе великое!

Не почел отца и мать,
 Все обаче досаждал.
 О, горе мне, горе великое!
 Аминь!

Записан в 1990 г. от П. И. Антышевой. Текст близок виршевому типу с парной рифмой, своеобразен рефрен «О, горе мне, горе великое...». Форма напева строфически-вариационная, характер сочетает суровую сдержанность (узкий диапазон, строгая диатоника, размеренность движения) и экспрессивность («рыдающие» распевания междометий, открывающих рефрен). Другой напев, связанный с тем же текстом, записан днем позже уже в хоровом исполнении. Сочетание в нем натуральной (т.1—2, 5—6) и гармонической (т.3—4, 7—8) VII ступени минора — характерная черта городской песни XVIII—XIX вв.

№ 5. СТИХ УТЕШЕНИЕ МЛАДЕНЦУ

Здравь бу-ди, о пре-крас-ный сы-не, сла-дкий Иису-се кры-не.
 Лю-ли, Лю-ли, Лю-ли-лю-ли, Лю-ли, о Лю-без-ный сы-не мой! И-же
 от не-бес при-ше-дый, в мо-ю у-тро-бу вше-дый.
 Лю-ли, Лю-ли, Лю-ли-лю-ли, Лю-ли, о пре-крас-ный сы-не мой!
 Не-бо ца-р-ство и пре-сто-л твой, о-ба-че ты ста-л сы-не мой.
 Лю-ли, Лю-ли, Лю-ли-лю-ли, Лю-ли, о Лю-без-ный сы-не мой!

Здрав буди, о прекрасный сыне,
 Иисусе сладкий крыне²,
 Люли, люли, люли, люли, люли о любезный сыне мой!
 Иже от небес пришедый,
 Во мою утробу вшедый,
 Люли, люли, люли, люли, люли, о прекрасный сыне мой!
 Небо царство и престол твой,
 Обаче³ ты стал сын мой.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о любезный сыне мой!
 Тя хвалимого звездами
 Своими кормлю сосцами.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о прекрасный сыне мой!
 Ангелы с небес градите,
 Сон младенцу принесите.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о любезный сыне мой!

Спи, Иисусе благодатный,
 Усни сном благоприятным.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о прекрасный сыне мой!
 Пойте сладкое пение,
 Пойте сладкое творение.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о любезный сыне мой!
 Сыне мой, младенче, —
 Красота моя и венче.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о прекрасный сыне мой!
 Адамли внуцы грядите,
 Сон младенцу принесите.
 Люли, люли, люли, люли, люли, о любезный сыне мой!

Записан в 1990 г. от П. И. Антышевой. Обращенность текста к Иисусу Христу как к Богу и одновременно земному младенцу обуславливает жанровое своеобразие текста и напева: сочетание черт собственно духовного стиха с колыбельной песней (припев — «баюканье» «Люли, люли...»; в варианте, приведенном в уржумском стихарнике (КОМК 30711), припев — «Рай, рай... раю») и детской потешкой (характерный ритм и рисунок напева). 2-я строфа — вариант 1-й; но в 3-й строфе возникает фактически новый напев, носящий оживленно-радостный характер. Представляется более верным рассматривать это не как контаминированное сопоставление двух различных напевов, а как проявление свойственного жанру духовного стиха сквозного развития с постоянным обновлением музыкального материала.

№ 6. ВИНОГРАДИЕ

По-слу-шай-те не лжу — ста-ри-ну рас-ска-жу.
 Ви-но-гра-ди-е-е крас-но-зе-ле-но-е. Ста-
 рин-ных лю-дей прав чест-ным лю-дям у-стаб.
 Ви-но-гра-ди-е-е крас-но-зе-ле-но-е. Лю-
 бо-вь ко-гда це-ла, во всех ра-дось бы-ла.
 Ви-но-гра-ди-е-е крас-но-зе-ле-но-е.

ста
цу
ие
и-
в
...
е-
и-
р.
и-
в-
ия

Виноградные красозеленые.

Напев поступенно-терцового рисунка, в узком диапазоне. Интересно распетое и подчеркнутое малосекундное окончание первого из слов припева (виноградие-е) и «отзвук» знаменной интонации в конце припева 3-й строфы.

491

Вы простите, стары, младыя и знакомые родныя,
 лишаюсь я всего.
 Жить подвижно начинаю, а совсем того не знаю,
 что подвиг сей велик.
 Не успел сего начать и желал бы окончать,
 в прежнем виде быть.
 Начал духом колебаться, ревность начал истреблять,
 яко новый Пилат.
 Да уж негде того взять, чтобы прежнее взыскать,
 но так тому и быть.
 Прошу, впрочем, извинить, в том меня не осудить,
 что ныне весел я.
 Боле нет здесь веселья, как будто от безделья,
 з горя я псалминку спою.
 Вы, дражайшия, возрите на меня в том не осудите,
 в чем ныне нахожусь.
 Черну рясу надеваю, главу в куколь украшаю,
 очи долу низвожу.
 С этих пор будешь поститься, вокруг лестовки томиться,
 злетишь с нею высоко.
 Тут все гордости явятся, вредны помыслы родятся,
 что будто я и свят.
 Кто в монастырях не жывал, тот и нужды не видал,
 жывучи в миру.
 Щи да кашу поставляют за велико почитают
 той добрый обед.
 Пирожка кусок дадут, подумаешь и тут,
 когда его и съесть.
 Раз в неделю испекут, по кусочку раздадут,
 как ровно просфиру.
 По обеде все по кельям, как нам точно от безделья
 надо правила нести.
 Не поспеешь отдохнуть и опять в церковь зовут.

Не успел Ангел промолвить, как весь город, весь Содом,
Содом-город провалился, сгорел Божиим огнем.
Жена Лота оглянулась, стала каменным столбом.

Стих был записан в 1977 г. в Кирове от студентки заочно-го отделения Кировского училища искусств, слышавшей его от своей бабушки-старообрядки.

Текст — сжатое изложение библейского сюжета о страшной судьбе города Содома, сожженного «Божьим огнем» за прегрешения его жителей. Силлабо-тоническая основа и использование парной рифмы превращает текст в своеобразную старообрядческую балладу, где в центре внимания оказывается предупреждение ангелов о необходимости бежать не оглядываясь из обреченного города и его страшная гибель. Для духовной этики старообрядчества, основанной прежде всего на идее непоколебимости веры, неважно, почему город обречен, а важно, что Бог не велит в нем оставаться; истинно верующему надлежит уйти отсюда, бросив все и не оглядываясь назад — иначе последует Божья кара.

Напев на выдержанной строфической основе, предельно лаконичной, не представляющий возможностей варьирования. Строгий, сдержанный характер, размеренная ровность движения, суровая диатоника. Мелодия основана на внутренне контрастном сочетании начального сцепления через большую секунду двух восходящих кварт — и лаконичной поступенности припева. Отсюда, при внешней сдержанности — внутренняя экспрессивность напева, ощущение нависшей беды.

№ 9. СТИХ О СВЯТОМ АНТОНИИ (РАЙСКАЯ ПТИЧКА)

Жил ю-ный от-шель-ник, он, в ке-ле-мо-лях, свя-
щен-ну-ю кни-гу чи-тал, у-глу-блясь. В той
кни-ге про-цел он, что ты-ся-щу лет, как

Жил юный отшельник; он, в келье молясь,
Священную книгу читал, углубясь.
В той книге прочел он, что тысящу лет,
Как день, перед Богом мелькнет и пройдет.
Инок впал в сомненье: стал думать о том,
Что тысящу лет не сравнить с одним днем.
Не верит; в священную книгу глядит
И видит, что в келью вдруг птичка летит.
Вся блещет, сияет, и прелесть для глаз,
Как яхонты перья, а пух как алмаз,
Когда же вдруг крылья она распахнет,
То радугой светит, то златом сверкнет.
Прекрасная птичка в полете легка,
Быстрее и легче весны ветерка
Летать уж устала, у двери сидит,
И радостно юный отшельник глядит.
Неслышно подходит, молчит, не дохнет,
Лишь только б схватить, а она вдруг вспорхнет.
Она от него, а отшельник за ней,
И вот он выходит из кельи своей,
Идет за ограду и полем идет,
А птичка все свищет, как будто зовет,
Туда и сюда над цветами кружась,
Как звездочка, в воздухе светит носясь.
Но вот монастырь за пригорком исчез,
А инок за птичкой идет в сень древес,
И с ветки на ветку все птичка вперед
Порхает, летает и сладко поет.
На дуба вершину присела она,
И пенем чудесным вся роща полна!
Расстроенный сердцем, в восторге душой
Внимает безмолвно инок молодой,
И, миг наслажденья боясь потерять,
Звук каждый он ловит и жаждет внимать.
Забылся... Отрадно забвенье его...
Не слышит, не видит вокруг ничего.
Вдруг пенье умолкло, опомнился он:
Где ж птичка-певича! Исчезла как сон.
А птичка взвилась, как будто стрела,
И в небе сокрылась — была не была.
Вздохнул добрый инок и в келью спешит,
Казалось ему, час в отлучке он был.
Бойтся, что он опоздает в пути,
Что к трапезе ждут и пора бы прийти.
Но вот монастырь... Только чудно ему:
Ограда не та — недоступно уму!
За оградой новая церковь видна.
И дивится — откуда взялась она.
Он стучит в ворота: вот привратник идет,
Но ему не знаком: прежде был, да не тот.
Не пускает инока в обитель его:
— Ты чужой, я не знаю лица твоего!

— И тебя я не знаю. — Привратник я. — Нет,
Привратник здесь молод, ты ж стар уж и сед:
Я вышел отсюда не боле как час,
С чего же здесь новый привратник у нас!
Иль Спасов не здесь монастырь? — Он и есть! —
— Так пойдй же к игумену, дай о мне весть.
— И дивится привратник, игумна зовет,
И вот за игуменом весь причт идет.
Инок пред ним преклонился лицом,
Но только игумен ему незнаком.
Меж братии также знакомого нет;
Он смотрит, он ищет своих — не найдет.
Инок приключенья свои рассказал,
Ему с удивленьем весь причт внимал.
И мудрый игумен пришельца спросил:
— Какое он имя меж братий носил?
— Антонием назван во иночестве я,
При мне был игумен — отец Илия.
И все изумились... По книгам глядят...
Нашли имена их — лет триста назад.
«Антоний в день Пасхи без вести пропал,
Так писано в книге!» — игумен сказал.
«Дивен Бог в чудесах!» — так инок повторил.
И вдруг предо всеми свой вид изменил.
В нем виден был старец; взор юный угас...
Пред ними триста лет миновали как час.
Он пал и молился... Два дня протекли...
Почил он, и честью его погребли.

Пример позднего, «городского» типа духовного стиха; характерно его отсутствие в уржумских стихарниках и в стихарнике П. И. Антышевой.

Стихотворный текст — развернутое балладное повествование со множеством описательных деталей. В основе сюжета — легенда о наказании юного инока, не поверившего словам «священной книги» о том, что «тысяща лет» — день единый перед величием Бога (См. Псалом 89, стих 5: «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел...»).

Напев светло-лирического характера, структура строфы (ав) вопросно-ответная, близкая форме периода (4 + 4). Широкий диапазон, опора на тонический секстаккорд мажора в 1-м предложении, диатоническая секвенция, лежащая в основе 2-го предложения, — типичные черты городской песни.

В настоящее время, к сожалению, следует говорить об угасании культуры духовного стиха, относительно редко исполняемого в быту даже старшими членами старообрядческих общин, малоизвестного молодежи и практически не порождающего новых образцов и новых ответвлений. Но он должен остаться частью российской духовной культуры, укрепляющей и возвыша-

ющей лучшее в человеке. Поэтому работа по изучению и исполнению духовного стиха представляется своевременной, нужной и благотворной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сперанский М. Н. Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера: Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве. М., 1917. С. 361.

² Крыне — звательный падеж от «крин» — лилия.

³ Обаче — впрочем, но, напротив; однако.

Л. В. ДЬЯКОНОВ

АЛЕКСАНДР ВАСНЕЦОВ И ЕГО КНИГА

(Из вступительной статьи)

У сельского священника Михаила Васнецова было шесть сыновей: Николай, Виктор, Аркадий, Петр, Аполлинарий и Александр. Двое из них — Виктор и Аполлинарий — впоследствии стали знаменитыми русскими художниками, старший — Николай — известен как автор наиболее полного «Словаря вятского говора».

Старшие братья — Николай и Виктор — родились в селе Лопьял Пилинской волости Уржумского уезда. В начале 1830 года их отец был переведен в село Рябово Сулаевской волости Вятского уезда, где 5 сентября 1861 года и родился Александр Михайлович Васнецов.

Село Рябово в конце шестидесятых — начале семидесятых годов было довольно типичным селом глухой Вятской губернии. Вот как, со слов и при жизни Александра Васнецова, описывал этнографический уклад этого села профессор Каринский: «В окрестностях Рябова еще в значительной степени сохранялся старый уклад жизни. Избы были черные. Оконные

Илл. 96. А. М. Васнецов

отверстия нередко были затянуты обделанной коровьей брюшиной (пузырем). Никакого освещения, кроме лучины, крестьяне не знали. Употребление мыла не было известно. Посуда была преимущественно глиняная и деревянная. Самовары, а с ними и новая чайная посуда, только начали входить в употребление в деревнях. Сохранялась старинная одежда, мужская и женская, и старинные головные уборы (китайники, шушунны, моршени, шамшуры и пр.). Сохранялись верования в леших, суседков, еретников и пр. Справлялась по-старине свадьба (с причетами невесты, приговорами дружки и с целым рядом обычаев и поверий). Гармошка была редкостью, а частушек вовсе не было... Из лиц, родившихся после 1855 года, некоторое количество было грамотных. О газетах в деревнях обычно даже не слыхали»¹.

Живя в этом глухом уголке, с самых ранних лет братья Васнецовы были очарованы народными песнями и сказками, произведшими на талантливых мальчиков неизгладимое впечатление. «Из рассказов отца я знаю, — сообщил С. А. Васнецов, — что он еще в детстве любил слушать русские песни» («Соберутся девушки и паренки на вечеринку, а я заберусь куда-нибудь в уголок и слушаю, слушаю»). В воспоминаниях Виктора Васнецова, изложенных его лучшим биографом Владимиром Стасовым, говорится о том же: «Детские свои годы он (Виктор) провел в селе, среди мужиков и баб, любил их... попросту, как своих друзей и приятелей. Слушал их песни и сказки, и заслушивался их, сидя на печи, при свете и треске лучины»².

Детские годы в родном селе протекали быстро. Старшие братья Александра один за другим покидали Рябово, уезжали учиться в Вятку. Они обучались в духовных учебных заведениях, но священником не сделался ни один из шести сыновей Михаила Васнецова.

В 1872 году приехавший отдохнуть на родину из Академии Художеств Виктор увозит одиннадцатилетнего Александра в Вятку и отдает его в только что основанное «Училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей». Сделано это было, очевидно, не без влияния старшего брата Николая, уже 4 года работавшего учителем в с. Лопьял, как раз в этом году переведенного в село Шурма Уржумского уезда.

Интересно отметить, что Александр учился в училище вместе со Степаном Халтуриным, о чем впоследствии (по свидетельству родных) вспоминал всю жизнь.

Окончив училище, Александр, подобно многим своим товарищам, начал педагогическую работу, переехал в село Шурму в одно училище с Николаем.

Шурма (где на местном чугунолитейном заводе были, между прочим, в свое время отлиты по рисункам сосланного в Вятку архитектора Витберга решетки для городского сада, ныне — сада имени Степана Халтурина, сохранившиеся до сих пор) была менее глухим углом и значительно отличалась от села Рябово. В отличие от рябовцев — коренных вятчан, — самое население было в свое время переведено сюда заводчиком-владельцем из южных губерний. По свидетельству старинной рукописи 1850-х годов, «на заводах Шурминском и Буйском говорят свысока, изменяют *о* на *а* и *е* на *и*, народ населен сюда из Тулы, Ветлуги, Калуги, Каширы, Самары, откуда и фамилии: Коширский, Самарцов»³. Здесь-то, сравнивая заученные в Рябове песни с песнями иными — шурминскими, очевидно, и начал Александр Васнецов свою собирательскую деятельность. Он записал в Шурме большую часть изданных впоследствии песен, ведя здесь запись с 1872 года (когда приезжал на каникулы к брату Николаю) и по 1896 год, с незначительными перерывами: в 1880—81 гг. он собирает песни в селе Буйско-Архангельском Мазарской волости, и с конца 1881 года до сентября 1883 года — в деревнях Носково и Страбыкино, все Уржумского уезда. В селе Буйско-Архангельском Александр «играл» в хороводах сам. К этим годам можно отнести следующие воспоминания его сына — С. А. Васнецова: «Будучи учителем в школах Вятской губернии, отец часто бывал на крестьянских вечеринках, посиделках, свадьбах, где слушал и запоминал мотивы».

Участие Аполлинария Васнецова в издании «Песен северо-восточной России» подтверждается также его автографом на экземпляре этой книги, принадлежащем библиотеке им. Герцена: «Старому знакомому от сотрудника по изданию сей книжки — Михаилу Павловичу Бородину от Аполлинария Васнецова. 1894 г. мая 31».

И вот, наконец, в 1894 году в Москве в типографии Д. А. Бонч-Бруевича была отпечатана и поступила в продажу в книжном магазине П. К. Прянишникова книга: «Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии».

Книга не прошла незамеченной. Кроме статьи в «Вятских губернских ведомостях», излагавшей предисловие автора (1894 г., № 61), и сочувственного отклика в «Пермских губернских ведомостях»⁴ на нее в том же году дал большую рецензию академик А. Соболевский в журнале «Этнографическое обозрение»⁵ и краткую заметку Арк. Л/Яше/нко в журнале «Живая старина»⁶.

В 1897 году, женившись, Александр Васнецов переезжает в село Лаж, чтобы работать в одной школе с женой. В 1901 году Аполлинарий и Виктор покупают для Александра дом в Вятке. В

этом доме Александр Васнецов проводит последние 25 лет своей жизни. Сначала он поступает в акцизное ведомство, но вскоре возвращается, к старому делу: учительствует в школе при духовной семинарии, с 1919 года — в семнадцатом смешанном училище и с 1920 по 1926 г. — в вятской заводской школе.

В декабре 1922 — январе 1923 г., как уже упоминалось выше, профессор Н. М. Каринский в беседах с Александром Васнецовым устанавливает, где и когда записаны песни, вошедшие в книгу. Одновременно И. И. Матвеев записывает с напева А. Васнецова мелодии этих песен и часть из них публикует также в журнале «Вятская жизнь».

В 1927 году, 66 лет от роду, Александр Васнецов умер от рака языка, попросив перед смертью «похоронить его на солнечном месте».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каринский Н. М. Экскурс в область вятской народной песни. // Вятская жизнь, 1923. № 1. С. 35

² Виктор Михайлович Васнецов и его работы. Воспоминания и заметки В. В. Стасова // Искусство и художественная промышленность. 1898. № 3. С. 141.

³ Рукопись Рязанцева «Этнографические материалы из Уржумского уезда», хранящаяся в учебном архиве Русского географического общества.

⁴ Перепечатано в газ. «Вятские губернские ведомости». 1895. № 16. С. 1.

⁵ Соболевский А. Новый сборник великорусских песен // ЭО, 1894. Кн. XXII.

⁶ ЖС. СПб., 1894. Вып. III—IV. С. 543—544.

С. Л. БРАЗ

ВЯТСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Народные песни сопровождают трудового человека на протяжении всей его жизни; они отражают ее основные события: от рождения до возникновения собственной семьи и далее — до кончины. Создавая широкую панораму человеческой жизни, песни не только свидетельствуют о ней, но и оказывают глубокое воздействие на психологию, духовный мир людей и, в конечном счете, сказываются в их поведении.

Эти общие положения конкретно проявляются в народной песенности России и в ее составной части — в песнях Вятского края. В них очень явственно выступает подлинная правда о народной жизни, поднятая притом на высокий художественный

уровень. О вятских песнях справедливо писал М. Е. Салтыков-Щедрин, отбывавший в этих краях политическую ссылку: в них «...всего чаще слышатся отголоски той будничной жизни, которая со всех сторон охватывает простолюдина... Во всех этих простых вещах сколько драмы, сколько поэзии!»¹ Многообразно тематическое содержание вятских песен: историческое прошлое и солдатчина, горькое одиночество, счастье любви, ревность и сетования на тяжелую долю неразделенной любви, измена, тоска не только по милому или вдали от родителей, в нелюбимой семье замужней женщины, но и по свободному приложению своих сил к благородному делу. Немало песен о семейной драме, где сталкиваются интересы, взгляды и стремления детей и родителей, жены и мужа, снохи и свекра со свекровью, с золовками и деверями. Вероятно, одной из самых оригинальных черт вятских песен является отражение в них поэтических картин лесной природы: хождения за ягодами, грибами, воспевание красоты леса, лугов, разлива рек в половодье.

Показательно, что в Афанасьевском районе «буднишными» называют протяжные лирические песни, воплотившие глубокие переживания, накопившиеся в них ото дня ко дню, от поколения к поколению. Сами вятчане говорят о воплощенной в песнях правде жизни, что они «все выложат на ладошке». В подавляющем большинстве вятские песни принадлежат русской культуре, что естественно объясняется преобладанием русского населения в Кировской области. Вместе с тем в ряде ее районов, а также на смежных территориях живут марийцы, татары, удмурты, пермяки, чьи песенные культуры взаимодействовали и взаимодействуют с песенной культурой русского населения Вятской земли. Вятская песня сложилась как сплав различных истоков, обозначившихся в результате заселения этого региона русскими. Решающую роль для стиля вятской песни сыграла близость к Северу, вятскую песню обоснованно рассматривают как разновидность песенного искусства русского Севера, что совмещается с признанием воздействия и других истоков, образовавших в конечном счете качественно особый стилиевой сплав.

Вятские напевы очень пластичные, им в большой степени присуща напевность; в них плавно льются звук за звуком, интонация за интонацией, формируя напев, подобный чистому, неторопливо текущему ручью. «Все поэтические элементы, бродившие в душе русского народа, изливались в песнях чрезвычайно мелодичных», — писал А. Герцен².

Мелодии узорчато изгибаются как орнаменты кружев и вышивок, деревянной резьбы на избах. Природе вятских песен соответствует местная манера ее вокального интонирования: прозрачно-серебристое легкое звучание, словно поднимающе-

еся в вышину, несущее с собой очищающее освобождение от всего наносного, от всякой скверны. В таком звучании особое очарование вятской песни. В песнях сочетаются интонирование напевов и особенность вятского говора: напевность, мягкость; гласные делятся, растягиваются, естественно переключаясь в мелодию, иначе говоря, вбирая ее в себя. Эту ее особенность подмечали в прошлом многие авторы этнографических очерков и ученые диалектологи. Отмечали сходство вятского «протяжного» произношения с итальянской речью, что может быть обозначено понятием кантилены. На протяжении многих веков формировалась жанровая система русских народных песен, на это формирование влияли как социальные, так эмоционально-психологические особенности жизни простых крестьян. Вятские песни включают в себя все жанровое многообразие общерусской песенной традиции: от колыбельных до протяжных лирических.

В колыбельных песнях звучит забота о родившемся ребенке, о его здоровье, как физическом, так и духовном, забота о дальнейшей благополучной жизни. Ритм укачивания определяет и ритм напева. Характер интонируемого ритма, многократное его повторение гипнотически воздействуют на укачивание ре-

Арх. Б. № 1

Подосиновский район

$\text{♩} = 92$

8 О, о, о, БА-Ю, БА-Ю, МИ-ЛЕНЬ-КОЙ,

8 СПИ-КО, НЕ-НА-ГЛЯН-НЕНЬ-КОЙ.

8 О, о, о, БАЙ-КИ, БАЙ-КИ, БАЙ-КА-ЛА,

8 ОШ-ШО ВО-ВУ ГАР-КА-ЛА.

8 М... М... М... ПУ-СТИ ГУ-ЛИ НА-ЦЕ-ВАТЬ,

8 БУ-ДУ ВСЮ НОЦЬ-КУ КА-ЧАТЬ.

бенка, производят своего рода магическое действие. На этой основе произошло на протяжении столетий превращение древних ритмоинтонаций магического заклинательного характера в напевы колыбельных. Из множества примеров выделим широко распространенные колыбельные со словами: «Баю, баю, миленькой» Подосиновского района (Арх. Б. № 1)³. Приведенному образцу свойственны особенности колыбельных песен, которые в тексте называются «байки» («байки байкала»). Поэтическая символика этих песен связана с миром русской северной деревни, с миром домашних животных.

Интересны в музыкальном и поэтическом отношении календарные песни. Вятские винограды являлись своеобразным пожеланием хозяевам добра и благополучия, а после требование подарка колядующим:

Виноградчики идут, да,
Виноградчики поют, да,
Винограды краснозеленое мое.
Вот, хозяин, выходи, да,
Пару яиц выноси.
Еще дай тебе бог,
Уроди тебе господь, да
Ошшо поле ржи,
Да другое овса,
Да пшеницы полоса,
Ошшо сто тебе быков,
Полтора ста жеребцов!⁴

Арх. Б. № 2

Котельничский район

а

б

Е - щё хо- дят же, по- хо- дят ко- ля- ду - шеч- ки, да,

ви- но- гра- ды да крас- но- зе- лё- но- е, да.

Структура винограды типична для игровых песен, основанных на контрасте запева и припева, такую структуру можно видеть, например, в котельнической песне «Еще ходят, да походят колядушечки...» (Арх. Б. № 2). Запев и припев представлен повторяющейся попевкой:

запев припев

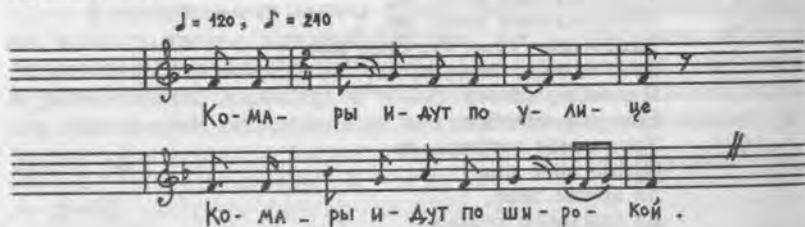
а+а + б+б, что также типично. Запев приведенного винограды четко ритмизован последованиями мелких длительно-

стей, воплощающих в данном случае стихию движения, что вполне соответствует тексту («ходят же походят...»). Торопливый характер запева словно не дает ему времени для широкого развертывания, он укладывается в узкий звуковой объем (чистой кварты). Припев, выдержанный в духе большей распевности, охватывает и больший диапазон (сексты) — нормативный для исторически развившейся русской песенности. Типичный для Севера минимальный распев одноголосия (гетерофония) представлен в напеве достаточно скромно.

Как в колядке в шуточно-игровой песне Сунского района «Комары идут по улице» (Арх. Б. № 3) встречается упоминание «комаров» — ряженных, скоморохов, название которых уже переиначили.

Арх. Б. № 3

Сунский район

Комары идут по улице.
 Комары идут по широкой.
 Они вьются, колотятся, да
 Ночевать у девки просятся:
 Вы пустите комарова ночевать,
 Вы пустите молодого постоять.
 Комары-то люди добренькие,
 Комары — люди хозяйственные.

На посиделках обычными были вождение хороводов, игры. В вятских хороводно-игровых песнях можно видеть и прославление трудолюбия и насмешку над «неумехами». В вятском варианте песни «А мы просо сеяли» это противопоставление наиболее ярко представлено:

Наши-те играли да выиграли,
 Ваши-те играли да проиграли,
 Вам не пряха, не ткаха,
 Не шелковица, не полотняница,
 Только по лесу ходить,
 Да лыко драть...

Или в рождественской песне «Сеяли репу на репище...», записанной в д. Меркучи Афанасьевского района, также запечатлен трудовой процесс:

Вышла Варварушка пшенушку жати,
Пшенушку жати; снопы вязати.
Горстку нажала — к сердцу прижала,
Снопик нажала — домой побежала.
Эту же горстку — деткам на кашку,
Этот же снопик — пивом на бражку...

Одна из форм зимних хороводов была следующая: все двигались парами лицом друг к другу, соединяя правые руки или мерно помахивали в такт песне, так исполнялись «дольные» хороводы. Приведем также свидетельство очевидца, относящееся к шестидесятым годам прошлого века: «Парни и девушки парами, образуя целую колонну, двигались вправо и влево, притопывая ногами в такт музыки, состоящей иногда из скрипки о двух или трех струнах, гармоники и балалайки. Пели «бояр», величая попарно девушку с парнем. Несколько девок и парней становились вокруг посреди избы, пели и ходили кругом».

«Дружінки» или иначе «пáрочные» песни были обращены к выделявшимся из хоровода девушке и парню, целовавшимся в конце песни. Такова, например, песня «Потеряла от шкатулочки ключи...» (K180 Куменского района)

Одиннадцатислоговую протяженность первой строки, «задающую тон» всему последующему, нельзя не сопоставить с одиннадцатислоговой величиной строк «Камаринской». Рассматриваемый пример отдален от «Камаринской» большей ритмической свободой, напевностью. И все же ассоциации с такими же структурами типа «Камаринской» как бы подпочвенно укрепляют оптимистический тонус напева.

В зимнее время звучали и «игрищные» песни, тексты которых в шуточной форме нередко противопоставляли желание плясать и отказ от пляски, даже готовность откупиться от нее «золотой казной» (условной!) Пример — верхнекамская песня «Диль-диль, перепелка» (K182). В этой песне проявилось и характерное для игрищных использование припевных слов: «диво же лелю, ляли, лялюши, ой, ладу, диль, диль». Общим песням свойствен типичный для вятских песен гетерофонный склад напева. Этот же склад, а также ритмослоговая общность с «Камаринской» — в песне «Я не думала сегодня угореть» (K174 Слободского р-на). В ней же — вятская узорчатость напева, связанная с дробностью ритма и с орнаментикой распева.

Смену зимы на весну знаменовала масленичная неделя, праздновавшаяся на Вятской земле, как и во всей России. Примеры местного песенного репертуара масленичной недели многочисленны. По шумному веселью этот праздник близок другому, встречающемуся именно на Вятской земле — Свистопляске — Свистуне.

Песни, исполнявшиеся на весенние праздники, также отражали ход жизни не только совершающийся, но и возможный в будущем. Один из примеров первых, характерный бытовой конкретностью, песня Уржумского района «А мы в поле сходили...» (K170): опуская припев «Доли, лёли, лёли, лё», древний по происхождению, приведем текст песни: «В поле сходили, //Дело сделали, //Венки завяли, //Куницу убьют, //Зубами лупили, //По шубоньке сшили, //К обедне сходили, //Молитвы служили, //Свечки ставили...»

Представления о будущем широко воплощались в весенних гаданиях.

Чаще всего гадали о любви. Таков, например, поэтический текст песни Омутнинского района, сопровождавшийся плясовым напевом: «Пойду во зелен я садок, //Сорву я со травоньки цветок, //Совью на головушку венок, //Пойду я выйду на реку, //Брошу мой венок на воду. //Тонет аль не тонет мой венок, //Любит аль не любит мой дружок, //Вижу — мой венок потонул, //Видно, друг сердешный помянул». (Арх. Б.)

В весенних хороводах на Семик и Троицу часто фигурировал уже упомянутый сюжетный мотив образования пары. В деревне Медведок Нолинского района под исполнение хороводной песни «Вот и винный наш колодец» девушки и парни ходили по кругу в разные стороны; на слова «вот и вывез наш хозяин казанскую умницу» парень выбирал девушку и выводил ее внутрь круга. В Уржумском районе троцкий хоровод, сопровождавшийся песней «Ехал пан», разыгрывался следующим образом: несколько парней входили в круг, каждый выбирал свою «паню». К ногам девушки они бросали свои головные уборы (фуражку, шляпу), затем поднимали их, а в это время девушки им кланялись. В деревне Ботыли Нолинского района троцкий хоровод сопровождала песня «Еще ходит царёв сын по-за городу». Все выстраивались в круг. Один из парней выбирал «царевну», прогуливался с ней «по-за кругом», после чего они заходили внутрь круга. Непременен «по парам» вели хоровод под песни «Среди-то круга дуб стоял», «Ой, горох мой, горох» в той же деревне.

Мотив несчастливой любви проходит и в мужской лирике, хотя и реже. «Ой, люблю девицу расхорошую, теперь ее нет при мне. За морем живет далеко... кабы мне прежняя волюшка, сизые крылышки, слетал бы к ней, спросил бы, любишь али нет? Если ты меня не любишь, убью сам себя, зарастет моя могила травой-муравой!» (K21).

Лирика как выражение личных переживаний проявляется в песнях, исполняющихся в самых разных условиях: на посиделках с подругами, на свадьбе, в праздничных хороводах; их примеры, приведенные ранее, говорят об этом вполне убедительно.

тельно. Можно даже утверждать, что преобладающая часть вятских хороводов лирична. Этим их свойством определяется также характер хороводных движений. Так, например, лирически-задушевной песне «Не на местечке березка вырастала» (K147) соответствовали медленные, плавные движения девушек.

Просветленная созерцательность преобладает в настрояниях молодежи, ведущей хороводы. Свойственные ей веселья и удал более всего воплощаются в плясках, дающих выход накопившейся энергии, возможность показать силу и ловкость.

Между хороводными и плясовыми песнями нет непроходимой грани. Так, например, в плясовой песне «Вербка, вербка, вербочка» (Арх. Б.) выявляются характерные игровые приемы, встречающиеся и в хороводах: «где мы сходимся, низко кланяемся, разойдемся, распростимся, поцелуемся...» В этой же песне характерная для поэтических текстов русских народных песен символика выступает со всей конкретностью: «Канарейка Оленька, соловейко Коленька». В ритме хороводной песни ощущается родство с «Камаринской» (см. «Ходит Ваня по широкому двору» (K173).

В плясовых — быстрое ритмическое движение, нередко отчеканивающее каждый слог поэтического текста, что придает его интонированию декламационный характер. (Упомянутая выше «Вербка, вербочка» (Арх. Б.), «Ох ты, Сенька-Семен» (K200), «Ходила чечетка по боярскому двору» (K201). «Заводной» характер плясовых ярко выявлен в песне «Эх, во поле, во раздолье рябина стояла» (Афанасьевского района). Ритм общерусской «Камаринской» нередко проявляется в вятских плясовых, организуя мелодический рисунок («Уж как лапушка Авдотьюшка душа» (K205). Однако столь типичная для Вятской земли распевность напоминает о себе и в этом жанре («Как повадился коток» (K201), «По заре, зоре» (K198); все же она проявляется не столь широко и вольно. Тексты плясовых песен часто пронизаны юмором, поданы с усмешками, подчас подменяющими бывальщину небылицами: «поросеночек яичко снес».

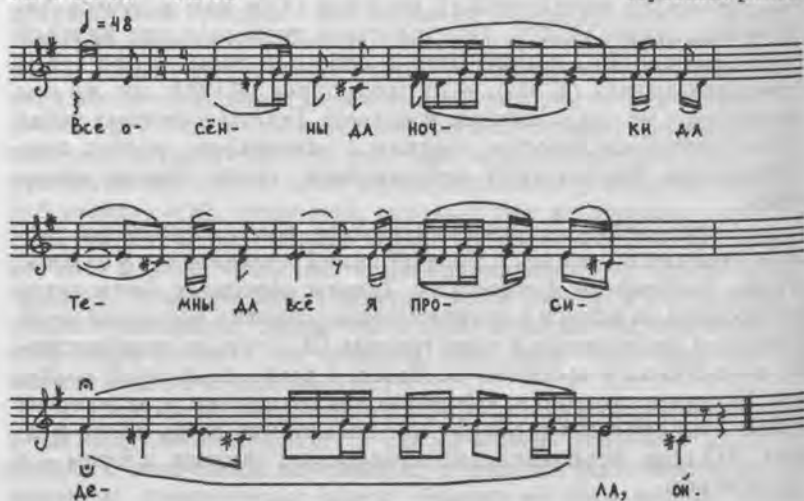
Параллелизм поэтических образов, вообще присущий русским народным песням, с полной силой проявился и в вятских песнях, особенно в лирических. Тексты народных песен чутко реагировали на сдвиги в историческом развитии народной речи. В песне «Сохнет-венёт в поле травка» (Л13) эта ее первая строка, вынесенная в заглавие, возникла в русле старинной традиции. Но далее говорится: «Деревенская гражданка, я не в городе жила»; этот словесный оборот мог возникнуть лишь после февраля 1917 года, первоначально в городском обиходе, а затем — в деревенском.

Сельская и городская разновидности вятского фольклора интенсивно воздействовали друг на друга; одна из причин их взаимопроникновения — широкая распространенность на Вятской земле ремесленно-кустарных посадков полудеревенского, полугородского типа, игравших роль соединительной ткани между двумя различными слоями населения. В частности, отметим воздействие на вятские лирические песни особого жанра городского фольклора — «жесточкого» романса с присущим мелодрамматизмом. Оттуда в крестьянскую лирику проникли не свойственные ее стойкой истовости выпренные заверения в готовности умереть из-за несчастной любви (K5, Л12); также желание запечатлеть образ дорогого человека «на картинке», нарисовать его «портрет» (там же). На основе скрещения традиционной крестьянской песни и бытового романса города возник особый жанр песен-романсов (K64—68), к наиболее ярким и ценным образцам которых мы обратимся в дальнейшем.

Освоение народными песнями истоков, идущих от городского быта, очевидно в ряде случаев на примерах словесных текстов. Они по своей природе как бы открыты, «настежь распахнуты», обращены не только к персонажам сюжетного развертывания, но шире — «во вне» — ко всему тому, что вызывает их переживания. В отличие от текстов, напевы устремлены к тайникам переживаний, к их изгибам и светотеням, так сказать «во внутрь». Исходя из одного и того же корня — из типичных переживаний, — тексты и напевы дополняют друг друга; первые — широтой кругозора, вторые — концентрированностью на ос-

№ 4 Л. 10 — № 13

Лузский район

новном предмете музыкального воплощения, на внутренней духовной жизни. Первые — объемнее, вторые — более монолитны и целенаправленны. Для достижения и утверждения этих качеств, соответствующих художественной природе песни, ее образного единства, напев может обойти не только чуждые его специфике конкретные детали словесного текста, но и те его стороны, которые могли бы быть воплощенными в напеве. Один из примеров — соотношение напева и текста в песне «Все осённые да ночки да тёмны» (Мо — № 13). В тексте — омраченное неопределенностью тревожное ожидание «дружка сердечного», появившегося лишь перед «белым светом» и тогда радостно встреченного. Для народного музыкального творчества посильны воплощения как тревоги, так и радости. Однако в напеве представлено только одно чувство — первое. Напев окрашивают крайне напряженные интонации, находящиеся на пределе народной песенности. После «раскачивания» в самом начале основной опоры «ми» восходящий ход от повышенного вводного звука «редиз» к звуку «соль» образует редкий для народной песенности интервал уменьшенной кварты, по-своему духовно-энергетическому потенциалу подобный сжимающейся пружине.

Развитие напева формирует один из характерных для народной песенности русского Севера уменьшенный лад, отличающийся, как правило, суровой напряженностью. С основной, центральной опорой («ми») сочетаются дополнительные опоры, расположенные на малую терцию вверх («соль») и вниз («до-диез»). Последняя завершает напев, а все три опорных звука, объединяясь последовательно и одновременно, переходят в большую терцию «ре-фа диез», выступающую в качестве временной и соперничающей опоры. Смена и «состязательность» опор создает ладовую переменность, также усиливающую внутренний динамизм напева. Сконцентрированная в нем энергия находит выход в свободном распевании слогов словесного текста — от одного-двух звуков на один слог до шестнадцати(!) Такая распевность чаще всего завоевывает в народной песне достаточно широкое звуковое пространство, например, в объеме септимы, октавы, даже ноны, пример чему мы приведем в дальнейшем. Но распевность данного напева ограничена диапазоном уменьшенной квинты, вдвое меньшей октавы. Было бы поспешным и неосновательным усмотреть в таком относительно малом объеме свидетельство древности данного напева. Этому противоречит сложность его ладоинтонационной структуры, ритмическая свобода его «дыхания». Наконец, мастерски запечатленная в нем интонационно-ритмическая узорчатость, вообще свойственная вятским песням, но в их лирической разновидности доведенная до совершенства, что и наблюдается на примере лузских образ-

цов. Воплощенная в столь узком звуковом объеме узорчатость зачастую характеризует особый вид мелодического движения — «парящий»; словно приподнятый, не восходящий и не ниспадающий, но свободно, без напряжения держащийся на одной и той же высоте (в одном регистре). Однако крайняя напряженность рассматриваемого напева отстраняет такое предположение. В звуковом ограничении, как бы «сжатии» напева, можно скорее ощутить своеобразное воплощение психологической направленности «во внутрь», особой сосредоточенности духовного состояния на своем динамически движущемся центре — «ядре», раскрывающемся во множестве изгибов, микроподъемов и микропадов. При всей экстремальности рассмотренного напева он не одинок; родственным ему является напев песни «Стояла ли в поле рябинушка» (Л11).

Бурлаками обычно называли рабочих, тянувших по реке баржу, для чего они запрягались в лямки, прикрепляемые к барже другими концами. Наглядное представление об этом тяжелом труде, о выполняющих его наемных рабочих дает известнейшая картина Репина «Бурлаки». Однако этим словом в прошлом обозначали вообще всех сезонных отходников, занятых на реках как проводкой барж, так и лесосплавом. Только физически крепкие люди могли быть настоящими бурлаками и приобретать навыки столь тяжелой работы; ставшие бурлаками-профессионалами, они продолжали эту деятельность и в преклонном возрасте (см. К226, Примечание на с. 331). По горькой необходимости шли в бурлаки и женщины, собиравшиеся группами человек по сорок. Одна из женщин-бурлаков — А. В. Махнева рассказывала: «Вот мы робыли на Чудовой... лес плавить надо... зацепим веревкой и волоком дерево из реки, начинаем ухать: «Раз, дубинушка, ухнем, ухнем!»

В таких работах исполнение песни было совершенно необходимо, что подтверждается и следующими воспоминаниями: «...какую-нибудь надо нам посудину подтянуть. Подадим канат и подтягаем. Подтягать чтобы ее, и надо начинать такую песню (исполнение песни «короткий раз»). Все остальные подтягают, «подхватывают» (и песню, и «посудину» — С. Б.).

Группа песен, имеющих общее название «короткий раз», отличалась от другой группы, обозначаемой названием «долгий раз». О громогласном исполнении тех и других вспоминали старожилы еще в послевоенное время: «Бывало, «разят» да «ухают» с утра до ночи, так что берег стонет. За каких-нибудь пять километров их слышно было».

Очень скупые словесные тексты бурлацких песен сводятся к призывно-командным восклицаниям, например: «Ой, еще, ах да ой, да еще!» «Весь пошел, задний переднему давай-надда-

вай!» Название «короткий раз» обусловлено предельной лаконичностью музыкальных фраз, воплощающих командные возгласы. Соотношение резких силовых рывков и более длительных рабочих усилий определяет в этих фразах последовательность ритмических долей — более коротких и более протяженных. Те же самые соотношения повторяются в процессе бурлацкого труда постоянно, что порождает периодичность музыкальных фраз.

Одним из образцов «короткого раза» является (K224 — № 14, вторая часть) от слов «Ой, весь пошел...» Только начальный возглас «ой», подготавливающий общие усилия, приходится на слабую долю, а каждая словесная строка командного характера (двухтактная фраза) начинается с сильной доли, диктуя общий рывок. Примечательно и то, что лишь за исключением одного слога, распетого тремя звуками, в остальном каждому слогу текста соответствует один звук напева. Это и понятно. При объединении первых усилий, призванных сдвинуть баржу, дать ей начальный ход не до распетости напева. Четкий ритм последования восьмых и четвертей при наименьшем количестве звуков был призван помочь выполнению общей задачи. В приведенном примере преимущественно использованы два соседних звука — «соль» — 9 раз и «ля» — 12 раз; только дважды появляются верхнее «си» и нижнее «фа диэз». Последним с нисходящим глиссандирующим «сбрасыванием» и заканчивается напев. Этот прием нисходящего скольжения часто используется в лирических песнях, но его значения в двух сопоставляемых здесь жанрах весьма отличны. В лирических песнях он знаменует эмоциональную разрядку — сменяющий внутреннее напряжение выдох. В трудовых артельных песнях это — завершение физического усилия и, вместе с тем, подготовка нового.

«Долгий раз» обычно сопровождал усилия бурлаков тянуть по реке баржи и плоты. Наладившийся ритм общих усилий открывал возможность широкой распевности, что выявилось, например, в нижеприводимом нотном образце (K224 — № 14, первая часть). Такая распевность, прием словообрыва, диатонический звукоряд в объеме сексты — все это характерно также для вятских лирических и медленных хороводных песен. Родство вятских песен разных жанров не случайно. Если в «коротком разе» сказывается полная сосредоточенность на сиюминутном выполнении трудового усилия, то в «долгом разе» — общая духовная настроенность на совместную длительную работу, а вместе с тем и на ее синхронную организацию.

В любом виде деятельности при воплощении любого переживания песенное искусство вятчан сохраняет глубокую человечность. Именно на этом основании возникла своеобразная открытость вятского песенного искусства, переплавляющего в

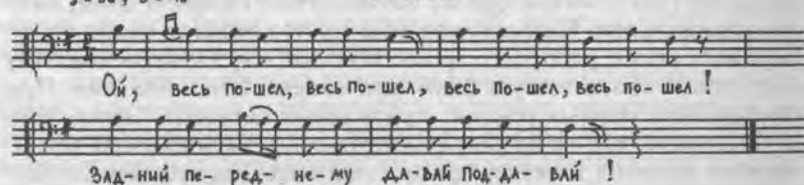

I часть

J = 96, d = 48

II часть

особое (вятское!) качество различные истоки. Среди них важное значение имеют и волжские песни. Именно бурлаки более всего приносили их на родную вятскую землю. В том числе — песню широчайшей известности — «Вниз по матушке по Волге», по-своему переработанную вятчанами (K1, K2).

В исходном варианте поэтического текста этой песни центральным действующим лицом являлся Степан Разин. В других вариантах, в том числе и в указанных вятских, его заменяет «сам хозяин», что командует: «Поворачивай, ребята!» Эту песню по ее сущности можно определить как относящуюся к молодецкой лирике.

Так же убедительно она может быть отнесена и к вольнолюбивым песням. Среди них особое место занимает широко распространенная в разных регионах России, в том числе и на Вятской земле, песня «Как на дубе на высоком» (K67, K68). Ее поэтический текст повествует об одиноком соколе, которому не было «приволья» на родной стороне. «Вот и взвился сокол ясный, //К синю морю полетел, //На родимую сторонку. //Он последний раз глядел. //На дворе светло и ясно, //Солнце красное взошло, //А по морю легкой зыбью// Тело сокола несло».

По характеру текста и по стилизованным признакам напева эта песня, соединившая характерные особенности сельского и городского фольклора, относится к позднему периоду песенного народного творчества.

Укажем и на песню «Высоко звезда просветила» (K62), герой которой «не вор, не разбойничек», оказавшийся в тюрь-

ме. «Кабы ноженьки да не скованы! Белы рученьки да не связаны, улетел бы я во чисто поле».

Для более старших поколений, глубже осознававших свою коренную причастность к судьбе России, характерен интерес к ее истории, к основным ее военным событиям. Например, к русско-турецкой войне 1877—1878 годов, запечатленной и в вятском музыкальном фольклоре. Участвовавшие в этой войне солдатские массы были, вероятно, создателями и исполнителями посвященных ей песен («Поле чистое турецкое» K59, K60, K61).

Сохранились и другие песни, отразившие в народной памяти события, произошедшие несколько столетий тому назад, например, взятие Казани Иваном Грозным («Уж вы, гости мои», K57).

Народная память хранила воспоминания не только отрадные, но и горестные. В песне «Уж вы, гости мои» (K57) с радостью повествуется о победе войска Ивана Грозного. Совсем другая сторона тех же событий запечатлена в песне «Соловей кукушицу уговаривал с собой» (K58): «Парень девицу уговаривал с собой», //Ой, пойдем, красавица, //Во Казань-город гулять! /...// Ой, на бережке камушки// Разноцветные лежат// Ой, на горе высокою// Две новых церкви стоят. //Драматичен отказ девушки: «Ой, Казанюшка-речушка, //речка кровью протекла.// Ой, на бережке камушки// — Разны головы лежат... / Ой, на горе высокою// Два новых креста стоят... / Ой, под этими крестами// Два моих дружка лежат».

Песня «Мы под Кальцием стояли» (K63) свидетельствует о горьких контрастах воинской службы: «Мы по праздничкам гуляли// Пили-ели, что дадут/...//Наш-от ротный командир// Да на крылечко выходил //Да графин водки выносил// Да по стаканчику наливал.// Да на солому спать уклад...// На соломе-то ледок, //Да под соломкой холодок...».

Своеобразно сочетание в этих песнях характерной для русского фольклора лирико-эпической распевности с такими особенностями солдатских песен, как четкий маршеобразный ритм и выдержанность вертикальных звучаний, где интервальное двухголосие перерастает в 3—4-голосные аккорды. Эти композиционные приемы особенно присущи песенным припевам, исполняемым в армейских условиях всей солдатской массой (K57, K59, K60, K61, K63). В тех же условиях солист-запевала ведет одноголосый запев, отличающийся широкой кантиленой (K57, K59, K60, K61). Но в одной из песен (K63) запевная часть исполняется «говорком», как бы торопящимся определить место и обстоятельства действия: «Да мы под Кальцием стояли во турецкую войну...».

Такие песни приносили на Вятскую землю уцелевшие в войнах солдаты, возвращающиеся в родные места. Повествуя-

шая о таком возвращении песня «Красно солнце закатилось» (K51) первоначально держит слушателя в напряженном ожидании, но завершается счастливо: «постучали у окна, попросились ночевать, нам не надобно ничего, мы с походу приустиали, желается отдохнуть. Садились по местам. Старый-от на лавку, меньшей — насупротив. Честна вдовушка слезно плакать начала: «мужа-то лишилась да и сына своего». «Не я ли сын твой, не этот ли муж твой?» Честна вдовушка взрадовалась, за белы руки брала, во горницу провела...»

В напеве и этой песни, связанной с солдатской тематикой, сочетается свободная распевность с аккордовыми последованиями в маршеобразном ритме.

В сопоставлении этой песни с песней о победе Ивана Грозного представлены два масштаба народного мировосприятия. Один — соразмерный с общенародной судьбой («большой мир»), другой — с особой судьбой нескольких людей, связанных особыми обстоятельствами («малый мир»). Песни, представляющие «большой мир», принято определять как исторические, а «малый мир», как балладные. В пределах этого типа сюжеты достаточно разнообразны.

Рассказ ворона, увидавшего «тело белое в широких степях» — отклик на гибель воина. Там же о трех прилетевших ласточках: «родная матушка-то плачет... как река бежит... родная сестрица-то плачет, как ключи кипят, родная женушка плачет, как роса падет: роса утренняя. Красное солнышко взойдет, роса высохнет. Молодая жена мужа забудет» («Ох вы, горы ли вы мои» K53). Место короля, повесившего «доброго молодца», получившего золотое кольцо от королевы (вариант широко распространенной баллады «Ванька-ключник»), убийство нелюбимого мужа женой («Солнышко низешенько» K55), готовность мужа утопить жену, не пожалев ее, а также малых детонек («Я ходила, млада, по лесу» K56). Общее для трех последних песен — задумчивая лирико-эпическая распевность, воплощающая духовный строй повествования и повествователей, возвышающийся над страшным злодейством, запечатленными в текстах.

В Кировской области выявлено три певческих стиля: южный, северо-восточный и северо-западный. Центры певческих гнезд южной группы тяготеют к Уржумскому району (Шурма, Ашлань, Лазарево, Аджим, Калинино Малмыжского района). На северо-востоке с одинаковым правом соревнуются такие поселки, города и деревни, как Омутнинск, Залазна, Кирс, Ектеринино, Зимино, Черная Холуница, Климковка, Белая Холуница, Ильинское, Слободской. Северо-запад имеет самобытные традиции в Лальске и в близлежащих деревнях Попово и

Потапово. Еще не полностью изучены черты песенной культуры восточных районов, например, Зуевского района (дер. Ждановцы). Для каждой из этих групп свойственны свои оригинальные сюжеты, образы, поэтика, напевы, исполнительский стиль. Например, для южной группы характерны глубина и сдержанность выражения интимных чувств в протяжных песнях. Наблюдается в них сочетание ладовой сложности с интонационной упрощенностью. Напротив, в плясовых и шуточных песнях — задор и «разгулье удалое». В хоровом пении южан преобладает светлая окраска звуков, плавная манера пения. Звучание голосов в хорах легкое, изящное.

В северо-восточных центрах вместе с женщинами поют мужчины, в исполнении народных песен участвуют люди всех возрастов. Здесь высокие женские голоса гармонично сливаются с красивыми баритональными мужскими. Народные хоры в рабочих поселках и городах всегда многоголосные, мощные верхними и нижними подголосками.

Лальские певцы отличаются звучными, сочными голосами. Мелодии в их песнях выразительны своим неповторимым кружевным рисунком, извилистостью, множеством распевов; пение плавное.

Общие особенности вятской песенной культуры кратко могут быть определены так: женщины поют преимущественно в среднем и высоком регистрах, мягкими голосами, без надрыва, без форсирования голоса и крикливости. Мужские голоса не имеют резкого тембрового различия. Темброво-баритональная окраска звука сохраняется ими на большей части диапазона. Прелесть вятских песен и стиля пения состоит в мягкости, плавности, деликатности, в естественности звучания песни, что вполне соответствует душевному складу певцов и содержанию их песен. В разных видах народного поэтического и музыкального творчества по-разному проявляется личность исполнителя. Исполнительское мастерство певцов так же индивидуально, как и в профессиональном вокальном или хоровом искусстве.

Такие замечательные певцы, как Анастасия Ивановна Овчинникова в селе Ашлань Уржумского района, Любовь Андреевна Курдюкова в г. Кирсе, Пелагея Петровна Чиркова д. Ждановцы Зуевского района, певица села Гордино Афанасьевского района Гордина Дина Николаевна и многие другие, обнаружили неповторимые особенности тембровой окраски не только разных, высоких или низких, голосов, но и свое понимание песен. В их пении — печать индивидуальных характеров и отношений к жизни, пристрастий и темпераментов, художественных вкусов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Салтыков-Шедрин М. Е. Полн. собр. соч. Т. V. М., 1937. С. 24.

² Герцен А. О развитии революционных идей в России. СПб., 1907. С. 65.

³ В статье используются образцы вятских песен, опубликованные в различных сборниках и находящиеся в архиве автора. Образцы, приводимые из архива автора, обозначены — Арх. Б, и порядковый номер нотного примера в приложении к статье.

В статье используются образцы вятских песен, опубликованные в сборниках и находящиеся в архиве автора.

Введем следующие обозначения источников:

К — Сб. И. Мохирева, В. Харькова и С. Браз «Народные песни Кировской области». М., Музыка, 1966.

Л — Сб. С. Браз «Песни реки Лузы». М., СК. 1977.

Р — Сб. А. Рудневой «Песни Кировской области, напетые А. Кениной». М., СК, 1977.

Арх. Б — Образцы, приводимые из архива автора.

В случае ссылки на песни указываются источник и номер, под которым песня значится в сборнике. Например, К19, Л16, Р14 и т. д. Если же песни иллюстрируются в статье, то к указанным обозначениям добавляется порядковый номер нотного примера. Например, К45 — № 6; Арх. Б. — № 7.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 1

Как у нас-то в славном городе
Во Астрахани
Проявился тот детинка —
Разудалый молодец.
Славно чепетка по городу
Похаживает,
Он сапог о сапог
Поколачивает;
На нем бархатный кафтанчик
На-распашечку надет,
Его шелкова рубашка
Пошумливает,
Бархатные шаровары
Повздрагивают,
Козловые сапожки
Поскрипывают.
Он по городу соколиком
Полётывает.
Красным девушкам-разлапушкам
Примаргивает.
Городским-то он начальничкам
Не кланеется —
Самому он губернатору
Почет не отдаёт.

Увидал того молодца
Губернатор со крыльца,
Закричал тут губернатор!
Громким голосом:
— Еще чей такой детинка,
Разудалый-молодой?!
Аль со здешней стороны?
Аль со матушки Москвы?!
— Я не здешней стороны,
Я не с матушки Москвы,
Я со Камы со реки —
Сеньки Разина сын(ок).
Приказал тут губернатор
Добра молодца словить
И не бить, не казнить,
А в острог посадить.
Растужился, распечалился
Сенька Разин-атаман...
Говорят ему ребята,
Удалые молодцы:
— Не тужи-ка, не печалься,
Главной наш атаман!
Завтра же по утру
Сына выручим твою...

№ 2

Казак Платов на горе,
 Сам на вороном коне.
 Казак бороду обрил,
 Ко французу в гости был.
 Француз на ноги вставал,
 Рюмку водки наливал,
 Он купчиком называл:
 — Уж ты пей-ка, купчинка!
 Пей, купеческий сынок!
 Уж я всех в России знаю,
 Одного только не знаю —
 Я Платова казака.
 Кто бы мне его сказал,
 Много б казны-денег дал.
 — Чем казну-деньги терять,
 Можно так его признать:
 Он на личико со мной
 Ровно братец мой родной,
 Ровно маменьки одной.
 Француз тотчас догадался,
 На резвы ноги вставал,
 С крюка сабельку снимал.

Казак Платов испугался.
 Он и так сильно бежал —
 Все пороги вышибал,
 На крылечко выбегал,
 Громким голосом кричал;
 — Уж вы, слуги мои, слуги!
 Слуги верные мои!
 Вы подите, приведите
 Мне вороного коня!
 На приступочек ступил,
 На добра коня вскочила,
 За ворота выезжал,
 Француза вороной звал:
 — Ты — ворона! Ты — ворона!
 Забубенная сова!
 Не умела ты, ворона,
 Казака ловить!
 Не видать тебе, ворона,
 Каменной Москвы!
 Не видать тебе, вороне,
 И крестов золотых
 И Платова казака!

№ 3

Надсмехался князь Волхонский
 Над красной девицей:
 — Отчего ты, девонька,
 Стала во лице бледна,
 Во лице бледна,
 Во грудях низка?
 Отчего ты, девонька,
 Стала в животе тонка?
 — Ох, да ты не смейся, князь
 Волхонский,
 Над красной девицей!
 Ты гляди-ка, князь Волхонский,
 Лучше во своем дворе,
 Во своем дворе широком
 Над своей княгинею
 Твоя молода княгиня
 Живет с Ванькой-ключником.
 Обернулся князь Волхонский
 На свой на широкий двор,
 Закричал тут князь Волхонский

Своим громким голосом:
 — Еще есть ли у меня
 Слуги мои верные?
 Вы пойдите, приведите
 Ко мне Ваньку-ключника!
 Еще стал же князь Волхонский
 Ваню стал он крепко спрашивать:
 — Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Скажи-ка всю правду мне:
 Со которой поры-время
 Со княгинею живешь?
 Отвечает тут Ванюша,
 Ваня князю таковы слова:
 — Ничего я, князь, не знаю,
 Не знаю, не ведаю.
 Ударил же князь Волхонский
 Ваню во белое лицо
 У Ванюши слезы покатались,
 Из щеки его румяной кровь
 пробрызнула.

№ 4

Вниз да по матушке по Волге
 По широкому раздолью,
 Вздбушевлася мать-погода,
 Мать-погода немалая,

Верховая, волновая.
 Ничего в волнах не видно,
 Только лодочка чернеет,
 Паруса на ней белеют,

Веселочки зеленеют,
Алы ленточки алеют.
На самом на атамане,
На нем смур кафтан со сборами,
Кушак шелковый с полосами.
— Приворачивай, братцы-
ребята,
Ко селу, селу ко Петрову!
Ко приказчику ко Орлову!
У приказчика дочь хороша,

Ее по имени — Катерина...
Катеринушка выходила
Из тесовое на крылечко,
Кувшин пивца выносила,
С атаманом она говорила:
— Не прогневайтесь, гости
дорогие,
В чем застали, в том и вышла —
В одной тоненькой рубашке,
Во чулочках без башмачков.

№ 5

У майора полевого
Три дочи хороши.
Эти дочи, его дочи
Гуляти охочи,
Что гулять они охочи,
Гулять до полночи.
Во девятом часу ночи
Домой приходили,
В коневий двор ходили,
Коней выводили,
Хомутики накладжали,
Во саночки впрягали,

Во саночки во дубовы,
Оглобли вязовы...
Приворачивай, ребята,
К полковничку в гости.
Выходил душа-полковник
На ново крылечко,
Выносил душа-полковник
Вина зеленого:
Ты испей, душа-сестрица,
Вина зеленого,
Не пропей, душа-сестрица,
Ума дорогого...

№ 6

Как на море волны бьют,
Волны бьют. (2)
Черный ворон воду пьет, (2)
Он воду не напил, (2)
Только воду возмutil.
На возмute возлетел,
Красну девку углядел: (2)
— Быть тебе, девка, замужем
За стареньким стариком.
— Я старому ужогу,
Я постелю постелю,
Я в три ряда кирпичу,
Возгололье крапиву,
Крапиву желючую,
Желючую, колючую.
Как на море волны бьют, (2)

Волны бьют. (2)
Черный ворон воду пьет. (2)
Он пить воду не напил, (2)
Только воду возмutil.
На возмute возлетел,
На возлете говорил,
Красну девку взвеселил: (2)
— Быть тебе, девка, замужем
За молодым молодцом.
— Я младому ужогу,
Я постелю постелю,
Перину пуховую,
Одену одеялом,
Одеяло соболье,
Мягкое соболиное.

№ 7

На лугу было, на лужочке,
Ай, люли-люли, на лужочке,
На крутеньком бережочке.
Тут сидел голубь с голубушкой,
Ай, люли-люли, с голубушкой,

Свет Иван-сударь с Аннушкой,
Ай, люли-люли, с Аннушкой,
Александрович да с Ивановной.
Ай, люли-люли, да с Ивановной.
Они целуются и милуются,

Ай, люли-люли, да милуются,
Правой рученькой обнимаются,
Ай, люли-люли, обнимаются,
Во святу церкву собираются,
Ай, люли-люли, собираются.

№ 8

Бывало зимнею порою,
Бывало зимнею, братцы, порою держал я,
Держал я тройку на вожжах,
Держал я тройку на вожжах,
Эх, коренная бежит рысью,
А пристежная, пристежная с горя рвет,
А пристажная с горя рвет.
Да еду, еду темными лесами,
Да снег, да снег под полозом скрипит,
Снег под полозом скрипит.
Да выезжаю на чисту я поляну,
Да вижу, я вижу ямское село,
Я вижу ямское село.
Да что во этом только во селенье
Избушка, избушка крайняя стоит,
Избушка крайняя стоит.
Да что во этой только во избушке
Сидела, сидела Лиза пред окном,
Да заунывную песню распевала,
Качала, качала буйной головой,
Качала буйной головой.
Куда мой миленький уехал,
Куда, куда, голубчик, улетел,
Куда, голубчик, улетел.
Да улетел, мой сизокрыленький голубчик
В чужие, в чужие дальние края,
В чужие дальние края,
В чужедальние далекие.
Да, на.., да на..., далекий на Кавказ,
На далекий на Кавказ.
Да на Кавказе сильно я дрался,
Убил, убил черкесов много там,
Убил черкесов много там.
Убил черкесов для смиренства,
И сам, я сам воротился назад.

№ 9

Прошло лето, прошла осень,
Прошла красная весна,
Наступает время скучное
Расхолодная зима.
Все речушки призастыли,
Ручеечки не текут,

В поле травоньки завяли,
Алы цветы не цветут,
Зелены луга посохли,
Вольны пташки не поют.
— Ты, россейска вольная

пташка,

Восприимчивый соловей!
Ты везде можешь летать —
Высоко и далеко,
Сколь высоко, сколь далеко —
В славный город Ярослав.
Разыщи мне там милого
Не в трактире, кабаке,
Сядь пониже, сядь поближе,
Дружку жалобно воспой.

№ 10

№ 11

Прямо тестю в рыло,
 Розочка алая.
 Напеку я пирогов —
 Уйдет теща без зубов,
 Розочка алая.
 Молода свояченица
 А ты больно горячая,
 Розочка алая.
 Дорогого братца я прошу убраться,
 Розочка алая.
 Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
 Как я гуляю с милою невестой,
 Розочка алая.
 Сядем мы в карету, которой у нас нету,
 Розочка алая,
 Сядем полюбуемся,
 Роза, роза алая, розочка кудрявая.

Девушки водят хоровод, парень ходит и выбирает всех «родственников» среди них.

№ 12

Как по улице шведской, да,*	Мы отвеедем же, немка,
Слободе было немецкой,	Какова горька осина, да,
Молодой-от немец ходит,	Какова горька осина,
За собою немку водит.	Каково житье со старым,
Немку, немку, немку-чезеземку	Что со старым, со проклятым.
Брал за белы ручки:	Жити-быти, все тужити, ой,
«Мы пойдем же с тобой, немка,	Жити-быти, все тужити,
В осиную рощу,	Горьки слезы проливати.
Мы сорвем же с тобой, немка,	По три раза целовати
С осинушки вершинку.	

* — каждая строчка повторяется 2 раза.

Это песня-игра. Парень стоит в серединке круга и выбирает девушку. Выбрав девушку, парой ходят по хороводу, а затем парень ставит девушку на место в хороводе и три раза целуется с ней.

№ 13

Как по морю, морю синему
 Плышет лебедь с лебедятами,
 Со малыши, со ребятами.
 Плывши лебедь встрепенулася,
 Под ней вода сколыхнулася,
 Нигде взялся добрый молодец,
 Уж и побил лебедь белую.
 Он кровь пролил во сине море,
 Он пух пустил по чисту полю.
 Нигде взялась красна девица,
 Брала перья, брала перья, брала перья,
 Лебединые, лебединые,

Клала в шапку, клала в шапку, клала в шапку,
Соболиную, соболиную.
— Я мамушке на перинушку,
Милому дружку на подушечку.

Песня игровая: пары ходят по захороводу.

№ 14

Пошли наши гусли,
Пошли звончатые
Вдоль они по лавке,
Вдоль по скамейке.
Дошли наши гусли,
Дошли звончатые
До девушки Пани,

До белы-румяны.
С собой девку звали,
С собой красну звали,
За рученьку брали:
— Пойдем, девка, с нами,
Пойдем, красна, с нами.

Играющие сидят. Одна девушка при начале песни встает и пляшет; при окончании песни берет другую девушку, песня повторяется, обе пляшут. Потом берет третью и т. д. Песня повторяется столько раз, сколько играющих.

№ 15

1. По за саду, по за саду,
По за зеленому
Летел голубь, летел сизый
Со голубушкою.
Позади идут товарищи,
Высматривают.

Все высматривают,
выговаривают:

— Кабы голубушка за голубем
была

— Кабы я-то раскрасавица.
За молодца пошла.

Я бы взяла, я бы взяла,

Я бы взяла за себя,

Я бы взяла за себя —

Супротив бы для себя.

По лазоревым цветочкам,
По лазоревым цветочкам,
Выходила молода,
Выходила молода
За новые ворота.

4. Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.

Она гуляла, гуляла

Ваню поджидала.

— Ты приди, приди Ванюша,

Ты приди, приди, Ванюша,

Приди ненаглядный,

Не дожусь я, эх,

Какой же ты нарядный.

2. Во заводе были мы,

Во заводе были мы,

Были мы, были мы,

Были мы, были мы,

Сокола мы видели,

Сокола мы видели,

Видели, видели,

Видели, видели.

Красавицу-девицу,

Красавицу-девицу,

Девуцу, девуцу,

Девуцу, девуцу.

5. Выйду я на реченьку,
Посмотрю на быстрюю.

Не увижу ль я милого,

Не увижу ль я милого,

Сердечного своего,

Сердечного прежнего,

Своего любезного.

6. Уж вы сени, мои сени,

Как товарищ-от поёт,

В это время жена мужу

Потасовку задает.

Она пляшет, умоляет, 2

Виновата, извини! 2

А товарищ напевает: 2

«Сени новые мои» 2

3. Как по травке, по муравке

Лели, лели по муравке,

Ах, вы, сени, мои сени,
Сени новенькие, сени новенькие.
Сени новые: кленовые, решетчатые».

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1, 2, 3, 5, 9, 10, 14 — Из сборника: Васнецов А. Песни северо-восточной России. Киров, 1949.

№ 4, 7 — Из сборника: Мохирев И., Харьков В., Браз С. Народные песни Кировской области. М., 1966.

№ 6, 8, 11, 12, 13, 15 — Записаны от Кислицыной Екатерины Федоровны 1916 г. р. в с. Шурма Уржумского р-на В. А. Поздеевым в 1990 г.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ «ДЕРЕВЕНЬКА»

Фольклорный коллектив Илюшевского сельского Дома культуры Афанасьевского района «Деревенька» был создан более 25 лет назад. Он принимал участие во Всесоюзном смотре художественной самодеятельности и в заключительном концерте в г. Москве, где был награжден дипломом и ценным подарком.

У истоков создания коллектива стояли Татьяна Кузьмовна и Мария Антоновна Порубовы, которые и по сей день являются участниками этого коллектива. До 1994 г. руководителем коллектива была Г. А. Порубова, а потом его возглавила Зоя Александровна Сюзева, которая в ансамбле поет уже 15 лет. Среди участников есть пенсионеры и учителя, животноводы и учащиеся, повар школы и механизатор...

В репертуаре ансамбля более 60 местных обрядовых и не-обрядовых песен, а частушек и не сосчитать. В памяти участников ансамбля много песен, которые они передают молодым.

В 1992 году коллективу присвоено звание «народный» за большую работу по сохранению и пропаганде народного творчества.

С первых дней своего существования ансамбль активно принимает участие в различных смотрах, фестивалях, конкурсах: в 1990 г. фольклорный ансамбль выступал в Свердловском областном Доме народного творчества, в 1991 г. стал призером районного смотра фольклорного праздника, участвовал в празднике, посвященном юбилею писателя В. Г. Короленко, в 1994 г. принимал участие в днях культуры района в г. Кирове и Кайго-

родском районе Республики Коми, в 1995 г. участвовал в районном фольклорном празднике, посвященном 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, в 1996 г. принимал участие в районном конкурсе народного юмора «Вятская скоморошина», в празднике дружбы и презентации центра коми-пермяцкой национальной культуры, а 12 июня в г. Кирове, в День независимости России, принимал участие в концерте фольклорных коллективов.

Участники коллектива — частые гости в других домах культуры и клубах района. Они не только показывают свое песенное искусство, но и исполняют те танцы, которые стали сейчас стариной: в их репертуаре кадрили, «Ланце». Эти танцы хорошо знакомы старшему поколению, раньше они были обязательными на вечеринках, проводимых в деревнях, однако в Илюшах они популярны и сейчас. Здесь песни и танцы не забыты.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ «ВЕРЕСИНОЧКА»

Фольклорный ансамбль «Вересиночка» Афанасьевского районного Дома культуры создан в 1986 году. Его художественный руководитель — Елена Витальевна Некрасова.

За десятилетнюю историю ансамбля было подготовлено немало программ, в которых звучали народные песни, частушки, припевки. В большинстве таких программ, как «Свадьба», «Святки», «Троицкие гуляния», использовались записи обрядов Афанасьевского района, а в игровых программах «За околицей», «Афанасьевские вечорки», «Капустёнка», «Деревенские посиделки» помимо игр, забав, звучали шутки местных балагуров.

В 1987 г. ансамбль впервые принял участие в зональном конкурсе «Добры молодцы, красны девицы» в пос. Юрья и был награжден дипломом Кировского областного департамента культуры и искусства. «Вересиночка» принимала участие в различных смотрах, фестивалях, конкурсах: в зональном смотре-конкурсе молодых исполнителей «Эксперимент» в г. Омутнинске; в 1991 г. — в зональном смотре-конкурсе танцевально-хоровых коллективов и фольклорных ансамблей; в 1992 г. — в областном конкурсе «Как бывало в старину»; в 1993 г. — в Днях культуры Афанасьевского района в г. Кирове; в 1994 г. — в Днях культуры в Кайгородском районе Республики Коми и фольклорном празднике в г. Великий Устюг; в 1995 г. — в V международном фести-

вале финно-угорских народов в г. Кудымкаре; в 1996 г. — в зональном смотре-конкурсе «Песни над Вяткой». Во всех этих мероприятиях ансамбль отмечался почетными грамотами, дипломами, ценными подарками за высокое исполнительское мастерство, бережное отношение к народной певческой культуре.

С 1995 г. при районном Доме культуры работает и детский фольклорный ансамбль «Калинка-малинка», которым также руководит Е. В. Некрасова. Фольклорный ансамбль «Вересиночка» часто выступает в соседних районах.

С. Л. БРАЗ

СЕРАФИМА ЧЕРАНЕВА И ЕЕ ПОДРУГИ

Народно-песенное искусство — искусство коллективное. Песни живут во множестве вариантов. Каждый образец песенного творчества шлифуется, подобно драгоценному камню, передается в процессе шлифовки из какой-либо местности в другую, от поколения к поколению, от одного певца к другому, третьему и так далее. Однако коллективный характер создания и бытования песен не означает нивелирования творческих возможностей участников этого процесса: чем более художественно он одарен, чем глубже постиг тайны мастерства народного песнетворчества, тем более осутим его вклад в народную песенную культуру. Еще в прошлом отдельные умельцы, выделяясь из общей массы, иногда становились в своем роде профессионалами. Сочетая крестьянский труд с песенным искусством, они отдавали последнему значительную часть своего времени, подчас жили им во всех смыслах этого слова: это занятие обеспечивало им пропитание и удовлетворяло другие бесхитростные нужды крестьянского быта. Так, знаменитую «вопленицу» Ирину Федосову, причитания которой вошли в золотой фонд традиционной крестьянской художественной культуры, еще подростком приглашали провожать покойников.

В XX веке, когда соответственно общим тенденциям социального развития нашего общества в коллективном народно-песенном искусстве возросло значение личности, случаи профессионализации участились.

В качестве примера можно привести А. Я. Колотилкову, создавшую Северный хор (коллектив этот также стал профессиональным). Другие творчески одаренные представители народного искусства продолжают жить в обычной крестьянской среде нашего времени, оставаясь участниками сельской самодеятельности.

Примером этому может служить Серафима Сергеевна Черанева, проявившая себя и в сольном исполнении, и как участница фольклорного песенного ансамбля села Афанасьеве Кировской области.

Биография Серафимы Сергеевны не примечательна какими-либо особыми событиями, но типична для первых послеоктябрьских поколений русского крестьянства. Родилась она в 1918 году в деревне Маёвы Афанасьевского сельсовета. Росла с двумя братьями и двумя сестрами — была младшей в семье. Отец, Сергей Степанович, был сапожником, мать — Ефросинья Ивановна — трудилась в колхозе. Родители сами постоянно были в работе и приучали к ней детей. Жили трудно. «Помню голодный 1921 год, — рассказывает Серафима Сергеевна, — хлеба в семье не было. Пойду, бывало, к дяде и пока не дадут краюшку хлеба, ни за что не уйду от него. Потом стали жить лучше, появился свой скот, хлеб». Девочкой-подростком Серафима косила траву, жала серпом рожь, бегала в лес за ягодами и грибами.

Петь Серафима начала как-то исподволь — просто хотелось раскрыть свою душу, передать настроение. Запоминала она песни быстро: «Бывало, услышу раза два и выучу слова и мелодию». Многие усвоила от матери, которая пела дома, в гостях, на семейных праздниках, на вечерних чаепитиях. К примеру, от нее Серафима восприняла песню «Ой, да спо морю».

Когда началась коллективизация, Чераневы одни из первых вступили в колхоз. Подросла Сима, односельчане выбрали ее депутатом сельсовета, затем она работала там секретарем. Во время Великой Отечественной войны Серафиму Сергеевну назначили бригадиром. «Время было суровое, трудно было, — рассказывает она, — растили хлеб, лен, скот, работали много, спали мало». И всегда С. Черанева следовала доброму крестьянскому правилу — ничего не делать спустя рукава, вкладывать в работу ум и сердце.

Кончилась война, понемногу жизнь входила в свою колею. «Не зря говорят, — продолжает Черанева, — нам песня строить и жить помогает. Пою я дома, на работе, в гостях... Песни прибавляют мне силы, с ними легче жить. Бывает трудно, приду домой, запою — сразу легче становится. Пока могу, буду петь сама и передавать любовь к песне другим».

Как рассказывала нам Серафима Сергеевна, в Афанасьеве всегда много пели. Раньше девушки вечерами собирались в какой-нибудь избе на «супрядки» и весь длинный зимний вечер работали при свете лучины — работали и пели. Лен трепали вручную тоже в сопровождении песен. Ткали, крупу толкли в ступах — опять с песнями. Почти каждая семья страивала помощь по подвозке дров. А вечером после ужина пели. Так же и летом.

Долог летний день. Люди с утра до вечера работали в поле и на лугах. Домой возвращались уставшие, но с песнями.

«Идем с работы, с поля, — вспоминает Серафима Сергеевна, — никаких сил нет, и вдруг кто-нибудь скажет: «Сима, заводи!» Запоем мы, и шагать как-то легче».

Невольно приходят на память поэтические строки В. Распутина: «...вот эти песни после работы, когда уж будто и не они, не люди, будто души их пели, соединившись вместе, — так свято и изначально верили они бесхитростным выпеваемым словам и так истово и едино возносили голоса».

«По праздникам, — продолжает Черанева, — молодежь собиралась около конторы колхоза, тут песни, пляски, хороводы под гармошку, различные игры». Серафиму Сергеевну специально приглашали петь на свадьбы, и она с удовольствием участвовала в этих красочных зрелищах. Скромная женщина с улыбчивым лицом и добрыми глазами, сохранившая довольно сильный, сочный по тембру голос, ровно и мягко звучащий в разных регистрах, — такой запомнилась нам Серафима Сергеевна Черанева. Пела она чуть-чуть раскачиваясь. Один звук следовал за другим, словно нанизываясь на нитку, все они сплетались в причудливые узоры. Благодаря легкости и подвижности голоса как бы сами собой рождались в мелодии едва заметные фиоритуры, мелизмы, что придавало исполняемым песням особую прелесть. Незаурядная артистичность, умение гибко использовать многоцветную палитру своего богатого по тембру голоса — несомненные достоинства певицы. И я, и мои студенты, участвовавшие в экспедиции, полюбили ее за добродушие, гостеприимство, за внутреннее благородство, за духовную интеллигентность, которая так и сквозила в ней.

Серафима Сергеевна вносила в песню много своего человеческого тепла и любви. Неторопливо, вдумчиво, проникновенно пела она свадебные и троицкие песни, но особенно глубоко чувствовала протяжные, или по-местному «буднишные». Есть особый смысл в том, что так называют в Афанасьеве лирическую протяжную песню, воплощающую те глубокие переживания, которые накапливаются в крестьянской душе изо дня в день — не только в особые праздники, но более всего в обыденном ходе жизни, в будни... Не спеша, на широком дыхании начинает С. Черанева длинное повествование, стремясь выявить многогранное душевное состояние в непрерывном развитии. С каким старанием, как сосредоточенно выводит певица затейливые мелодические узоры, изящные и в то же время выразительно-мудрые. Мерно течет напев. Внутренняя настроенностьлюбимых ею песен, даже скорбных, и манера их исполнения — волевая. «Грусть русской души имеет особый характер, — писал

в свое время Белинский, — русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем... Это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой». Певица с большой жизнеутверждающей силой ведет пластичную, с причудливыми изгибами мелодию, временами подчеркивая голосом важные по смыслу слова.

Так, в троицкой песне «На угоре, на яру» весь поэтический текст выдержан в духе неторопливого повествования. Но вместе с тем как-то особенно весомо звучат окончания некоторых стрóf. Глубокое художественное чутье словно подсказывает певице выделить те фрагменты, в которых концентрированно выражается поэтическая сущность текста.

В песне поется о рябине, символизирующей образ девушки:

На угоре, на яру ветер дует в долину,
Раздувает рябину, да рябину зеленую...

Типично вятский извилистый, ритмически разнообразный напев с размашистыми квартово-квинтовыми скачками, мягко восполняемыми постепенными ходами, рельефно передает эмоциональную атмосферу песни. В ряду исполнительских приемов, расцвечивающих мелодию, — частые форшлаги. Умеренные слоговые распевы как бы замедляют ход песенного изложения.

Обращают на себя внимание некоторые смысловые задержки (остановки), которые делает певица. В начальных интонациях каждой стрóфы она несколько дольше выдерживает вершину — протяженный звук *ре*, от которого изливаются следующие звуки, как бы рождающиеся сами собой. И в других построениях С. Черанева выделяет голосом, делая еле заметное *tenuto* — вершину — источник (звук *ми*), благодаря чему в напеве особо высвечивается переменчивая линия звуковых вершин. Неторопливо и бережно «касаясь» нижнего звука *соль* на протяжении почти всей стрóфы, она подготавливает тем самым восприятие его как заключительного звука, что придает всей мелодии особую тембровую выразительную глубину.

В другой лирической песне «Уж болит-то, болит разбуяная голова» обилие мелодических скачков напева даже не ощущается, поскольку регистровая разница крайних звуков сглаживается пластичным звуковедением, которым в совершенстве владеет певица. Удивительно проникновенно звучит ее голос, который отличают благородство манеры, деликатность подачи звука. Неторопливо разворачивается интонационное зерно напева. С ювелирной точностью С. Черанева выявляет его ритмические варианты.

Весьма привлекательна в исполнении Серафимы Сергеевны свадебная песня «Спо морю да спо синему». Ее пели на пиру во второбрачии, хотя в других местностях России она распространена как хороводная. Текст песни традиционен:

Тут и да плавала
Лебедь белая,
Красовалася,
Взрадовалася...

Все излюбленные приемы певицы здесь налицо: и широкая слоговая растяжка (орнаментальность внутрислоговой мелодики), и умелое сглаживание регистров при исполнении мелодических скачков, и кантилена, и негромкое, как будто сокровенное, затаенное, непохожее на северное сказывание, неторопливое повествование. Оно подкреплено каким-то еле уловимым любованием пластичными мелодическими разводами. Особое внимание привлекают к себе квартово-квинтовые форшлаги, как правило, исполняющиеся в низком регистре. Частое их использование — неотъемлемый элемент исполнительского стиля певицы.

Все вышесказанное подчинено выявлению существенной особенности напева — сочетания неизменности его светлой «настройки», заданной с самого начала, и колышашегося мелодического рельефа.

Интересно сопоставить приведенный вариант песни «Спо морю да спо синему» с другим, записанным нами от ансамбля соседнего села Бисерово.

Здесь уже иное по сравнению с афанасьевским интонационно-мелодическое изложение напева. Различие песен состоит, прежде всего, в их жанровой принадлежности. Если афанасьевская песня — протяжная, приуроченная к свадьбе, то бисеровская, будучи также приуроченной к свадьбе, тем не менее сохранила ритмически четкую форму хоровода. Вместе с тем она представляет собой сугубо локальный музыкальный вариант, встречающийся только в этом северо-восточном уголке Вятской земли.

В обеих песнях — характерная для вятчан мелодическая узорчатость в малом диапазоне, разработанная ритмика слоговых групп и умеренная распевность, переходящая к концу строф в широкую.

Исполнительский облик Серафимы Сергеевны Чераневой более всего выявляется в сольных песнях лирического склада. Активный темперамент певицы находит себе выход не только в протяжных лирических, но и в разудалых плясовых, а также в троицких игровых песнях.

Серафима Сергеевна Черанева очень любит петь в ансамбле, причем поет тихо, незаметно, увлекая однако своим запе-

вом всех участниц. Мелодию песни ведет спокойно, осторожно, слушая при этом голоса остальных, не выделяясь, но вместе с тем как бы корректируя общее звучание. Кто же они, остальные участницы ансамбля села Афанасьёво?

Все они — из той же трудовой крестьянской среды. Среди них — родственницы и однофамилицы Серафимы Сергеевны — Клавдия Семеновна (1927 года рождения), Прасковья Иосифовна (1923 года рождения), Валентина Семеновна (1931 года рождения), а также Варанкина Мария Петровна (1922 года рождения) и Лучникова Валентина Сергеевна (1940 года рождения), Тутынина Елена Кузьминична (1938 года рождения), Трушкова Алевтина Николаевна (1933 года рождения), Бисерова Валентина Николаевна (1936 года рождения), Тебенькова Галина Васильевна (1944 года рождения), Ичетовкина Тамара Сергеевна (1928 года рождения), Клодова Татьяна Васильевна (1949 года рождения), Некрасова Елена Витальевна (1954 года рождения). Организационную работу в ансамбле выполняет Нина Федоровна Макарова (1945 года рождения). Некоторые участницы ансамбля, такие, как Серафима Ивановна Черанева, Варанкина Мария Петровна и Шоханова Мария Георгиевна (1924 года рождения) — на пенсии, другие активно работают в районном отделе культуры, детском саду или других организациях.

От фольклорного ансамбля села Афанасьёва мы записали много песен, отражающих тему земледельческого труда. В частности, эта тема затронута в рождественской плясовой «Сеяли репу на репище».

Особенно много нам спели игровых троицких песен. В Вятском крае песни не столько носили характер заклятий, сколько были непосредственно связаны с хороводным действием и народными поверьями о девичьей судьбе. По жанру это — модные песни любовно-игрового содержания с типичными для них движениями кругом или с ходом через воротца (столбики). Несколько певиц, а чаще детей, садились на корточки в двух шагах друг от друга, изображая столбики. Остальные участники игры ходили вокруг них змейкой. Таковы «Ох ты, улица, улица», «Ох ты, ветер, ветерочек», «Пойду ли я», «У ворот девки играли» и «Селезень с уткой ходит». Последняя заключала в себе редкий для Вятской земли сюжет.

Поскольку территория Афанасьевского района издавна была заселена выходцами из северных губерний, то естественно было найти здесь и сюжеты северных песен. Нам удалось записать покосную песню «Что не рано стает». Это не что иное, как местное претворение северо-русского варианта «Не белая заря». От афанасьевского ансамбля мы услышали рождественскую игровую «Скоморох ходил вдоль по улице».

Афанасьевцы с особым волнением исполняют свои местные песни и по-своему оценивают заключенную в них правду: «Ранешние песни, — говорили они, — все выложат на ладошке»... Поразила удивительная слитность звучания, слаженность, умение участниц быстро подстраиваться и развести песню «на голоса». При этом общерусская основа народной песенности выступала здесь в особой вятской манере и даже приобретала неповторимый «афанасьевский» оттенок.

Причудливая извилистость напевов, ритмическая изобретательность, характерность ладово-интонационной сферы, колорит художественно-поэтических образов, красочность поэтического языка и удивительная сохранность местного говора — в этом заключается самобытность афанасьевского ансамбля.

Сплав общерусского и местного приумножает интерес к нему как творцу нашего песенного искусства, которому по праву открыта «зеленая улица» на всех уровнях нашей культуры — от районного дома культуры до всероссийских концертных площадок.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ МОХИРЕВ
(1908—1986)

Илл. 97. И. А. Мохирев

Он родился 15 апреля 1908 г. в д. Ждановцы Зуевского района в семье крестьянина. Закончив три класса церковно-приходской школы, вынужден был прервать учение и заняться трудовой деятельностью. Был лесорубом, ломовым извозчиком, чернорабочим на железной дороге, в 1929—1931 гг. активно участвовал в организации колхоза в своей деревне и ликвидации безграмотности. И все это время упорно учился.

Сдав в 1931 г. экстерном экзамены за среднюю школу, И. А. Мохирев поступает учиться на факультет русского языка и литературы КГПИ им. В. И. Ленина и успешно заканчивает его.

В 1936—1939 гг. он завуч и учитель русского языка в Зуевской средней школе. В 1939 г. Иван Александрович получил приглашение на должность ассистента кафедры литературы, а через год назначен помощником декана литфака.

С первых месяцев и до конца Великой Отечественной войны он в действующей армии, награжден за боевые заслуги семью медалями и орденом Отечественной войны.

С 1939 по 1976 год трудовой путь И. А. Мохирева неразрывно связан с кафедрой литературы. Ассистент, старший преподаватель, доцент, зав. кафедрой — и всегда полная самоотдача избранной профессии, любимому делу, постоянная забота о формировании и росте кадров родной кафедры. В течение длительного времени он читал курсы советской литературы и фольклора, спецкурс по творчеству А. М. Горького и А. Т. Твардовского, с которым И. А. Мохирев вел переписку. Хорошее знание народных традиций, научный интерес к фольклору подвигнули Ивана Александровича организовать в 1957 г. первую за послевоенные годы фольклорную экспедицию студентов Кировского пединститута. После этой экспедиции почти до конца своей жизни неутомимый исследователь выезжал летом в фольклорные экспедиции, а с введением в учебный план фольклорной практики, на практику со студентами-филологами. Он вспоминал о том, как впервые появились магнитофоны, еще очень громоздкие, тяжелые и несовершенные, но приходилось их носить из деревни в деревню и записывать бесценные голоса вятских песенниц.

За несколько десятилетий сотрудничества с учеными Московского института им. Гнесиных был собран в лаборатории фольклора богатый песенный материал. Эти материалы послужили основой для книги «Песни Кировской области» (М., изд. «Музыка», 1966), которую И. А. Мохирев издал совместно с музыковедами В. Харьковым и С. Браз. Эта книга была одной из немногих публикаций вятского фольклора, где приведены нотные расшифровки мелодий, сделанные учеными, подлинными профессионалами. Сотрудничество с С. Браз вылилось в издание книги «Вятские песни, сказки, легенды» (Горький, 1974). И. А. Мохирев опубликовал запись вятскополянского варианта драмы «Ермак», множество статей по проблемам фольклора. В институтской газете «По ленинскому пути» появлялись его стихи, заметки, особо интересны его фронтовые воспоминания «Обозники». При его участии вятские народные песни в исполнении народного артиста СССР А. Ф. Ведерникова записаны на пластинку.

В любом деле он был поистине подвижником, постоянно выступал перед широкой аудиторией и учителями области с лекциями по советской литературе и фольклору.

В. А. ПОЗДЕЕВ

НАРОДНО-ДРАМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЯТСКОГО КРАЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Драматическая культура пронизывает многие стороны жизни народной жизни и является весьма многообразной по своему составу. Как отмечала профессор Н. И. Савушкина: «Народное театральное искусство включает театральные явления в полном объеме (народные представления, разыгрываемые народные пьесы, сценки, диалоги) и театральные элементы исполнения эпических и лирических произведений фольклора, эпизодов обрядов, ряжения»¹. На Вятской земле, как и у всех славянских народов, в результате многовековой эволюции сложился достаточно устойчивый (с определенными традиционными формами) тип зрелищно-игровой культуры. Однако это явление редко попадало в поле зрения собирателей фольклора. Причины этого, на наш взгляд, во-первых: неразработанность теории народной драматической культуры, а во-вторых, ориентация собирателей на песенно-эпические и обрядовые жанры. Более подробно освещены так называемые дотеатральные формы народно-драматического творчества. Одним из свидетельств наличия элементов народно-драматической культуры в Вятском крае являются упоминания о скоморохах. В обзорах грамот XVII в. упоминаются скоморохи, жившие в Хлынове², а в грамоте Андреяну Попову, пономарю с. Архангельского Кырчановской волости, наказывается «хранить себя от... бесовская игрища и глумотворения с превратными лицами, сиречь харями и скоморящеская чудения...». Отголоском скоморошьего искусства в Котельническом уезде можно считать: «молодые парни не иначе должны сюда на игрища притти, как вроде странствующих скоморохов».

Первые упоминания о «дотеатральных формах» встречаются в описании свадебного обряда, святочных и масленичных игрищ. Так, в «Вятских губернских ведомостях» за 1846 г. Б...в М. пишет о масленице: «В первые дни масленицы вы увидите толпы людей в маскарадных костюмах, разгуливающих по улицам с песнями, музыкой...», а в ВГВ за 1848 год Бажин довольно подробно передает диалоги дружки в крестьянской свадьбе Котельнического уезда. Однако в подобных публикациях внимание собирателей привлекает только внешняя сторона обрядов и игрищ. В этих материалах почти не отражены диалоги, нет детального описания сцен. В публикациях XIX — начала XX в. много материалов, в которых отмечаются игрища в хороводах при исполнении «круговых» песен. Приводятся некоторые драматические элементы при испол-

нении песен «Вился, вился воробей», «На горах-то вьюны вьются», «А мы просо сеяли», «Ленок» и др.

Изредка появляются сведения о представлениях народных драм на Вятской земле. В ВГВ за 1876 г. опубликовано сообщение о том, что в д. Борок Яранского уезда разыгрывались «рукобитье», «осенний вечер в деревне». В рукописном журнале «Труды Малмыжского музея местного края» за 1925 г. М. Худяков сообщает, что «на святах в д. Ст. Бурца устраивается ежегодно представление какой-то старинной пьесы своеобразного народного театра». По косвенным данным можно предположить, что разыгрывалась драма «Царь Максимилиан» или «Мнимый барин».

Наиболее полные описания драм «Лодочка», «Царь Максимилиан» записаны в Лальском уезде от Н. Шаверина в 1890–1916 гг. (хранятся в РО ИРЛИ).

Известна запись А. И. Соловьева драмы «Ермак», которая является контаминацией пьес «Лодка» и «Мнимый барин». Как писал И. А. Мохирев, который впервые опубликовал эту драму, «В 1948 г. в городе Вятские Поляны Кировской области местный житель Анатолий Иванович Соловьев записал от стариков народную «Драму о Ермаке» и передал рукопись областному музею краеведения. В 1959 г. он по просьбе участников фольклорной экспедиции передал в фольклорный фонд Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина новый вариант этой драмы. Сличив обе рукописи, я пришел к выводу, что рукопись 1959 г. более полно воспроизводит действие, хотя из варианта 1948 г. кое-где были опущены отдельные реплики. Их легко можно было восстановить»³.

Эти и другие материалы — яркое свидетельство того, что народно-драматическая культура Вятского края представляет собой интересные эстетические и историко-культурные факты в фольклоре Кировской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. С. 10.

² ТВУАК. 1906. Вып. III–IV. Вятка, 1906.

³ Мохирев И. А. Вятскополянский вариант народной драмы «Ермак» // Уч. зап. Киров. пед. ин. Киров, 1965. Вып. 20. С. 248.

В. А. ПОЗДЕЕВ

ЭХ, ЧАСТУШЕЧКА-ГОВОРУШЕЧКА!

Есть у нас такой особый жанр русского песенного творчества — частушка. Никого она не оставит равнодушным, и поэтому каждый призадумается, как рождается это небольшое произведение народного искусства. А рождается оно буквально на глазах, вернее на слуху у окружающих. Однако эта кажущаяся легкость зависит от многого: от таланта исполнителя, от его настроения, от ситуации, в которой создается частушка, но самое главное — от знания традиции. Автор-исполнитель частушки всегда знает, как складывались они в «прежние годы», что можно заимствовать от «стариков», а что внести свое, и это сочетание традиционного и индивидуального ярко проявляется в феномене частушки.

В маленькой, чаще всего четырехстрочной частушке, можно увидеть отголоски многих жанров народной поэзии. Как и песня, частушка живет в народе по своим законам. В силу своей природы и специфики она раскрывает какую-то отдельную черту быта, характера человека, взаимоотношения между людьми, мысли и переживания. Не все гармонично в мире, и поэтому частушка нередко передает эти противоречия, особенно противоречия внутреннего мира человека, причем в форме совершенно уникальной.

Уже в XVII в. были известны на Руси короткие песенки, которые исполнялись как обрядовые (как правило, заклинательного и ритуального характера), так и плясовые, шуточные. Однако частушки, по мнению некоторых фольклористов, возникли во второй половине XIX в. Это новый по содержанию и форме жанр устного народного творчества. «Частушка» — первоначально одно из названий коротких «частых» (в отличие от «протяжных», «долгих») песен — появилась в публицистике, а затем вошла и в научную литературу из очерка Глеба Успенского «Новые народные песни: Из деревенских заметок» (1889). В этом очерке писатель впервые дал краткий анализ нового явления в песенной культуре народа. Постепенно слово «частушка» стало приобретать значение общего термина.

Частушка — жанр молодой и жанр молодых, он рождался в молодежной аудитории. Д. К. Зеленин, который одним из первых исследователей обратил внимание на новые веяния в народной культуре в начале XX в., писал: «Самыми модными и любимыми в нашем народе поэтическими произведениями в настоящее время, бесспорно, являются романс и частушка. <...> Частушка перестала быть «фабричною поэзией», как их окрестили на первых порах публицисты и этнографы; в той же захо-

лустной деревне, от которой на сотни верст кругом нет никаких фабрик, вы непременно услышите молодых певцов, ухарски «на-яривающих» на гармонике, с бесконечными «переборами», «ча-стую» о милке и миленочке...»

Тема любви, можно сказать, — главная тема частушек. Любовь, брак, семья, положение женщины — это только внешняя сторона темы, глубинный смысл частушек — это логика переживания, психологическая реакция героя или героини:

Ты не думай, ягодиночка,
Платок не подарю.
Платки дарят для изменушки,
А я не изменю.

Частушки пелись на посиделках, вечерках, беседах темными зимними вечерами в откупленной избе или летними вечерами, а то и всю ночь за околицей деревни. Исполнение частушки сопровождалось своеобразной игрой (не только во время пляски): вначале выходила самая боевая девушка, а может быть, парень, и делали так называемый зачин, затем выходили другие, вступали в своеобразный диалог-спор, поэтическое соревнование.

Частушка — неотъемлемый элемент задорной круговой пляски. На Вятке эту пляску называют «топотухой». Эх, идет «топоток в избе на всю деревню!» Ритм частушки и движение сливаются в единый неразделимый сплав. Если поют под гармонию, то каждый гармонист старается, не выходя из традиционных наигрышей, привнести что-то свое. Наигрышей много, хотя они незамысловаты по музыкальному рисунку.

Трудно определить какие-то региональные особенности частушек, они чаще всего основываются на общерусской традиции, однако местный колорит проявляется в географических названиях, местных прозвищах, мелких своеобразных деталях быта. Но, пожалуй, самое главное то, что в этом жанре удивительно и своеобразно проявилось поэтическое мышление народа, образное видение обыденных явлений в таком ракурсе, который невольно задевает за живое, привлекает внимание. Сплетается своеобразный венок: здесь и яркие, броские частушки, радующие своей сочностью, неповторимой ритмикой, здесь и нежнейшие, и тончайшие переливы красок, созвучных с душевными волнениями и переживаниями:

Пела, пела-напевала
Дорогому своему.
Он головушку повесил —
Песенки не по нему.

На вечерках, как говорится, за словом в карман не лезли, если кто-нибудь был задет в частушке, то сразу же рождал-

ся ответ. При этом нужна была смелость, этакая удаль и чувство острого словца.

Мотивы любви занимают главное место в частушках, поэтому так многообразно название любимого или любимой — дроля, дrolечка, милый, мил-миленочек, милка, ягодка, ягодиночка.

Ягодинка завлекает
Не глазами, а игрой.
Как бы мне на вечериночке
Разговор начать с тобой?

Слово за слово, частушка за частушкой, пляска за пляской — так возникает симпатия, загорается огонек любви. Вятские — ребята хватские, и девчонки боевые. Если понравились парень или девушка друг другу, то начинается любовная игра: она проявляется и в частушке, и в реальных отношениях.

В частушках раскрывались этические и эстетические идеалы молодежи. В вятской, как и в общерусской традиции, выделяются девичьи, женские, а также мужские частушки. Если девушки задорно распевали их, то парни «насказывали» под гармошку. Эти особенности отмечал еще Д. К. Зеленин. В вятской традиции распространены и так называемые частушечные спевы или многострочные частушки, иногда их смешивают с «долгими» песнями. В таких спевах исполнитель проводил какую-то сквозную мысль, используя своеобразную композицию, где каждая частушка имела внутренние связи, логически и по настроению вытекала одна из другой.

В частушке вырабатывались устойчивые «сюжеты», которые отражали ту или иную любовную ситуацию. Возникали частушечные символы: «... скажем, еще, — писал Д. К. Зеленин, — о традиционных песенных символах: они достались частушке в наследство от старой песни и встречаются в ней чуть ли не на каждом шагу». Ягодка — символ девушки; перстень, кольцо, огонь — символы любви; «ветер дует и шумит» — болит сердечко; дым идет, осина шумит — печаль и т.п. В частушке рассыпано огромное богатство метафор, сравнений, эпитетов, гипербол (преувеличений), других художественных приемов. Разнообразны и композиционные приемы, которые идут не только от песенных жанров, но и от пословиц, загадок, от народного красноречия. Излюбленными приемами являются диалог, риторический вопрос и восклицание, символический и синтаксический параллелизм.

Отчего в печи не жарко?
Мать сметану пролила.
Отчего дружка не жалко?
Я другого нажила.

Новую жизнь вдохнули в частушку гармонисты, которые в 1980—1990-е годы начали активнее пропагандировать tradi-

ционные вятские наигрыши, хотя по деревням и селам гармошка и сопровождавшая ее частушка никогда не умирали. Традиции гармонистов передавались из поколения в поколение. Развита сеть музыкальных школ не готовила гармонистов, а обычно баянистов, но если настоящий баянист не владел гармошкой, то в деревне его не считали хорошим игроком.

Гармонист, поставь гармонь
На правое коленочко,
Поиграй, повесели,
Попляшу маленечко.

Частушка звучала как на деревенских свадьбах, проводях в армию, на других праздниках, так и пелась со сцены сельских домов культуры. Тематика этих частушек была разной: в обычных домашних условиях частушка не стеснялась затронуть самые разные и даже нецензурные темы, а вот со сцены лилась «правильная» частушка: о передовиках, о трудовых достижениях колхозников, о достижении страны или высмеивали пороки: бесхозяйственность, лень-тунеядство, пьянство и др.

Частушка способствовала развитию авторских куплетов, которые исполнялись с эстрады знаменитыми куплетистами. А в домах культуры всегда имелись голосистые, и поэтому популярные, частушечники. В своих выступлениях они рассказывали о местных рекордах, а также критиковали недостатки некоторых руководителей:

Развелось спекулянтов
И завод стали бросать.
Специальности забыли,
Чтобы денег нахватать.

В этих юмористических и сатирических частушках «обыгрываются» все стороны жизни, иногда это очень «жестокий» смех:

Порошка и мыла нету,	Пубавилось работы:
Не стираем мы бельё,	Не стирай, не полощи.
Вечером читай газету,	Вот спасибо за заботу!
В выходной иди в кино.	Не варить еще бы ши.

Особенно много частушек создано за время перестройки, возникли новые произведения и о «партократах-демократах», о новых русских. Это еще раз доказывает, что частушка жанр живой, развивающийся, не даром ее еще в 20-е годы называли «живой газетой», в которой есть отклики на самые злободневные события.

Сложные перипетии нашей национальной истории посвоему отражались в этом жанре, но частушка не забывала и вечные человеческие темы. Жива она и поныне. Звучит живая душа народа! Слушаешь частушку — и невольно вспоминаешь пушкинские слова об особенностях русского национального ха-

рактера — «веселом лукавстве ума и живописном способе выражаться».

ЧАСТУШКИ ИЗ АРХИВА ВГПУ

1. У товарища гармошка — Планочки ореховы. Играй, товарищ, веселее, Девушки приехали.	11. Я любила троечку: Колю, Васю, Толечку. Колю — утром, Васю — днем, Толю — вечером с огнем.
2. Ты играй, гармонь-подружка, Наше развлечение. С острой критикой частушка — Лодырю лечение.	12. У меня миленка три, Три и полагается, Я с одним иду в кино, А два других ругаются.
3. Голосистая гармошка, Гармонист у нас хорош. Табунами девки ходят, Палкой их не отобьешь.	13. Я же буду из под дубу Ключевую воду пить. Я тебя не позабуду — Буду до смерти любить.
4. Гармонист, гармонист, Хорошо играет. Почему вы, гармонист, С нами не гуляете.	14. У моего у милого, Глазки, как у Кирова, Кудри вьются на фуражку, Как у Ворошилова.
5. Гармонист, поставь гармонь На правое коленочко. Поиграй повеселее, Попляшу маленечко.	15. У миленка черны брюки И такой же пиджачок. Подмигнет ему другая, Он бежит как дурачок.
6. Гармониста я любила, Гармониста тешила. Гармонисту на плечо Сама гармошку вешала.	16. Девушки, любовь горячую Носите под платком. Я носила под косынкой, Раздуло ветерком.
7. Гармониста я любила, Слушать бегала за лес. Значит, девочки, в любви Находила интерес.	17. У меня подруга Нина, Мне бы тоже Ниной быть. Нина милого забыла, Мне бы тоже позабыть.
8. Гармонист, гармонист, С кухни поварешка. Не бывать тебе на славе, Кабы не гармошка.	18. Милый мой, побойся бога, Не брось девушку, меня, Я девчонка молодая, Вся надежда на тебя.
9. Девушки, гармонь-то ваша, Гармонист-то — дроля мой. Забираю гармониста, Отправляюся домой.	19. Дорогие девушки! Гуляйте без изменушки, У нас изменушка была — Кое-как пережила.
10. Эх, пела я, Перепевала я, Хорошо пристала к дроле Рубашка белая.	20. Мне мой милый изменил, На козле уехал в Крым. А я маху не дала — На козлухе догнала.

21. Милый мой, я за тобой
Замечаю, дорогой,
Что ты отдаляешься,
За другой гоняешься.

22. У любви закон такой,
От любви худеет он,
Он худеет, а она
Расплылася, как луна.

23. Мой миленочек — растяпа,
Еще как его назвать.
Проводил меня до дома,
Не сумел поцеловать.

24. Мама, мамочка, не бай,
Сердечко не расстраивай.
Дом плохой, а с милой баско —
Пойду, не разговаривай.

25. Я соперницу не знала,
Показали мне ее.
На ферме рыжая корова —
Аккуратнее ее.

26. Ты, соперница моя,
Я тебе советую:
Ты свою красивую харю
Замени газетою.

27. Соперница красивая,
Только носик короток —
Восемь курочек уселось,
Девятый — петушок.

28. Милый в армию пошел,
Ничего мне не сказал.
Я спросила: «С кем знакомиться?»
На камень показал.

29. Милой в армию ушел,
Я сказала: «Точка!»
Я ни с кем гулять не буду
В эти два годочка.

30. Ты военный, ты военный,
Ты военный непростой:
Ты на севере женатый,
А на юге холостой.

31. Полюбила лейтенанта,
А потом политрука,

А потом все выше-выше,
Добралась до пастуха.

32. Эх, кабы не война,
Все бы дома были.
Одного парнишечку
Двое б не любили.

33. Милый в армию пошел,
Я сказала: «Точка!»
Всех парней перецелую
За эти два годочка.

34. Полюбила лейтенанта
И ремень через плечо.
Обнимает, уважает
И целует горячо.

35. Милого убили,
Выпала винтовочка,
Алой кровью облилась
Зелена гимнастерочка.

36. Милый мой убит,
Похоронен в Польше.
Его серые глаза
Не увижу больше.

37. Наши парни воевали,
Головы положили.
Ваши плохо воевали —
Сундуки положил.

38. Не отпустит
В зелен садик погулять.
Ох, отпускает
Да в чисто поле работать.

39. Отпускает
Да в чисто поле работать.
Ох, в чистом поле —
Да белоярое пшено.

40. Я иду, а мне навстречу —
Трактора да трактора,
Неужели я не буду
Трактористова жена.

41. Я иду, а мне навстречу
Трактор едет новенький.
Мне не трактор приглянулся —
Тракторист молоденький.

42. Не любите счетовода,
Он — чернильная душа,
А любите тракториста —
Спецодежда хороша.

43. Через этих мостостроев
У нас с миленьким скандал:
На мосточке вспотыкнулся,
Прямо в реченьку упал.

44. Я иду, а трактор пашет
Черную земелюшку.
Подошла и говорю:
«Запаши гулянушку!»

45. Неужели, родна матушка,
Тебе меня не жаль.
Посадила на машинушку,
Сказала: «Поезжай!»

46. Задушевная товарка,
Изменяет дорогой.
Говорит, что я колхозница,
Подумаешь, какой.

47. Задушевная, в колхозе
Как работушка идет, —
От утра до темной ночи
Молотилочка поет.

48. С неба звездочка упала
Бригадиру на ремень.
Напоите бригадира —
Он запишет трудодень.

49. Мы в колхозе купим козу, —
Бригадир будет доить.
Председатель захворает —
Молоком будем поить.

50. Попляшу, потопая
По крашеному по полу,
Я еще годочка два
В колхозе поработаю.

51. У мово миленка руки
На работу скорые:
Две минуты поработал.
Борона готовая.

52. Со второго этажа
Уронила чайник,

Полюбила пастуха —
Думала начальник.

53. А Лужанская деревня,
Чем она укашена?
Елками, сосенками,
Лужанскими подростками.

54. Мы с миленочком сидели
Возле нашего пруда,
Нас лягушки нарутали,
Не пойдем больше туда.

55. Милый пишет: приезжай,
В городе устройся.
Мне в колхозе хорошо,
Ты не беспокойся.

56. По деревнюшке пройдемся
Девяносто восемь раз.
Если мальчики понравятся,
То пройдемся еще раз.

57. Шила, шила, недошила
Новый шелковый кисет.
За работу получила —
Девяносто пять конфет.

58. Я стояла у конторы
Каблуками топала.
Рассчитай меня, контора,
Хватит, поработала.

59. Девушки, колхозно поле,
Девушки, колхозна рожь,
Девушки, не наша воля —
Не полюбишь, кого хошь.

60. А село Шапта на славе,
Бела церковь на бугре,
Раньше брат гулял на славе,
А теперь досталось мне.

61. Брат, работай, брат, работай,
Не надейся на меня,
Тебе домик остается,
Мне — чужая сторона.

62. Мы девчонки боевые,
Боевые, смелые.
Ловко мы плясать умеем
И в работе первые.

63. Наши вятские ребята,
Не ребята, а тузы,
Не возьмут девчонок замуж
Без коровы и козы.

64. Возле Пижмы под горой
Расцветает роза.
Лучше всех миленок мой,
Парень из колхоза.

65. А шаптинская река
Сами знаете кака:
Берега пологие,
Ребята кривоногие.

66. А шаптинская река
Сами знаете кака:
Берега кирпичные,
Девчонки симпатичные.

67. Скоро, скоро поезд свистнет
За шахунским за леском.
Скоро дролечка заплачет
Своим нежным голоском.

68. Мы частушек много знаем,
Знаем сотни полторы,
Мы их сами сочиняем,
Сами композиторы.

69. Наша вятская земля
Славится опушками,
Красивыми девчонками,
Звонкими частушками.

70. Наши вятские дорожки
Угадаешь за версту:
Потеряешь на ухабах
Всю девичью красоту.

71. Наши вятские частушки
И в других местах поют,
Наши шубы где-то носят,
Нам же славу воздают.

72. Мы гордимся нашим краем,
Критикуем-то, любя.
Пусть цветет и расцветает
Наша вятская земля!

73. Чтобы в Кикнур к нам добраться,
Надо вызвать вертолет,

А не то дороги эти
Даже трактор не возьмет.

74. Едет лодочка по Вятке,
Ронит лодочку водой,
Ягодиночка мне пишет,
Шлет привет свой боевой.

75. Не отнять у нас врагам
Нашу жизнь счастливую.
Будем грудью защищать
Родину любимую.

76. Ветры дуют, ветры дуют,
Ветры дуют на чердак.
Хорошо мари целует,
Не умеет русский так.

77. Тротуары в Мурашах
Просто залюбуешься —
На один конец встаешь,
А с другим целуешься.

78. Пойду-выйду на крылечко,
Погляжу на облака.
Не увижу ли знакомый
Самолет издалека.

79. То не гром, не канонада,
Не учения солдат,
То взорвался у Игната
Самогонный аппарат.

80. Мой приятель был заика,
Теперь исправился —
Взял десятку у меня
И не заикается.

81. Мы с отцом клопов морили,
Сыпали, старались,
Всех соседей отравили,
А клопы остались.

82. В магазине при покупке
Очередь скопляется.
Все за водкой, за вином —
Давка получается.

83. Старуха старика
Стукнула тарелкой:
— Не зови меня старухой,
Зови пионеркой!

84. Девки пудрятся, румянятся,
Им мазила нипочем.
Моя милая не мазана —
Красивее лицом.

85. Едет Ваня на учебу,
Будет счетчик боевой.
Я пришла, ему сказала:
— Путь счастливый, дорогой.

86. Ты когда в Москву поедешь,
Не целуйся там с другой:
Телевизор я купила —
Все увижу, дорогой.

87. На охоту мил ходил,
Лису рыжую убил,
А с моей фигурой
Надо чернобурую.

88. Ты машинushка, машинushка,
Железные тяжи,
Увезла на фронт милого,
А надолго ли, скажи.

89. У подруги под окном
Расцвели акации.
У меня миленок Ваня
Служит в авиации.

90. У кого милый какой —
У меня-то плотник,
У товарочки моей —
По лесу охотник.

91. Ненавижу я машину,
Ненавижу паровоз.
Паровоз кудрявым дымом
Дролю в армию увез.

Л. Н. ЛУЗЯНИНА

ПОСЛОВИЦА НЕ ЗРЯ МОЛВИТСЯ

Одно из уникальнейших явлений устного народного творчества — пословица.

Выдающийся филолог XX в. Роман Якобсон вспоминал, как шестилетним ребенком, едва научившись писать, начал собирать русские пословицы, интуитивно почувствовав в этих коротких образцах народного словесного искусства магию языка и поэзии, был «зачарован» ими¹.

В детском воображении развертывался некий сюжет о «бедном Макаре», на которого «все шишки валятся», «долго думал о том, «куда этот Макар телят не гонял...» Не случайно, что подлинным шедевром научного исследования звуковой и грамматической структуры короткого художественного текста стала и одна из последних работ ученого, посвященная русской поговорке «Первый блин комом». Во многом благодаря трудам Р. Якобсона возникла новая филологическая наука — паремиология — исследование структуры коротких текстов типа пословиц.

Итак, пословица — уникальный, во многом загадочный жанр народного искусства, которому посвящены многочисленные специальные работы. Среди разных аспектов его изучения немаловажен региональный, позволяющий выявить некую «особинку» духовного мира, запечатленного в пословицах той или иной местности.

Вятские пословицы и поговорки, входя в общенациональный фольклорный фонд и соответственно имеющие все общерусские признаки жанра: афористичность, яркую образную форму, глубокую смысловую насыщенность — тем не менее несут на себе очень часто специфический колорит северного края, понятий и представлений, свойственных «вятскому национальному характеру».

Как и пословицы общерусского фонда, вятские можно разделить на определенные тематические группы, среди которых видное место занимает «местная». Как правило, эти пословицы раскрывают чувства гордости за свою малую Родину: «Вятка — всему миру matka», «Вятка — всему богатству matka», «Вятка — всему хлебу matka»; «Лекма — где денег кма» (кма — много), «Живем на Вятке, да ходим в однорядке», «У нас на Вятке свои порядки» (вариант: «В Вятке — свои порядки»); «В Орлове — калачи по корове, ерушники на копейку — да два в придачу, а в Котельниче пироги по мельнице».

Дореволюционные исследователи и собиратели вятского фольклора, в частности пословиц, подчеркивали, что вятчане нередко ироничны в своих самооценках: «Вятские — ребята хватские, семеро одного не боятся». Сатирический портрет «вятчан», наряду с «пошехонцами», предстает как в присловьях, так и в пословице: «Толоконники реку солили, колокол из лыка плели, гушу на аршин меряли». Как отмечал собиратель XIX в. И. Мултановский: «Яранцы-красносанцы», «чистоплюи», — правда — в Яранском уезде народ живет: «форсит — одевается и в колошу не сморкается». «Нолинцы — баранники» (по торговле). «Сарапульцы — мосольники» (мослы — кости). «Котельничане — мертвокрады»(?!). «Шанчурята веселые ребята». Правда, их можно назвать, так сказать, вятскими Ярославцами. В особенности не пользуются народной симпатией торговцы слободы Кукарки. Слово «Кукарка» сделалось нарицательным и означает человека бойкого в торговле, который не прочь надуть. /.../ «Кукарка — пятак пара», их называют еще почему-то «большоголовыми». В среде духовенства — продолжает собиратель — встречается шутка-поговорка, характеризующая местность на север от г. Вятки: «если бы великоресские деньги, верховское мясо, подрельские покосы и чудиновский хлеб — умирать бы не надо»².

Свою сторону вятские люди характеризуют также не всегда апологетически. Например, «Бог создал землю — а черт Вятску губернию».

Подобная противоречивость вятских пословиц — (от апологетики к едкой сатире) явление отнюдь не региональное. Такая противоречивость наблюдается в общерусских пословицах. Например, с одной стороны «Без Бога — не до порога», а вместе с тем: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Из всех существующих определений жанра пословиц хотелось бы выделить то, которое принадлежит В. И. Далю, замечательному фольклористу, языковеду и этнографу XIX в., автору собрания «Пословицы русского народа». Он пишет: «Пословица — коротенькая притча. ... Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности»¹.

Пословица, благодаря именно притчевой природе, не несет в себе прямого назидания, но сосредоточивает в своей образной структуре такие глубинные смыслы, которые порой не поддаются интерпретации, переводу на логические, понятийные уровни языка и мышления. Например, такова пословица (зафиксированная в вятском регионе, но бытующая и в других, в частности в Тверской области): «Кто гробов не видал, тому и корыто в диво». Внешнее подобие гроба и корыта зафиксировано и в подблюдных песнях, в плакани над «поганым корытом» в свадебном обряде, однако в пословице эта соотнесенность дана по принципу противопоставленности, несовместимости двух эмоциональных планов, трагического и комического. И от этого столкновения обнажается глубинный смысл, сюжетно развернутый как нравственно-философское суждение, в то же время доставляющее эстетическое наслаждение именно способом своего выражения.

Так, в Котельническом и Орловском уездах в середине XX в. была зафиксирована пословица «Спросил Бог гуся, не забнут ли лапы?» По прошествии полтора столетия мы поражаемся ее образной энергии, которая не под силу одному автору и опять-таки вспоминаем мудрые слова В. И. Даля: «Пословица — не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души, это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометие» ... Это — «свод народной опытной премудрости и суеверия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах, это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый»⁴.

Пословицы сохранились в языке до сего дня, современные фольклорные экспедиции по-прежнему отмечают их бытование, особенно в сельской местности. Наш национальный язык активно сопротивляется тем негативным процессам, которые ведут к выхолащиванию речевой культуры, к ее искажению и засорению иностранными словами. Мощным противоядием являются сохранившиеся в вятской традиции пословицы, поговорки, другие образцы народного красноречия. Наша литература, опираясь на богатейшие возможности народной образной речи, создает колоритные фигуры вятских людей, которые в

карман за словом не лезут и у которых всегда вперед умок, а за ним уж и язычок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вяч. Поэтика Романа Якобсона// Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 6.

² Мултановский И. Народный говор про Вятскую страну// Приложение к ВГВ. 1903. № 132. С. 2

³ Даль В. И. Напутное// Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1. С. 13.

⁴ Там же. С. 13.

ПОСЛОВИЦЫ

Авоська веревки вьет, а небоська петлю закидывает.

Ахал бы дядя на себя глядя.

Бег не красен, да здоров.

Беглому одна дорога, а погонщикам много.

Беда деньги родит.

Бедными были — сами лаяли, богатыми стали — собаку наняли.

Без капусты щи не густы.

Без крыльев и птица ком.

Без пастуха — овцы не стало.

Без росы трава не вырастет.

Без троицы дом не строится. (Поговорка, когда вынуждают гостя выпить по третьей).

Бел снег, да собаки ссят.

Бережливого коня и зверь в поле не бьет.

Беседа дорогу коротает, а песня — работу.

Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут.

Бог дал здоровье в дань, а хлеб и деньги достань.

Бог напичкал, никто не видал, а кто видел, тот не обидел.

Богатому как хочется, бедному как может.

Божеское чти честно, чтобы было видимо и вестно.

Бородавка — делу прибавка.

Бочка крепка обручами.

Бритва остра, да ножу не сестра.

Будет дождь — будет и рожь.

Был конь, да изъездился.

Было бы болото, а за лягушками дело не станет.

В двадцать лет ума нет — и не будет. В тридцать лет жены нет и не будет. В сорок лет денег нет и не будет.

В девках дольше — взамуж короче.

В одном кармане — вошь на аркане, в другом кармане — блоха на цепи.

В Орлове — калачи по корове, ярушник на копейку, да два в придачу, а в Котельниче пироги по мельнице.

В Сибири муж поет и гуляет, а жена дома кусочком побирает.

Вались, дерево, на дерево. (Приговор учителя ленивому ученику).

Васька веревки вьет, а не Васька петлю закидывает.
 Велик огород, да редок.
 Верь врачу, а не болезни.
 Волк и каждый год линяет, да обычая не меняет.
 Волк хлопочет, себе добра хочет.
 Волку верь убитому.
 Вор — слезлив, а плут — богомолец.
 Вперед умок, а за ним уж и язычок.
 Врач по языку больного, а умный дурного.
 Все наготове: сани в Казани, хомуты на базаре.
 Всякая сорока погибнет от своего языка.
 Всякий гриб в руки берут, да не всякий гриб в кузов кладут.
 Всякий кулик на своем болоте велик.
 Всякий паршивец найдет свою паршивку.
 Выигрыш с проигрышем на одних санях ездят.
 Вятка — всему богатству матка.
 Вятка — хлебу матка.
 Гол, как сокол, а остер, как бритва.
 Голодному пауку муха снится.
 Горшок котлу смеется, а оба черны.
 Грозен враг за горами, а грозней за плечами.
 Грозит мышь кошке да из норы.
 Дай бог нашему теляти, да волка поймати.
 Девичья слеза, что летняя роса.
 Дело делом, пиво пивом, а суд по форме.
 Держись за соху плотнее, да будет прибыльнее.
 Дешевой покупке не радуйся.
 Для ленивого вся неделя нерабочая: пятница — тяжелый день,
 суббота — потягота, воскресенье — родных поминовение, понедель-
 ник — бездельник, вторник — пустой сборник, среда — средний день
 в неделе, частенько не сладится в деле.
 Доброе молчание лучше худого ворчания.
 Доброе молчание чем не ответ?
 Доброму вору все в пору.
 Добрые жернова все мелют.
 Догадка стоит разума.
 Дорого — так мило, дешево — так гнило.
 Друг другу терем ставит, а недруг гроб ладит.
 Дружба дружбой, а денежка счет любит.
 Думают индейские петухи, да китайские императоры.
 Дурак знает, что в христов день праздник.
 Дурак с дураком сходились, дурак над дураком дивились.
 Дураков не орут, не сеют, а они сами родятся.
 Дух вон — пятки кверху.
 Едешь в дорогу на день, а хлеба бери на неделю.
 Еж и медведя из берлоги выживает.
 Ел бы репку, да зубы редки.
 Ел редьку, отрыгается арбузом.
 Елень быстр, а от смерти не убежит.
 Есть нета лучше.
 Ешь, конь, сено, вспоминай лето.
 Живет на Вятке, да ходит в одnorядке.
 Живи для людей, поживут и люди для тебя.

Живой не без места, а мертвый не без могилы.
За деньги и поп пляшет.
Зажировал, как индейский петух.
Запрос карман не ломит.
Заяц трус, а и тот на капусту охотится.
Земля любит навоз, лошадь — овес, а воевода — принос.
Зима — не лето: пройдет и это.
Змей кусает не для сытости, а для лихости.
Знай больше, да говори меньше.
Знай, телок, свой хлевок!
И дикарь не галка, у него есть и палка.
И медведя люди учат.
Идти бы на Вятку, да в кармане гладко.
Идти бы на Вятку, да лаптей нет.
Из окна медведю грозит, а в лесу зайца боится.
Из пустой хоромины либо сыч, либо сова.
Индюк — умнее птиц, да долго думает.
Иному слон не слон, а страшен таракан.
Искру туши до пожара, беду отводи до удара.
Кабы на горох да не мороз, он бы и через тын перерос.
Каждому свои сопли солонны.
Как проживешь, так и прослывешь.
Как с быком не биться, а молока от него не добиться.
Как тонет — топор сулит, а вытащат и топорища не дает.
Корова на дворе, так и харч на столе.
Который конь пал, тот рысак был.
Красно поле рожью, а речь ложью.
Крепка тюрьма, да охотников мало.
Кто в лесу не вор — дому не хозяин.
Кто гробов не видел, тому корыто в диво.
Кто кулак, тому не разогнуться в ладонь.
Кто недоволен малым, тот недостойн большего.
Кто отца и мать не слушает, тот послушает телячьей кожи.
Кто палку взял, тот и капрал.
Курица не пой петухом, а баба не спорь с мужиком.
Курице уступи гряды — она возьмет и весь огород.
Лапоть лаптя знай, а сапог — сапога.
Лекма, где денег кма.
Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе.
Мал язык, а горами ворочает.
Мертвого с посадку не ворочают.
Много по морю плывет, всего не переловишь.
Мое дело петушиное, пропел, а там хоть не рассветай.
Можно осла подвести к воде, но заставить его напиться нельзя.
Молодой сокол высоко взлетел, да низко сел.
Море по рыбе не тужит.
Москва всем коровам мать.
Мышь копны не боится.
На безрыбье и рак рыба; на безлюдье и Фома — дворянин.
На всякий чих не наздравствуешься.
На помойную яму не напасешь хламу.
На посуде, как на стуле.
На то свинье дано и рыло, чтобы рыла.

На час ума не стало, на век дураком прослывешь.
 На что вороне большие разговоры, знай ворона свое «кря».
 Начал гладью, а кончил гадью.
 Не велика куча, да воняет.
 Не вино виной, а виной пьянство.
 Не все на Руси караси, есть и ерши.
 Не всякая пословица к делу молвится.
 Не всякий прут по заказу гнут.
 Не говори все то, что знаешь, а знай всегда, что говоришь.
 Не говори, что не могу, говори, что не хочу.
 Не дай Бог свинье рог, мужику панства.
 Не за то зверя бьют, что джю, а за то, что он людям чужд.
 Не купи двора, купи соседа.
 Не от росы урожай, а от поту.
 Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что к
 лесу ходила.
 Не согрешишь — не покаешься. Не покаешься — не спасешься.
 Не строй семь церквей, а пристрой семь детей.
 Не темнота, так возьмет лихота.
 Не то беда, что во ржи лебеда, а хуже нет беды, когда ни ржи,
 ни лебеды.
 Не тот пьян, что двое ведут, а третий ноги переставляет, а кто
 лежит — не дышит, ворона нос клюет — не слышит, вот уж это пьян!
 Не тот стрелок, что стреляет, а тот, что в цель попадет.
 Не чванься, квас, — не лучше нас!
 Не штука в деньгах шум, а штука в деньгах ум.
 Не яйца курице кланяются, а курица яйцам.
 Нельзя огонь сжечь, воду утопить, ветер задуть, а правду
 уничтожить.
 Немудрено сделать, да трудно задумать.
 Новых друзей наживай, а старых не забывай.
 Нужда и по воскресным дням постится.
 Обещай медленно, выполняй быстро.
 Общество труды любит.
 Один в грехе, а все в ответе.
 Один и камня не поднимешь, а мир и гору перенесет.
 Одни сласти есть, горечи как узнаешь.
 Осел и в Царьграде конем не будет.
 Отчего кот гладок? Поел, так и на бок.
 Отдал в долг, а порукой волк.
 Очи вернее ушей.
 Первый дурак на свете, кто не померявши кроит, другой — кто
 не отведавши солит, третий — кто на поле телегу затаскивает.
 Плохая снасть отдохнуть не даст.
 Пляши, да не заплясывайся.
 Поглядеть — картина, а послушать — животное.
 Подальше от больших колоколов — спокойнее живется.
 Поп да петух и не евши поют.
 Попал пальцем в небо — ковыряй дальше.
 Попы да черти одной шерсти.
 Портной портного по наперстку знает.
 Пословица бывает не ради Петровича.

Пост — не мост, объехать можно.
 Правая ладонь чешется — деньги отдавать, левая — получать.
 Правый глаз чешется — к радости, левый — плакать.
 При дороге жить, всех не угостить.
 Продавец за товаром, а купец за накладом.
 Птицы не сеют, не жнут, а сыто живут.
 Рад бы сердиться, да никто не боится.
 Разговаривает он, как генерал с лошастью.
 Разорвись на двое, скажут: «А что не на четверо?»
 Репа да горох сеются для воров.
 Репа да горох смеются на воров.
 Ретивая лошадь недолго живет.
 Родимичи от волчьего хвоста бегают.
 Ростом с тебя, а разумом с теля.
 Рубль невелики деньги: завернешь в казенку, его и не бывало.
 Рысь пестра снаружи, а человек внутри.
 С людьми советуйся, а своего ума не теряй.
 С чужого коня среди грязи долой.
 Сам с комара, а сердце с вола.
 Самый счастливый человек на белом свете, который не знается
 с докторам, аптекарям, да с судам.
 Свахе первая чарка и первая палка.
 Сей рожь в золу, а овес в воду.
 Сколько воды не пить, а пьяну не быть.
 Скупой богач беднее нищего.
 Смерть волчья есть здравие овечье.
 Смерть не спросит: придет и скосит.
 Смирна свинья, да мешок дерет.
 Собака, что лаешь? Волков пугаю! Собака, что хвост поджима-
 ешь? Волков боюсь.
 Совесть без зубов, а загрызет.
 Соколу лес не в диво.
 Солнце в голову — бес в ребро.
 Спросил Бог гуся, не зябнут ли лапы.
 Спусти лето, да в лес по малину.
 Старый ворон не каркнет даром.
 Табачник к трубке, как мертвый к гробу.
 Те же штаны, только навыворот.
 Тем не играют, от чего умирают.
 Терпит квашня долго, через край пойдет — не уймешь.
 Тесть любит честь, зять любит взять, а шурина глаза шурит.
 Тихий воз на горе будет.
 Толстый мешок, при толстых обстоятельствах.
 Трактор любит смазку, а человек — ласку.
 Тысяча друзей — мало, а один друг — много.
 Тычки за побои не считаются.
 У воды жить, да воды не пить.
 У кошки когти в рукавчиках.
 У нас на Вятке свои порядки.
 У хлеба не без крох.
 Ум без разума — беда.
 Упрямая коза — волку корысть.
 Ученому весь свет отечество.

Ученье — атаман, а неученье — комар.
Хвали сон, когда сбудется.
Хилый теленок среди лета зябнет.
Хорош и лунный свет, когда солнца в небе нет.
Худо в карты играть, а козырей не знать.
Худое дерево в сук растет.
Царь — огонь, а царица — водица.
Царь Давид не велел тужить, велел брать, а не отдавать.
Цюи да вещи, то мои речи.
Часы всю осень бьют восемь.
Человек — не ворона: в одно перышко не уродится.
Чем с плачем жить, так лучше с песнями помирать.
Черен хлеб, да бояре едят, бел снег, да собаки грязнят.
Честь на волоске висит, а потеряешь, так и кнутом не прива-
жешь.
Что потеряно пудами, не соберешь крохами.
Шаханья много, да мат один.

Пословицы взяты из различных источников: архива ВГПУ, архива Дома народного творчества, архива Л. В. Дьяконова (собственные записи и выписки из различных публикаций).

МИР ДЕТСТВА

А. А. ИВАНОВА

ПОЭЗИЯ ПЕСТОВАНИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ

**(из архивных материалов кафедры русского
устного народного творчества МГУ)**

Из обширной сферы детского фольклора для настоящей публикации была отобрана лишь одна область — поэзия пестования. Это наиболее традиционный и наименее подверженный различного рода изменениям пласт устного народного творчества. Если в фольклоре, создаваемом детьми для самих себя, в последние десятилетия мы наблюдаем не только расширение репертуара традиционных жанров (таких, например, как считалка, дразнилка, игровая приговорка), но и возникновение новых (страшилка, садистский куплет), то поэзия пестования выглядит на этом фоне достаточно консервативной: за пять лет работы в Кировской обл. (1988—1992 гг.) экспедициями МГУ не было обнаружено абсолютно «новых» текстов, используемых мамами и бабушками в качестве баек, пестушек, прибауток и т. п. Мне запомнился один случай, невольно подсмотренный в жизни. В доме, где размещалась наша экспедиционная группа, с

годовалым малышом оставили сидеть деда, и тот долго не мог успокоить проснувшегося малыша, пока наконец не спел ему на мелодию байки следующие слова:

А нога, нога, нога,
Ты нога, моя нога.
А рука, рука, рука,
Ты рука, моя рука.

Видимо, интуитивно понимая важность ритма байки, он не решился спеть любую другую песню; не помня же подлинного текста, хитроумно вышел из положения, переложив первые пришедшие на ум слова на известный и ему, и внуку мелодический рисунок. Этим в значительной мере объясняется сужение классического репертуара поэзии пестования в наши дни. Если «Сороку», «Ладушки», «Котеньку», «Люленьки» знают очень многие, то наиболее оригинальные небылицы и прибаутки диалогового характера были записаны главным образом от женщин старшего поколения. Молодые расширяют свой репертуар, прибегая к книжной продукции таких издательств, как «Малыш», «Детская литература». Именно в их среде наиболее заметны изменения локальной традиции.

Экспедиционные материалы по вятскому краю свидетельствуют и о том, что поэзия пестования практически не «вбирает» в себя другие традиционные жанры. Чаше наблюдается об-

Илл. 98. Крестьянские дети за едой. Начало XX в.

ратный процесс: потешки и прибаутки переходят в репертуар взрослых в новом качестве. Так, одной из самых популярных подблюдных песен в Кировской области является следующая:

Воробей пишит,
Сто рублей тащит.
(к богатству)

(ср. № 37 нашего собрания). Это далеко не единичный факт. Близость систем персонажей детского фольклора и подблюдных гаданий (местное название «илея») — котик, кошечка, воробей, комар и пр.¹ — заставляет предположить наличие между ними глубинной генетической связи. Примером, подтверждающим связь календарного и детского фольклора, могут служить и прибаутки диалогового типа, исполняемые при святочном обряде обхода дворов. Одна из таких песен приведена в собрании С. Скворцовой в разделе святочных песен².

Определенный интерес представляет и № 36 — прибаутка «Зайка-зайка горностайка», записанная от хора с. Вишкиль на популярный для данной местности мотив плясовой песни. Именно в таком качестве она здесь и бытует.

Кроме пестушек, прибауток, баек, игр для нашей публикации были отобраны также заговоры, направленные на исцеление от болезней, характерных для младенческого возраста, и любопытные сведения по родильному обряду (поскольку последний является неотъемлемой частью «материнского» фольклора).

ЗАГОВОРЫ ОТ ГРЫЖИ

1. Как родишь ребенка, зубами кусаешь его пуп и приговариваешь:

— Сама мати родила, сама излечила. Грыжи не было и не будет от ин до веку. Аминь. (повторить три раза)

2. Три раза очерчиваешь безымянным пальцем грыжу с приговором:

— Утренняя заря, вечерняя заря. Утренняя заря Мария, вечерошная Прасковья как утахают-потухают, так чтобы грыжа иссыхала-посыхала. Аминь. Аминь. Аминь.

3. Зубами кусают пупок — «закусывают грыжу» — и приговаривают:

— Грызу грыжу у раба Божьего (имя) пуповую, мошенокую и подколенную, чтоб отныне и довеку ее не было. Аминь. Аминь. Аминь.

ЗАГОВОРЫ ОТ КРИКА

4. Чтобы ребенок был спокойным, после родов мать три раза прижимала пятками послед со словами:

— Как послед прижимаю пятками — молчит, так и, ребеночек, молчи, не реви. (проговорить три раза)

5. В изголовье ребенка в зыбку кладут отопок с приговором:

— Как лапоть молчит, так бы и ребенок молчал.

6. Идя из бани, мать стучит ногами о порог и говорит:

— Как порог ногами задеваю — не ревет, так и чтобы ребенок так же молчал, не ревел. (проговорить три раза)

7. Льют воду с четырех углов стола и умывают ею ребенка:

— Как стол стоит спокойно, все четыре угла, так бы и мой младенец, раб Божий (имя) спал.

ЗАГОВОРЫ ОТ УРОКОВ И БОЛЕЗНЕЙ

8. После мытья в бане, взяв ребенка на руки, выйти на улицу, пятясь спиной, и проговорить:

— Урок и сглаз, уйди с глаз. Аминь. (проговорить три раза через левое плечо)

9. Брали из каменки горячие камни, опускали их в воду и окутывали ею ребенка со словами:

— Как на камешек ничего не пристаёт, так и на ангела (имя) чтоб ничего не приставало. (проговорить три раза).

10. Рубишь мот пряжи на пороге со словами:

— Рублю перерубливаю шорох, переполох, урок. С ветра пришло, так на ветер поди, с воды пришло, так на воду поди, с людей пришло, так на людей поди. Аминь.

11. Этот заговор произносится двумя людьми. Один нарядит нитку и рубит ее на пороге, а другой спрашивает:

— Что рубишь?

— Рев, переполох, испуг и родимец.

— Руби, руби, чтоб его до веку не было.

— На то и рублю, чтобы не было и веки веков. Аминь.

12. Закрывают ребенка пеленкой или скатертью, зажигают чагу и окуривают младенца дымом с головы до пяток.

— Чего делаешь?

— Стрекаю, чтобы не было ни в роду, ни в племе, ни на белом теле, ни в костях, ни в суставах, ни в жилах, ни в крови, ни в легких, ни в печени у младенца раба Божьего (имя). Аминь. (проговорить три раза, если болезнь застарелая, то девять раз)

13. После купания окачиваешь ребенка со словами:

— Как с гуся вода, с Андрея худоба. Водичка вниз, Андрей кверху. (проговорить три раза)

14. — С гуся вода, с (имя) худоба. Вода, скатись, худоба, под ноги свались. Аминь. (проговорить три раза).

15. Если ребенок тяжело болеет, его три раза протаскивают через межу со словами:

— Земля матушка! То ли к себе бери, то ли мне отдай! (проговорить три раза)

ЗАГОВОР ОТ ЗУБНОЙ БОЛИ, НА МОЛОЧНЫЙ ЗУБ

16. Выпавший молочный зуб бросают на полати с приговором:

— Мышка, мышка, бери себе релной, отдай костяной: костяной крепкий, релной плохой.

БАЙКИ, ПОТЕШКИ, ПРИБАУТКИ, ИГРЫ

17. Двумя руками гладят ребенку животик, сначала вверх-вниз, потом от пупка к спинке:

Потягунушки,
Порастунушки.
Вдоль расти!
Поперек толсти!

18. Пальцами на спине делают массаж, изображая «ходьбу» бычка:
Бынька-бычок,
На дорожке тычок.

19. Сон идет по лавочке,
Дремота по другой,
Сон-то в беленькой рубашечке,
Дремота в голубой.
Сон говорит: «Я тебя угомону».
А Дремота отвечает:
«А я удремлю».

20. Сон да Дрема
По повети брела
Да попала в зыбочку.
Баюшки-баю,
Спать уложу.
Спать укладываю,
Приговариваю:
Дал Бог здоровьица
Тебе в изголовьице.
Сера киска не ходи,
Маленького не буди.
У нас маленький уснет,
Да маленький призаснет.

21. Дремушка-дрема
По поветеньке брела,
К Митеньке в люленьку легла.
Стала Дремушка дремать,
Стал и Митя засыпать.
Баюшки-баю.
Усни покрепче
Да спи подольше!

22. Котя-котя-коток,
Котя серенький лобок,
Приди, котик, ночевать,
Мою деточку качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу.
Дам кусочек пирожка
Да кувшинчик молока.

23. Люли-люли, люленьки,
Прилетели гуленьки,
Стали гули ворковать,
Стала Аня засыпать.

24. Баю-баю-баиньки,
В огороде зайньки.
Зайки травку едят,
Детям спать велят.

25. Ай люли, ай люли,
Прилетели журавли,
Журавли-те мохноноги
Не нашли пути-дороги,
Они сели на ворота.
А ворота скрип-скрип.
Не будите у нас Ваню:
Ваня спит-спит-спит.

26. Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок,
И зароет во песок.

27. Баю-баю-зыбаю,
Ушел отец за рыбою,
Мать ушла коров доить,
Бабушка дрова рубить,
Будет кашку варить,
Будет Таню кормить.
Кашка-то сладенька,
Бабушка добренька.

28. Баю, баюшки, баю,
Дед ушел за рыбою,
Бабушка коров доить,
Ленечка уху варить.
Машу некому качать,
Маша будет одна спать.

29. Спи да поспи,
Павличек мой!
Да большущий вырасти!
Когда вырастешь большой,
Будешь сено косить,
Будешь копны носить,
Подкопенья загребать
И зародчики метать.
Бай, бай, бай, бай!

30. Баю, баю, баиньки,
Купим Мане валенки,
Наденем их на ножки
И пустим по дорожке.
Будет Манечка ходить,
Новы валенки носить.

31. Баю, баюшки, баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
Полна горница ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят.
Каша масленая,
Ложка крашеная.
Ложка гнется,
Нос трясется,
Душа радуется.

32. Баю, баюшки, баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все за столиком сидят,
Кашу маслену едят.
Каша масленая,
Ложка крашеная.
Ложка гнется,
Сердце рвется,
Душа радуется.
Поросычья смерть,
Не ходи по середине,
Не считай пироги.
А пирог-от из Казани,
Сера утка в сарафане,
Утеночки в башмачках,
Петух во штанах.
Иха-ха, иха-ха,
Подборола петуха.
Петушок валяется,
Гребешок марается.
А корова-то в рогоже,
Она всех и подороже.
Колону я кулаком,
Сам по улице бегом.

33. Ай люли, ай люли,
На колодце три рубли.
Заиграли утки в дудки,
Заскакали журавли.
Журавли-то долгоноги,
Они шли стороной,
Боронили бороной.
Борона железная,
Побрякушка медная.

34. Ездил я на меленку,
Видел я винтовоньку:
Винка винку крутит,
Коза муку мелет,

Маленьки козленочки
Во скрипочку играют.
Шума, шума, шума я
Убила комара.
Комар пищит,
В баню дров тащит,
Комариха затопила,
Мышка парилась,
Раскуманилась,
С полки брякнулась.
Поезжайте по попа,
По старинного клопа.
Клоны, клопы, черны глазки
Купили салазки,
Коня с хвостом,
Поезжайте со свистом.
Кому клин, кому стан,
Кому целый сарафан,
А поповым дочерям
С ненадетым рукавам,
А попу богатому
Коровушку горбатую,
А Ивану бедному
Табакерку медную.

35. Петя, петя, петушок
Недалеко отошел,
Трое лаптей сплел,
Калачик потерял,
Еще денежку нашел,
Молодушку завел.
Молодушка-молода.
Калачей напекла,
Она в клеть унесла.
— А клеть-то где?
— Водой снесло.
— А вода-то где?
— Быки выпили.
— А быки-то где?
— Они в гору ушли.
— А гора-то где?
— Черви выточили.
— А черви-то где?
— Гуси выклевали.
— А гуси-то где?
— Они в лес улетели.
— А лес-от где?
— Люди вырубili.
— А люди-то где?
— Они померли.
А душа-то где?
— У попа во дворе.

36. — Зайка-зайка, горностайка,
Сядь на лавке.

— Недосуг и мне стояти, } 2
Надо мне бежати, }
Надо, надо мне бежати } 2
К волченьку на свадьбу. }
Волк-от Ваня мне-ка дядя, } 2
Волчиха-то тетка, }
Косой заяц мне-то братец, } 2
Лисица — сестрица, }
Два барашка, круты рожки } 2
В лудочку играют, }
Две сороки-белобоки } 2
Пошли танцевати, }
Пошли, пошли, пошли, пошли,
Пошли танцевати.

37. Тпруни, тпруни, у Петруни
Была сивая кобыла.
Заскочила в огород,
Съела грудку огурцей,
Растоптала молодец,
Припятилась к овину.
Овин трещит,
Воробей пищит,
Сто рублей тащит.

38. Трени, трени, трени, трень.
Выше города плетень.
На полице трубица
Гороховица.
Калачи горячи
Не для нас печены,
Для Афоной жены.
Что Афоной жена
Тройников принесла:
Мишку, Макарку, Костюху,
Естюху да и Логинку.
Сели на Логину,
Поехали на Волгу
Крестить ребят,
Перекрещивати.
Попа-то столкнули.
Поп-то заревел,
Попадью наколотил,
Попадья-то заревела,
Всех ребят перевертела.

39. Ехала деревня
Мимо мужика,
Вдруг из-под собаки
Лают ворота,
Крыши испугались,
Сели на ворон,

Лошадь погоняет
Мужика кнутом.

— Тпру, — сказала лошадь,
И мужик заржал,
Лошадь пошла в гости,
А мужик стоял.
Свиньи вилами хлебали
Из говядины уху,
Не пора ли нам, ребята,
Бросить эту чепуху.

40. Из-за леса, из-за гор
Едет дедушка Егор,
Он на сивой на телеге,
На скрипучей лошади,
Топорищем подпоясан,
Ремень за пояс заткнут,
Сапоги нарастапашку,
На босу ногу зипун.

41. Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота,
За Кота Котовича,
За Петра Петровича.
У Петра Петровича
Да нетоплена горница.

42. Ку-ку-ри-ку!
Петушок, петушок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

43. Раз, два, три, четыре, пять.
Пошел зайка погулять
На зеленые луга.
Потерял мужик дугу.
Шарил, шарил, не нашел,
К Акулиночке пошел.
Акулины дома нет,
У ей курица одна,
Переломана нога.

44. Рыжий красного спросил:
— Где ты бороду красил?
— Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

45. По ладони ребенка указатель-
ным пальцем водят круги:
Сорока-белобок
Кашу варила,
Деток кормила.
Указывают на детские пальчики,
начиная с большого:
Этому дала,
Этому дала,

Этому дала,
Этому дала.
Обращаясь к мизинцу:
А этому не дала:
Ты дрова не рубил,
Воду не носил,
Кашу не варил —
Вот тебе и нет ничего.

46. (описание игры см. выше)

Сорока, сорока
По берегу ходила,
Гостей кликала,
Не приедут ли гости,
Не похлебают ли каши.
Этому — на ложечке,
Этому — на ножичке,
Этому — на палочке.
А этому мальчику-пальчику
Ничего не досталось.
Он ходит и плачет.

47. Сорока, сорока
По полю скакала,
Детей скликала,
Кашку варила.
Этому — на ложечке,
Этому — на поварешечке,
А этому не досталось:
Он толчет и метет
И по воду ходит.
Вода на болоте,
Мука на молоте,
Мутовка на сосне,
Поваренка на липе.
Тут тепленько,
Тут горяченько,
Ключики, ключики!
И улетели!

48. Сорока, сорока
По берегу скакала,
Коренья копала,
Косарь потеряла,
Андрея поклепала:
— Не ты ли, Андрюша,
Косарик украл?
Указывая на запястье:
Тут тепленько.
Дотрагиваясь до сгиба в локте:
Тут горяченько.
Шекотя за пазухой:
Тут ключ, ключ!
49. Сорока-белобока

По берегу скакала,
Коренья копала,
Косарь потеряла.
Чтобы тебе, сорока,
Щипок на язык!

50. Взяв ручки ребенка, хлопают
ими в ладоши в такт:

— Ладушки, ладушки!

— Где были?

— У бабушки.

— Что ели?

— Кашку.

— Что пили?

— Бражку.

Кашка сладенька,

Бабушка добренька.

Попили, поели,

Домой полетели,

Ладошки ребенка кладут ему
на голову:

На головку сели,

Ку-ку-ри-ку спели:

— Ку-ку-ри-ку!

51. Берут ребенка за нос:

— Чей нос?

— Савин.

— Куды ходил?

— Славить.

— Что выславил?

— Копейку.

— Что на копейку купил?

— Сушку.

— С кем сушку съел?

— С попом.

Тянут за нос:

— Не ешь с попом,

А ешь со мной.

52. — Хозяин дома?

— Дома.

— Гармонь готова?

— Готова.

— Можно поиграть?

— Можно.

(шекотят ребенка).

53. — Молодая молодница,

Где солоница?

— В клетки на полице.

— А клеть-то где?

— Водой снесло.

— А вода-то где?

— Быки выпили.

- Быки-то где?
- На гору ушли.
- А гора-то где?
- Черви выточили.
- А черви-то где?
- В траву ушли.
- А трава-то где?
- Гуси выщипали.
- А гуси-то где?
- На лес улетели.
- А лес-то где?
- Люди вырубili.

- А люди-то где?
- Померли.
- А душа-то где?
- У попа в амбаре
- В ложечке серебряной
- На окошечке.

54. Когда учишь ребенка ходить,
водишь его за ручку со словами:
По кочкам, по кочкам,
По пням, по ямам,
По ровненькой дорожке.
Бух! В ямку упал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подборку по подблюдным песням Котельнического р-на см.: Проселки. 1991. № 5; 1992. № 8.

² Народные песни Вятской губернии (Вятского, Орловского, Котельнического, Яранского, Нолинского уездов), собранные С. Скворцовой. // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

ЛУЗСКИЙ РАЙОН

д. Лопотово (1990)

Литвинова Дина Степановна, 1925 г.р. — № 7, 12, 15

д. Дресвище (1990)

Онохова Мария Ефимовна, 1933 г.р. — № 29

Жукова Валентина Васильевна, 1933 г.р. — № 39, 40

ДАРОВСКИЙ РАЙОН

д. Остальцы (1991)

Бушуева Анастасия Петровна, 1924 г.р. — № 5

д. Подугорьяне (1991)

Решетникова Евдокия Екимовна, 1909 г.р. — № 49

КОТЕЛЬНИЧСКИЙ РАЙОН

д. Скурихинская (1991)

Наумова Любовь Михайловна, 1934 г.р. — № 1

д. Щипичивщина (1991)

Исакова Александра Гавриловна, 1925 г.р. — № 3

д. Ярушниковы (1991)

Молчанова Александра Михайловна, 1915 г.р. — № 10

д. Шалагиновы (1991)

Валова Вера Георгиевна, 1919 г.р. — № 11

с. Курино (1991)

Смертина Фаина Ивановна, 1933 г.р. — № 16

Каратаева Александра Устиновна, 1924 г.р. — № 20

Молчанова Тамара Ефимовна, 1930 г.р. — № 43

д. Кужлевка (1991)

Едомина Антонина Алексеевна, 1925 г.р. — № 21

- д. Нижняя Мельница (1991)
 Кырчанова Анастасия Андреевна, 1921 г.р. — № 17, 44
 Шилова Тамара Викторовна, 1926 г.р. — № 27, 46
 Плюснина Лидия Ивановна, 1927 г.р. — № 28
 с. Спасское (1991)
 Шилова Анна Сергеевна, 1904 г.р. — № 2, 25, 30
 Елсукова Валентина Васильевна, 1924 г.р. — № 41
 д. Мостовая (1991)
 Конева Ольга Михайловна, 1923 г.р. — № 24
 с. Вишкиль (1991)
 Веснина Клавдия Алексеевна, 1919 г.р. — № 26, 54
 Вершинина Мария Александровна, 1926 г.р. — № 32, 33, 35
 Демина Мария Поликарповна, 1921 г.р. — № 34
 Земцова Евдокия Ивановна, 1928 г.р. — № 50, 52
 д. Борки (1991)
 Петрова Мария Алексеевна, 1911 г.р. — № 31
 д. Омонины (1991)
 Омонины Антонина Георгиевна, 1903 г.р. — № 47
 с. Боровка (1992)
 Заева Наталья Васильевна, 1960 г.р. — № 8, 13, 19
 Воронцова Мария Сергеевна, 1924 г.р. — № 9, 36, 42, 53
 д. Морозовы (1992)
 Валова Пелагея Егоровна, 1914 г.р. — № 14, 48
 пос. Разлив (1992)
 Воронцова Валентина Николаевна, 1922 г.р. — № 18, 23, 37,
 38, 45, 51

НАГОРСКИЙ РАЙОН

- с. Мулино (1992)
 Булычева Юлия Дмитриевна, 1932 г.р. — № 2, 4, 6

С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

ИЗ ОЧЕРКА О ЗАНЯТИЯХ КРЕСТЬЯНОК САРАПУЛЬСКОГО УЕЗДА* — ИГРЫ И ЗАНЯТИЯ ДЕВОЧЕК ДО ЗАМУЖЕСТВА

1893 г.

...Куклы девочки шьют почти всегда сами и только изредка старшая сестра или мать сошьет ребенку куклу в подарок. Устройство кукол самое незатейливое: берется первая попавшаяся деревяшка и обертывается несколько раз белой тряпкой. Затем на такую деревяшку надевается платье. Фасоны кукольных костюмов берутся по преимуществу с костюмов городских жителей. Куклы изображают из себя как мужчин, так и женщин. Играют в настоящее время в куклы девочки лет 10-ти, прежде же обыкновенно играли вплоть до замужества...

...Помимо игр часто с самого раннего возраста занятия девочек состоят еще в нянчанье младших сестер или братьев, да в присмотре иногда за птицей, а иногда и за другими домашними животными...

...Обучать девочек рукоделиям начинают не в одно время, а руководствуются исключительно понятливостью ребенка. Более способных начинают обучать лет с 4—5, а иных только с 8—9 лет. Прежде

35

всего сядят за «пряжу», а затем ее учат уже вязать чулки, шить и вязать крючком концы для полотенец. Учится девочка большею частью под руководством матери, или, когда мать плохая рукодельница, девочка ходит учиться у какой-нибудь из соседок, опытной в этом деле. Обучение происходит чаще всего — «по-соседски» — даром, если не считать платой ту или другую работу в пользу обучающей. Лет с 15-ти девочку начинают учить ткать, но работает она только на готовом материнском «уставе». Устанавливать же красна¹ и ходить на сновально² девушка начинает уже лет с 18—19-ти, и большею же частью после замужества...

ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 25. Лл. 143-а, 143-б. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Очерк составлен дамским комитетом по исследованию женской промышленности, образованным при Сарапульской уездной земской управе. Был представлен на всемирной выставке в Чикаго (1893).

¹ Красно (кросно) — ткацкий станок, преимущественно с начатой уже работой.

² Сновально (сновальня, сновалка) — сновальный станок, на котором снуют, готовят основу под ткань.

Т. К. НИКОЛАЕВА

ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ СОФИЙСКИЙ (около 1852—1900)

Илья Михайлович Софийский родился около 1852 года (точнее пока не известно) в семье небогатых священнослужителей. В 1879 году он закончил курс в Казанской духовной академии «со степенью кандидата богословия с предоставлением ему права на преподавание в семинарии общей и русской гражданской истории и права и при искании степени магистра не держать нового устного испытания, в чем ему выдан диплом...». Так писала официальная бумага. Если перевести на сегодняшний канцелярский язык, то, значит, учился Софийский хорошо, кончил с отличием, в случае желанья продолжать образование, он мог не сдавать магистерский экзамен. В академии он учился на казенный счет, поэтому после окончания академии долг надо было возвращать — отрабатывать затраты на обучение. Софийский выбрал (или ему настойчиво рекомендовали, как бывало обычно) путь несколько необычный. Он поехал учительствовать на самый край Российской Империи — в Туркестан. Там активно шла миссионерская деятельность русского священства среди азиатских народностей. Большую роль в этой дея-

тельности отводили воспитанию детей в христианском духе: создавались училища с преподаванием на местном языке, но с изучением Закона божия. Чаще всего в этих училищах и общеобразовательные предметы преподавали выпускники духовных академий и семинарий. Вот такую миссию возложили и на Софийского. Он стал учителем Каракольского городского училища Туркестанского края. Учителем он был великолепным, вероятно, и тогда. Через год он уже исполнял обязанности заведующего Перовским городским двухклассным училищем. Еще через год его утвердили в этой должности, и проработал он там до мая 1883 года.

Уже в Перовском училище начал он выполнять задания Российской академии наук, которая регулярно рассылала просьбы, приглашения учителям вести самые разные научные наблюдения: этнографические, фольклорные, метеорологические, экономические, географические, лингвистические и проч. Научная, творческая деятельность педагогов весьма поощрялась, сведения о такой деятельности попадали в официальные формулярные списки и учитывались при повышении в чине или при награждении орденом. Так вот Илья Михайлович Софийский стал наблюдателем Перовской метеорологической станции. В январе 1882 года получил за это официальную благодарность, а в декабре уже был пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени. Он и дальше получал награды, повышения в чинах и в должностях. Но даже скупые строки казенных документов с очевидностью свидетельствуют: все это за честный и упорный труд.

Новый 1883—84 учебный год он начал преподавателем местных наречий в Туркестанской учительской семинарии. Через месяц он стал преподавать еще и педагогику, его избрали секретарем совета семинарии. А через некоторое время он стал учителем и русского языка. С нового учебного года Илья Михайлович Софийский был назначен инспектором народных училищ Уральско-Орского района Оренбургской дирекции. В те времена территория Оренбургской губернии так же, как и Вятской, входила в Казанский учебный округ.

20 сентября 1886 года предписанием управляющего Казанским учебным округом согласно прошению Софийский перемещен инспектором народных училищ Орловского уезда Вятской губернии. Через семь лет после ряда перемещений он приехал в Вятку, стал инспектором народных училищ 1-го района, замещал директора народных училищ Вятской губернии в его отсутствие, был уже действительным статским советником. И все годы он продолжал выполнять поручения Российской академии наук. Но в Вятке он занимался уже не метеорологией, а более

близким ему делом — наблюдениями лингвистическими. С этой целью он записывал сам и собирал записи подчиненных ему учителей и учеников. И вот в «Календаре Вятской губернии на 1892 год» были опубликованы «Загадки Слободского уезда Вятской губернии». В том же году появился отдельный оттиск этой публикации.

Как водилось в те времена, следующей ступенью служебной лестницы должно было стать повышение уже качественное — с руководства народными училищами к руководству высшим учебным заведением. Так и случилось. Но Софийскому жить осталось недолго.

6 марта 1900 в Вятку из Ташкента пришла телеграмма: «Илья Михайлович Софийский скончался помолитесь училищах коими руководил покойный». Панихиды были отслужены в училищах Орловского и Слободского уездов.

В № 35 «Приложений к Вятским губернским ведомостям» был напечатан некролог. «7 марта в Ташкенте опущен в могилу внезапно безвременно скончавшийся директор Туркестанской учительской семинарии И. М. Софийский, при большом стечении населения и властей. Возложено много венков, произнесено несколько прочувствованных речей. Покойный до перевода сначала в Красноярск, а потом в скором времени в Ташкент был инспектором народных училищ Слободского уезда и, живя большей частью в Вятке, оставил по себе хорошую память как добрый начальник, прекрасный товарищ и человек».

К сожалению, о Софийском мы многого не знаем, его педагогическая деятельность еще ждет своих исследователей. Но в фольклористике он останется навсегда. Сборник загадок Слободского уезда Вятской губернии во многом уникален. Такого большого собрания местных загадок не публиковалось ни до, ни после. Правда, Софийский собирал загадки не с фольклорной целью, а с лингвистической. И опубликовал свой сборник как иллюстрацию к местному говору. Об этом свидетельствует и само построение сборника — отгадки даются тут же, загадки публикуются в нескольких вариантах произношения.

Вот что писал сам Софийский в предисловии к публикации: «Предлагаемые загадки записаны в ноябре месяце 1890 года учениками и ученицами начальных народных училищ Слободского уезда... Труд автора (составителя сего) заключался только в просмотре этих самостоятельных ученических письменных работ, сравнении вариантов загадок и усиленном объяснении текстов их. Последнее любопытно в том отношении, что вятский простонародный говор изобилует многими особенностями, по сравнению его с общим великороссийским, — ученики же и ученицы писали со слуха своим простым, безыскусственным не

письменным языком. Для любителей словесности это должно быть довольно ценным... Об этнографическом значении данного материала говорить нет надобности, — оно понятно всякому...

Нам сегодня, разумеется, интересны разные аспекты сборника. И занятно, и полезно познакомиться с тем, как говорили дети и подростки в Слободском уезде на рубеже 80—90-х годов прошлого века. Но главная ценность сборника все же фольклорная. Около 900 загадок, записанных в одном уезде в один месяц, позволяют внимательно изучить их бытование, сравнить с последующими записями, проследить развитие во времени.

Через год после появления в печати загадок Илья Михайлович опубликовал тоже в «Памятной книжке Вятской губернии» серьезный, основанный на большом фактическом материале очерк «О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской волости Слободского уезда Вятской губ., и о названии «татары». Лингвистические интересы автора отразились уже в названии и широко представлены в тексте.

Софийскому принадлежит инициатива появления и еще одного фольклорного памятника, к которому сегодняшние фольклористы обращаются довольно часто, и открытие еще одного имени в списке вятских фольклористов.

В «Памятной книжке Вятской губернии на 1894 год» напечатан этнографический очерк «Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии». Автором этого очерка была учительница Анна Лаврентьевна Полушкина. Но она рано умерла, и Софийский решил издать ее материалы, собранные в деревнях, где Полушкина учительствовала. Публикатор оговаривается в предисловии: «Труд издателя заключался только в некоторых компилятивных дополнениях и примечаниях к очерку». Однако это не так. Софийский привел в примечаниях значительный этнографический и фольклорный материал из записей двух других учительниц: Л. Дрягиной из Сумского училища и Е. Сушковой из Косинского училища.

О Полушкиной в предисловии от издателя Софийский написал:

«В интересах учебно-воспитательного дела желая обстоятельнее ознакомиться с Слободским уездом, т. е. дабы знать, на какие именно стороны обратить внимание в учебно-воспитательной практике начальных народных школ, я просил некоторых преподавателей и преподавательниц последних, а в том числе и Полушкину, как местную уроженку, сообщать мне время от времени известные им от первоисточника факты, касающиеся этнографии и филологии. Полушкина увлеклась этой интересной работой и вместо отдельных сообщений составила цельный очерк, обрисовывающий три главнейшие момента жизни человека...»

Мне кажется, в этом предисловии сам Илья Михайлович проявился с необычайно привлекательной стороны. Ведь он был в сущности царским чиновником, инспектором, а какие слова нашел для бедной, рано умершей учительницы!

Илья Михайлович Софийский внес заметный вклад в фольклористику вятской земли, к его работам еще не раз будут обращаться исследователи и любители русского народного творчества.

Т. К. НИКОЛАЕВА

БЕЗ ЛИЦА В ЛИЧИНЕ

Кто и когда придумал первую загадку? Ученые уверены, что возраст загадок равен возрасту человечества. Во всяком случае самые наистариннейшие тексты, дошедшие до нас в рукописях или устно, как например, сказки, уже содержат загадки. Мы привыкли предками нашей цивилизации считать древних греков. Но ведь и они, уже вполне развитые общественно, государственно и культурно, тоже имели в виду каких-то предков. Каких? Вероятнее всего, древних индийцев, тех самых пра-арийцев, которых и мы числим в ряду зачинателей нашей и словесности, и языка. Так вот, в текстах древних греков есть ссылки на то, что они знали загадки древнеиндийцев и своеобразно чтили их как почтенную старину. Обратимся ли мы к Древнему Востоку, и там найдем загадки (Библия просто напичкана ими), обратимся ли к Китаю, и там загадочные тексты, целые загадочные повествования существуют с незапамятных времен.

Знаменитый русский фольклорист А. Н. Афанасьев писал: «...близкое отношение загадки к мифу придало ей значение таинственного ведения, священной мудрости, доступной преимущественно существам божественным. У греков задает загадки чудовищный сфинкс; в скандинавской Эдде боги и великаны соревнуются в мудрости, задавая друг другу загадки мифического содержания, и побежденный должен платить своей головой. Славянские предания загадывание загадок приписывают бабье, русалкам и вилам; как лужицкая полудница наказывает смертью того, кто не сумеет отвечать на ее мудреные вопросы, так и наши русалки готовы зашекотать всякого, кто не разрешит загаданной ими загадки. Ответы древних оракулов, поучения кельтских друидов, предсказания вещих людей обыкновенно облекались в этот таинственный язык и в кратких изречениях ходили в народе как выражение высшего разума и правдивого взгляда на жизнь и природу...

Все это может показаться сомнительным только тому, кто привык видеть в загадке одну пустую забаву, в которую обратилась она в позднейшее время.»

В этой книге мы поместили вятские загадки. Все они записаны фольклористами и собирателями-любителями на территории нашей губернии и области, в разных ее уголках, в разное время. Самым старым записям более 150 лет. Но есть загадки, родившиеся уже на памяти живущих сегодня. Ведь как и весь фольклор вообще, загадки, оставаясь древнейшим жанром народного творчества, не застыли, не окаменели, а живут и развиваются. Наиболее удачные из сочиненных сегодня останутся в народной памяти, дойдут и до наших потомков. Если же забудутся уже завтра, значит, никакого важного обобщения жизненных наблюдений они в себя не вместили. Придут новые поколения, создадут новые загадки, и время их будет так же отфильтровывать. Вот так и живет фольклор, пульсируя, как кровь в теле цивилизации, и, как кровь, доносит до нас пусть не совсем уже понятные нам, но весьма яркие, эмоциональные образы из такой невероятной дали веков, что и представить страшно, и из более близких к нам времен, из жизни наших дедушек и бабушек, жизнь которых мы уже можем себе представить.

Наши предки — дальние и не очень — прекрасно знали, что загадки — не просто развлечение, хотя и развлекаться, загадывая загадки, задавая смешные вопросы, разыгрывая шарады, любили во все времена. Но, развлекая, учили и воспитывали. Для этого загадки просто незаменимы. Вот, например, сегодня возрождается интерес к старорусскому быту, хозяйству, семейным традициям, народной педагогике, деревянной архитектуре. Теперь понятно, что русская изба — удивительно целесообразное, гармоничное, экологичное жилище, наилучшим образом приспособленное для житья человека в природном окружении. Избу надо изучать, знать, учиться ее премудростям — это полезно и горожанам. Да и вообще, как не интересоваться тем жильем, в котором выпестован русский народ? Но изба не проста, в ней масса такого, что сегодня понять трудно, названия частей ее запомнить непросто. Вот тут и годятся загадки. Вот только три к примеру.

1. Есть у бабы ремесло,
вокруг черным обросло,
в середине красно —
соваться опасно.
2. Один на другом лежит,
из середины мех торчит.
3. Маленький малышка всякой бабе под подол заглядывает.

Вот тут возникает тема, которая вызывает споры и несогласия, поэтому спешу оговориться — это мое личное мнение.

Фольклор существовал не как некое сопровождение жизни, а как одна из форм русской крестьянской, а позднее и городской жизни, поэтому странно делить фольклор вообще и загадки в частности, на детские и взрослые. И эти три загадки не были специфически взрослыми. А если кто-то при их чтении фыркнул или захохотал, то это ведь дело воспитания. Мы в юности любили такую формулу: каждый воспринимает в меру своей воспитанности. Так вот и эти загадки загадывали и при детях. Если мальчик дорос до понимания подтекста — значит, поймет не только смысл, но и юмор. А девочек воспитывали так, что они ни за что бы не показали, что догадались о чем-то запретном, хотя, вероятно, и девочки догадывались о многом. Вообще говоря, тут мы уже выходим за рамки разговора о загадках, тут епархия народной педагогики. Я просто объясню, почему я не выделяла детских загадок и загадок для взрослых, как пыталась делать прежде.

Итак, мы говорили об образовательной ценности загадок. Но у них была и еще одна важная роль — воспитательная. Вспомните с детства знакомое: «Что милей всего на свете?» Что? Нет, не родина. Нашим предкам не пришло бы в голову говорить с сыном или дочерью столь риторически. И не мать. «Не та мать, что родила, а та, что воспитала». Ребенок должен был найти ответ абсолютно реальный, жизненный, выверенный долгим опытом. Что милей всего уработавшемуся крестьянину? А что быстрее всего на свете? Вот так вырабатывалась шкала человеческих ценностей, природных ценностей. И ребенок, который узнавал в детстве, что больше всего загадок создано о небе, солнце, избе, домашнем хозяйстве, подспудно, не мозгом даже, а кровью, плотью понимал: нет ничего важнее этого. Что перед этими ценностями деньги, слава, красивая одежда? Ничто.

Было у загадок и еще одно важное назначение. Приходит к вам, например, знакомый из дальнего села и говорит:

4. Ходил я давеча на тафтафту,
попала мне мафтафта;
кабы не рафтафта,
съела бы меня мафтафта,
не пришел бы я к тебе,
не принес бы должок.

Вы, если вы — хозяйка сообразительная, крикнете хозяйина, ибо эта загадка на запретном языке, так называемом — табуированном. В некоторых человеческих сообществах, объединенных одним занятием, возрастом, или как-нибудь иначе, существовали, да и сейчас существуют свои особенные языки: у разбойников, офеней, конокрадов; мы знаем воровские слова, профессиональные жаргоны, молодежный сленг и т. д. Так вот

загадка помогала понять: свой ты человек или нет. В данном случае охотник легко догадается, о чем речь. Особенно важно для подрастающего человека возрастное общение. Недаром дети часто пользуются всякими странными словами, говорят, например, прибавляя к каждому слову в конце -СТА или в начале ПРО-. И вся речь становится загадкой для непосвященного.

Одна молодая женщина из Лузы рассказала мне, что слышала от своей бабушки о том, как раньше парень (вероятно, еще мальчик) ходил знакомиться к понравившейся ему девушке. Раньше ведь нельзя было просто так подойти и спросить что-нибудь или — Боже избавь! — пригласить погулять. Всему был свой порядок.

Пришел, назовем его Павликом, к матери и признался, что хочется ему с Аннушкой познакомиться. Мать придумала попросить у родителей Аннушки решета, свое-то, мол, вдруг прохунилось. Побежал Павлик за решетом. В деревне избы раньше не запирались. Свободно прошел сени, вошел в избу. На стук двери вышла Аннушка в одной исподней рубахе. Павлик взглянул, изумился, покраснел. Аннушка увидела его смущение и сказала:

— Был бы свой, так я бы приделася. Ну, раз пришел, садись, потчевать буду. Подам тебе из попы здобу, из промеж ног вологу.

Парень в ужасе: что за девка срамная! Схватился да бежать. Аннушка вслед ему что-то уж совсем несусветное крикнула да еще и захохотала.

Прибежал к матери и рассказывает, возмущается. А мать смеется:

— Да нет, сыночек, она-то девка справная, на выданье, а ты еще маловат, не умеешь с девками знакомиться. Порасти еще!

Почему она сказала: «Был бы свой, я бы приделася»? Да потому, что свой никогда не заходил сразу в чистую избу. Для начала он сходил бы и в хлев, поздоровался бы с хозяйкой, и во двор к хозяину, и на завалинке со стариками бы поздоровался за руку. И собаки бы лаяли, и двери бы хлопали, и смех бы слышался. За это время девка десять раз успела бы одеться. А чем его девка собиралась угощать — угадайте (5). К сожалению, не знаю, что за третий загадочный фрагмент у этого обряда. Если кто-нибудь сообщит мне, буду весьма благодарна.

Наша подборка загадок состоит из трех частей. В первую вошли наиболее старые загадки из большого фольклорного архива Леонида Владимировича Дьяконова. Он выписывал загадки из разных старых книг и журналов. В 30-е годы готовилась антология советского фольклора Кировской области, для нее

присылали тексты со всех концов области. Но тогда в антологию вошли только политизированные, почти сплошь наскоро сочиненные песни, частушки, сказки. Загадки не вошли. Они сохранились только в архиве Л. В. Дьяконова.

Отдельно печатаются шуточные вопросы, сегодня они неожиданно возвращаются в обряд, в котором когда-то играли такую существенную роль — в свадьбу. Правда, четкой границы между собственно загадкой и занятым вопросом нет, они легко меняются местами, но все же разделить их можно, хотя бы просто для удобства поиска ответов. Некоторые вопросы загадочны только в устной форме, на бумаге юмор пропадает, но я все же включила их, ибо они представляют собой интереснейший пласт устного творчества.

Я желаю читателям и отгадывателям веселого времяпрепровождения, семейного или дружественного общения и с загадками, и друг с другом. Не спешите заглянуть в ответ, подумайте, пофантазируйте. В каждой загадке — накопленная мудрость сотен и сотен поколений самых разных людей. Приобщитесь к мудрости!

ЗАГАДКИ ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА Л. В. ДЬЯКОНОВА

1. Бабушка Софья
день и ночь сохнет,
только на утре отдохнет.
2. Бежит свинка —
золотая спинка,
хвостик конопляный.
3. Весится, болтается,
на ночь в дырочку спускается.
4. Влезть на башню нелегко —
до верхушки далеко,
а слезают очень скоро —
три секунды и — готово.
5. Висит мохнатко,
под мохнатком — гладко,
а раскусишь — сладко.
6. В липовом корытце
живая Маша шевелится.
7. В новой стене,
в круглом окне
днем стекло разбито,
к утру — опять цело.
8. Голова — без мозгов,
уши не слышат,
спина — без брюха,
пятки есть, но не ходят.

9. Горшок умен,
семь дырочек на нем.
10. Два-ста бодаста,
четыре-ста ходаста,
один чухлыс,
пять-сот теребил.
11. Живой мертвого бьет,
мертвый благим матом ревет,
на защиту сбегается народ.
12. Загану загадку,
положу на грядку,
эта загадка через год
попадет к нам в рот.
13. Заря-заряница,
красная девица
брatца запирала,
по полю гуляла,
ключи потеряла;
месяц видел,
солнце скрало.
14. Иди в лес,
найдешь там дерево,
гни его, ломай его,
найдешь на нем мохнатку,
в мохнатке — гладко,
в гладке — сладко.

15. Летели три воробья.
 — Тебя сколь кормят?
 — Меня сутки на сутки.
 — А меня с неделю на неделю.
 — А меня с году на год.
 16. Летит — молчит.
 Сядет — молчит.
 Лежит — молчит.
 А как пойдет, так заревет.
 17. Мать толста,
 отец красён,
 сын храбёр,
 под небеса ушел.
 18. На всех садится,
 никого не боится.
 19. На небе есть,
 на земле нету,
 у бабы две,
 у девки нету.
 20. На тычинке — городок,
 в нем семьсот воевод.
 21. Не дерево, а с листочками,
 не рубаха, а сшита,
 не человек, а рассказывает.
 22. Один льет,
 другой пьет,
 третий растет.
 23. Однолетняя трава с лесом
 равна.
 24. Отгадай загадку —
 через тын да в кадку!
 25. Посреди двух озер —
 бугор.
 Стукнешь — побежит кагор.
 26. Пушистая вата
 плывет куда-то.

Чем вата ниже,
 тем дождик ближе.
 27. Пять-пять овец
 сено теребили;
 пять-пять овец
 труху подбিরали.
 28. Сестра к брату едет,
 а он от нее прячется.
 29. Сидит бабка на грядках,
 вся в заплатках,
 кто ни пройдет —
 всяк заревет.
 30. Сидит дядя Пахом
 на коне верхом,
 книгу читает,
 а грамоты не знает.
 31. Стоит дуб-вертодуб.
 На этом дубе-вертодубе
 сидит птица-вертоптица,
 от которой никто не отвертится.
 32. Тебе дано, а люди пользуются.
 33. Тело бело,
 душа портяная,
 а маковка золотая.
 34. Три братца
 пошли на реку купаться.
 Два купаются,
 а третий на берегу валяется.
 35. Черная корова всех
 приковыряла,
 белая корова всех подняла.
 36. Черный конь
 лезет в огонь.
 37. Четыре сестрицы
 под одной фатией.

ЗАГАДКИ ИЗ СОБРАНИЯ Т. К. НИКОЛАЕВОЙ

1. Ася
 разлеглася;
 кабы встала — до неба достала,
 кабы руки — вора бы связала,
 кабы ноги — коня бы догнала,
 кабы глаза — все увидала,
 кабы язык — все бы рассказала.
 2. Без лица в личине.
 3. Бодался, бодался,
 деду в руки попался,
 дед домой принес —
 стал тыкать в нос.

4. В голове жар горит,
 из хвоста дым валит.
 5. В лавке пятак —
 не вынешь никак.
 6. В лесу родился,
 в лесу вырос,
 в дом пришел —
 всех вокруг себя собрал.
 7. Вокруг избы — озера.
 8. Все ест — не наедается,
 а попьет — и умирает.
 9. Всю жизнь ходят в обгонку,
 а обогнать друг друга не могут.

10. В начале и в конце его —
холод, а в середине — тепло.
11. Все его любят, а кто поглядит
на него — сразу морщится.
12. Горит и тает,
секретные дела скрывает.
13. Дединька смеется,
на нем шубонька трясется.
14. Диво варило пиво:
слепой увидал,
безногий за ковшом побежал,
безрукий сливал.
Ты пил да не растолковал.
15. Днем — обручем,
ночью — змеей.
16. Есть голова, да нет волос;
есть глаза, да нет бровей;
есть крылья, да не летает;
в холод не зябнет, жары не боится.
17. Зубы есть, а рта нет.
18. Идет обоз:
две головы, один хвост.
19. Из одного озера сорок
лошадей пьют — не напьются.
20. И у нас, и у вас поросенок
увяз.
21. Какая вещь не рождена,
не сотворена, никаким искусством
не сделана?
22. Кину с порошок,
вырастет с батожок,
на батожке-то — городок,
в городке-то — шумок.
23. Красная ступочка, белый
толкач.
24. Красно появилось,
красным девкам полюбилось.
25. Крепь-город да бел-город,
а в бел-городе — воску брат.
26. Кривой бельмез
под горшок залез.
27. Кто всем ручку подает?
28. Кто меня сработал —
помалкивал, кто меня не знает —
принимает, а кто знает —
на порог не пускает.
29. Кто после смерти красен?
30. Лежит мужичок в золотом
кафтани, подпоясан, да
не поясом, сам встать не может —
люди поднимают.

31. Лиска-липка,
лазоровое брюшко,
хребет бобром,
на песок ползком,
по воде плавком.
32. Лубен город,
отрепьян город,
а в этом городе воевода нем.
33. Маленький, легонький,
а тяжело поднять.
34. Маленький мальчик всем под
подол смотрит.
35. Маленький пузранчик по
городу ходил, всех ребят перебил.
36. Млад конь за морем бывал:
спереди шильце,
сзади вильце,
на груди — белое полотенце.
37. На семи братках одна рубашка.
38. На чужой спине едет, а на
своей груз везет.
39. Не бык, а бодается,
не ест, а еду хватает,
что схватит — отдает,
а сам в угол идет.
40. Не вода, не суша —
на лодке не уплывешь
и ногами не пройдешь.
41. Не живая, а дышит.
42. Не мед, а ко всему льнет.
43. Не сеют, не сажают —
сами вырастают.
44. Не стукнет, не брякнет —
сам придет.
45. Одно ухо, нос крючком,
носит шапку тюричком.
46. Пером сеют,
глазами жнут,
головой едят,
памятью переваривают.
47. Плосконька досочка,
по краям — обшивочка,
а в середке — дырочка.
48. По горам, по долам
ходит шуба да кафтан.
Домой пригнали —
урожай сняли:
Васеньке — валенки,
сестричке — рукавички,
отцу — тулуп,
матери — полушубок.

49. Под кустом, под ярусом
лежит пояс гарусный.
50. Полон дом зерном,
стены позолочены,
ставни заколочены,
ходит дом ходуном
на стволе золотом.
51. Посреди воды костер горит,
а вода его затушить не может.
52. Посреди поля лежит зеркало:
стекло голубое, а рама зеленая.
53. Потайная кладовая со всякой
обстановкой:
тут и спички, и табак,
и медный пятак.
54. Прихожу — все рады,
ухожу — всё рады.
55. Пришли гости и — под лавку.
56. Пробил я стенку — увидел се-
ребро, пробил я серебро —
увидел золото.
57. Родился — не крестился,
умер — не спасся,
богу угодил, а свят быть
не может.
58. Сама нагая, а рубашка —
за пазушкой.
59. Скорчится — в кошку,
а растянется — в дорожку.
60. С одной стороны — лес,
а с другой — поле.
61. Стоит дуб, полон круп,
пяточком покрыт.
62. Стоит попадья тремя поясами
подвязана.

63. Страх тепло волочет.
64. Суну-посуну в золотую
посуду, там поколочу да назад
поворочу.
65. Топором не вырубешь,
рукой не закроешь,
в карман не положишь,
а отгадать можешь.
66. Три ноги, два уха,
а шестое брюхо.
67. У чурки — две печурки.
68. Хожу я босиком,
хотя и в сапогах,
хожу на голове,
хотя и на ногах.
69. Цветное пальто,
белая подкладка,
а внутри — сладко.
70. Через сине море —
журавлино горло.
71. Черный жеребец гнет,
на нем шерсти нет.
72. Черненька, маленька
в платье вскочила,
короля разбудила.
73. — Черныш-загарыш, куда
поехал?
— Молчи, кручено-верчено, там
же будешь.
74. Чиста, да не вода,
клейка, да не смола,
бела, да не снег,
сладка, да не мед,
от рогатого берут
и живулькам дают.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Без чего на свете ничто не существует?
2. Без чего дом не построить?
3. Без чего хлеб не испечь?
4. В какие ворота въезжал Петр I?
5. В какой воде не водится рыба?
6. В каком году люди едят более обыкновенного?
7. В каком месяце бабы меньше всего сплетничают?
8. В каком русском городе живет только одна птица и один зверь?
9. Какая птица, потеряв в своем имени первую букву, становит-
ся самой большой рекой в Европе?
10. Какая река протекает во рту?
11. Какая столица находится в нашем организме?
12. Какая часть одежды говорит об отсутствии храбрости?
13. Какие местоимения мешаются на дорогах?
14. Как можно пронести воду в решете?
15. Как называется город, в котором сто женщин и один мужчина?

16. Какого животного не было в Ноевом ковчеге?
17. Какое животное дважды родится?
18. Когда у людей бывает столько ног, сколько дней в году?
19. Когда цыган лошадь покупает, какая она бывает?
20. Когда человек бывает в комнате без головы?
21. Когда человек бывает деревом?
22. Когда человек бывает рыбой и когда рекой?
23. Когда черной кошке пройти в дом легче?
24. Много ли в брюхе жил?
25. Отчего собака лает?
26. Отчего утка плавает?
27. По какому городу идет кровь?
28. После семи лет что будет?
29. Сидит на скамейке старик с мальчиком. Прохожий спросил

мальчика:

— Какая тебе родня старик?

Мальчик ответил:

— Его матушка моей матери свекровь.

30. Чего не устает всю жизнь делать?

31. Чего со двора не снесешь?

32. Чем оканчивается день и ночь?

33. Чем хлеб в огонь сажают?

34. — Черная?

— Нет, красная.

— А почему белая?

— Потому что зеленая.

О чем речь?

35. Что бедный кидает, а богатый в карман кладет?

36. Что глазами видеть можно, а руками взять нельзя?

37. Что делает ворона, прожив три года?

38. Что делает сторож, когда у него на шляпе сидит воробей?

39. Шесть ног, а бежит не быстрее, чем на четырех. Кто это?

40. Шла баба с тестом, упала мягким местом. Чем ты думаешь?

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ ИЗ АРХИВА

Л. В. ДЬЯКОНОВА

- 1 — заслонка. 2 — иголка с ниткой. 3 — дверной крюк.
 4 — парашютная вышка. 5 — овес. 6 — лапоть. 7 — прорубь. 8 — лапоть.
 9 — голова. 10 — корова. 11 — колокол. 12 — урожай. 13 — роса.
 14 — орех. 15 — печка, баня, овин. 16 — снег. 17 — печь, огонь, дым.
 18 — комар. 19 — буква Б. 20 — маковка. 21 — книга. 22 — дождь, земля,
 трава. 23 — хмель. 24 — рот. 25 — нос. 26 — облака. 27 — прядут.
 28 — ночь и день. 29 — лук. 30 — очки. 31 — смерть. 32 — имя. 33 — свеча.
 34 — коромысло и ведро. 35 — ночь и день. 36 — кочерга. 37 — стол.

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ ИЗ СОБРАНИЯ

Т. К. НИКОЛАЕВОЙ

- 1 — дорога. 2 — загадка. 3 — табакерка из рога. 4 — трубка.
 5 — сучок. 6 — стол. 7 — окна. 8 — огонь. 9 — ноги. 10 — год. 11 — солнце.
 12 — сургуч. 13 — кисель. 14 — ложь. 15 — пояс. 16 — рыба. 17 — пила.
 18 — всадник на лошади. 19 — ресницы. 20 — воротный засов.

21 — тьма. 22 — мак. 23 — малина. 24 — брусника. 25 — яйцо. 26 — ухват. 27 — фальшивые деньги. 28 — рак. 29 — сноп. 30 — лодка. 31 — младенец в зыбке. 32 — горящий уголь. 33 — порог. 34 — банный веник. 35 — ласточка. 36 — горох. 37 — седло. 38 — ухват. 39 — болото. 40 — квашня. 41 — слово. 42 — волосы. 43 — день. 44 — чайник. 45 — грамота. 46 — ухо. 47 — баран. 48 — змея. 49 — колос. 50 — самовар. 51 — пруд. 52 — карман. 53 — снег. 54 — ноги. 55 — яйцо. 56 — осел. 57 — свечка. 58 — веревка. 59 — шуба. 60 — мак. 61 — кадка. 62 — волк и овца. 63 — кочерга. 64 — солнечный зайчик. 65 — лохань. 66 — нос. 67 — гвоздь в сапоге. 68 — конфета в обертке. 69 — дужка у котла. 70 — сверчок. 71 — блоха. 72 — чугуи и горшок. 73 — молоко.

ОТВЕТЫ НА ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ

1 — без названия. 2 — без стука. 3 — без корки. 4 — в открытые. 5 — в грязной. 6 — в високосном. 7 — в феврале. 8 — Воронеж. 9 — иволга. 10 — Десна. 11 — Вена. 12 — тусы. 13 — я, мы. 14 — заморозив. 15 — Севастополь. 16 — рыбы. 17 — петух. 18 — 2-го января. 19 — мокрая. 20 — когда высунется в форточку. 21 — Липа. 22 — Карп и Нил. 23 — когда дверь открыта. 24 — 9 месяцев. 25 — не умеет баять. 26 — от берега. 27 — по Вене. 28 — восьмой пойдет. 29 — дядя. 30 — вздыхать. 31 — погреб. 32 — мягким знаком. 33 — тестом. 34 — о смородине. 35 — сопли. 36 — тень. 37 — живет четвертый. 38 — спит. 39 — всадник. 40 — головой.

Г. А. НАСОНОВА

ГОРОДСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ШКОЛА

В 1991 году была открыта городская фольклорная школа и на ее базе создан детский фольклорный ансамбль «Вятские колокольчики».

Школа и ансамбль созданы с целью возрождения и сохранения уникальной музыкальной культуры Вятского края. В 1992 году ансамбль стал лауреатом I-го городского фестиваля детского творчества, призером конкурса «Молодые дарования Вятской земли» и дипломантом детского фольклорного праздника «Берегиня». Солистка ансамбля Лиза Малых в 1993 году стала победительницей конкурса «Одаренные дети России» и в рамках программы «Народная дипломатия» побывала с выступлениями в Италии, Испании, Чехословакии и др. странах мира.

В репертуаре ансамбля русские народные игры, хороводы, обряды, песни разных жанров, преимущественно родного Вятского края. Ансамбль много выступает перед самой разной аудиторией, зрителями их концертов бывают школьники, ветераны, колхозники, инвалиды, дети-сироты и мн. др.

Каждое лето участники ансамбля выезжают в фольклорные экспедиции, где они записывают старинные вятские песни, затем нотируют их и исполняют. Ежегодно ансамбль проводит тра-

Илл. 99. Детский фольклорный ансамбль
«Вятские колокольчики»

традиционные русские праздники «Святки», «Масленица», «Троица», а для жителей г. Кирова летом проводится, уже ставший традиционным, детский фольклорный праздник «Берегиня».

Зимой участники ансамбля ходят с колядками от дома к дому и славят хозяев, желая им здоровья и счастья.

В 1995 году фольклорному ансамблю присвоено звание «образцовый». На Кировском телевидении создан фильм «Святки» при участии ансамбля «Вятские колокольчики», в котором использованы материалы фольклорных экспедиций. Копия фильма находится в Центре русского фольклора в Москве. В 1996 году ансамбль стал участником международного фестиваля, который проводился в г. Москве в рамках празднования 850-летия столицы.

Т. К. НИКОЛАЕВА

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ ДЬЯКОНОВ
(1908—1995)

Леонид Владимирович Дьяконов родился 6 октября 1908 года в Вятке. Рос он с мамой и теткой Ольгой Андреевной Дьяконовой. Она в свое время работала учительницей в нескольких сельских школах. Будучи учительницей Соколовского начального училища Нолинского уезда, Ольга Андреевна собирала фольклор, учила этому своих учеников. Часть собранных пе-

сен была впоследствии опубликована в «Известиях Русского Географического Общества». Писала она и стихи, переписывалась с В. Г. Короленко. Мама — Людмила Андреевна Дьяконова — была образованным человеком, и Леня Дьяконов очень рано научился читать. После окончания школы им. Энгельса он уехал в Ленинград, потом работал журналистом в Алма-Ате, где подружился на всю жизнь с Ольгой Берггольц и ее мужем Николаем Молчановым. Именно там состоялось знакомство и с Алданом-Семеновым, сыгравшим трагическую роль в жизни Дьяконова. Сам Леонид Владимирович рассказывал так: «Алдан

Илл. 100. Л. В. Дьяконов

уговаривал меня ехать в аулы записывать современный фольклор. Тогда уже появились переводы стихов Абая и других акынов. Я усомнился: а если мы не найдем такого акына? Алдан рассмеялся: «Ты что, думаешь, что все эти переводчики на самом деле записывают акынов в аулах? Чудак! Да переводчики сами все пишут. А мы что, не сможем, что ли?»

Дьяконов добавлял: я сказал все, что о нем думаю. Алдан не забыл выговора, и в 1937 году написал донос на Дьяконова, обвиняя его в дружбе с троцкисткой Берггольц. В тюрьме били так, что разум отказал. Вот что пишет в очерке об Ольге Берггольц прекрасный литературовед Владимир Лакшин:

«Ольга Федоровна вспоминает: «Счастливейший день в предгорьях Ала-тоо. Мы, веселые, молодые, идем втроем: Коля Молчанов, я и Леня — он и сейчас жив, живет где-то в Вятке. Идем какими-то страшными азиатскими задворками... И вдруг — зеленая долина, изумрудная лужайка под солнцем, удивление от красоты и чувство неправдоподобного счастья. И Леня говорит: «Вот так мы войдем в социализм». Он не знал, что на допросах, когда после избиений он будет терять сознание и у него пойдет кровь в моче, он даст на меня и на Колю ложные показания и подпишет этот протокол, а я потом, освободившись сама, буду вытаскивать его из тюрьмы...»

Вернувшись в Вятку из Средней Азии, стал работать в «Вятской (потом «Кировской») правде». Тогда уже он понемно-

гу печатал и фольклорные тексты, но это еще не было целенаправленной работой.

Однажды Леонид Владимирович заболел, лежал с температурой, болела голова, читать не мог. Тогдашний друг, собиратель и исследователь народных ремесел Кировской области Михаил Николаевич Шатров принес ему в подарок старую книгу в матерчатом переплете — «Песни северо-восточной России» Александра Васнецова. Мама читала лихорадящему сыну эти песни. До конца жизни Дьяконов помнил этот вечер и это чтение!

Когда в органы безопасности поступил донос на Дьяконова, его уволили из редакции, а в 1938 году арестовали, пытали, после того как у Леонида Владимировича, что называется, «крыша поехала», он был отправлен в психиатрическую больницу. В 1939 году его освободили, но реабилитировали только в 80-е годы.

Начиная с 1937 года, Леонид Владимирович Дьяконов активно занялся фольклором. В это время была задумана официозная акция — во всех областях Советского Союза должны были выйти антологии местного фольклора, а в Москве — большая антология советского фольклора. Дьяконов не знал, что изначально никого из властей настоящий фольклор не интересовал, все было задумано с целью показать, как советский народ боготворит вождя всех народов и его партию. К собиранию антологии были привлечены и пединститут, и писатели, и краеведческий музей, и все газеты. Дьяконов опубликовал в «Комсомольском знамени» обращение ко всем жителям области, призыв записывать фольклор, подробную инструкцию, как это делать. И полетели письма со всей области в музей и в газеты, добровольные собиратели-энтузиасты привозили из районов целые папки старинных и современных текстов.

В 1937 году вышла тошеникая книжечка, почти не включившая традиционный крестьянский фольклор, зато в ней обильно представлены хвалебные тексты в адрес одиозной фигуры вождя.

А оригинальные песни, сказки и прочее за ненадобностью просто уничтожали. Дьяконов до конца жизни с болью вспоминал, что тогдашний секретарь писательской организации уничтожил целый шкаф рукописей. Погибли многие и многие рукописи в пединституте. Кое-что Леонид Владимирович успел скопировать, кое-где выпросил оригиналы. Только «Комсомольское знамя» отдало ему все, что к ним пришло. Вот эти записи и легли в основу фольклорного архива Л. В. Дьяконова.

После ареста в 1938 году и последующего заточения в психбольницу Дьяконов стал инвалидом. Его долго преследова-

ли галлюцинации. Он не мог писать. И тогда он стал заниматься чисто механической работой — расписывать на карточки все тексты, которые у него накопились. Постепенно он прибавлял к ним все, что было напечатано из вятского фольклора с самого начала XIX века в центральных и местных изданиях, учитывал даже упоминания песен, пословиц и т. п. Так постепенно рождалась мысль о всеобъемлющей библиографии вятского фольклора.

Работать его никуда не брали, жили они с мамой на жалкие гроши и минимальные карточки служащей и инвалида — впроголодь, в холоде, без бумаги и чернил, без керосина для лампы. Но Дьяконов неотступно делал и делал свои записи. И это его спасло. Все-таки многие тексты гениальны, и общение с ними благотворно подействовало на больную психику — болезнь отступала. В войну в эвакуацию в Киров приехало издательство детской литературы — «Детгиз». Издатели каким-то образом проведали о Дьяконове, о его собрании народного творчества и пришли к нему. Вот как он сам об этом рассказывал:

«Сажу я дома при копилке, в ватнике. Прекрасная, легкая и теплая одежда — я бы ее и сегодня носил, да жена не дает. В ботинках. Шили тогда в Кирове очень хорошие ботинки: верх из кусочков кожи, а подошвы деревянные. В них можно было три часа стоять в очереди или дрова рубить — ноги не мерзли. В дверь постучали. Вошли две женщины и мужчина и говорят:

— Мы государственное детское издательство, эвакуированы сюда. Нам дали типографию, бумагу. Но у нас нет авторов, многие ушли на фронт, многие погибли. Нам сказали, что вы занимаетесь очень интересным делом, которое может быть полезно для нас.

Я и вообще-то человек разговорчивый, а тут впервые кто-то всерьез спросил, чем я занимаюсь. Так я открыл рот и шесть часов его не закрывал: читал им сказки, песни, загадки, частушки. Им это тоже показалось интересным. Но чтобы для детей — этого я представить себе не мог и делать рукописи отказался. На следующий день они опять пришли. Я опять отказался. Они пришли в третий раз. Я подумал: что ж я гоняю по такому холоду людей? Я лучше соглашусь, сделаю. Они увидят, что это никуда не годится, и отступятся.

Через некоторое время они прочитали, вызвали меня и заключили договор. Эта книга потом вышла и в Кирове, и в Москве. Я подписал договор. Мне сказали: пойдём! Повели меня в столовую. Меня премировали, выписали сразу пять порций манной каши. Все съел! У меня тогда была дистрофия второй степени. По лесенкам-то подниматься — колени дрожали. Вот так я стал детским писателем, совершенно неожиданно для себя».

После этого одна за другой стали выходить книги Леонида Владимировича для детей — фольклорные и собственные. Но продолжалась и работа по собиранию и переписыванию оригинальных фольклорных текстов.

В 1944 году возникла мысль о переиздании забытой книги А. М. Васнецова «Песни северо-восточной России».

После окончания Великой Отечественной войны Дьяконова приняли на работу в Кировский краеведческий музей. Там он попытался возобновить работу над антологией вятского фольклора, снова посылал письма по районам, сам записывал от знакомых, друзей, в том числе и от матери, и от тетки Ольги Андреевны. Но главным делом стало переиздание книги Александра Васнецова.

Вот несколько дневниковых записей тех лет, которые ярко характеризуют жизнь после войны.

16 сентября 1945. Лежа! Сидя устаю. Как все-таки хорошо жить — познавать!

6 октября 1945. Завтра мне пойдет 38-й год. Не успею сделать все. Мать хворает. Денег нет. Дров нет. На жиры (выкупить) нет ни гроша.

14 января 1946. В 1941—42 думал: вот бы буханку хлеба и чтоб есть, сколько хочешь.

4 апреля 1946. Сегодня кончил книгу!

11 апреля 1946. Получил за книгу 3000 р. Первый раз за 10 лет такая сумма в руках.

9 сентября 1948. Денег нет. Дров нет. Надо же картошку копать! У всех четверых грипп. Заминка с Васнецовым: «неактуально».

11 сентября 1948. Воюю за совещание о Васнецове.

7 октября 1948. 40 лет! 12-й год я бьюсь над фольклором. Дров нет. Мои четыре книги ходят по мукам.

3 ноября 1948. Вчера зарезали мою книгу о Васнецове.

14 марта 1949. Записка Огиза: обком разрешил Васнецова.

1 июля 1949. Сообщает Борис, что Васнецов снова казнен Мордовским. Но ему предложили написать аргументированно для издательства. А писать — отвечать.

22 июля 1949. Все-таки я дождался Васнецова! Все поборо! Гранки песен передо мной.

30 сентября 1949. Вчера получил билет Союза советских писателей, маленькая серая книжка.

Переиздать Васнецова удалось только, сократив количество песен. Но и в таком усеченном виде книга принесла огромную пользу. Молодые фольклористы стали обращаться к ней чаще и чаще, песни из нее попадали в авторитетные сборники и антологии. Книга работала.

Особую ценность для кировчан имела приложенная к песням Васнецова библиография Вятского фольклора. Но работать над ней Леонид Владимирович продолжал. Тексты, сгруппированные по жанрам и по хронологии, он сдал в краеведческий

музей. До сих пор они пользуются неизменным интересом не только кировских, но и многих приезжих фольклористов. А рукопись полной библиографии Вятского фольклора напечатать так и не удалось. Находится она сейчас в краеведческом отделе библиотеки им. Герцена.

Последние карточки в фольклорном архиве Дьяконова относятся к 1953 году.

Но до конца жизни Леонид Владимирович не переставал интересоваться фольклором, снимал копии с тех рукописей, которые попадали к нему из Союза писателей или из редакций газет. Мечтал еще раз переиздать песни Александра Васнецова, но уже без изъятий. Переиздавал свои детские книги, созданные на основе фольклора.

Как фольклорист, Леонид Владимирович Дьяконов был признан в России, но все-таки его архив еще известен не полностью. Исследователей ждет еще немало открытий.

Умер Л. В. Дьяконов 9 января 1995 года.

В. А. КОРШУНКОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР ВЯТСКОГО КРАЯ

Публикуемые здесь тексты записаны в 1990-е годы от детей 4—13 лет. В эту подборку не вошли колыбельные песни, потешки, пестушки — то есть все то, что исполняется для детей взрослыми. Но и собственно фольклор детей представлен выборочно. Тут собраны короткие и, как правило, стихотворные тексты, связанные с игровой деятельностью детей, с их коллективно проводимым досугом. Это разнообразные приговоры и забавные стишки, организующие игру, либо ей сопутствующие (включая также мирилки, поддевки, отговорки, загадки-задачи и некоторые словесные игры-приговорки). Основное внимание обращалось именно на тексты, поэтому здесь не дается описание самих по себе всевозможных детских игр. Публикуемые фольклорные записи хранятся в личных архивах — моем и Т. К. Николаевой, которой я очень признателен за содействие.

Множество любимых детьми совместных игр начинается с той или иной считалки. Считалок известно огромное количество. Вот только некоторые их виды.

1. Куры, гуси да индюшки Наклевались петрушки, Закусили лебедой, Побежали за водой.	2. Сидит поп на бочке, Продает цветочки: Красный, синий, голубой — Выбирай себе любой.

3. Сидит петушок на лавочке,
Считает свои булабочки:
Раз, два, три, четыре, пять —
Тебе играть!

4. Шла собака по воде
И сказала букву...

(Надо назвать какую-либо букву, после чего считаются дальше по алфавиту — вплоть до этой буквы).

5. Летела корова
И ляпнула слово...

(Надо назвать какое-нибудь слово, затем подсчитывают количество букв в нем и продолжают: «Раз, два, три...» — до соответствующей цифры).

6. Летела мина	Сколько
Из Берлина,	Тебе
По-немецки	Лет?..
Говорила:	

(Надо отвечать, например: «Пять», — после чего счет продолжается до пяти).

Для определения того, кто будет водить в предстоящей игре, кроме считалок, есть и другого рода игровые зачины:

7. Эни-бени, рики-таки,
Буль-буль-буль караки саки,
Эус, беус, шахмадеус,
Бац-бац-бац!

Трубка упала
И написала:
Тебе водить!

8. Интер, мици, тици, тул,
Ира, дира, дон.
Окер, покер, доминокер,
Шишел вышел вон!

11. В гараже стоят машины:
«Волга», «Чайка», «Жигули».
От какой берешь ключи?

9. У китайского моста
Я поймал в реке кита,
Спрятал за окошко,
Съела его кошка.
Помогали два кота.
Вот и нет теперь кита!

12. На златом крыльце сидели:
Чип и Дейл,
Том и Джерри,
Дядя Скрудж и три утенка.
Ты, конечно, будешь Понка!

10. Шел крокодил,
Трубку курил.

13. В доме Кэпфелов сидели:
Пьяный Мэйсон,
Иден, Келли,
Крус Кастильо и Сиси.
А водить-то будешь ты!

14. На столе лежали ложки...
Чур, не вожка!

(Вторая строчка говорится очень быстро, и все тут же ее повторяют. Кто выкрикнет: «Чур, не вожка!» — последним, тот и станет водить).

Дети ставят по два пальца на стол в кружок и приговаривают:

15. Чики-брики,
Пальчик выкинь!

Кто первым выставит палец в центр круга, тот выходит.

Игра в молчанку (кто кого перемолчит) начинается с приговорок, устанавливающих границу между обыденным и игровым временем. Кроме того, в них еще раз напоминаются условия, например: «Зубки не показывать, сказки не рассказывать». Обычно бывают упомянуты и наказания проигравшему. Или же тому, кто проговорится, сулят что-либо, ассоциирующееся у детей с неприятным, нежелательным, постыдным:

16. Чок-чок,
Зубы на крючок!
Кто слово скажет —
Тому шелчок.

17. Шел по крыше воробей,
Нес коробочку соплей.
Кто слово скажет —
Тот ее и съест!

18. Кто слово скажет,
Тот Ельцина полюбит —
Раз, два, три!

А вот с каких стишков может начинаться игра «Замри!», когда все по команде замирают в разнообразных позах:

19. Море волнуется — раз,
Море волнуется — два,
Море волнуется — три!
Морская фигура, замри!
20. Кони, кони
Сидели на балконе.

Чай пили, чашки били,
По-турецки говорили:
Чаби, чаляби,
Чаляби, чаби, чаби.
Один конь набрал воды
И другим сказал: замри!

Многие подобные приговорки, организующие и сопровождающие ту или иную игру, являются по происхождению считалками — иногда чуть переиначенными, с продолженными либо измененными текстами.

Девочки любят играть в хлопушки. Двое становятся лицом друг к другу, и чаще всего эта забава представляет собой быстрое и виртуозное слаженное перехлопывание ладонями друг с другом — под такие, например, стишки:

21. Ехала машина темным лесом
За каким-то интересом.
Инти-инти-интерес,
Выходи на букву «эс».
А на буквочке звезда —
Там, где ходят поезда.
Если поезд не пойдет,
Машинист с ума сойдет.
Вышла бабушка Яга

Лишь повесить колдуна.
А колдун висел, висел
И в помойку улетел.
А в помойках жил Борис,
Замечательный актрис.
У него жена актриса,
Замечательная крыса.
Он на ней дрова возил
И за уши тормозил!

Правила хлопушек могут быть усложнены, и тогда это нехитрое развлечение превращается в настоящую парную игру:

22. Летела ворона
В голубых панталонах.
Читала газету
Под номером...

(Тут надо назвать какую-нибудь цифру, и дальше хлопают вплоть до

этой цифры: «Раз, два, три, четыре...»). При этой игре стоят друг перед другом, и один, декламируя, прихлопывает двумя своими ладошками находящуюся между ними ладонь другого. А с последним хлопком надо непременно захлопнуть, поймать, удерживать ладошку другого, который старается успеть выхватить свою руку.

Иногда во время коллективной подвижной игры (в прятки, догонялки, жмурки) ребенку нужно на какое-то время из нее выйти. Обычно это бывает тогда, когда водящий вот-вот настигнет его, совсем уже запыхавшегося, а проигрывать он как не хочется!.. «Я в домике!» — кричит он, тем самым с ходу вводя новое правило: кто спрятался в воображаемом домике, как бы выпадает из условного игрового пространства, и теперь на него прочие правила игры не распространяются. А можно иначе. Можно выскользнуть из игрового времени, только надо предупредить об этом остальных. Например, такими коротенькими игровыми приговорами:

23. Утки, утки,
Я на три минутки!

24. Волга, Волга,
Я надолго!

25. Волга, Волга,
Я ненадолго!

26. Ноль, ноль,
Я больной!

27. Четыре, четыре,
Я на перерыве!

А после, снова входя в игру, нужно крикнуть что-нибудь вроде:

28. Пять, пять,
Я иду играть!

29. Пять, пять,
Я иду опять!

Среди дворовых игр и забав бывает так, что кто-то из детей, найдя что-нибудь интересненькое (блестящий камушек, необычную железячку и т. п.) или достав угощение, желает поделиться с другими — дать кому-нибудь одному кусочек шоколадки либо же показать или отдать насовсем свою находку. Примечательно, что и для такого случая в ритуализированном детском этикете имеется особая форма игрового поведения. Ребенок поднимает руку, зажав что-то свое в кулачке, и громко выкрикивает приговорку:

30. Кому, кому?
Человеку одному.
Кто поднимет первый руку,
Тому дам такую штуку!
Эта штука не моя,

А чужого воробья.
Воробей ушел на рынок
Покупать себе ботинок.
А ботинок стоит пята —
Можно руку поднимать!

И теперь, кто первый подкинет руку вверх да еще с криком: «Мне!» или «Я!», — тому эта штука и достанется.

Особыми стишками сопровождается и такое любимое детьми летнее развлечение — игровой массаж. Где-нибудь на припе-

ке, у речки, когда компания детей загорают, один другого просит: «Сделай мне массаж!» И тот начинает пощипывать, поглаживать, разминать и тереть ему спину, причем каждое действие проходит под определенные фразы. Вот примеры таких массажных стишков (щипалок):

31. Темная ночька *(гладят спину)*,
Комарики кусаются *(щиплют)*.
Царь с царицей
На лавочке ругаются.
Царь уехал за границу *(пальчики бегут через левое плечо)*,
А царица — в Ленинград *(пальчиками — через правое плечо)*.
Царь посеял там пшеницу *(на левой стороне спины проводят по-
лосы-борозды)*,
А царица — виноград *(на правой стороне тычут пальцами)*.
Винограда было много *(тычут часто-часто)*,
А пшеницы — ни шиша *(редкие тычки)*.
Царь заплакал горько-горько *(хватаят за уши и теребят)*,
А царица — ха-ха-ха! *(щекочут под мышками)*.

32. Рельсы, рельсы,
Шпалы, шпалы.
Едет поезд запоздалый.
Из последнего окна
Вдруг посыпалось зерно.
Пришли куры — поклевали,
Пришли гуси — пощипали,
Пришел слон — потоптал,
Пришла слониха — потоптала,
Пришел слоненок — потоптал.
Пришел дворник — всё подмел.
Пришел директор магазина,
Поставил стол, стул, пишущую машинку
И стал писать письмо:
«Я купил жене и дочке
Заграничные чулочки,
А себе и сыну —
По большому апельсину».
Заклеил письмо,
Поставил печать
И послал его.

Известно и такое развлечение. Один ребенок садится другому на колени, тот его ритмично трясет, приговаривая в такт. После чего они меняются местами и все повторяется. Вот какие слова звучат при этом:

33. По кочкам, по кочкам,
По маленьким кусточкам.
В ямку — бух!
А там сидел петух!
Он корчанки сушит,
Сейчас тебя задушит!

Он чай пьет,
Сейчас тебя убьет!

Первые три строчки в этом тексте — это обычная потешка, которой и старшие забавляют малышей, подбрасывая их на коленях. А вот продолжение — это уж творчество самих детей. По поводу словечка «корчанки» шестилетняя девочка, рассказавшая про это такое развлечение, объяснила: «Знаешь, там в стихотворении бывают такие непонятные слова, чтобы была рифма».

Игровую форму принимают и многие детские подделки. Например:

34. Скажут: «Под ногами грязь!» Если ребенок наклонится посмотреть, его ухватят за нос и потянут, приговаривая: «Не кланяйся, я тебе не князь!»

35. Крикнут: «Ворона белая летит!» Если кто-нибудь из детей оглянется, его поддразнят: «Бабушка-оглядушка!»

36. — Хозяин дома?

(Надо отвечать:) — Дома!

— Гармонь готова?

— Готова!

— Поиграть можно?

— Можно!

(И тогда шекотят).

37. — Ты знаком с лошастью Машкой?

(Лучше, чтобы ответ был: «Да!», но и ответ: «Нет!» — тоже сойдет).

— Она шлет тебе огромный привет!..

(И при этих словах надо рукой ущипнуть его за руку или за бок).

Детям часто приходится использовать и такой игровой обычай: при помощи определенной формулы-отговорки они могут с честью выйти из затруднительного и неловкого положения, когда их дразнят. Вот некоторые из этих отговорок:

38. Если хватают обеими руками за шею и душат, спрашивая: «Сколько стран в Москве?», — надо отвечать: «Жить хочу!» Тогда скажут: «На кого укажешь?», — и тут надо показать на кого-нибудь третьего: «На него!» Тогда от тебя отстанут и привяжутся к нему.

39. Если кто-нибудь скажет тебе: «Дурак!», — надо удивленно сказать: «Это ты, а я кто?»

40. Если тебя обозвали: «Козел!», — нужно ответить так: «Козлы играли в домино, бараны прыгали в говно!»

Иногда над головой ребенка другие дети ставят рожки — два растопыренных пальца — да так, чтоб он не видел этого. Приговаривают тихонько:

41. Дом горит — козел не видит!

(Так говорят, пока он не заметит. Тогда скажут:)

Дом сгорел — козел увидел!

Но и на рожки есть отговорки:

42. Это не рога, а пальцы дурака!

43. Спасибо за антенны, я мультики люблю!

У детей имеется мудрый обычай ритуально-игрового замирения. Иногда для этого повздоровившие было ребята соединяют друг с другом загнутые крючками мизинцы на одной из рук и, встряхивая руками, приговаривают стишок-мирилку вроде такого:

44. Мирись, мирись
И больше не дерись!
Если будешь драться,
Я буду кусаться.
А кусаться ни при чем —
Буду драться кирпичом!
А кирпич ломается —
Дружба начинается!
Кря-кря-кря,
Мы с тобой друзья!

(Вариант концовки: вместо двух последних строк — сказать:)

Бабушка придет,
Уши надерет!

Во время совместных забав и развлечений дети охотно загадывают друг другу игровые загадки-задачи. Вот некоторые из них:

45. Муж бабушки, а не дедушка? (Филипп Киркоров).

46. Голова овечья,
Попа человечья,
Двадцать лет страдает.

Все его знают? (Виктор Корено, персонаж телесериала «Просто Мария»).

47. Вторая строчка предыдущей загадки может быть и такой: «...рыло человечье».

48. В город въедет, из города не выедет? (Еда).

49. Едет колесо по асфальту, кто на нем катится? (Микроб).

50. На что дядя Степа шляпу купил? (На деньги).

51. Может ли петух назвать себя птицей? (Нет, он не умеет говорить).

52. Когда машина едет, какое колесо у нее не вертится? (Запасное).

53. Чем отличается первый этаж от девятого? (Когда прыгают с первого этажа, то звук такой: «Бам!» А когда с девятого — такой: «А-а-а-а, бам!»).

54. Почему скелеты пьют молоко? (Потому что молоко укрепляет кости).

55. Почему львы едят сырое мясо? (Потому что они его не умеют жарить).

56. Как делают памятник? (Ставят мертвого и обливают его бетоном).

57. Как расшифровать «СССР»? (Сталин спер сто рублей). На вопрос, кто такой Сталин, семилетняя девочка ответила: «Генерал такой. Может — наш, может — немецкий».

Любят дети устраивать друг другу игровые проверки. Вот, к примеру, проверка памяти:

58. — Хочешь я тебе память проверю?

(Другой отвечает:) — Да!

— Как у тебя маму зовут?

(Ответ).

— Как у тебя папу зовут?

(Ответ).

Далее могут следовать вопросы про имена бабушки и дедушки. А затем:

— Какой я тебе первый вопрос задала?

— Как меня зовут!

— А вот и нет! Первый вопрос был: «Хочешь я у тебя память проверю?»

А вот проверка правдивости:

59. Лес,
Поляна,
На поляне —
Яма!..

Говорят это медленно и в то же время ведут указательным пальцем сверху вниз по лицу испытуемого — по лбу, носу, губам, подбородку. И шекотят шею. Если при этом засмеешься — значит не правдив.

И напоследок — две словесные игры-приговорки. Собственно, это всего только такие стишки, похожие на многие другие детские стишки, песенки и припевки. Просто когда ребенок их произносит, ему нравится само по себе это вот ерничество:

60. ИТАР-ТАСС, ИТАР-ТАСС,
Мы поедем в унитаз!

61. Если у нас — милиция,
А у них — полиция,
То у нас — нос,
А у них — понос!

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

В списке отмечены имена и фамилии детей, от которых записаны фольклорные тексты. Указан возраст детей либо же приведены сведения о классе и школе (о детском саде). Приводится дата записи. Все опубликованные записи сделаны в г. Кирове (Вятке), кроме текстов №№ 1, 13, 16, 34, 46, 47, которые записаны в пос. Оричи Кировской области.

1. Аня Морозова, Оричевская средняя шк., 3 «а» класс, 6 апреля 1994; 2. Света Шалагинова, д/с № 30, подготовительная группа, 30 апреля 1991; 3. Олеся Зубкова, шк. № 47, 1-й класс, 7 апреля 1993; 4—5. Группа учеников, шк. № 32, 3 «д» класс, 27 апреля 1995; 6. Лиза Коршункова, 6 лет, 5 марта 1994; 7. Максим Колеватов, шк. № 52, 1 «г»

класс, 27 ноября 1993; 8. Софья Соснина, 7 лет, 26 февраля 1996; 9. Вера Никулина, шк. № 48, 2 «г» класс, 27 июня 1990; 10. Илона Исупова, шк. № 52, 1 «г» класс, 27 ноября 1993; 11. Максим Зыков, 4 года, д/с № 43, июнь 1993; 12. Костя Тупицын, шк. № 10, 5-й класс, 16 июня 1992; 13. Катя Кучина, Оричевская средняя шк., 3 «а» класс, 6 апреля 1994; 14. Лиза Коршункова, 6 лет, 28 июня 1993; 15. Костя Васнецов и Саша Ершов, шк. № 14, 7 «г» класс, 21 февраля 1993; 16. Андрей Перевалов, Оричевская средняя шк., 3 «а» класс, 6 апреля 1994; 17. Лиза Коршункова, 6 лет, 22 февраля 1994; 18. Лиза Коршункова, 7 лет, 21 мая 1994; 19. Денис Бояринцев, шк. № 14, 6 «в» класс, 21 февраля 1993; 20. Группа девочек, шк. № 37, 5 «в» класс, 8 октября 1992; 21—22. Лиза Коршункова, 6 лет, 22 февраля 1994; 23—29. Лиза Коршункова, 6 лет, апрель 1993; 30. Инна Мочалова, шк. № 40, 1 «а» класс, 8 февраля 1994; 31. Аня Колупаева, шк. № 10, 5 «б» класс, 5 августа 1991; 32. Группа девочек, шк. № 37, 5 «в» класс, 8 октября 1992; 33. Лиза Коршункова, 6 лет, 6 августа 1994; 34. Миша Юферев, Оричевская средняя шк., 1 «б» класс, 6 апреля 1994; 35. Ю. Шихова, 3-й класс, 1993; 36. Лиза Коршункова, 7 лет, 10 июня 1994; 37. Лиза Коршункова, 7 лет, 18 апреля 1994; 38. Лиза Коршункова, 6 лет, 22 февраля 1994; 39. Е. Костромин, 2-й класс, 1990; 40. Алеша Задорожный, химико-биологический лицей, 2-й класс, 1 марта 1993; 41. Группа мальчиков, шк. № 15, 5-й класс, 20 декабря 1992; 42. Юлия Рябова, шк. № 49, 2 «в» класс, 21 февраля 1993; 43. Лиза Коршункова, 6 лет, 22 февраля 1994; 44. Группа девочек, шк. № 37, 5 «в» класс, 8 октября 1992; 45. Софья Соснина, 7 лет, 26 февраля 1995; 46. Таня Чернядьева, Оричевская средняя шк., 1 «б» класс, 6 апреля 1994; 47. Оричевская средняя школа, 3 «а» класс, 6 апреля 1994; 48—49. Коля Лысов и Алеша Задорожный, химико-биологический лицей, 2-й класс, 1 марта 1993; 50—53. Катя Михеева, шк. № 10, 5-й класс, 16 июня 1992; 54—56. Лиза Коршункова, 7 лет, 20 ноября 1994; 57. Лиза Коршункова, 6 лет, 22 февраля 1994; 58. Лиза Коршункова, 7 лет, 18 апреля 1994; 59. Лиза Коршункова, 7 лет, 21 мая 1994; 60. Лиза Коршункова, 7 лет, 23 ноября 1994; 61. Лиза Коршункова, 7 лет, 16 июня 1994.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

В. А. Коршунков: 6, 14, 17—18, 21—29, 33, 36—38, 43, 54—61.
Л. А. Коршункова: 11.
Т. К. Николаева: 1—5, 7—10, 12—13, 15—16, 19—20, 30—32, 34—35, 39—42, 44—53.

В. А. КОРШУНКОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТСКИЕ АНЕКДОТЫ, СТРАШИЛКИ И САДИСТСКИЕ СТИШКИ ВЯТСКОГО КРАЯ

В этой подборке публикуются некоторые образцы очень распространенных ныне жанров детского и подросткового фольклора.

Прежде всего — детские (или малышачьи) анекдоты. «Анекдотами» их называют сами дети. Эти короткие забавные истории действительно похожи на те анекдоты, что звучат в подростковых и взрослых компаниях. Но байки, которые бытуют среди маленьких детей — прежде всего дошкольников, а также младших школьников — имеют и отличительные, присущие только им, особенности.

Маленьким детям не вполне понятны и — уж точно — для них не привлекательны тонкий юмор и сарказм, ирония и абсурд, ерничество и политическая издевка. Их юмор мягче и, пожалуй, примитивнее. В их анекдотах меньше словесной грубости, а неизбежные и в таком возрасте эротические мотивы — приглушенные и простовато-незатейливые. Частые герои этих анекдотов — звери (как и в сказках) либо же персонажи детской литературы и киношно-телевизионно-мультяшные образы: Незнайка, Гена и Чебурашка, Волк и Заяц, Микки Маус, а подчас и разбитные конфетины из въедливой телерекламы — Милки Вэй, Марс да Сникерс. Многие сюжеты и образы перенимаются детьми от взрослых, из их круга анекдотов, но и такие истории в детском обиходе несколько изменяются, обкатываясь, сокращаясь, упрощаясь — словом, приспособляясь к психологии ребенка. К примеру, вляпавшийся в малышачий анекдот политикан начинает вести себя подобно Карабасу-Барабасу, Бармалею или Незнайке, отличаясь тем самым как от своего реального прообраза, так и от одноименного персонажа язвительных взрослых анекдотов, где он в лучшем случае смахивает на бессмертного Ивана-Дурака.

В итоге, иные из детских анекдотцев взрослым могут показаться и несмешными. Но самим-то детям такие байки нравятся, сами-то они с ходу запоминают их, чтобы потом рассказывать друг другу. Значит, для них эти анекдоты и смешны, и важны, будучи необходимой и психологически обусловленной частью их возрастного фольклорного запаса.

1. Приходит Чебурашка к Гене и спрашивает: «Гена, Гена, у тебя есть апевсина?» — «Не апевсина, а апельсина!»

Приходит другой раз: «Гена, Гена, у тебя есть апевсина?» — «Не апевсина, а апельсина!»

Приходит третий раз: «Гена, Гена, у тебя есть апевсина?» — «Не апевсина, а апельсина! Если ты будешь ко мне ходить, я тебя приколочу гвоздями!»

Приходит еще раз: «Гена, Гена, а у тебя есть гвозди?» — «Нет!» — «А молоток?» — «Нет!» — «А чем ты меня приколотишь?»

2. Пришли мальчик с папой в баню. И мальчик говорит: «Папа, папа, ты меня любишь?» — «Люблю». — «А я тебя люблю до луны!» — «А ты маму любишь?» — «Я маму люблю до потолка!» — «А ты бабушку любишь?» — «Я бабушку люблю до ящика!» — «А ты дедушку любишь?» — «Я дедушку люблю до раковины!»

3. Приходит Незнайка в школу. Там его спрашивают: «Как твои бабушка пироги печет?» — «Не знаю». — «Где твой дедушка?» — «Не знаю». — «Где твой папа?» — «Не знаю». — «Где твоя корова?» — «Не знаю».

Приходит домой. Спрашивает бабушку: «Как ты пироги печешь?» — «Тяп-ляп и готово!» — «Где мой дедушка?» — «На фронт уехал». — «Где мой папа?» — «В командировку уехал». — «Где твоя корова?» — «На лугу пасется».

Приходит второй раз в школу. Там его спрашивают: «Как твои бабушка пироги печет?» — «На фронте». — «Где твой дедушка?» — «Тяп-ляп и готово!» — «Где твой папа?» — «На лугу пасется». — «Где твоя корова?» — «В командировке!»

4. Приходит Ванька-Дурак в школу. Его там спрашивают: «Что у тебя на чердаке? Что у тебя в голове? Как надо пироги печь? Как надо писать?» Он на все отвечает: «Не знаю». Ему говорят: «Чтоб дома выучил!»

Приходит домой и спрашивает дедушку: «Дедушка, как надо писать?» — «Ровненько, красиво, гладенько». Спрашивает бабушку: «Как надо пироги печь?» — «Тяп-ляп и готово!» — «Что у тебя на чердаке?» — «Твой старый велосипед, всякие ломаные вещички, игрушки». — «Что у меня в голове?» — «Ум».

Приходит в школу. Его спрашивают: «Выучил?» Он говорит: «Да». — «Что у тебя на чердаке?» — «Ум!» — «Что у тебя в голове?» — «Всякие ломаные вещички, игрушки, мой старый велосипед!» — «Как надо пироги печь?» — «Ровненько, красиво, гладенько!» — «Как надо писать?» — «Тяп-ляп и готово!»

5. Идет мальчик с мамой. Видит — гордый павлин стоит. Мальчик и говорит: «Мама, смотри, курица расцвела!»

6. Лежит лошадь на дороге. Идет человек и говорит: «Лошадь, почему ты здесь лежишь? Тебе здесь не место!» А лошадь и говорит: «Умираю, батюшка!»

7. Мальчик говорит папе: «Папа, хочешь я тебе помогу маме подарок сделать?» — «Какой?» — «Вазу разбить!»

8. Жена мужу загадывает загадку. Муж ее отгадывает. На следующий день у жены рождается ребенок. Ребенок вырастает, и жена ему загадывает загадку. Ребенок ее очень быстро отгадывает. А жена и говорит: «А что ж ты ее так быстро отгадываешь?» — «А я ее еще в животе слышал!»

9. Муха сидит, лапки потирает. — «Чему ты радуешься, муха?» — «Да вот сейчас на площади слона били. Я полетела да как пну!»

10. Купила бабка собаку и не знает, как ее назвать. Дети кричат: «Трусы, трусы!» И назвала ее — Трусы. Купила бабка фирму и назвала ее «Панталоны». Приходят к ней гости. Бабка им и говорит: «Проходите, дорогие гости, в «Панталоны»! Трусы не кусаются».

11. Приходят Гена с Чебурашкой в магазин. Чебурашка и говорит Гене: «Ты, Гена, иди домой. Я за тебя куплю мороженое». А Гене послышалось — «по рожице». Чебурашка говорит: «Дайте мне, пожалуйста, мороженое!» Приходит на следующий день Гена в магазин и говорит: «Дайте мне по рожице!» Ему и говорят: «Вот ты подожди к

милиционеру, он тебе и даст по рожице». Он пошел к милиционеру и говорит: «Дайте мне по рожице!» Он ему дал по рожице. А Гена и говорит: «Нет, мне на палочке надо!»

12. За Петькой и Василием Ивановичем белые охотятся. Вот бегут они от них, видят — дерево. Василий Иванович залез на дерево повыше, потому что он был первым. А Петька — пониже. Белые стали кидаться камнями. Раз — в Петьку попали! Два — в Петьку попали! Потом Петька и говорит Василию Ивановичу: «А давай местами поменяемся!» А сам хитрит. Поменялись они местами. А белые говорят: «Что это мы все в нижнего кидаем? Давайте с верхнего кинем!»

13. Встречаются русский с индейцем. Индеец ему показывает — вот! (Указательный палец — вверх). А русский ему — вот! (Два пальца — указательный и средний — вверх). Индеец ему показывает — вот! (Движение кисти руки сверху вниз, под уклон). А русский ему — вот! (Волнообразные движения рукой). Потом приходит к индейцу индеец. Тот индеец и говорит: «Я ему показываю: ты человек?» (Показывать надо!) А он говорит: «Козел!» Я ему показываю: «Я тебя с горы спущу!» А он мне показывает: «Я плавать умею!» А к русскому приходит русский. Русский говорит: «Он мне показывает: я тебе один глаз выбью! А я ему показываю: я тебе два глаза выбью! Он показывает: я тебя с горы спущу! А я ему показываю: я тебя утоплю!»

14. Малыш видит: влетает Карлсон. Влетел к нему Карлсон. Карлсон ему и говорит: «А почему это ты такой голый?» Малыш отвечает: «Это мой домашний костюм!» А Карлсон весь грязный, неумытый. Карлсон прилетает к себе домой, раздевается тоже, видит: идет трубочист. Заходит к нему трубочист в гости. Трубочист говорит: «Карлсон, ты почему весь такой голый-то?» Карлсон и говорит: «А это мой домашний костюм!» Трубочист и говорит: «Так ты бы его хотя бы выстирал, выгладил!»

15. Алла Пугачева с дочкой пошли в туалет. Забыли они, на какую кнопку надо нажимать. На одной кнопке было написано: «Не нажимайте, а то вы спуститесь». А дочка Аллы Пугачевой нажала. И они вместе с ней спустились. Заходит муж Аллы Пугачевой в туалет. И видит: там Алла Пугачева с дочкой барахтаются!

16. Парень женился на женщине по имени Роза. Пошел он к другу в сад. Парень говорит другу: «О, какая у тебя прекрасная роза!» Жена обиделась, сказала: «Я же ведь твоя жена! Сегодня ты отправляешься в психушку!»

17. Мама говорит Вовочке: «Вовочка, выключи торшер!» Вовочка начал трясти торшер. Мама говорит: «Вовочка, ну как ты его выключаешь?» Тогда Вовочка начал его включать-выключать, включать-выключать... А мама Вовочке говорит: «Ну как же ты, Вовочка, выключаешь торшер? На что тебе рогатка?»

18. Ельцин хотел попасть в тюрьму к Хасбулатову. (Хасбулатов заведовал этой тюрьмой). Ельцин и говорит: «Как мне попасть в тюрьму?» А Хасбулатов говорит: «Заметь на улице старушку с горбом, возьми большую палку и стукни ей по горбу!» Ельцин так и сделал. Встретил на улице старушку с горбом, взял большую палку и стукнул ей по горбу. А старушка и говорит: «Ничё себе, молодежь-то какая пошла, спины исправляют!»

Приходит к Хасбулатову и говорит: «А почему меня в тюрьму-то не посадили?» Хасбулатов и говорит: «А ты построй лестницу большую, залезь на нее и кричи: «Гена с Чебурашкой в контейнер упали!» Ельцин так и сделал. Построил он большую лестницу, залез на нее и начал кричать. Но кричать-то он постеснялся и начал говорить: «Гена с Чебурашкой в контейнер упали!»

Подходит он к Хасбулатову и говорит: «А почему меня в тюрьму-то не посадили?!» А Хасбулатов и говорит: «А ты подойди к товарищу милиционеру, он тебя и посадит!» Так Ельцин и сделал. Ельцин подошел к товарищу милиционеру и сказал: «Товарищ милиционер, я бандит!» Товарищ милиционер и говорит: «Тихо, я тоже!»

19. Ельцин говорит Хасбулатову: «Почему ты на съезде-то меня не слушал?» Хасбулатов говорит: «Да вот!» Ельцин: «Да чего — да вот?» Хасбулатов снова: «Да вот! Мне жена на 8 Марта шаньги подарила. А мне их надо было есть!»

Прозаические страшилки (страшные истории) имеют давние корни. Нечто подобное в детских и подростковых компаниях (особенно среди девочек) звучало и в прошлом веке. Но повсеместное распространение и необычайная их популярность пришлось уже на послевоенное время. Как правило, они рассказывались вечером, в темноте и при большом скоплении детей — в пионерском лагере, в больничной палате после отбоя... В них умело нагнеталось тягостное и ужасное предчувствие, а в самом конце голосом и стремительным действием подчеркивалась кульминация. Например, среди жуткой тишины надо было крикнуть: «Отдай мою руку!!!» — и цапнуть за руку того, кто поближе.

Вероятно, в детской психологии (как и в психологии человека вообще) заложена неизбывная тяга к страшному, таинственному, опасному — ко всему тому, что гибелью грозит. А такие вот истории являются и чем-то вроде необходимой для ребенка тренировки эмоций: с одной стороны, действительно страшно, а с другой — это же всё понарошку, не взаправду, да и кругом все свои, и за руку тебя хватает не чудовищный вампир, а соседка Маша... Примечательно, что в последние годы появляется все больше и больше антистрашилок (хэппиэндов, страшилок-перевертышей). В них обычное мрачное начало, обычное нагнетание кошмарного финала, а после — внезапное шуточное завершение. Безусловно, на нынешнее состояние страшилок влияет и телевизионно-компьютерно-видеоигровая культура: жестокие мультики, боевики, ужастики, стрелялки-молотилки — где полным-полно страхов, тайн и смертоубийств, монстров и вампиров, но всё это тоже как бы не всерьез. Да и рассказываются теперь страшилки и антистрашилки всё чаще в самой заурядной обстановке... Так что не случайна уже подмечавшаяся близость современных страшных историй (и особенно их пародийных перевертышей) к анекдотам¹.

20. Жили жена с мужем. И у жены было красивое кольцо. Муж ее убил, чтобы завладеть кольцом. Уже на кладбище, когда копали яму, муж хотел снять кольцо у нее с пальца. И он отрубил палец, так как снять кольцо не удалось. И положил в шкаф. И вот как-то раз он опять попытался снять кольцо, открыл шкаф — а оттуда дух жены вылетел: «Дай твой палец!!!» (Надо хватать слушателя за палец).

21. Жила мачеха, и у ней была падчерица. Жили они плохо, мачеха падчерицу не любила. Падчерица пошла на рынок овощи покупать. Там одна бабка была. Попросила ее бабка сумку донести. Повела ее бабка в лес, в свой дом. Там слепила из хлеба человечка. Дала девочке иголку и говорит: «Истыкай хлебного человечка иголкой — все твои беды кончатся». Девочка так и сделала. Пришла домой — а там уже милиция, скорая помощь... Смотрит: лежит мачеха, а на ней — много ножевых ран!

22. Один раз девочка на рынке что-то покупала и встретила ведьму. Ведьма ей говорит: «Товар у меня дома». Девочка с ней пошла. Завела она девочку в лес, привела к себе домой. И говорит: «Подожди здесь, не заходи в дом, я сама тебе всё вынесу». А девочка не послушалась ее, зашла в дом. Видит: кругом головы валяются, туловища, пальцы отрубленные, крови везде много, ножей, булькает там что-то... Она уже хотела идти — вдруг дверь за ней захлопнулась! Смотрит: а там ведьма стоит! Ведьма ей голову и отрубила. И сказала при этом: «Твоя мать и твои сестры тоже станут ведьмами!»

Вот девочку уже похоронили, время прошло. И ее матери как-то раз приснилась отрубленная голова. Эта голова ей сказала: «Уходите из дома, идите в храм и живите там, а то вас покарает страшная участь!» Она не поверила.

Вот потом пошла она в магазин за хлебом. Подходит к двери, хочет взяться за ручку — вдруг дверь открылась и вышел кот. И сказал: «Уходите из дома, а то ведьма вас покарает!» Приходит она домой, хочет хлеб положить в хлебницу, открывает ее — а там голова! И говорит матери: «Уходите скорей, а то в 12 часов ночи сюда явится ведьма!»

А они не успели. И вот в 12 часов — гроза! И появилась ведьма! И ведьма спалила их. И они тоже стали ведьмами!

23. Девочка сидит дома одна, и вдруг радио говорит: «Девочка-девочка, закрой все окна и двери! Гроб на колесиках нашел твой город!» Через некоторое время — снова: «Девочка-девочка, гроб на колесиках нашел твою улицу!» Потом: «Девочка-девочка, закрой все окна и двери! Гроб на колесиках нашел твой дом!» Потом опять: «Девочка-девочка, гроб на колесиках нашел твой подъезд!» Девочка-девочка, гроб на колесиках нашел твой этаж!.. Гроб на колесиках нашел твою квартиру!» Девочка не выдержала, бросилась в окно со страху! Вот она уже почти умирает... А радио и говорит: «Вы прослушали передачу «Напугай себя сам»!»

24. **Вариант концовки.** Дверь распахнулась — и гроб на колесиках въехал в квартиру! Девочка взяла топор... Тут крышка гроба откидывается, а там — чертенок: «Покататься даже не дают!»

25. В черном-черном поле стоит черный-черный лес. В черном-черном лесу стоит черный-черный двор. В черном-черном дворе стоит

черный-черный дом. В черном-черном доме есть черная-черная комната. В черной-черной комнате стоит черный-черный стол. На черном-черном столе стоит черный-черный гроб. Наступает черная-черная ночь. Открывается черный-черный гроб. Поднимается черный-черный покойник. И говорит: «Отдай мне мои тапки!!»

Страшилками называют также и коротенькие стихотворные тексты чернушного содержания. Иначе их зовут садистскими стишками, жестокими куплетами, садистскими частушками. Нередко эти вирши напевают, перемежая бесконечный ряд куплетов припевом — например, про старушку в высоковольтных проводах, которая «недолго мучалась»... Мотивчик тоже бывает хорош — образцово-советский, красноармейско-героический: «От тайги до британских морей».

Садистские частушки нередко причисляют к детскому фольклору. Спору нет, детишки их знают и охотно распевают, выкрикивают, декламируют. Но все же это скорее фольклор подростковый, даже студенческий, околоинтеллигентский (так сказать, мешанский) — именно в этих, преимущественно городских, слоях общества продуцируется и расходится эта чернуха. А маленькие дети, как обычно, ее перенимают и иногда чуть переиначивают, смещают акценты. При этом собственно чернушная суть подчас даже затушевывается.

Омерзение, которое у мирного обывателя вызывают эти куплеты, вполне понятно. Однако народное творчество всегда в той или иной мере отражало глубинные умонастроения большого числа людей. Поэтому так важно задуматься над тем, почему этот жанр, выкристаллизовавшийся где-то в подсознании советского человека, внезапно всплыл и вмиг приобрел неслыханную популярность. Хотя вполне возможно, что у истоков этого жанра может быть обнаружена вполне конкретная компания хиппующих студентов Ленинградского университета, во вполне конкретных обстоятельствах положившая начало таким вот куплетикам². Но искусственность, нарочитость, сделанность, придуманность первых образцов этого жанра лишь оттеняется естественностью и стремительностью его распространения.

Только не надо слишком уж серьезно относиться к содержанию садистских стишков. Чудовищно затейливые способы смертоубийства, смакование кровавых подробностей — всё это в садистских стишках понарошечное, карикатурное, сродни развесистой клюкве, залитой клюквенным соком. Характерно, что по образцу настоящих сажулек, бодренько живописующих разные ужасы, создаются и хэппиэндочки — наподобие тех перевертышей, что переиначивают жутковатый смысл прозаических страшилок. В стихотворных антистрашилках традиционное начало, нагнетающее страх, уравнивается лучезарной кон-

цовкой — опасности оказываются мнимыми. Так что эти стихи выявляют еще одно типичное свойство современного подраста — ироничность.

Стихотворные страшилки вообще более искусственны и, так сказать, менее фольклорны, чем прозаические. Тем более это относится к стихотворным хэппиэндовкам. Многие из них, даже ставшие весьма популярными в народе, несут на себе явные признаки авторского происхождения. Поэтому в приложении приведены для примера пять хэппиэндовок, написанных Е. С. Останиным и впервые опубликованных в газете «Вятский край» за 1 мая 1996 года.

26. Недолго мучалась старушка
В высоковольтных проводах.
Ее обугленную тушку
Нашли тимуровцы в кустах!

27. Маленький мальчик нашел пистолет —
Больше в деревне очкариков нет!

28. Дети в подвале играли в гестапо —
Зверски замучен сантехник Потапов.
Ноги гвоздями прибиты к затылку,
Но он не выдал, где спрятал бутылку.
Дети смеются, Потапов кричит —
В попе включенный паяльник торчит!

29. Маленький мальчик веревку нашел,
С этой игрушкой он в школу пришел.
Долго смеялись вожатые, дети:
Лысый директор висел в туалете.

30. Маленький мальчик проделывал сальто —
Долго его отскребали с асфальта.

31. Маленький мальчик по стройке гулял,
В бочку с бензином мальчик попал.
Стал задыхаться, высунул нос —
Добренький дядя спичку поднес!

32. Маленький мальчик в подвале играл,
Разные краники там разбирал.
Вскоре воды горячий поток
Вынес вареного мяса кусок!

33. Маленький мальчик рыбу удил,
Сзади к нему подплывал крокодил.
Долго кричал крокодил-старичок —
В горле застрял пионерский значок!

34. Маленький мальчик на грушу залез.
Дядя Анисим вынес обрез.

Грянул выстрел — мальчик упал.
«Сорок девятый», — Анисим сказал.

35. В поле работали два землекопа,
Нашли они мину возле окопа.
Быстро сработал ручной механизм,
Долго над полем летал организм!

36. Московские дети играли в фашистов —
Домой не вернулись семьсот коммунистов!

37. Дети в подвале играли в больницу —
Умер при родах профессор Капица!

38. Девочка Лена по городу шла,
Дохлую кошку в канаве нашла.
Кости обглоданы, кожа висит,
Сытая Лена в канаве сидит.

39. Маленький мальчик нашел самокат —
Больше в деревне столбы не стоят!

40. Маленький мальчик нашел динамит —
Больше полгода деревня горит!

41. Маленький мальчик нашел автомат —
Больше в деревне той жить не хотят!

42. Туго натянута ниточка змея,
Мальчик по крыше бежит, не робея.
Глухо о землю ударились кости...
Нет, не поедет он к бабушке в гости!

43. Дочка у мамы просила конфетку.
Мама сказала: «Сунь пальцы в розетку!»
Долго смеялись мама и гости —
От дочки остались одни только кости!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Катя у мамы просила конфетку.
Мама сказала: «Сунь пальцы в розетку!»
Катенька наша осталась цела —
Ведь та розетка с вареньем была!

Яша большой пистолет зарядил,
Феде Капустину в лоб угодил!
Федя смеется, Федя живой —
Бил пистолет водяною струей!

Маленький мальчик химиком был.
Что-то подсыпал, что-то подлил,

Спичку поднес, окаянный бандит!
Только вот сода с водой не горит.

Девочка в поле гранату нашла.
«Что это, дядя?» — спросила она.
«Это — из Грузии», — дядя сказал
И вместе с нею гранат тот сжевал.

Маленький мальчик на лифте катался.
Все хорошо, только трос оборвался.
Зря вы заплакать собрались уже —
Это на первом стряслось этаже!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кулагина А. В. Современная детская проза: Обыденное, смешное и страшное // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов. Вып. 2 / Сост. И. Е. Герасимова. М., 1996. С. 68—69.

2. Белоусов А. Ф. Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «саdistских стихков» // Лотмановский сборник. 1. М., 1995. С. 681—691; Его же. Возникновение «саdistских стихков»: Предыстория фольклорного жанра // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов. Вып. 2 / Сост. И. Е. Герасимова. М., 1996. С. 87—90.

* * *

Публикуемые тексты записаны в г. Кирове (Вятке) от детей и подростков. Тексты №№ 1—8; 10—24; 43 — В. А. Коршунковым, №№ 9; 25—29 — Т. К. Николаевой, а тексты №№ 30—42 взяты из рукописного альбома.

1—7. Лиза Коршункова, 5—6 лет, 1993; 8. Лиза Коршункова, 7 лет, 1994; 9. Андрей Сарычев, шк. № 47, 1-й класс, 1993; 10—19. Лиза Коршункова, 6—7 лет, 1994; 20—24. Яша Останин, 10 лет, 1997; 25. Женя Титов, шк. № 40, 3 «б» класс, 1993; 26—29. Сережа Норин, Саша Ершов, Костя Васнецов (7-й класс) и Альберт Васнецов (5-й класс), 1993; 30—42. Из анонимного рукописного альбома-песенника, предположительно девочки 12—15 лет. Альбом велся, вероятно, во второй половине 1980-х годов. Найден М. С. Судовиковым в г. Кирове (Вятке), хранится в личном архиве В. А. Коршункова; 43. Лиза Коршункова, 10 лет, 1997.

В. Ю. ХОЛМАНСКИХ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ ОБЛАСТНОГО ДОМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА «СЛОБОДА»

Фольклорный ансамбль «Слобода» организовался в апреле 1991 года при областном Доме народного творчества, который является основным методическим центром по работе с фольклорными коллективами. Ансамбль создавался с целью не толь-

ко концерттировать, но на его основе должны проводиться творческие лаборатории, поэтому и задачи, ставившиеся перед коллективом, были обширны: соби́рание вятского музыкального фольклора и через концертные выступления — активная его пропаганда, учеба руководителей других ансамблей, обмен опытом.

На основе материала, собранного руководителями Владимиром и Ириной Холманских в Юрьянском районе, за два месяца была сделана первая программа, с которой коллектив мог выступать на концертных площадках. Попробовать свои силы представилась возможность на Дне города Кирова-91, а затем последовало приглашение на Международный фестиваль фольклора «Жемчужина Севера», проходившего в г. Архангельске. Многочисленные творческие встречи, новые друзья, поездка на теплоходе по Северной Двине, удачные выступления перед архангелогородцами — все это способствовало становлению коллектива, определило его творческий потенциал. Поэтому и приглашение на следующий фестиваль, проходивший через два года, коллектив воспринял с особой радостью и воодушевлением, значит уже на стадии становления показал себя как ищущий, творческий, имеющий хороший потенциал. «Слобода» не разочаровала и в следующий приезд.

За годы своего существования ансамбль смогли увидеть жители городов Архангельска, Орла, Каргополя, Котласа, Череповца, Санкт-Петербурга, Москвы и др. А поездка в феврале 1994 г. в город Смоленск на П Всероссийский телерадиоконкурс исполнителей народной песни «Голоса России» принесла еще и звание лауреата.

Необходимо отметить, что ансамбль — частый гость и в районах нашей области: Нагорск и Юрья, Опарино и Вятские Поляны, Слободской и Котельнич, Афанасьево и Мураши — вот неполный перечень поселков и городов, где успел побывать фольклорный ансамбль «Слобода». Подобные поездки позволяют ансамблю не только приобрести опыт в выступлениях, встретиться с другими фольклорными коллективами, обменяться собранными песенными материалами, получить радость общения. Однако главная деятельность — концерты, в которых участники пытаются донести до зрителей красоту текстов вятской народной песни, ее различные музыкальные оттенки, задористость частушки. В последние годы ансамбль подготовил несколько программ, в которых используются элементы обрядов, фольклорного театра.

У некоторых участников коллектива есть своя «специализация», так, например, Андрей Плехов занимается в коллективе с момента его организации. И его по праву можно назвать

«изюминкой» ансамбля. Когда Андрей выходит на сцену петь частушки, уже знаешь, что с залом будет налажен полный контакт, что будут продолжительные аплодисменты.

Однажды, в интервью на радио, Андрей сказал: «С малых лет я пою частушки, и, когда пою, я все забываю!» А уж зритель сразу видит неподдельность и искренность в выступлении и всегда тепло встречает его.

Фольклор сам по себе подразумевает непосредственное участие всех, кто с ним соприкасается. В нем не должно быть разделения на группы исполнителей и пассивных зрителей. Поэтому и свое выступление ансамбль строит так, чтобы сидящие в зале зрители активно подключались к происходящему на сцене, сами участвовали в различных фрагментах концерта, будь то игра, пляска или свадебный обряд.

Постоянный творческий поиск позволяет ансамблю жить, активно выступать на концертных площадках, приносить радость людям от общения с фольклором Вятского края.

В. А. ПОЗДЕЕВ

СВИДЕТЕЛИ И ЛЕТОПИСЦЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сведения о Вятской земле встречаются уже в XVI в. и принадлежат иностранцам, однако они слишком отрывочны, в них соединены географические, исторические и в меньшей степени этнографические описания. Например, в «Записках о Московии» австрийца Сигизмунда фон Герберштейна¹, или в XVII в. «История о великом княжестве Московском» шведа Петра Петрея де Ерлезунда². Некоторые этнографические сведения разбросаны и по различным документам XVII—XVIII вв.: местным летописям, житиям местных святых, писцовым и переписным, дозорным и расходным книгам. В XVIII в. появляются описания русских путешественников: так в 1739 г. поручик Клешнин по поручению В. Н. Татищева собирает вятский летописный материал. Во второй половине XVIII в. сведения о Вятке встречаются в описаниях Н. П. Рычкова, в экспедиционных материалах географа академика И. И. Лепехина, академика П. С. Палласа, И. П. Фалька³.

Фольклор, язык и этнография Вятской земли, как и во всех губерниях России, активно начинает собираться и изучаться только в XIX в. Особо пристальное внимание к быту и культуре народов, населяющих Вятскую землю (русских, марийцев, удмуртов, коми, татар и др.), можно отнести к 30—40-м годам

XIX в. Такая работа осуществлялась как краеведами-любителями, представителями самых широких демократических слоев вятчан (сельскими священниками и учителями, писарями и грамотными крестьянами), так и видными учеными, писателями, деятелями культуры, которые выросли или волею судеб оказались на Вятской земле. Тогда же впервые в губернии начала выходить газета «Вятские губернские ведомости», в «Части неофициальной» которой помещались заметки о быте и нравах разных народов.

40-е годы XIX в. ознаменованы созданием статистического комитета. Программа деятельности этого органа предусматривала наряду с географическими, экономическими, статистическими и другими сведениями собирать и сведения по этнографии. В становлении вятского статистического комитета принял участие А. И. Герцен, сосланный в Вятку. Установлено, что А. И. Герцен, будучи в Вятке, написал несколько статей этнографического характера, помещенных без подписи в «ВГВ»: «Вотьяки и черемисы», «Русские крестьяне Вятской губернии». В 1837 г. Герцен принял участие в организации выставки, показывающей промышленность, сельское хозяйство, народные промыслы и этнографию Вятской губернии⁴.

Еще одним заметным явлением общероссийского масштаба, которое также стало толчком для собирания и изучения этнографии и фольклора, было образование Русского географического общества (РГО) в 1845 г., а также открытие в Академии наук Отделения русского языка и словесности. Научными руководителями Отделения академиком К. М. Бэр, К. Д. Кавелиным и Н. И. Надеждиным были разработаны вопросники и инструкции для собирателей материалов по этнографии⁵.

В первых программах РГО основной упор делался на собирание языкового материала, однако, записывать его необходимо было в контексте и в связи с многогранной жизнью народа: хозяйством, семейным укладом, бытом, обычаями, обрядами, верованиями и т. д. Скоро этнографические исследования РГО заняли одно из первых мест, в том числе и вопросы фольклора, причем не только русского, но и всех народов. В инструкциях и программах поставлены задачи изучения «народного быта». В них были вопросы, например, «есть ли в народе такие словесные памятники, которые помнятся и передаются слово в слово?», вопросы о народной эстетике, а также вопросы о народных забавах, играх, плясках, музыке, напевах песен, о вкусе к зрелищам и т. д.⁶

В Вятской губернии период 40—60-х годов XIX в. характерен тем, что многие собиратели давали общую картину народного быта, как правило, описательного характера без оценки

собранных фактов. Это время сохранило имена активных собирателей этнографии и фольклора: Н. Г. Кибардин, С. М. Осокин, И. Н. Савинов, Е. Пухов, В. Пасынков, Гр. Зыков, И. Красноперов, А. Шубин, И. Глушков, Н. Бехтерев⁷. Они публиковали свои материалы в газете «Вятские губернские ведомости» и посылали их в архив Русского географического общества, где они находятся и теперь. В 1913—1916 гг. Д. К. Зеленин описал эти материалы.

Публиковались этнографические очерки, в которых приводилось описание быта, календарные и семейные обряды, очень часто свадьбы. Фольклорные произведения в этих статьях приводились в ходе описания обрядов. Например, в статье А. Шубина «Сведения о быте крестьян Малмыжского уезда» (1841) был приведен текст коляды «Я ходила, коляда, накануне рождества». В очерке Н. Кибардина «Кайская свадьба» (1846), рукопись которого хранится в Архиве РГО, приведено довольно подробное описание свадебного обряда и обрядовая приуроченность того или иного причета или песни. Песни масленичные, на свадьбе и родине опубликованы в статье П. (Н) Г. Кибардина, которые были представлены для РГО. Как отмечает в библиографии Л. В. Дьяконов: «В состав полностью приведенной коляды входит историческая песня «Все про вора, все про Ваську про Голицына, заедает он, собака, царско жалованье». Очерки С. Осокина «Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (Вятской губернии)» и «Сельская свадьба в Малмыжском уезде» (1857) интересны тем, что в них даны этнографические описания не только свадьбы, но похорон. В последнем приведены 37 песен и плачей. В 1857—1858 гг. И. Савинов в очерках об общественной жизни, промышленности говорит о традиционных жанрах фольклора и о некоторых источниках возникновения новых песен, в частности указывает на бурлачество и солдатчину.

Довольно популярный жанр в XIX в. духовных стихов, ныне вновь обративший на себя внимание, был представлен в сборнике известного собирателя В. Варенцова. 10 текстов были записаны в Нолинском уезде самим составителем.

Загадкой остаются сведения о рукописном сборнике Н. А. Александрова. П. В. Шейн привел в своем сборнике «Великорусс...» два материала с пометой «Из рукописного сборника Н. А. Александрова» — в I томе, вып. I масленичные и святочные песни, а в томе I, вып. II — описание свадьбы, однако, этот очерк был опубликован раньше в ВГВ за 1860 г. И. Краснопоровым «Крестьянская свадьба в Слободском уезде» (22 текста). В 1861 г. в ВГВ публикуют обширное описание свадьбы в Елабужском уезде, которое также было перепечатано в сборнике П. В. Шейна.

Середина 60—70-х годов XIX в. ознаменована повышенным интересом к быту, верованиям, обрядам инородцев (вотяков, пермяков, черемисов). В это же время проводят научные экспедиции: филологи М. А. Колосов, Ф. М. Истомин, музыкант К. М. Ляпунов.

Профессор Варшавского университета М. А. Колосов по итогам экспедиции в Вятскую губернию опубликовал несколько статей, в которых отнес ее к числу очень бедных фольклорным материалом, хотя и привел 39 песен (колядки, свадебные, подблюдные, хороводные, исторические). Его замечания первоначально отрицательно повлияли на организацию серьезных экспедиций в Вятскую губернию, но в 80-е годы местные собиратели попытались опровергнуть такое мнение.

В 80—90-е гг. XIX в. и до начала XX в. картина постепенно меняется. Появляется первый сборник песен с нотами Н. Абрамычева (1879).

Богатый фольклорный и этнографический материал собрал и опубликовал в 1883 г. политический ссыльный Н. А. Добротворский. Его некоторые неопубликованные рукописи хранятся в архиве РГО. Заметным явлением стала публикация статьи В. К. Магницкого «Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии» (1883), в которой автор приводит массу этнографического и фольклорного материала из собственных записей и записей крестьян. Такая обширная информация о народном быте: от рождения до смерти, различные верования, приметы и т. п. составляет своеобразную энциклопедию, которая не утратила своего значения и в настоящее время.

Мир вятских детей довольно скупо представлен в публикациях XIX в., однако, в этом ряду стоит особо выделить книгу Е. А. Покровского «Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной)» (1887). В ней известный в свое время педиатр, антрополог, психолог, педагог собрал описание нескольких десятков различных вятских игр: подвижных, с хороводами, с игрушками, с мячом и палками, с шарами, с костями, домашних и уличных, летних и зимних, различные виды жребия. Среди корреспондентов Покровского были сельский учитель В. Тихомиров, секретарь губернского статистического комитета Н. А. Спасский и некто Тихомович из Елабуги.

Сельские учителя были, пожалуй, самыми активными и основными собирателями произведений народного творчества. А. Л. Полушкина посвятила собиранию фольклора несколько лет своей короткой жизни. Итогом ее работы стал очерк «Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии» (1892). Издание вышло после

смерти А. Л. Полушкиной, его предпринял И. М. Софийский, который в комментариях приводит и записи других учительниц.

В 1893 году появилось собрание вятских песен С. Л. Скворцовой «Народные песни Вятской губернии», в котором было представлено 124 песенных текста многих жанров: детские, прибаутки и песенки, свадебные, святочные, хороводные, семиковые, троичские, масленичные, песни рабочих, рекрутские, 23 подблюдные песни. Записи сделаны в Вятском, Орловском, Котельническом и Нолинском уездах. «Вообще все песни Вятской губернии, — писала в предисловии собирательница, — мало содержат в себе поэзии. Какую ни возьмешь из песен, везде этот реализм, постоянное напоминание действительной жизни, жизни прозы, труда, дневной заботы, грубой иронии»⁶. Такая характеристика вятского крестьянского фольклора закономерна для того времени, потому что она отражает взгляды интеллигенции на быт и эстетические взгляды простого народа.

«Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии» (1894) стали особым сборником вятских песен не только потому что он был собран младшим братом художников Васнецовых и был издан при их содействии, но это самый значительный сборник XIX в. В него вошло 385 песенных текстов, собранных в период с 1868 по 1894 год преимущественно в селе Шурма Уржумского уезда. В развернутом предисловии к сборнику А. Васнецов писал: «Одни песни касаются настоящего времени, другие уносят нас в седую старину, во времена разбойничества, которое воспеваеся, как молодецкое удалство. Чем стариннее песня, тем сильнее выразилось в ней богатство творчества, тем глубже она по содержанию, тем раздольнее, разнообразнее ее могучий напев»⁷. Состав сборника довольно разнообразен, в нем представлены исторические, солдатские, хороводные, игровые, любовные, подблюдные, особый раздел составляют причеты невесты, свадебные и величальные песни, приговоры дружки. Н. М. Каринский в статье «Экскурс в область вятской народной песни» подробно рассматривает сборник Васнецова, приводит, по воспоминаниям самого собирателя, где и в какое время были записаны песни. Так 263 песни в сборнике из с. Шурмы, 70 — из с. Рябово. В приложении к статье даны и напевы песен, записанные преподавателем пения И. Матвеевым с голоса самого Александра Васнецова. Переиздание сборника А. Васнецова, подготовленное Л. В. Дьяконовым в 1949 г., ценно тем, что в книге собрана библиография фольклорных публикаций вятских материалов с 1841 по 1894 год (до сборника Васнецова).

Конец XIX — начало XX в. — это период, на который приходится наибольшее число изданий вятского фольклора.

Фольклор и этнографические сведения о народном быте широко публикуются на страницах центральных и местных периодических изданий («Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Памятная книжка Вятской губернии», «Вятская речь» и многие другие). Результатами обследования Вятской губернии явились солидные научные публикации сказок (8 сказок в журнале «Живая старина», вып. 11-У, — Пг., 1914; Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии, — Пг., 1915; и в Сборнике великорусских сказок архива РГО, изд. А. М. Смирновым — Пг., 1917); песен (Н. И. Абрамычев. Сборник русских народных песен Вятской губернии — СПб., 1879; А. М. Васнецов. Песни Северо-Восточной России, — М., 1894; Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году, — СПб., 1899), частушек (статьи и публикации Д. К. Зеленина).

Работы Д. К. Зеленина характеризует широта охвата: пословицы, поговорки, присловья, приговоры дружки, частушки, сказки, обряды, а также обширный этнографический материал. Ученый не только давал тексты, но и использовал их в своих изысканиях, смелых сопоставлениях, которые позволяли ему решать проблемы заселения Вятской земли, диалектных особенностей, этногенеза вятчан вообще. Названные работы дают возможность осмыслить процессы, показать историческую динамику богатой местной фольклорной традиции в разнообразии жанрового и сюжетного состава, ее состояние в конце XIX — начале XX в.

В 1920—1940-е годы не появилось сколько-нибудь солидных вятских фольклорных сборников или этнографических трудов. Небольшие работы появлялись в изданиях Научно-исследовательского института краеведения, Вятского государственного пединститута, краеведческого музея.

Публикации народного творчества в периодической печати этого времени подвергались тщательной цензуре. В одной из статей местный руководитель комсомола Александр Рабочий призывал: «В деревне — шатанье, по колено в грязи, с пением «Прохожей» — обычное занятие крестьянских ребят. До сих пор мы слишком мало обращали внимания на использование революционных рабочих песен, как лучшего и самого простого агитационного средства. И этот недостаток необходимо немедленно устранить. Взяться за разучивание пролетарских песен — это очередная задача местных организаций союза. Нужно использовать громадное влечение молодежи к общему пению. Вместо старых песен нужно приучить молодежь петь новые песни»¹⁰. И такие песни, частушки, самодельные примитивные стихи появляются в большом количестве, поэтому сборник «Фольклор Ки-

ровской области» 1937 г. не стал заметным явлением, он был выдержан в идеологических рамках того времени.

Процесс вымывания традиционного фольклора фиксировался различными экспедициями. Так в 30-е годы. фольклорно-этнографические исследования, проведенные под руководством профессора Н. М. Каринского, Е. Матвеевой и студентов КГПИ, показывают, что количество традиционного обрядового, песенного и прозаического фольклора еще довольно велико. Однако, анализ материалов 30—40-х годов в архиве Л. В. Дьяконова, публикаций в местной прессе свидетельствует о том, что произошло резкое переориентирование на современные жанры: частушку, авторскую массовую песню и песни, созданные в народных коллективах.

Такая тенденция характерна и в послевоенный период 50—60-х годов. Как пишет в газете «Комсомольское племя» за 1952 г. известная собирательница и исследователь фольклора Э. В. Померанцева, которая непосредственно принимала участие в экспедиции, «в 1951 году кафедра фольклора Московского Государственного университета направила одну из своих экспедиций в колхоз «Красный Октябрь» Вожгальского района Кировской области»¹¹. Выбор этого колхоза, нам кажется, был не случайным, так как в этом колхозе была «сочинена» ставшая известной по многочисленным газетным публикациям «народная»

Илл. 101. Участники фольклорно-этнографической экспедиции 1928 г.

Илл. 102. И. А. Мохирев и В. Харьков записывают участников фольклорного ансамбля

песня «Мимо садика дороженька торна», в которой славилась колхозная жизнь.

Ярким контрастом к песням прошлого звучали советские массовые песни, которые не только преобладали в репертуаре молодежи, охотно пелись и пожилыми, вытесняя таким образом традиционный фольклор. Членами экспедиции зарегистрировано 67 песен советских поэтов и композиторов, которые прочно вошли в репертуар колхозников «Красного Октября». Особенно много, часто и охотно поются песни Исаковского. Местная тематика наиболее яркое выражение нашла в частушке.

Систематическая работа по собиранию и изучению фольклора Кировской области началась лишь после 1957 г., когда в КГПИ были организо-

Илл. 103. А. И. Овчинникова

ваны фольклорные экспедиции под руководством И. А. Мохирева, в которых участвовали студенты В. Бакина, Л. Григорьева, Г. Десяткова, С. Куликова, Т. Лаженицына, методист Дома народного творчества В. Краснуха и др. С 1959 г. эти экспедиции стали совместными с преподавателями и студентами музыкально-педагогического института им. Гнесиных, руководил ими музыковед-фольклорист В. Харьков. Активными собирателями были студенты-музыковеды С. Браз, Э. Каржаубаева, С. Севастьянова, И. Смирнова, М. Седова, Е. Демиденко, И. Истомин, Г. Карасиков. Было собрано свыше 1000 вятских народных песен. Объединенные усилия по собиранию произведений разных жанров завершились совместной работой над сборником «Народные песни Кировской области» (1966). Он содержит 232 песенных текста с нотами и состоит из нескольких разделов. Особенно много песен было записано в с. Ашлань Уржумского района от хора, руководимого прекрасной певицей Анастасией Ивановной Овчинниковой, в с. Шурма того же района, в Верхнекамском, Белохолуницком и Слободском районах.

Собирательскую работу в 70—80-х годах продолжила С. Л. Браз, которая на основе собранной коллекции вятских песен, хранящихся в ее личном архиве и архиве института им. Гнесиных, защитила диссертацию на соискание кандидата искусствоведения. С. Л. Браз активно пропагандирует вятскую песню, ею изданы несколько сборников, опубликованы десятки статей по проблемам вятской песни.

Популярным изданием стал сборник «Вятские песни, сказки, легенды: Произведения народного творчества Кировской области, собранные в 1957—1973 гг.», составленный И. А. Мохиревым, С. Л. Браз (1974). В нем опубликованы не только песни, но и пословицы, поговорки, сказки, драма «Ермак», легенды и предания, частушки, есть небольшая статья «Из истории краеведческой фольклористики».

В 1977 г. собрание вятских песен пополнилось напевами Кайского края, записанными доктором искусствоведения А. В. Рудневой от уроженки Слободского района Кировской области А. А. Кениной. Ценность этого издания в том, что оно дополнено гибкой пластинкой.

С 1978 г. в педагогическом институте введена фольклорная практика студентов-филологов. Студенты выезжали в некоторые районы области и вели собирательскую работу под руководством доцентов И. А. Мохирева и В. А. Поздеева. Материалы практик и экспедиций хранятся в фольклорном архиве института.

Комплексное фольклорное и этнографическое обследование на территории области было предпринято в 1982—1983 гг. совместной экспедицией кафедры этнографии МГУ и студента-

Илл. 104. Раскопки Старо-Бурецкого поселения. Малмыжский район

Илл. 105. Участники археологической экспедиции Кировского краеведческого музея. 1989 г. Вторая слева — Л. А. Сенникова, зав. сектором археологии краеведческого музея, руководитель экспедиции

Илл. 106. Исследователи вятского фольклора. Проф. Н. И. Савушкина, доц. С. Л. Браз, доц. А. А. Иванова, Т. К. Николаева, доц. В. А. Поздеев

Илл. 107. Руководители секции фольклора на научной конференции «Вятская земля в прошлом и настоящем». Проф. Н. И. Савушкина и доц. В. А. Поздеев

ми КГПИ. Руководил экспедициями преподаватель МГУ А. В. Логинов. Члены экспедиции фиксировали сведения о жилище, утвари, обрядах, записывали обрядовый и необрядовый фольклор, делали зарисовки домовой росписи. Некоторые экспонаты, привезенные из Мурашинского, Лузского и Подосиновского районов, хранятся в музее этнографии МГУ и областном краеведческом музее. Этнографическое обследование области продолжили сотрудники краеведческого музея И. Ю. Трушкова, Э. Г. Касимова, В. А. Любимов. Выезжая в различные районы, они пополняют коллекции музея новыми экспонатами: старой домашней утварью, одеждой, орудиями труда. Исследуя костюмный комплекс в контактных зонах проживания различных этнических групп вятской земли, И. Ю. Трушкова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В 70—90-е годы в областном краеведческом музее ежегодно проводятся археологические экспедиции. Археологические находки существенно дополняют историко-этнографическую картину древней Вятки, помогают установить пути миграции и заселения нашей территории. Руководит экспедицией зав. сектором археологии Л. А. Сенникова. Большую помощь в раскопках оказывают студенты ВГПУ под руководством ст. преподавателя В. В. Ванчикова.

С 1988 года в области работает фольклорная экспедиция кафедры русского народного творчества МГУ под руководством доктора филологических наук, профессора Н. И. Савушкиной и доцента А. А. Ивановой. За этот период обследованы Лузский, Подосиновский, Мурашинский, Нагорский, Котельничский, Опаринский, Даровской, Шабалинский, Белохолуницкий районы. В 1997 г. состоялась экспедиция в Уржумский район. Каждая экспедиция приносит сотни записей разных фольклорных жанров. По итогам экспедиционной работы опубликованы три больших сборника «Вятский фольклор. Заговорное искусство» (1994), «Вятский фольклор. Народный календарь» (1995), «Вятский фольклор. Мифология» (1996). Члены экспедиции тесно сотрудничают с Вятским региональным Центром русской культуры (г. Котельнич), в нем проводятся отчеты по итогам экспедиций, семинары, концерты фольклорного театра МГУ, в альманахе «Проселки» публикуются фольклорные материалы. Многие студенты защищают дипломные работы по вятскому фольклору, а некоторые используют этот материал для кандидатских диссертаций.

Исследованием вятского фольклора занимаются ученые не только г. Кирова, но и соседних областей и республик. Итоги своих исследований они сообщают на ставшей традиционной

научно-практической конференции «Вятский фольклор. Традиции и современное бытование», проводимой творческой лабораторией вятского фольклора областного Дома народного творчества. Проведено уже 4 конференции с различной тематикой.

Вятский государственный педагогический университет проводит традиционные научные конференции «Вятская земля в прошлом и настоящем», в составе которых всегда работает секция фольклора и этнографии. Собираение и изучение вятского фольклора и этнографического материала, имеющие давние традиции, стало одним из ведущих направлений в работе научных и культурных учреждений г. Кирова и области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герберштейн С. Записки о Московии /Пер. с латин. и нем. М., 1988. С. 430.

² Ерлезунд де П. П. История о Великом княжестве Московском.

³ См. Чудова Г. Ф. В те далекие годы Киров, 1981. С. 7—18.

⁴ Там же. С. 22—30.

⁵ См. Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. П. М., 1963. С. 1—47.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ См. раздел «Библиография» настоящего издания.

⁸ Скворцова С. Народные песни Вятской губернии, собранные С. Скворцовой //Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. Вятка, 1893. С. 344.

⁹ Васнецов А. М. Песни северо-восточной России: Песни, величания и причеты /Записаны А. Васнецовым в Вят. губернии. М., 1894. С. V—VI.

¹⁰ Александр Рабочий. Пойте пролетарские песни //Зарево. 1920. № 7. С. 14.

¹¹ Померанцева Э. Так рождается фольклор //Комс. племя. 1952. 9 февр. С. 3.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

С. П. Кокурина

- 1771 — под этим годом известна самая ранняя запись вятских диалектных слов (вятский областной словарь).
- 1790 — Вольное экономическое общество разослало по стране программы, требующие сведения об отдельных областях России. Материалы из Вятской губернии были напечатаны в трудах общества.
- 1835 — учрежден Вятский губернский статистический комитет, который собирал сведения по истории и этнографии края. С сентября 1835 по декабрь 1837 г. в комитете работал А. И. Герцен, готовил материалы к печати (опубликованы в ВГВ). С 1850-х гг. по 1916 г. статкомитет издавал памятные книжки.
- 1837 — в мае открылась первая выставка естественных и искусственных произведений Вятской губернии. На этой и последующих выставках были широко представлены этнографические материалы края.
- 1845 — организовано Русское географическое общество, которое обратилось к местным исследователям с программой. Из Вятской губернии в 40—50-х гг. поступили рукописные материалы по этнографии: описания промыслов, обрядов, обычаев, записи песен, сказок, легенд, диалектных слов. Часть материалов была опубликована, остальное хранится в архиве общества.
- 1846 — в «Вятских губернских ведомостях» (№№ 40—41, ч. неофиц.) впервые были напечатаны вятские народные песни в статье Н. Кибардина «Кайская свадьба».
- 1847 — впервые опубликован вятский словарь «Собрание особенных слов, употребляемых жителями Вятской губернии» составленный А. П. Тиховидовым (ВГВ. №№ 39—49, ч. неофиц.).
- 1852 — В. И. Даль написал статью «О наречиях русского языка», ставшей предисловием к «Толковому словарю живого великорусского языка», где была дана характеристика говора Вятской губернии.
- 1859 — начало полевых исследований ананьинских памятников (VIII—III вв. до н. э.) в бассейне р. Вятки П. В. Алабиным, которые в 80-х гг. продолжил А. А. Спицын. Ныне известны 36 памятников — городищ и селищ.
- 1872 — в Уржумском уезде начал записывать народные песни А. М. Васнецов (собираательской деятельностью занимался более двадцати лет). Изданы они были в Москве в 1894 г., пере-

изданы Л. В. Дьяконовым в Кирове в 1949 г. (Песни северо-восточной России).

- 1873 — Е. Т. Соловьев был удостоен награды Русского географического общества за этнографические сведения о жителях Малмыжского уезда.
- 1879 — первая публикация музыкальных записей песен Вятской губернии в «Сборнике русских народных песен» Н. Абрамычева.
- 1892 — Памятные книжки Вятской губернии начали печатать «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова, публикация закончилась в 1907 г. В 1908 г. они вышли отдельным изданием. Репринтное переиздание словаря было осуществлено в 1995 г. к 150-летию со дня рождения автора.
- 1893 — Русское географическое общество направило филолога Ф. М. Истомина и композитора С. М. Ляпунова в Вологодскую, Вятскую, Костромскую губернии для собирания народных песен. В марте 1894 г. состоялся доклад Истомина о вятских песнях на заседании общества. В 1899 г. вышла книга «Песни русского народа».
- 1901 — первая экспедиция в Вятскую губернию Д. К. Зеленина. Материалы по говорам, фольклору, этнографии, собранные им в поездках по краю в 1901—1909 гг., послужили основой многих его научных работ.
- 1925 — Вятский государственный музей организовал этнографическую экспедицию в Куменскую волость Вятского уезда с целью собирания предметов материальной культуры старой деревни.
- 1936 — по заданию АН СССР ученые и участники студенческих кружков приступили к сбору материалов для составления «Атласа» говоров страны. Война прервала эту работу, с 1945 г. она вновь оживилась. В Кировской области эту работу возглавила Е. П. Луппова (кафедра русского языка пединститута), участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Ярославля, Йошкар-Олы. С 1945 по 1956 г. было обследовано 403 населенных пункта области.
- 1949 — известный краевед В. Г. Пленков составил «Библиографический указатель литературы в говорах Кировской области» (Киров. 89 с. Машинопись). Включено 376 названий книг, журнальных и газетных статей с 1772 по 1949 г.
- 1951 — кафедра фольклора МГУ организовала экспедицию в колхоз «Красный Октябрь» (ныне Куменский район). За десять дней было записано 7000 частушек, 20 рассказов, 30 сказок, 100 песен, много пословиц и поговорок.
- 1954 — в области работал Северо-Восточный (Уральский) отряд Русской экспедиции Института этнографии АН СССР. В 1961 г. Кировская область вошла в зону обследования Центральным отрядом комплексной экспедиции этого института — выявить объекты для исследований. Экспедиция изучала колхозный быт Кировской, Владимирской и Горьковской областей.

- 1957 — кафедра русского языка педагогического института начала работу по созданию областного словаря вятского говора. Первый выпуск словаря (автор Л. И. Горева) осуществлен в 1996 г.;
— кафедра литературы этого же института организовала экспедицию в Подосиновский, Слободской, Шурминский, Советский районы для выявления песенников, сказочников, знатоков фольклора. С 1958 г. кафедра приступила к плано-
вому обследованию фольклора Кировской области. С 1959 г. экспедиции стали совместными с преподавателями музыкально-педагогического института им. Гнесиных, что позволило вести записи песен на высоком научном уровне.
- 1959 — состоялась фольклорная экспедиция Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в марийские села Кировской области.
- 1969 — была организована совместная экспедиция Ленинградского государственного музея этнографии и Удмуртского научно-исследовательского института. Она изучала особенности быта и культуры удмуртов, проживающих на территории Татари и Кировской области.
- 1973 — начала работу Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета по изучению древних памятников на территории Кировской области. Известны памятники различных эпох от мезолита до XVIII в. С начала 70-х гг. организуются археологические экспедиции областного краеведческого музея.
- 1974 — Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия» выпустила диск «Вятская песня» — юбилейную пластинку к 600-летию г. Кирова.
- 1978 — областной Дом народного творчества организовал первый областной фестиваль фольклора. Итогом фестиваля стал первый областной фольклорный праздник.
- 1982 — Кировская область явилась объектом изучения этнографических экспедиций: южные районы исследовал Вятский отряд Казанского университета, северные — Вятская экспедиция МГУ, которая продолжила работу в 1983 г. В экспедиции участвовали сотрудники областного краеведческого музея и КГПИ.
- 1983 — в феврале кировское телевидение показало передачу «Из чистого родника», посвященную фольклорному коллективу д. Стрельской Опаринского района;
— в г. Кирове при Доме культуры металлургов был организован фольклорный ансамбль «Горенка». Участники коллектива собирают песни края, исполняют их в концертных программах.
В 1987 г. при Дворце культуры завода «Авитек» г. Кирова создан мужской ансамбль «Хлыновские бояре». В 1991 г. при областном Доме народного творчества организовался ансамбль «Слобода». Во многих районах области созданы фольклорные коллективы.

- 1988 — в области начала работать фольклорная экспедиция кафедры русского народного творчества МГУ. По итогам экспедиционной работы публикуются сборники «Вятский фольклор». Члены экспедиции сотрудничают с Вятским региональным центром русской культуры (г. Котельнич).
- 1989 — состоялась первая научная конференция «Вятская земля в прошлом и настоящем». На традиционных конференциях педуниверситета работают секции: этнография и фольклор, диалектология и топонимика;
- в области прошел межреспубликанский праздник фольклора и народных традиций. В празднике участвовали русские, татары, удмурты, марийцы, башкиры, болгары.
- 1990 — в Свердловске состоялся праздник фольклорной песни и танца. Участвовали коллективы Кытмановского и Пашинского домов культуры Афанасьевского района. Гармонист из д. Терешовы Л. И. Шушаков был приглашен участвовать в передаче ЦТ «Играй, гармонь».
- 1991 — в марте в г. Кирове прошла научно-практическая конференция «Вятский фольклор: традиции и современность». На конференции выступили фольклористы Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Ижевска, Сыктывкара и др. городов. В 1997 г. состоялась четвертая региональная конференция;
- марийский ансамбль из с. Тюм—Тюм Уржумского района участвовал в международном фестивале финоугорских народов в г. Сыктывкаре;
- фольклорный национальный коллектив с. Большой Рой Уржумского района был участником фестивалей в Тарту и Кихах;
- ансамбль «Вятский золотник» Нагорского района принял участие в фестивале фольклора «Жемчужина Севера» в г. Архангельске;
- в г. Кирове открыта детская фольклорная школа, на ее базе создан ансамбль «Вятские колокольчики». В 1995 г. ансамблю присвоено звание образцового.
- 1992 — при областном Доме народного творчества создана лаборатория вятского фольклора для координации собирательской работы в крае, создания фольклорного архива, популяризации народного творчества.
- 1993 — прошел детский праздник «Берегиня». В нем приняли участие 18 фольклорных коллективов из районов области и г. Кирова.
- 1994 — фольклорная группа «Дружба» г. Кирово-Чепецка побывала в немецком г. Риттерхуде.
- 1995 — в мае в педагогическом университете состоялся областной фестиваль народной музыки, песни и танца «Вятский родничок».
- 1997 — в мае прошел областной фольклорный праздник «Васнецовская весна» в с. Рябово Зуевского района.

ДИАЛЕКТОЛОГИ, ЭТНОГРАФЫ, ФОЛЬКЛОРИСТЫ ВЯТСКОГО КРАЯ

- Агафонова Наталья Вениаминовна (р. 1948) — языковед, диалектолог
Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923) — этнограф
Арбузова Наталья Николаевна (1901—1979) — этнограф
Бажин Николай Федорович (1810—после 1860) — этнограф
Бажин Николай Федотович (1843—1908) — литератор, этнограф
Бердинских Виктор Аркадьевич (р. 1956) — историк, этнограф
Березин Евгений Васильевич (р. 1948) — краевед
Бессонов Александр Григорьевич (1846—1917) — этнограф
Блинов Николай Николаевич (1839—1917) — литератор, этнограф
Браз Светлана Леонидовна (р. 1936) — фольклорист-музыковед
Валовая Мария Александровна (р. 1955) — музыкант, фольклорист
Васнецов Александр Михайлович (1860—1927) — фольклорист
Верещагин Григорий Егорович (1851—1930) — первый этнограф —
удмурт
Герд Кузубай (Чайников Кузьма Павлович) (1898—1941) — удмуртс-
кий писатель, фольклорист
Глезденев Павел Петрович (1867—1923) — марийский этнограф
Головина Элеонора Дмитриевна (р. 1938) — языковед, диалектолог
Гура Александр Викторович (р. 1951) — диалектолог, этнограф
Долгушев Вадим Григорьевич (р. 1956) — языковед, диалектолог
Дремцов Сергей Прокопьевич (1867—1937) — фольклорист
Дьяконов Леонид Владимирович (1908—1995) — писатель, фолькло-
рист
Емельянов Аркадий Иванович (1879—1942) — этнограф
Емичев Алексей Иванович (1808—1853) — литератор
Захаров Дмитрий Мартинианович (р. 1934) — диалектолог
Зеленин Дмитрий Константинович (1878—1954) — диалектолог, эт-
нограф, фольклорист
Иванова Анна Александровна (р. 1954) — фольклорист
Каринский Николай Михайлович (1873—1935) — лингвист, этнограф
Касимова Эльвира Гаффаровна (р. 1966) — этнограф
Кибардин Никандр Герасимович (1810—1863) — этнограф
Колосов Митрофан Алексеевич (1839—1881) — филолог, фольклорист
Коршунков Владимир Анатольевич (р. 1962) — историк, фольклорист
Красноперов Иван Маркович (1839—1918) — этнограф
Кузнецов Степан Кирович (1854—1913) — этнограф
Куковякин Сергей Анатольевич (р. 1962) — медик, краевед
Куроптев Макей (Мокей) Иванович (ок. 1835—1893) — этнограф
Ларин Борис Александрович (1893—1964) — филолог-славист

Лебедев Всеволод Владимирович (1901—1938) — писатель
 Логинов Андрей Викторович (р. 1950) — этнограф
 Лузянина Лидия Николаевна (р. 1943) — филолог
 Луппова Елизавета Павловна (1903—1990) — диалектолог, этнограф
 Любимов Владимир Александрович (р. 1952) — краевед, этнограф
 Магницкий (Велелепов) Василий Константинович (1839—1901) — этнограф
 Макарова Лидия Николаевна (р. 1919) — языковед, диалектолог
 Матвеев Иван Игнатьевич (1880—1970) — языковед, фольклорист, этнограф
 Матвеева Елена Васильевна (1887—1970) — диалектолог, этнограф
 Мохирев Иван Александрович (1908—1986) — литературовед, фольклорист
 Мошкина Елена Николаевна (р. 1963) — языковед, диалектолог
 Мусихин Валерий Егорович (р. 1950) — историк, этнограф
 Насонова Галина Александровна (р. 1952) — музыкант, фольклорист
 Наумов Петр Иванович (1861—1925) — этнограф, историк
 Невоструев Капитон Иванович (1815—1872) — филолог, археограф
 Низов Виктор Валентинович (р. 1949) — историк, этнограф
 Николаева Тамара Константиновна (р. 1938) — писатель, фольклорист
 Никулин Борис Александрович (1922—1992) — диалектолог
 Огородников Евлампий Кириллович (1816—1884) — статистик, этнограф
 Ончуков Николай Евгеньевич (1872—1942) — фольклорист
 Осокин Михаил Иванович (ок. 1828—1876) — литератор, этнограф
 Первухин Николай Григорьевич (1850—1889) — этнограф
 Поздеев Вячеслав Алексеевич (р. 1949) — фольклорист
 Полушкина Анна Лаврентьевна (1868—1892) — учитель, собиратель фольклора
 Померанцева Эрна Васильевна (1899—1980) — фольклорист
 Пономарев Валерий Федорович (р. 1947) — историк, краевед
 Рычков Николай Петрович (1746—1784) — путешественник, этнограф
 Савушкина Нина Ивановна (1929—1993) — фольклорист
 Семенова Ирина Генриховна — архитектор-реставратор
 Семибратов Владимир Константинович (р. 1959) — журналист, этнограф
 Сенникова Людмила Александровна (р. 1955) — археолог
 Симонов Владимир Васильевич (1921—1973) — диалектолог
 Софийский Илья Михайлович (1852—1900) — учитель, собиратель фольклора
 Тиховидов Александр Петрович (1818—1865) — педагог-филолог
 Тихоницкая Надежда Неофитовна (1897—1942) — этнограф, фольклорист
 Троицкий Вениамин Иванович (1913—1984) — языковед, диалектолог
 Трушкова Ирина Юрьевна (р. 1962) — этнограф
 Федянина Ольга Николаевна (р. 1963) — языковед, диалектолог
 Хан Николай Александрович (р. 1957) — археолог
 Худяков Михаил Георгиевич (1894—1936) — этнограф, фольклорист
 Яковлев Павел Лукьянович (1796—1835) — литератор

БИБЛИОГРАФИЯ

В 1947 г. писателем Л. В. Дьяконовым был составлен аннотированный библиографический указатель «Вятская народная песня в печатных материалах XIX века» (Киров. 223 с. Машинопись). Указатель включал отдельные книги, статьи и заметки, опубликованные с 1841 по 1900 г. Около 140 источников из него, отражающих данные с 1615 г. по конец XIX в., вошли в библиографические материалы 8 тома «Энциклопедии земли Вятской». В описаниях сохранены страницы, на которых есть сведения о вятских песнях.

В целом в библиографических списках в хронологическом порядке представлена основная литература о говорах, этнографии и фольклоре Вятской земли с середины XIX в. до наших дней.

ВЯТСКИЕ ГОВОРЫ

Тиховидов А. П. Собрание особенных слов, употребляемых жителями Вятской губернии // ВГВ. 1847. №№ 39—45, 47—49 (ч. неофиц.).

Боричевский И. Особенности наречия в Вятской губернии (по ВГВ. 1847. №№ 39—49) // Журн. М-ва нар. просвещения. 1850. Февр. С. 148—151. — С. 151—152: Словарь вят. слов.

Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. СПб., 1877. С. 207. (Сб. отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук. Т. 17, № 3). — В кн. 35 образцовых вят. песен и 4 сказки.

Шишкин Н. В. Особенности русского наречия в Слободском уезде // Куроптев М. И. Слободской уезд Вятской губернии... Вятка, 1881. С. 159—222.

Вятский областной словарь // Живая старина. СПб., 1899. Вып. III/IV. С. 448—450.

Зеленин Д. К. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 1—16.

Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб., 1903. С. 189.

Зеленин Д. К. Прикамский край в русском народном языке, пословицах и присловьях // Живописная Россия. 1903. № 124/125. С. 236—239; № 126. С. 255—258.

Мултановский Я. Народный говор про Вятскую страну // Прил. к ВГВ. 1903. №№ 132, 139, 141, 143; 1904. № 9.

Зеленин Д. К. Вятское наречие // Прил. к ВГВ. 1904. № 102. С. 2.

Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии // Памят. книжка Вят. губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 1—52.

Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора / Изд. Губстаткомитета. Вятка, 1908. С. 357.

То же. — Факс. изд. Киров, 1995. С. 357.

Дурново Н., Ушаков Д. Хрестоматия по великорусской диалектологии. М., 1910. 216 С. (Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. ист.-филол. Вып. 40).

Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 544.: карт.

Алексеевский Я. Местный говор. Местный словарь // Котельнич. календарь-альманах. 1913. С. 44—46.

Каринский Н. М. Отчет профессора Н. М. Каринского о летней экскурсии в Вятскую губернию // Отчет о деятельности ОРЯС Рос. Акад. Наук за 1918 год. Пг., 1919. С. 40—42.

Каринский Н. М. Программа-анкета по собиранию народных говоров. Вятка, 1918. С. 8.

Каринский Н. М. Программа для собирания русских народных говоров Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей // Изв. Вят. науч.-исслед. ин-та краеведения. 1922. № 1. С. 39—45.

Каринский Н. М. Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края. Вятка, 1925. С. 14.

Каринский Н. М. Язык образованной части населения города Вятки и народные говоры // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. (РАНИОН). 1928. Т. 3. С. 43—66.

Луппова Е. П. Список литературы по великорусским говорам Вятского края // Тр. Вят. пед. ин-та. 1928. Т. 3, вып. 2. С. 60—64.

Троицкий В. И. Русские говоры Верхне-Камского края. Казань, 1959. С. 12. (Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 119, кн. 5).

Очерки по русскому языку: Сб. статей. Вып. 1—4 / Киров. пед. ин-т. Киров, 1962 — 1974.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 699. — С. LVII — LVIII: Характеристика говора Вят. губернии.

Кузнецова И. Вятские народные говоры // Спутник агитатора. 1980. № 18. С. 25—28; № 19. С. 24—28.

Макарова Л. Н. Древние наименования города Кирова (Вятка — Хлынов) // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 132—146.

Долгушев В. Г. Как говорили хлыновцы в XVII веке // Рус. речь. 1985. № 12. С. 114—116.

Долгушев В. Г. Первые собиратели вятских слов // Рус. речь. 1985. № 3. С. 133—136.

Лексика и грамматика севернорусских говоров: Сб. / Киров. пед. ин-т. Киров, 1986. С. 147.

Головина Э. Д. О народной речи // Вятка: Краевед. сб. Киров, 1987. Вып. 8. С. 137—143.

Долгушев В. Г. Некоторые предварительные результаты лингво-географического обследования говоров Кировской области по программе ЛАРНГ (на материале лексики одежды и обуви) // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел, 1994. С. 46—47.

Областной словарь вятских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии. Вып. 1. А—Б / Сост. Л. А. Горева; Вят. гос. пед. ун-т. Киров, 1996. С. 142.

Коготкова Т. С. Заметки о лексике Вятского края: К выходу в свет первого выпуска «Областного словаря вятских говоров» // Рус. речь. 1997. № 6. С. 78—84.

ЭТНОГРАФИЯ

Бажин Н. Ф. Троецпыляница [в Котельнич. уезде] // ВГВ. 1848. № 8. С. 50—51.

Ионин Н. В. Медико-топографическое описание Вятского уезда // Журн. М-ва внутр. дел. 1849. Сент. С. 403—431.— См. Ч. 2. Этнографическая.

Осокин [М. И.]. Народный быт в северо-восточной России. Ст. 1—3 // Современник. 1856. Сент. (отд. V). С. 57—83; Ноябрь. (отд. V). С. 1—40; Дек. (отд. V). С. 179—214.

То же // ВГВ. 1857. №№ 8—13.

Взгляд на народный быт в некоторых местностях Орловского уезда // ВГВ. 1860. №№ 28—34.

Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Вятской губернии. СПб., 1861. С. 510.

Блинов Н. Н. Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков // ВГВ. 1865. №№ 31, 33—37.

Заволжский В. Я. Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии. Вятка, 1871. С. 133.

Этнографические сведения: Русские, вотяки, татары // Календарь Вятской губернии на 1880 год. Вятка, 1879. С. 32—81 (отд. II).

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда [Вят. губернии]. Вып. 1—5. Вятка, 1880—1890.

Этнографические сведения о крестьянах Слободского уезда Вятской губернии / Авт. В. Белов, М. Жетков, Н. Попов // ВГВ. 1880. № 62. С. 4; № 63. С. 3.

Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии // Учен. зап. Казан. ун-та. 1881. Кн. 1. С. 1—44.

Можаровский А. Из жизни крестьянских детей: Этногр. материалы. Казань, 1882. С. 93. — Прил.: Рус. нар. присловья.

Спицын А. А. К истории вятских инородцев. Вятка, 1888. 66 С.

Смирнов И. Об историко-этнографическом изучении Вятского края // Календарь Вят. губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 157—167.

То же. — Вятка, 1891. С. 11.

Штейнфельд Н. П. Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памят. книжка Вят. губернии на 1894 год. Вятка, 1893. С. 228—319.

Буш Н. Н. Народная медицина в Вятской губернии // Календарь и памят. книжка Вят. губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 352—362.

Сорокин П. М. Чудь Кайского края. Вятка, 1895. С. 60.

Буде Е. Ф. К вопросу о народности русского населения в Вятской губернии // Изв. о-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те. 1897. Т. 14, вып. 2. С. 188—194.

«Куриный обед» или Троецпыляница // Вят. газ. 1897. № 34. С. 8—9.

Программа описания инородцев, живущих в приходах Вятской епархии. Вятка, 1898. С. 9.

Зеленин Д. К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 180: ил.

Зеленин Д. К. К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятском крае. Вятка, 1906. С. 15.

Зеленин Д. К. Троецпылатница: (Этногр. исследование). Вятка, 1906. С. 54.

Васильев В. М. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // Изв. о-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те. 1906. Т. XXII, вып. 3. С. 186—219; вып. 4. С. 253—276; вып. 5. С. 321—340.

Верещагин Г. Знахарство в Вятской губернии // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1910 год. Вятка, 1909. С. 79—92.

То же. — Вятка, 1909. С. 15.

В. Г. [Верещагин Г.]. Среди вотяков [Сарапульского уезда Вят. губернии] // Ист. вестн. 1910. Окт. С. 235—243.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1900 гг. СПб., 1913. С. 733.

Дрягин Н. И., Луппов П. Н., Родионов И. В. Распределение населения Приуральского края, его этнографический состав, быт и культура // Россия: Полн. геогр. описание нашего Отечества. Т. 5. Урал и Приуралье / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914. С. 158—233.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921. С. 156.

Каринский Н. М. Заметки о методах этнографических наблюдений // Изв. Вят. науч.-исслед. ин-та краеведения. Вологда, 1922. № 1. С. 32—38.

Матвеева Е. В. Материалы к вопросу о вятских костюмах XVIII в. // Вят. жизнь. 1923. № 1. С. 42—50.

Каринский Н. М. Собрание научных материалов, характеризующих этнографический перелом в Вятском крае во второй половине XIX и начале XX века // Вят. жизнь. 1923. № 2. С. 66—74.

То же. — Вятка. 1923. С. 8.

Вотяки: Сб. по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. Кн. 1 / Под ред. К. П. Герда, В. П. Налимова. М., 1926. С. 82.

Луппов П. Н. Обзор быта нацмен Вятской губернии. Вятка, 1926. С. 20.

Матвеева Е. В. Вятская губерния. Работа в области этнографии за годы революции в Вятке // Этногр. 1927. Т. 4, № 2. С. 368—371.

Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М., 1951. С. 142: ил.

Козлова К. И. Этнография народов Поволжья: Учеб. пособие. М., 1964. С. 175: ил.

Народы мира: Этногр. очерки. Т. 1. Народы Европейской части СССР. М., 1964. С. 984: ил.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 538: ил.

Русские: Ист.-этногр. атлас: Из ист. рус. нар. жилища и костюма (украшение крестьян. домов и одежды). Сер. XIX — нач. XX в. М., 1970. С. 207: ил.

Титова З. Д. Этнография: Библиогр. рус. библиогр. по этногр. народов СССР (1851—1969). М., 1970. С. 143.

Бусыгин Е. П., Зорин В. Н., Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Ист.-этногр. исследование (сер. XIX — нач. XX вв.). Казань, 1973. С. 166.

Виноградов С. Н. Удмуртская одежда. Ижевск, 1974. С. 71.

Сепеев Г. А. Восточные марийцы: Ист.-этногр. исследование матер. культуры (сер. XIX — нач. XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. 247 С.: ил.

Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Удмурты: Этносоциол. очерки. Ижевск, 1976. 80 С.: табл.

Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонент. анализа этноса / Акад. Наук СССР; Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1977. 262 С.: табл., схем.

Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. 344 С.: ил.

Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. 160 С.: ил.

Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: (По материалам городов сред. полосы РСФСР). М., 1980. 150 С.

Стариков С. Удмуртские народные танцы. Ижевск, 1981. 272 С.: ил.

Белов В. Лад: Очерки о нар. эстетике. М., 1982. 295 С.: ил.

То же. — 2-е изд., перераб. М., 1989. 420 С.: ил.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов: Кр. историогр. очерк с библиогр. Ижевск, 1984. 142 С.

Народы Поволжья и Приуралья: Ист.-этногр. очерки. М., 1985. 309 С.: ил.

Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII — XX вв.: Сб. статей. Устинов: Удмуртия, 1985. 132 С.

Богуславская И. Я. О вятской Свистопляске: [Ритуал. праздник] // Сов. этногр. 1988. № 2. С. 90—94.

Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринт. воспроизв. изд. 1880 г. М., 1989. 607 С.

Бакин В. Вятская свистунья // Встреча. 1991. № 7. С. 19—20: ил.

Вятка: Краевед. сб. Киров, 1991. Вып. 9. 192 С. — С. 7—90: Разд. Пристанище памяти.

Милячакова Н. Посвистим — пусть сгинет злое!:[О возрожд. празднике «Свистунья»] // Нар. творчество. 1992. № 5/6. С. 6—8: ил. 1 С. обл.

Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. 111 С.: ил.

Гуржий Т. Свадьба в Котельничском уезде // Проселки: Лит.-краевед. альманах. Котельнич, 1993. № 12. С. 5—41.

Котельников Г. А. Крещенские вечера под Котельничем // Проселки: Лит.-краевед. альманах. Котельнич, 1993. № 14. С. 1—48.

Удмурты: Ист.-этногр. очерки / Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993. 392 С.

Бердинских В. А. Россия и русские: (Крестьян. цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров, 1994. 287 С.

Сыркина И. А., Касимова Д. Г. Загадки незагадочного народа: Ист.-этногр. очерк о чепецких татарах. Глазов, 1994. 175 С.

Ильина Р. Н. Вятские дневники Д. Зеленина // Петряев. чтения-95: Тез. докл. к чтению. Киров, 1995. С. 59—62.

Бердинских В. А. Народ на войне: [Воспоминания очевидцев]. Вятка [Киров], 1996. 333 С.

Иванова А. А. Манящая неизвестностью земля: [Беседа с доцентом МГУ им. М. В. Ломоносова об этногр. экспедициях в обл.] // Вятка: Моск.-Вят. лит.-худож. краевед. журн. 1996. № 1. С. 35—37.

Мусихин В. Е. Вятская деревня: Ист. и современность: Учеб.-метод. пособие для учителей и студентов. 2-е изд., доп. / Кафедра краеведения ВГПУ. Киров, 1996. 95 С.: схем., табл.

Семибратов В. К. Хлыновские бояре: Вят. особинка // Родина. 1996. № 12. С. 56—57: ил.

Народный костюм Вятской губернии / Обл. дом нар. творчества. [Киров, 1996]. 16 цв. открыток; 8 выкроек.

ФОЛЬКЛОР

Шубин А. Сведения о быте крестьян Малмыжского уезда // Прибавление к ВГВ. 1841. № 18. С. 66.

Алексеевская ярмарка (г. Котельнич) // ВГВ. 1845. № 14 (ч. неофиц.). С. 98.

Бл(ино)в М. Масленица в Казани и в Воткинском заводе // ВГВ. 1846. № 52 (ч. неофиц.). С. 340.

Кибардин [Н. Г.]. Кайская свадьба // ВГВ. 1846. №№ 10, 11 (ч. неофиц.). С. 57—64.

Об особенностях наречия, в Вятской губернии употребляемого // ВГВ. 1847. № 40 (ч. неофиц.). С. 261.

Бажин. Крестьянская свадьба в Котельничском уезде // ВГВ. 1848. № 9 (ч. неофиц.). С. 58.

Кибардин [Н. Г.]. Извлечения из материалов, собранных для Русского географического общества по уезду Слободскому // ВГВ. 1848. №№ 10—18 (ч. неофиц.). С. 82—118.

Попов И. [Г.]. Историко-статистическая записка о селе Святицком и северо-западной части Глазовского уезда // ВГВ. 1851. № 42 (ч. неофиц.). С. 355.

Вотяки Вятской губернии // ВГВ. 1856. № 10 (ч. неофиц.). С. 68.

Осокин С. [М. И.]. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде // Современник. 1856. №№ 10—12. С. 78, 79.

Осокин С. [М. И.]. Народный быт в северо-восточной России // ВГВ. 1857. № 13 (ч. неофиц.). С. 78.

Осокин С. [М. И.]. Сельская свадьба в Малмыжском уезде // Современник. 1857. Т. 61. С. 54—86.

Савинов И. [Н.]. Очерк общественной жизни в Уржумском уезде между жителями // ВГВ. 1857. № 34 (ч. неофиц.). С. 255.

Савинов И. [Н.]. Заметки о Вятском крае // Вестн. Рус. геогр. о-ва. 1858. № 11. С. 110, 120, 122.

Савинов И. [Н.]. Очерк промышленности Вятского края // ВГВ. 1858. № 18 (ч. неофиц.). С. 123—124.

С. [Савинов И. Н.]. Очерк г. Елабуги в историческом, статистическом и этнографическом отношениях // ВГВ. 1858. № 32 (ч. неофиц.). С. 206.

Жизнь раскольников Вятской губернии // ВГВ. 1859. № 37 (ч. неофиц.). С. 257.

Шестаков В. Глазовский уезд // Вестн. Рус. геогр. о-ва. 1859. Ч. 26, № 7. С. 92, 111.

Взгляд на народный быт в некоторых местностях Орловского уезда // ВГВ. 1860. № 28 (ч. неофиц.). С. 188—189.

Крестьянские игрища в Котельничском уезде // ВГВ. 1860. №№ 7, 9 (ч. неофиц.). С. 40—43, 54, 56.

Куричья братчина или троещеплятица (из описания народного быта Орловского уезда) // ВГВ. 1860. № 31 (ч. неофиц.). С. 213.

Варенцов В. [Г]. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 47—48, 50—53, 59—61, 77—90, 100—117, 137—142, 162—169.

Отзывы: Отечественные записки. 1860. Т. СХХХІІІ. Ноябрь (Отд. рус. лит.). С. 45, 50; Библиотека для чтения. 1860. Декабрь (Отд. совр. летописи). С. 28—29; Современник. 1860. Т. 34. Ноябрь (Отд. рус. лит.). С. 93, 97—98.

Красноперов И. Крестьянские свадьбы в Слободском уезде // ВГВ. 1860. №№ 22—24 (ч. неофиц.). С. 147, 151—156, 160—161.

То же // Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1, вып. 2. — Включены новые песни, не вошед. в публ. 1860 г.

Песни, собранные П. В. Киреевским / О-во любителей древней словесности. СПб., 1860—1862. 1860. Вып. 1; 1862. Вып. 4.

Русские песни из собрания П. И. Якушкина // Отечеств. зап. 1860. № 4 (апр.), № 12 (дек.). — Прил. С. 13, 271.

[Александров Н. А.]. Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // ВГВ. 1861. №№ 2—6 (ч. неофиц.). С. 13—57.

То же // Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900, Т. 1, вып. 2.

Бессонов П. Калики переходные: Сб. стихов и исследование. СПб., 1861. Т. 1 (отд. 3). С. 570, 597; 1863. Т. 1, вып. 4. С. 114—115, 222—226.

Вятские вотяки // ВГВ. 1861. № 14 (ч. неофиц.). С. 120.

Местные известия: [Свистопляска] // ВГВ. 1861. № 21 (ч. неофиц.). С. 170.

Народное предание о городище в селе Спасоподчуршинском Слободского уезда // ВГВ. 1861. № 1 (ч. неофиц.). С. 1.

О промышленной деятельности крестьян Слободского уезда // ВГВ. 1861. № 31 (ч. неофиц.). С. 259.

Филонов А. Русская народная поэзия: [Обзор сб. фольклора] // Журн. М-ва нар. просвещения. 1861. Ч. СХІ (отд. 3. Критика и библиогр.). С. 40—41.

Глушков И. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Зап. Рус. геогр. о-ва. 1862. Кн. 1. С. 28, 77—79, 83—86, 93.

То же // Этногр. сб. / Рус. геогр. о-во. СПб., 1862. Вып. 5.

Межов В. И. Библиографический указатель этнографических исследований, описаний и материалов за 1860 г. // Этногр. сб. / Рус. геогр. о-во. СПб., 1862. Вып. 5. С. 6 (№ 19); 19 (№ 133); 34 (№ 150); 44 (№№ 222, 227).

Миллер О. Хрестоматия к опыту исторического обозрения русской словесности. Ч. 1. Образцы народной словесности до XV века. — СПб., 1862. С. 65, 83—86.

Сенников Д. Семик в Котельниче // ВГВ. 1862. № 24 (ч. неофиц.). С. 164.

К-в. Крестьянские святки в Елабужском уезде // ВГВ. 1864. №№ 2,3 (ч. неофиц.). С. 8—10, 15.

Межов В. И. Библиографический указатель русской этнографической литературы за 1861 г. // Этногр. сб. / Рус. геогр. о-во. СПб., 1864. Вып. 6. С. 5, 38 (№ 176), 74 (№ 333).

Учено-литературные труды лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения // Журн. М-ва нар. просвещения. 1864. Ч. XXXI (отд. 2. Офиц. ст. и известия). С. 28.

Блинов Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда // ВГВ. 1865. №№ 61, 65, 66. С. 231, 253—254, 258—260.

Попов С. Заметки о селе Каракулино [Сарапул. уезда] // ВГВ. 1865. № 14/15. С. 82.

А. И. О распоряжениях и постановлениях касательно Велико-рецкого крестного хода [Святейшего Синода 1840 г.] // ВЕВ. 1869. 16 сент. (№ 18; отд. духовно-лит.). С. 387, 389.

То же. — Вятка, 1869. С. 9, 11.

Поездка на богомолье из г. Вятки на Великую реку... // ВГВ. 1869. № 24. С. 7.

Кудрявцев В. Ф. Зимние народные увеселения в г. Василе: (Этногр. материалы) // Нижегород. сб. 1870. Т. 3. С. 12.

То же. — Нижний Новгород, 1870. С. 12.

Патриархальные обычаи // ВГВ. 1872. № 13. С. 4.

Рекрутский набор в Вятской губернии в 1873 году // ВГВ. 1873. № 9. С. 4.

Кузнецов С. Черемисские песни // ВГВ. 1874. № 77. С. 3.

Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия // Зап. Акад. Наук. СПб., 1876. Т. XXVIII. — Прил. № 4. С. 56, 57, 68, 72, 73, 76, 79, 81, 82.

Народный спектакль в деревне Борке Яранского уезда [Водозер. вол.] // ВГВ. 1876. № 9. С. 3.

Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия // Сб. Отд. рус. языка и словесности Акад. Наук. СПб., 1877. Т. XVII, вып. 3. С. 235—242, 244, 246, 248—249, 251—254, 256—261, 263—266, 267, 269—271.

Блинов Н. Н. Пчелка: Сб. стихотворений, пословиц и загадок. 2-е изд. СПб., 1878. 95 С. — 139 пословиц собрано в Вят. губернии.

Сборник русских народных песен /Записал с нар. напева и переложил на один голос с аккомпаниментом фортепиано Н. Абрамычев. СПб., 1879. С. 1—78.

Жестков М., Попов Н. Этнографические сведения о крестьянах Слободского уезда Вятской губернии Маракулинской волости, состоящих в приходе села Синеглинское [Синегорское и Свиногорье], Петропавловского // ВГВ. 1880. № 63. С. 3.

Кошурников В. С. Вотский юон [с. Пурга Сарапул. уезда] // ВГВ. 1880. № 104. С. 4.

Кошурников В. С. Свадебные обряды и песни крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Календарь Вят. губернии на 1881 год. Вятка, 1880. С. 51—99.

Спасский Н. Этнографические сведения [о Вят. губернии] // Календарь Вят. губернии на 1880 год. Вятка, 1880. С. 38—40.

Чемоданов В. Особенности русского наречия в Ухтымском приходе и смежных местностях // Календарь Вят. губернии на 1880 год. Вятка, 1880. С. 70—71.

Куроптев [М. И.]. Слова и выражения, употребляемые в Сарапульском уезде, в русских волостях, лежащих по речкам Сиве и Каме, со включением г. Сарапула // Календарь Вят. губернии на 1880 год. Вятка, 1880. С. 80.

Историко-статистические сведения о населении г. Вятки и его занятиях // ВГВ. 1881. № 13. С. 3.

Куроптев М. И. Слободской уезд Вятской губернии в географическом и экономическом отношении. Вятка, 1881. С. 30, 31, 34, 36, 67, 195.

Отчет о деятельности Вятского статистического комитета за 1879 и 1880 годы // ВГВ. 1881. № 59. С. 4.

Кузнецов С. К. Атамановы кости [старин. кладбище близ с. Черемис. Малмыжа в Малмыж. уезде Вят. губернии] // ВГВ. 1882. № 49. С. 4.

То же // Изв. о-ва археолог., ист. и этногр. при Казан. ун-те. Казань, 1884. Т. 3 (1880—1882 гг.). С. 398—399.

Добротворский Н. Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда // ВГВ. 1883. № 10. С. 3.

Добротворский Н. Клады в Орловском уезде // ВГВ. 1883. № 12. С. 3.

Добротворский Н. Два слова о верованиях пермяков // ВГВ. 1883. № 14. С. 4.

Кузнецов С. К. Археолого-этнографические этюды. Казань, 1882 (на обл. 1883). С. 4—5.

Магницкий В. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии // Календарь Вят. губернии на 1884 год. Вятка, 1883. С. 87, 89, 103, 132.

То же. — Вятка, 1883. 58 С.

Потанин Г. Н. Вотяки: Библиогр. заметка // ВГВ. 1883. № 73. С. 3. — Перепеч. из Изв. Геогр. о-ва. 1883. Т. XIX, вып. 2.

Сведения об Окадьевском приходе Котельничского уезда // ВГВ. 1883. № 59. С. 4.

Сведения о Кайском приходе Слободского уезда 5-го благочиния // ВГВ. 1883. № 101. С. 3.

Сведения о Филипповском приходе Вятского уезда // ВГВ. 1883. № 89. С. 3.

Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 83. С. 5—6.

Возникновение и развитие раскола в Вятской губернии // ВГВ. 1884. № 14. С. 3—4. — Перепеч. из Казан. бирж. листка. № 16.

Заворохин А. Сведения об Усть-Чепецком приходе 3-го благочиннического округа Вятского уезда // ВГВ. 1884. № 1. С. 5—6.

Деревенский праздник «ссыпки». Братчина. Мирская яичница // ВГВ. 1886. № 62. С. 4. — Перепеч. из Волж. вестн. № 154.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с ист., этногр., педагог. и гигиеной). М., 1887. С. 49—255.

Отзыв: Спицын А. Библиографический листок // ВГВ. 1888. № 20. С. 4.

Блинов Н. Мирон Петрович: Сцены из нар. жизни. Казань, 1888. С. 4, 12—13, 15, 16—17, 21—23, 83.

Отзыв: [Спицын А.]. Библиография // ВГВ. 1889. № 6. С. 5.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 3. Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). Вятка, 1888. С. 1, 39—43, 61—64.

То же // Календарь Вят. губернии на 1889 год. Вятка, 1888. С. 122—148.

А. С. [Спицын А.]. Несколько старинных ставленных и иных грамот // ВГВ. 1889. № 77. С. 4.

Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии: Сб. сведений для изучения быта населения России. СПб., 1889. Вып. 1. 59 С. (Тр. этногр. отд. О-ва любителей естествозн., антропол. и этногр.). С. 1—4, 15, 16, 18, 21.

Отзыв: [Спицын А.]. Библиографические заметки // ВГВ. 1889. № 80. С. 4; П. Б. Заметка о сборнике... // ВГВ. 1889. № 25. С. 4.

Ислентьев В. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Елабуга, 1889. С. 151.

Отзыв: Библиография // ВГВ. 1889. № 31—32. С. 4. — Перепеч. из Волж. вестн. № 87.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 5 // ВГВ. 1889. № 75. С. 5.

Юрьев В. Вятская старина: Материалы для ист. Вят. края 1-й четв. XVIII в. // ВГВ. 1889. № 24. С. 6.

Спицын А. Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (1838—1890) // Календарь Вят. губернии на 1891 год. Вятка, 1890. С. 78 (№ 60); 114 (№№ 776, 784, 785); 115 (№№ 788, 800); 132 (1162, 1168).

Спицын А. К истории Вятской гимназии: Преподаватели рус. языка и словесности Вятской гимназии в 1811—1865 гг. // Календарь Вят. губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 329, 330, 334, 338—339.

Софийский И. М. Загадки Слободского уезда Вятской губернии / Предисл. И. Н. Смирнова // Календарь Вят. губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 168—226.

То же. — Вятка, 1891. 60 С.

То же. — / Собр. И. М. Софийского; Вступ. ст., ред., прим. Т. К. Николаевой. Вятка (Киров), 1996. 80 с. (На обл.: Старин. вят. загадки).

Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора // Календарь и памят. книжка Вят. губернии на 1892—1897 годы. Вятка, 1891—1896.

[Верещагин А. С.]. Отрывки из сочинений путешественников XVI—XVIII в. о Вятке и ее обитателях // Календарь Вят. губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 342, 343, 345, 354.

Курбановский С. В. На Великой реке: (Бытовой очерк) // Календарь Вят. губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 255, 268—269.

Полушкина А. Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии // Календарь Вят. губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 207—208, 215—229, 234, 237—253.

То же. — Вятка, 1893. 50 С.

Селивановский И. Село Истобенское [Орлов. уезда Вят. губернии] // Календарь Вят. губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 151, 200, 202.

Штейнфельд Н. П. Зюздинский край: Очерк // Календарь Вят. губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 306.

Скворцова С. Л. Народные песни Вятской губернии [Вят., Орлов., Котельн., Яран. и Нолин. уездов], собранные С. Скворцовой // Календарь и память книжка Вят. губернии на 1894 год. Вятка, 1893. С. 344—382.

То же. — Вятка, 1893. 40 С.

Газеты и журналы: (Библиогр. указ. этногр. материалов) // Этногр. обозрение. 1894. № 3 (кн. 22). С. 198.

Васнецов А. М. Песни северо-восточной России: Песни, величания и причеты / Записаны А. Васнецовым в Вят. губернии. М., 1894. 288 С.

Отзыв: Л[яше]нко А. // Живая старина. 1894. Вып. 3/4. С. 543; Соболевский А. Новый сборник великорусских песен // Этногр. обозрение. 1894. № 3 (кн. 22). С. 165—170; Песни Вятского края // ВГВ. 1894. № 61. С. 3—4; Из журналов и газет // ВГВ. 1895. № 16. С. 1. — Цитата из Перм. губерн. ведомостей. № 14.

То же. — 2-е изд. / Ред., вступ. ст., прим., библиогр. указ. Л. В. Дьяконова. Киров, 1949. 244 С.

Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 году [читано в общем собрании Рус. геогр. о-ва 10 марта 1894 г.]; Действия [Рус. геогр.] общества: Журн. общ. собр. 10, 18 марта, 8 апр. 1894 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1894. Т. 33, вып. 3. С. 331—334, 339—346, 350, 413, 420—421.

Отзыв: О русской песне // ВГВ. 1894. № 37. С. 3.

Действия [Рус. геогр.] общества: Журн. заседания Совета 20 мая 1894 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1894. Т. 33, вып. 4. С. 513.

Известия и заметки // Этногр. обозрение. 1894. № 3 (кн. 22). С. 220, 221.

Истомин Ф. М. К народному словарю в области песенного искусства // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 124; Вып. 2. С. 285.

М. С. (Селивановский М.). Коляда на Песковском заводе // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218.

Селивановский М. К. Заметки об Омутнинских горных заводах Н. П. Пастухова // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 190, 202, 209—210.

Штейнфельд Н. П. Бесермяне: Опыт этногр. исследования // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 220, 222, 243, 247—248.

Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и память книжка Вят. губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 81, 135, 136, 146.

К. Какой естественный и ближайший путь к поднятию урожайности... // ВГВ. 1895. № 17. С. 3.

Комаровских Г. А. Женщина в патриархальной семье [на основании игрищ. песен Орлов. уезда] // ВГВ. 1895. № 74. С. 4; № 78. С. 4; № 79. С. 4; № 80. С. 4; № 81. С. 2.

То же. — Вятка, 1895. 40 С.

Отзыв: Ответы редакции // ВГВ. 1895. № 7. С. 5.

Нишенский промысел в Вятской губернии // Вят. край. 1895. № 4. С. 2.

П. Г. П. М. Сорокин: [Некролог] // Вят. край. 1895. № 88. С. 4.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские [в связи с ист., этногр., педагог. и гигиен.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1895. С. 63. — Повторены все тексты из первого издания.

Прогулка на пароходе // Вят. край. 1895. № 57. С. 3.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1895. Т. 1. 624 С. (№№ 129, 252, 338 — вят. песни).

Тронин П. Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памят. книжка Вят. губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 215, 229, 230, 233.

Г. К. [Комаровских Г. А.]. Помочи в Орловском уезде // ВГВ. 1896. № 25. С. 3—4.

Дед: Песня // Вят. газ. 1896. № 3. С. 2—5.

Богаевский П. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных.

Отзыв: Вят. край. 1896. № 49. С. 2.

П. Г. Из местной старины // Вят. край. 1896. № 7. С. 2; № 8. С. 2.

П. К. Л. В. М. Васнецов // Вят. край. 1896. № 133. С. 2.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1896. Т. 2. 582 С. (№№ 80, 91, 103, 140, 147, 183, 258, 336, 350, 404, 427, 481, 483, 498, 542, 553, 577, 629, 637, 644, 648 — вят. песни).

Юмин В. Н. Канун обручения в деревне // ВГВ. 1896. № 3. С. 4.

Гребенев Л. Г. Село Шалегово Орловского уезда // Календарь и памят. книжка Вят. губернии на 1898 год. Вятка, 1897. С. 112, 117, 123—136.

Грудцын А. Ильинская пятница // Вят. газ. 1897. № 24. С. 5.

Дядя Сергей. Неволей выданная замуж // Вят. газ. 1897. № 19. С. 4.

Русские народные песни // Вят. газ. 1897. № 33. С. 6.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1897. Т. 3. 506 С. (№№ 10, 12, 18, 24, 38, 45, 86, 103, 129, 172, 189, 238, 239, 268, 312, 313, 321, 338, 339, 363, 375, 422, 476, 497, 546, 551 — вят. песни).

Филиппов Т. И. О русской народной песне // ВГВ. 1897. № 38. С. 6.

Кудрявцев В. Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк. Вып. 1 — 4 // Памят. книжка Вят. губернии и календарь на [1897—1904] годы. Вятка, 1898—1905.

То же. — Вятка, 1898—1905.

Верещагин А. Святочные гадания у крестьян Вятской губернии // ВГВ. 1898. № 5. С. 8.

Отчет о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1897 год // ВГВ. 1898. № 35. С. 7.

П. А. Б. Христославление прежде: (Письмо в редакцию) // ВГВ. 1898. № 2. С. 7.

Село Заево Слободского уезда // Вят. край. 1898. № 22. С. 2.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1898. Т. 4. (№№ 90, 150, 184, 277, 349, 362, 384, 403, 449, 459, 489, 542, 600, 608, 628, 742, 781, 818, 825, 836 — вят. песни).

Стасов В. В. М. Васнецов // Искусство и худож. пром-сть. 1898. № 3. С. 141.

Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / Акад. Наук. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. X, XII, 3, 7, 13, 21, 27, 50, 64, 66, 82, 84, 87, 90, 92, 98, 105, 120, 121, 125, 130, 144, 153, 157, 161, 163, 202, 261, 266, 295, 307, 314.

Грудцын А. Под козырек: Рассказ с натуры // Прил. к ВГВ. 1899. № 93. С. 2.

Истомин В. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа / Собраны экспедицией Рус. геогр. о-ва. На тит. л.: Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова: Ф. М. Истомин; напевы: С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. XVIII, XIX, 8, 21, 31, 32, 85, 88, 93, 99, 108, 109, 111, 136, 137, 161, 173—175, 192, 200, 202—204, 207, 211, 212, 257, 266, 269, 273.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1899. Т. 5. (№№ 101, 113, 114, 139, 167, 200, 250, 293, 294, 300, 350, 359, 371, 385, 387, 434, 488, 571, 610, 623, 654, 688, 774 — вят. песни).

Магницкий В. Прикамская народная этнографическо-сатирическая песня // Изв. о-ва археолог., ист. и этногр. при Казан. ун-те. 1900. Т. XVI, вып. 2. С. 236—239 (№ 1).

Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1900. Т. VI. (№№ 61, 65, 111, 147, 171, 172, 452, 472, 508, 510, 515, 536, 547, 559, 582, 583, 587, 591 — вят. песни).

Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / Акад. Наук. СПб., 1900. Т. 1, вып. 2. С. 469, 477, 478, 480, 482, 483.

Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии // Вестн. воспитания. 1901. № 8. С. 86.

Суслов И. Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // ВГВ. 1901. № 33. С. 1—3.

Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1902. Т. VII. 768 С.

Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи, записанные в Вятской губернии // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1903 год. Вятка, 1902. С. 19—103: Прил. Список селений, где записаны песни.

То же. — Вятка, 1903. 88 С.

Комаровских А. О народных песнях // Прил. к ВГВ. 1902. № 118. С. 4. — Приведены песни и частушки Орловского уезда.

Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1904 год. Вятка, 1903. С. 173—208.

То же. — Вятка, 1903. 88 С.

С-н М. Новые птицы — новые песни // Вят. край. 1906. № 31. С. 2.

Зеленин Д. К. Новая народная сказка о «крамоле» / Записано в Вят. губернии // Ист. вестн. 1908. Янв. С. 209—213.

Ильинский Л. Народные песни Вятской губернии [Уржум. уезд] // Изв. о-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те. Казань, 1911. Т. 27, вып. 4. С. 293—303.

Деревенские песни-частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Ярославской, Новгородской, Псковской и Тверской губернии / Собраны В. И. Симановым. СПб., 1912—1913.

Отзыв: Вят. речь. 1912. № 103. С. 3; 1913. № 227. С. 4.

Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве императорского Русского географического общества // Памят. книжка и календарь Вят. губернии на 1913 год. Вятка, 1912. С. 1—51.

То же. — Вятка, 1912. С. 51.

Васнецов В. М. Русские пословицы и поговорки в рисунках. 2-е изд. М., 1913. 85 л. — Рис. выполнены в 1866—1868 гг.

Местные частушки // Котельнич. календарь-альманах на 1913 год. Вятка, 1913. С. 46—48.

Попова Е. В., Зеленин Д. К., Сунцова М. Е. Восемь сказок Вятской губернии. Пг., 1914. 20 С. (Живая старина. 1912).

Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915. 640 С. — Прил.: Вотяцкие сказки.

Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII века. Пг., 1915. 793 С.

Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: Сб. 3-е изд., испр. и доп. М., 1915. 480 С. — См. С. 8, 21—22, 30.

Легенды [Малмыж. уезда] // Тр. ВУАК. 1917. Вып. 1-П, отд. 3. С. 54—59.

Герд К. Малмыж: Избр. песни малмыж. вотяков. Кн. 1. Сарапул, 1920. 16 С.

Фабричная частушка // Вятский край / Под ред. В. Лебедева. Слободской, 1921. С. 33—38.

Каринский Н. М. Экскурс в область вятской народной песни: (Доклад, читанный в этногр. секции Вят. ист. о-ва) // Вят. жизнь. 1923. № 1. С. 33—41; нот. — О сб. А. Васнецова «Песни северо-восточной России».

То же. — Вятка, 1923. 9 С.

Тальянка: Сб. частушек вят. молодежи. Вятка, 1927. 30 С.

Асафьев Б. В. Русская музыка от начала XIX столетия. М.; Л., 1930. 320 С. — С. 115: Об экспедиции в Вят. губернию.

Русская сказка. Избранные мастера / Ред. и коммент. М. Азодовского. М., 1932. 411 С. — С. 99—117, 366—369: Вят. материалы.

Песни и сказки удмуртского народа. Киров, 1936. 64 С.

Фольклор Кировской области / Под ред. Я. Акмина, М. Борева. Киров: 1937. 111 С.

[Фольклор Кировской области] // Нар. творчество. 1937. № 6. С. 12—14.

Веселая партизанская: Рус. песня [записана в 1937 в Шурмин. р-не Киров. обл.] // Творчество народов СССР. М., 1937. С. 35.

Поэзия и проза: Лит. альм. Киров, 1939. Кн. 1. 96 С.

Кировский литературный альманах. Киров, 1940. Кн. 2. 255 С.

Частушки о Великой Отечественной войне, записанные в Кировской области // Киров. новь. 1945. Кн. 1. С. 95—103.

Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М.; Л., 1946. 263 С.: ил. — С. 164: Об экспедиции 1893 г. в Вят. губернию.
Дьяконов Л. В. Старинные песни Зюздинского края // Киров. новь. 1947. Кн. 2. С. 180—186.

Кралина Н. Загадки удмуртского народа // Зап. Удм. науч.-исслед. ин-та ист., яз., лит. и фольклора. Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 123—195.

Лопатин Н., Прокунин В. Русские народные лирические песни / Под. ред. В. Беляева. М., 1956. 458 С.

Дьяконов Л. В. Песенки-байки: Вят. нар. песенки. М., 1958. 16 С.: ил.

Колхозные вечера: Частушки колхоз. молодежи. Киров, 1961. 69 С.

Песни над Вяткой. Вып. 1 — 3. Киров, 1963 — 1969.

Русский фольклор Отечественной войны. М.; Л., 1964. 478 С. — №№ 26, 30, 73, 86, 90, 145, 150, 151, 170, 182.

Частушки в записях советского времени / Сост. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965. 496 С. — С. 239—248.

Мохирев И. А., Харьков В. И., Браз С. Л. Народные песни Кировской области. М., 1966. 350 С.: нот.

Отзыв: Правдюк А. А. Сборник песен Кировской области // Славянский музыкальный фольклор: Ст. и материалы. М., 1972. С. 418—421.

Тамаркина Э. М. О русском фольклоре в Удмуртии / По записям Г. Г. Верещагина в Сарапул. уезде Вят. губернии // Вопросы русской и удмуртской литературы. Ижевск, 1967. Вып. 1. С. 142—145.

Истомин И. К вопросу о стиле бурлацких припевок // Сов. музыка. 1971. № 10. С. 139—143. — Включены материалы Экспедиций на р. Вятку в 1963, 1967 гг.

Кульшетов Д. М. Песни уржумских мари / Пер. Л. Н. Сахаров, А. Ф. Смоликов; Мар. НИИ яз., лит. и ист. Йошкар-Ола, 1971. 176 С. — Мар. и рус. яз.

Фольклор и литература Урала: Тез. докл., сообщ. науч. конф. Пермь, 1971. 152 с. (Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та. Т. 90). С. 9—12, 22—27, 29—31, 34—36, 37—39, 60—63.

Земцовский И. И. Песни, исполнявшиеся во время календарных обходов дворов русских // Сов. этногр. 1973. № 1. С. 38—47. — С. 41, 43—44: Песни Вят. губернии.

Китиков А. Е. Марийские народные загадки. Йошкар-Ола, 1973. 180 с.

Старостин В. А. Дива былинные: Сказы и рассказы про рус. нар. былин. творения / Предисл. Е. Осетрова; Худож. из Палеха. М. Шемаров. М., 1973. 111 С.: ил. С. 9—20: О впечатлениях детства в д. Ключино Вят. губернии.

Вятские песни, сказки, легенды: Произв. нар. творчества Киров. обл., собранные в 1957—1973 гг. / Сост., авт. предисл., историогр. обзора и прим. И. А. Мохирев, С. Л. Браз. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. 214 С.: ил. — Библиогр.: С. 207—213.

Рец.: Корепова К. Народная поэзия Вятского края // Волга. 1975. № 11. С. 180—181.

Браз С. Л. Опыт изучения песенного фольклора Кировской области // Тр. муз.—пед. ин-та им. Гнесиных. 1974. Вып. 15. С. 30—64.

Зырянов И. В. Поэтика русской частушки: Учеб. пособие. Пермь, 1974. 173 с. — С. 24, 26, 36, 42, 46, 55, 68, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 111, 125, 132, 133, 159 — вят. частушки.

Богомолова З. Песня над Чеппой и Камой. М.: Современник, 1976. Рец.: Зуева А. С. // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1977. № 3. С. 122—123; Слободянинова Л. На карте России // Урал. 1977. № 10. С. 183—185.

Браз С. Л. Некоторые вопросы собирания вятского фольклора музыкантами и фольклористами-филологами // Проблемы преподавания и изучения русского народного поэтического творчества. М., 1976. Вып. 3. С. 108—112.

Музыкальная фольклористика. Вып. 2 / Ред.-сост. А. А. Банин. М., 1978. 343 с. — С. 32, 52, 70, 147, 160—161, 180—212, 285.

Истомин И. А. Трудовые припевки плотогонов. М., 1979. 183 с. — Приведены варианты вят. припевок.

Старостин В. А. Русь богатырская: Былин. сказания / Худож. изд. Палеа М. Шемаров. М., 1979. 302 с.: ил.

Вятские частушки: Из записей А. Зайцева и В. Коврижных // Встречи: Произв. киров. писателей. Киров, 1980. С. 224—229; 1984. С. 196—199.

Богомолова З. А. Песня над Чеппой и Камой. 2-е изд., доп. М., 1981. 352 с.

Браз С. Л. Русские народные песни Вятской земли (к проблеме местного и общенационального): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. искусствоведения. М., 1981. 24 с.

Русская народная поэзия. Лирическая поэзия: Сб. Л., 1984. 584 с.: ил. — №№ 77, 103, 154, 159, 374: Песни Вят. губернии.

Изучение народного творчества на современном этапе: Тез. докл. науч.-практ. конф. Пермь, 1985. 45 с.

Из содерж.: Собрание песенного народного творчества в Кировской области и его пропаганда среди молодежи / Т. Романова; Исторические корни и современное бытование свадебных «указов» в северно-русском свадебном фольклоре / В. Поздеев.

Поздеев В. А. Необрядовые песни в вятской свадебной традиции (по материалам экспедиций 1980—1985) // Итоги фольклорного года в Уржумском регионе: Тез. докл. и сообщ. межвузов. конф. Свердловск, 1985. С. 24—25.

Мифы, легенды и сказки удмуртского народа / Лит. обраб. Н. Крапиной. Устинов: Удмуртия, 1986. 202 с.: ил.

Николаева Т. К. «Обращусь я белою лебедью...»: [О. А. Загоскиной, певице из Нагор. р-на. Тексты песен] // Волга. 1986. № 3. С. 188—190.

Голубкова А. Н., Поздеев П. К. Сокровище народное: Очерк об удмурт. нар. песне. Ижевск, 1987. 110 с. — Включены материалы по удмурт. селениям сев. части Киров. обл.

Яшин Д. А. Удмурт. фольклор. 2-е изд. Устинов: Удмуртия, 1987. 152 с. — Удм. яз.

Власова З. И. Скоромохи и сказка // Рус. лит. 1988. № 2. С. 58—75. — См. материалы по Вят. губернии.

Из истории русской фольклористики. Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1990. 280 с. — С. 70, 117—120, 266: Материалы по Вят. губернии.

Русский фольклор Удмуртии / Сост. А. Г. Татаринцев. Ижевск, 1990. 368 С.

Частушки. М., 1990. 654 С. (Б-ка рус. фольклора). — См. вят. частушки.

Старинные вятские загадки / Из фольклорного архива Л. В. Дьяконова; Сост. Т. К. Николаева. Киров, 1990. 27 С.

Вятские частушки / Сост. А. Н. Зайцев, В. С. Коврижных; Предисл. А. Г. Гребнева. Киров, 1991. 64 С.

Вятский родник: Сб. вят. фольклора / Предисл. В. А. Поздеева; Обл. науч.-метод. центр нар. творчества. Киров, 1991. 41 С.: нот.

Вятский фольклор: Традиции и современность: Тез. науч.-практ. конф. Киров, 1991. 27 С.

Отзыв: Семибратов В. К. Праздник вятского фольклора // Панограма. Киров, 1991. № 6. С. 19—21.

Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество. Детство. М., 1991. 589 С. — См. материалы по Вят. губернии; Вып. 3. Юность и любовь. М., 1994. 525 С. — С. 112, 169, 181, 191, 214, 225, 379: хороводы, игры, загадки, колядки, частушки Вят. края.

«Ох, любовь ты, любовь...»: Вят. частушки / Сост. А. Н. Зайцев, В. С. Коврижных, А. Г. Гребнев. Киров, 1991. 96 С.

Потомкам в котомку. Вятский фольклор: анекдоты, байки и небылицы, пословицы и поговорки, частушки и загадки / Сост. Б. И. Лепихин. Кирово-Чепецк, 1991. 28 С.

Марийский фольклор, мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991. 287 С. — Включены материалы Киров. обл.

Марийский фольклор: Сказки луговых мари / Сост. С. С. Сабитов. Йошкар-Ола, 1992. 368 С. — См. сказки, записанные в Вят. губернии.

Добровольская В. Сказочные традиции в Котельничском районе // Проселки: Лит.-краевед. альм. Котельнич, 1992. № 10. С. 3—46.

Пословица век не сломится: Пословицы, поговорки и др. меткие нар. изречения, записанные журналистом Б. М. Золотаревым в 40—80 гг. в Киров., Свердл., Читин. обл. и Бурят. АССР. Свердловск, 1992. 64 С. (Копилка нар. мудрости).

Сундучок любознательных: Фольклор Вят. земли / Сост. Ф. А. Булатова. Киров, 1992. 26 С.

Жар георгина / Вят. частушки из собрания Т. Смертиной // Самоцветная частушка. М., 1992. С. 159—182.

Вятский свистун: Сб. / Сост. Т. К. Николаева. Киров, 1992—1997. Вып. 1—72.

Озорные страдания. Частушки разные: потешные, грустные — как печатные, так и устные. Киров, 1993. 47 С.

Русская народная песня: Антология / Сост. С. Л. Браз. М., 1993. 125 С.: нот.

Вятские родники: Песенный фольклор Белохолуницкого, Нагорского районов / Сост. В. А. Поздеев; Записала В. М. Лысова; Киров. обл. Дом нар. творчества. Киров, 1993. 41 С.

Вятский фольклор: Традиции и новации в детском фольклоре: Тез. науч.-практ. конференции / Обл. дом нар. творчества. Киров, 1993. 84 С.

Страсти вводят в напасти: Заветные сказки и частушки / Сост. Б. И. Лепихин. Кирово-Чепецк, 1993. 67 С.

Николаева Т. К. Заповедная, фольклорная // Мир путешествий. 1993. № 5. С. 22.

Зеленин Д. К. Избранные труды: Ст. по духов. культуре. 1901—1913. М., 1994. 400 С.

Вятский фольклор: Заговорное искусство / Предисл. А. А. Ивановой; Вят. регион. центр рус. культуры. Котельнич, 1994. 112 С.

Иванова А. Песенные традиции Котельничского района в прошлом и настоящем // Проселки: Лит. краевед. альманах. Котельнич, 1994. № 15. С. 3—62.

Российские фольклористы: Справочник. М., 1994. 206 С. — Библиогр.: С. 195—206.

Стихи и песенки для маленькой Маши и для Саши, который немного постарше: Нар. песни Киров. обл. пересказала для детей Т. Николаева. [Киров], 1994. 28 С. (Загл. обл.: Лисичкин подарок).

Браз С. Л. Вятские кружева: Репертуар. сб. / Всерос. муз. о-во. М., 1995. 44 С.

Вятские родники: Песн. фольклор Юрьян., Нолин., Опарин., Уржум. р-нов / Обл. Дом нар. творчества. Киров, 1995. 32 С.: нот.

Вятские сказки / Изд. подг. В. А. Бердинских; Худож. О. Колчанова. Вятка [Киров], 1995. 72 С.: ил.

Вятский фольклор: Народный календарь / Под ред. А. А. Ивановой; Моск. гос. ун-т; Вят. регион. центр рус. культуры. Котельнич, 1995. 166 С.

Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки рус. мифологии. М., 1995. 432 С. (Традиц. духов. культура славян. Из ист. изучения).

Поздеев В. А. Эпическая традиция Вятского края // Лики красоты: Информ.-метод. пособие. Вып. 1. Киров, 1995. С. 21—23.

Черт повесил колдуна: Современ. дет. фольклор Вят. края / Ред. Т. К. Николаева. Киров, 1995. 15 С. (Прил. к газ. «Вят. речь»).

Легенды об археологических памятниках в местах находок // Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области. Кирово-Чепецк, 1995. С. 18—19.

Вятский фольклор: Мифология / Изд. подг. А. А. Иванова; Худож. Ю. Удальцов. Котельнич, 1996. 119 С.

Гомаянов С. А. Проблемы методологии местной истории / Вят. гос. пед. ун-т. Киров, 1996. 134 С. — С. 96—117: Вятское предание.

Долгушев В. Г. Вятские рассказы о колдунах // Живая старина. 1996. № 1. С. 52.

Иванова А. А. Фольклор Котельничского района в прошлом и настоящем: Ист. очерк; Сатыренко А. С. Гадания в Котельничском районе // Проселки: Лит.-краевед. альм. Котельнич, 1996. № 5. С. 9—26.

Иванова А. А. Черт: Устное нар. творчество // Рус. словесность. 1996. № 6. С. 4—7. — См. материал из Киров. обл.

Смолицкий В. Г. Фольклористика в региональных центрах (Киров. обл.) // Живая старина. 1996. № 3. С. 60.

Бакина О. В. Вятская свадьба: (Беседа с В. А. Поздеевым, М. А. Валовой, Н. В. Черных) // Бакина О. В. Родина моих детей. Киров, 1997. С. 27—34.

Вятский родник. Сб. материалов 3-й науч.-практ. конф. «Межэтнические связи фольклора и народная культура Вятского края» / В. А. Поздеев (отв. ред.) и др. Киров, 1997. 76 С.

Детский поэтический фольклор: Антология / РАН; Ин-т рус. лит. СПб., 1997. 577 С. — См. материал по Вят. губернии.

Долгушев В. Г. Вятские пословицы и поговорки // Живая старина. 1997. № 1. С. 41.

Игрища в Вятской губернии: Хороводные и игровые песни // Молод. эстрада. 1997. № 2. С. 63—69. — По материалам кн. Шейна (СПб., 1898).

Киселева Ю. М. Ключи от ретива сердца: Рукоп. сб. заговоров [Е.А.С. из с. Верхнелалы Луз. р-на Киров. обл.] // Живая старина. 1997. № 1. С. 40—41.

Скоморошина: Материалы 4-й регион. науч.-практ. конф. «Вятский фольклор. Традиции и современное бытование народного юмора и сатиры» / В. А. Поздеев (отв. ред.) и др. Киров, 1997. 87 С.

* * *

Чудова Г. Ф. Указатель библиографических работ о Кировской области за 100 лет. 1863—1963. Киров, 1967. 47 С.

Литература о Кировской области: Текущий библиогр. указ. / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1969 — 1997.

Вятская земля в прошлом и настоящем: [Материалы 3-х науч. конф. Вят. гос. пед. ун-та]. Киров, 1989—1995.

Чудова Г. Ф., Колупаева В. Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». 1905—1917 / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1993. 114 С.

История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вят. учен. арх. комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. / Киров. гос. пед. ин-т; Обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1994. 570 С.

Книги в наличии и печати. BOOKS in print: Каталог краевед. лит. и местной печати. Киров, 1996—1997.

Составитель С. П. Кокурина

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя. В. А. Поздеев	5
I. НАШИ ДРЕВНИЕ КОРНИ. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ	
Историко-археологический обзор Камско-Вятского междуречья в древности. Л. А. Сенникова	9
Этническая история населения на территории бассейна реки Вятки. Н. А. Хан	57
Проблемы этнокультурной истории вятских народов в эпоху средневековья. В. В. Низов	70
II. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВЯТСКОГО КРАЯ. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО	
Вятская деревня. В. К. Семибратов	102
Типы поселений и жилище на Вятке. И. Г. Семенова	110
Надежда Неофитовна Тихоницкая. В. А. Поздеев	138
Основные занятия населения Вятской губернии. Э. Г. Касимова	140
Пища. Утварь. И. Ю. Трушкова	182
Деревенские природные лакомства. Я. Ф. Мултановский	194
Одежда. И. Ю. Трушкова	198
Николай Григорьевич Первухин Т. К. Николаева	216
Плавсредства Вятского края. Е. В. Березин	219
Социальный портрет вятского крестьянина (по сведениям о приходах Вятской епархии) последней четверти XIX века. Р. С. Шиляева	231
III. ЯЗЫК МЯГКО: ЧТО ХОЧЕТ, ТО И ЛОПОЧЕТ. ПРОБЛЕМЫ ВЯТСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ	
Из истории исследования вятских говоров. Л. Н. Макарова, В. Г. Долгушев	235
Фонетические, морфологические и синтаксические особенности русских говоров Кировской области. Л. Н. Макарова	244
Василий Константинович Магницкий (Велелепов). В. Г. Долгушев	255
Лексика вятских говоров. В. Г. Долгушев	257
Вятская ономастика. Э. Д. Головина	266
Лидия Ивановна Горева. В. Г. Долгушев	283
Язык города Кирова. О. Н. Федянина	285
IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	
Обряды и обрядовая поэзия Вятского края. А. А. Иванова, В. А. Поздеев	291

Фольклорный ансамбль «Горенка». Т. А. Романова.....	310
Анна Лаврентьевна Полушкина. И. М. Софийский.....	312
Свадебный обряд и его поэзия. В. А. Поздеев	313
Свадебные приговоры Вятской губернии. Д. К. Зеленин	329
Родильные обряды. В. А. Поздеев	335
Свистопляска. В. А. Коршунков	341
Дмитрий Константинович Зеленин. В. А. Поздеев	363
Троещеплятица. Д. К. Зеленин	365
Похоронный обряд. В. А. Поздеев	377
Фольклорный ансамбль «Быстриночка» Быстрицкого	
Дома культуры Оричевского района. В. А. Поздеев	384
Народная медицина Вятской губернии.	
Н. Д. Куковякина, С. А. Куковякин	384
Заговоры. Ю. М. Киселева, Л. В. Фадеева, О. Б. Балашова	398
Фольклорный ансамбль «Светелка» Лузского районного	
Дома культуры. В. А. Поздеев	418
Эпическая традиция на Вятке. В. А. Поздеев	419
Николай Евгеньевич Ончуков. В. А. Поздеев.....	428
Сказки родного края. В. А. Поздеев	430
Несказочная проза. А. А. Иванова	464
Мужской ансамбль «Хлыновские бояре». В. А. Поздеев.....	475
Духовные стихи. М. А. Валовая, В. А. Поздеев	476
Александр Васнецов и его книга. Л. В. Дьяконов	497
Вятские народные песни. С. Л. Браз	500
Фольклорный ансамбль «Деревенька». В. А. Поздеев.....	523
Фольклорный ансамбль «Вересиночка». В. А. Поздеев	524
Серафима Черанева и ее подруги. С. Л. Браз.....	525
Иван Александрович Мохирев. В. А. Поздеев	531
Народно-драматическая культура Вятского края	
конца XIX — начала XX века. В. А. Поздеев	533
Эх, частушечка-говорунечка! В. А. Поздеев	535
Пословица не зря молвится. Л. Н. Лузянина	543
Поэзия пестования Вятского края. А. А. Иванова	551
Из очерка о занятиях крестьянок Сарапульского уезда	560
Илья Михайлович Софийский. Т. К. Николаева	561
Без лица в личине. Т. К. Николаева	565
Городская фольклорная школа. Г. А. Насонова	574
Леонид Владимирович Дьяконов. Т. К. Николаева	575
Современный детский игровой фольклор Вятского края.	
В. А. Коршунков	580
Современные детские анекдоты, страшилки и сатирические	
стишки Вятского края. В. А. Коршунков	588
Фольклорный ансамбль областного Дома народного творчества	
«Слобода». В. Ю. Холманских.....	597
Свидетели и летописцы истории народной культуры.	
В. А. Поздеев.....	599
Хроника событий. С. П. Кокурина	612
Диалектологи, этнографы, фольклористы Вятского края.	
В. А. Поздеев.....	616
Библиография. С. П. Кокурина	618

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ!

С чувством искренней признательности называем имена руководителей организаций, учреждений, внесших свой вклад в поддержку издания восьмого тома Энциклопедии земли Вятской «Этнография. Фольклор».

Государственная страховая фирма «Росгосстрах-Вятка». Генеральный директор Александр Артемьевич ДЕРБЕНЕВ.

Акционерное общество «Кировский молочный комбинат». Директор Василий Куприянович СУРАЕВ.

Федерация профсоюзных организаций Кировской области. Председатель Олег Иванович ВЫДРИН.

Кировское региональное отделение фонда социального страхования Российской Федерации. Управляющий Александр Николаевич СТРЕЛЬНИКОВ, начальник отдела Капитон Филиппович ИВОНИН.

Кировский банк Сберегательного банка России. Председатель правления Петр Иванович ЮФЕРЕВ.

Администрация города Кирова. Мэр Василий Алексеевич КИСЕЛЕВ.

Фото в книге:

*И. Ю. Трушковой, И. Г. Семеновой,
из архивов Кировского областного краеведческого музея, ВГПУ, личных
архивов авторов статей.*

Фото на форзаце *С. Лобовикова*

«Домовница» предоставлено Кировским художественным музеем.

Сдано в набор 08.12.97. Подписано к печати 01.10.98.
Формат 84 × 108/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 12 000. Заказ 3360.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка».
610044, г. Киров, ул. Московская, 122.

XX

a».

